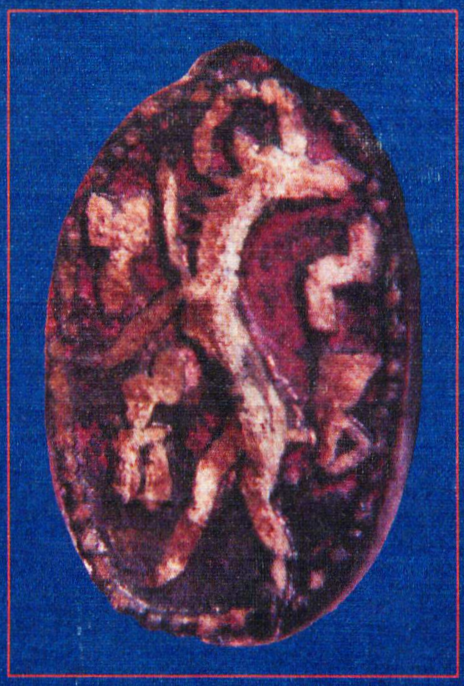
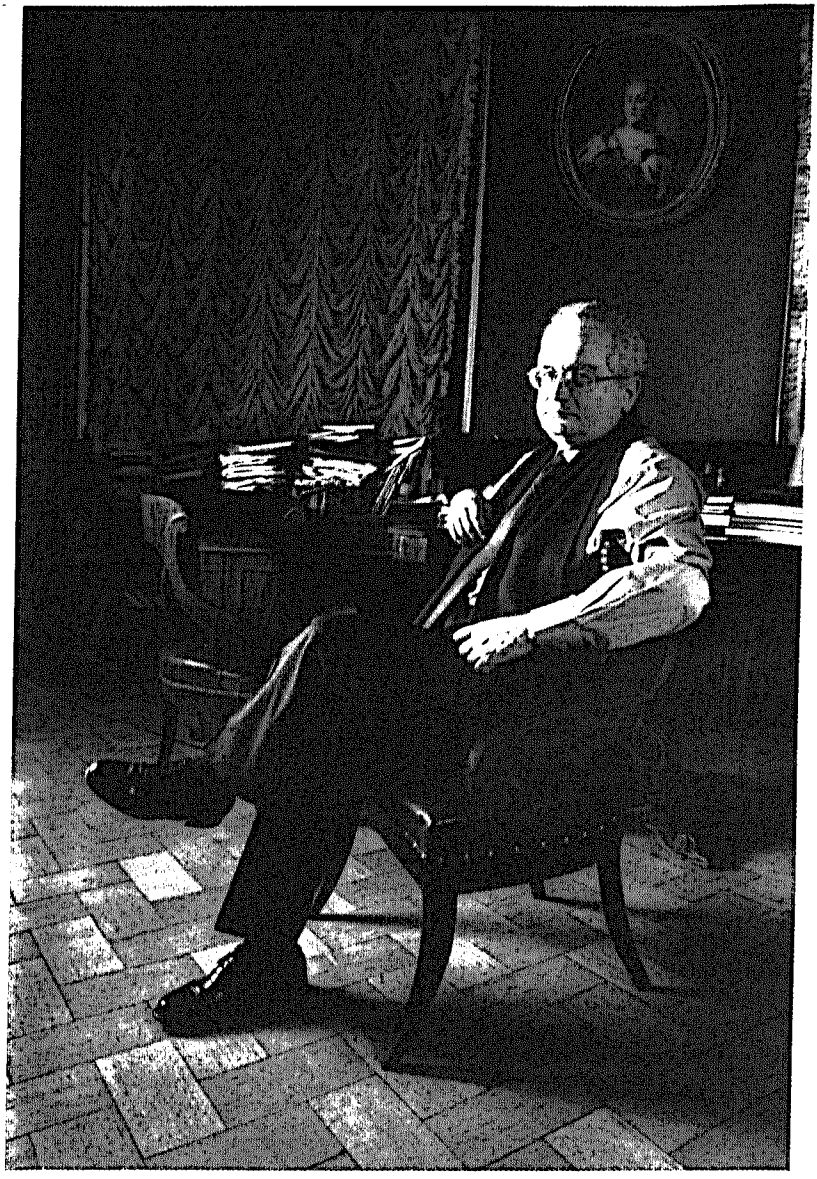
Scripta Yemenica



ледования по Южной Аравии



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Scripta Yemenica

Исследования по Южной Аравии

Сборник научных статей
в честь 60-летия
М.Б.ПИОТРОВСКОГО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2004

УДК 94(3)(082)
ББК 63.3(5)я43
С45

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 04-01-16031

Издательство благодарит за содействие в издании книги Институт практического востоковедения (г. Москва)

und Landesbi.

Составитель и ответственный редактор
А.В. Седов

Редактор издательства
В.В. Волгина

С45 **Scripta** Yemenica : Исследования по Южной Аравии : Сборник научных статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского / Сост. А.В. Седов ; Ин-т востоковедения. — М. : Вост. лит., 2004. — 343 с. : ил. — ISBN 5-02-018441-1 (в пер.).

Сборник научных статей посвящен эпиграфическим, археологическим, этнологическим, историческим исследованиям по Южной Аравии. Авторами статей являются ведущие отечественные и зарубежные сабеисты, археологи, историки, лингвисты и этнологи, специалисты по истории культуры Южной Аравии. Статьи сборника содержат публикации уникальных, ранее неизвестных южноаравийских надписей и иных письменных документов, монетных находок, обобщения и анализ новейшего археологического, этнологического, лингвистического и фольклорного материала. Некоторые статьи зарубежных авторов публикуются в переводе на русский язык, остальные — на языке оригинала.

ББК 63.3(5)я43

© Седов А.В., составление, 2004
© Институт востоковедения РАН, 2004
© Оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004

ISBN 5-02-018441-1

Предисловие

Мы весьма рады приятной и почетной возможности открыть небольшим предисловием сборник научных статей, подготовленный в честь юбилея одного из ведущих отечественных востоковедов, арабиста, директора Государственного Эрмитажа, члена-корреспондента Российской академии наук, действительного члена Российской академии художеств, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, члена-корреспондента Германского археологического института Михаила Борисовича Пиотровского.

М.Б. Пиотровский родился 9 декабря 1944 г. в семье выдающихся археологов, востоковедов и историков культуры Б.Б. Пиотровского и Р.М. Джанполадян. Семейные традиции определили высокий уровень образования, полученного молодым человеком, его научные устремления и интересы. В 1962 г. он поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, который окончил в 1968 г. высококлассным специалистом по раннему исламу, истории и культуре древнего и раннесредневекового Йемена. Существенную помощь в этом ему оказала годичная стажировка в Каирском университете, позволившая до совершенства довести уровень знания арабского языка, впервые познакомиться с древними йеменскими рукописями.

По окончании университета М.Б. Пиотровский был принят на работу в Арабский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где он прошел путь от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника. В Институте, под руководством А.Г. Лундина, П.А. Грязневича, Я.Б. Грундфеста, молодой ученый начал интенсивно заниматься сабеистикой — наукой о доисламских древностях Южной Аравии. Для своей кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1973 г., он выбрал тему «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», одном из самых известных химйаритских правителей Йемена VI в. н.э. Монография на основе диссертации была издана в 1976 г., а в 1984 г. переведена на арабский язык, опубликована в Сане и принесла автору без преувеличения широчайшую известность среди йеменских интеллектуалов. Глубокое знание йеменской истории, блестящий арабский язык позволили М.Б. Пиотровскому успешно преподавать в НДРЙ, в Высшей школе общественных наук в Адене и ее отделении в ал-Мукалле. Непосредственное знакомство с современной жизнью йеменцев, изучение *de visu* памятников их богатейшей цивилизации заложили фундаментальные основы знаний сформировавшегося востоковеда сабеиста и арабиста, навсегда определили направления его науч-

ных интересов. В 1984 г. им была блестяще защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Южная Аравия в раннем средневековье. Процесс сложения средневекового общества», вышедшая в 1985 г. отдельной монографией в России, а в 1987 г. — на арабском языке в Бейруте.

С первого дня организации в 1982 г. Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР М.Б. Пиотровский становится ее непременным участником. С весны 1983 г., первого полевого сезона работ экспедиции, на протяжении нескольких лет он проводит эпиграфические и историко-культурные исследования в Хадрамауте и Махре, районах работ экспедиции, первоначально в составе ее историко-культурного отряда, а в 1989–1991 гг. — в качестве руководителя экспедиции, сменив на этом посту П.А. Грязневича. Особенно плодотворным был сезон 1987 г., когда М.Б. Пиотровскому и П.А. Грязневичу, первым из европейских исследователей, удалось самим, пешком в составе небольшого каравана обследовать древний торговый путь между внутренними районами Хадрамаута и его главным морским портом в первые века н.э. Кана' (городище у современного селения Бир Али на южном побережье Йемена).

В 1991 г. открывается новая глава в научной деятельности М.Б. Пиотровского — его приглашают на работу в Государственный Эрмитаж сначала заместителем директора, а в 1992 г. назначают директором. С тех пор уже на протяжении более десяти лет вся его научная, административная и общественная деятельность связана с этим крупнейшим российским музеем и научным центром. Фактически сменив на посту директора своего отца, академика Б.Б. Пиотровского, Михаил Борисович оказался вовлечен в гораздо более широкий круг деятельности, чем сугубо академические штудии. Отрадно, однако, что и востоковедные исследования не были им оставлены, о чем свидетельствует как активное участие в работе по организации полевых исследований теперь уже Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен и публикации ее трудов, так и недавнее появление прекрасно изданной книги «О мусульманском искусстве» (СПб., «Славия», 2001, 148 с.). Да и избрание М.Б. Пиотровского в 1997 г. членом-корреспондентом Российской академии наук свидетельствует о его признании как одного из ведущих и активно работающих российских востоковедов. М.Б. Пиотровский — член-корреспондент Германского археологического института (Берлин, 2001 г.), действительный член Российской академии художеств, заместитель председателя постоянно действующего при Президенте РФ Совета по культуре, член редакционных коллегий и редакционных советов многих отечественных и зарубежных академических изданий и журналов, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, постоянный участник многочисленных российских и международных конференций и симпозиумов.

Настоящим сборником, посвященным археологическим, эпиграфическим, этнографическим, историческим исследованиям по Южной Аравии, мы, его друзья и коллеги из России, Йемена, Франции, Германии, Италии, Австрии, Швейцарии, Канады, хотели бы поздравить Михаила Борисовича Пиотровского с юбилеем, пожелать ему еще многих лет плодотворной научной деятельности.

Академик Г.М. Бонгард-Левин,
доктор исторических наук А.В. Седов

И.М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
(*Санкт-Петербург*)

Михаил, сын Бориса

Михаилу Борисовичу Пиотровскому, уже дюжину лет директору Государственного Эрмитажа, профессору Санкт-Петербургского университета, члену-корреспонденту РАН и действительному члену Российской академии художеств, члену, председателю и президенту многих высоких советов, ответственных комитетов, комиссий и редколлегий, клубов и научных учреждений, институтов и обществ, кавалеру десятка российских и иностранных орденов и обладателю бесчисленных медалей, 9 декабря 2004 г. исполняется 60 лет.

Очень многое в его жизни, хотя и предопределенное семейными традициями и происхождением, достигалось, как это ни покажется парадоксальным, вопреки им. Будучи дружен с ним с первых лет студенчества (а родители наши были знакомы много раньше), я прекрасно знаю и понимаю, сколь многое в этой внешне благополучной карьере и блестяще-успешной деятельности зависит от него самого, не только от преимуществ воспитания и образования, но и от самоотверженного и целеустремленного характера, точнее от способности управления им, самоорганизованности и самообладания и, не побоюсь этих слов, которые могут показаться преувеличением, — таланта подвижничества и самоотречения. Для многих коллег, а тем более широкой публики эти несомненные дарования Михаила Борисовича остаются незаметными и совершенно неизвестными, что естественно, а может быть и к лучшему.

Михаилу Борисовичу повезло родиться между Кармир-Блуром, местом сенсационных раскопок в Армении, и Эрмитажем. Об отце его, Борисе Борисовиче Пиотровском (1908–1990), выдающемся египтологе, археологе и музейном работнике, ученике академика Н.Я. Марра, памятна хрестоматийная легенда о том, как им были открыты стены урартского Тейшебаини по следам от луж после недавнего дождя. План древнего города был набросан еще до раскопок.

Удача сопутствовала Борису Борисовичу. Женитьба на армянской девушке с поэтическим именем Рипсимэ из уважаемой в Армении семьи еще более укрепила связь между Петербургом и Ереваном, где и родился старший из двух сыновей — Михаил. Позднее он сетовал на то, что не находит общих тем о том, как провел лето, со сверстниками. Они говорят о Зеленогорске и Луге, а ему надо долго объяснять, где же это он был летом. Это происходило в те времена, когда никто еще вообще не отдыхал на Канарах и в Анталии и даже не слыхал о них. Впрочем, уже в самых младших классах это был уже не собственно отдых, а посильное участие в раскопках — Кармир-Блур или же могильники Лчашена на берегу Севана. Этой привычке (работа в экспедициях — археологических, этнографических, лингвистических — в летнее время) Михаил Борисович следовал и в студенческие годы, и позже.

© И.М. Стеблин-Каменский, 2004

Учился М.Б. в школе на Невском проспекте, в том самом доме, на котором есть надпись (якобы сохранившаяся со времен блокады Ленинграда) о том, что при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна (про блокаду, кстати, в семье вспоминали часто, ведь отец в эти годы работал в Эрмитаже, был заместителем командира противопожарной команды). Об этой надписи М.Б. вспоминал, что хотя и пишут, что она сохранена со времен блокады, но это не так. В те годы надписи этой на доме не было, как и закрыт был музей блокады, и вообще по разным причинам правду о блокаде в советские годы умалчивали. В любом случае для будущего историка и источниковеда это послужило хорошим уроком о степени достоверности документальности даже таких монументальных памятников.

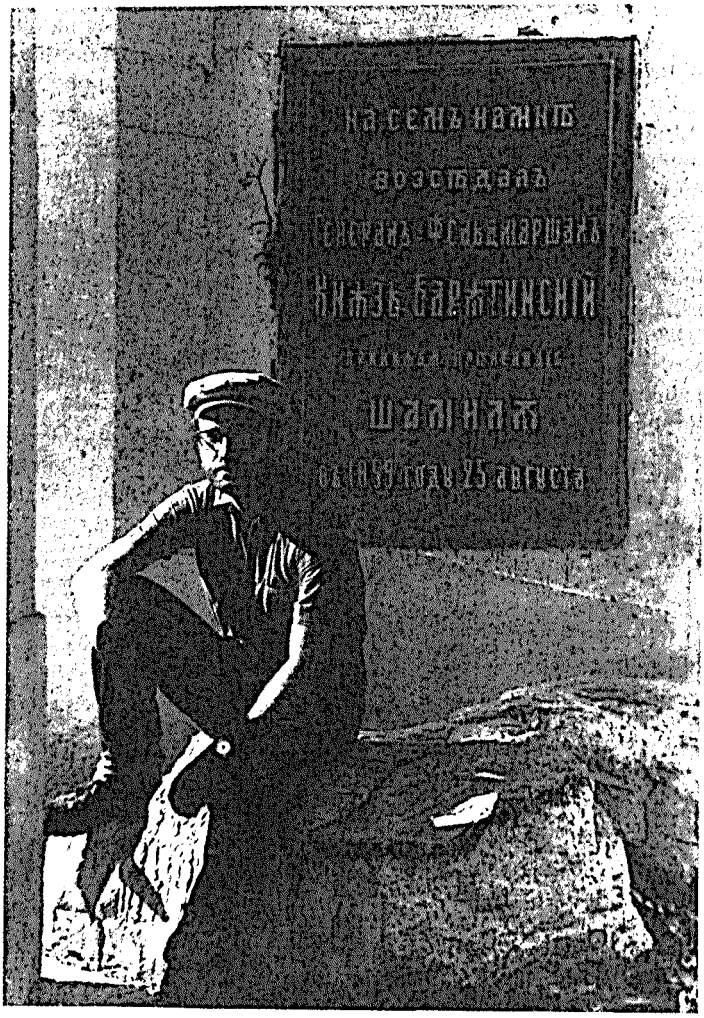
Как и все мы, мальчишки послевоенных годов, М.Б. вылавливал патроны в Зимней канавке, прыгал по крышам дровяных сараев, лазил по стенам и статуям разных архитектурных сооружений (особой популярностью пользовались Ростральные колонны и запретная тогда Петропавловская крепость).

После школы Восточный факультет был выбран сразу, хотя некоторые колебания между индологией, иранистикой и арабистикой наличествовали. Арабский язык привлек своей особой трудностью, и выбор этот оказался счастливым.

Вся университетская арабистика — это поминание великого Игнатия Юлиановича Крачковского. Преподавали тогда его ближайшие ученики: строгий и исключительно серьезный Виктор Иванович Беляев, литературовед с поэтическим дарованием Анна Аркадьевна Долинина, коллекционер научных книг Лев Зосимович Писаревский, искрометный и увлекательнейший семитолог Исаак Натанович Винников, душевная и доброжелательная, автор популярнейших и сейчас учебников арабского языка Ольга Борисовна Фролова, и поныне работающая на Восточном факультете.

На лекциях Алексея Михайловича Голдобина решил Михаил Борисович, что будет заниматься Йеменом — страной царицы Савской. Были продолжены ежегодные поездки в экспедиции: Северо-Кавказская под руководством Е.И. Крупнова, а потом несколько лет Пенджикентская под начальством незабвенного Александра Марковича Беленицкого. Здесь М.Б. встретил новых замечательных наставников, которые учили не столько знанию, сколько умению им распоряжаться, — В.Г. Луконина, Б.И. Маршака, О.Г. Большакова, В.А. Лившица. Среднеазиатская археология и путешествия по Средней Азии, раскопки крепостей Верхнего Зеравшана и карабканье на знаменитую гору Муг, поездки с этнографами по кишлакам стали прекрасной школой для подготовки к работе на Ближнем Востоке. В те годы началась наша, не скажу, дружба, потому что и я, и М.Б. выше этого тривиального определения отношений между однополыми представителями нашего рода человекообразных, а духовное общение, которое осуществляется в настоящее время преимущественно (с моей, во всяком случае, стороны) лишь в сновидениях.

В студенческие же годы (1965–1966), после некоторых затруднений и проволочек, М.Б. уезжает на стажировку в Каирский университет, где приобретает тот неиссякаемый капитал знаний и ощущений, который тратится всю последующую жизнь. Там, в Каире, ему посчастливилось заниматься с патриархом египетских семитологов, знатоком древнего Йемена, его надписей и средневековых рукописей Халилем Нами. В Институте рукописей Лиги арабских стран он читает микрофильмы рукописей из Йемена, посвященные древней истории. В Американском университете встречается с легендарным знатоком арабской архитектуры Кресвеллом, с английским исла-



Дагестан, аул Гуниб, 1972 г.

моведом Роджерсом. В Египетской Национальной библиотеке читает рукописи по совету другого знатока Йемена — Фуада Саййида. В Каире М.Б. часами бродил по книжным лавкам и мечетям; он, чтобы проникнуться духом страны и ислама, постился в Рамадан и был на молитве в мечети вместе с президентом Насером, залезал на пирамиды, ходил и на археологические конференции, и на митинги «братьев-мусульман», и даже посмотрел сеанс «изгнания беса» — короче говоря, становился настоящим востоковедом, хорошо знающим, что такое Арабский Восток.

После окончания Восточного факультета М.Б. был принят старшим лаборантом в ЛО ИВ АН, где приобщился к великой традиции трепетного изучения арабских рукописей и приобрел учителей в лице «внуков» школы И.Ю. Крачковского — А.Г. Лундина, А.Б. Халидова, а главное — Петра Афанасьевича Грязневича, учителя,

руководителя, коллеги и старшего друга на долгие годы. Тогда же он участвовал в издании рукописи знаменитой анонимной «Истории халифов» — тайной истории аббасидского переворота. Позднее принял участие в составлении Каталога арабских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения (т.е. Азиатского музея) Академии наук — плода трудов многих поколений российских арабистов. В Институте начал учить сирийский язык у Нины Викторовны Пигулевской, легендарной хранительницы традиций православного востоковедения, читал древнейеменские надписи с ее учениками А.Г. Лундиным и Я.Б. Грундфестом.

Увлекшись проблемой соотношения правды и вымысла в средневековых писаниях о древности, М.Б. исследует политические амбиции йеменцев в Халифате и пишет кандидатскую диссертацию о древнем химйаритском царе, возвеличенном легендами и Кораном, прославленном древними надписями, — Асаде Совершенном. Диссертация была впоследствии издана отдельной книгой, несколько раз переведена на арабский и вызвала оживленную дискуссию среди европейских суперкритиков легендарного материала и у арабских ученых — отрицанием историчности многих представлений о национальном герое. Книгу активно обсуждали, а потом ограничили ее распространение в Йемене, что хорошо помнят в этой стране и по сей день.

В эти годы М.Б. в качестве переводчика многократно ездит с разными делегациями в арабские страны — Сирию, Ирак, Египет, Судан, а затем на два года уезжает в Йемен, где преподает историю в Высшей школе общественных наук. Там он работает в музеях, посещает раскопки и местные достопримечательности, в частности таинственную могилу пророка Худа, который, уходя от преследователей, скрылся в скале в долине Хадрамаута.

Рядом с этими древними памятниками в Йемене в то время бурлила революция, ориентировавшаяся одновременно и на Советский Союз, и на Китай. Однако, как часто бывает, подлинный революционный романтизм оборачивался бюрократизмом, переставшим в гражданскую войну. Новые руководители, в чем-то унаследовавшие традиционные ценности, все-таки придавали значение знаниям древности и истории. После долгих усилий удалось создать Советско-Йеменскую комплексную экспедицию АН СССР (ныне — Российская комплексная экспедиция ИВ РАН в Республике Йемен), вот уже в течение более 20 лет проводящую то с бóльшим, то с меньшим размахом раскопки археологических памятников, этнографические, эпиграфические, лингвистические и даже антропологические исследования в долинах и на нагорьях Южной Аравии. Экспедиция эта стала одним из больших достижений отечественной науки и великой школой для нескольких поколений наших арабистов.

События в Афганистане и в Иране в конце 70-х годов (исламская революция, вторжение и поражение в Афганистане) привели к официальному разрешению подлинно научных, а не пропагандистских и «научно-атеистических» исследований по исламу. Исследования эти в Петербурге всегда шли, но не слишком афишировались. Коран читался со студентами так же, как и все прочие священные книги религий Востока, готовились комментированные переводы, хотя это часто и не встречало понимания и тем более поощрения в партийных инстанциях советского времени. Всплеск научной активности в этом направлении был таким образом подготовлен, и в Институте востоковедения образовалась группа и зрелых, и совсем молодых ученых, усилиями которых российское исламоведение вновь приобрело мировое

Памир, верховья р. Бартанг, 1969 г.
(второй слева — И.М.Стеблин-Каменский)

значение. С.В. Прозоров, знаток шиитских сект, возглавил целую серию коллективных работ, яркие труды в которой были опубликованы как маститыми к тому времени П.А. Грязневичем, О.Г. Большаковым, А.Б. Халидовым, так и начинавшими тогда, а ныне видными специалистами по исламу Е.А. Резваном (СПб.) и А. Кнышем (США). Вышли в свет академические справочники по исламу, которые, как это ни парадоксально, послужили пособиями для возрождения уже не исламоведения, а ислама в России и Средней Азии. М.Б. активно участвовал в составлении, написании и редактировании всех этих работ.

Михаилом Борисовичем была написана в годы работы в Институте серия статей о пророке Мухаммаде и проанализирован механизм его религиозно-политической власти в свете соотношения политики и религии в теории и практике ислама. Тогда же были написаны статьи по мусульманской мифологии в известный двухтомник «Мифы народов мира», впоследствии многократно переиздававшийся и переводившийся на другие языки. Статьи эти стали основой книги «Коранические сказания», в которой М.Б. попытался восстановить картину истории, реальной и священной, существовавшей в умах тех, кому проповедовал Мухаммад.

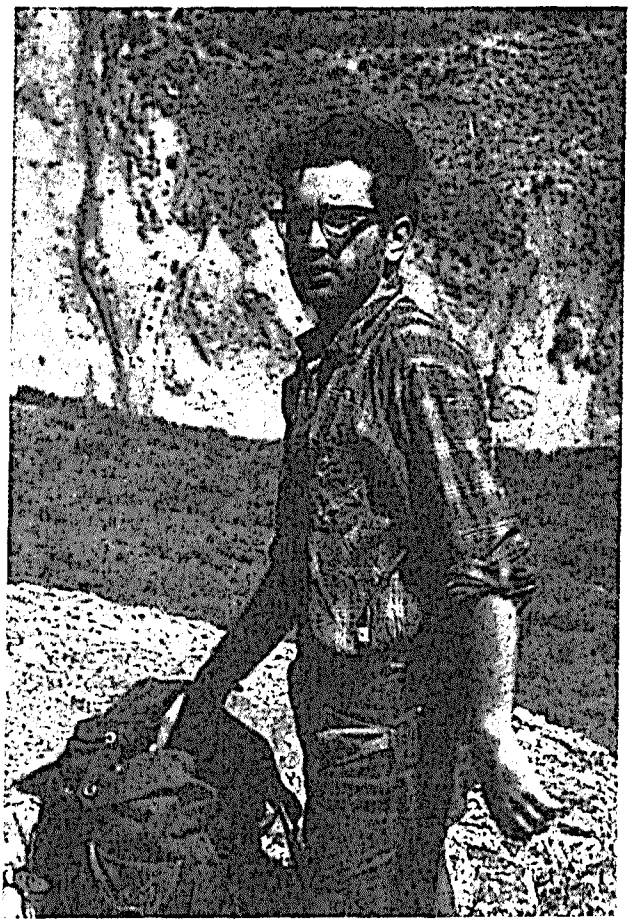
Исламские исследования поддержали очень важную дружбу и всестороннее сотрудничество с московскими сверстниками и коллегами А.Б. Куделиным, В.В. Наумкиным, Д.В. Фроловым. Благодаря совместной работе Михаила Борисовича с московскими арабистами преодолевались различия между петербургской (академической) и московской (практической) тенденциями в арабистике.

Общению с живым исламом способствовали поездки в экспедиции и внутри страны: археологические раскопки на Алтын-тепе в Туркменистане по соседству с могилой знаменитого мистика Абу-Саида Мейхенейского, житие которого («Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу-Саида») постоянно читается на Восточном факультете. Вдвоем совершили мы в 60–70-е годы прошлого века длительные и полные разнообразных приключений и впечатлений путешествия по северным монастырям, по Аральскому и Каспийскому морям, в верховья Зеравшана и Ягноба, в долины и ущелья Памира, в Мерв и на Северный Кавказ. Никогда не возникало между нами никаких споров, ссор и разногласий, что нередко случается во время таких поездок. Путешествия эти документированы совместно ведшимися дневниками и иллюстрированы рисунками и фотографиями. В этом М.Б. несомненно следовал примеру своего отца, замечательные дневники которого частично уже опубликованы.

В годы работы в Арабском кабинете Михаилу Борисовичу удалось позаниматься в библиотеках Кувейта и окунуться в море арабской науки об Аравийском полуострове, а потом к нескольким месяцам работы в Ираке, позволившим познакомиться с удивительными рукописными текстами, добавился сказочный месяц изучения йеменских арабских рукописей в одном из лучших их хранилищ в мире — «Амброзиане» в Милане.

На основе этих исследований и первых полевых материалов, собранных в Йемене, была написана и успешно защищена докторская диссертация (1984) и издана книга «Южная Аравия в раннее средневековье» (1985), в которых Михаил Борисович проследил зарождение исламского общества как результат развития древних этапов аравийской жизни, ускоренного новыми преобразованиями. Книга эта стала одной из первых публикаций материалов и выводов Советско-Йеменской комплексной экспедиции, которой руководил сперва П.А. Грязневич (Б.Б. Пиотровский являлся научным руководителем экспедиции), а с 1989 г. — М.Б., много лет бывший во главе отряда историко-культурных исследований. Затем, в связи с переходом на работу в Эрмитаж, руководство экспедицией было передано давнему коллеге с пенджикентской выучкой — А.В. Седову.

В Йеменской экспедиции Михаил Борисович раскапывал сказочный храмовый город Райбун, участвовал в раскопках романтического порта Кана', где песок пахнет ладаном, в разведках и изучении многочисленных городов и храмов, лежавших на основных и боковых дорогах знаменитого Пути благовоний, пути экспорта ладана и мирры. Расшифровка наскальных надписей бытового характера на этих торговых путях позволила определить места стоянок торговых караванов и караванов паломников, места ритуальных трапез и охоты, урочища, где путники особо настойчиво просили помощи божеств. М.Б. искал следы движения племен кочевников и основные караванные пути. Вместе с П.А. Грязневичем он прошел и исследовал один из таких путей, по которым караваны попадали из внутренних районов Хадрамаута в порт Кана', — от Райбуна до Бир 'Али.



Таджикистан, Ягноб, 1969 г.

В другом районе Южного Йемена Михаилу Борисовичу довелось работать с Хизри Амирхановым, специалистом по каменному веку, сделавшим Южную Аравию хрестоматийным материалом для понимания ранней истории человечества. М.Б. посчастливилось исследовать в пещерах пустынь и предгорий древние надписи краской, которые рассказывали о паводках и наводнениях, охотах и сражениях, о смертях и погребениях.

В 1991 г., после кончины отца, который всю жизнь проработал в Эрмитаже и был его директором более четверти века, новый директор В.А.Суслов пригласил Михаила Борисовича стать его первым заместителем. М.Б. ушел из Института востоковедения, с которым его тоже связывали почти четверть века, и поступил в хорошо знакомый с детства Эрмитаж, а в июле 1992 г. постановлением Правительства Российской Федерации был назначен его директором.

Пребывание в Эрмитаже и в собственно Зимнем дворце оказывает мистически-благотворное воздействие даже на обычных посетителей. Романтическая аура монар-

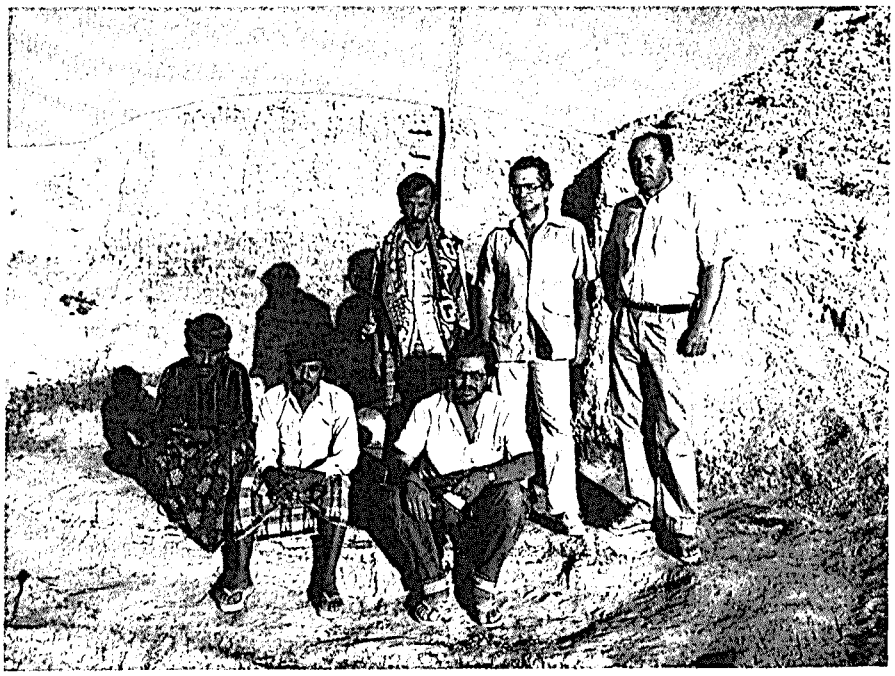
хического духа и высочайшего искусства в великолепных интерьерах (и с грандиозными видами на прекрасную во все времена года и во всякую погоду Неву и дивный город) тем более воздействует на сотрудников величайшего музея мира. На всех «эрмитажниках» есть особый отпечаток красоты и духовности. Если можно говорить об особом облике и характере ленинградцев-петербуржцев, то настоящий «эрмитажник» — подлинный петербуржец в двойной и более степени. Что же тогда можно сказать о потомственном «эрмитажнике», да еще Президенте Всемирного клуба петербуржцев?

Михаил Борисович сидит в кабинете своего отца, он хорошо помнит не только научные и музейные заслуги, но и бытовые манеры нескольких поколений сотрудников Эрмитажа. Именно поэтому он особенно обостренно чувствует свою ответственность за сохранение лучших традиций великого музея. Но живем мы теперь совсем в другое время, и хотя дверь в Кабинет директора по-прежнему всегда открыта, время Директора расписано по минутам, и связано это и с многократно возросшей интенсивностью всевозможных контактов, и с развитием музея, и со многим другим, в том числе и с востребованностью приобретшего культурно-государственное значение Эрмитажа и Михаила Борисовича как общественного деятеля и его личности в целом.

В начале 90-х годов М.Б. для восполнения резкого сокращения государственных субсидий организовал системный поиск внебюджетных средств и стал организатором проекта «Эрмитаж–ЮНЕСКО», который обеспечил привлечение серии грантов различных государств на реставрационные работы. Он инициировал создание Общества друзей Эрмитажа в США, Канаде, Нидерландах, Франции, Японии, Великобритании. В настоящее время музей сам обеспечивает больше половины своего годового бюджета. Для активизации общения музея с посетителями создаются службы развития, гостеприимства, связей с общественностью. Разработанная М.Б. Пиотровским концепция «Большого Эрмитажа» предполагает динамичное развитие музея как сложного и синтетического организма, совмещающего в себе научные и реставрационные центры, научные хранилища, постоянные и временные экспозиции, выставочные организации, учреждения воспитания и досуга. Эрмитаж добавил к своим основным зданиям восточное крыло и арку Главного штаба, Музей фарфора на Фарфоровом заводе, выставочные залы Константиновского дворца, огромный реставрационно-хранительский центр. Торжественно открыты выставочные залы Эрмитажа в Амстердаме, Лас-Вегасе и Лондоне. У Эрмитажа прекрасный и постоянно обновляемый веб-сайт с цифровой библиотекой, виртуальными прогулками, интернет-магазином и виртуальной академией.

В безденежные годы перестройки Эрмитаж сохранил свои археологические экспедиции и даже прибавил к ним несколько новых. Оперативно выходят в свет годовые отчеты экспедиций и научные каталоги. При активном участии Эрмитажа возрождено одно из лучших периодических изданий российского востоковедения — «Христианский Восток».

Обязанности Директора породили совершенно новый жанр творчества Михаила Борисовича — написание предисловий к каталогам выставок. В этом жанре М.Б. достиг исключительного совершенства. В предисловиях к каталогам помимо простого представления и разъяснения материала выставок подводятся итоги его собственных размышлений о роли и смысле выставляемых произведений искусства или



Йемен, пров. Махра, на раскопках в Хабаруте, 1991 г.
(первый справа — Х.А.Амирханов)

Йемен, пров. Хадрамаут, 1991 г., среди участников
Советско-Йеменской комплексной экспедиции

В залах Эрмитажа, 2001 г.

артефактов для русской истории и культуры. Кроме глубины проникновения в судьбы и значение экспонатов (по большей части весьма далеких от профессии востоковеда-арабиста) предисловия эти отличаются большим изяществом стиля. Приведу лишь один пример: «Хрупкое искусство обладает волшебной внутренней стойкостью перед лицом превратностей судьбы»! (из каталога выставки шедевров британского искусства, 1997).

Целая серия статей и множество интервью в прессе и других средствах массовой информации (которые широко пользуются тем, что М.Б. доступен для них) были посвящены двум больным темам — продажам экспонатов Эрмитажа Советским правительством и юридическим проблемам реституции, т.е. прав на так называемые «трофейные» произведения. Михаил Борисович издал три книги, посвященные истории эрмитажных коллекций. Он видит приоритетную задачу музея в том, чтобы при условии нормального хранения сделать экспонаты максимально доступными для широкой публики — ведь только таким образом можно воспитывать хороший вкус и способствовать лучшему пониманию русской культуры и истории, а также мирового искусства, в том числе и современного.

Особое направление — традиционный для Эрмитажа как универсального энциклопедического музея «диалог культур». Михаил Борисович придумал и организовал

несколько международных выставок, посвященных актуальнейшему аспекту этой проблемы — мусульманской культуре. Были (совместно с сотрудниками Отдела Востока Эрмитажа) организованы выставки исламского искусства в Амстердаме, Петербурге, Казани и Лондоне. Вышел большой, богато иллюстрированный каталог, в котором особое место занимают знаменитые Кораны из Йемена, — «Земное искусство — небесная красота», издана книга «О мусульманском искусстве» (СПб., 2001), готовится монография «Слово и образ. Исторические легенды Корана и картинки к ним».

В Санкт-Петербургском университете на родном Восточном факультете, в коридоре которого, напротив подаренных Эрмитажем копий древнеегипетских барельефов, среди портретов великих востоковедов висит и портрет Бориса Борисовича, много лет (на общественной, кстати, основе) заведовавшего уникальной и единственной в мире Кафедрой истории Древнего Востока, профессор М.Б. Пиотровский читает спецкурсы по мусульманскому искусству. Йеменские сюжеты продолжаются в коллективных трудах Йеменской экспедиции и в нескольких задуманных работах о химйаритах и исламе.

Михаил, сын Бориса, достойно продолжает востоковедную и музейную династию, и остается лишь пожелать ему долгих лет плодотворной научной, преподавательской и общественной деятельности на благо культуры, науки и образования нашей страны.

Библиография основных научных публикаций члена-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского*

1967

1. **Указатели** // *История халифов анонимного автора XI в.* Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение текста П.А. Грязневича. М., 1967 (в соавторстве с П.А. Грязневичем).

1968

2. **Йеменский царь Шаммар Йухар'иш в арабских источниках** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1968. С. 40–42.

1969

3. **Йеменитский халиф на 40 дней** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1969. С. 61–64.

1970

4. **Арабская версия истории царицы Зенобии (аз-Заббы)** // ПС. № 21 (84). 1970. С. 170–184.
5. **Йемениты и йеменцы в омайядской Сирии** // Историко-филологический журнал. Ереван. № 2. 1970. С. 252–256.
6. **Средневековые рассказы о древних погребениях Йемена** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1970. С. 64–66.

1971

7. **Состав и политическая направленность кахтанидского предания** // VII годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. Краткие сообщения. М.–Л., 1971. С. 69–71.
8. **Арабские племена в предании о йеменском царе Ас'аде ал-Камиле** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1972. С. 108–111.

1973

9. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** Автореф. канд. дис. Л., 1972.
10. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле как историко-культурный памятник** // Древняя Аравия. М.–Л., 1973. С. 89–98.
11. **Тубба' Корана и химйаритский царь Абу Кариб Ас'ад** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1973. С. 27–30.

---

* Составлена В.Ю. Зуевым.

1974

12. **Тема судьбы в южноаравийском предании об Ас'аде ал-Камиле** // ПС. № 25. 1974. С. 119–128.
13. **[Рец. на кн.:]** *А.Г. Лундин.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971 // ПС. № 25. 1974. С. 177–180.

1975

14. **Актуальные проблемы изучения истории Йемена** // Ас-Саури Аден. 09.08.1975 и 16.08.1975 <на араб. яз. Псевдоним — *Ма'ин*>.
15. **Древнейменское наследие в мусульманской цивилизации** // Ал-Хикма. Апрель. № 38. Аден, 1975. С. 54–59 <на араб. яз.>.
16. **Изучение древнейменской цивилизации в Советском Союзе** // Ас-Сакафа ал-джадида. Март. № 37. Аден, 1975. С. 48–51 <на араб. яз.>.

1976

17. **О Сессии ленинградских арабистов 1976 г. Хроникальные заметки** // НАА. № 6. 1976. С. 262–264.

1977

18. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** М., 1977. 159 с.
19. **История Йемена в средние века** // История Йемена. Учебное пособие. Аден. 1977 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>.
20. **Химйаритский кайл Сумайфа Зу-л-Кала и халиф Абу Бакр** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.–Л., 1977. С. 32–39.

1978

21. **О Сессии ленинградских арабистов 1977 г. Хроникальные заметки** // НАА. № 3. 1978. С. 162–163.
22. **Аравийские пророки VII в.** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике. М.–Л., 1978. С. 70–76.

1979

23. **О Сессии ленинградских арабистов 1978 г. Хроникальные заметки** // НАА. № 2. 1979. С. 165–166.
24. **Востоковедные центры Ирака** // НАА. № 6. 1979. С. 147–151.
25. **Эфиопия и Хиджаз в VII в. (эфиопская хиджра)** // Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. М. 1979. С. 65.

1980

26. **[Серия статей]** // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1980.
27. **Соотношение светской и духовной власти в исламе** // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. Ташкент, 1980. С. 369–374.

1981

28. **Кайли, абна, кабаил (южноаравийские верхи и ислам)** // Арабские страны. История и современность. М., 1981. С. 221–226.
29. **Мухаммад, пророки, лжепророки, кахины** // Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 9–18.
30. **Новая хроника из расулидского Йемена** // ПС. № 27. 1981. С. 140–143.

31. **О Сессии ленинградских арабистов 1980 г. Хроникальные заметки** // НАА. № 1. 1981. С. 159–161.
32. **Об эфиопской хиджре** // Эфиопские исследования. М., 1981. С. 16–22.
33. **Проблемы этносоциальной истории Южной Аравии в V–VI вв. (араб-химйарит Тамим Йазид Сабеец)** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике. М.–Л., 1981. С. 14–19.
34. **X–XI вв. в истории народов Ближнего и Среднего Востока — «эпоха трансформации?»** // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 3–15 (в соавторстве с В.В. Наумкиным).
35. **Роль ал-Хамдани в становлении йеменского этноса** // Ал-Хикма. Т. 11. № 95. Аден, 1981. С. 22–32 <на араб. яз.>.
36. **[Рец. на кн.:]** *Абу Хамид ал-Газали.* Воскрешение наук о вере (Ихйа' 'улум ад-дин). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В.В. Наумкина. М., 1980 // НАА. № 6. 1981. С. 194–198.

1982

37. **[Серия статей]** // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1982.
38. **«Дневник» багдадского факиха Ибн Банна** // Бартольдовские чтения. 1982. М., 1982. С. 54–55.
39. **К вопросу о методологии изучения ислама** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 1. М., 1982. С. 123–129.
40. **Концепция исторического наследия в идеологии иракской ПАСВ** // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982. С. 186–197.
41. **Знать Южной Аравии и ислам в VII в.** // Ас-сакафа ал-джадида. Т. 11. № 5. Аден, 1982. С. 44–50 <на араб. яз.>.
42. **[Рец. на кн.:]** История востоковедения, арабистики и курдологии в Азиатском музее. Багдад, 1980 // НАА. № 1. 1982. С. 217–218.
43. **Шестая годичная Сессия ленинградских арабистов. Хроникальные заметки** // НАА. № 2. 1982. С. 148–149.

1983

44. **[Серия статей]** // Ислам. Краткий справочник. М., 1983.
45. **Ал-Хамдани и кахтанидское историко-эпическое предание** // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 186–190.
46. **Всесоюзная конференция историков древнего и средневекового Востока** // НАА. № 1. 1983. С. 132–138.
47. **Коранические сказания как историко-культурный памятник** // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти И.Ю. Крачковского. М.–Л., 1983. С. 38–39.
48. **О некоторых тенденциях идеологического и культурного развития современного Кувейта (ситуация начала 1983 г.)** // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. Вып. 2. М., 1983. С. 110–122.
49. **Проблемы социальной этики средневекового Арабского Востока** // НАА. № 2. 1983. С. 132–137.
50. **Человек и природа в Аравии, древность и современность** // География и развивающиеся страны. Л., 1983. С. 106–108.
51. **[Рец. на кн.:]** Raydān. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy. Vol. 3. Aden // ВДИ. № 3. 1983. С. 169–172 (в соавторстве с А.Г. Лундиным).

1984

52. **Южная Аравия в раннем средневековье. Процесс сложения средневекового общества.** Автореф. докт. дис. Л., 1984.

53. **Эпос о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** Сана, 1984 <на араб. яз.>.
54. **История туббы Ас'ада ал-Камила** // Ал-Хикма йаманийа. Т. 107. № 7–8. Т. 109. № 1–2. Т. 111. № 4–5. Т. 113. № 8. Аден, 1984 <на араб. яз.>.
55. **Киндиты в Хадрамауте. Перспективы полевых исследований** // Хадрамаут. Т. 1. Ал-Мукалла. 1984. С. 48–52 <на араб. яз.>.
56. **Книга истории туббы Ас'ада ал-Камила** // Йемен в советском востоковедении. Избранные тексты. Ч. 3. Дамаск. 1984 <на араб. яз.>.
57. **Направления в изучении арабского наследия в Советском Союзе** // Ежегодник сезона культурных событий 1982/83 г. Кувейт. 1984. С. 313–325 <на араб. яз.>.
58. **О природе власти Мухаммада** // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. М., 1984. С. 6–11.
59. **Особенности художественной культуры арабо-мусульманского средневековья** // Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование. Л., 1984. С. 269–278.
60. **Полевое обследование селений в вади Рахйа и вади ал-'Айн** // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1984 г. Сайун, 1984. С. 52–56 <на араб. яз.>.
61. **Пророческое движение в Аравии VII в.** // Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984. С. 19–27.
62. **«Поход слона» на Мекку (Коран и историческая действительность)** // Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984. С. 28–35.
63. **Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама** // Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984. С. 175–188.

1985

64. **Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества.** М., 1985. 224 с.
65. **Аравийские корни ислама** // 4-я Всесоюзная конференция арабистов. Ереван, 1985. С. 104–105.
66. **К вопросу о культурной ситуации в Кувейте** // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. № 5. М., 1985. С. 101–107.
67. **Кайли, абна, кабаил** // Йемен в советском востоковедении. Избранные тексты. Ч. 3. Дамаск. 1985. С. 143–155 <на араб. яз.>.
68. **Кинда в Хадрамауте** // Ал-Хикма йаманийа. № 122. Июнь. Аден, 1985. С. 23–30 <на араб. яз.>.
69. **[Рец. на кн.:]** *М.А. Родионов.* Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982 // СЭ. № 3. 1985. С. 159–161.

1986

70. **The Arabian Roots of Islam.** Moscow, 1986.
71. **Историческая эволюция светского («общинного») и «сакрального» представления о власти** // Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 29–34 (в соавторстве с С.М. Прозоровым).
72. **Коранническая литература. Молитвы** // Краткий каталог арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР. М., 1986.
73. **Проблема власти в раннем исламе** // Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 17–24.
74. **Хиджра в Эфиопии** // Новые исследования советских арабистов. М., 1986. С. 112–123 <на араб. яз.>.
75. **Характерные особенности арабо-мусульманской культуры** // Новые исследования советских арабистов. М., 1986. С. 194–209 <на араб. яз.>.

75a. **al-Hamdani and the Qahtanide Epos** // al-Hamdānī, a Great Yemeni Scholar. Studies on the occasion of his Millennial anniversary. Edited by Yusuf Mohammad Abdallah. Ṣan'ā' (Publications of Sanaa University), 1986, p. 17–25.

1987

76. **Йемен до ислама и в первые годы хиджры.** Бейрут. 1987 <на араб. яз.>.
77. **Аравийские корни ислама** // НАА. № 2. 1987. С. 97–101.
78. **Надписи Внутреннего Хадрамаута** // Хадрамаут — древний и современный. Т. 1. Сайун, 1987. С. 71–84 (в соавторстве с А.Г. Лундиным) <на араб. яз.>.
79. **Торговля и торговые пути в древнем Хадрамауте** // Хадрамаут — древний и современный. Т. 1. Сайун, 1987. С. 86–96 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>.
80. **Грамотность в древнем Хадрамауте** // Хадрамаут — древний и современный. Т. 1. Сайун, 1987. С. 97–110 (в соавторстве с А.Г. Лундиным) <на араб. яз.>.
81. **Исторические судьбы мусульманского представления о власти** // Социально-политические представления в исламе: история и современность. М., 1987. С. 6–20.

1988

82. **Древние надписи Махры** // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1988 г. Сайун, 1988. С. 130–136 <на араб. яз.>.
83. **Историко-географические исследования в вади Дау'ан** // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1988 г. Сайун, 1988. С. 91–112 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>.
84. **Ислам как историческое явление** // Ислам. Словарь атеиста. М., 1988. С. 6–22 (в соавторстве с Г.В. Милославским и С.М. Прозоровым).
85. **[Серия статей]** // Ислам. Словарь атеиста. М., 1988.
86. **Послесловие** // *А. Дюма.* Путешествие в Египет. М., 1988. С. 274–286.
87. **Сказания в Коране и в Библии. Преемственность и различие** // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Т. 1. М., 1988. С. 11–112.
88. **The Fate of Castle Ghumdan** // Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems. Moscow, 1988. P. 28–38.

1989

89. **Граффити Хадрамаута и Махры** // ВДИ. № 2. 1989. С. 148–153.
90. **Йемен в начале средних веков** // Кадайа ал-аср. № 11. Аден, 1989. С. 29–50 <на араб. яз.>.
91. **Исламоведение. Программа курса лекций** // НАА. № 3–5. 1989 (в соавторстве с С.М. Прозоровым, Е.А. Резваном, А.Д. Кнышем, Д.В. Ермаковым).

1990

92. **Легенды и сказания в Коране** // Наука и религия. № 11. 1990. С. 39–41.

1991

93. **Коранические сказания.** М., 1991. 219 с.
94. **[Серия статей]** // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
95. **[Серия статей]** // Мифологический словарь. М., 1991.
96. **Его вел сам Бог...** // Досье ЛГ. № 7. 1991. С. 18.
97. **Коран как Евангелие** // XVIII Международный конгресс византинистов. Т. 2. М., 1991. С. 897–898.

98. **Коранические легенды и сказания** // Фюник. № 14. Ереван, 1991. С. 14–15 (на арм. яз.).
99. **Легенды и сказания в Коране** // Наука и религия. № 1. С. 48–53; № 4. С. 20–23; № 7. С. 24–27; № 11. С. 36–39. 1991.

1993

100. **Советско-Йеменская экспедиция и концепция исторического единства Аравии** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1993. С. 18–20.
101. **Античные коллекции «четвертого Рима»** // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 3.
102. **Итальянские художники из Эрмитажа** // Italian Renaissance and Baroque Art from The State Hermitage Museum. Tokyo, 1993. P. 8–9.
103. **Коллекция и коллекционер** // Коллекция Джорджа Ортиса. Древности от Ура до Византии. М.–СПб., 1993. С. 4.
104. **Памяти собирателей** // Морозов и Щукин — русские коллекционеры. От Матисса до Пикассо. Эссен, 1993. С. 12–13 (в соавторстве с И.А. Антоновой).
105. **Предисловие** // Анри Матисс. 1869–1954. Живопись, рисунки, декупажи. М., 1993. С. 6–7 (в соавторстве с И.А. Антоновой).
106. **Предисловие** // Фаберже — придворный ювелир. СПб., 1993. С. 8–9 (то же — на англ. и франц. яз.).
107. **Эрмитаж — Екатерине Великой** // Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. СПб., 1993. С. 5.
108. **Эрмитаж — Нартову** // Teatrum Machinarum, или Три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге. СПб., 1993. С. 7.
109. **Avant-propos** // L'Age d'or flamand et hollandais. Dijon, 1993. P. 15.
110. **De Hermitage en het Rijk der Scythen** // Het Rijk der Scythen. Amsterdam, 1993. S. 8–9.
111. **Die Ermitage und die Welt der Skythen** // Gold der Skythen. Neumünster, 1993. S. 8.
112. **Director's Statement** // *G. von Habsburg, M. Lopato.* Fabergé. Imperial Jeweller. Wash., 1993. P. 8–9.
113. **Foreword** // Lost Empire of the Silk Road. Lugano, 1993. P. 11.
114. **Quel programme pour l'Ermitage?** // Connaissance des Arts. No. 496 (juin). 1993. P. 64–71 (в соавторстве с E. Ducamp).
115. **Vorwort** // Christliche westeuropäische Elfenbeinkunst 13.–18. Jahrhunderts aus der Ermitage. Sankt Petersburg, 1993. S. 3.

1994

116. **Ислам и судьба** // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 92–97.
117. **Мухаммад и начало ислама** // Хрестоматия по исламу. М., 1994. С. 9–33 (в соавторстве с В.В. Полосиным).
118. **Field-studies in Southern Arabia** // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. I. No. 2. September. 1994. P. 202–219 (в соавторстве с А.В. Седовым).
119. **Field studies in Southern Arabia** // Raydān. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy. Vol. 6. 1994. P. 61–68 (в соавторстве с А.В. Седовым).
120. **L'économie de l'Arabie préislamique** // *B. Chiesa et al.* L'Arabie avant l'Islam. Aix-en-Provence, 1994. P. 211–238.
121. **Late Ancient and Early Mediaeval Yemen: Settlement Traditions and Innovations** // The Byzantine and Early Islamic Near East. Land Use and Settlement Patterns. Princeton, 1994. P. 213–220.
122. **Памяти собирателей** // Морозов и Щукин — русские коллекционеры. Эссен, 1994. С. 12–13 (в соавторстве с И.А. Антоновой) (то же — на англ. и нем. яз.).

123. **Предисловие** // Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века. СПб., 1994. С. 7.
124. **Приветствие** // French Baroque and Rococo Art from the State Hermitage Museum. Tokyo, 1994. P. 8–9 (то же — на яп. яз.).
125. **The Hermitage. Pride and Hope of Russia** // 94. Kyoto Conference of the World's Leading Museums. Kyoto, 1994. P. 70–75 (то же — на яп. яз.).
126. **Das Porzellan Katherinas der Grossen** // Zur Tafel im Winterpalast. Koldinghus, 1994. S. 12 (то же — на голланд. яз.).
127. **Die Schätze der Ermitage** // Erinnerung an die Familie Romanov. Der Zarenschatz der Romanov. Speyer, 1994. S. 15.
128. **Foreword** // Dutch 19th century painting from the Hermitage and Paleis Het Loo. Apeldorn, 1994. P. 7 (то же — на голланд. яз.).
129. **Foreword** // Great art treasures of the Hermitage museum, St. Petersburg. L., 1994. P. 9.
130. **Foreword** // Imperial Easter Eggs. Copenhagen, 1994. P. 8 (то же — на датск. яз.).
131. **Préface** // Raoul Dufy. Collections du Musée d'art moderne de la ville de Paris — un choix. P., 1994. P. 8.
132. **Meeting The State Hermitage Museum** // Treasures from the Hermitage. L., 1994. P. 8–10.
133. **Preface** // *D. Williams, J. Ogden.* Greek Gold. Jewellery of the Classical World. N. Y., 1994. P. 7 (в соавторстве с R.G.W. Anderson, Ph. de Montebello).
134. **Voorwoord** // Het Russisch Volkskostuum. Huizen, 1994. P. 5.

1995

135. **Коран как Евангелие** // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995. С. 121–122.
136. **Бедуинская эпиграфика Южной Аравии** // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995. С. 141–148.
137. **Историческая память Корана и историческое наследие Аравии** // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995. С. 170–171.
138. **Вади ал-'Айн: древнейеменские надписи** // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Т. I. М., 1995 (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции). С. 176–201.
139. **Мусульманское образование** // Российская педагогическая энциклопедия. М., 1995.
140. **Economica della Arabia Antiqua** // *B. Chiesa et al.* Il primi Arabi. Milano, 1995.
141. **Вступительное слово** // Эрмитаж спасенный. Выставка произведений из коллекций Государственного Эрмитажа, посвященная 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 8.
142. **Предисловие** // *Д. Уильямс, Дж. Огден.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб., 1995. С. 7 (в соавторстве с Р.Г.У. Андерсоном и Ф. де Монтебелло).
143. **Предисловие** // Коллекция мантуанских монет в Эрмитаже. Милан, 1995. С. 6 (то же — на итал. яз.).
144. **Предисловие** // *С. Варшавский, Б. Рест.* Подвиг Эрмитажа. СПб., 1995. С. 1.
145. **Предисловие** // French Art of the 19th–20th Centuries from the State Hermitage Museum. Tokyo, 1995. P. 7 (то же — на яп. яз.).
146. **Приветствие** // Стихия воды. Выставка живописи и эстампа из собрания Государственного Эрмитажа. Сидзуока, 1995. С. 7.
147. **Собрание Корсини гостит в Эрмитаже** // Произведения итальянской живописи XV–XVII веков из собрания князей Корсини во Флоренции. Флоренция, 1995. С. 5.
148. **Сокрытое открывается** // *А.Н. Костеневич.* Неведомые шедевры. Французская живопись XIX–XX веков из частных собраний Германии. СПб., 1995. С. 7.

149. **Странное путешествие Ван Гога** // Коллекция японской гравюры Ван Гога и традиции школы Утагава. Мацумото–СПб., 1995. С. 2 (то же — на яп. и англ. яз.).
150. **Bringing What Was Hidden into the Light** // *A. Kostenevich.* Hidden Treasures Revealed. Impressionist Masterpieces and Other Important French Painting Preserved by the State Hermitage Museum, St. Petersburg. N. Y. 1995. P. 7.
151. **Esipuhe** // Islamin Tiadeaarteita Eremitaasin Kokoelmista. Turku, 1995. P. 10 (то же — на швед. и англ. яз.).
152. **Foreword** // French Baroque and Rococo Art from the State Hermitage Museum. Tokyo, 1995. P. 6–7.
153. **Foreword** // Paul Gauguin ed avanguardia russa. Milano, 1995. P. 3.
154. **Forord** // Von Caspar David Friedrich zu Paula Moderson-Becker. Worpswede, 1994. S. 3.
155. **Museo Statal del Hermitage** // Los grandes museos historicos. Barcelona, 1995. P. 119–127.
156. **Préface** // Charles-Louis Clérisseau (1721–1820). Dessins du musée de l'Ermitage. Saint-Pétersbourg. P., 1995. P. 9.
157. **Verborgenes ans Licht bringen** // *A. Kostenewitsch.* Aus der Ermitage. Verschollene Meisterwerke deutschen Privatsammlungen. München, 1995. S. 7.
158. **Ur Tsarpalatsets Garderob** // Ur Tsarpalatsets Garderob. Ermitaget I St. Petersburg gästar Livrustkammaren. Stockholm, 1995. P. 4–5.

1996

159. **Ислам — вера и образ жизни** // Преподавание истории в школе. № 2. 1996. С. 14–21.
160. **Стоянка паломников Джаулат ар-Румад** // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Т. II. М., 1996 (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции). С. 168–190.
161. **Сверхмузей в эпоху крушения империи (Музей как фактор эволюции).** Актовая лекция в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. СПб., 1996. 31 с.
162. **Введение** // Западноевропейское прикладное искусство XVI–XVIII вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 1996. С. 8–9.
163. **Вступительное слово** // Питер Мондриан. Каталог выставки. Гаага, 1996. С. 5.
164. **Душа Эрмитажа** // Эрмитаж. Избранные сокровища великого музея. СПб.–Лондон, 1996. С. 7–9 (то же — на англ. и франц. яз.).
165. **Замечательная ювелирная коллекция** // Европейские ювелирные украшения. Историзм и югендстиль. 1850–1920. Работы из собрания музея украшений Пфорцхайма. Каталог выставки. Пфорцхайм, 1996. С. 7.
166. **Из истории борьбы за наполеоновские художественные трофеи** // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1996. С. 3–7.
167. **Наш царь в Нидерландах** // Петр I и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства. СПб., 1996. С. 8–9 (то же — на англ. яз.).
168. **Персидская живопись в Эрмитаже** // *А.Т. Адамова.* Персидская живопись и рисунок XV–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 1996. С. 6–7 (то же — на англ. яз.).
169. **Предисловие** // Западноевропейское прикладное искусство XVI–XVIII веков из собрания Эрмитажа. СПб., 1996. С. 8 (то же — на англ. яз.).
170. **Предисловие** // *Т. Илатовская.* Шедевры европейского рисунка из частных собраний Германии. Нью-Йорк–СПб., 1996. С. 7 (то же — на нем. яз.).
171. **Предисловие** // Фламандская книжная миниатюра 1475–1550. Гент–Лондон, 1996. С. 5 (то же — на англ. яз.).
172. **Предисловие** // Ханс Арп, Софи Тойбер-Арп. Каталог выставки. Роландсек, 1996. С. 10.
173. **Предисловие** // Spanish Art from the State Hermitage Museum. Tokyo, 1996. P. 7 (то же — на яп. яз.).
174. **Человек ищет Бога** // God and Man. Art Treasures of the State Hermitage Museum. Niigata–Osaka, 1996. P. 11 (то же — на яп. яз.).

175. **Эрмитаж и Приобье** // Сокровища Приобья. СПб., 1996. С. 5.
176. **Эрмитаж помнит Луиджи Премацци** // Луиджи Премацци. Акварели и рисунки. СПб., 1996. С. 4 (там же — на англ. яз. Р. 5).
177. **Catharina en de Hermitage** // Catharina, de kaizerin en de kunsten. Amsterdam, 1996. S. 11 (то же — на англ. яз.).
178. **Easter Gifts in Porcelain** // Imperial Easter. Porcelain Eggs from the Hermitage Museum in Saint Petersburg. Geneva, 1996. P. 13–14.
179. **Foreword** // *Christina Robertson.* A Scottish Portraitist at the Russian Court. Edinburgh, 1996. P. 3 (в соавторстве с H. Coutts).
180. **Forord** // *J. Miller.* Pragtvaben fra Zarernes Skatkammer. Devantier, 1996. P. 3.
181. **L'Ermitage pris dans le tourbillon des changements** // Musées — gérer autrement: Un regard international. P., 1996. P. 201–207.
182. **The Hermitage and British Art** // British Art Treasures from Russian Imperial Collections in the Hermitage. New Haven–London. 1996. P. 8.
183. **Voorwoord** // Peter de Grote en Holland. Amsterdam, 1996. S. 9.
184. **Vorwort** // *A. Ierusalimskaja.* Die Gräber der Mošcevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde der Nordkaukasischen Seiden Strasse. München, 1996. S. 5.
185. **Vorwort** // *A. Ierusalimskaja, B. Borkopp.* Von China nach Bysanz. München. 1996. S. 7–8.
186. **Wege zu einer gemeinsamen Welt** // Weinrauch und Seide. Wien, 1996. S. 9–10.

1997

187. **Les causes d'une disparition** // Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998. P., 1997. P. 218–219.
188. **Эрмитаж: Собрания и собиратели**. СПб., 1997. 242 с. (в соавторстве с О.Я. Неверовым) (то же — на англ., нем., итал., исп. яз.).
189. **Взаимосвязь культуры и экономики** // Судьба российской интеллигенции. Вып. 2. СПб., 1997. С. 36–38.
190. **Вступление** // Окрестности Санкт-Петербурга. Петергоф. Царское Село. Павловск. Ораниенбаум. Гатчина. СПб., 1997. С. 5 (там же — на англ. яз.).
191. **Вступление** // Вальдемар Отто. Скульптура. Каталог выставки. Бремен–СПб., 1997. С. 5 (там же — на англ. и нем. яз.).
192. **Две продажи «Благовещения» Ван Эйка** // Ян Ван Эйк. Благовещение. СПб., 1997. С. 8–10 (там же — на англ. яз.).
193. **«Даная» и Эрмитаж** // Даная. Судьба шедевра Рембрандта. СПб., 1997. С. 4–5 (там же — на англ. яз.).
194. **Духовное искусство не по Кандинскому** // Герерд Вагнер. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 7.
195. **Еще один сезон...** // Отчетная археологическая сессия за 1996 год. СПб., 1997. С. 5–6.
196. **Записи на долгом и интересном пути** // *Б.Б. Пиотровский.* Путевые заметки. СПб., 1997. С. 5–6.
197. **К истории продажи «Благовещения» Ван Эйка** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1997. С. 5–10 (в соавторстве с Б.Б. Пиотровским).
198. **Новые поступления — симптом жизни** // Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 гг. СПб., 1997. С. 3–6.
199. **Петербург–Берлин. Франц Крюгер** // *Б.И. Асварищ.* «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге. СПб., 1997. С. 3–4.
200. **Предисловие** // Государственный Эрмитаж. Отчет о деятельности музея за 1996 год. СПб., 1997. С. 4 (то же — на англ. яз.).
201. **Предисловие** // Шарль-Луи Клериссо — архитектор Екатерины Великой. Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 4.
202. **Сиам возвращается** // *О.П. Дешпанде.* Сиамское искусство XIV–XIX веков. СПб., 1997. С. 5–6 (там же — на англ. яз.).

203. **Эрмитаж и британское искусство** // С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. СПб., 1997. С. 8 (то же — на англ. яз.).
204. **Die vielgesichtige Ermitage** // Zwei Gesichter der Ermitage. Bd 1. Bonn, 1997. S. 11–21.
205. **In Petersburg werden wir uns wieder versammeln** // Zwei Gesichter der Ermitage. Bd 1. Bonn, 1997. S. 7–9 (в соавторстве с W. Jacob).
206. **Osterneier aus Porzellan** // Kaiserliche und Königliche Osterngrüsse aus St. Petersburg und Berlin. B., 1997. S. 2.

1998

207. **О многоликости Востока, христианского в частности** // Христианство на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб., 1998. С. 6–9 (там же — на англ. яз.).
208. **Die Gründe für das Verschwinden der altsüdarabischen Kultur** // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Hrsg. von W. Seipel. Wien, 1998. S. 395–397.
209. **Апофеоз «Охоты на львов»** // *Р.И. Грицай.* Героические апофеозы Рубенса. СПб., 1998. С. 5.
210. **Война как археологический источник** // Военная археология. Материалы международной конференции. СПб., 1998. С. 5.
211. **[90-летие со дня рождения Б.Б. Пиотровского]** // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. СПб., 1998. С. 5.
212. **Диалоги с Сезанном** // Поль Сезанн и русский авангард начала XX века. СПб., 1998. С. 4 (совместно с И.А. Антоновой, В.А. Гусевым, В.А. Родионовым).
213. **Дружба двух музеев. 40 шедевров из Эрмитажа и Кунстхалле** // Сорок шедевров из двух музеев. Эрмитаж — Гамбургский Кунстхалле. Гамбург, 1998. С. 6–7 (в соавторстве с U.M. Schneede).
214. **Книги как эрмитажная выставка** // Искусство рукотворной книги. Каталог выставки. СПб., 1998. С. 7 (то же — на англ. яз.).
215. **Как «Бокал лимонада» остался в Эрмитаже** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 73–76.
216. **Князь-канцлер** // *Б.И. Асварищ.* Картинная галерея А.М. Горчакова. СПб., 1998. С. 8–9.
217. **Комментарий и «иероглиф»** // Неклассическая классика. Три поколения «эрмитажной школы Г.Я. Длугача». Каталог выставки. СПб., 1998. Вкладка.
218. **М.И. Артамонов в Эрмитаже** // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная конференция памяти М.И. Артамонова. СПб., 1998. С. 17–18.
219. **Меценатство — явление культуры** // Гуманитарная наука как фактор преобразования России. СПб., 1998. С. 36–64.
220. **Музею — с любовью** // Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина — 100 лет. М., 1998. С. 35–36.
221. **Одиссея Шлимана как продолжение Илиады** // Шлиман. Троя. Петербург. Каталог выставки. СПб., 1998. С. 4–5.
222. **Предисловие** // Анри Матисс и выдающиеся датские собиратели. СПб., 1998. С. 4–5 (в соавторстве с А. Хеллеланд).
223. **Предисловие** // *К. Дюфур Денисон.* Рисунки французских мастеров из Библиотеки Моргана, Нью-Йорк. Нью-Йорк, 1998. С. XI.
224. **Предисловие** // *Н.Н. Никулин.* Якоб Филипп Хаккерт. СПб., 1998. С. 4 (там же — на англ. яз.).
225. **Предисловие** // Caterina di Russia. L'imperatrice e le arti. Firenze, 1998. P. V–VI.
226. **Столетний Магритт** // *Давид Сильвестр.* Магритт. СПб., 1998. С. 7 (в соавторстве с И.А. Антоновой).
227. **A Case for Fabergé** // The Fabergé Case. From the Private Collection of John Traina. N. Y., 1998. P. 23–24.
228. **Diamonds and Philosophy** // Nicholas & Alexandra. The Last Imperial Family of Tsarist Russia. L., 1998. P. 10.

229. **Foreword** // Bernini's Rome. Italian Baroque Terracottas from the State Hermitage Museum, St. Petersburg. Chicago, 1998. P. VI.
230. **Foreword** // *F. Odom, L.P. Arend.* A Taste for Splendour. Russian imperial and European treasures from the Hillwood Museum. Alexandria, 1998. P. 5.
231. **Förord** // Katarina den stora & Gustav III. Stockholm, 1998. P. 8.
232. **Förord** // Peter den store och Karl XII i krig och fred. Stockholm, 1998. S. 10.
233. **Hermitage Museum. Foreword** // Master Drawings from the Hermitage and Pushkin Museums. The exhibition catalogue. N. Y., 1998. P. XIII–XIV.
234. **Introduzione** // Caterina di Russia. L'Imperatrice e le Arti. Milano, 1998. P. III–IV.
235. **L'Ermitage et ses traditions** // L'Ermitage. St.-Petersbourg, 1998. P. 5–9 (то же — на нем. и исп. яз.).
236. **La mode à la cour de Russie** // Costume des tsars de Pierre le Grand à Nicolas II. Collection du Musée de l'Ermitage. Saint-Pétersburg, 1998. P. 10.
237. **Veneziani da Pietroburgo** // Capolavori nascosti dell'Ermitage. Dipinti veneti del sei e settecento da Pietroburgo. Udine, 1998. P. 9.

1999

238. **Art of Islam (The Enigma of Islamic Art. The World of Islam. Monotheism and Ornamentation. Iconoclasm. Art for Everyday Life. The Qur'an as source of all inspiration. The language of Islamic Art. Paradise — the major theme of Islamic Art)** // Earthly Beauty, Heavenly Art. Art of Islam. Catalogue. L., 1999. P. 12–64.
239. **Ампир как продолжение Тильзита** // Под знаком Орла. Искусство ампира. СПб., 1999. С. 7.
240. **В гости к Кандинскому** // Абстрактный экспрессионизм. Три картины из собрания Музея современного искусства (Нью-Йорк). Каталог выставки. СПб., 1999. С. 3–4.
241. **Взаимосвязь культуры и экономики** // Судьбы российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 162–164.
242. **Еще два года** // Отчет Государственного Эрмитажа. 1997–1998. СПб., 1999. С. 4–7.
243. **Золото иранских мастеров** // Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Бери, США. Каталог выставки. Париж, 1999. С. 6–7.
244. **Как Лоренцо Лотто вернулся в Эрмитаж** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1999. С. 80–86.
245. **Конгресс петербургской интеллигенции — выразитель общественного мнения петербуржцев** // Судьбы российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 318–319.
246. **Моды русского Двора** // Русский придворный костюм от Петра I до Николая II из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. М., 1999. С. 11 (то же — на франц. яз.).
247. **Нимфей эрмитажный** // Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 3.
248. **Новые экспонаты** // Памятники культуры и искусства. Новые поступления. 1997–1998. СПб., 1999. С. 4.
249. **Орхидея как символ дружбы** // «Лотарингские орхидеи». Искусство Эмиля Галле и братьев Дом. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 5 (то же — на франц. яз.).
250. **Петербургский стиль** // *А. Ананов.* Избранные произведения. СПб., 1999. С. 6 (то же — на англ. яз.).
251. **Предисловие** // Избранное 1989–1999. [Юбилейная выставка в Смольном соборе]. СПб., 1999. С. 4.
252. **Предисловие (Молодые герои. Коронованные коллекционеры)** // Россия–Швеция. От войны к миру. XVIII век. Вып. 1. Династии и монархии. СПб., 1999. С. 8–11.
253. **Прогулки по Эрмитажу** // Эрмитаж. Прогулки по залам и галереям. Альбом-путеводитель. СПб., 1999. С. 3 (то же — на англ., нем., франц., итал., исп., голланд., кит. и яп. яз.).
254. **Чтя память Кваренги** // Джакомо Кваренги. Архитектурная графика. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 5.

255. **<Статья>** // *Е.И. Зеленев.* Египет. Средние века. Новое время. СПб., 1999.
256. **Foreword** // Catherina the Great & Gustav III. Helsingborg, 1999. P. 8.
257. **Foreword** // Florence and Venice. Italian Rennaissance Paintings and Sculpture from the State Hermitage Museum. Tokyo, 1999. P. 8 (там же — на яп. яз.).
258. **Foreword** // Henri Matisse. Four Great Collectors. Copenhagen, 1999. P. 7–9 (в соавторстве с A. Helleland).
259. **Foreword** // The Hermitage. Picture Gallery. St. Petersburg, 1999. P. III–IV (то же — на франц. яз.).
260. **L'Ermitage a Roma** // Cento Capolavori dell'Ermitage. Impressionisti e Avangardie alle Scuderie Papali al Quirinale. Venice, 1999. P. 21.
261. **Les Belges des rives de la Néva** // Peintures belges de l'Ermitage. Amsterdam, 1999. P. 12 (то же — на голланд. яз.).

2000

262. **Введение к выставке** // Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 7 (там же — на англ. яз.).
263. **Искусство ислама (Загадка мусульманского искусства. Мир ислама. Единобожие и орнамент. Иконоборчество. Искусство для быта. Коран как источник и образец. Язык мусульманского искусства. Рай как главная тема искусства)** // Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 9–56 (там же — на англ. яз.).
264. **Русская археология в Святой земле (некоторые итоги и перспективы)** // История древней церкви в научных традициях XX века. СПб., 2000. С. 1–27 (в соавторстве с Е.Н. Мещерской и А.В. Мусиным).
265. **Le cause di una scomparsa** // Yemen. Nel Paese della Regina di Saba. Roma, 2000. P. 259.
266. **Город ювелиров** // Петербургские ювелиры XVIII–XIX веков. СПб., 2000. С. 7 (то же — на англ. яз.).
267. **Где стоять «Вазе Фортунии»? (О принципах показа мусульманского искусства)** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2000. С. 38–41.
268. **Гротескное наследие античности** // Волшебный мир гротеска. Гротески в прикладном искусстве Западной Европы XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 4 (то же — на англ. яз.).
269. **Искусство «Великого улуса»** // Все музеи Северо-Запада России. № 1. СПб., 2000. С. 4.
270. **История Эрмитажа как история культуры России** // *Б.Б. Пиотровский.* История Эрмитажа. СПб., 2000. С. 9–18.
271. **Красивая память об общем прошлом** // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 14–15 (то же — на татарск. и англ. яз.).
272. **Моды русского Императорского Двора** // Наше наследие. № 53. 2000. С. 12–13.
273. **Не самый плохой год** // Отчет Государственного Эрмитажа. 1999. СПб., 2000. С. 4–7.
274. **Память тысячелетий** // Мир видений. Традиционное и современное искусство Австралии. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 1–2.
275. **Традиция тысячелетий** // Все музеи Северо-Запада России. № 3. 2000. С. 2.
276. **Предисловие** // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 5.
277. **Расписной автомобиль рядом с погребальной колесницей** // Энди Уорхол (1928–1987). Жизнь и творчество. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 3.
278. **Свет Эчмиадзина** // Сокровища армянской церкви из собрания Святого Эчмиадзина. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 13 (то же — на англ. и арм. яз.).
279. **Синай в Эрмитаже** // Синай. Византия. Русь. Православное искусство с VI до XX века. Лондон–СПб., 2000. С. 9 (то же — на англ. яз.).
280. **Уроки музейных продаж** // *Н. Ильин, Н. Семенова.* Проданные сокровища России. М., 2000. С. 8–11.

281. **Эрмитаж — это целое государство** // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. № 1. СПб., 2000. С. 148–150.
282. **Catherine II. Empress of All the Russia** // Treasures of Catherine the Great. L., 2000. P. 13–18.
283. **Director's Foreword** // The Golden Deer of Eurasia. N. Y., 2000. P. IX–X (в соавторстве с Р.Г. Кузеевым и Ф. де Монтебелло).
284. **Director's Foreword** // Stroganoff. The Palace and Collections of a Russian Noble Family. N. Y., 2000. P. 8–9.
285. **Foreword** // Treasures of Catherine the Great. L., 2000. P. 10.
286. **Foreword** // The Hermitage. The History of the Building and Collections. St. Petersburg, 2000. P. 4–5 (то же — на франц. яз.).
287. **Foreword** // Myanndash. Rock Art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 5.
288. **Introduzione** // Oro. Il mistero dei Sarmati e degli Sciti. N. Y., 2000. P. 15 (в соавторстве с Р.Г. Кузеевым).
289. **Restitutionsproblem** // Творчество. СПб., 2000. С. 6–7.
290. **Vorwort** // *T. Kudrjawzewa*. Das Weisse Gold der Zaren. Stuttgart, 2000. S. 7.

2001

291. **О мусульманском искусстве**. СПб., 2001. 148 с. (то же — на англ. яз.: **On Islamic Art**. St. Petersburg, 2001. 143 p.).
292. **Запечатленный мир Востока** // Восточная коллекция. № 4 (7). 2001. С. 10–11.
293. **Мусульманское искусство в коллекциях Эрмитажа** // Искусство ислама. Памятники исламского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Произведения древнего и современного искусства из собраний музеев Республики Татарстан. СПб., 2001. С. 12–13.
294. **Вступление** // Географическое открытие Башкирии. Раритеты из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. Уфа–СПб., 2001. С. 1 (в соавторстве с Г.Ф. Валиуллиным и М.А. Чвановым).
295. **Новые голландцы** // Голландские мастера XX века (1945–1985). Каталог выставки. СПб., 2001. С. 1.
296. **Вступление** // Евгений Ухналев. Живопись. Графика. Каталог выставки. СПб., 2001. С. 3.
297. **Государственный Эрмитаж** // Русский инвалид. № 9 (92). М., 2001. С. 14.
298. **Заботы, отраженные в протоколах** // Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть 1. 1917–1919. СПб., 2001. С. 3–5.
299. **Луиз Буржуа возвращается** // Луиз Буржуа в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2001. С. 3.
300. **Луиз Буржуа возвращается в Ленинград** // Луиз Буржуа в Эрмитаже. Турин, 2001. С. 4 (то же — на англ. яз.).
301. **[О проекте «Большой Эрмитаж»]** // Новое использование исторических зданий. Российско-американский семинар по охране архитектурных памятников. 3–6.06.2001. СПб., 2001. С. 22.
302. **Олени Эрмитажа и Филипповки** // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 6–7.
303. **Пиотровский Борис Борисович (1908–1990)** // Российская музейная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 94–95.
304. **Предисловие** // Сулаж. Светоносность черного. Париж, 2001. С. 9 (то же — на франц. яз.).
305. **Предисловие** // «Ученая прихоть». Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. М., 2001. С. 7 (в соавторстве с И.А. Антоновой, В.В. Длугачем).
306. **Пространство Эрмитажа** // Эрмитаж. Дворцы и интерьеры. Европейское искусство. Первобытное искусство. Античное искусство. Искусство Востока. Альбом. СПб., 2001. С. 3 (то же — на англ., франц., нем., исп. и яп. яз.).
307. **Радость жизни** // Joy of Life. Great Art Treasures from the State Hermitage Museum. Osaka, 2001. P. 9 (то же — на англ. и яп. яз.).

308. **Четырнадцать глиняных книг** // «Они мне сказали, а я повторяю». Из поэзии Шумера и Вавилонии. Слова и глина. III тыс. до н.э. — III тыс. н.э. Каталог выставки. СПб., 2001. С. 6–7 (то же — на англ. яз.).
309. **Эрмитаж в Липецке** // Эрмитаж и коллекции. СПб., 2001. С. 9.
310. **Эрмитаж и история** // *К. Эйслер.* Эрмитаж. Живопись. М., 2001. С. 9–17.
311. **Эрмитаж как информационный повод** // Отчет Государственного Эрмитажа. 2000. СПб., 2001. С. 3–7 (то же — на англ. яз.).
312. **Director's Foreword** // Rubens and his Age. Toronto, 2001. P. 8.
313. **Foreword** // French Drawings and Paintings from the Hermitage. Poussin to Picasso. Verona, 2001. P. 7.
314. **Preface** // Masterpieces and Master Collectors. Impressionist and Early Modern Painting from the Hermitage and Guggenheim Museums. N. Y., 2001. P. 7.
315. **Un mondo di animali d'oro** // Archeo. No. 3 (193). 2001. P. 64–67.

2002

316. **Исследования на юге Аравии (К 20-летию работ Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен)** // ВДИ. № 2. 2002. С. 159–173 (в соавторстве с Х.А. Амирхановым, В.В. Наумкиным, А.В. Седовым).
317. **Кораны** // Музеум книги. СПб., 2002. С. 68–73.
318. **Главный художник** // Виктор Павлов. Отражения. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 3–4.
319. **Год паука** // Отчет Государственного Эрмитажа. 2001. СПб., 2002. С. 3–5.
320. **Еще одна эрмитажная коллекция становится доступной** // «Какое красок дивное соцветье...». Западноевропейские витражи и проектные рисунки к витражам XV–XVII веков из собрания Эрмитажа. СПб., 2002. С. 6–7.
321. **Новая история старых витражей** // Витражи Мариенкирхе. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 4–5 (то же — на англ. яз.).
322. **Петербург, нарисованный светом** // Петербургский альбом. Фотографии из коллекции Государственного Эрмитажа. М., 2002. С. 5.
323. **Поучительный подарок. Предисловие к русскому изданию** // *Дж. Уокер.* Вашингтон. Национальная галерея. М., 2002. С. 15–16.
324. **Предисловие** // Золотые олени Евразии. СПб., 2002. С. 7 (то же — на башкирск. яз.).
325. **Предисловие** // Голландская церковь в Санкт-Петербурге. 1704–1927. СПб., 2002. С. 5 (то же — на голланд. яз.).
326. **Приветствие** // Музей и общество. Материалы международной конференции. Красноярск, Россия, 10–13 сентября 2002 г. Красноярск, 2002. С. 16–17.
327. **Скромное обаяние Клода Моне** // Клод Моне. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 5.
328. **Старинная рама для «Марии Магдалины»** // Николай I и Новый Эрмитаж. СПб., 2002. С. 6–7.
329. **Эрмитаж и Брестский мир (Записка Д.А. Шмидта)** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2002. С. 5–23 (в соавторстве с Е.Ю. Соломахой).
330. **Foreword** // A capital collection. Houghton Hall and the Hermitage. New Haven–London–Yale, 2002. P. 7.
331. **Przedmowa** // 101 Arcydzieł dawnych mistrzów XV–XVIII wieku ze zbiorów Panstwowego Ermitażu w Sankt Petersburgu. Uzbrojenie. Broń. Tapiserie. Katalog wystawy. Malbork, 2002. P. 6 (то же — на англ. яз.).

2003

332. **Предисловие** // Золотые олени Евразии. СПб., 2003. С. 7.
333. **Санкт-Петербург — сын Москвы** // Основателю Петербурга. СПб., 2003. С. 8–11.

334. **The Tsarina** // "An Imperial Collection". Women Artists from the State Hermitage Museum. Wash., 2003. P. 11–17.
335. **Эрмитаж.** «Слово». М., 2003, 613 с.
336. **The Hermitage. Great Collections of a Great Museum** (with O. Neverov). "Slavia". St. Retersburg, 2003. 350 с.
337. **Год «Черного квадрата»** // Отчет Государственного Эрмитажа 2002. СПб., 2003. С. 3–5.
338. **Эрмитаж сквозь века** // Museum. Paris. No. 217. 2003. С. 9–11.
339. **Эрмитаж в городском пространстве** // Museum. Paris. No. 217. 2003. С. 79–83.
340. **Ислам в российском контексте** // Эрмитаж. № 1. 2003–2004. С. 60–62.
341. **Все цвета Марка Ротко** // Марк Ротко. М., 2003. С. 6.
342. **Les leçons de Rembrandt de l'Ermitage** // Rembrandt et son école. Paris. 2003. С. 17–19.

2004

343. **Война и мир** // В Париже Росс! СПб., 2004. С. 7.
344. **Дары Надир-шаха** // Родина. М., июнь, 2004. С. 30–36.
345. **Islamic Art: an Introduction** // Heaven on Earth. London, 2004. С. 17–29.
346. **Кабаковы в Минфине** // Илья и Эмилия Кабаковы. «Случай в музее» и другие инсталляции. Bielefeld, 2004. С. 9–11.
347. **Год двуглавых орлов** // Отчет Государственного Эрмитажа. 2003. СПб., 2004. С. 3–5.
348. **Соловей в Мукалле** // О Мастере, об Учителе. Памяти В.И. Соловьева. М., 2004. С. 8–10.

Редактирование научных изданий

1981

Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. 312 с.

1983

Ислам. Краткий справочник. М., 1983. 158 с. (2-е изд.: М., 1985; 3-е изд.: Баку. 1985 <на азерб. яз.>; 4-е изд.: Алма-Ата. 1986 <на казах. яз.>.

1988

Ислам. Словарь атеиста. М., 1988. 254 с.

1991

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. 314 с.

1993

Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Arts from Khara Khoto (X–XIII Century). Catalogue of exhibition. Milano, 1993. 292 p. (то же — на нем. яз.: **Die Schwarze Stadt an der Seidenstrasse. Buddhistische Kunst aus Khara Khoto (10.–13. Jahrhundert).** Mainland, 1993. 287 S.).

1994

М.В. Успенский. **Нецкэ в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог.** СПб., 1994. 423 с.

1995

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1995. 81 с.

1996

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1996. 72 с.

1997

Б.И. Асварищ. **«Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге.** СПб., 1997. 176 с.

«Даная». Судьба шедевра Рембрандта. СПб., 1997. 157 с.

Сиамское искусство XIV–XIX вв. в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. 196 с.

Сокровища хана Кубрата. Каталог выставки. СПб., 1997. 135 с.

Эрмитаж. Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 годах. Каталог. СПб., 1997. 145 с.

Эрмитаж. Путеводитель. СПб., 1997. 144 с. (то же — на англ., нем., франц., итал., исп. яз.).

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1997. 82 с.

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1997. 56 с.

1998

Искусство рукотворной книги. Каталог выставки. СПб., 1998. 59 с.

Л.С. Марсадолов. **Исследования на Западном Алтае (около поселка Колывань).** СПб., 1998. 47 с.

Собор Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце как памятник духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции. СПб., 1998. 93 с.

Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб., 1998. 232 с.

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1998. 67 с.

1999

Боспорский город Нимфей. Новые исследования и материалы, вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. СПб., 1999. 101 с.

Л.Я. Лившиц. **Рыцарские сказки.** СПб., 1999. 26 с.

От войны к миру. Россия–Швеция. XVIII в. Каталог выставки. СПб., 1999.

Отчет Государственного Эрмитажа. 1997–1998. СПб., 1999. 113 с.

Пушкин и классические древности. СПб., 1999. 31 с.

Русские житийные иконы XVI — начала XX в. Каталог выставки. СПб., 1999. 167 с.

Французский рисунок XVII века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 1999. 175 с.

Христианский Восток. Новая серия. Том 1 (7). СПб., 1999. 513 с.

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1999. 86 с.

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1999. 81 с.

Earthly Beauty, Heavenly Art. Art of Islam. Catalogue. L., 1999. 311 p.

«Cento Capolavori dell'Ermitage. Impressionisti e Avanguardie alle Scuderie Papali al Quirinale». Mostra (1999–2000, Roma). Milano, 1999. 267 p.

2000

А.С. Косцова. **Рождество Христово. Русские иконы конца XV — XVIII века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки.** СПб., 2000. 83 с.

Б.Б. Пиотровский. **История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы.** М., 2000. 573 с.

Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. 359 с.

Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000. 287 с.

История древней церкви в научных традициях XX века. Материалы научно-церковной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.В. Болотова. СПб., 2000. 155 с.

Календарь — хранитель времени. Каталог выставки. СПб., 2000. 158 с.

Отчет Государственного Эрмитажа. 1999. СПб., 2000. 99 с.

Отчетная археологическая сессия за 1999 год. СПб., 2000. 59 с.

Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. 345 с.

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2000. 57 с.

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 2000. 65 с.

Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В.Г. Луконина. СПб., 2000. 243 с.

L. Tórshina. **Las obras maestras del Ermitage.** San Petersburgo/Florencia, 2000. 144 p.

2001

А.С. Кантор-Гуковская. **Пастели западноевропейских художников в собрании Эрмитажа XVIII — начала XX века.** СПб., 2001. 127 с.

Б.И. Маршак, В.И. Распопова. **Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 г.** СПб., 2001. 136 с.

Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть 1. 1917–1919. СПб., 2001. 603 с.

Отделу археологии 70 лет. СПб., 2001. 52 с.

Отчет Государственного Эрмитажа. 2000. СПб., 2001. 116 с.

Раскопки в Пайкенде в 2000 году. СПб., 2001. 295 с.

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001. 71 с.

Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 2001. 63 с.

2002

Витражи Мариенкирхе. Каталог выставки. СПб., 2002. 135 с.

Николай I и Новый Эрмитаж. Каталог выставки. СПб., 2002. 183 с.

Отчет Государственного Эрмитажа. 2001. СПб., 2002. 132 с.

Отчетная археологическая сессия за 2001 год. СПб., 2002. 78 с.

С.Б. Адаксина. **Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг.** СПб., 2002. 116 с.

Т.К. Кустодиева. **Сны готики и Ренессанса. Сиенская живопись XIV — первой половины XVI века. Каталог выставки.** СПб., 2002. 103 с.

Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 3 (IX). СПб., 2002. 556 с.

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2002. 73 с.

101 arcydzieł dawnych mistrzów XV–XVIII wieku. Uzbrojenie. Broń. Tapiserie. Katalog wystawy. Malbork, 2002. 222 p.

2003

Б.И. Асварищ. **Бельгийская живопись XIX века в собрании Эрмитажа.** СПб., 2003. 135 с.

В.Ю. Зуев. **Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.).** СПб., 2003. 72 с.

Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2003. 80 с.

Основателю Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. 439 с.

2004

Heaven on Earth. Art from Islamic Lands. London, 2004. 192 с.

ЮСУФ М. АБДАЛЛА
(*Санаа*)

А.В. СЕДОВ
(*Москва*)

Монетный чекан раннего Катабана: клад из ас-Сурайры[1]

В августе 1994 г. на окраине деревни ас-Сурайра (aṣ-Ṣurayrah) к югу от города ар-Рахида (ar-Rāhidah), пров. Та'изз, Республика Йемен, был найден большой клад серебряных монет. По словам автора находки, местного крестьянина 'Абдул Рагиба ал-Химйари ('Abdul Raqīb al-Ḥimyari), около 300 монет и серебряный браслет с печаткой находились в небольшом керамическом сосуде, обнаруженном при рытье котлована для фундамента нового дома на глубине около 1 м (к сожалению, сосуд не сохранился). По заключению д-ра 'Абду О. Галеба ('Abdu O. Ghāleb) с кафедры археологии Санского университета, посетившего место находки в январе 1995 г., постройки деревни ас-Сурайра располагаются на вершине *телля*, скрывающего остатки, вероятно, доисламского поселения.

Первые монеты из клада появились на антикварном рынке Саны осенью 1994 г. и были приобретены местными и зарубежными коллекционерами. В ноябре того же года Генеральной организации древностей, рукописей и музеев Министерства культуры Республики Йемен (ГОДРМ) удалось договориться с автором находки о покупке для Санского национального музея 90 экземпляров. Еще два экземпляра были добавлены в эту коллекцию австралийским туристом г-ном Майклом Кроучем (Michael Crouch), приобретшим их на антикварном рынке Саны и, прослышав о важности находки, безвозмездно передавшим монеты в ГОДРМ[2]. Летом 1999 г. 'Абдул Рагиб ал-Химйари продал оставшиеся у него 109 монет и серебряный браслет с печаткой Аденскому (69 экземпляров и браслет), Санскому (28 экземпляров) и Таиззскому (12 экземпляров) национальным музеям. Отметим, что вплоть до осени 2001 г. единичные монеты из клада, как правило мало удовлетворительной сохранности, продолжали встречаться на нелегальном рынке древностей в Сане.

Публикация отдельных монет из клада ас-Сурайры появилась уже в 1996 г., когда была издана одна из частных коллекций монет, собранных в Йемене (Munro-Hay 1996, p. 33–47). В конце 1997 г. была опубликована коллекция ГОДРМ, в которой помимо имевшихся 92 монет были учтены экземпляры из частных коллекций и монеты,

---

[1] Статья написана в рамках проекта РГНФ № 02-01-00042а «Корпус монет древнего Катабана».

[2] К сожалению, в 1998 г. вся коллекция монет ГОДРМ бесследно исчезла.

© Юсуф М. Абдалла, А.В. Седов, 2004

находившиеся у торговцев на антикварном рынке в Сане (всего 147 экземпляров) ('Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, p. 203–229). В том же выпуске журнала *Arabian Archaeology and Epigraphy* в 1997 г. появилась публикация еще одной частной коллекции доисламских монет из Йемена, в составе которой также имелись экземпляры из клада (Munro-Hay 1997, p. 230–240). В 1999 г. немецкий коллекционер-любитель М. Хут опубликовал заметку, специально посвященную кладу из ас-Сурайры, в которой он упомянул дополнительные экземпляры монет клада, добавленные к его коллекции после ее издания Ст. Манро-Хаем в 1996 г. (Huth 1999, p. 37–51). Наконец, в только что увидевшей свет монографии Ст. Манро-Хай воспроизвел большинство из ранее опубликованных монет (Munro-Hay 2003, p. 111–113, 124–126). Однако, несмотря на кажущееся обилие публикаций, клад так и не был издан полностью. Представляется, что, учитывая новые поступления монет из клада в йеменские музеи, необходимо новое, более полное издание всех доступных для исследования экземпляров, что мы и предлагаем для публикации в настоящем сборнике.

В общей сложности для нашего исследования оказались доступны 278 монет (к сожалению, из-за ряда обстоятельств мы не смогли ознакомиться с 12 экземплярами из Таиззского музея). Из этого количества 92 экземпляра составляют монеты из коллекции ГОДРМ, впоследствии утраченные (поступление 1994 г.), 69 и 28 экземпляров — монеты из коллекций Аденского и Санского национальных музеев (поступления 1999 г.), 67 экземпляров — монеты из частных коллекций и 22 экземпляра — монеты из магазина на антикварном рынке в Сане. Практически все монеты были сфотографированы, обмерены и взвешены, за исключением экземпляров из одной частной коллекции, опубликованной Ст. Манро-Хаем в 1997 г. (PC 1996): автором публикации, к сожалению, большинство экземпляров описаны суммарно, без указания веса и размеров каждой монеты. Данные приведены в *Каталоге*.

Помимо монет клада из ас-Сурайры мы сочли возможным включить в данную публикацию и несколько монет из различных собраний, также представляющих, на наш взгляд, ранний катабанский чекан (см. *Каталог*, 280–288).

Классификация монет клада

Все монеты клада из ас-Сурайры разделены на три группы: I. *Подражания Афинским монетам «старого стиля»*; II. *Монеты «смешанного стиля»*; III. *Монеты «южноаравийского стиля»*. В каждой группе, в соответствии с весом монет, наличием или отсутствием на изображениях на л. и об. сторонах тех или иных южноаравийских букв, монограмм или символов, выделены различные серии.

Наиболее многочисленную группу монет клада составляют ***подражания Афинским монетам*** т.н. «старого стиля» (250 экз.). По весу различаются «тетрадрахмы» (44 экз.), «дидрахмы» (58 экз.), «драхмы» (42 экз.) и «хемидрахмы (триоболы)» (106 экз.).

I.1. «Тетрадрахмы». Среди 44 экземпляров «тетрадрахм» из клада имеются *серия I.1.1* без монограмм и/или букв на л. и об. сторонах (36 экз.), *серия I.1.2* с южноаравийскими буквами на л.ст. (5 экз.), *серия I.1.3* с т.н. катабанской «царской» монограммой на об.ст. (1 экз.) и *серия I.1.4* с южноаравийскими буквами на л.ст. и т.н. катабанской «царской» монограммой на об.ст. (2 экз.). «Тетрадрахмы» имеют вес в диапазоне от 14,4 до 18,0 г (средний вес — 16,4–16,6 г, среднеарифметический вес

52 экз. — 16,6 г[3]) (см. *табл. 1*). Примерно половина из них — овальной формы, размером 15–23×22–28 мм; остальные имеют довольно правильный монетный кружок 21–24 мм в диаметре. Соотношение осей у подавляющего большинства монет постоянное — на 9.00 часе, хотя встречаются и экземпляры с соотношением осей на 7.00, 8.00 и 10.00 часах (см. *табл. 6*).

Изображение головы Афины на л.ст. выполнено обычно довольно хорошо и аккуратно, достаточно близко к прототипу, т.е. подлинным Афинским тетрадрахмам, либо, скорее, их «восточным подражаниям» из Палестины, Египта и/или Малой Азии, хотя часто встречаются и весьма схематичные изображения, чеканенные иногда сильно изношенными штемпелями. Катабанские подражания копировали оригиналы, явно различные по времени их выпуска в метрополии. Так, на некоторых монетах из ас-Сурайры глаз Афины передан овалом (см., например, *Каталог*, 14, 26, 30, 39), а цветочный орнамент на ее шлеме относится к «классическому» типу, или типу *pi I* в классификации Ж. Бингена (Bingen 1969, p. 14–15) (см. *Каталог*, 1, 34). С другой стороны, в кладе имеется достаточное количество «тетрадрахм», у которых глаз Афины передан углом (см. *Каталог*, 2, 3, 5–8, 22–25, 40–44), а цветочный орнамент на шлеме должен быть отнесен к типам *pi IV* и *pi V* Бингена (см. *Каталог*, 22, 23, 40, 42).

Как правило, изображение на об.ст. монет клада сохранилось значительно лучше изображения на л.ст., что объясняется в большинстве случаев меньшей степенью изношенности штемпелей для ее чеканки. Многие экземпляры имеют следы вдавленного квадрата на об.ст. (см. *Каталог*, 1–3, 5, 9, 11, 14, 25, 37, 38), который на экземплярах с правильной формой монетного кружка часто имеет вид вдавленного круга (см. *Каталог*, 23).

На «тетрадрахмах» серии *I.1.2* на л.ст. на шее Афины под серьгой или позади серьги имеются буквы южноаравийского алфавита, переданные рельефом (т.е. вырезанные на штемпеле для чеканки). На всех имеющихся пяти экземплярах этой серии монет клада буквы различные. Это 𐩹 = *l*, 𐩩 = *t*, 𐩦 = s^2 и сочетание букв 𐩲 и 𐩡 = *ayn* и *l* и 𐩥 и 𐩣 = *w* и *m* (см. *Каталог*, 37–41).

На единственной «тетрадрахме», отнесенной к серии *I.1.3*, на об.ст. справа, между ногами совы и псевдогреческой легендой помещена катабанская «царская» монограмма 𐩢, переданная рельефом и состоящая, по-видимому, из двух букв: 𐩢 = *ḥ* (или 𐩠 = *h*) и 𐩡 = *l* (см. *Каталог*, 42).

«Тетрадрахмы» серии *I.1.4* имеют южноаравийские буквы на л.ст. на шее Афины позади серьги (𐩲 и 𐩡 = *ayn* и *l* на одном экземпляре и 𐩦 = s^2 на другом) и катабанскую «царскую» монограмму на об.ст. справа, между ногами совы и псевдогреческой легендой.

I.2. «Дидрахмы». Все «дидрахмы» имеют на л.ст. на щеке Афины южноаравийскую букву 𐩫/𐩬 = *k*, переданную в рельефе (т.е. вырезанную на штемпеле для чеканки л.ст.). Среди 58 экз. монет клада выделена *серия I.2.1* с южноаравийской буквой на л.ст. (43 экз.), *серия I.2.2* с южноаравийской буквой на л.ст. и катабанской «царской» монограммой на об.ст. (12 экз.) и *серия I.2.3* с южноаравийской буквой и монограммой на л.ст. и катабанской «царской» монограммой на об.ст. (3 экз.).

[3] Здесь и далее в подсчеты включены и катабанские подражания из различных собраний, не входящие в состав клада из ас-Сурайры (см. *Каталог*, 280–288).

«Дидрахмы» имеют вес в диапазоне от 7,2 до 8,7 г (средний вес — 8,0–8,3 г, среднеарифметический вес 59 экз. — 8,1 г) (см. *табл. 2*). Монетный кружок обычно довольно правильной формы, диаметром 16–20 мм или размером 16–17×18–20 мм. Соотношение осей у подавляющего большинства монет постоянное — на 9.00 часе, хотя, так же как и у «тетрадрахм», встречаются экземпляры с соотношением осей на 7.00, 8.00 и 10.00 часах (см. *табл. 7*).

Так же как и у «тетрадрахм», изображение головы Афины на л.ст. «дидрахм» выполнено достаточно близко к прототипу. Здесь также можно выделить монеты, на которых глаз Афины передан углом, а цветочный орнамент на шлеме может быть отнесен к типам *pi IV* и *pi V* Бингена (см. *Каталог*, 45–54, 56, 75–79, 84). Однако у большинства экземпляров из клада глаз Афины передан овалом, а цветочный орнамент на шлеме относится к «классическому», или *pi I*, типу (см. *Каталог*, 55, 58–62, 69–74, 80–83, 89–92, 94–102). Здесь также отмечены случаи чеканки монет весьма потертым штемпелем для л.ст. В ряде случаев на об.ст. имеются следы вдавленного квадрата (см. *Каталог*, 70, 80, 83, 88–91, 98, 99).

У «дидрахм» серии I.2.2 на об.ст. справа, между ногами совы и псевдогреческой легендой имеется катабанская «царская» монограмма, переданная рельефом (см. *Каталог*, 88–99). Отметим, что изображения на л.ст. всех монет этой серии представлены весьма ранними типами (овальный глаз Афины, «классический» тип цветочного орнамента на шлеме).

Тот же ранний тип изображения Афины имеется и на л.ст. «дидрахм» серии I.2.3. От монет предыдущей серии они отличаются наличием монограммы 𐩢 на л.ст. на шее Афины позади серьги, состоящей из двух южноаравийских букв 𐩨 и 𐩣 = *ḥ* и *m* (см. *Каталог*, 100–102).

I.3. «Драхмы». Все «драхмы» имеют на л.ст. на щеке Афины южноаравийскую букву 𐩧 = *n*, переданную в рельефе (т.е. вырезанную на штемпеле для чеканки л.ст.). Все 42 экземпляра относятся к одной *серии I.3.1* с южноаравийской буквой на л.ст. Они имеют вес в диапазоне от 3,6 до 4,2 г (средний вес — 3,9–4,0 г, среднеарифметический вес 42 экземпляров — 3,96 г) (см. *табл. 3*). Монетный кружок обычно довольно правильной формы, диаметром 13–16 мм или размером 12–15×14–16 мм. Соотношение осей у половины экземпляров — на 9.00 часе, однако довольно часто встречается и соотношение осей на 8.00 часе (11 экз.), на 7.00 часе (6 экз.), на 6.00 и 10.00 часах (по 2 экз.) (см. *табл. 8*).

В изображении головы Афины на л.ст. можно отметить как «ранние» признаки (передачу глаза овалом; см. *Каталог*, 105, 115, 116, 118, 134–136, 142, 144), так и «поздние» (передачу глаза углом, цветочный орнамент на шлеме типа *pi IV* или *pi V* по Ж. Бингену; см. *Каталог*, 103, 106–108, 126, 133). Отметим и сочетание «ранних» и «поздних» элементов в изображениях: передача глаза Афины овалом и тип *pi IV* или *pi V* цветочного орнамента на ее шлеме (см. *Каталог*, 115, 134, 136, 142, 144). На об.ст. многих экземпляров монет из клада имеются следы вдавленного квадрата (см. *Каталог*, 104, 108, 112, 120, 123, 125, 128, 131, 138). Отметим также характерную особенность, часто встречающуюся и на монетах предыдущих серий, — чеканку л.ст. сильно изношенным штемпелем.

I.4. «Хемидрахмы (триоболы)». Все «хемидрахмы (триоболы)» имеют на л.ст. на щеке Афины южноаравийскую букву 𐩬 = *g*, переданную в рельефе. Из 106 имеющихся экземпляров абсолютное большинство относится к *серии I.4.1* с южноаравийской

буквой на л.ст. и катабанской «царской» монограммой на об.ст., переданной в рельефе и помещенной на «традиционном» месте — справа между ногами совы и псевдогреческой легендой (см. *Каталог*, 145–249). Лишь одна монета может быть отнесена к *серии I.4.2* — с южноаравийской буквой на л.ст., катабанской «царской» монограммой и южноаравийской буквой на об.ст. (см. *Каталог*, 250). Вес монет колеблется в пределах от 1,7 до 2,1 г (средний вес — 1,8–2,0 г, среднеарифметический вес 87 экз. — 1,9 г) (см. *табл. 4*). Монетный кружок обычно довольно правильной формы, диаметром 11–13 мм или размером 10–12×12–14 мм. Соотношение осей довольно стабильное — на 9.00 (57 экз.) или 8.00 (26 экз.) часах, хотя имеются отдельные экземпляры и с соотношением осей на 7.00 (2 экз.) и 10.00 (1 экз.) часах (см. *табл. 9*).

Из иконографических особенностей изображения головы Афины на л.ст. отметим безусловное преобладание «поздних» черт: передачу глаза Афины углом и тип *pi IV* или *pi V* цветочного орнамента на ее шлеме. Однако единичные экземпляры демонстрируют и «раннюю» иконографическую черту — передачу глаза Афины овалом (см. *Каталог*, 241, 247). Весьма часто на об.ст. встречаются следы вдавленного квадрата (см. *Каталог*, 145, 147, 152–154, 166–168, 179–180, 185, 186, 188, 199, 201, 208, 210, 211, 220, 221, 224–227, 231, 233, 235, 236, 242, 246).

На единственной монете, отнесенной нами к серии I.4.2, на об.ст. слева позади совы под полумесяцем имеется южноаравийская буква 𐩦 = s^2, переданная рельефом (см. *Каталог*, 250).

Во вторую группу т.н. ***«смешанного стиля»*** нами выделены три монеты (см. *Каталог*, 251–153). На их л.ст. имеется изображение мужской головы вправо, явно выполненное под влиянием иконографии изображения головы Афины на монетах предыдущих серий. Поверх прически изображенного персонажа имеется широкая диадема с южноаравийской надписью, читающейся как 𐩡𐩣𐩪𐩣 = lms^1m[4]. Изображение на об.ст. повторяет иконографический тип серии I.4.2 «тетрадрахм (триоболов)», однако вместо буквы слева позади совы под полумесяцем помещена монограмма 𐩣, состоящая из двух южноаравийских букв 𐩣 = *m* и 𐩧 = *r* (или 𐩠 = *h*). Вес монет — 1,6–1,9 г; их размер — 11×12 мм; соотношение осей — на 9.00 и 10.00 часах. Подобные монеты ранее были неизвестны в южноаравийской нумизматике.

К третьей группе отнесены монеты т.н. ***«южноаравийского стиля»*** (25 экз.), иконография которых в корне отличается от монет предыдущих серий. Л.ст. этих монет занимает изображение мужской головы с курчавыми волосами вправо и южноаравийской легендой вверху по кругу со 2-го или 3-го часа, читающейся как 𐩹𐩴𐩱𐩰𐩨[= *yd''b*[или 𐩹𐩴𐩱𐩰𐩨𐩸𐩨[= *yd''b ḏb*[(обычно четко видны только первые две или три буквы легенды; возможно, на некоторых экземплярах легенда на л.ст. и вовсе отсутствовала). На об.ст. изображена бородатая мужская голова в прическе с «шиньоном» вправо и южноаравийская легенда вверху по кругу с 1-го или 2-го часа (ее полный вариант читается, вероятно, как 𐩹𐩴𐩱𐩰𐩨𐩣𐩡𐩫𐩤𐩩𐩨𐩬𐩦𐩹𐩣 = *yd''b mlk qtbn* s^2ym или 𐩣𐩡𐩫𐩤𐩩𐩨𐩬𐩦𐩹𐩣 = *mlk qtbn* s^2ym, однако в подавляющем большинстве случаев четко видны лишь несколько букв легенды). По наличию или отсутствию на об.ст. дополнительных символов выделены две серии: *серия III.1.1* с катабанской «царской»

[4] Ст. Манро-Хай, впервые опубликовавший этот экземпляр, дает чтение 𐩳𐩣𐩪𐩣 = gms^1m (Munro-Hay 1996, p. 38; 2003, p. 124); см. также: *Приложение. Ономастический комментарий* к данной статье, принадлежащий С.А. Французову.

монограммой 𐩢 (12 экз.; см. *Каталог*, 254–265) и *серия III.1.2* с катабанской «царской» монограммой и «квадратным» символом 𐩤 (на некоторых монетах этой серии имеется дополнительный знак в виде южноаравийской буквы 𐩮 = *t*) (13 экз.; см. *Каталог*, 266–278). Вес монет этой группы колеблется в пределах 1,6–2,0 г (средний вес — 1,8–1,9 г; среднеарифметический вес 25 экз. — 1,85 г) (см. *табл. 5*). Монетный кружок обычно слабо скифатный, диаметром 11–14 мм или размером 12–13×13–15 мм; соотношение осей нефиксированное — на 12.00 часах (10 экз.), 1.00 часе (8 экз.), 2.00 часах (5 экз.), 11.00 часах (1 экз.) (см. *табл. 9*).

Дискуссия

Предварительный анализ монет клада из ас-Сурайры позволяет если не решить, то хотя бы поставить ряд вопросов о некоторых характерных особенностях в первую очередь раннего катабанского подражательного чекана, отличавшегося, судя по всему, от сходных выпусков других южноаравийских царств, в первую очередь от монет Саба' и Хадрамаута. Ниже мы попытаемся ответить на некоторые из них.

Атрибуция монет клада. Подавляющее большинство монет из ас-Сурайры были отчеканены в Южной Аравии в подражание Афинскому серебру т.н. «старого стиля» либо, скорее, их «восточным подражаниям», выпускавшимся в Египте, Палестине и Малой Азии (своеобразные «подражания подражаниям»), хотя нельзя исключить и вероятность того, что в его составе имеются и подлинные «восточные подражания». Так, например, одна из «тетрадрахм» клада (см. *Каталог*, 5) имеет на об.ст. на голове совы рубленую полосу. Таким методом проверялся металл монеты, не является ли она плакированной, т.е. не имеет ли медного сердечника. Насколько мы знаем, подобная практика не была характерна для Южной Аравии, но была весьма популярна в Восточном Средиземноморье, откуда, возможно, и происходит указанный экземпляр.

Представляется, что имеется возможность более точного определения места чеканки монет-подражаний клада из ас-Сурайры. На большей части этих монет имеются монограммы и символы, причем не надчеканенные, а вырезанные на штемпелях для их чеканки. Безусловно преобладающей является монограмма 𐩢, помещенная на об.ст. монет. На подражаниях афинским выпускам и на монетах «смешанного стиля» она расположена между ногами совы и псевдогреческой легендой, на монетах «южноаравийского стиля» — слева или, редко, справа от изображения. Эта же монограмма или ее вариант 𐩣 встречается в ряде надписей царей Катабана, относимых к IV в. до н.э.: Ja 405, Ja 2361, MuB 36, MuB 525 (Jamme 1958, p. 143–147; Avanzini et al. 1994, p. 19–20, 32). Вряд ли будет преувеличением предположить, что ее присутствие на анэпиграфных монетах-подражаниях служит указанием на то, что они выпускались правителями именно этого южноаравийского царства. О принадлежности данной монограммы катабанским правителям указывает и тот факт, что на монетах «южноаравийского стиля» она дополнена легендой, читающейся как «Йада''аб, царь Катабана учредил (выпустил? отчеканил?)» (*yd''b mlk qtbn s²ym*)[5]. Правда, большая

[5] Точное значение глагола *s²ym* не установлено. *Sabaic Dictionary* дает несколько вариантов перевода, включая «основывать, воздвигать» ("set up, erect *s.t.*") (SD, p. 136). Дж. Биелла предлагает в качестве варианта «основывать, приготовлять, устанавливать» ("set up, prepare, establish") (Biella 1982, p. 515). С. Рикс предлагает два варианта: 1) «охранять, защищать» ("to secure, protect") и 2) «декорировать, отделывать»

часть «тетрадрахм», «дидрахм» и все «драхмы» этой монограммы лишены. Можно предположить, что катабанская «царская» монограмма появилась не на самых ранних подражательных выпусках и понадобилась лишь тогда, когда возникла необходимость различать типологически близкие монеты соседних государств, Саба' и Хадрамаута, которые для своего раннего подражательного выпуска также выбрали афинские прототипы. Правда, в таком случае мы должны признать, что монеты мелкого номинала, т.е. «хемидрахмы (триоболы)», все известные экземпляры которых, происходящие из клада, снабжены катабанской «царской» монограммой, на начальной стадии катабанской подражательной чеканки не выпускались. Возможен и иной вариант — по каким-то причинам ранние катабанские «хемидрахмы (триоболы)» без катабанской «царской» монограммы выпускались в очень ограниченном количестве и не аккумулировались в составе клада. Об их возможном наличии на катабанском рынке свидетельствует, вероятно, монета из Британского музея весом 2,06 г, для которой мы можем предположить катабанское происхождение (Hill 1922, p. 46, no. 15).

На монетах «южноаравийского стиля» серии III.1.2 помимо катабанской «царской» монограммы на об.ст. имеется т.н. «квадратный символ». Этот же знак встречается практически на всех южноаравийских монетах с легендой *ḥrb* на об.ст. (Munro-Hay 2003, p. 105), принадлежность которых катабанскому чекану не вызывает сомнений (Седов 1998, с. 6).

Помимо «царской» монограммы, «квадратного символа», да и самой легенды на монетах «южноаравийского стиля» на катабанскую принадлежность монет клада указывает и место их обнаружения: этот район Южной Аравии во второй половине I тысячелетия до н.э. входил в состав Катабанского царства (Avanzini 1997, p. 98–101).

Весовой стандарт монет. Монеты-подражания из клада ас-Сурайры достаточно убедительно показывают, что для своего раннего чекана катабанцы не только копировали афинские прототипы и их «восточные подражания», но и заимствовали аттический весовой стандарт (Carradice 1995, p. 11), в котором вес драхмы составлял 4,3 г (вес тетрадрахмы — 17,2 г, вес хемидрахмы (триобола) — 2,15 г), хотя и в «облегченном» варианте. О том, что мы имеем дело именно с различными номиналами ранней катабанской чеканки, но не с этапами редукции подражаний, свидетельствуют разные южноаравийские буквы на л.ст. различных серий монет из клада, т.н. «знаки номинала» («value marks»). То, что в южноаравийском монетном чекане ими обозначался номинал, является общепризнанным фактом еще со времен выпуска *Каталога* Дж.Ф. Хилла (Hill 1922, p. xlvii). В последнее время это утверждение подкреплено

("to decorate, furnish") и приводит перевод А. Жамма «открывать» ("to inaugurate") (Ricks 1989, p. 166; Jamme 1958a, p. 189). При раскопках экспедиции Американского фонда по изучению человека (AFSM) в Тимна', столице Катабана, во дворе крупнейшего здания на городище, определенного впоследствии как царский дворец Хариб (*ḥrb*), были найдены несколько крупных пьедесталов для установки металлических, вероятно бронзовых, антропоморфных статуй. По крайней мере на двух из них была вырезана та же формула, что встречается и на наших монетах: *s²hr/ygl/yhrgb/mlk/qtbn/s²ym* (надписи Ja 874 и Ja 875). А. Жамм предложил следующий перевод надписей на пьедесталах: «Шахар Йагул Йухаргиб, царь Катабана, установил» ("Šahar Yagul Yuhargib, king of Qatabân, has set") (Jamme 1979, p. 9–12). Представляется, что в легенде на монете более уместно ожидать выражение типа «выпустил» или «отчеканил». Именно такой перевод предлагает Ст. Манро-Хай: «Отчеканено Йада''абом Зубайином, царем Катабана» ("Struck by YD''B DBYN, King of Qataban") (Munro-Hay 2003, p. 125). Об имени Йада''аб, как весьма популярном среди катабанских правителей, см. Kitchen 1994, p. 183–188, 240–241.

метрологическими исследованиями[6]. Для ранних подражаний Катабана можно выделить следующие номиналы: «тетрадрахмы» со средним весом 16,4–16,6 г (без «знака номинала» на л.ст.), «дидрахмы» со средним весом 8,0–8,3 г (с буквой 𐩫/𐩣 = *k* на л.ст.), «драхмы» со средним весом 3,9–4,0 г (с буквой 𐩡 = *n* на л.ст.) и «хемидрахмы (триоболы)» со средним весом 1,8–2,0 г (с буквой 𐩲 = *g* на л.ст.). Обратим внимание на весьма характерную особенность катабанских «хемидрахм (триоболов)»: несмотря на то что по весу они близки афинским хемидрахмам (триоболам), иконографически их об.ст. резко отличается от прототипа. На об.ст. афинских хемидрахм (триоболов) сова изображена в фас, тогда как катабанские подражания копируют тип об.ст., характерный для других номиналов — тетрадрахм, дидрахм, драхм и оболов. Иными словами, следуя заимствованному весовому стандарту, катабанцы сохранили привычный для них иконографический тип монет.

Использование для обозначения ранних катабанских подражаний греческих терминов «тетрадрахма», «дидрахма», «драхма», «хемидрахма (триобол)» обусловлено тем, что мы не знаем, как назывались монеты тех или иных номиналов в Катабане или в каком-либо из других южноаравийских царств. По заключению А.К. Ирвайна, посвятившего этому специальное исследование (Irvine 1964, p. 18–36), и А. Жамма, написавшего на него весьма критическую рецензию (Jamme 1976, p. 125–137), терминами, обозначавшими в южноаравийских надписях монеты и их номиналы, являлись *blṯt*/*blṯ*, *rḍy*, [*mṣ't*]/*mṣ'*, *ḥy'lyt*/*ḥy'ly*, [*mḥlyt*]/*mḥly*, [*n'm*]/*n'mt*, *qrf*, [*ḫbṣ*]/*ḫbṣt*, *wrq*[7]. Однако соотнести конкретный термин с конкретным известным типом южноаравийских монет не представляется возможным. Отметим, что, по всей вероятности, термином *blṯt*/*blṯ* в сабейских текстах обозначались монеты вообще, а в катабанских текстах в этом же значении употреблялся термин [*ḫbṣ*]/*ḫbṣt*.

Датировка монет клада. Весьма важен вопрос о начальной дате катабанской подражательной чеканки, который можно попытаться решить на основе стилистического анализа типа изображений на л. и об. сторонах монет клада из ас-Сурайры. Как было отмечено выше, некоторые экземпляры имеют весьма характерные признаки изображения головы Афины. Это овальный глаз богини и «классический» либо весьма ранний тип цветочного орнамента на ее шлеме (тип *pi I* по Ж. Бингену), присущие аттическим монетам конца V — первой половины IV в. до н.э. С другой стороны, в этом же кладе имеются и монеты, на которых Афина изображена с треугольным глазом (т.е. показанным в профиль), оливковые листья на ее шлеме — в виде треугольников, а цветочный орнамент на затылочной части шлема должен быть отнесен к типам *pi IV* и *pi V* в соответствии с классификацией Ж.Бингена, т.е. к последней трети IV в. до н.э. (Bingen 1969, p. 7–59; Nicolet-Pierre, Kroll 1990, p. 2–3). Отдельные экземпляры из клада ас-Сурайры весьма близки афинским тетрадрахмам, выпускавшимся в период Филиппа II и Александра Македонского, как по фактуре монетного кружка, так и по стилю изображений на л. и об. сторонах[8]. Вероятно, начав копировать для своей подражательной чеканки аттические монеты конца V — первой половины IV в. до н.э., а возможно и более ранние выпуски, катабанцы продолжали

[6] См.: Kropp, Hahn 1997, как одну из последних работ на эту тему.

[7] См. также соответствующие статьи в SD.

[8] Ср., например, афинские тетрадрахмы на таблицах, изданных Ж. Свороносом: Svoronos, 1923-26, tabl. 19, nos. 2–8, 14–17 — монеты периода Филиппа II; Svoronos, 1923-26, tabl. 20, nos. 2–6, 19, 21, 22, 25–29 — монеты периода Александра Македонского и его преемников.

использовать в качестве прототипов и монеты, поступавшие к ним позднее. Не совсем ясно, насколько велик был разрыв во времени между датами прототипов и датами начала чеканки ранних катабанских подражаний, хотя можно предположить, что он вряд ли был значительным. Если учитывать предполагаемый факт присутствия на раннем этапе денежного обращения в Южной Аравии подлинных аттических монет и их «восточных подражаний» (Седов 2003, с. 155–168), то дата первых монет, выпущенных в Катабане, должна приходиться, видимо, на первую половину IV в. до н.э. Существенно, что среди этих прототипов отсутствует афинское серебро, датирующееся III в. до н.э., характерными признаками которого являются *ornamentation quadridigitée* на шлеме Афины на л.ст. и, как правило, отсутствие точки между глазами совы в изображении на об.ст. (Nicolet-Pierre, Kroll 1990, p. 3).

Обратим внимание на присутствие среди монет клада из ас-Сурайры катабанских подражаний афинским дидрахмам. Монеты этого номинала практически не выпускались в Афинах после 450 г. до н.э. (Starr 1970, p. 56, 70)[9]. Так, в *Корпусе* Ж. Свороноса приведен лишь один экземпляр дидрахмы среди монет, выпущенных в период Первой Пелопоннесской войны, кстати, иконографически весьма близкий катабанским подражаниям (Svoronos, 1975, p. 11, 18)[10]. Редки монеты этого номинала и среди т.н. «палестинско-аравийских» («Philisto-Arabian») серий (Gitler 1996, p. 7). Отметим, что в кладе из ас-Сурайры именно среди «дидрахм» встречаются экземпляры с наиболее архаичным типом л.ст. (см. *Каталог*, 69, 80, 88, 89, 94–102).

Как долго выпускались ранние катабанские подражания по образцу аттических монет «старого стиля», мы можем только гадать[11]. Как считал Дж.Ф. Хилл, им на смену пришли монеты его "series γ" (Hill 1922, p. li–lii), на л.ст. которых голова Афины была заменена изображением мужской головы вправо с характерной прической, переданной мелкими локонами (т.е. мужской портрет, весьма сходный с изображением на л.ст. наших монет «южноаравийского стиля»; см. выше). На об.ст. продолжала изображаться сова, но теперь она была показана в более вертикальной позиции по сравнению с предшествующими выпусками, а на некоторых экземплярах четко видно, что она сидит на горизонтально лежащей амфоре (Huth 2002)[12]. По обе стороны от совы помещались сложные монограммы. Знак номинала в форме южноаравийской буквы 𐩢 = *n* также переместился на об.ст. монет: теперь он помещался вверху слева от головы совы. Весовой стандарт этих монет довольно неустойчив, но явно отличен от катабанского, как мы знаем его по монетам клада из ас-Сурайры: известные экземпляры из Британского музея, из венского и берлинского Нумизматических

[9] Ср. с точкой зрения Б.В.Хеда, что дидрахмы чеканились только в начале V в. до н.э. (Head 1888, p. xxv).

[10] Ср. мнение Ч.Г. Старра, что дидрахмы, чеканенные во второй половине V в. до н.э., по стилю являются «восточными подражаниями» ("the few examples which share this style seem to be Eastern imitations") (Starr 1970, p. 70).

[11] По личному сообщению В. Гланцмана, катабанская «хемидрахма (триобол)» с весом чуть более 1,3 г была найдена при раскопках Американской археологической экспедицией поселения Хаджар Райхани в вади ал-Джуба, в слое, датирующемся на основании радиоуглеродного анализа III–II вв. до н.э. Судя по прорисовке, изображение на л.ст. монеты сохранилось весьма плохо, тогда как сова и катабанская «царская» монограмма на об.ст. видны весьма отчетливо.

[12] Ср. с изображением совы на об.ст. афинских тетрадрахм и драхм, чеканившихся во второй половине III в. до н.э. (Svoronos, 1923-26, tabl. 23, nos. 11, 12, 20–42), и с сабейскими выпусками, об.ст. которых чеканена в подражание афинским монетам т.н. «нового стиля» (Hill 1922, pl. VIII–X).

кабинетов, из частных коллекций имеют вес от 4,35 до 5,5 г (известен экземпляр и с меньшим весом — 3,71 г) (Kubitschek 1899, S. 68, Abb. 13, 14; Hill 1922, p. 52, no. 70, pl. VII, 24, L, 1; Svoronos 1923-26, tabl. 111, nos. 61–63; Dembski 1989, fig. 36, 8; Munro-Hay 1996, p. 35). Однако атрибуция монет "series γ" не может считаться окончательно установленной. Так, Ж. Пиренн считала эти монеты чеканом Саба' (Pirenne 1961, p. 61–65, pl. VI). Исходя из сочетания на монетах "series γ" иконографических черт, присущих как катабанскому (портрет правителя на л.ст.), так и сабейскому (изображение совы, сидящей на горизонтальной амфоре, типы монограмм, весовой стандарт) чеканам, мы предложили относить данные выпуски к т.н. «катабано-сабейским сериям», появление которых, возможно, отражает политическую гегемонию катабанских правителей над частью сабейской территории (Sedov 2001, p. 30; 2002, p. 75).

Еще Я. Кубичек видел в изображении на л.ст. этих монет определенное сходство с портретом на монетах пергамского правителя Филатера (284–263 гг. до н.э.) (Kubitschek 1899, S. 65). Дж.Ф. Хилл считал, что «если это и копия чего-то», то более подходящей аналогией является портрет Птолемея I Сотера на монетах, чеканенных на александрийском монетном дворе либо в Киренаике (Hill 1922, p. li). Ст. Манро-Хай пишет уже с уверенностью, что «изображение деталей на всех этих монетах (имеется в виду мужской портрет на л.ст. монет "series γ" и весьма сходное с ним по типу изображение на других катабанских монетах, например на монетах "series δ" по Дж.Ф. Хиллу. — *А.С.*) ... очень близко к изображениям на эллинистических монетах третьего века [до н.э.], и безусловно портрет Селевка на пергамских монетах являет собой близкую модель»[13]. Все эти иконографические заключения хорошо соответствуют относительной датировке монет "series γ", предложенной еще Дж.Ф. Хиллом: он считал, что они выпускались до появления катабанских монет с мужскими портретами на л. и об. сторонах, монет его "series δ", начавших чеканиться во II в. до н.э. (Hill 1922, p. li–lii, 52).

В кладе из ас-Сурайры монеты "series γ" или «катабано-сабейские серии» отсутствуют, правда, имеются монеты мелкого номинала, «хемидрахмы (триоболы)», отнесенные нами к т.н. «смешанному стилю» (серия II.1.1). На их л.ст. имеется мужской портрет в диадеме, на которой читается южноаравийская надпись 𐩣𐩪𐩣𐩡 = *lms*^{1}*m* (возможно, имя или часть имени правителя, эти монеты выпускавшего; см. также *Приложение*). Изображение совы на об.ст. этих монет выполнено в стиле катабанских «хемидрахм (триоболов)», в изобилии представленных в этом же кладе, однако оно фланкировано двумя монограммами: помимо катабанской «царской» монограммы между ногами совы и псевдогреческой легендой добавлена еще одна монограмма, теперь поверх изображения совы (см. *Каталог*, 251–253). Не вызывает сомнения, что типологически эти монеты выпускались сразу после катабанских серий I.3.1 и I.3.2.

Таким образом, завершение подражательной чеканки в Катабане должно приходиться на какую-то часть II в. до н.э., возможно на его середину, когда на смену монетам с совой на об.ст. приходят монеты с двумя мужскими портретами, на л. и об. сторонах, т.е. монеты Йада''аба, также имеющиеся в кладе из ас-Сурайры (см. выше,

[13] "The depiction of the features on all these coins, however, is very close to those on some third century Hellenistic coins, and certainly the Seleucus head on Pergamene coins supplies a close model" (Munro-Hay 1996, p. 35). Отметим все же, что подобное заключение об истоках иконографии изображений на катабанских монетах нуждается в более тщательной и подробной аргументации.

монеты серий III.1.1 и III.1.2). В дальнейшем этот тип монет сменяется монетами "series δ" по Дж.Ф. Хиллу (Hill 1922, p. lii, 52; pl. VII, 25,26), просуществовавшими в Катабанском царстве вплоть до его исчезновения с политической карты Южной Аравии[14]. Что касается монет с именем Йада''аба, то, возможно, их выпуск надо связывать с неким Йада''абом Зубаййином, царем Катабана. Отметим, правда, что ни одна из известных к настоящему времени монет не содержит в своей легенде полного имени этого катабанского правителя. Так, на одной монете из клада легенда на л.ст. читается как *yd''bḏb*[(см. *Каталог*, 271), а остатки легенды на л.ст. другой монеты — как]*ḏb*..[(см. *Каталог*, 272). Весьма вероятно, что легенды на указанных монетах могут быть восстановлены как *yd''bḏb*[*yn*], однако это предположение нуждается в подтверждении новыми находками.

Датировка и возможные пути формирования клада. Предполагаемая дата зарытия клада должна соответствовать дате наиболее «поздних» монет в его составе. В нашем случае это, безусловно, монеты Йада''аба, т.е. монеты серий III.1.1 и III.1.2, предположительно датирующиеся какой-то частью II в. до н.э. Если мы примем во внимание предлагаемую датировку наиболее «ранних» монет клада серединой IV в. до н.э., то должны прийти к заключению, что монеты клада собирались весьма длительное время и, возможно, несколькими поколениями его владельцев, принадлежавшими к одному роду. В пользу этого предположения свидетельствует как будто бы и находка вместе с монетами клада серебряного перстня с печаткой (рис. 12, *279*), на которой вырезано, вероятно, родовое имя (см. *Приложение*). Однако не исключено, что монеты клада находились не в частном владении, а накапливались, например, в храмовой сокровищнице. В этом случае клад мог формироваться из приношений нескольких поколений донаторов. Отметим, что, как кажется, монеты клада отбирались специально: многие из них очень хорошей сохранности и практически не имеют следов потертости, что неизбежно при их регулярной циркуляции на рынке. В тех же случаях, когда изображения на лицевой (преимущественно) или оборотной сторонах монеты видны весьма неотчетливо, не вызывает сомнения, что они чеканились изношенными, иногда значительно, штемпелями.

Клад из ас-Сурайры и другие находки ранних катабанскх монет. Монеты-подражания с весом, близким Афинским тетрадрахмам из Южной Аравии, были известны задолго до находки клада из ас-Сурайры: еще в 1899 г. Я. Кубичек опубликовал шесть таких монет, привезенных из Йемена Э. Глазером и Х. Мордтманном (Kubitschek 1899, S. 76; см. также: Svoronos 1923-26, pl. 111, 1, 4, 6–8; Munro-Hay 2003, pl. LIX). Все исследователи, включая Дж. Хилла, считали их древнейшими южноаравийскими подражаниями монетам Аттики, хотя и определяли их вес как "a tridrachm expressed in terms of the piece of 5.62 gm" (Hill 1922, p. lxxx). Более детальное изучение упомянутых выше экземпляров, сопоставление их с экземплярами из ас-Сурайры позволили определить две монеты из этой коллекции как подлинную Афинскую тетрадрахму конца V в. до н.э. (на ее л. и об. сторонах имеются три надчекана и три рубленые

[14] "Series with two heads" в соответствии с классификацией Дж. Хилла (Hill 1922, p. lxiv–lxxix, 68–75). Этот же тип монет, вплоть до деталей, был заимствован химйаритами, образовавшими около 110 г. до н.э. свое царство в юго-западной части Йеменского нагорья, на территории, ранее подвластной Катабану. Важно в этой связи отметить, что химйариты, похоже, считались преемниками Катабана — известно, что в ряде сабейских надписей они названы «детьми 'Амма», т.е. так же, как называли себя и катабанцы (Бауэр, Лундин 1994, с. 113).

полосы, нанесенные, вероятно, в каком-то из регионов Восточного Средиземноморья, где она первоначально обращалась) и «восточное подражание» Афинским тетрадрахмам IV в. до н.э. (Седов 2003, с. 155–156), а остальные четыре монеты относить к выпускам раннего катабанского серебра (серии I.1.1 и I.1.2) (см. *Каталог*, 280–282, 285). Специально отметим, что среди последних имеется монета с южноаравийской буквой 𐩣 = *l* на л.ст. на шее Афины справа от серьги, переданная рельефом, т.е. вырезанная на штемпеле для ее чеканки (см. *Каталог*, 285). Еще одна катабанская «тетрадрахма» серии I.1.2 с тем же знаком в виде южноаравийской буквы 𐩣 = *l* на л.ст. была издана недавно в составе небольшой коллекции южноаравийских монет из Израильского музея в Иерусалиме (Davidde 2003, p. 64) (см. *Каталог*, 286).

Недавние находки в Йемене позволили добавить к корпусу ранних катабанских монет-подражаний еще несколько экземпляров. Так, две катабанские «тетрадрахмы» серии I.1.1, образцами для которых послужили Афинские монеты или их «восточные подражания» конца IV в. до н.э., были найдены в местности Карйат ал-Гул (Qaryat al-Gul) в районе Тур ал-Баха (Towr al-Bahā) в пров. Лахедж на юге Йемена (см. *Каталог*, 283) и в вади Байхан (Sedov 2002a, p. 93–94, 99; pl. 1, 1) (см. *Каталог*, 284). Катабанские «дидрахма» серии I.2.2 (см. *Каталог*, 287) и «хемидрахма (триобол)» серии I.4.1 (см. *Каталог*, 288) происходят, соответственно, из Масна'ат Марийа (Maṣna'at Māriya) к западу от Замара и из грабительских раскопок в Хейд бин Акил, некрополе катабанской столицы Тимна' в вади Байхан. Обе последние монеты хранятся в Археологическом музее Аденского университета. Следует отметить, что все указанные выше находки происходят либо из центральных районов древнего Катабанского царства (вади Байхан), либо с территорий, в последние века до н.э. ему политически подчинявшихся, что может служить дополнительным аргументом правильности атрибуции рассмотренных в нашей работе монет.

Список цитированной литературы

Бауэр, Лундин 1994 — Бауэр Г.М., Лундин А.Г. «Южная Аравия в X в. до н.э. — VI в. н.э.: основные этапы истории». В: *Красноморские заметки, I.* Под ред. Э.Е. Кормышевой и А.В. Седова. М. (Материалы по истории цивилизации древней Южной Аравии), с. 86–117.

Седов 1998 — Седов А.В. *Монеты древнего Хадрамаута.* М.

Седов 2003 — Седов А.В. «О начале денежного обращения в древней Южной Аравии». В: *Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина.* М., с. 155–168.

'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997 — 'Abdullah Yu.M., Ghāleb 'A.O., Sedov A.V. "On the Early Qatabānian Coinage: The aṣ-Ṣurayrah Coin Hoard". *AAE*, vol. 8, no. 2, November, p. 203–229.

Avanzini 1997 — Avanzini A. "L'hégémonie qatabânite". In: *Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998.* Paris, p. 98–101.

Avanzini et al. 1994 — Avanzini A., Bāfaqīh M., Bāṭāyi' A., Robin Chr. "Materiali per il corpus qatabanico". *Raydān*, vol. 6, p. 17–36.

Biella 1982 — Biella J.C. *Dictionary of Old South Arabic. Sabaean Dialect.* Harvard (Harvard Semitic Studies, 25).

Bingen 1969 — Bingen J. "Le trésor monétaire Thorikos 1969". *Thorikos*, VI, p. 7–59.

Carradice 1995 — Carradice I. *Greek Coins.* The British Museum Press.

Davidde 2003 — Davidde B. "Three Unpublished Collections of South Arabian Coins". *AAE*, vol. 14, no. 1, May, p. 63–70.

Dembski 1989 — Dembski G. "Die antike Münzprägung im Jemen". In: *Jemen. Im Land der Königin von Saba'*. Hrsg. von A. Janata. Wien, S. 103–109.

Gitler 1996 — Gitler H. "New Fourth-Century BC Coins from Ascalon". *NC*, vol. 126, p. 5–14.

Head 1888 — Head B.V. *Catalogue of Greek Coins. Attica–Megaris–Aegina.* London (reprint — Bologna, 1963).

Hill 1922 — Hill G.F. *Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia.* London (reprint — Bologna, 1965).

Huth 1999 — Huth M. "An Important Hoard of Early South Arabian Coins from the Kingdom of Qataban". *Swiss Numismatic Review*, vol. 78, p. 37–51.

Huth 2002 — Huth M. "Beyond Gaza: Two South Arabian Problems". *INJ* (in press).

Irvine 1964 — Irvine A.K. "Some Notes on Old South Arabian Monetary Terminology". *JRAS*, p. 18–36.

Jamme 1958 — Jamme A. "She'b edh-Dhaqab Inscriptions". In: *Le Baron Bowen R., Albright F.P. Archaeological Discoveries in South Arabia.* Baltimore, p. 143–147 (Publications of the AFSM. Vol. II).

Jamme 1958a — Jamme A. "Inscriptions Related to the House Yafash in Timna'". In: *Le Baron Bowen R., Albright F.P. Archaeological Discoveries in South Arabia.* Baltimore, p. 183–198 (Publications of the AFSM. Vol. II).

Jamme 1976 — Jamme A. "A.K. Irvine's Paper on Coinage and Weight, and Ja 2873". In: *Jamme A. Carnegie Museum 1974–1975 Yemen Expedition.* Pittsburgh, p. 125–137.

Jamme 1979 — Jamme A. "Inscriptions from the TTI Building in Timna'". In: *Jamme A. Miscellanées d'ancient arabe, IX.* Washington, p. 3–72.

Kitchen 1994 — Kitchen K. *Documentation for Ancient Arabia. Pt. I. Chronological Framework and Historical Sources.* Liverpool.

Kropp, Hahn 1997 — Kropp M., Hahn W. "Letters on the Cheek of Athena: The Denominations of the Sabaean *sigloi* and Their Numerical Signs". *PSAS*, vol. 27, p. 159–164.

Kubitschek 1899 — Kubitschek J.W. "Münzen". In: *Südarabische Altertümer im Kunsthistorischen Hofmuseum.* Hrsg. von D.H. Müller. Wien, S. 64–78, Taf. XIV.

Munro-Hay 1996 — Munro-Hay S.C.H. "Coins of Ancient South Arabia, II". *NC*, vol. 156, p. 33–47.

Munro-Hay 1997 — Munro-Hay S.C.H. "South Arabian Coins in a Private Collection (PC 1996)". *AAE*, vol. 8, no. 2, November, p. 230–240.

Munro-Hay 2003 — Munro-Hay S. *Coinage of Arabia Felix. The Pre-Islamic Coinage of the Yemen.* München [Mare Erythræum VI (2003)].

Nicolet-Pierre, Kroll 1990 — Nicolet-Pierre H., Kroll J.H. "Athenian Tetradrachm Coinage of the Third Century B.C.". *AJN*, second series, vol. 2, p. 1–35.

Pirenne 1961 — Pirenne J. *Le royaume Sud-Arabe de Qatabān et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au Périple de la Mer Érythrée.* Louvain.

Ricks 1989 — Ricks S.D. *Lexicon of Inscriptional Qatabanian.* Roma (Studia Pohl, 14).

Sedov 2001 — Sedov A.V. "The Coinage of Pre-Islamic Yemen: General Remarks". *Adumatu. A Semi-Annual Archaeological Refereed Journal on the Arab World.* Issue no. 3, January, p. 27–38.

Sedov 2002 — Sedov A.V. "Coins". In: *Queen of Sheba. Treasures from Ancient Yemen.* Ed. by St John Simpson. London, p. 73–79.

Sedov 2002a — Sedov A.V. "The Coins". In: *Antonini S., Arbach M., Sedov A.V. Collezioni sudarabiche inedite. Gli oggetti acquisiti dalla missione archeologica italo-francese a Tamna' (Yemen) (1999–2000).* Napoli, p. 93–101, pl. I–II [(Supplemento n. 91 agli ANNALI, vol. 60–61 (2000–2001)].

Starr 1970 — Starr Ch.G. *Athenian Coinage 480–449 B.C.* Oxford.

Svoronos 1923-26 — Svoronos J. *Les monnaies d'Athènes.* Munich (reprint — Chicago, 1975).

С.А. ФРАНЦУЗОВ
(*Санкт-Петербург*)

Приложение

Ономастический комментарий

Надпись на диадеме персонажа, изображенного на аверсе небольшой группы катабанских монет из аc̣-Çурайры, читается либо как 𐩣𐩫𐩣𐩡 = *Lms*^{1m}, либо как 𐩣𐩫𐩣𐩢 = *Gms*^{1m} и, по всей очевидности, представляет собой имя собственное[1]. В связи с тем, что в ономастиконе древней Аравии имя *Gms*^{1m}, а также любые имена, производные от этого корня, не засвидетельствованы, чтение *Lms*^{1m} представляется предпочтительным, тем более что антропоним Ламӣс неоднократно встречается в генеалогиях арабских племен[2]. Наиболее известными его обладательницами были женщины, в частности Ламӣс бт. Имра' ал-ḳайс б. Ка'б б. 'Амр Музайḳийā', родоначальница одного из киндитских племенных подразделений, названного в ее честь банӯ ламӣс[3], Ламӣс бт. Зухайр, супруга танӯх̮итского вождя III в. н.э. Джаз̱ӣмы ал-Абраша[4], и, наконец, Ламӣс бт. 'Алӣ б. ал-Хāрис̱, одна из жен умаййадского халифа 'Умара II (717–720)[5]. Кроме того, согласно историко-эпическому преданию о химйаритском царе Ас'аде ал-Кāмиле («Совершенном»)[6], это имя носила его дочь[7]. Все вышеперечисленные дамы занимали высокое общественное положение, что могло бы служить косвенным аргументом в пользу того, что на катабанской монете изображена правительница по имени Ламӣс[8]. К сожалению, при внимательном рассмотрении профиля, отчеканенного на аверсе монет, эту заманчивую гипотезу приходится отвергнуть:

---

[1] Как известно, в ходе развития южноаравийского письма буквы 𐩡 и 𐩢 стали практически неотличимы друг от друга.

[2] Правда, ни в северо-, ни в южноаравийской эпиграфике имен собственных, образованных от корня *LMS*^{1}, до сих пор обнаружено не было.

[3] *Caskel W.* Ǧamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Bd. I–II. Leiden, 1966, Bd. I, Taf. 239; Bd. II, S. 376.

[4] *Shahid I.* Tanūk̲h̲ // The Encyclopaedia of Islam. T. X. Leiden–London, 1998, p. 191.

[5] *Wüstenfeld F.* Register zu den genealogischen Tabellen der arabischen Stämme und Familien. Göttingen, 1853, S. 273, 353.

[6] Его прототипом послужил реальный царь Химйара Абӣкариб Ас'ад, правивший в первой половине V в. н.э.

[7] См., например: *ал-Х̣асан б. Ах̣мад ал-Хамдāнӣ.* Ал-Иклӣл. Дж. 8. Х̣аррара-ху ва-'аллаḳа х̣авāшийа-ху Набӣх Амӣн Фāрис. Байрӯт–Çан'ā', б.г., с. 38, 42: примеч. 100; Die auf Südarabien bezüglichen Angaben Našwān's im Šams al-'ulūm gesammelt, alphabetisch geordnet und hrsg. von 'Aẓīmuddīn Aḥmad. Leyden–London, 1916 ("E.J.W. Gibb Memorial" Series, vol. XXIV), S. 96. В последнем случае Нашвāн ал-Х̣имйарӣ прямо указал, что Ламӣс — женский антропоним.

[8] Следует отметить, что пока не известно ни одной женщины, хотя бы формально стоявшей во главе какого-либо южноаравийского государства, за исключением знаменитой «царицы Савской», чью историчность доказать невозможно.

© С.А. Французов, Приложение, 2004

несмотря на отсутствие вторичных половых признаков, черты лица не оставляют ни малейших сомнений в том, что перед нами мужчина (см. *Каталог*, 251–153).

Нужно подчеркнуть, что вопреки мнению йеменской исследовательницы ʻАмӣды Муḫаммад Шуʻлāн, включившей *Lms*^{1m} в число женских имен древней Южной Аравии[9], антропоним Ламӣс могли носить и мужчины. Как мужское имя он встречается в родословиях ṭаййи'итов и маз̱ḫиджитов[10]. Таким образом, интерпретация *Lms*^{1m} как имени собственного вовсе не исключает того, что персонаж, на диадеме которого оно начертано, являлся мужчиной.

* * *

На печатке перстня четко изображены четыре буквы, расположенные в две строки. Оттиск с нее будет читаться следующим образом:

1. ХП *Bt=*
2. Х○ *ʻt*

Речь наверняка идет об имени собственном. В древнеаравийской ономастике производные от корня *BTʻ* представлены довольно широко[11]. Так, хорошо известен род Батаʻ[12], *ḳайлей* крупной общины ḫумлāн, чьи владения находились в Арḫабе. Что касается *Btʻt*, то в ономастике эта форма встречается единственный раз в надписи из селения ал-Ḡирāс[13] как имя рода, который принадлежал к числу клиентов суḫаймитских *ḳайлей*, возглавлявших общину йарс^{ум}, локализуемую на севере Санской равнины (RES 3977$_{2-3}$: *bnw/Btʻt/'dm/bny* | [*S*^{1}*ẖ*]*ym*^{m})[14]. Хотя нельзя исключать, что надпись на печатке относится к данному роду *Btʻt*, на ней мог быть обозначен другой род, носивший то же имя или даже не засвидетельствованный ранее омографичный антропоним.

---

[9] *Sholan A.* Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften. Hildesheim–Zürich–New York, 1999 (Texte und Studien zur Orientalistik, Bd. 11), S. 37, 69, 131. Впрочем, интерпретация 𐩣𐩪𐩣𐩡 как имени собственного все же вызывает у нее некоторые сомнения.

[10] *Caskel W.* Op. cit., Bd. I, Taf. 255, 258; Bd. II, S. 376.

[11] *Harding G.L.* An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto–Buffalo, 1971 (University of Toronto. Near and Middle East Studies, 8), p. 92.

[12] См., например: *Arbach M.* Les noms propres du *Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV inscriptiones ḥimyariticas et sabæas continens*. Paris–Rome, 2002 (Inventaire des inscriptions sudarabiques, t. 7), p. 192–194.

[13] См. о нем: *Грязневич П.А.* Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена. Полевые исследования 1970–1971 гг. СПб., 1994 (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 2: Материалы экспедиции П.А. Грязневича 1970–1971 гг. Часть 1), с. 116–130.

[14] О родах Батаʻ и Суḫайм^{ум}, а также об общинах ḫумлāн и йарс^{ум} см.: *Robin Ch.* Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam. I: Recherches sur la géographie tribale et religieuse de H̱awlān Quḍāʻa et du pays de Hamdān. Istanbul, 1982 (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch instituut te Istanbul, L), p. 44, 48, 69, 71, 74f.

Каталог

(номера иллюстраций соответствуют номерам каталога; все монеты серебряные, в описании монеты указываются вес в граммах, размер монетного кружка в миллиметрах, соотношение осей по часовому циферблату, степень сохранности и детали чеканки, если они определимы, место хранения и публикации)

КЛАД ИЗ АС-СУРАЙРА

I. Подражания Афинским монетам «старого стиля»

Л.ст.: голова Афины вправо, в шлеме, украшенном оливковыми листьями и растительным завитком, завитки волос переданы полукружьями, глаз — треугольником или овалом, серьга — кольцом с точкой в центре, иногда на шее — ожерелье в виде крупных точек.

Об.ст.: сидящая сова вправо, голова в фас, вверху слева — оливковая ветвь и полумесяц, справа — греческая легенда АΘЕ, иногда по краям — следы квадратного или овального обрамления.

I.1.1. «Тетрадрахмы», серия без монограмм и/или букв на л. и об. ст.

1. 18.0; 17×28; 7.00; л.ст. незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 1.
2. 16.4; 17×25; 9.00; монета слегка потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 2.
3. 16.3; 18×24; 9.00; монета слегка потерта, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 3.
4. 15.9; 16×26; 9.00; монета потерта, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 4.
5. 15.4; 18×26; 9.00; рубленая полоса на об.ст., об.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
6. 16.4; 16×24; 9.00; монета потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 7.
7. 15.9; 17×26; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 8.
8. 16.6; 18×26; 9.00; монета потерта и корродирована; антикварный рынок Саны, 1995 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 9.
9. 16.1; 19×25; 9.00; л.ст. корродирована, чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 10.
10. 16.5; 17×25; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 11.
11. 16.2; 18×24; 10.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 12.

12. 17.4; 19×25; 9.00; монета корродирована, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 13.
13. 16.9; 17×26; 9.00; об.ст. сильно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
14. 16.65; 15×25; 9.00; частная коллекция (PC 1995/7); Munro-Hay 1996, no. 7; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 22; Huth 1999, pl. 6, 2.
15. 16.1; 19×24.5; 8.00; л.ст. чеканена сильно изношенным штемпелем; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
16. 15.7; 17.5×25; 8.00; л. и об. ст. чеканены теми же штемпелями, что и № 15; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
17. 16.1; 19×26; 9.00; л.ст. чеканена сильно изношенным штемпелем, об.ст. незначительно потерта; антикварный рынок Саны, 1998 г.; неопубликована.
18. 15.8; 16×25; 9.00; монета потерта; антикварный рынок Саны, 2001 г.; неопубликована.
19. 16.0; 15.5×23; 9.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); антикварный рынок Саны, 2001 г.; неопубликована.
20. 14.4; 15×26; 9.00; об.ст. корродирована, чеканена изношенным штемпелем (?); частная коллекция (PC 1996/1); Munro-Hay 1997, p. 230; 2003, p. 109, pl. L, 1.
21. 16.5; 19×23; 9.00; монета потерта; частная коллекция (PC 1995/4); Munro-Hay 1996, no. 4; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 16.
22. 16.86; 22; 9.00; монета отличной сохранности; частная коллекция (PC 1995); ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 19; Huth 1999, pl. 6, 1.
23. 16.9; 21; 9.00; монета слегка корродирована; частная коллекция (PC 1995/6); Munro-Hay 1996, no. 6; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 18.
24. 16.6; 21; 9.00; монета слегка корродирована; частная коллекция (PC 1995/5); Munro-Hay 1996, no. 5; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 17.
25. 16.0; 24; 9.00; л.ст. слегка корродирована; антикварный рынок Саны, 1998 г.; неопубликована.
26. 16,5; 23; 9.00; монета слегка корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
27. 16.4; 21; 9.00; монета корродирована; частная коллекция (PC 1995/8); Munro-Hay 1996, no. 8; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 20.
28. 16.6; 21×23; 9.00; монета корродирована; частная коллекция (PC 1995/9); Munro-Hay 1996, no. 9; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 21.
29. 16.3; 24; 10.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 23.
30. 16.4; 22; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 24.
31. 16.3; 24; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 25.
32. 14.4; 20×23; 9.00; изображение на л.ст. спилено; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 26.
33. 16.0; 21×23; 10.00; монета сильно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 27.
34. 15.9; 20×23; 9.00; л.ст. слегка корродирована, чеканена изношенным штемпелем; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

35. 17.1; 20×22.5; 9.00; монета сильно корродирована; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

36. 16,5; 17×25; 9.00; монета сильно корродирована, сохранились лишь следы изображений на л. и об. ст.; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 14 (фото отсутствует).

I.1.2. «Тетрадрахмы», серия с южноаравийскими буквами на л. ст.

37. 16.6; 18×24; 9.00; южноаравийская буква 𐩣 = *l* на шее Афины под серьгой, л.ст. слегка корродирована; частная коллекция (PC 1995/10); Munro-Hay 1996, no. 10; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 5.

38. 16.08; 18×24; 9.00; южноаравийская буква 𐩡 = *t* на шее Афины под серьгой, монета потерта; частная коллекция (PC 1995/11); Munro-Hay 1996, no. 11; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 6; Huth 1999, pl. 6, 3.

39. 16.6; 21; 9.00; южноаравийские буквы 𐩱 и 𐩣 = *ayn* и *l* на шее Афины позади серьги, сохранность отличная; частная коллекция (PC 1995/3); Munro-Hay 1996, no. 3; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 15; Huth 1999, pl. 6, 7.

40. 16.1; 20×24; 9.00; южноаравийские буквы 𐩵 и 𐩥 = *w* и *m* на шее Афины позади серьги, монета слегка потерта; частная коллекция, г. Прага, 1996 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 31; Huth 1999, pl. 6, 9.

41. 16.61; 23×25; 9.00; следы южноаравийской буквы 𐩦 = s^2 на шее Афины позади серьги; частная коллекция (PC 1995); Huth 1999, pl. 6, 8.

I.1.3. «Тетрадрахмы», серия с «царской» монограммой 𐩧 на об. ст.

42. 15.5; 21×23; 9.00; об. ст. чеканена явно изношенным и «подправленным» штемпелем; частная коллекция (PC 1995/26); Munro-Hay 1996, no. 26; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 29.

I.1.4. «Тетрадрахмы», серия с южноаравийскими буквами на л. ст. и «царской» монограммой 𐩧 на об. ст.

43. 16.4; 20×23; 9.00; южноаравийские буквы 𐩱 и 𐩣 = *ayn* и *l* на шее Афины позади серьги; частная коллекция (PC 1995/24); Munro-Hay 1996, no. 24; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 28.

44. 16.4; 22; 9.00; южноаравийская буква 𐩦 = s^2 на шее Афины позади серьги, л.ст. чеканена «подправленным» штемпелем; частная коллекция (PC 1995/25); Munro-Hay 1996, no. 25; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 30.

I.2.1. «Дидрахмы», серия с южноаравийской буквой 𐩫/𐩬= k на л. ст.

45. 8.0; 18; 9.00; монета незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 32.

46. 8.4; 17; 9.00; л.ст. незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 33.

47. 8.0; 18; 7.00; л.ст. незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 34.

48. 7.9; 17; 9.00; об.ст. незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 35.

49. 7.9; 17; 9.00; об.ст. чеканена изношенным штемпелем, незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 36.
50. 8.3; 19; 9.00; монета корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 37.
51. 8.0; 16; 9.00; л.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 38.
52. 8.3; 17; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, монета потерта; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 39.
53. 8.4; 18; 9.00; монета потерта; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 40.
54. 8.2; 17; 9.00; л.ст. сильно корродирована, об.ст. потерта; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 41.
55. 7.2; 18; 9.00; л.ст. потерта, об.ст. сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 42.
56. 7.6; 18; 9.00; монета сильно потерта; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 43.
57. 8.2; 18; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?), корродирована, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 44.
58. 8.2; 18; 9.00; монета чеканена изношенными штемпелями, корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 45.
59. 8.1; 17; 10.00; монета сильно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 46.
60. 8.3; 18; 9.00; монета сильно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 47.
61. 8.1; 16×18; 9.00; монета сильно потерта, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 48.
62. 8.3; 18; 8.00; монета сильно потерта, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 49.
63. 7.6; 16; 9.00; монета сильно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 50.
64. 8.0; 18; 9.00 (?); монета очень сильно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 51.
65. 7.7; 17; 9.00 (?); монета сильно потерта и корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 52.
66. 8.3; 18; ?; л.ст. очень сильно корродирована, об.ст. потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 53.
67. 7.6; 17×20; ?; монета очень сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 54.
68. 8.7; 20; ?; монета очень сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 55.
69. 7.9; 16; 9.00; сохранность прекрасная; частная коллекция (PC 1995/12); Munro-Hay 1996, no. 12; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 56.
70. 8.2; 17; 9.00; монета потерта; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.
71. 8.3; 18; 9.00; монета корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.
72. 8.3; 17; 9.00; монета потерта; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.
73. 8.2; 16×18; 9.00; монета потерта; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

74. 8.00; 17.5; 9.00; монета потерта; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
75. 8.4; 18; 9.00; об.ст. сильно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
76. 8.0; 19; 9.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
77. 8.2; 19; 9.00; л.ст. незначительно потерта, об.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
78. 8.0; 18; 9.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
79. 8.1; 18; 9.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
80. 8.0; 17×19; 9.00; монета корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
81. 8.4; 16×19; 9.00; монета потерта, об.ст. незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 65.
82. 7.3; 16; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?), об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 66.
83. 7.5; 17; 10.00; монета корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 67.
84. 7.9; 18; 9.00; монета потерта; антикварный рынок Саны, 1998 г.; неопубликована.
85. 8.3; ?; ?; монета сильно корродирована; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 68 (фото отсутствует).
86. 8.1; ?; ?; монета сильно корродирована; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 57 (фото отсутствует).
87. 8.3; ?; ?; монета сильно корродирована; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 58 (фото отсутствует).

I.2.2. «Дидрахмы», серия с южноаравийской буквой 𐩫/𐩬 ***= k на л. ст. и «царской» монограммой*** 𐩵 ***на об. ст.***

88. 8.2; 18; 9.00; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1995/27); Munro-Hay 1996, no. 27; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 59.
89. 8.2; 18; 9.00; монета корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 60.
90. 8.1; 17; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 61.
91. 7.4; 17; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 62.
92. 8.4; 17×19; 9.00; монета корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 63.
93. 7.2; 17; 8.00; изображение на л.ст. спилено; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 64.
94. 8.1; 17; 10.00; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/2); Huth 1997, no. 2.
95. 7.7; 18; 9.00; сохранность отличная; антикварный рынок Саны, 1998 г.; неопубликована.
96. 8.1; 18; 9.00; об.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
97. 8.1; 18; 9.00; монета незначительно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

98. 8.3; 18; 9.00; сохранность превосходная; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

99. 8.2; 18; 9.00; монета незначительно потерта; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

I.2.3. «Дидрахмы», серия с южноаравийской буквой 𐩫/𐩬 = k и монограммой на л. ст., «царской» монограммой 𐩣 на об. ст.

100. 8.00; 18; 9.00; монограмма 𐩣, состоящая из двух южноаравийских букв 𐩣 и 𐩦 = *ḥ* и *m*, сохранность хорошая; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

101. 8.4; 18; 9.00; монограмма 𐩣, состоящая из двух южноаравийских букв 𐩣 и 𐩦 = *ḥ* и *m*, сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1995/28); Huth 1996, no. 28; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 69.

102. 8.5; 18; 9.00; монограмма 𐩣, состоящая из двух южноаравийских букв 𐩣 и 𐩦 = *ḥ* и *m*, сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1995/29); Huth 1996, no. 29; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 70.

I.3.1. «Драхмы», серия с южноаравийской буквой 𐩱 = n на л. ст.

103. 4.0; 14; 9.00; монета потерта и корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

104. 4.2; 13.5; 7.00; л.ст. сильно корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

105. 4.2; 14; 8.00; л.ст. потерта, об.ст. сильно корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

106. 4.0; 14.5; 8.00; л.ст. корродирована, об.ст. потерта; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

107. 4.0; 13.5×14.5; 8.00; монета сильно корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

108. 4.1; 14; 8.00; л.ст. корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

109. 4.0; 13×14; 9.00; л.ст. сильно корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

110. 4.0; 14; 9.00; монета сильно корродирована; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

111. 4.1; 14; 9.00; монета сильно корродирована и потерта; CHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

112. 3.9; 14; 7.00; л.ст. потерта; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

113. 3.9; 15; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. незначительно корродирована; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

114. 4.1; 12×16; 9.00; монета сильно потерта; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

115. 4.0; 13×15; 9.00; монета незначительно потерта; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

116. 3.9; 14×15; 9.00; монета потерта; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

117. 4.0; 15; 7.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

118. 4.0; 13×15; 9.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; AHM, поступление 1999 г.; неопубликована.

119. 4.1; 15; 9.00; монета сильно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
120. 3.9; 13×15; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
121. 3.6; 14; 7.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
122. 3.9; 12×14; 9.00; монета сильно потерта, об.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
123. 4.1; 15; 9.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
124. 3.9; 15; 7.00; монета сильно потерта, об.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
125. 4.1; 14; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
126. 4.1; 15; 8.00; монета сильно потерта, об.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
127. 4.0; 15; 9.00; монета потерта, л.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
128. 3.8; 15; 9.00; монета потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
129. 3.7; 12×15; 9.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
130. 4.1; 14; 9.00; монета потерта и корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
131. 3.8; 16; 6.00; монета потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
132. 3.8; 14; 9.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
133. 3.8; 14×15; 9.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
134. 3.8; 14; 8.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
135. 3.8; 14×16; 8.00; л.ст. чеканена незначительно изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
136. 3.9; 14; 10.00; сохранность превосходная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
137. 4.0; 14; 8.00; монета потерта, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
138. 4.0; 14.5; 8.00; монета потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
139. 3.9; 15×16; 10.00; монета незначительно потерта, л.ст. корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
140. 3.9; 13×14; 7.00; л.ст. чеканена сильно изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
141. 3.9; 14×16; 8.00; л.ст. чеканена сильно изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
142. 4.0; 14×15; 6.00; об.ст. незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
143. 3.85; 13; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); частная коллекция (PC 1995/13); Munro-Hay 1996, no. 13; 2003, pl. XLVII, 13.

144. 3.96; 14; 9.00; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1995/14); Munro-Hay 1996, no. 14; 2003, pl. XLVII, 14; Huth 1999, pl. 6, 5.

I.4.1. «Хемидрахмы (триоболы)», серия с южноаравийской буквой* 𐩲 *= g на л. ст. и «царской» монограммой* 𐩵 *на об. ст.

145. 1.9; 12; 9.00; сохранность превосходная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 71.

146. 1.8; 11; 8.00; об.ст. потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 72.

147. 1.9; 12; 8.00; сохранность превосходная; частная коллекция (PC 1996/14); Munro-Hay 1997, no. 14; 2003, pl. L, 13; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 73.

148. 1.8; 13; 9.00; об.ст. незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 74.

149. 1.8; 12; 9.00; л.ст. незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 75.

150. 1.8; 12; 8.00; монета незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 76.

151. 1.9; 12; 9.00; монета незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 77.

152. 1.8; 12; 9.00; сохранность превосходная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 78.

153. 1.9; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/23); Munro-Hay 1997, no. 23; 2003, pl. LI, 23; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 79.

154. 1.8; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 80.

155. 1.9; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 81.

156. 1.9; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 82.

157. 2.0; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 83.

158. 1.9; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 84.

159. 2.0; 12; 9.00; об.ст. корродирована, л.ст. потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 85.

160. 1.9; 11×13; 9.00; монета потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 86.

161. 2.0; 12; 8.00; монета незначительно потерта, сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1996/30); Munro-Hay 1997, no. 30; 2003, pl. LI, 30; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 87.

162. 1.9; 12; 9.00; об.ст. незначительно потерта, сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1996/10); Munro-Hay 1997, no. 10; 2003, pl. L, 10; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 88.

163. 1.9; 11.5; 9.00; монета потерта; частная коллекция (PC 1996/26); Munro-Hay 1997, no. 26; 2003, pl. LI, 26; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 89.

164. 1.9; 13; 8.00; монета потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 90.

165. 1.9; 12; 9.00; монета незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 91.

166. 1.9; 12; 9.00; л.ст. потерта, чеканена изношенным штемпелем (?); частная коллекция (PC 1996/8); Munro-Hay 1997, no. 8; 2003, pl. L, 8; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 92.

167. 1.9; 12; 9.00; монета незначительно потерта; частная коллекция (PC 1996/17); Munro-Hay 1997, no. 17; 2003, pl. L, 17; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 93.

168. 1.8; 12; 9.00; монета потерта; частная коллекция (PC 1996/9); Munro-Hay 1997, no. 9; 2003, pl. L, 9; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 94.

169. 1.9; 11; 9.00; монета потерта; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 95.

170. 1.8; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 96.

171. 1.9; 12; 9.00; л.ст. незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 97.

172. 1.9; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем (?); ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 98.

173. 1.8; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 99.

174. 2.0; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 100.

175. 1.8; 12; 9.00; монета потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 101.

176. 1.9; 12; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 102.

177. 1.9; 11×13; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 103.

178. 1.9; 12; 8.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 104.

179. 1.9; 12; 8.00; монета незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 105.

180. 1.8; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 106.

181. 1.9; 11×13; 9.00; об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 107.

182. 1.8; 12; 8.00; монета корродирована и незначительно потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 108.

183. 1.9; 12.5; 8.00; л.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 109.

184. 1.9; 11.5; 7.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. корродирована; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 110 (возможно, не из клада).

185. 1.7; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; антикварный рынок Саны, 1995 г.; 'Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 111.

186. 1.9; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; антикварный рынок Саны, 1995 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 112.

187. 1.8; 11.5; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 113.

188. 1.8; 10×12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 114.

189. 2.0; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 115.

190. 2.0; 11×12; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; об.ст. сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 116.

191. 1.9; 12; 8.00; сохранность хорошая; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 117.

192. 1.9; 12.5; 8.00; монета незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 118.

193. 1.9; 11.5; 8.00; л.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 119.

194. 1.9; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/21); Munro-Hay 1997, no. 21; 2003, pl. LI, 21; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 120.

195. 2.0; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/6); Munro-Hay 1997, no. 6; 2003, pl. L, 6; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 121.

196. 1.9; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/15); Munro-Hay 1997, no. 15; 2003, pl. L, 15; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 122.

197. 1.9; 11; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/24); Munro-Hay 1997, no. 24; 2003, pl. LI, 24; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 123.

198. 2.0; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/13); Munro-Hay 1997, no. 13; 2003, pl. L, 13; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 124.

199. 1.8; 11.5; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 125.

200. 1.9; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 126.

201. 1.9; 11.5; 9.00; монета потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 127.

202. 1.9; 11×13; 8.00; сохранность отличная; антикварный рынок Саны, 1995 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 128.

203. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1995/30); Munro-Hay 1996, no. 30; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 129; Huth 1999, pl. 7, 12.

204. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1995/32); Munro-Hay 1996, no. 32; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 130.

205. 2.0; 11x12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

206. 2.0; 12; 9.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. незначительно корродирована; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

207. 2.0; 11×12; 9.00; монета потерта; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
208. 2.0; 12; 8.00; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
209. 1.9; 11.5; 9.00; сохранность отличная; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
210. 2.0; 12; 9.00; сохранность отличная; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
211. 1.9; 12; 9.00; монета слегка потерта; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
212. 2.0; 12; 9.00; л.ст. сильно корродирована; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
213. 2.1; 11.5; 9.00; монета потерта и корродирована; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
214. 2.1; 12; 9.00; монета корродирована; СНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
215. 1.9; 12×14; 8.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
216. 1.7; 12×13; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
217. 1.8; 12; 8.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
218. 2.0; 13; 9.00; монета сильно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
219. 2.0; 13; 9.00; монета сильно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
220. 1.9; 12; 9.00; монета потерта и корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
221. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
222. 1.7; 12; 8.00; сохранность хорошая; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
223. 1.9; 12; 9.00; монета незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
224. 1.8; 12; 8.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
225. 2.0; 11×13; 9.00; л.ст. незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
226. 1.7; 13; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
227. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
228. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
229. 1.9; 12; 9.00; сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.
230. ?; ?; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/3); Munro-Hay 1997, no. 3; 2003, pl. L, 3.
231. ?; ?; ?; об.ст. незначительно корродирована; частная коллекция (PC 1996/4); Munro-Hay 1997, no. 4; 2003, pl. L, 4.
232. ?; ?; ?; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/5); Munro-Hay 1997, no. 5; 2003, pl. L, 5.
233. ?; ?; ?; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/7); Munro-Hay 1997, no. 7; 2003, pl. L, 7.
234. ?; ?; ?; об.ст. потерта; частная коллекция (PC 1996/11); Munro-Hay 1997, no. 11; 2003, pl. L, 11.
235. ?; ?; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем; частная коллекция (PC 1996/12); Munro-Hay 1997, no. 12; 2003, pl. L, 12.

236. ?; ?; ?; л.ст. незначительно потерта; частная коллекция (PC 1996/16); Munro-Hay 1997, no. 16; 2003, pl. L, 16.

237. ?; ?; ?; сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1996/18); Munro-Hay 1997, no. 18; 2003, pl. L, 18.

238. ?; ?; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. незначительно потерта; частная коллекция (PC 1996/19); Munro-Hay 1997, no. 19; 2003, pl. L, 19.

239. ?; ?; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, об.ст. незначительно корродирована; частная коллекция (PC 1996/20); Munro-Hay 1997, no. 20; 2003, pl. L, 20.

240. ?; ?; ?; сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1996/22); Munro-Hay 1997, no. 22; 2003, pl. LI, 22.

241. ?; ?; ?; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/33); Munro-Hay 1997, no. 33; 2003, pl. LI, 33.

242. ?; ?; ?; монета потерта; частная коллекция (PC 1996/34); Munro-Hay 1997, no. 34; 2003, pl. LI, 34.

243. ?; ?; ?; об.ст. незначительно корродирована; частная коллекция (PC 1996/25); Munro-Hay 1997, no. 25; 2003, pl. LI, 25.

244. 1.9; ?; 7.00; монета потерта; частная коллекция (PC 1996/35); Munro-Hay 1997, no. 35; 2003, pl. LI, 35 (возможно, не из клада).

245. ?; ?; ?; л.ст. чеканена изношенным штемпелем, корродирована; частная коллекция (PC 1996/27); Munro-Hay 1997, no. 27; 2003, pl. LI, 27.

246. ?; ?; ?; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/28); Munro-Hay 1997, no. 28; 2003, pl. LI, 28.

247. ?; ?; ?; сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/29); Munro-Hay 1997, no. 29; 2003, pl. LI, 29.

248. ?; ?; ?; сохранность хорошая, об.ст. незначительно корродирована; частная коллекция (PC 1996/31); Munro-Hay 1997, no. 31; 2003, pl. LI, 31.

249. ?; ?; ?; сохранность хорошая, об.ст. корродирована; частная коллекция (PC 1996/32); Munro-Hay 1997, no. 32; 2003, pl. LI, 32.

I.4.2. «Хемидрахмы (триоболы)», серия с южноаравийской буквой Γ = g на л. ст., «царской» монограммой Ψ и южноаравийской буквой на об. ст.

250. 1.9; 11×13; 10.00; на *об.ст.* слева позади совы под полумесяцем — южноаравийская буква ⦚ = s^2, сохранность хорошая; частная коллекция (PC 1995/31); Munro-Hay 1996, no. 31; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 131; Huth 1999, pl. 7, 15.

II. Монеты «смешанного стиля»

Л.ст.: мужская голова вправо, поверх прически — широкая диадема с южноаравийской надписью 𐩣𐩪𐩣𐩡 = lms^1m.

Об.ст.: сидящая сова вправо, голова в фас, вверху слева — оливковая ветвь и полумесяц, ниже — южноаравийская монограмма 𐩣, справа — вертикальная греческая легенда AΘE и «царская» монограмма Ψ.

II.1.1. «Хемидрахмы (триоболы)»

251. 1.9; 11×12; 10.00; л.ст. потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 132.

252. 1.6; 12; 9.00; л.ст. сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 133.

253. 1.9; 11×12; 10.00; монограмма на об.ст. почти полностью вне поля, сохранность отличная; частная коллекция (РС 1995/33); Munro-Hay 1996, no. 33; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 134; Huth 1999, pl. 7, 17.

III. Монеты «южноаравийского стиля»

Л.ст.: мужская голова с курчавыми волосами вправо, южноаравийская легенда вверху.

Об.ст.: бородатая мужская голова в прическе с «шиньоном» или диадемой вправо, южноаравийская легенда вверху, монограммы, буквы и символы справа и слева.

III.1.1. Монеты Йада''аба, серия с «царской» монограммой ᛘ на об. ст.

254. 1.8; 12×14; 12.00; легенда на *л.ст.* с 3-го часа читается как]𐩲𐩵𐩺 = *yd'*[, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, короткая волнистая линия внизу под головой, легенда вне поля, монета скифатная, л.ст. незначительно корродирована; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

255. 2.0; 12; 2.00; легенда на *л.ст.* со 2-го часа читается как]𐩵𐩺 = *yd*[, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда вне поля, *л.ст.* незначительно потерта, монета слабо скифатная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 140.

256. 1.8; 12.5; 2.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺[𐩦][=][s^2]*ym*, *л.ст.* незначительно потерта, об.ст. корродирована, монета слабо скифатная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 139.

257. 1.8; ?; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺⌈𐩦⌉[=]s^2*ym*, л.ст. потерта и корродирована; частная коллекция (РС 1996/38); Munro-Hay 1997, no. 38; 2003, p. LI, 38.

258. 2.0; 12; 2.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, короткая волнистая линия внизу под головой, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺[=]*ym*, монета скифатная, сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

259. 2.0; 13; 12.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺𐩦⌈𐩵⌉[=]ns^2*ym*, монета слабо скифатная, сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

260. 1.9; 12; 2.00; легенда на *л.ст.* с 3-го часа читается как]𐩵𐩺 = *yd*[, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩵𐩨𐩩⌈𐩤⌉ =]*qtbn*, монета корродирована, слабо скифатная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 142.

261. 1.8; 12.5; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля, следы «царской» монограммы на *об.ст.* слева внизу, легенда вне поля, монета корродирована, слабо скифатная; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ʻAbdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 144.

262. 1.9; 11; 2.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда вне поля, *л.ст.* сильно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 145.

263. 1.6; 13; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺𐩦𐩬𐩨𐩩𐩤[=]*qtbns²ym*, монета слабо скифатная, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

264. 1.8; 12; 12.00; легенда на *л.ст.* вне поля; «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, легенда со 2-го часа читается как]𐩵𐩺 = *yd*[, монета корродирована, слабо скифатная, л.ст. потерта; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 141.

265. 1.8; ?; 12.00; легенда на *л.ст.* вне поля; «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, следы букв легенды вверху слева, *об.ст.* корродирована, монета слабо скифатная; частная коллекция (PC 1996/37); Munro-Hay 1997, no. 37; 2003, p. LI, 37.

III.1.2. Монеты Йада‘’аба, серия с «царской» монограммой ♆ и «квадратным» символом ⏏ на об. ст.

266. 1.8; 13×14; 12.00; легенда на *л.ст.* с 3-го часа читается как]𐩱𐩲𐩵𐩺 = *yd‘’*[, следы «квадратного» символа на *об.ст.* справа, легенда частично вне поля, ее окончание читается как 𐩣𐩺𐩦𐩬𐩨𐩩𐩤𐩫𐩡[𐩣][=][*m*]*lkqtbns²ym*, монета слабо скифатная, *л.ст.* незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

267. 1.9; 14; 12.00; легенда на *л.ст.* со 2-го часа читается как]𐩵𐩺 = *yd*[, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, остатки «квадратного» символа и южноаравийской буквы 𐩩 = *t* над ним справа, легенда со 2-го часа читается как [𐩬]𐩨𐩩𐩤𐩫𐩡𐩣 = *mlkqtb*[*n*], монета слабо скифатная, сохранность отличная; рынок древностей в Сане, 1995 г.; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 146.

268. 1.9; 13; 12.00; следы начальных букв легенды на *л.ст.* со 2-го часа, «квадратный» символ на *об.ст.* справа, легенда вне поля, монета слабо скифатная, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

269. 1.9; 12×13; 12.00; следы начальных букв легенды на *л.ст.* со 2-го часа, «квадратный» символ на *об.ст.* справа, легенда вне поля, монета слабо скифатная, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

270. 1.8; 13; 12.00; следы начальных букв легенды на *л.ст.* со 2-го часа, «квадратный» символ на *об.ст.* справа, легенда вне поля, монета слабо скифатная, л.ст. чеканена изношенным штемпелем; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

271. 1.9; 12; 1.00; легенда на *л.ст.* с 3-го часа читается как]𐩨𐩹𐩨𐩱𐩲𐩵𐩺 = *yd‘’bḏb*[, следы «царской» монограммы на *об.ст.* слева внизу, остатки «квадратного» символа справа, легенда вне поля, об.ст. незначительно потерта; частная коллекция (PC 1995/35); Munro-Hay 1996, no. 35; 2003, pl. XLVIII, 35; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 137; Huth 1999, pl. 7, 18.

272. 1.9; 11.5; 1.00; остатки букв легенды на *л.ст.*]..𐩨𐩹[=]*ḏb*..[, «царская» монограмма, «квадратный» символ и южноаравийская буква 𐩩 = *t* на *об.ст.* справа, остатки букв легенды вверху и слева]𐩦[...]𐩫𐩡[=]*lk*.[...]*s²*[(последние три буквы легенды расположены слева внизу, под «шиньоном»), монета слабо скифатная,

л.ст. незначительно потерта; частная коллекция (PC 1995/36); Munro-Hay 1996, no. 36; 2003, pl. XLVIII, 36; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 136; Huth 1999, pl. 7, 20.

273. 1.8; 12.5; 12.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, «квадратный» символ справа почти полностью вне поля, над ним — южноаравийская буква 𐩩 = *t*, легенда со 2-го часа читается как [𐩣]𐩺𐩦𐩬𐩨𐩩𐩤𐩫𐩡𐩣 = *mlkqtbns²y*[*m*], монета слабо скифатная, незначительно потерта; частная коллекция (PC 1995/34); Munro-Hay 1996, no. 34; 2003, pl. XLVIII, 34; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 138; Huth 1999, pl. 7, 19.

274. 1.8; 12×15; 11.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «квадратный» символ и южноаравийская буква 𐩩 = *t* над ним на *об.ст.* справа, легенда с 1-го часа читается как [𐩣]𐩺𐩦𐩬𐩨𐩩𐩤𐩫𐩡𐩣 = *mlkqtbns²ym* (последние три буквы легенды расположены слева внизу, под «шиньоном»), монета скифатная, овальная, л.ст. незначительно потерта; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

275. 1.8; 12; ?; следы изображения на *л.ст.*, «квадратный» символ и южноаравийская буква 𐩩 = *t* над ним на *об.ст.* справа, легенда с 1-го часа читается как]𐩫𐩡𐩣 = *mlk*[, монета слабо скифатная, л.ст. потерта (чеканена изношенным штемпелем?), об.ст. незначительно корродирована; ГОДРМ, поступление 1994 г.; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 143.

276. 1.8; 12; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля, «царская» монограмма на *об.ст.* слева внизу, «квадратный» символ справа почти пслностью вне поля, над ним — южноаравийская буква 𐩩 = *t*, легенда вне поля, монета слабо скифатная, л.ст. незначительно корродирована; частная коллекция (PC 1995/35a); Munro-Hay 1996, no. 35a; 2003, pl. XLVIII, 35a; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 147.

277. 1.8; 12; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля, следы «царской» монограммы на *об.ст.* слева внизу, «квадратный» символ справа и южноаравийская буква 𐩩 = *t* над ним почти полностью вне поля, легенда вне поля, монета слабо скифатная, сохранность отличная; АНМ, поступление 1999 г.; неопубликована.

278. 2.0; 12; 1.00; легенда на *л.ст.* вне поля или отсутствует, «квадратный» символ на *об.ст.* справа частично вне поля, легенда с 3-го часа читается как 𐩨𐩱𐩲𐩵𐩺 = *yd‘’b*, монета слабо скифатная, сохранность отличная; частная коллекция (PC 1996/36); Munro-Hay 1997, no. 36; 2003, pl. LI, 36; ‘Abdullah, Ghāleb, Sedov 1997, no. 135.

МОНЕТЫ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ СОБРАНИЙ

I. Подражания Афинским монетам «старого стиля»

Л.ст.: голова Афины вправо, в шлеме, украшенном оливковыми листьями и растительным завитком, завитки волос переданы полукружьями, глаз — треугольником или овалом, серьга — кольцом с точкой в центре, иногда на шее — ожерелье в виде крупных точек.

Об.ст.: сидящая сова вправо, голова в фас, вверху слева — оливковая ветвь и полумесяц, справа — греческая легенда ΑΘΕ, иногда по краям — следы квадратного или овального обрамления.

I.1.1. «Тетрадрахмы», серия без монограмм и/или букв на л. и об. ст.

280. 16.42; 19×24; 9.00; сохранность отличная; Берлинский музей, коллекция Э.Глазера (инв. № 1886/184); Kubitschek 1899, S. 76; Svoronos 1923-26, pl. 111, 4; Munro-Hay 2003, pl. LIX.
281. 16.41; 16×22; 9.00; сохранность отличная; Берлинский музей, коллекция Э.Глазера (инв. № 1886/186); Kubitschek 1899, S. 76; Svoronos 1923-26, pl. 111, 6; Munro-Hay 2003, pl. LIX.
282. 16.7; 19×24; 10.00; сохранность отличная; Берлинский музей, коллекция Э.Глазера (инв. № 1886/187); Kubitschek 1899, S. 76; Svoronos 1923-26, pl. 111, 8; Munro-Hay 2003, pl. LIX.
283. 16.6; 18×27; 9.00; сохранность отличная; частная коллекция (случайная находка в местности Qaryat al-Goul в районе Towr al-Bahā, провинция Лахедж, Республика Йемен); неопубликована.
284. ?; 20; 8.00; сохранность хорошая; коллекция музея в Атаке, Республика Йемен (предположительно из вади Байхан); Sedov 2002a, p. 93–94, 99, pl. 1, 1.

I.1.2. «Тетрадрахмы», серия с южноаравийскими буквами на л. ст.

285. 16.47; 17×25; 9.00; южноаравийская буква 𐩣 = *l* на шее Афины справа от серьги, сохранность отличная; Берлинский музей, коллекция Э.Глазера (инв. № 1886/185); Kubitschek 1899, S. 76; Svoronos 1923-26, pl. 111, 7; Munro-Hay 2003, pl. LIX.
286. 16.6; 15×27; 8.00; южноаравийская буква 𐩣 = *l* на шее Афины позади серьги, сохранность отличная; Израильский музей, Иерусалим (инв. № 710 IM); Davidde 2003, p. 64, fig. 1.

I.2.1. «Дидрахмы», серия с южноаравийской буквой 𐩫/𐩬 = k на л. ст. и «царской» монограммой 𐩵 на об. ст.

287. 7.3; 16×18; 9.00; монета потерта, буква на *л.ст.* практически не видна; Археологический музей Аденского университета, экспозиция (случайная находка в Maṣna'at Māriya к западу от Замара, Республика Йемен); неопубликована.

I.3.1. «Хемидрахмы (триоболы)», серия с южноаравийской буквой 𐩧 = g на л. ст. и «царской» монограммой 𐩵 на об. ст.

288. 1.9; 11; 9.00; сохранность отличная; Археологический музей Аденского университета, экспозиция (из грабительских раскопок в Хейд бин Акил, некрополе Тимна', вади Байхан); неопубликована.

Таблица 1
Вес катабанских «тетрадрахм»

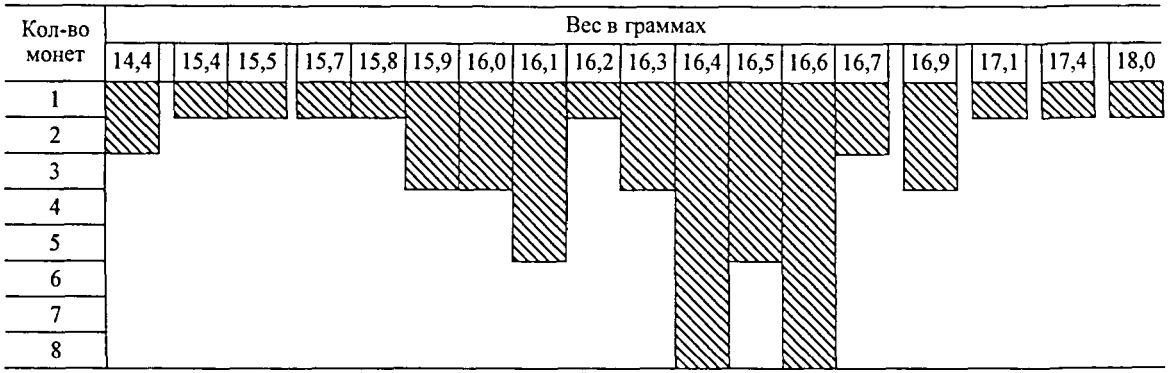


Таблица 2
Вес катабанских «дидрахм»

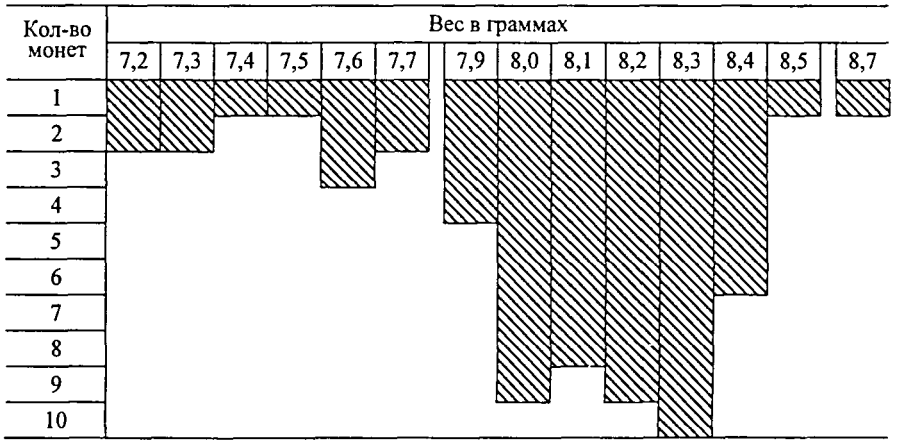


Таблица 3
Вес катабанских «драхм»

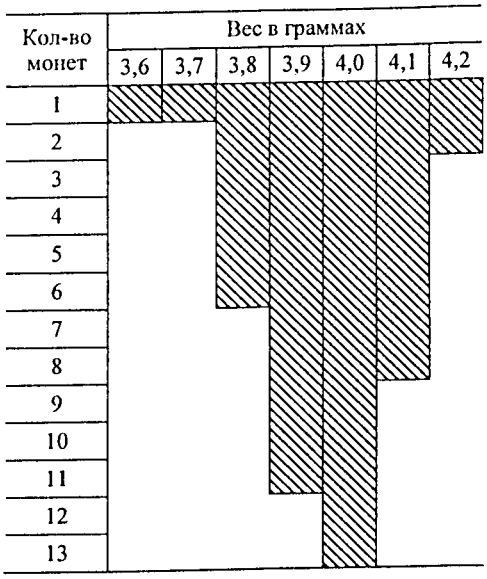


Таблица 5
Вес монет «южноаравийского стиля»

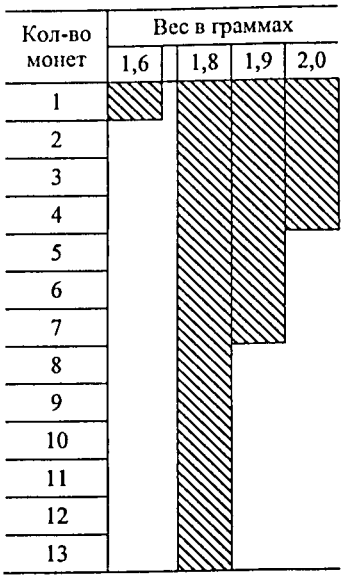


Таблица 4

Вес катабанских «хемидрахм (триоболов)»

Кол-во монет	Вес в граммах				
	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					
20					
21					
22					
23					
24					
25					
26					
27					
28					
29					
30					
31					
32					
33					
34					
35					
36					
37					
38					
39					
40					
41					
42					
43					
44					
45					
46					
47					

Таблица 6

Соотношение осей катабанских «тетрадрахм»

Кол-во монет	Часы циферблата			
	7.00	8.00	9.00	10.00
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18				
19				
20				
21				
22				
23				
24				
25				
26				
27				
28				
29				
30				
31				
32				
33				
34				
35				
36				
37				
38				
39				
40				
41				
42				

Таблица 7
Соотношение осей катабанских «дидрахм»

Кол-во монет	Часы циферблата			
	7.00	8.00	9.00	10.00
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18				
19				
20				
21				
22				
23				
24				
25				
26				
27				
28				
29				
30				
31				
32				
33				
34				
35				
36				
37				
38				
39				
40				
41				
42				
43				
44				
45				
46				

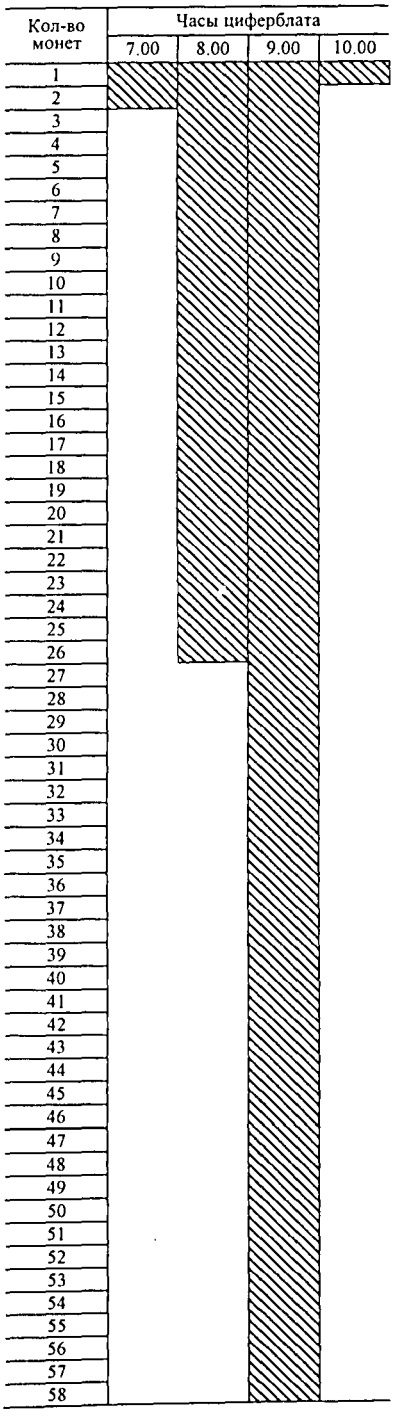
Таблица 8
Соотношение осей катабанских «драхм»

Кол-во монет	Часы циферблата				
	6.00	7.00	8.00	9.00	10.00
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					
20					
21					

Таблица 10
Соотношение осей монет «южноаравийского стиля»

Кол-во монет	Часы циферблата			
	11.00	12.00	1.00	2.00
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				

Таблица 9
Соотношение осей катабанских «хемидрахм (триоболов)»



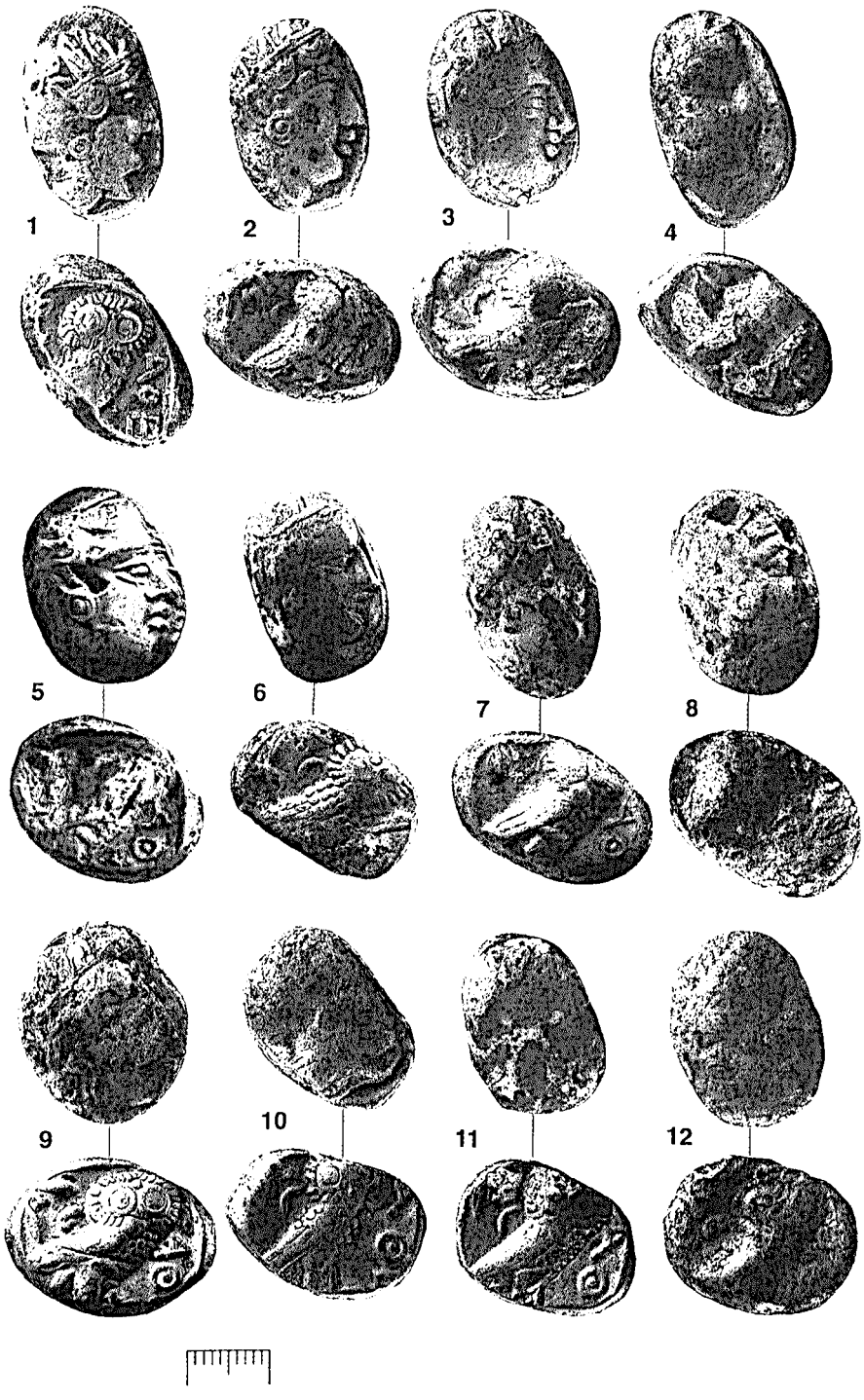


Рис. 1. Монеты клада из ас-Сурайры. *1–12* — «тетрадрахмы»

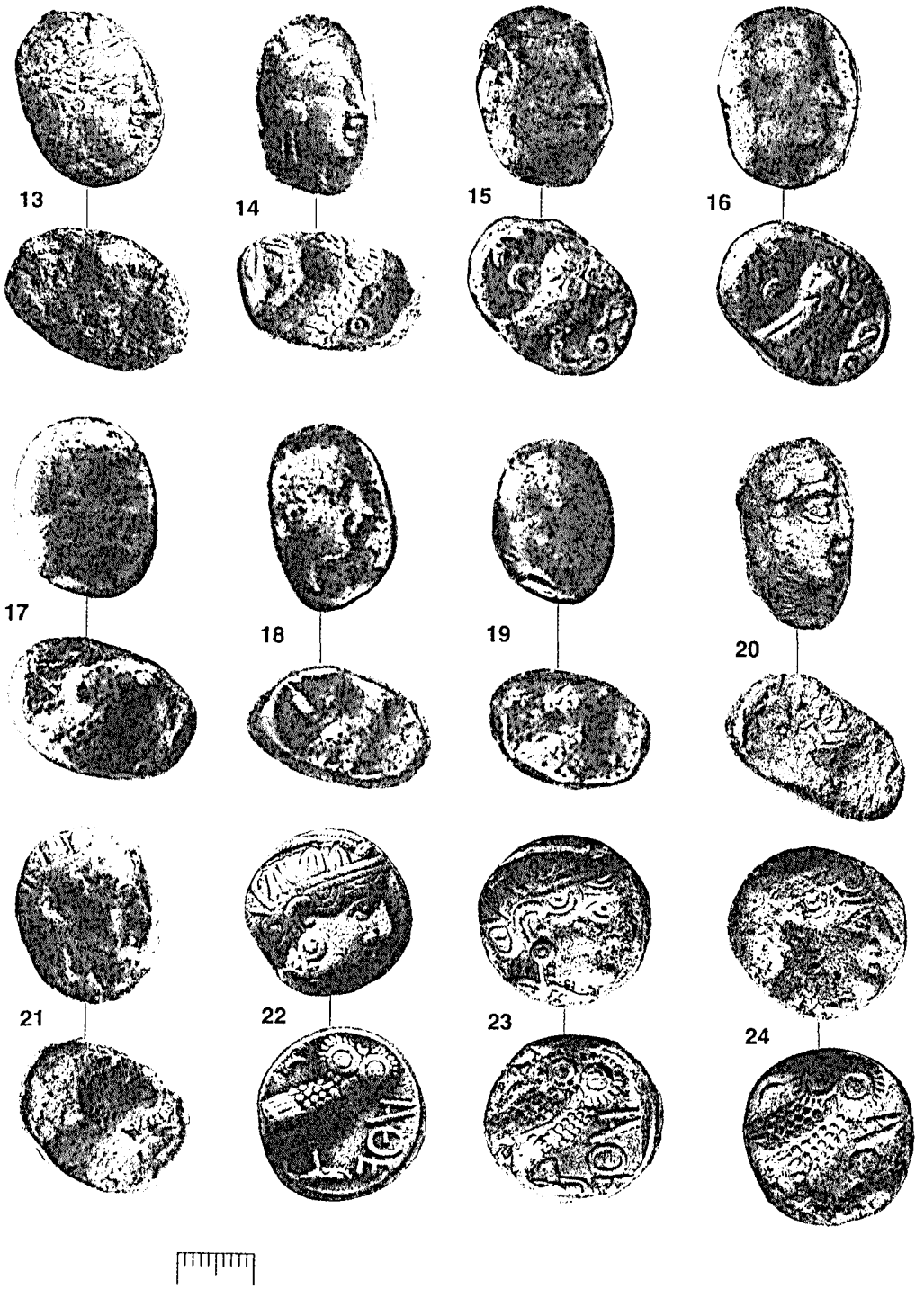


Рис. 2. Монеты клада из ас-Сурайры. *13–24* — «тетрадрахмы»

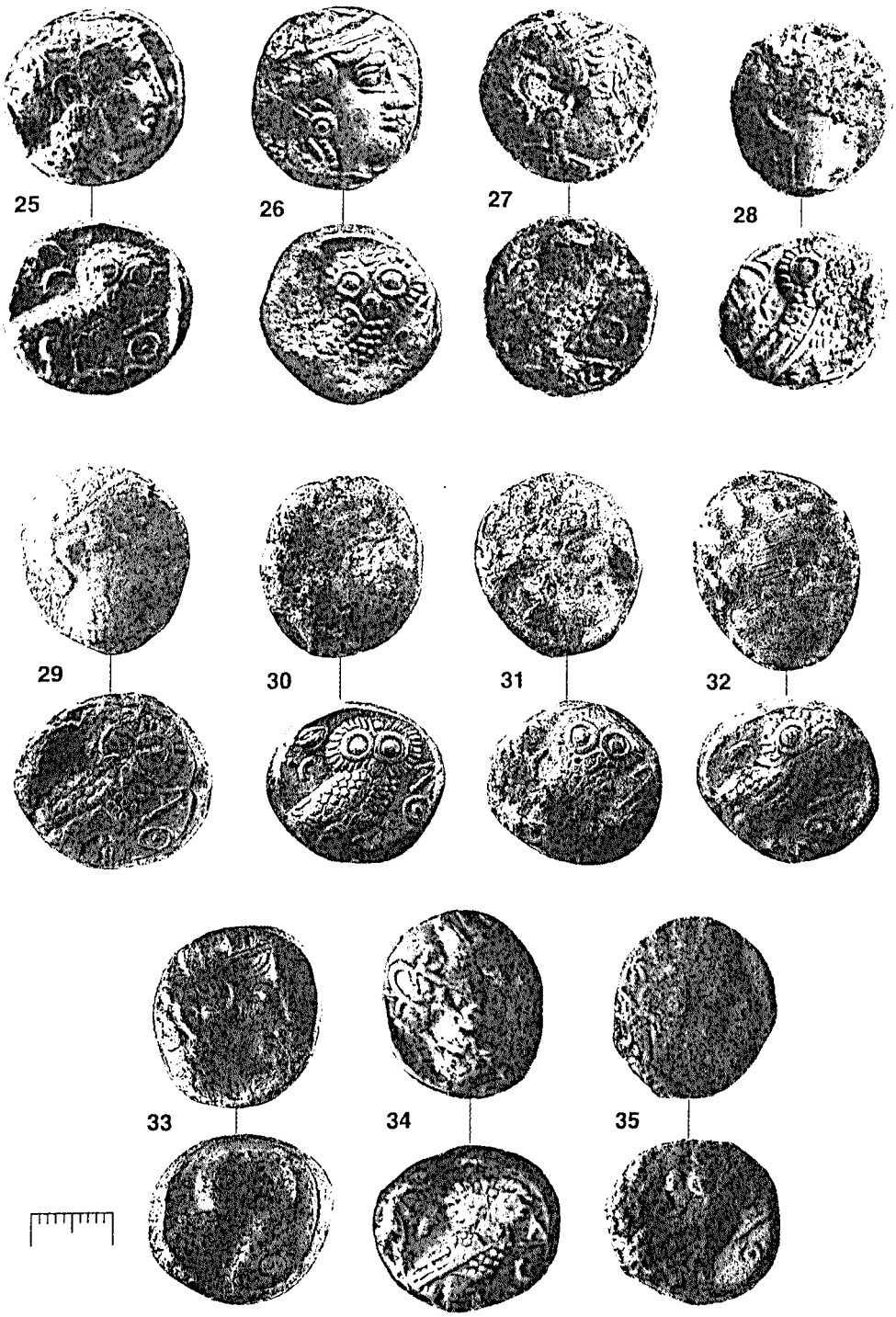


Рис. 3. Монеты клада из ас-Сурайры. *25–35* — «тетрадрахмы»

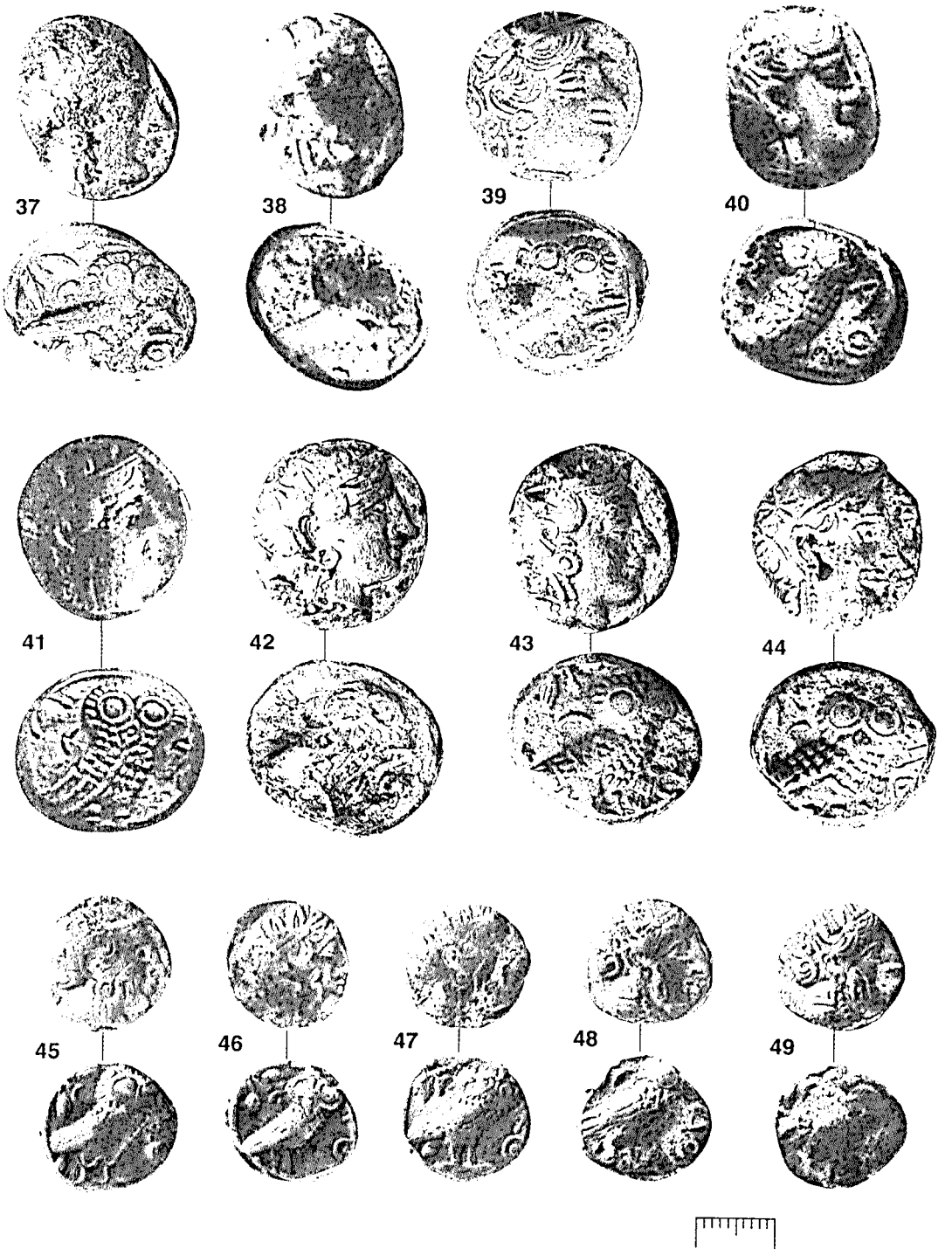


Рис. 4. Монеты клада из ас-Сурайры. *37–44* — «тетрадрахмы», *45–49* — «дидрахмы»

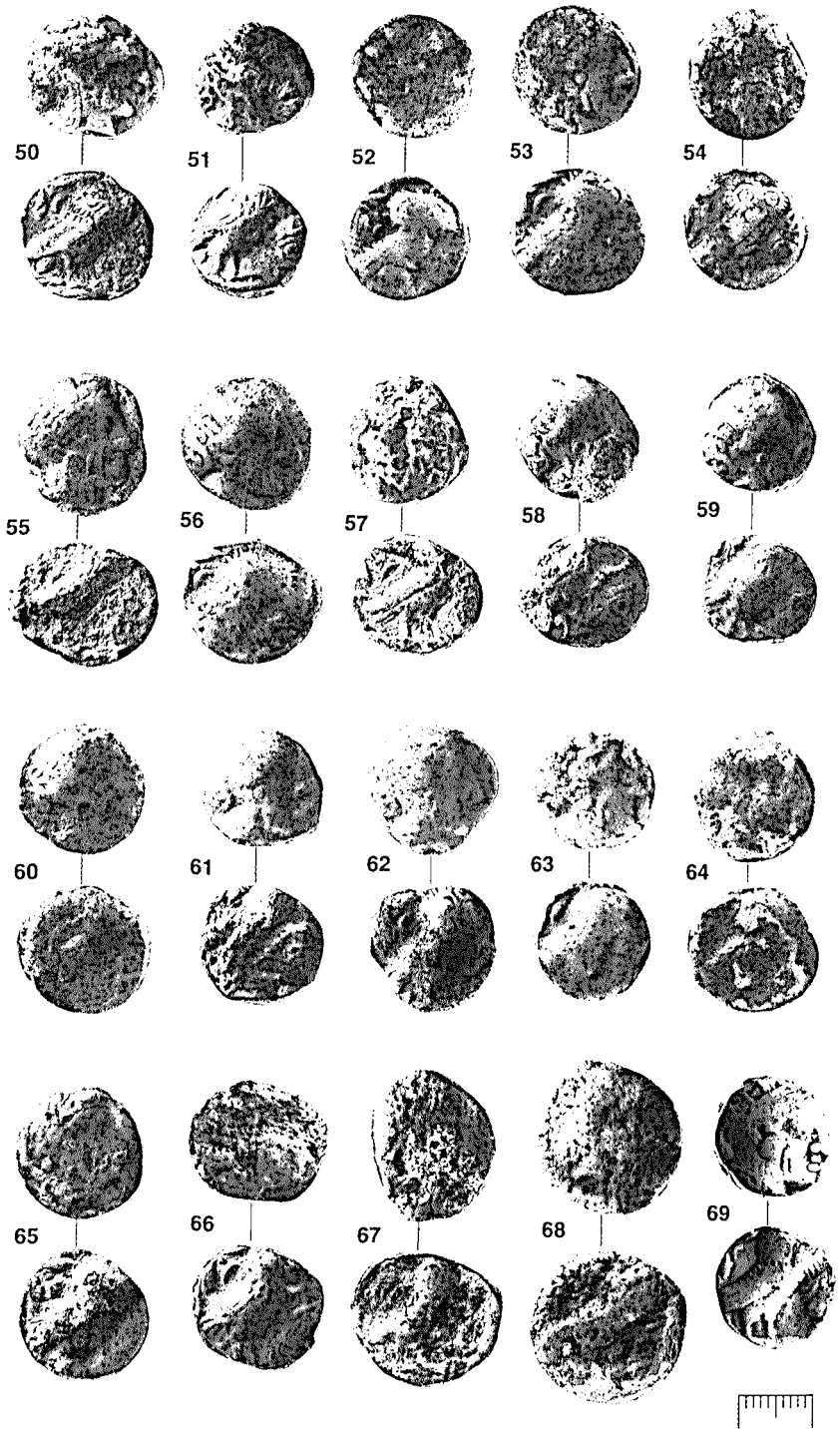


Рис. 5. Монеты клада из ас-Сурайры. *50–69* — «дидрахмы»

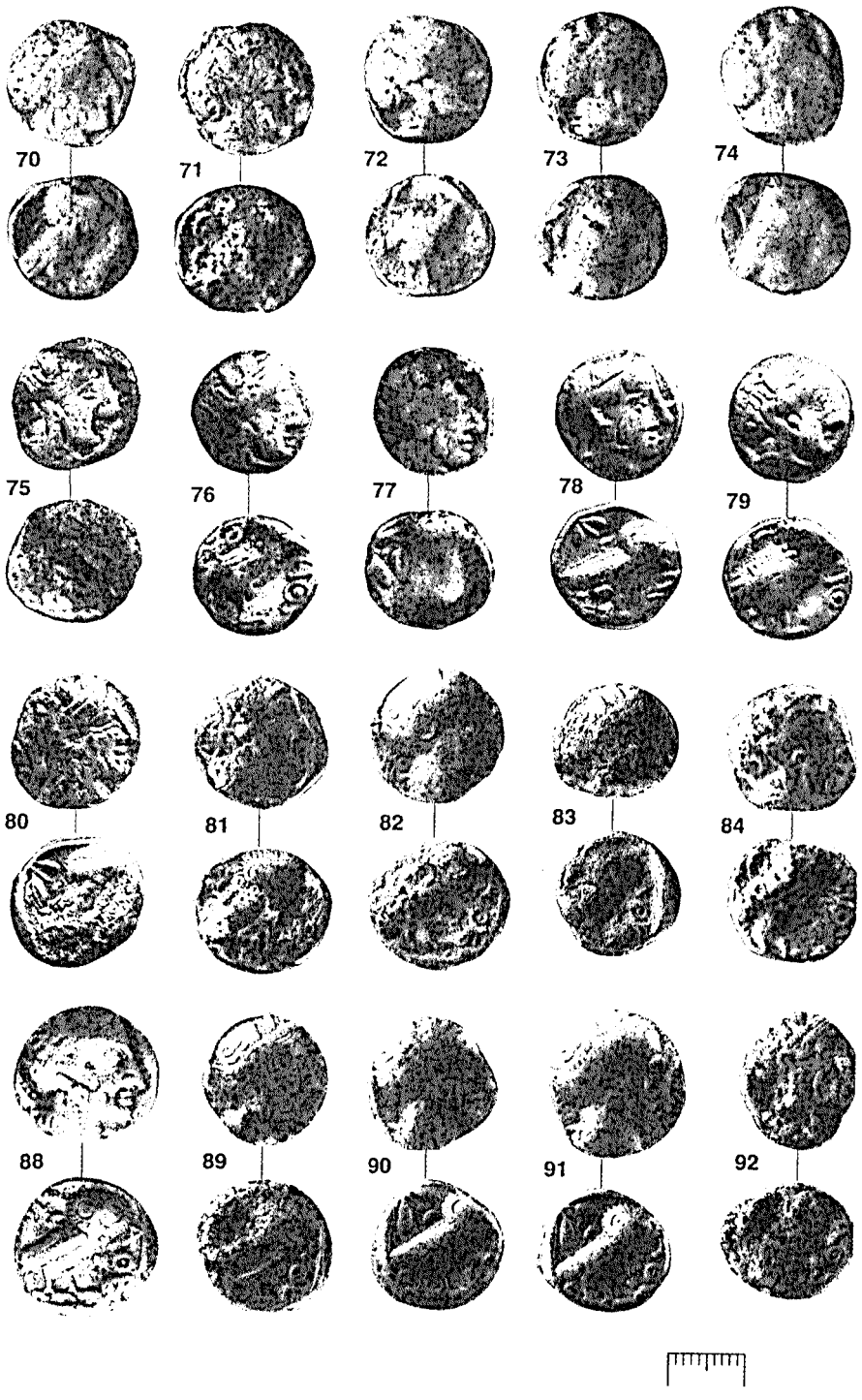


Рис. 6. Монеты клада из ас-Сурайры. *70–92* — «дидрахмы»

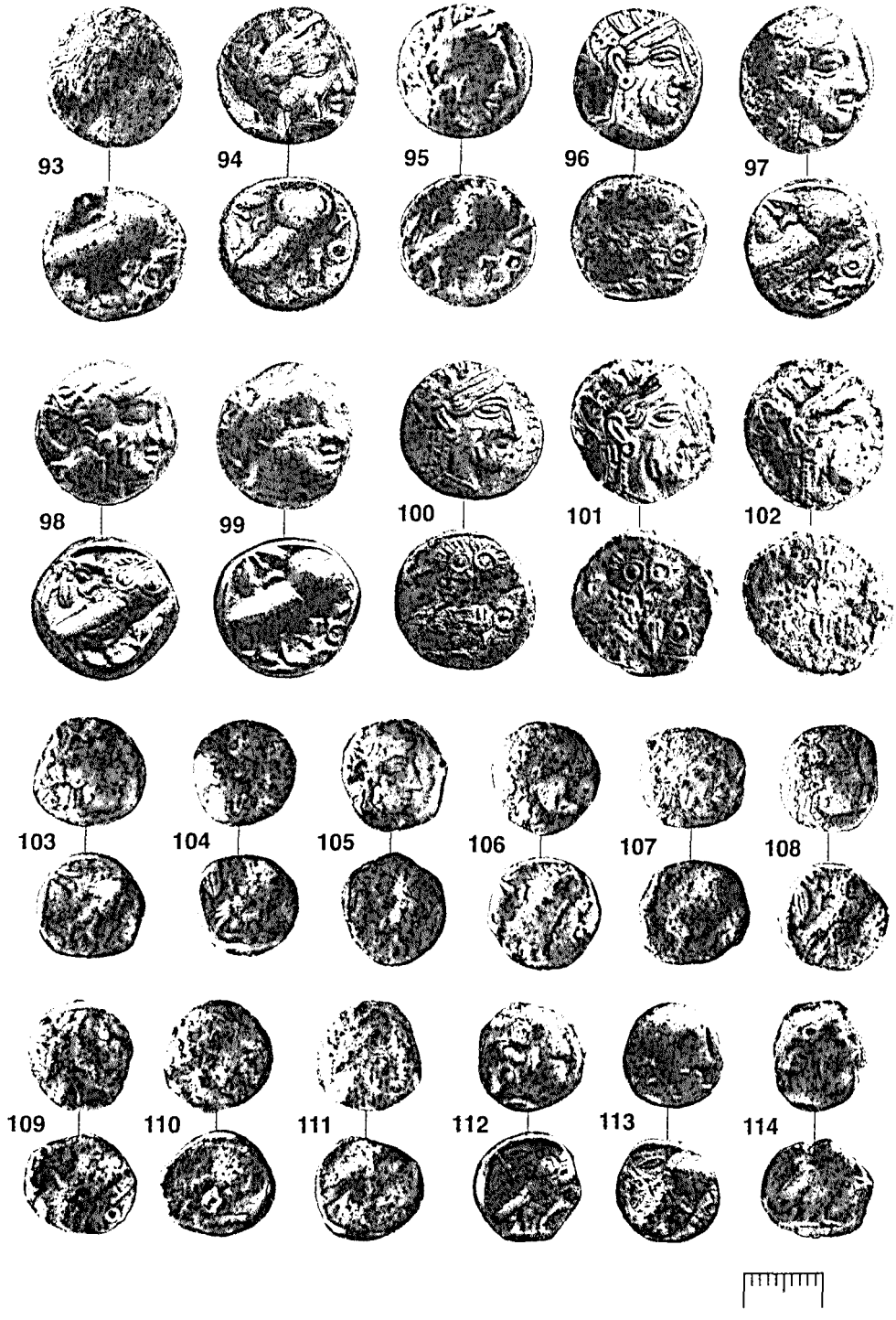


Рис. 7. Монеты клада из ас-Сурайры. *93–102* — «дидрахмы», *103–114* — «драхмы»

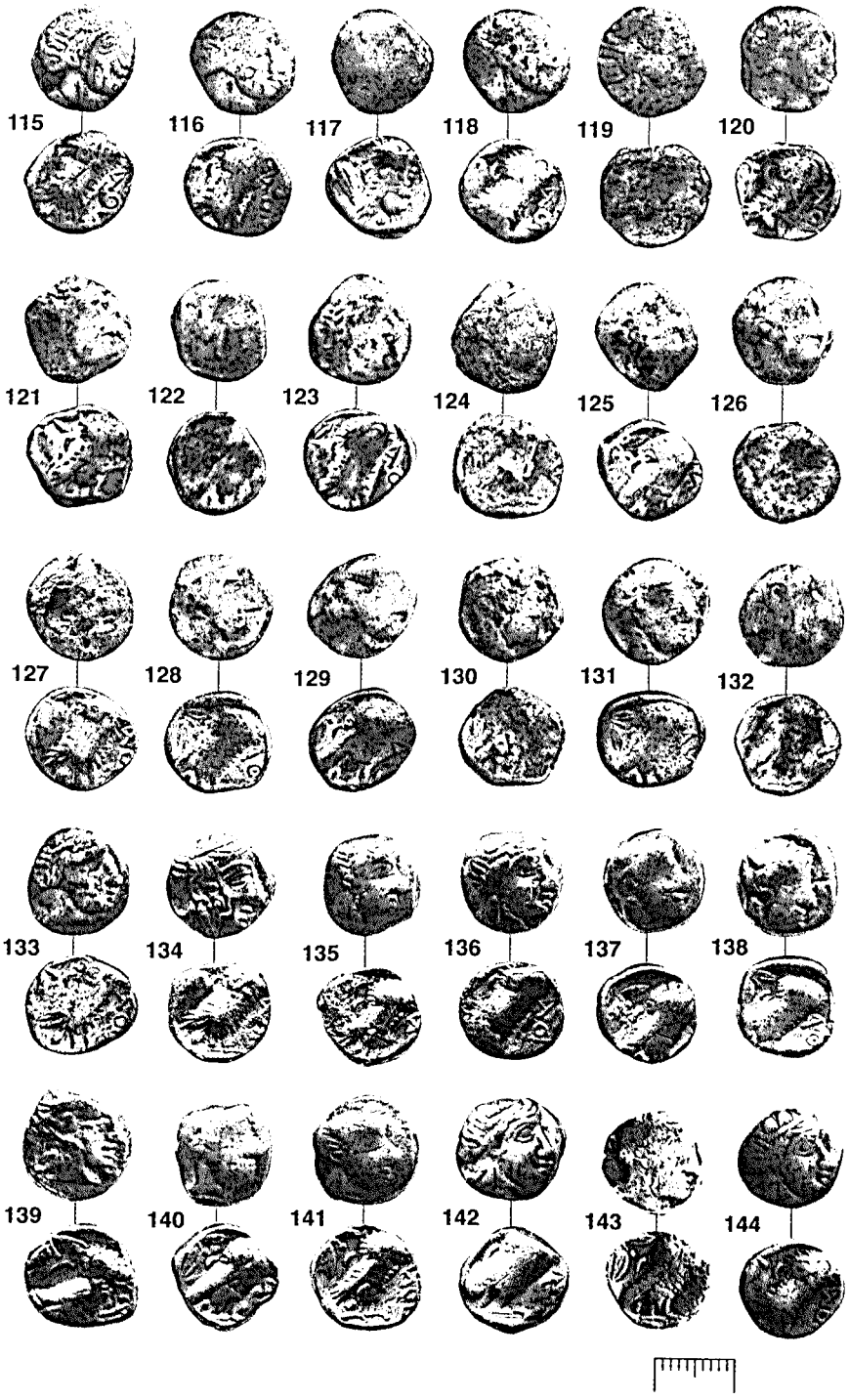


Рис. 8. Монеты клада из ас-Сурайры. *115–144* — «драхмы»

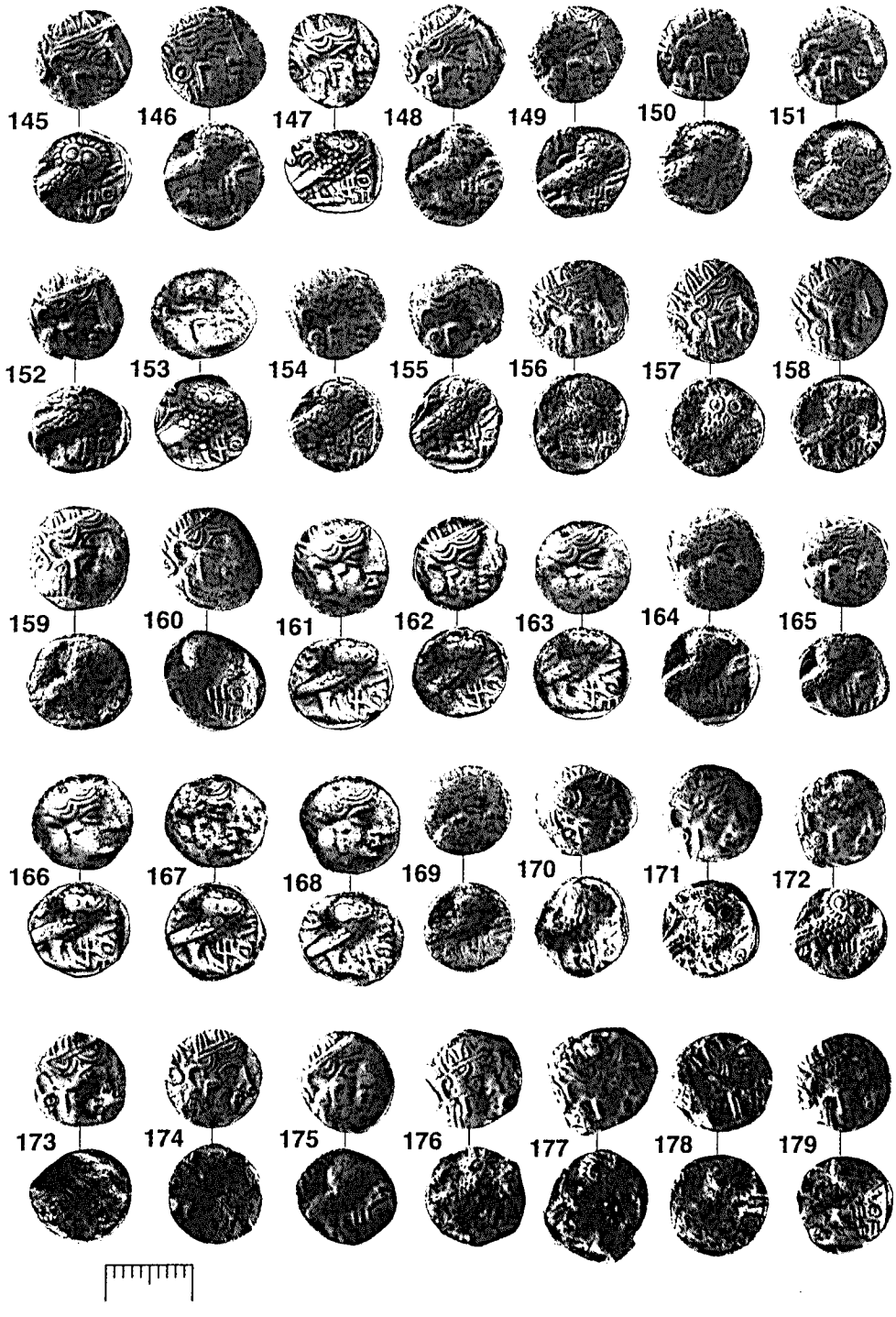


Рис. 9. Монеты клада из ас-Сурайры. *145–179* — «хемидрахмы (триоболы)»

Рис. 10. Монеты клада из ас-Сурайры. *180–214* — «хемидрахмы (триоболы)»

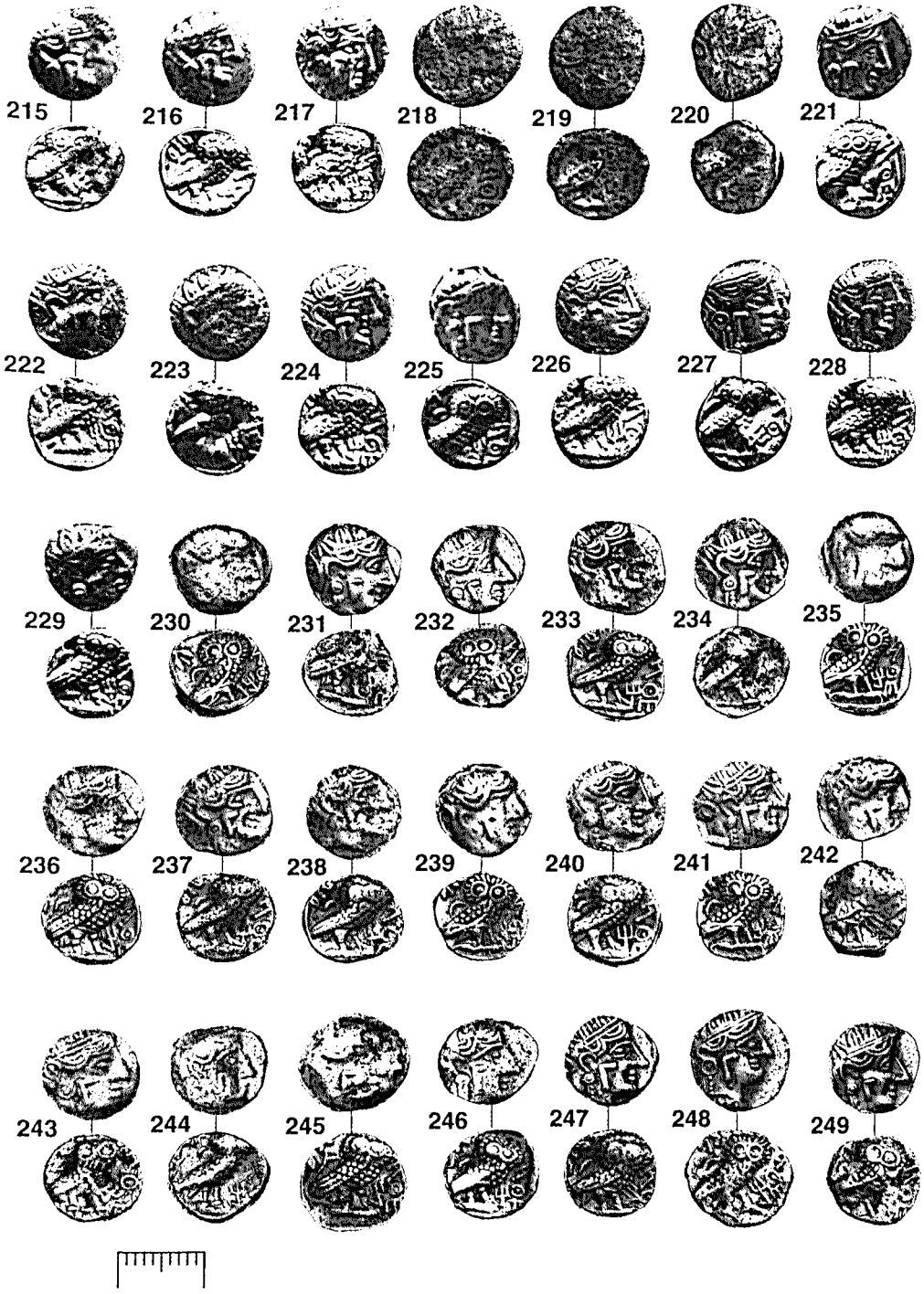


Рис. 11. Монеты клада из ас-Сурайры. *215–249* — «хемидрахмы (триоболы)»

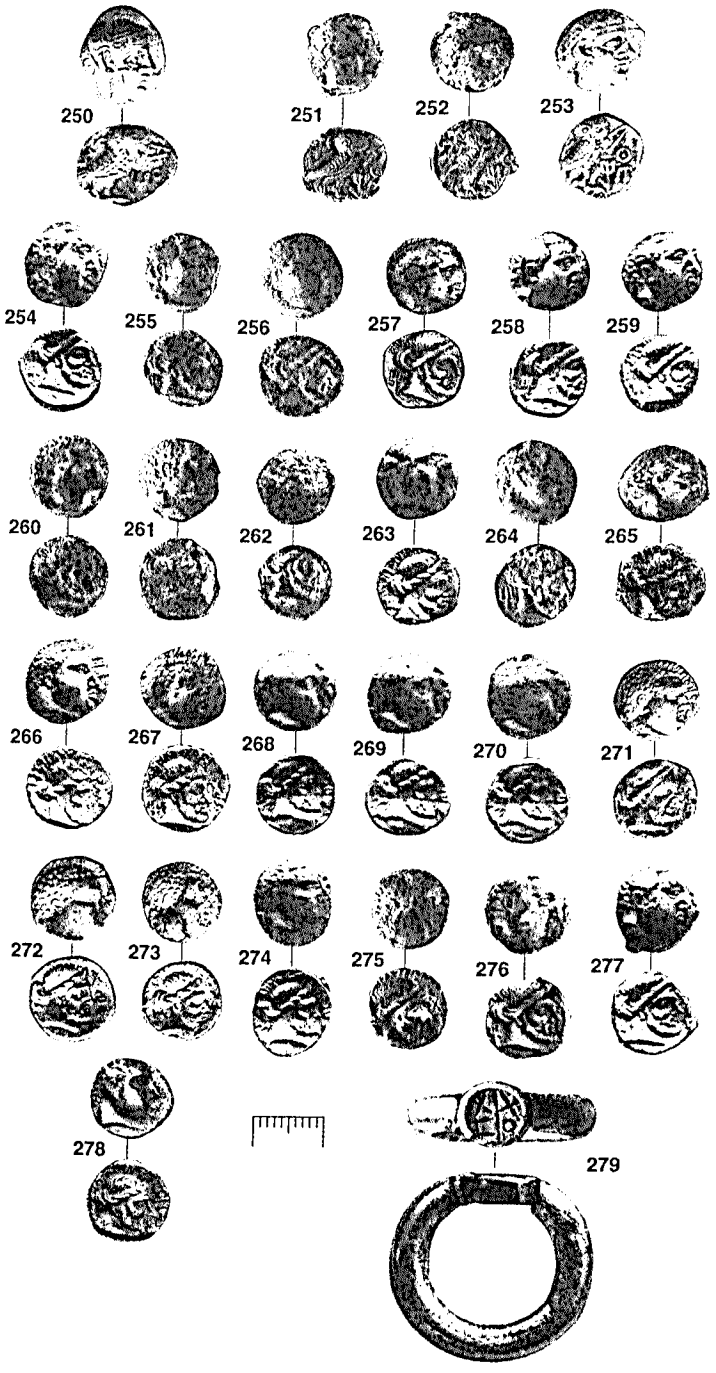


Рис. 12. Монеты и браслет клада из ас-Сурайры. *250* — «хемидрахма (триобол)», *251–253* — монеты «смешанного стиля», *254–278* — монеты «южноаравийского стиля», *279* — браслет

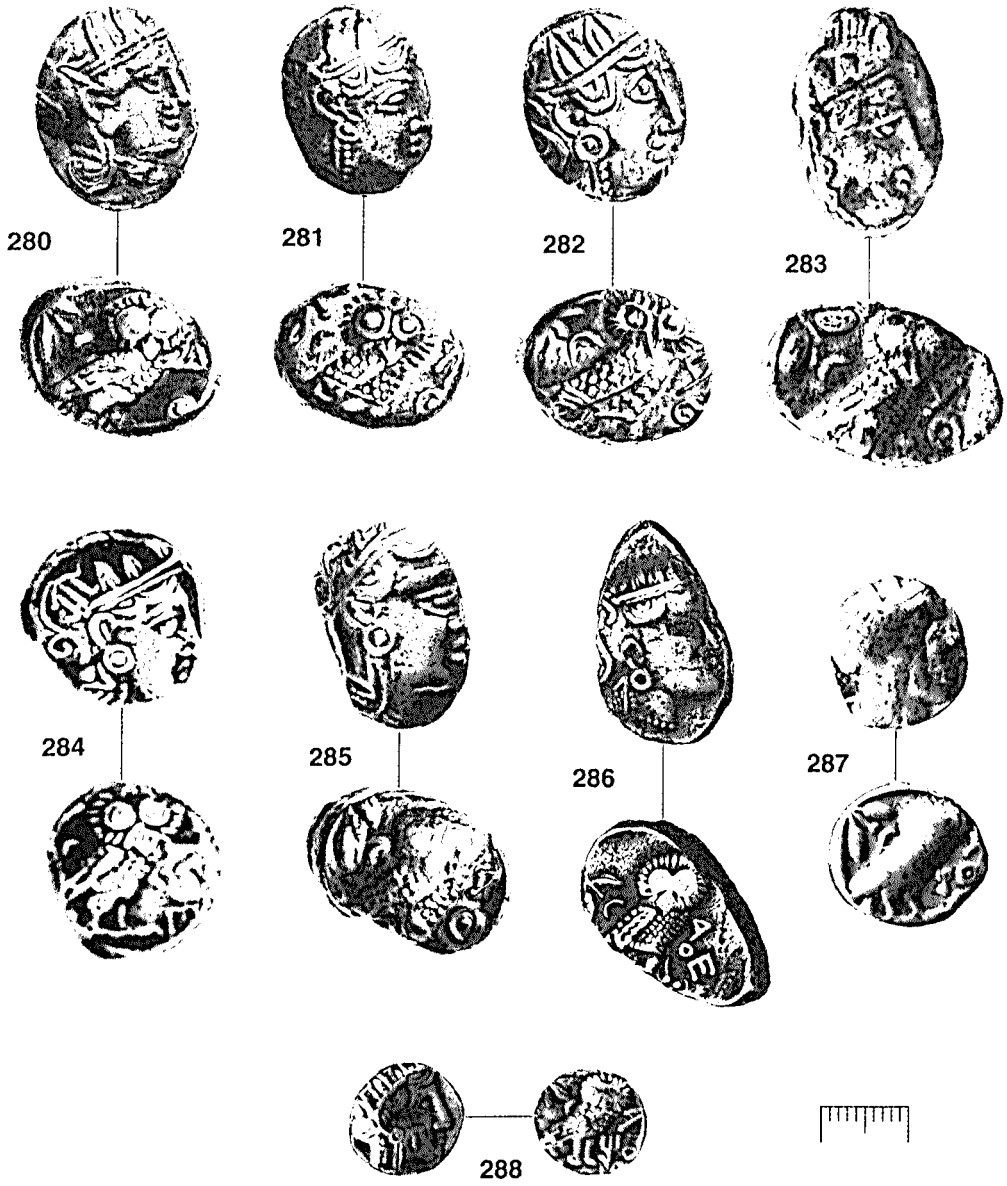


Рис. 13. Ранние катабанские монеты из различных собраний.
280–286 — «тетрадрахмы», *287* — «дидрахма», *288* — «хемидрахма (триобол)»

Х.А. АМИРХАНОВ
(*Москва*)

Кана' — поселение древних рыболовов на побережье Аденского залива

Благодаря раскопкам Советско-Йеменской, а позднее — Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен, проводившимся в 80–90-х годах прошлого века, рассматриваемый археологический памятник стал довольно хорошо известен специалистам в области классической археологии. Он представляет собой погребенные руины города римского времени, известного по древним письменным источникам как древнехадрамаутский порт Кана'. Через него осуществлялась морская торговая связь внутренних районов Юга Аравии с внешним миром (Sedov 1992, p. 110–137; 1996, p. 11–36; 1997, p. 365–384).

Памятник расположен примерно в средней части прибрежной линии Аденского залива на берегу бухты напротив современного селения Бир 'Али. Это место примечательно еще тем, что над полосой прибрежной равнины на правом берегу непосредственно в устье бухты возвышается огромная столообразная скала вулканического происхождения, известная как Хусн ал-Гураб («Воронья крепость») (рис. 1). Высота ее составляет примерно 150 м над уровнем моря. Склоны большей частью отвесные, и только на стороне, обращенной к суше, они менее крутые. Именно здесь имеется единственная возможность подняться на вершину. Поверхность вершины относительно выровненная. Здесь находятся остатки каменных построек, относящиеся ко времени существования порта Кана', но основные руины города расположены у подножия скалы.

Стратиграфия

Уже в начале систематических раскопок городища российскими исследователями было установлено, что на значительной глубине под полом одной из древних городских построек залегает углистый слой, богатый костями рыбы и некоторым количеством раковин морских моллюсков. По стратиграфическим показателям он должен был относиться ко времени гораздо более раннему, чем само городище. Однако специальные исследования в этом направлении тогда не проводились. Характер материальной культуры, связанной с этим слоем, тип памятника и возраст самого слоя оставались неизвестными. Эта задача частично была решена в 2001 г. в ходе разведочных работ, проводившихся на городище Российской комплексной экспедицией.

© Х.А. Амирханов, 2004

Рис. 1. Скала Хусн ал-Гураб, у подножия которой расположено древнее городище Кана' (вид с юго-запада)

Изучение нижних слоев городища осуществлено пока на площади двух шурфов (рис. 2). Один из них, размерами 4×4 м, был приурочен к подошве северного склона скалы Хусн ал-Гураб примерно в 200 м от берега. Второй шурф был заложен внутри той самой постройки II–V вв. н.э. (помещение 1 здания на Участке II), под полом которой в 1986–1987 гг. был зафиксирован углистый слой. Заполнение, относящееся к самому помещению, здесь уже было полностью выбрано ранее, и поэтому углубление производилось с уровня пола, занесенного эоловым песком за 15 лет, прошедших после предыдущих раскопок. Площадь данного шурфа ограничивалась с одной стороны размерами помещения, а с другой — пространством, оставшимся после прежнего глубокого зондажа. Эта полезная для нас площадь составила 1,7×2,8 м (или 4,8 кв. м).

Выбор места для шурфа у основания скалы определялся тремя причинами. Во-первых, предполагалось выяснить степень распространенности самых нижних культурных отложений на городище вдали от непосредственно береговой линии и тем самым установить участки, наиболее насыщенные археологическими остатками. Во-вторых, на избранном участке не было видимых строительных остатков, относящихся ко времени существования древнего города-порта. И в-третьих, здесь на современной поверхности было отмечено скопление раковин морских моллюсков с явными признаками обожженности. Однако исследования на упомянутом выше участке с точки зрения целей наших работ не оказались продуктивными: на глубине всего 140 см от современной поверхности здесь было достигнуто скальное основание. Наиболее насыщенным находками оказался нижний из выделенных в шурфе пяти литологических горизонтов, и находки эти, преимущественно в виде фрагментов керамики, целиком относились ко времени существования древнехадрамаутского города-порта, т.е. к I–V вв. н.э. Соответственно, можно предполагать, что скопление

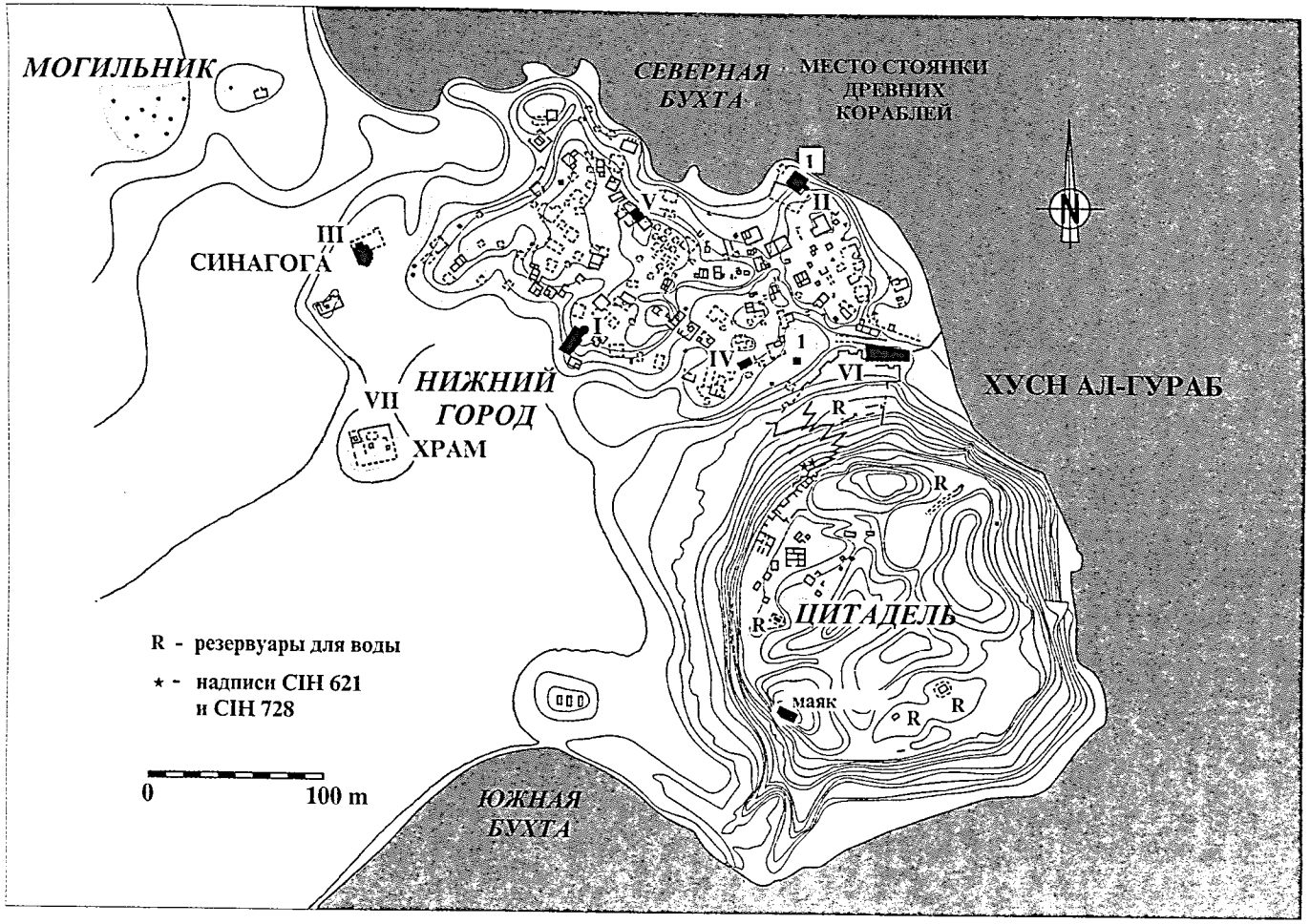


Рис. 2. Древнее городище Кана', план-схема (сечение горизонталей — 1 м). *I* — шурфы

раковин, залегавших в самом верхнем слое эолового песка, не только не является доисторическим, но и относится ко времени гораздо более позднему, чем собственно городские слои. Скорее всего, оно отражает какой-то разовый эпизод пребывания здесь людей после того, как древний город уже давно покоился в руинах. Скопление, о котором идет речь, содержало около 200 раковин моллюсков, представленных почти исключительно устрицами.

Иную картину дал шурф у берега в помещении 1 здания на Участке II. Глубина его от уровня, с которого он был заложен, до «материка», т.е. до древних пляжных отложений, составила 190 см. Если учесть, что верхние слои отложений шурфа, как уже отмечалось, были удалены при выборке заполнения помещения, то общая глубина данного шурфа с уровня современной поверхности составляет около 330 см.

Описываемый шурф вскрыл следующую последовательность напластований (разрез сделан по западной стене шурфа с уровня глубины, достигнутого раскопками 1986–1987 гг. с учетом новых эоловых наносов) (рис. 3):

Слой 1. Песок желтоватый, рыхлый, мелкозернистый — эоловый нанос, образовавшийся с 1987 г. Находок не содержит. Мощность — до 20 см.

Слой 2. Желтовато-серая супесь с включением отдельных мелких обломков небольшого количества рассеянного щебня вулканической породы. В верхней части содержит две маломощные плотные глинистые прослойки желтовато-белесого оттенка с пятнами обожженности на поверхностях (обмазки «ранних» полов помещения?). Археологические остатки представлены фрагментами керамики, мелкими фрагментами бронзовых изделий, костями животных. Мощность — до 46 см.

Слой 3. Супесь интенсивно темноокрашенная, плотная, с включением большого количества сильно обожженных раковин (створки с перламутровой внутренней поверхностью). Слой средне насыщен обломками и щебнем вулканической породы; в нижней части содержит две углистые линзы, расположенные на разных уровнях. Археологический материал представлен керамикой, каменными орудиями, мелкими фрагментами бронзовых изделий, костными остатками крупных и мелких копытных и морской черепахи. Мощность — до 78 см.

Слой 4. Супесь сероватая, плотная, с включением угольков. Содержит линзы сплошной углистой массы, разложившихся костей рыбы, пережженной раковинной массы. Находки представлены каменными орудиями. Залегание слоя с размывом. Мощность — до 20 см.

Слой 5. Сероватый крупнозернистый (морской?) песок с включением малочисленных обожженных раковин и угольков. Археологические находки представлены линзой сплошной массы разложившихся рыбьих костей и каменными орудиями. Залегание слоя с размывом. Мощность — до 18 см.

Слой 6. Мелкофрагментированная коралловая масса. Залегает с размывом. Культурные остатки отсутствуют. Мощность — до 10 см.

Слой 7. Сероватая супесь с включением большого количества обломков вулканической породы по верхней границе слоя и со слабой насыщенностью щебнем. Археологические находки представлены каменными орудиями, остатками

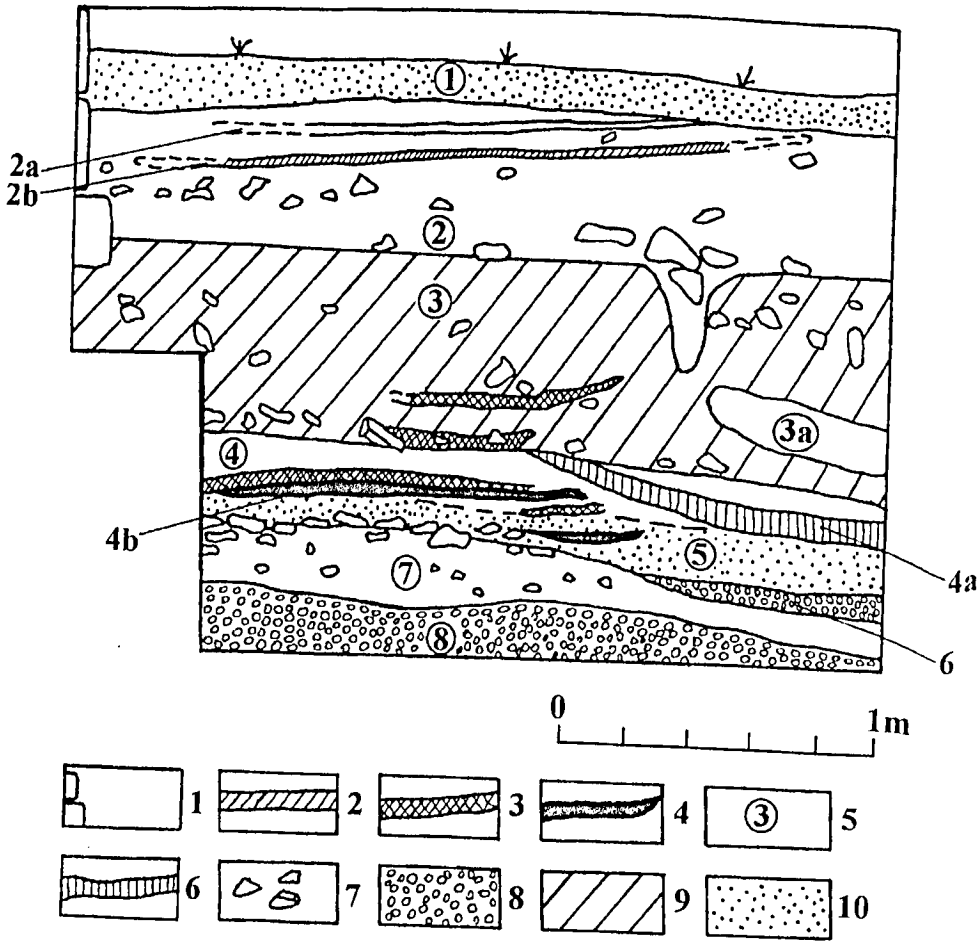


Рис. 3. Древнее городище Кана', разрез западной стенки второго шурфа.
1 — блоки фундамента здания на Участке II; *2* — глинистая прослойка; *3* — линзовидное залегание пережженной массы костей рыбы и раковин моллюсков; *4* — линза углистой массы; *5* — номера слоев; *6* — горизонт песка без культурных остатков; *7* — камни; *8* — мелкофрагментированная коралловая масса; *9* — темноокрашенная супесь; *10* — песок с включениями угольков и слабо насыщенный обожженными раковинами моллюсков

очагов, мелких (толщиной до 1,5 см) линз разложившихся рыбьих костей, редких обожженных раковин морских моллюсков, обломков трубчатых костей мелких копытных, а также фрагментами панциря морской черепахи. Мощность — до 25 см.

Слой 8. Масса мелкофрагментированных кораллов и раковин — отложения древнего пляжа. Включает крупные, сильно окатанные глыбы базальта и вулканического туфа. Археологические остатки отсутствуют. Прослежен на глубину до 25 см.

Общий наклон слоев — в сторону современного берега, причем в нижних слоях разреза этот наклон выражен в большей степени. Другая общая особенность состоит в том, что слои, начиная с четвертого, залегают с размывом.

В рассматриваемом разрезе культурные остатки встречены в пяти слоях (слои 2, 3, 4, 5, 7). Исходя из отличий в составе находок разных слоев, можно утверждать, что мы имеем здесь дело с двумя разнородными группами культурных напластований. Первая (слои 2 и 3) по характеру находок, прежде всего керамики, относится ко времени существования древнего города-порта Кана', при этом по крайней мере один из отмеченных слоев (слой 3) должен предшествовать времени строительства помещения 1, т.е. II в. н.э. Очевидные отличия второй группы напластований выражены и в природной, и в антропогенной составляющей входящих в нее слоев (слои 4, 5 и 7). Эти слои имеют иной характер залегания и накопления, иную мощность и иной литологический состав. В них полностью отсутствует керамика и кости крупных животных, а морфологически устойчивые каменные орудия имеют иную типологическую выраженность.

Судя по разрезу, исследуемый участок памятника первоначально был заселен практически сразу же после того, как понизился уровень моря и оказался осушенным данный отрезок прибрежной полосы. До конца накопления слоя 7 сюда еще достигала прибойная волна. Красноречивым свидетельством этому является наличие слоя 6, который в виде «языка» частично прерывает морскими отложениями (мелкофрагментированные кораллы и раковины) уже накопившийся слой 7. Поверхность выявленного шурфом древнего пляжа возвышается в настоящее время на 2 м над уровнем моря. Следовательно, размах трансгрессии моря, предшествовавшей отступлению воды и заселению данного участка человеком, был равен именно этому значению. Этот геоморфологический показатель является хорошим основанием для приблизительной датировки нижних слоев данного памятника.

Фаунистические находки

Ввиду сложности вывоза материала для изучения в Россию специальные археологические исследования материала, происходящего из описываемого шурфа, не проводились. Мы можем привести лишь его общие описания, исходя из наших собственных наблюдений на месте. Речь при этом будет идти о данных из отложений (слои 4, 5 и 7), предшествующих городским слоям древнехадрамаутского поселения Кана'.

Палеофаунистические характеристики рассматриваемых слоев в основных чертах едины как в тафономическом плане, так и с точки зрения общего качественного и

количественного состава. Во всех трех слоях мы обнаруживаем рассеянные в слое обожженные раковины моллюсков. На исследованном участке они нигде не составляют скоплений, позволяющих их расценивать как типичную «раковинную кучу». Исключением является горизонт 4а, где обнаружена почти сплошная раковинная масса. Однако она представлена в весьма специфичном виде — раковины мелкофрагментированы и пережжены почти до полного разрушения. Такое состояние сохранности раковин затруднительно объяснить приготовлением моллюсков для приема в пищу. При этом нельзя сказать, что здесь имеет место вторичная обожженность раковин.

Наибольшее количество целых раковин обнаружено в слое 7 (32 экземпляра). Двустворчатые моллюски представлены здесь 12 раковинами, относящимися к четырем разным видам. Остальные 20 раковин приходятся на не менее чем десять видов крупных гастропод. Судя по составу этих остатков, говорить о массовом и специализированном сборе моллюсков не приходится. Следует также отметить отсутствие здесь такого диагностичного для морских лагун с мангровой растительностью вида, как теребралии. Все раковины имеют выраженные в различной степени признаки обожженности, что свидетельствует о приготовлении их в пищу на огне.

Кости рыбы в определимом виде и фрагменты панциря морской черепахи немногочисленны. С другой стороны, во всех трех культурных слоях (слои 4, 5 и 7) имеются тонкие линзы, образованные сплошной массой истлевших или полуразрушившихся костей рыбы.

Единственное существенное отличие в составе фаунистических остатков рассматриваемых слоев состоит в наличии в слое 7 единичных костей мелких копытных. Впрочем, это отличие связано, скорее всего, с особенностями раскопанных участков культурных слоев. В целом же состав фаунистических находок не оставляет сомнений в том, что главным хозяйственным занятием первых обитателей доисторического поселения Кана' являлось рыболовство.

Археологические находки

Культурные остатки во всех трех рассматриваемых слоях представлены каменными орудиями, сплошными углистыми линзами и линзами разложившихся рыбьих костей, а также разрушенным очагом в слое 7. Следы разрушенного очага обнаружены в юго-восточном углу шурфа. Здесь выявлено узколокализованное скопление из 24 обожженных галек и небольших валунов (до 15 см в поперечнике) вулканической породы. Среди них отмечаются два обломка терочных камней с плоской поверхностью. Сам слой на участке этого скопления был интенсивно окрашен в черный цвет. Характер камней указанного скопления и особенности окружающего его заполнения позволяют рассматривать данный объект как остатки очага с каменной выброской.

Послойный количественный и качественный состав орудий выглядит следующим образом (см. табл.).

В количественном отношении рассматриваемая коллекция находок невелика, и это неудивительно, учитывая, что она происходит из относительно небольшого шурфа. К тому же практика показывает, что инвентарь памятников, подобных нижним слоям Кана', как правило, не бывает многочисленным. Однако по качественному составу материал выглядит достаточно показательным. Как общий набор каменных орудий, так и наличие здесь таких диагностических форм, как грузила для сетей

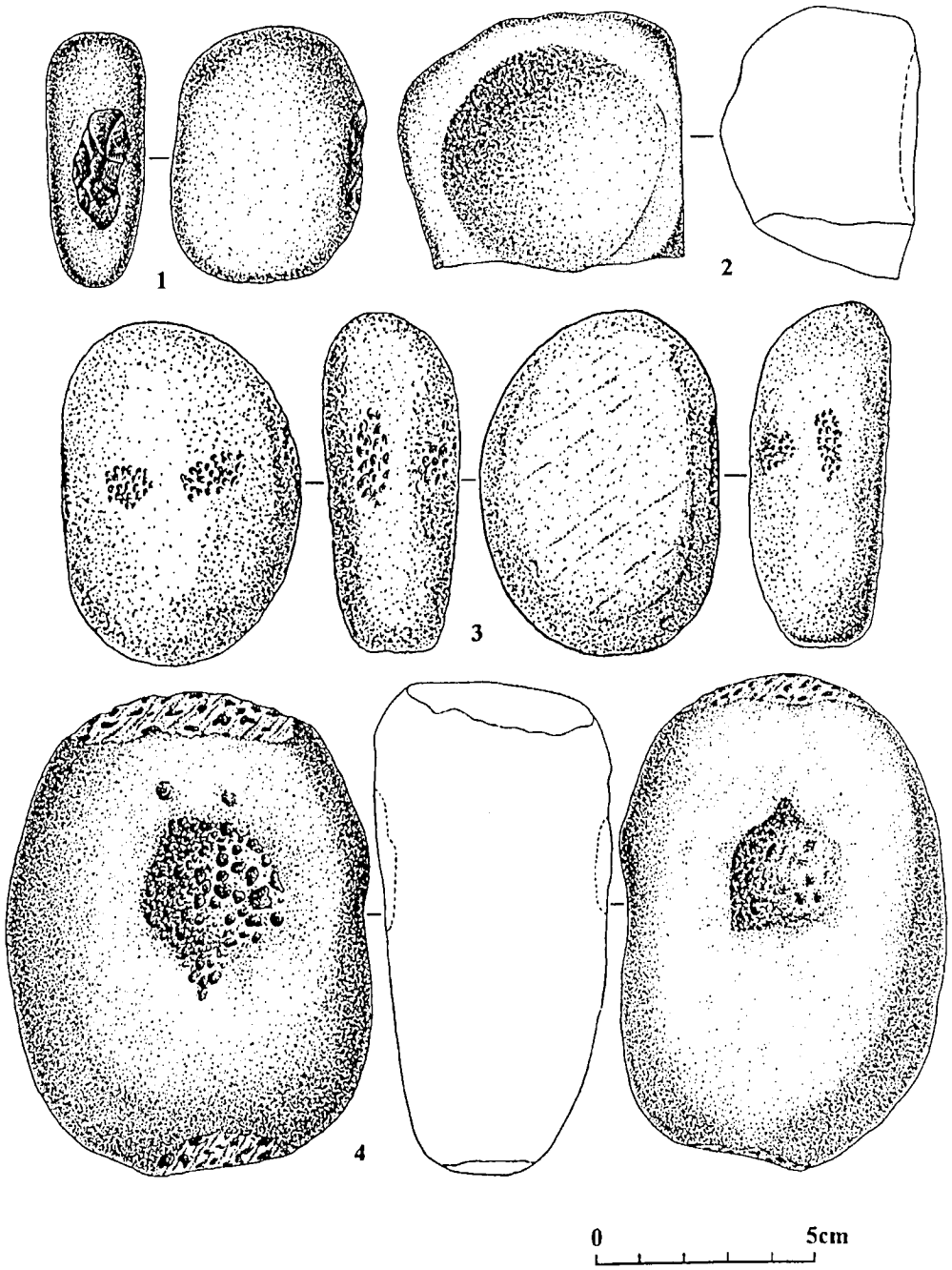


Рис. 4. Древнее городище Кана', каменные орудия из шурфа.
1 — грузило для сети с частичной оббивкой боковых участков; *2* — терочник чашевидный;
3 — грузило для сети с прерывистой круговой обработкой пикетажем в средней части гальки;
4 — комбинированное орудие — отбойник-терочник-камень — с лунками

Таблица

Наименование изделий	Слой 4	Слой 5	Слой 7
Грузила для сетей с подработкой поверхности	1	1	
Галька с одной лункой	1		
Галька с двумя симметрично противопоставленными лунками		1	
Терочные камни с плоской поверхностью (целые и обломки)	1		6
Отбойники	1		
Отбойники-терочники		1	1
Куранты (обломки)	1		1
Наковаленки			1
Рубящее орудие «с носиком»	1		
Обожженная галька	4	9	24

(рис. 4, *1–3*), галька с лунками (рис. 4, *4*), рубящее орудие «с носиком», комбинированные орудия и куранты, придают данному инвентарю вид, типичный для поселения рыболовов и собирателей моллюсков Южной Аравии неолитического времени и бронзового века.

С типологической точки зрения наиболее интересная форма здесь представлена грузилами для сетей. Особенностью их является то, что функцию краевых выемок для перевязки здесь выполняют участки простой забитости в средней части края гальки (рис. 4, *1*) или легкой пикетажной обработки наиболее выступающих поверхностей по контуру поперечной оси симметрии заготовки (рис. 4, *3*). Этот тип грузил до настоящего времени не встречен в материалах других сравнимых памятников побережья Аденского залива, и он несомненно является специфичным для Кана'.

Другим заслуживающим внимания моментом, связанным с грузилами, является то, что в действительности к этой категории находок здесь можно было бы отнести и гальку без следов обработки поверхностей. Сама возможность использования в древности в таком качестве необработанной гальки, как нам кажется, убедительно продемонстрирована на материалах прибрежного поселения Гихейю, относящегося к IV тысячелетию до н.э. (Амирханов и др. 2001, с. 2–12). В пользу этого говорит и то, что подобные предметы (рис. 5) имеются в широком обиходе и у современных рыбаков, обитающих как поблизости от Кана', так и в других районах Аденского залива.

Для решения вопроса о том, насколько интенсивной была жизнь на поселении Кана' в доисторическое время, важны данные археологической стратиграфии и наблюдения над характером исходного сырья для каменных орудий. Как видно из разреза памятника, материалы, относящиеся к рыболовству, залегают здесь в трех последовательных литологических слоях. При этом в каждом из этих слоев отмечается переслаивание углистых линз, указывающих или на непрерывное и долговременное накопление культурных отложений, или на периодическое возобновление жизни на исследованном участке. По данным одного шурфа невозможно выяснить, какой из этих вариантов здесь реализовывался, но ясно, что в обоих случаях речь идет не об эпизодическом освоении людьми данного места обитания. В пользу этого заключения свидетельствует и тот факт, что грузила для сетей, отбойник и отбой-

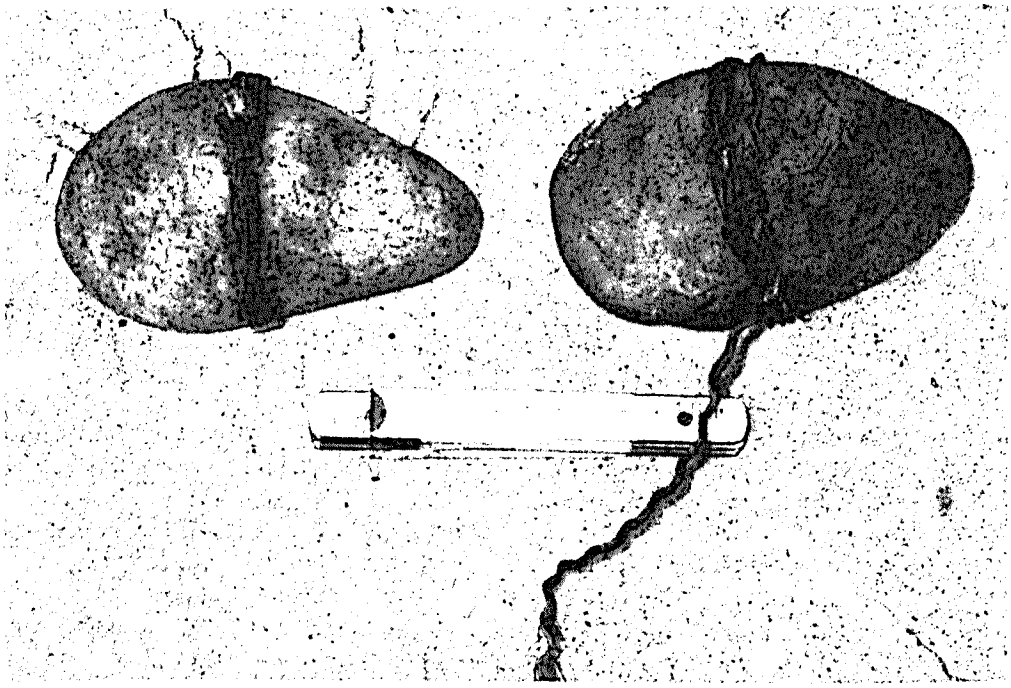


Рис. 5. Грузила для сетей без специальной обработки, используемые местными рыбаками в наши дни

ники-терочники (рис. 4, *4*) по характеру сырья имеют не местное происхождение. Это преимущественно мелкая (в среднем размерами 3×5×7 см) уплощенная галька, принесенная сюда древними обитателями поселения из ближайшего вади за много километров от Кана'.

Датировка и общая характеристика памятника

При отсутствии радиоуглеродных дат для датировки нижних слоев шурфа мы можем лишь опираться на собственно археологические и геоморфологические основания. С типологической точки зрения показательными для относительной датировки являются прежде всего грузила сетей. Последние здесь представлены ранней формой (в смысле эволюции данной категории изделий). В развитии последних канский тип занимает промежуточное место между галькой с необработанной поверхностью, использовавшейся в качестве грузил, и грузилами выработанных форм с краевыми выемками. Правоту именно такого видения эволюции грузил подтверждают, в частности, и собственно канские материалы. Укажем в этой связи на то, что в относящемся ко времени древнеюжноаравийской цивилизации слое 3 раскопанного нами шурфа встречается гораздо более развитый тип рассматриваемой категории предметов — он относится к грузилам с симметричными глубокими краевыми выемками. Указанная выше типологическая эволюция грузил прослеживается и в материалах

прибрежных памятников лагуны Хор Умейра, примерно в 150 км восточнее г. Адена, где имеется возможность сравнения разновозрастных материалов. Данные этих памятников, а также типологически аналогичные предметы с поселений древних рыболовов в урочище ал-Набва на окраине Адена показывают, что грузила с глубокими краевыми выемками, оформленными оббивкой, получают широкое распространение начиная только со II тысячелетия до н.э. (Амирханов, Фогт 2002, с. 30–43). Если основываться на этих заключениях, то слои 4, 5 и 7 шурфа в Кана' должны быть отнесены к более раннему времени.

Применительно к датировке рассматриваемых слоев шурфа плодотворным представляется привлечение и геоморфологических данных. Как уже отмечалось выше, первое заселение исследованного нами участка произошло непосредственно после завершения трансгрессивной фазы, имевшей в момент своего пика размах примерно два метра. Последнюю голоценовую трансгрессию такого масштаба применительно к аравийским побережьям относят к IV тысячелетию до н.э. Соответственно, накопление самого нижнего слоя нашего разреза (слой 7) с большой вероятностью можно отнести к III тысячелетию до н.э.

Другая важная проблема, связанная с изучением древних слоев Кана', касается определения культурной принадлежности данного памятника. Однако решение ее в плане установления узких культурных идентификаций ограничено скудостью имеющегося материала. Ясность существует лишь в отношении того, что поселение относится к обширному кругу прибрежных памятников со специфическим типом хозяйствования и отражающими эту специфику особенностями инвентаря. Что же касается наличия или отсутствия здесь локального своеобразия культуры, то этот вопрос остается открытым. Наш общий подход к данной проблеме, основывающийся на знакомстве с обширными материалами из смежных районов и более отдаленных регионов, склоняет к признанию существования здесь локальной специфики. На принципиальную возможность этого указывают, например, неповторимые по своему культурному облику материалы многослойного поселения Гихейю или синхронные с ними коллекции прибрежных памятников Персидского залива (Амирханов и др. 2001, с. 2–12; Амирханов, Фогт 2002, с. 30–43). Однако для твердого типологического обоснования этого предположения применительно к Кана' недостаточно наличия здесь одного своеобразного типа грузил, хотя не помнить об этом также нельзя.

Если говорить в общем, то рассмотренные выше материалы дают достаточно оснований для определения данного памятника как относительно долговременного многослойного поселения, однотипного в целом с другими поселениями прибрежного неолита-постнеолита Южной Аравии. Собственно археологические показатели, выраженные в каменном инвентаре, и происходящие из слоев фаунистические остатки не оставляют сомнений в том, что основной формой хозяйственной деятельности обитателей поселения было рыболовство. Оно сочеталось с неспециализированным сбором моллюсков. Наличие в слое 7 костей мелких копытных по аналогии с другими одновременными памятниками может свидетельствовать о дополнении указанного типа хозяйствования скорее охотой, чем скотоводством.

Вопросы, касающиеся размеров и структуры поселения, характера жилых и хозяйственных сооружений, сейчас затруднительно рассматривать из-за ограниченности исследованной площади. Их решение, а также более полная характеристика инвентаря станут возможными после раскопок памятника на широкой площади.

Список цитированной литературы

Амирханов, Фогт 2002 — Амирханов Х.А., Фогт Б. «Аль-Набва 2 — поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденского залива (Республика Йемен)». *Российская археология*, № 2, с. 30–43.

Амирханов и др. 2001 — Амирханов Х.А., Фогт Б., Седов А.В., Буффа В. «Раскопки поселения рыболовов и собирателей моллюсков в лагуне Хор Умейра на побережье Аденского залива (Республика Йемен)». *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 4 (8), с. 2–12.

Sedov 1992 — Sedov A.V. "New Archaeological and Epigraphical Material from Qana (South Arabia)". *Arabian Archaeology and Epigraphy*, vol. 3, no. 2, p. 110–137.

Sedov 1996 — Sedov A.V. "Qana' (Yemen) and the Indian Ocean: the Archaeological Evidence". In: *Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean. Proceedings of the International Seminar.* Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B.C. — 15th cent. A.D. *New Delhi, February 28 — March 4, 1994.* Ed. by H.P. Ray and J.-F. Salles. New Delhi/Lyon, p. 11–36.

Sedov 1997 — Sedov A.V. "Sea-trade of the Hadramawt Kingdom from the 1st to the 6th Centuries A.D.". In: *Profumi d'Arabia. Atti del convegno.* A cura di A. Avanzini. Roma, p. 365–384.

SABINA ANTONINI
(*Naples/Ṣan'ā'*)

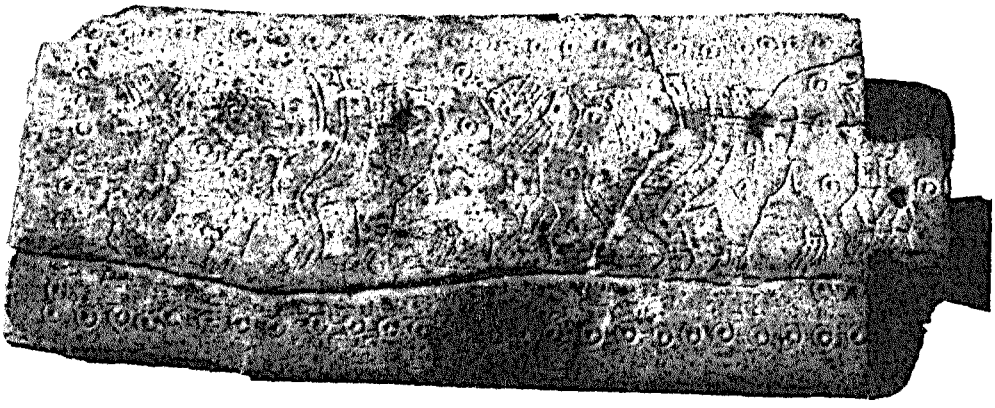
New South Arabian amulets

I am pleased to have the opportunity to present in this compendium in honor of Prof. Mikhail Borisovich Piotrovskij several plaquettes considered amulets both for the represented subject and for the propitiatory formula that appears in one of them. Two of the four amulets (of a type not much known till now) that I will present have been found during the excavations of private houses that the Italian-French Archaeological Mission, directed by prof. A. de Maigret, has excavated during the second campaign in Tamna', capital of Qatabān (September–October 2000) in the so-called "Market Place" (figs 1–2; pl. 1b, 2a). A third specimen was found during clandestine excavations near Bayḥan al-Qaṣab (pl. 1a). The fourth amulet (pl. 2b) is preserved in the Museum of the Faculty of Art of the University of Ṣan'ā' and comes from an unspecified site of the Jawf region.

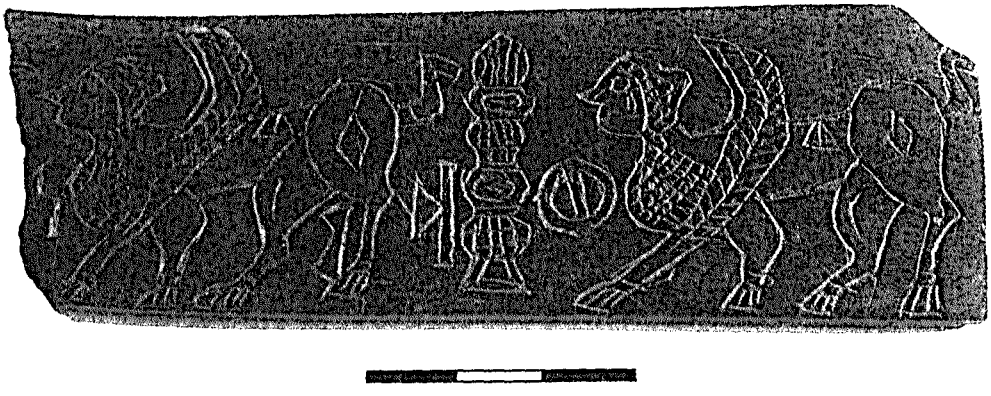
Both the plaquette from Bayḥan (MIFT.00/40; pl. 1a) and the one found in House D in Tamna' (T.00.B.O/17; fig. 1; pl. 1b) represent the same subject. The engraved figures of the first plaquette are still visible, in spite of the damage due to large fractures. This, as well as the other plaquettes, is made of bone, or perhaps ivory. It has a rectangular shape with a squared protrusion on the short right side, with a central hole (cm 12,4×5,4×0,5). The subject consists of two winged sphinxes in procession toward the left, preceded and followed by a design that seems to represent a stylized palm tree; each palm tree is separated by two or three small filling circles. The sphinxes have the body of a winged animal with a human (female) head and leonine paws rendered through incised lines. The profile of the face is characterized by a straight line that marks the forehead and the nose. The cheeks are rounded, the mouth is fleshy and the eye is indicated by a circle with a central hole. The hair is represented by a compact mass falling onto the neck, with incised locks. A motif with crossed lines decorates both the chest (representing plumage) and the tip of the tail, folded up toward the back of the figure. A circular hole in the center of the curved tail was presumably used to fix the plaquette on a support (wooden perhaps). The wings appear to grow from the left leg and have the shape of a reversed 'S'. The vexillum of the feathers, departing from the sides of the central axis, is drawn rather geometrically. A sign incised on the left hip could be a sort of brand of property, shown by an alphabetic letter (in this case 𐩢 = *ḫ*). A similar sign occurs also on a winged creature's hip of the bronze relief found in Shabwa (Audouin 1992:177, fig. 13). The figures are framed by small circles, each with a central hole (perhaps made with a drill), numbering 24 along the top border of the plaquette, 25 along the made edge and 11 on the short left side. The right side is clearly cut with a squared protrusion at the level of leafy element that separates

© Sabina Antonini, 2004

Plate 1

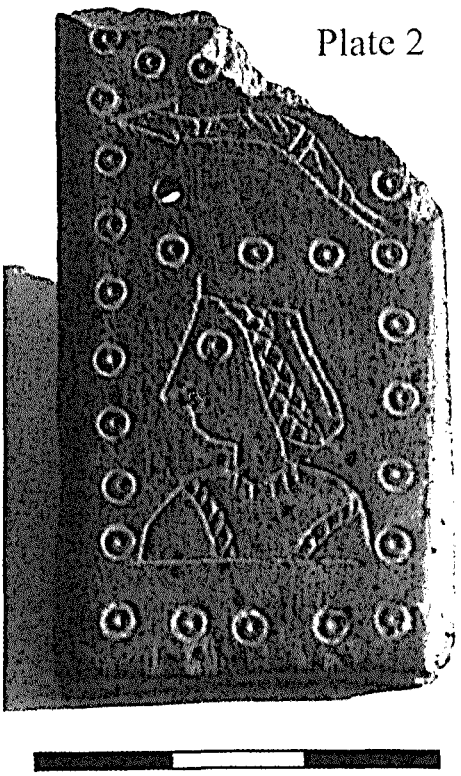


a) Amulet with sphinxes from Bayḥān al-Qaṣab

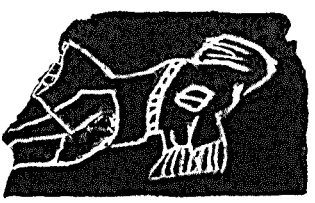


b) Amulet with sphinxes from Tamna', "Market Place", House D

Plate 2



a) Amulet with goddess figure from Tamna', "Market Place"



b) Plaquette fragments with dogs from the Ṣan'ā' University Museum

the sphinxes. In this protrusion a hole has been drilled probably for utilization of the object as a pendant. It can be noticed, in fact, that the composition continues: more circles and another sphinx, of which part of the chest and the tip of the nose survive, are visible.

The second plaquette has been found *in situ* during the archaeological excavations, in the layer corresponding to the last dwelling (50 AD), of a private house (House D) in the "Market Place" of Tamna'. The plaquette, burnt and broken on the short left side (11.7×3.9×0.1 cm in size), represents two sphinxes moving toward the left, separated by a stylized palm tree and the first word of the propitiatory formula *Wdm'bm*, that would have continued to the left, where, probably, two others sphinxes were depicted. Lines engraved on the legs suggest a powerful musculature, and a sign incised on the sphinx's hip seems to represent an alphabetic letter (= *f*), that could be a sort of owner's mark.

The subjects of the two plaquettes, although of the same nature, show substantial differences, both formal and stylistic. On the first plaquette the hair of the sphinxes falls on the shoulders, the wings are sinuous, the tail is turned toward the back and the bodies of these fantastic creatures appear rounder and thicker. In contrast, the sphinxes of the second specimen are slender, with elongated contours.

The theme of the sphinx is present in Southern Arabia since the 7th–6th centuries BC, as demonstrated by the bronze altars preserved in the British Museum, decorated by a series of standing, frontal sphinxes (AA.VV. 2000:320–321; Simpson 2002:168–169). However, the winged female sphinx in profile (as a variant, with one foreleg raised, or rampant on both sides of the sacred tree) recurs in some South Arabian reliefs of a later period. Similar examples can be cited from the 'Awsān region, that are kept in the Louvre Museum (AO 4098; Pirenne 1977:461–462), or the relief preserved in the Museum of Aden (NAM 2514) originating from Bayḥan (Doe 1971:fig. 11), or even some fragments of a frieze representing in low relief two rampant winged sphinxes on the sides of a palm tree, discovered in the great Temple of 'Athtar in Tamna' ("early Parthian period", Cleveland 1963:57–59). Other examples are a plate in bronze from Amrān showing two sphinxes on the sides of the tree of life and a palm tree on the lateral sides (the roses with four points that decorate the inferior frieze are of Persian inspiration). All these works can be dated from a period between the 2nd century BC and the 1st century AD (Antonini, Arbach, Sedov 2002:48). We can recall other reliefs of male bearded winged sphinxes, attributable also to the first centuries of the Christian Era (Pirenne 1977:462, 465, 467).

The fragmented plaquette found in a room outlined between House A and House B (*Locus* 227) of the "Market Place" of Tamna' has two images incised vertically (pl. 2a): a female bust in frontal view with the head in left profile (flattened on the top) and, above, a snake (6.3×3.4×0.3 cm in size). The figures are framed by a series of circles with a central hole. The decoration would have continued on the upper side, now broken. The female figure is characterized by tiedup hair, partly wavy and partly straight. A necklace (or perhaps the neckline of the dress) is visible around the neck. Two oblique dashed lines decorating the dress recall the style of the figure on the "plaque à la déesse" of the Museum in Bombay (Pirenne 1977:443), or the style of the "plaque à la déesse" of Baynūn (Pirenne 1977:445). These two works are dated to 100 AD. The snake represented in South Arabian works has often a propitiatory function and, because of its chthonic character, may represent the symbol of immortality and fertility.

The fragments of bone plaquette kept in the Museum of the University of Ṣan'ā' show a series of three dogs in profile, in procession toward the left (pl. 2b). The bodies are slender,

Fig. 1. Amulet from Tamna', House D, "Market Place"

Fig. 2. Plaquette with snake and female figure from Tamna', "Market Place"

the forelegs are paired and raised, the hind legs are bent close to the body, and the tail is raised on the back. The snouts have an elongated profile, very similar to the faces of the sphinxes (pl. 1b), both formally and stylistically. As for the sphinxes of pl. 1a, the eyes are rendered by a circle with a central hole, and lines engraved on the back indicate maybe the musculature, or an alphabetic letter (◉ = *w*?). Two dashed lines incised around the neck and the body suggest a sort of leash. The upper side is still decorated with a portion of the frame with upright triangles. The apotropaic function of the dogs is underlined by both their posture and the bared teeth. The image of the dog is not frequent in the South Arabian iconography and is usually found in hunting scenes, as in the stela at the National Museum of Yemen, where a dog assaults an ibex (AA.VV. 2000:358, no. 272).

The apotropaic character of sphinxes and dogs (that is defense against adversities) and the propitiatory function of the snake and the female figure (probably a goddess with protective virtues) lead us to interpret these plaquettes as having the function of amulets. The archaeological context in which two of the plaquettes have been found allows their dating to the second half of the 1st century AD.

Bibliography

AA.VV. 2000 — *Yemen. Nel Paese della Regina di Saba* (Catalogo dell'Esposizione sullo Yemen preislamico presentata a Palazzo Ruspoli, Fondazione Memmo, Roma, dal 6 aprile al 30 giugno 2000). Milano, 2000, p. 213–214.

Antonini, Arbach, Sedov 2000–2001 — Antonini S., Arbach M., Sedov A.V. *Collezioni sudarabiche inedite. Gli oggetti acquisiti dalla Missione archeologica italo-francese a Tamna' (Yemen) (1999–2000)*. Napoli (*AION*, n. 90–91, supplemento n. 61).

Audouin 1992 — Rémy Audouin R. "Sculptures et peintures du château royal de Shabwa". In: J.-F. Breton (ed.). *Fouilles de Shabwa, II, Rapports préliminaires*. Paris, p. 165f.

Doe 1971 — Doe B. *Southern Arabia*. London.

Pirenne 1977 — Pirenne J. *Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes*. Tome I, section 2. *Antiquités*. Louvain.

Simpson 2002 — John Simpson J.St. (ed.). *Queen of Sheba. Treasures from Ancient Yemen*. London.

ALESSANDRA AVANZINI
(*Pisa*)

The Qatabānic inscription in the museum of Seyūn

Over most of the second part of the first millennium BC, the kingdom of Qatabān holds an important position in the history of South Arabia; it protects its territory from the attacks of the king of the Ḥaḍramawt and of Saba',[1] rules over a very vast territory[2] by means of an intelligent policy of alliances, many of its kings bear the title of *mukarrib*.

The history of the kingdom of Qatabān[3] and of its conflicting relations with the Ḥaḍramawt, the only kingdom which seems to resist the Qatabānian hegemony in this period, has become clearer and clearer over the last few years.

Indeed, the publishing of the Qatabānic corpus doesn't yet allow us to reconstruct a strict chronological sequence of events with lists of kings and absolute datings, but it allows to organize the epigraphic material inside a chronological frame which is getting ever more accurate.

We can give the following outline of the history we are talking about: with Saba's crisis, Qatabān conquers a prominent position and defeats Saba' and the Ḥaḍramawt;[4] the victories upon the latter are mainly due to two important Qatabānian kings whom we can almost certainly regard as following one another: *Yd''b Ḏbyn Yhn'm*[5] and his father *S²hr Ġyln*, son of *'bs²bm*. We can try to hypothesize a very broad dating for such events, that is the late 5th—early 4th century BC.[6]

---

[1] CSAI 1, 17 = MuB 673 6–7: *(w-)ywm kl' w-s¹g' 'ṯtr w-'m w-'lh-s¹m S¹b' w-Ḥḍrmt bn 'lw mlk 'm w-'n[by]* "and when *'ṯtr* and *'m* and their gods held back and sent away Saba' and Ḥaḍramawt from the kingdom of *'m* and *'nby*".

[2] The classical sources report that the Qatabānic kingdom stretched to the Red Sea and the Indian Ocean; the fact that this information had a historical basis is proved by the presence of Qatabānic dedicatory inscriptions, and therefore of places of worship, on the Yemenite plateau in the period of the greatest power of Qatabān.

[3] A. Avanzini. *Corpus of South Arabian Inscriptions, 1 Qatabānic texts*. Pisa 2003.

[4] The victory of the Ḥaḍramawt on Qatabān, testified in the inscription Arbach-Bāfaqīh al-'Uqla: *Yd''l Byn mlk Ḥḍrmt mḫḍ Qtbn* (M. 'Arbach, M. 'Abd al-Qādir Bāfaqīh. "Nouvelles données sur la chronologie des rois du Ḥaḍramawt». *Semitica* 48, 1998, p. 109–126) is, in my opinion, prior to the period we are talking about here.

[5] CSAI 1, 19 = Pi. Ḥuwaydar 1.

[6] The king *S²hr Ġyln bn 'bs²bm* in CSAI 1, 30 = R 4932 4 *mḫḍ Ḥḍrmt w-'mrm*. Unlike what both Frantzsousoff, during his lecture in the *Rencontre sabéenne 7*, in Istanbul, and Arbach argue, I don't really think that the mention of the *'mrm* implies a lower dating of the inscription and therefore the existence of a second king *S²hr Ġyln*. The patronymic *'bs²bm*, alien to the typology of the Qatabānic royal onomastics, makes it extremely difficult to hypothesize that there could be two kings called *S²hr Ġyln bn 'bs²bm*. As is well known, a tribe of *'mrm* is testified in Haram in the 2nd century BC, but the hypothesis of a homonymy of tribal groups seems currently to be the simplest one.

© Alessandra Avanzini, 2004

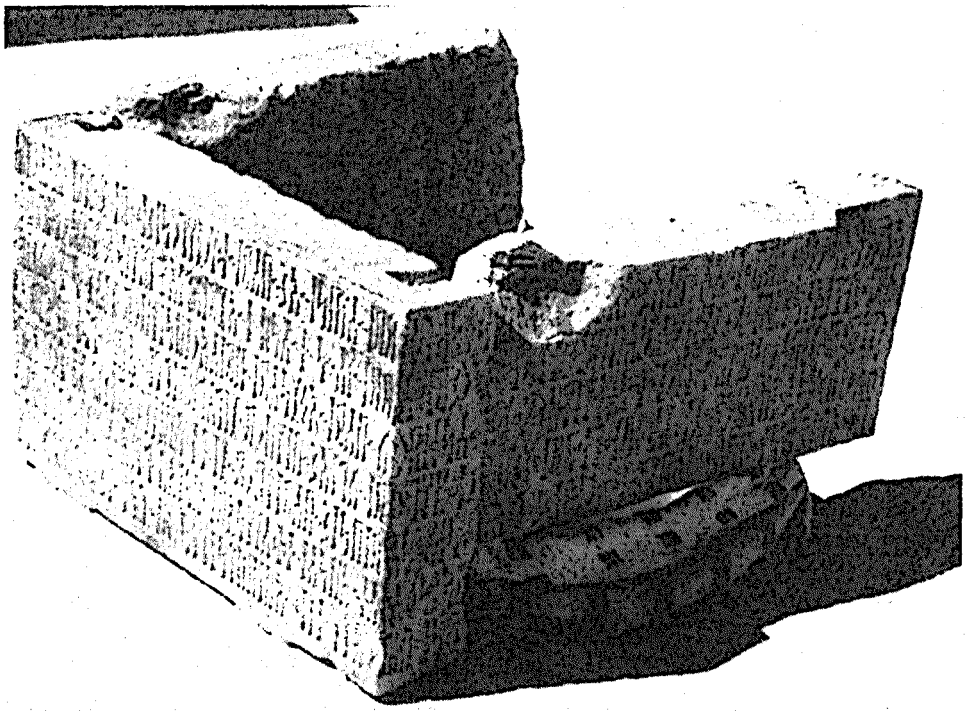


Fig. 1. CSAI 1, 96 =Arbach Seyūn, faces AB

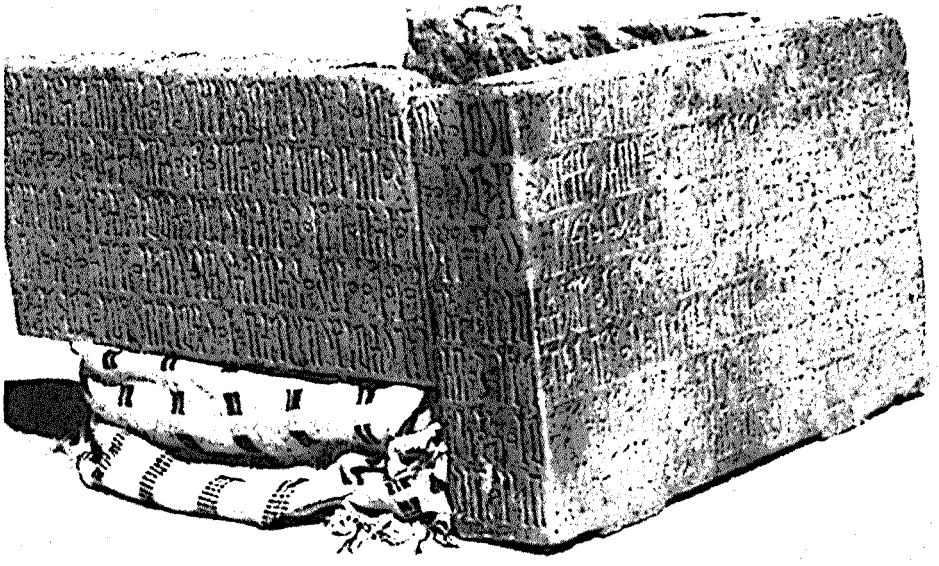


Fig. 2. CSAI 1, 96 =Arbach Seyūn, faces BC

The Ḥaḍramawt tries to oppose Qatabān's supremacy, its kings start off a policy both of alliance with Main and of the kingdom's expansion towards the east: and here we can again propose, even though warily, an absolute dating the: 4th—early 3rd century BC.

The recent archaeological discoveries in Sumhuram allow us to change the date which was considered certain so far, that of the reign of the Ḥaḍramawt's *mukarrib Ys²hr'l bn 'byṯ'*, and to understand much better the alternation of phases of Qatabānian and Ḥaḍrami supremacy in Yemen in the second half of the first millennium BC.

At the beginning of the 3rd century, the *mukarrib Ys²hr'l* builds some towers in Sumhuram in the far east and the great wall of *Qlt*.

From the inscription R 2687 from *Qlt* it is apparent that the power of *Ys²hr'l* is threatened by the plateau's tribes, allied with the Qatabānian kingdom: 'Amm's sons (*wld 'm*) , particularly by one of their main tribes, Ḥimyar.

In the 2nd century BC Qatabān regains its economical and political supremacy, which it will maintain until the beginning of the Christian era, when *S²hr Ygl Yhrgb* will, for the last time in the history of South Arabia, take up the title of *mukarrib*.

But Qatabān's supremacy can be only maintained at the cost of continuous wars against the Ḥaḍramawt; a series of destructions of Ḥaḍrami settlements at the end of the 2nd century and at the beginning of the 1st century BC is testified by the excavations of Raybūn and Sumhuram.

Knowing for sure only some of the moments of history—iceberg tips in a sea of lack of historical data—while trying to reconstruct the whole story we tend, maybe a little ingenuously, to match new evidence with what we already know.

However, in the case of the new important text recently published by Arbach,[7] which tells of Qatabān's destructive wars in the heart of the Wādī Ḥaḍramawt, there is a good deal of credibility in the identifying the events mentioned in the inscriptions and the stages of destruction and desertion testified by archaeology in Raybīn and Sumhuram between the end of the 2nd and the 1st centuries BC.

We owe to Arbach the rapid publication of this text, the first news about which was given in Berlin's *Rencontres sabéenes* by Arbach himself.

The reasons why this inscription (figs. 1 and 2) is both historically and linguistically interesting are various.

The text, which lacks the beginning and the end, is doubtlessly a dedicatory one, as clearly shown by the final dedications. The dedicant, a *'b'ly* from *Hrbt* (Ḥinū az-Zurayr) in the Wādī Ḥarīb, at the end of the text places himself, his family and his goods under his god's protection. The names of two kings of Qatabān are also mentioned: *Yd''b Ḏbyn Yhn'm w-bn-hw S²hrm mlkw Qtbn.*

Unlike what Arbach says, it is clear that, from the part of Qatabānian history I summarized above, in my opinion there existed two kings named *Yd''b Ḏbyn Yhn'm*, the latter of which is the king mentioned here,[8] who must be viewed as definitely distinct from the former *mukarrib* of Qataban: *Yd''b Ḏbyn Yhn'm bn S²hr.*

[7] M. Arbach, 'A. as-Saqqāf. "Naqṣ jadīd min 'ahd Yd''b Yhn'm malik Qtbn w-Yd''b Ġyln malik Ḥḍrmwt". *Raydān* 7, 2001, p. 110–123.

[8] *Yd''b Ḏbyn Yhn'm* and his son *S²hrm* in our inscription were already mentioned in CSAI 1, 101 = R 311.

Fig. 3. Facsimile CSAI 1, 17 = MuB 673

coordinated with the finite verb,[12] but when a new action is introduced, "and then...", a prefix conjugation (*yf'l*) with a value of historical past is used.[13]

The Qatabānic verbal system, and probably the South Arabian one in general, proves to be completely different from its description by Beeston in his two grammars, a description which was later resumed in several recent general works on Semitic languages.

Beeston describes the Qatabānic verb as formed by a system with two basic forms: *f'l* and *-yf'l*. The prefix conjugation has, in turn, two forms: *yf'l–b-yf'l*. Beeston identifies the difference in the use of these two forms as a difference between indicative and subjunctive mood.

Beeston, in his grammars, particularly in the 1962's one, where he explains the matter at more length, states, with regard to the difference in the use between *yf'l* and *b-yf'l* in Qatabānic: "*b-* is characteristic of the indicative in QAT, while a jussive (and perhaps also a subjunctive) use is characterized by the absence of *b-*. Such a formulation would bring the QAT imperfect usage very close to that of the Syro-Palestinian dialect of Arabic".[14]

In my opinion, the opposition between the prefixed form with *b-* and the non-prefixed one isn't at all an opposition between two moods: indicative and subjunctive.

The languages of the ancient Arabia did not morphologize the opposition indicative–subjunctive as did more recent languages such as Arabic, Ethiopic, modern South Arabian. Incidentally, a certain caution should be used in applying the grammatical category of "subjunctive" itself to the Semitic languages.

The reason of Beeston's mistake is linked, in my opinion, to a general problem of classification of the Semitic languages. The presence of two prefix forms for indicative and subjunctive, the latter characterized by insertion of a vowel after the first radical consonant, was an important isogloss between Ethiopic and modern South Arabian, which furthermore, according to some scholars, linked these two languages to Akkadian. It was therefore taken for granted that ancient South Arabian had a verbal system which was similar to the Ethiopic one, while in fact it was much more similar to the verbal system of the Ugaritic language.

In South Arabian, as in the central Semitic of the second millennium BC, there are two prefixed forms: the first one serves to indicate the historical past, while the second one serves to indicate the "non-priority", our present-future; beside these two forms, the conjugation with suffix has then established itself. All the Semitic languages with this type of verbal system have somehow morphologized the difference between prefixed form indicating the present tense and the prefixed form indicating the past tense.

We can mark here the phase of transition from the "proto-South-Arabian" and the testified historical languages. Each of them was to morphologize the prefixed form indicating the present tense in different ways: Qatabānic used the *b-* prefix, Sabaic, as Ugaritic had done before, the suffix *-n*.

Obviously, the verbal form which is peculiar to inscriptions is the conjugation *f'l*: "he dedicated" = "here is the dedication".

[12] l. 1: *w-dhr s²lṯ m't hgrm w-s¹by bny-s¹m w-bnty-s¹m*; l. 3: *w-s¹nqḍ rkwb-s¹m*, etc.

[13] l. 2: *w-ys¹'nw*; *w-ydmrw*; l. 3: *w-yhrgw*, etc. The verbal form *w-yf'l* (historical past) was already known in Qatabānic, for instance: CSAI 1, 192 = R 3858 4–5: *w-ygb' w-h[ṯ]b Yḍmrmlk 'byt w-'rḍty w-'qny Qtbn* "*Yḍmrmlk* restored the houses, the lands, and the possessions of Qatabān".

[14] A.F.L. Beeston. *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*. London, 1962, p. 24–25.

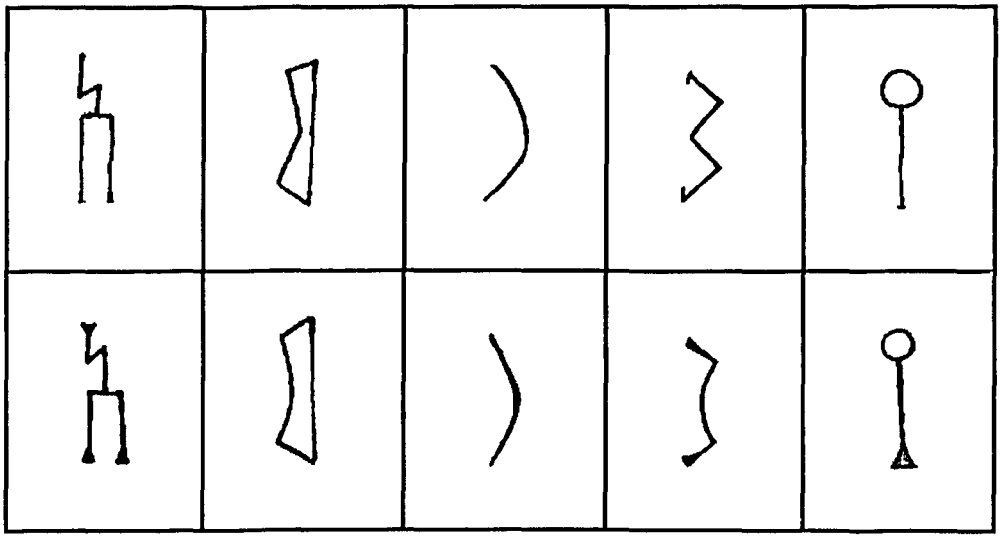


Fig. 5. Comparison between some of the letters
in CSAI I, 17 = MuB 673 and Arbach Seyūn

The present-future, too, is comparatively rare, it is peculiar to the relative clauses, with the aim of emphasizing that the action described in the relative clause is contemporaneous with that of the main clause.

CSAI 1, 31 = R 4932 5: *rbym w-rbytm b-yrby ʾṯtr* "any priest and priestess whom *ʾṯtr* ordains priests";

CSAI 1, 187 = R 3688 2 *kbrm b-ykbr* "any *kabir* who acts as a *kabir*".

The form with the *b-* prefix also indicates the continuation of action in the future:

CSAI 1, 128 = Hoqat 4: *b-ḏtm nʿmt w-b-tnʿm* "in what has been and will be favourable"; the Sabaic parallel form is: *ḏt nʿmt w-tnʿmn*.

CSAI 1, 93 = Atlal 5 *b ḏtm b-yktrbwn-s*^{1} "in what they will undertake for Her".

From the last instance quoted we can notice the fact that, when the prefix conjugation had a value of narrative past, the third plural ending was, as testified by our inscription, *-w*, while the present-future has the ending of third person plural: *-wn*.

I will quote and translate the text here: in some cases my translation is different from the one proposed by Arbach.

[... ...]

1. *ʾs*^{1}*rr w-ʾʾrr w-ʾbḍʿw-ʾs*^{1}*wṭ ʾs*^{2}*ʿ(b) [Ḥḍrmwt w-Ṣ]dfn w-Gdmm w-S*^{1}*ybn w-ʾs*^{2}*ʿb-s*^{1}*m w-dhr hgrn S*^{2}*dwm w-Ṯwbt w-bn-s*^{1}*my s*^{1}*ġrm w-s*^{3}*mkm w-dhr s*^{2}*lṯ mʿt hgrm w-s*^{1}*by bny-s*^{1}*m w-bnty-*
2. *s*^{1}*m w-ṯll ʿqny-s*^{1}*m w-ḫrs*^{2} *hgr-s*^{1}*m s*^{1}*bym w-ṯllm w-ḫrs*^{2}*m ʿs*^{1}*mm w-ys*^{1}*ʿnw w-s*^{1}*nṭʿ w-ʾtm kl s*^{2}*ʿb Ḥḍrmwt b-s*^{1}*rn Lbd w-ydmrw w-ws*^{3}*ʿ bn S*^{2}*bm Ydʾʾb w-Ydʾʾb w-wld ʿm w-ws*^{3}*ʿ mṣ-*
3. *r Ḥḍrmwt b-s*^{1}*rn Lbd w-yhrgw w-s*^{1}*lqḥ Ḥḍrmwt w-s*^{1}*nqḏ rkwb-s*^{1}*m w-ʾftn-s*^{1}*m w-ḏm s*^{1}*ʾr bn Ḥḍrmwt s*^{1}*tʿnw w-ṯktʾʾrrn w-yhrgw ʾbʿly w-s*^{2}*ʿb-s*^{1} *hrgm ʿs*^{1}*mm w-ys*^{1}*qhlw kl ḏm*
4. *s*^{1}*ʾr bn ʾs*^{1}*ʿb Ḥḍrmwt w-Ṣdfn w-Gdmm w-Yhbʾr w-ḏ-Hgrm w-kl ʾs*^{2}*ʿb Ḥḍrmwt l-s*^{1}*lmm l-Ydʾʾb w-wld ʿm w-l-mrʾ-s*^{1}*m Ydʾʾb w-yʿlww tfwd-s*^{1}*m l-ʾrḍ Qtbn w-ygbʾw w-s*^{1}*ʿrb*

5. *Yd''b Ġyln w-bn-s¹ww 'byṯ' w-'rqm w-s²'bm kwn kwn-s¹m bn s²'b-s¹m Ḥḍrmwt 'd ws¹ṯ hgr-s¹m S²bwt w-yṯbw 'b'ly w-s²'b-s¹ hgr-s¹m Hrbt l-s¹b' wrḫm b-brym w-hmdm w-n*
6. *[... ...]nfs¹-s¹ w-'ḏn-s¹ w-dd-s¹ Hn'm w-bn 'b'ly 'ws¹'ṯt w-kl 'wld-s¹m w-qny-s¹m*
7. *[... ... Qṭ]bn w-b mr'y-hw Yd''b Ḏbyn Yhn'm w-bn-hw S²hrm mlkw Qṭbn w-b-s²['b*

[... ...]

1. valleys and mountains and territories and districts of the tribes of the Ḥaḍramawt and of *Gdmm* and *Ṣdfn* and *S¹ybn* and of their tribes and they burnt down the two cities of *S²dwn* and *Ṯwbt* completely (their small and large parts) and they burnt down 300 cities and took their sons and
2. daughters prisoners and took their goods as a booty and sacked their cities (taking) a large quantity of slaves, booty, spoils but all the Ḥaḍramawt tribes launched an attack, raised an insurrection and gathered in the *Lbd* plain, and then (coming) from *S²bm*, *Yd''b* and Qatabān (the king's tribe) and the sons of *'m* victoriously destroyed and won
3. the army of the Ḥaḍramawt in the *Lbd* plain and then they scattered death and destruction to the Ḥaḍramawt and captured their riders and soldiers and what of the Ḥaḍramawt was taking shelter on the mountains and then *'b'ly* and his tribe killed a large quantity of people until all that
4. remains of the tribes of the Ḥaḍramawt and *Ṣdfn* and *Gdmm* and *Yhb'r* and of *ḏ-Hgrm* and of all the tribes of the Ḥaḍramawt gathered in peace toward *Yd''b* (the king's tribe) and the sons of *'m* and their lord *Yd''b* and then they brought their booty to the land of Qatabān and gathered and confined
5. *Yd''b Ġyln* and his sons *'byṯ'* and *'rqm* and the tribe that has the same status among the tribes of the Ḥaḍramawt inside their city of Shabwa. *'b'ly* and his tribe came back to their city of *Hrbt* safely and with glory in the seventh month
6. ... himself his faculties, his uncle *Hn'm*, the son of *'b'ly 'ws¹'ṯt* and all their descendants and their goods
7. ... Qatabān and by his two lords *Yd''b Ḏbyn Yhn'm* and his son *S²hrm* the two kings of Qatabān and by ...

The dedicant is *'b'ly*, from Ḥinū az-Zurayr, and his tribe.

For a detailed comment on this text, see the CSAI edition; I will only highlight two interesting passages.

The first, in line 1, for a problem of translation.

L 1: *w-bn-s¹my s¹ġrm w-s³mkm* could literally mean "and of their parts what is small and what is large", meaning that the two cities had been burnt to the ground. Arbach translates "their sons = their inhabitants". But his translation doesn't convince me; the other inscriptions reporting military operations often tell that cities and regions are "burnt", but not people; besides, immediately afterwards, *bny* is regularly used for the plural of *bn*. In R 2640, too a Ḥaḍrami inscription from Naqb al-Hajar, *bn* occurs in conjunction a city. Robin translated *bn* "enfant = citoyen" of the city, but Beeston, all in all more credibly in my opinion, translated *bn* as "parts (of the city)". I prefer the latter translation, both here and in R 2640.

The second instance has an interesting historical-cultural implication.

Lines 2–3 read: *w-ydmrw w-ws³' bn S²bm Yd''b w-Yd''b w-wld 'm w-ws³' mṣr Ḥḍrmwt b-s¹rn Lbd*; it is difficult to understand the two *Yd''b*. We know that the name of the king of

the Ḥaḍramawt, too, unluckily for modern interpreters, is *Yd''b* (line 5). The first interpretation is thus for the first *Yd''b* to be the king of the Ḥaḍramawt (direct object) defeated by the Qatabānian king *Yd''b*. The subject of *w-ydmrw w-ws*^{3}*'* could therefore be *w-Yd''b w-wld 'm* with *w* to be translated as "both the king and the *wld 'm* victoriously destroyed *Yd''b*".

There are, however, at least two other possible translations: the subject of *ydmrw w-ws*^{3}*'* could be *'b'ly* and his tribe "(he and his tribe) victoriously smote *Yd''b* (the king of the Ḥaḍramawt), while *Yd''b* (the king of Qatabān) and the sons of *'m* won the Ḥaḍrami army in the Wādī *Lbḍ*". The second subject would thus be put forward in order to highlight it. I would prefer this translation to the parallelism inside the text too, which nevertheless assumes that the scribe made a mistake by writing *w* twice: *w-Yd''b w-wld 'm {w}ws*^{3}*' mṣr* ...

The second possibility, which is the most simple, is to translate the text literally "*Yd''b* and *Yd''b* and the sons of *'m* victoriously smote and won the Ḥaḍrami army". This translation is confirmed in line 4: *l-Yd''b w-wld 'm w-l-mr'-s*^{1}*m Yd''b*. Unlike Arbach, I find it completely improbable that in line 4, at the exact moment when the entire Ḥaḍramawt is forced to surrender and make peace with Qatabān, one of the two *Yd''b* could be the king of the Ḥaḍramawt. We could hypothesize that in one case *Yd''b* is the king himself, while when it is coordinated with *wld 'm*, *Yd''b* becomes a synonym of Qatabān. If this hypothesis were true—and, for now, on the whole I favour it—it would give an ideologically strong image of the king's person, or at least of this king, whose intention would have been to picture himself as the personification of the state of Qatabān.

А.Г. БЕЛОВА
(*Москва*)

«Формула вечности» (к вопросу об интерпретации надписи из Карйат ал-Фау)

Открытие и публикация надгробной надписи из раскопок поселения Карйат ал-Фау (Qaryat al-Fāw), существовавшего во II–V вв. н.э. в Центральной Аравии, сразу привлекли внимание как историков, так и филологов-лингвистов[1].

Надпись, о которой пойдет речь (как и другие, более краткие тексты, опубликованные наряду с первой), выполнена сабейским шрифтом и отнесена саудовским историком-археологом А. ал-Ансари к III в. н.э.[2] (далее — «надпись/текст QF»). Более подробный лингвистический анализ надписи QF проведен в уже упомянутых работах А. Бистона, М. Кроппа и автора данной статьи[3].

Поскольку вопрос о разночтениях в толковании и переводе надписи QF наиболее подробно изложен в статье М. Кроппа, приводим русский перевод текста QF в соответствии с немецким переводом ученого, с его транскрипцией имен собственных и с его нумерацией строк[4]: «'Iǧl Ibn Haf'am построил [здесь] для своего брата RBBL 'Ibn Haf'am (1) гробницу, а также для себя [самого] и сына своего [детей своих?] и своей (2) жены, а также для его [брата] детей и детей их детей (3) и их жен, свободнорожденных из рода Ġalwān. И (4) отдал ее под защиту Kāhil'a, Allāh и 'Aṯṯar (5) aš-Šāriq от [притязаний] любого сильного или слабого (6), любого продающего или отдающего в залог, навеки (7) от [любого] ущерба, до тех пор пока не изойдет (8) небо кровью, а (9) земля — пылающим огнем (10)».

Ниже речь пойдет об интерпретации 8–10-й строк надписи, т.е.: *'dky/tmṯr/'s*^{1}*my/dm/wl'rḍ/s*^{2}*'r* «до тех пор пока не изойдет небо кровью, а земля — пылающим огнем».

За исключением некоторых не столь принципиальных расхождений в переводах ал-Ансари и А. Бистона, главное разночтение касается именно заключительной части,

---

[1] 'Abd ar-Raḥmān al-'Anṣārī. *'aḍwā' ǧadīda 'alā dawlat Kinda min ḫilāli 'āṯār wa nuqūš Qaryati l-Fāw*. Ar-Riyāḍ, 1977, p. 98–109; он же. *Qaryat al-Fāw. A Portrait of Pre-Islamic Civilisation in Saudi Arabia*. Riyadh, 1982, p. 20, 146; A.F.L. Beeston. "Nemara and Faw". *BSOAS*, t. XLII, part 1, 1979, p. 1–6; M. Kropp. Blut- oder Dauerregen im alten Arabien? Zu den frühnordarabischen Inschriften aus Qaryati l-Fāw. *Proceedings of the Vth International Hamito-Semitic Congress, 1987*. Vol. 2. Wien, 1991, p. 245–257; там же см. подробную библиографию об этой и других надписях из Карйат ал-Фау.

[2] Al-'Anṣārī, *'aḍwā'*..., p. 104–105.

[3] См. также: А.Г. Белова. *Историческая морфология арабского языка*. М., 1994, с. 125–133.

[4] Kropp. *Blut-*..., p. 249–250.

© А.Г. Белова, 2004

т.е. строк 8–10. Ср. перевод ал-Ансари: «...под защиту... от всякого ущерба, иначе (8) небо может истечь кровью, а земля (9) станет пламенем (10)»[5].

Перевод А. Бистона: «...под защиту... пока небо ниспосылает дождь, а земля — траву»[6].

Обоснования каждой из двух версий суммированы М. Кроппом[7]: каждый из авторов опирается на сравнительный материал семитских языков, в том числе классического арабского. Ал-Ансари переводит неарабский союз *'dky* «иначе, в противном случае»; М. Кропп переводит этот союз как «пока не» = «bis dass». Ал-Ансари переводит слово *dm* как «кровь», слово s^2*'r* как «огонь, пламя». Последний перевод он обосновывает предположением о возможном нерегулярном соответствии сабейского сибилянта s^2 арабскому [s][8]. М. Кропп также поддерживает трактовку ал-Ансари. А. Бистон переводит неарабский союз *'dky* как "as long as" = «пока», слово *dm* как «дождь»[9], слово s^2*'r* как "herbage" = «трава», «травы»[10].

Рассмотрим несколько подробнее возможные значения союза *'dky* и синтаксических конструкций, которые он вводит.

Союз *'dky*, по-видимому, представляет составное образование. Он имеет близкое соответствие в лихьянском и катабанском — *'dkm*, а с метатезой — в надписи из ан-Намары — *'kdy* = «до тех пор пока»; с отрицанием — «до тех пор пока не»[11]. Его первая часть как предлог и союз отмечена в сабейском: *'d/'dy* = «до; до тех пор пока»[12]; в западносемитских *'d* имеет значение «до, пока»[13]. Учитывая указанные значения, следует признать, что такой союз должен вводить далее сообщение о продолжении каких-то событий или состояний. Однако перевод ал-Ансари *'dky* = "wa 'illā/ otherwise" предполагает в последующей фразе сообщение (в качестве следствия) о свершении каких-то событий, противоположных обычному порядку мироздания.

---

[5] Al-'Anṣārī, *'aḍwā'*..., p. 104–105: «*wa'illā fa la-tumṭiru s-samā'u daman wa-l-'arḍu sa'īran*»; Al-'Anṣārī, *Portrait*..., p. 20: "...otherwise may Heaven rain blood and the earth be a blaze".

[6] Beeston, *Nemara*..., p. 1–6: "so long as the sky produces rain or the earth herbage".

[7] Kropp. *Blut-*..., p. 254–256.

[8] Возможные соответствующие формы в арабском: *sa'r* = «горение, жжение», *sa'īr* = «огонь, пламя», *su'ār* = «сильный огонь» [BK, I, 1091].

[9] Возможные соответствующие формы в арабском: связанные с корнем *dwm* = «быть длительным, постоянным (преимущественно о дожде)»; *dawm, dīmat* = «непрерывный, продолжительный дождь», ср. также оборот *mā zālat as-samā'u dawman dawman/dīman dīman* = «небо беспрестанно дождит» [BK, I, 752–753]; в сабейском *dm-t-n* = (прилаг.) «постоянный», *dwm-m* = «навсегда, навеки» [Biella, 81].

[10] Возможные соответствующие формы в арабском: *šu'r* = «растения, древесная растительность», *ša'ar* = «густо переплетенные деревья; растительность» [BK, I, 1236–1239]. Обычно сабеисты определяют сибилянт s^2 как шипящий [*š*] или как латеральный сибилянт [*ś*], но всегда как соответствующий арабскому [*š*]; см.: A.F.L. Beeston. *Sabaic Grammar*. Manchester, 1984, p. 9; Г.М. Бауэр. «Древний южноаравийский язык (эпиграфический)». *ЯАА*, т. IV, кн. 1, 1991, с. 174–175; L. Kogan, A. Korotayev. "Sayhadic (Epigraphic South Arabian)". In: *The Semitic Languages*. L.–N.Y., 1997, p. 222–223; R. Voigt. "Der Lautwandel $s^3 > s^1$ und $s^1 > s^3$ im Altsüdarabischen". In: *Le Muséon*, 111 (1998), S. 173–186.

[11] W. Müller. "Das Altarabische der Inschriften aus vorislamischer Zeit". In: *Grundriss der arabischen Philologie*. Bd. 1, 2. Wiesbaden, 1982, S. 34; Белова, *Историческая морфология*..., с. 132, 150.

[12] A.F.L. Beeston, M. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans. *Dictionnaire sabéen*. Beyrouth, 1982, p. 12; J. Biella. *Dictionary of Old South Arabic*. Chico CA, 1982, p. 354.

[13] Ср.: *mn ywm' znh w 'd'lm* = «с этого дня и навсегда» (Ch. Jean & J. Hoftijzer. *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*. Leiden, 1965, p. 203); *'ad* также в древнееврейском — «до, пока; до тех пор пока» (L. Koehler, W. Baumgartner. *Lexicon in Veteris Testamenti libros*. Leiden, 1958, p. 680–681); ср. также в языке геэз *'ad(d)* = "forever", «навсегда» во фразе *yənaggəš 'əgzi'abəḥer la'ālama 'ālam wa 'add*, которая рассматривается как калька с древнееврейского *lə'ōlāma wa 'eḏ* (W. Leslau. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden, 1987, p. 55–56).

М. Кропп, поддерживая в целом перевод ал-Ансари, в немецком переводе использует союз «bis dass» = «пока не, до тех пор пока не», что придает тексту несколько иной смысл: сохранение гробницы должно продолжаться до тех пор, пока не произойдет нечто необычное, возможно конец света.

Попробуем отвлечься от толкования отдельных лексических единиц текста и рассмотреть надпись QF в контексте ее принадлежности к определенному жанру аналогичных или сходных текстов.

Судя по известным эпиграфическим памятникам, к началу нашей эры в северо-западном и южном культурных ареалах Аравийского полуострова складываются жанры посвятительных, мемориальных, надгробных и строительных надписей. Тексты этих жанров имеют устойчивые структуры и формульные части начала и конца текста. Достаточно сопоставить некоторые образцы набатейско-арамейских эпиграфических текстов и некоторые тексты сафских надписей.

В надгробных и строительных текстах арамеоязычного культурного ареала в последние века до н.э. складывается определенная формула, завершающая текст. Ср., например, текст надгробия (на греческом и пальмирском): «Эта гробница и склеп [принадлежит] Юлиусу Аврелию Мароне, сыну Мале Мезаббана сына Адриана, [в знак] его почитания, и его сыновьям, и сыновьям его сыновей навеки *l-'lm'*». Тем же выражением — *l-'lm* или *'d-'lm* = «навеки» завершаются надписи на надгробиях и сооружениях, ср., например, концовку надписи на пьедестале статуи (106 г. до н.э.): *...yrḥ md yrḥ 'd-'lm* = «месяц за месяцем навеки»[14]. Ср. в набатейских текстах: *...'l-h w-l-bnw-hy w-l-bny bnw-hy dy 'lm'* = «...для него, для сыновей его и для сыновей сыновей его навсегда (*dy 'lm'*)»[15].

В зоне кочевых и полукочевых обществ Аравии первых веков до н.э. и н.э. складывается своя структура мемориального текста. В текстах сафских надписей полная структура состоит из нескольких частей: первая часть — обязательное сообщение имени и родословия автора надписи; вторая часть — информация о каком-то событии; заключительная часть — обращение к одному божеству (или более) с просьбой о защите, помощи и (или) о наказании того, кто посягнет испортить написанное[16].

Мотив вечного горя по поводу погибшего также встречается в сафских надписях, ср., например: *...w-wlh klb sḥr 'l 'ḫ-h ḥbb-h l-'bd...* = «и оплакивает NN своего брата, любимого своего вечно (*l-'bd*)»[17]; или: *w-wgm 'l ṣ'd (')m f(')m...* «и он печалился о Са'де год за годом (*'m f-'m*)»[18].

Надгробная надпись QF относится к другому географическому району Аравии и к иному культурному ареалу, однако остается несомненным тот факт, что эта надпись также должна отражать уже сложившийся мемориальный жанр, имеющий свою структуру, формульные обороты и клише, сохранившиеся и в более поздние эпохи. Совершенно очевидно, что текст QF не был первым и единственным в своем роде.

[14] *Répertoire d'épigraphie sémitique*. T. III, 2-e livre. Paris, 1927, nos. 1644, 1211, 1205, 1206.

[15] *Revue Biblique*, t. XXXIX, 523 (Jean & Hoftijzer. *Dictionnaire*..., p. 213–238).

[16] Подробнее см.: K. Petrácek. "Zur semantischen Struktur der safaitenischen Inschriften". *Archiv Orient.*, 41, 1973, p. 52–57; А.Г. Белова. «Арабский язык в досламский и раннеисламский периоды. Опыт функциональной реконструкции». В: *Функциональная стратификация языка*. М., 1985, с. 143–145.

[17] A. Jamme. *Miscellanées d'ancient arabe, II*. Washington, D.C., 1971, p. 7 (CIS 2446).

[18] F.V. Winnet. *Safaitic Inscriptions from Jordan*. Toronto, 1957, no. 72.

За отсутствием других эпиграфических текстов аналогичного жанра попробуем сопоставить заключительную часть надписи QF с формульными оборотами, утверждающими какие-то факты или действие каких-то решений на длительный или бесконечный срок, которые встречаются в текстах других жанров.

К таким жанрам доисламского и раннеисламского периодов в арабоязычном обществе Аравии можно отнести жанр общественно-политического договора. Некоторые тексты таких договоров передаются в более поздней арабской исторической традиции.

В отличие от формулы вечности мемориальных эпиграфических текстов заключительные формулы договоров являются более развернутыми. В соответствии со структурой договорного текста в его конце договаривающиеся стороны подтверждают, что их решение установлено и действительно на весь срок, пока порядок мироздания продолжается обычным образом.

Обратимся к заключительной части текста известного договора хамданидов с йеменскими персами (датируется началом VII в. н.э.). Текст приводится в сочинении йеменского историка XI в. ар-Рази. После заявления о заключении союза между двумя сторонами его действие будет продолжаться[19] «пока существуют (*mā dāma*) родитель и дети, длится договор вечно, крепкий (*'abadan 'ahdan mu'akkadan*), пока небо дает тень, и несется пыль, и течет вода, и льется дождь (*wa mā zāla l-maṭaru*), и зеленеют деревья, пока поедаются плоды и существуют люди, пока в морях остается хоть мутная лужица, а на деревьях — хоть лист, а от времени — хоть мгновение, пока прочные и высокие [горы] остаются на местах своих, и звезды плывущие восходят на местах своих, и пока выгоняют скот на пастбище — он будет договором... действие которого не ослабнет...».

Следует отметить, что уже первые тексты договоров молодой мусульманской общины составлены по совершенно иной схеме[20], в том числе текст договора Мухаммада с христианами Наджрана. Однако христианская версия последнего, приведенная в «Несторианской истории», составлена еще по древнеаравийскому доисламскому образцу и включает в конце соответствующую формулу вечности[21]: «...мой договор, когда я умру, будет действовать и после моей смерти, когда Аллах лишит меня жизни. До тех пор пока будет возвышаться ислам и будут распространяться призыв к истине и вера, этот мой договор будет обязателен для верующих и мусульман. Пока море омывает чашу свою, пока небо каплями изливает дождь и земля производит растительность, пока на небосводе сияют звезды и утренняя заря является путнику, никому не позволено ни расторгать договор, ни вносить в него изменения...».

Обращаем внимание на то, что в каждой из приведенных формул вечного продолжения договора присутствует картина неба, проливающего дождь, и земли, произра-

[19] Отрывок дается в переводе М.Б. Пиотровского: М.Б. Пиотровский. *Южная Аравия в раннее средневековье*. М., 1985, с. 177–178; арабский текст приводится в: Ar-Rāzī. *Ta'rīḫu madīnati Ṣan'ā. Taḥqīqu Ḥusayn al-'Amrī, 'abd al-ǧabbār Zakkār*. Dimašq. 1974, p. 37–39 — Ḏikru muḥālafati hamdāna wa 'abnā'i fārisa fī 'ahdi bāzān b. sāsān fī zaman kisrā b. hurmuz.

[20] См., например, текст договора Мухаммада с мекканцами в: О.Г. Большаков. *История халифата*. Т. I. М., 1998, с. 144–145; или текст договора Мухаммада с жителями Наджрана в: Пиотровский. *Южная Аравия...*, с. 178–180.

[21] А.И. Колесников. «Две версии договора Мухаммада с христианами Наджрана». *Палестинский сборник*, вып. 28 (91). М., 1986, с. 24–34; перевод цитаты дается по переводу А. Колесникова, с. 28.

стающей растительностью. Вечный (или длительный) срок действия договора, союза между двумя сторонами подкрепляется всеми постоянными и обычными явлениями окружающего мира. Формула вечности опирается на устойчивый порядок мироздания. Предел срока — до возникновения каких-то необычных или невероятных событий — не упоминается.

Краткие варианты «формулы вечности» в качестве принятых выражений встречаются и в некоторых прозаических повествованиях о древней истории арабских племен. Ср., например, заявление представителей одного из враждующих племен по отношению к противной стороне: *wa qālū, «lā nuṣāliḥu-kum mā balla l-baḥru ṣūfatan»*[22] = «и сказали они: мы не замиримся с вами, пока море мочит комок шерсти...».

«Формула вечности» встречается и в другом жанре — в доисламской поэзии. Ср., например, отрывок из поэмы (приписываемой химьяритскому правителю Тубба‘), представляющей панегирик химьяритской династии: *Qaḥṭān ǧaddī lan yulāqiya miṯla-hu mā ‘āša ḏū, rūḥ wa ’awrada ‘ūd...*[23] = «Кахтан — мой предок (дед), не будет подобного ему, пока жива (хоть) одна душа и зеленеет дерево (ветвь)...». В другой поэме, где говорится о предках арабов «ал-‘ариба» и расселении потомков Йа‘руба б.Кахтана: *... ’abliġā ya‘ruba ‘an-nā kulla-mā dārati š-šamsu wa ’awfat bi-s-samā’...*[24] = «...повествуйте [оба] о нас Йа‘рубу, пока движется солнце и остается верным небесам».

Авторы элегий, выражая вечную печаль по погибшему, также используют «формулу вечности». Так, в тексте оплакивается герой племени, погибший в сражении. Его соплеменники непримиримы к противникам: *lā ’aṣlaḥa llāhu min-nā man yuṣāliḥ-kum mā lāḥati š-šamsu fī ’a‘lā maǧārī-hā*[25] = «да не благоволит Бог тому из нас, кто примирится с вами, пока сияет солнце в зените своего движения!»; или: *...wa law lā ẓulmu-hu mā ziltu ’abkī ‘alay-hi d-dahra mā ṭala‘a n-nuǧūm...*[26] = «и если бы не беззаконие его, я оплакивал бы его вовеки, пока восходят звезды...».

Отголоски древней формулы вечности можно обнаружить и в тексте Корана. Ср., например, два отрывка, в которых говорится о грешниках, вечно пребывающих в огне, и о праведниках, вечно пребывающих в раю: *ḫālidīna fī-hā mā dāmati-s-samāwātu wa-l-’arḍu* [11–108, 109] = «...вечно пребывая там, пока длятся небеса и земля...»[27].

Упомянем также близкое нашим примерам выражение, приписываемое легендарному мудрецу Лукману, который начинал свою молитву следующим вступлением: *’allahumma yā rabba l-biḥāri l-ḫuḍr wa l-’arḍi ḏāti-n-nabati ba‘da l-qaṭr — ’as’alu-ka ‘umran fawqa kulli ‘umrin...*[28] = «О Боже! о Господь морей темных и земли с расти-

[22] *Арабская хрестоматия*. Сост. В.О. Гиргас и В.Р. Розен. Вып. 2. СПб., 1876, с. 88 (*’ayyāmu l-‘arab*).

[23] *Kitābu t-tīǧān fī mulūk ḥimyar ‘an Wahb b. Munabbih riwāyat Muḥammad ‘Abd al-Malik b. Hišām ‘an ’Asad b. Mūsā ‘an ’abī ’Idrīs b. Sinān ‘an ǧaddi-hi li-’ummi-hi Wahb b. Munabbih. Aṭ-ṭab‘atu 1, 1347 h. Taḥqīq wa našr markazi d-dirāsāt wa-l-’abḥāṯi l-yamaniyya.* Ṣan‘ā, [1979], p. 463.

[24] *Kitābu t-tīǧān...*, p. 333.

[25] *Арабская хрестоматия...*, с. 93.

[26] *Арабская хрестоматия...*, с. 86.

[27] *Коран*. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963, с. 183.

[28] *Kitābu l-’iklīl li-lisāni l-yamani li-’abī Muḥammad al-Ḥasan b. ’Aḥmad b. Ya‘qūb al-Hamdānī. Al-ǧuz’u 8. Ḥaqqaqa-hu wa ‘allaqa ‘alay-hi l-’Ab ’Anastās Mārī al-Karmalī.* Baġdād, 1931, p. 184.

тельностью после дождя, — прошу у Тебя жизненного срока дольше всякого жизненного века...».

Образ земли, покрытой растительностью, и образ дождя, нисходящего с небес, являлись древними художественными устойчивыми образами, характерными для устного творчества жителей древней Аравии. Позже эти привычные обороты стали использоваться и в письменных текстах.

Сравнительный материал, приведенный выше, свидетельствует в пользу интерпретации заключительной части текста QF как традиционной «формулы вечности», используемой в доисламской Аравии в соответствующих контекстах.

Анализ цитированных примеров из сформировавшихся жанров и их формульных структур позволяет нам поддержать перевод А. Бистона как наиболее адекватный данному жанру текста. Все сказанное выше позволяет нам избежать апокалиптического «кровавого дождя» и «пылающей земли», а также отказаться от несколько натянутого предположения о возможном нерегулярном соответствии сабейского знака s^2 арабскому *s*, что до сих пор не отмечалось в сравнительной семитологии.

FRANÇOIS BRON
(Paris)

Nouvelles inscriptions sudarabiques sur bronze

Moussaïeff 10[1]

Plaque de bronze, composée de deux faces orthogonales et rectangulaires, mesurant chacune 68 cm de longueur sur 19 cm de largeur. L'une des faces porte une inscription minéenne de cinq lignes, l'autre — un monogramme. Cette dernière face est pourvue d'un rebord de 2.2 cm, comme si la plaque avait été prévue pour être fixée sur un support, bloc de pierre ou autre.

1) *'byd*[*m/*]*w*-[*'*]*ws*^{1}*/w-G'm/w-R'b'l/w-bhn-s*^{1}*m/'hl/'qrn*
2) *s*^{1}*ḥḍt/s*^{3}*l'/'m-s*^{1}*m/Hn'/ḏ-'qrn/s*^{2}*w'h/'ṯtr/ḏ-Qb*
3) *ḍ/k-'ṯtr/ḏ-Qbḍ/'l/Ḥndr/w-'l'lt/Ḥndr/m'q*
4) *b/ḏhbn/w-rṯḍ/'hl/'qrn/ḏ-Qbḍ/s*^{3}*l'-s*^{1}*m/bn*
5) *ḏ - y s*^{1} *n k r -s*^{1} *m / b n / m q m h - s*^{1} *m*

1) 'Ubayd[um], Aws, Ga'um, Ra'b'il et leurs fils, clan de 'Aqarān,
2) ont renouvelé la dédicace de leur oncle Hāni', officiant de 'Athtar dhū-Qabḍ,
3) pour 'Athtar dhū-Qabḍ, dieu de Ḥandhar, et les dieux de Ḥandhar, ce m'q
4) *b* de bronze. Le clan de 'Aqarān a confié à dhū-Qabḍ leur dédicace contre
5) celui qui les ôterait de leur place.

L. 1: Le début de cette ligne est quelque peu difficile à déchiffrer par suite de la corrosion du métal: les auteurs de l'inscription semblent au nombre de quatre; le nom du second, dont seules les deux dernières lettres sont claires, doit probablement être complété en *']ws*^{1}. Le nom *'bydm* est attesté en sabéen, minéen (Al-Said 1995:134) et qatabānite (Hayajneh 1998:187), *'ws*^{1} est très fréquent en minéen (Al-Said 1995:67). Pour le troisième nom, on peut hésiter entre les lectures *G'm* et *L'm*. Enfin, *R'b'l* est connu en minéen dans as-Sawdā' 20/1, 7 (Al-Said 1995:108).

'qrn: nom de clan attesté dans MAFRAY-Darb aṣ-Ṣabī 2/2. Les quatre lettres de ce nom forment le monogramme visible sur l'autre face de la plaque.

L. 2: *Hn'*: nom propre fréquent en minéen (Al-Said 1995:172–173).

---

[1] Je remercie très vivement Monsieur Sh. Moussaïeff pour m'avoir autorisé à étudier ces documents, ainsi que A. Lemaire, qui m'en a procuré les photographies.

© François Bron, 2004

Fig. 1. Inscription Moussaieff 10

Fig. 2. Inscription Moussaieff 10 (fragment)

Fig. 3. Inscription Moussaieff 11

$s^2w'h$: la signification de ce terme, caractéristique du minéen, a été discutée (Gnoli 1993:79). Les *sw'* sont attachés le plus souvent au culte de Wadd, mais on connaît des *sw'* de 'Athtar à as-Sawdā' (*'ṯtr ḏ-Grbm*, as-Sawdā' 16/1), à Kamna (*'ṯtr ḏ-Rḥbh*, Kamna 10/2) et à Shaqab al-Manaṣṣa (*'ṯtr ḏ-Qbḏ*, Shaqab 5/4).

L. 3: *Ḥnḏr*: ce toponyme n'était connu jusqu'ici que dans Ma'īn 1/4, comme désignation d'un bien-fonds.

L. 3–4: *m'qb ḏhbn*: ce terme doit désigner l'objet de bronze sur lequel est gravée l'inscription. Il n'est attesté jusqu'ici que dans CIH 44+45/4, dans un contexte extrêmement lacunaire. Le complément de matière est construit, semble-t-il, comme un complément au génitif; c'est la construction usuelle en qatabānite, à la différence de l'usage sabéen. Comme l'a déjà signalé A. Sima, il n'y a pas lieu de suppléer un pronom relatif *ḏ-* dans une tablette provenant également du Jawf, LPC 4/3, *ms^3nd ḏhbn*, «cette inscription de bronze» (Sima 2000:315, n° 34).

Seule la paléographie permet de tenter une datation de cette inscription: elle paraît relever de la «paläographische Stufe III» de von Wissmann, qu'il situait au IVème siècle avant notre ère. Mais il est possible qu'il faille remonter cette date d'au moins un siècle (Bron 1998:16–19).

Moussaïeff 11

Plaque de bronze, entourée d'une mince bordure, portant une inscription sabéenne, dont il ne reste que les cinq lignes inférieures. Au-dessous de la dernière ligne, deux trous devaient permettre de la clouer sur un support.

Dimensions: hauteur 38 cm, largeur 50 cm; hauteur des lettres 5 cm.

1') *s^2wrn/ḏ-Ns^2qm/bḏ*[.
2') *'tmn/b-'ṯtr/w-b/'*
3') *lmqh/w-b/ḏt/Ḥmym*
4') *w-b/ḏt/B'dn/w-b/ḏ*
5') *t/Ns^2qm/w-b/Yḏ''l*

1') .....
2') ..... Par 'Athtar, par
3') Almaqah, par dhāt-Ḥamīm,
4') par dhāt-Ba'dān, par
5') dhāt-Nashqum et par Yada''il.

L. 1–2: seule subsiste la fin du texte de l'inscription, avant les invocations aux divinités; dans l'état où elle nous est parvenue, elle demeure totalement incompréhensible. Il n'est même pas sûr que le premier mot, *s^2wrn*, soit complet. La racine S^{2}WR n'est que peu attestée en sudarabique; cf. les noms propres *'bs^2wr* (RES 2740/5 = Haram 9 et RES 3331 = Haram 46) et *'ms^2wr* (YM 8871/5 et Ṣan'ā' MM 3630 A) et le nom de mois *S^2wrm* (Gl 1369/6). On pourrait songer à rapprocher ar. *šūrā*, «conseil». La mention de *Ns^2qm* permet de supposer que la plaque provient d'al-Bayḍā' ou, tout au moins, du Jawf. A la fin de la ligne, il doit manquer une lettre, dont la restitution est très incertaine: est-ce une forme de la racine BḌ'? ou faut-il comprendre *b-ḏ*[*r*, «durant la guerre»? Enfin, *'tmn* pourrait être un nom commun, de la racine 'TM, ou un toponyme, comme dans RES 4176/7.

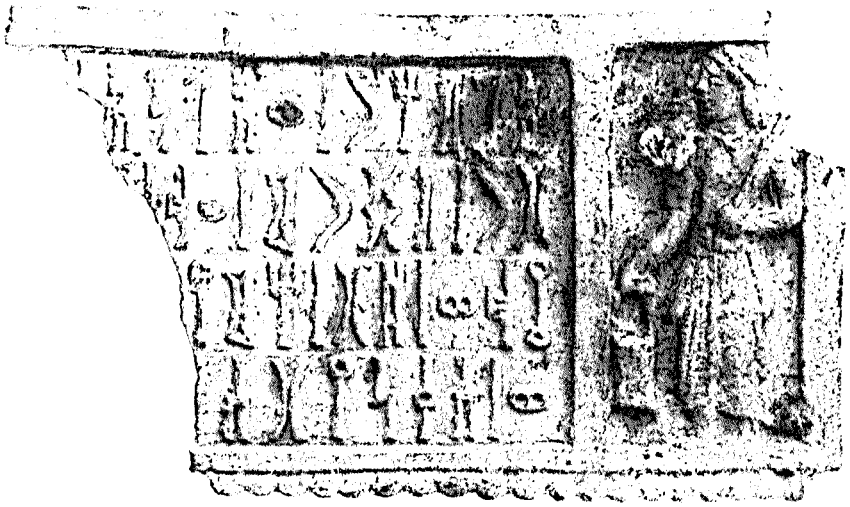


Fig. 4. Inscription Moussaieff 12

Fig. 5. Inscription Moussaieff 12 (fragment)

L. 5: *Yd''l*: ce nom doit désigner un roi de Saba', mais il est bien difficile de décider auquel des nombreux souverains ayant porté ce nom il est fait référence.

Cette inscription vient compléter le petit corpus de plaques de bronze, récemment publiées, qui mentionnent le nom de la ville de Nashq et en proviennent vraisemblablement. Ce sont:

— Homsy 1 (boustrophédon) (Arnold–Nebes 1998:7–13),
— LPC 5 (boustrophédon)[2],
— Christie's, New York, 13.VI.2000, n° 508,
— Christie's, Londres, 25.IV.2001, n° 10 (boustrophédon) (Bron 2001:228–229).

Homsy I mentionne les deux moukarribs, Yatha''amar et Yada''il, que les auteurs, à la suite de von Wissmann, situent, avec quelque hésitation, vers le milieu du Vème siècle avant notre ère, alors que LPC 5 comporte les noms de trois rois de Saba', qui remonteraient au IIIème siècle avant notre ère. Les deux inscriptions Christie's ne font pas mention de souverains. Notre plaque, qui n'est plus en boustrophédon, doit donc être postérieure à LPC 5.

Moussaïeff 12

Plaque de bronze, portant une inscription qatabānite de quatre lignes, brisée sur la gauche.

Dimensions: hauteur 15.5 cm, largeur 26 cm, épaisseur 1 cm.

L'inscription est encadrée d'un bandeau en relief. A l'extrémité droite de la plaque, également encadré, se trouve un bas-relief figurant un personnage de profil, vêtu d'une robe longue, portant une situle de la main gauche et, de la main droite, un objet oblong appuyé sur son épaule, que la cassure de la plaque ne permet pas d'identifier. S'agit-il d'une arme, ou plutôt d'un sceptre? Faut-il voir là un rappel lointain des génies protecteurs, porteurs de situles, de l'art néo-assyrien? (Kolbe 1981:14–30, 50–52)[3].

1) *'lbḥr/w-'ln'd*[/...../*'ṯ*
2) *tr/Bs*^{3}*rm/'d*/[...../*r*
3) *ṯdw/dt/Ḥmy*[*m*/...
4) *w/s*^{1}*qnyt-s*^{1}[*m*/...

1) Ilbaḥar et Ilna'ad [..... ont dédié à 'Ath-
2) tar Baśarum dans [son temple (?) ..... Ils ont
3) confié à dhāt-Ḥamīī[m .....
4) leur dédicace [.....

L. 1: *'lbḥr*: nom propre déjà connu par RES 4336/5 (Hayajneh 1998:75–76).

'ln'd: nom propre bien attesté en qatabānite (Hayajneh 1998:83, 303).

L. 2: *Bs*^{3}*rm*: l'origine de cette épithète de 'Athtar demeure énigmatique. Le musée d'Aden conserve deux plaques de bronze, fragmentaires, consacrées à *b'l Bs*^{3}*rm* (AM 60.1477 = CIAS 95.11/p8 n° 1 et AM 60.1478) (Jamme 1971:134–136). Doe 2/6–7, provenant du wādī Bayḥān, mentionne *b'l Bs*^{3}*rm 'd mḥrm-s*^{1} *Ṣn'*. Enfin, JR WBrashear 1/2

[2] Kitchen 1998: 151–152. Une photographie de la plaque après restauration a été publiée dans Bron [2002]: 43.
[3] Sur la survivance de motifs mésopotamiens dans l'art sudarabique, cf. en dernier lieu Gerlach 2000.

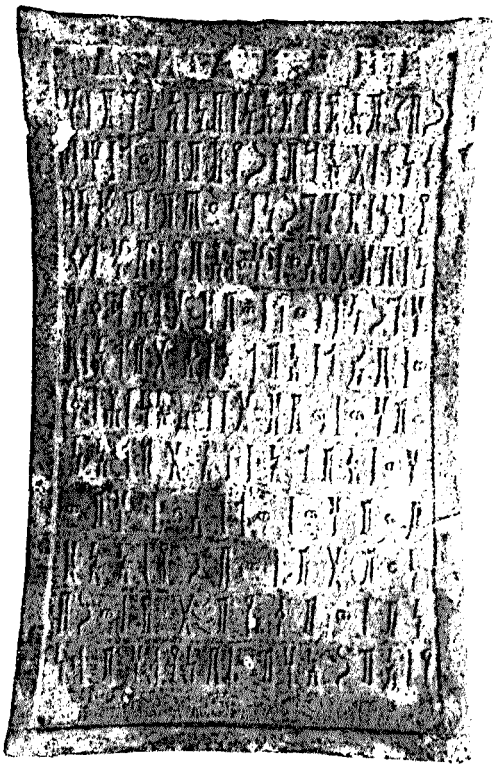


Fig. 6. Inscription Moussaieff 13

Fig. 7. Inscription Moussaieff 13 (fragment)

est une dédicace à *ḏt Ḥmym ʾṯtr Bs³rm*; aux l. 3–4, comme dans notre inscription, apparaît la phrase *rṯd ḏt Ḥmym*, «il a confié à dhāt-Ḥamīm». Peut-être faut-il restituer également dans notre texte *s¹qnyw ḏt Ḥmym ʾṯ]tr Bs³rm*. L'union de ces deux divinités reste extrêmement mystérieuse.

La paléographie, en particulier le *r* serpentin, situe cette plaque dans la dernière phase de l'histoire qatabānite, peut-être sous le règne de Waraw'il Ghaylān Yuhan'im, dans la deuxième moitié du Ier siècle de notre ère.

Moussaïeff 13

Plaque de bronze, portant une inscription sabéenne de dix lignes en relief, suivies d'une onzième ligne légèrement incisée; la même disposition s'observe sur la tablette CIH 567 = Louvre 89, où cependant la dernière ligne est gravée sur la bordure.

Dimensions: hauteur 31 cm, largeur 20 cm, épaisseur 0.5 cm.

L'inscription est encadrée d'un bandeau en relief et ornée, à l'extrémité supérieure, d'une frise de denticules. Quatre petits trous, aux angles de la tablette, indiquent qu'elle était fixée sur un support.

1) *Rbs²ms¹m/Yz'n/bn/'ngz/h*
2) *qny/T'lb/Rymm/b'l/Ḥd*
3) *ṯnn/ḏ-ḥgrn/N'ṯm/ms³nd*
4) *n/b-ḏt/s¹'d-hw/s¹by/b-ḫlf*
5) *hgrn/Y'y/w-b-ḏt/ṣdq-h*
6) *w/b-kl/'ml'/s¹tml'/b-*
7) *'m-hw/w-b-ḏt/yz'n/ṣdq*
8) *hw/'ml'/ys¹tml'n*
9) *b-'m-hw/w-l/s¹'d-hmw*
10) *n'mtm/w-bry/''ḏ*
11) *nm/w-mqymtm/w-rḍ*
12) *y/'mr'-hmw/bny/Hmdn*
13) *w-l/s¹'d-hmw/wfym/b-T'lb*

1) Rabbshamsum Yaz'an ibn Angaz a
2) dédié à Ta'lab Riyāmum, seigneur de Ḥada-
3) thanān, de la ville de Nā'iṭum, cette inscription,
4) parce qu'Il lui a accordé des prisonniers dans le voisinage de
5) la ville de Ya'ay et parce qu'Il lui a octroyé
6) toutes les faveurs qu'il Lui a demandées
7) et pour qu'Il continue à lui octroyer
8) les faveurs qu'il Lui demandera
9) et pour qu'Il leur accorde
10) prospérité, équilibre des facul-
11) tés, ressources et bienveillance
12) de leurs seigneurs, les banū Hamdān,
13) et pour qu'Il leur accorde le succès; par Ta'lab.

L. 1: le nom et l'épithète du dédicant sont bien connus, mais le nom de lignage est nouveau.

L. 2–3: *Ḥdṯnn*: nom du temple de Ta'lab dans la ville de Nā'iṭ, déjà attesté dans de nombreuses inscriptions (Robin 1982: t. I, 19–20).

L. 5: *Y'y* : ce nom est connu comme celui d'une femme moabite dans Ma'īn 93 D/32; c'est la première attestation comme nom de ville.

D'après la paléographie, cette inscription semble quelque peu plus tardive que CIH 567 et pourrait donc dater des IIème–IIIème siècles de notre ère.

Bibliographie

Arnold, Nebes 1998 — Arnold W., Nebes N. «Eine altsabäische Widmungsinschrift auf einer Bronzetafel». ZAL 35, 1998.

Bron 1998 — Bron F. *Inventaires des inscriptions sudarabiques.* Tome 3. *Ma'īn.* Paris/Rome, 1998.

Bron 2001 — Bron F. «Deux inscriptions sabéennes sur bronze provenant d'al-Bayḍā'». Semitica 50, 2001.

Bron 2002 — Bron F. «Trois inscriptions sabéennes sur bronze». *Etudes bibliques et Proche-Orient ancien. Mélanges offerts au Père Paul Feghali.* Beyrouth, 2002.

Gerlach 2000 — Gerlach I. «Zur übernahme altorientalischer Motive in die Kunst Südarabiens». *BM* 31, 2000.

Gnoli 1993 — Gnoli G. *Inventario delle iscrizioni sudarabiche.* Tome 2. *Shaqab al-Manaṣṣa.* Rome/Paris, 1993.

Hayajneh 1998 — Hayajneh H. *Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften.* Hindelsheim, 1998.

Jamme 1971 — Jamme A. *Miscellanées d'ancient* (sic!) *arabe*, II. Washington, 1971.

Kitchen 1998 — Kitchen K. «Three Unusual Sabaean Inscriptions in Bronze». *PSAS* 28, 1998.

Kolbe 1981 — Kolbe D. *Die Reliefprogramme religiös-mythologischen Charakters in neu-assyrischen Palasten.* Frankfurt, 1981.

Robin 1982 — Robin Chr. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'islam.* Istanbul, 1982.

Al-Said 1995 — Al-Said S.F. *Die Personennamen in den minäischen Inschriften.* Wiesbaden, 1995.

Sima 2000 — Sima A. *Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften.* Wiesbaden, 2000.

УЛИ БРУННЕР
(*Цюрих*)

Южноаравийская гидравлическая цивилизация

Географически Южная Аравия не является однородной — здесь представлены различные области, каждая из которых имеет свои неповторимые особенности. Подобная ситуация сложилась в результате активной геологической истории региона, приведшей к формированию как рельефа прибрежной равнины, так и внутренних горных районов, чередующихся с плато и глубоко врезанными долинами. Интенсивная вулканическая деятельность в регионе способствовала образованию большого количества разнообразных горных пород. Вариабельность усиливается благодаря своеобразному режиму тропического мусонного климата, когда достаточно обильные осадки выпадают на южных и западных склонах гор, а восточные и северные их склоны вместе с прибрежными и внутренними равнинами являются относительно засушливыми. В целом Южная Аравия может быть разделена на 14 регионов, каждый из которых образует свой собственный мир (Brunner 1999:20). В этой столь сильно дифференцированной части Аравии людям удавалось находить подходящие для обитания места на протяжении всей своей истории. Климат мог меняться, но это не вынуждало обитателей этих мест покидать тот уголок мира, что называется теперь Йемен: они находили такое место, где изменившийся климат оказывался таким же, как там, где они жили раньше. Данное утверждение может быть проиллюстрировано несколькими примерами. Так, в палеолите люди предпочитали селиться на восточном плато, в настоящее время совершенно пустынном, но в те давние времена представлявшем собой открытую, поросшую кустарником местность (Inizan 1998:104). В период неолита, когда климат Южной Аравии был более влажным, чем в настоящее время, внутренние районы Йемена, ныне засушливые, были интенсивно заселены по берегам многочисленных рек с постоянным водотоком. Плодородные же в настоящее время равнины южных гор в неолите были слишком влажными для обитания — они были сплошь покрыты озерами и густыми лесами (Brunner 1999:26).

Наиболее тяжелым испытанием для населения Южной Аравии стала аридизация климата, длившаяся в течение четвертого и третьего тысячелетий до н.э., в результате которой сложились современные природные и климатические условия. Плодородные саванны внутренних равнин Йемена превратились в песчаную пустыню, известную ныне как Рамлат ас-Саб'атайн. Высокогорные озера пересохли, а леса уступили место редкому кустарнику. Однако к этому времени уже сформировалась оседлая древнейеменская цивилизация, основой хозяйства которой являлось земледелие. Поэтому, если люди бронзового века хотели остаться на своей родной земле, они были вынуждены придумывать способы бережного регулирования сокращающихся

© Ули Бруннер, 2004

Рис. 1. Террасные поля Йеменского нагорья около ʻАмрана

Рис. 2. Естественный разрез ирригационных наносов в Марибском оазисе

водных ресурсов. Что, насколько мы можем судить, и было сделано: в горных районах сооружались террасные поля на склонах, задерживавшие редко выпадавшую дождевую воду (Wilkinson 1997:856), в равнинной же части Йемена, где вместо полноводных рек ныне проносились лишь сезонные водотоки — *сели*, исчезая в бесплодной песчаной пустыне, для орошения стали использоваться боковые части сухих долин — *вади* (Brunner 1997a:77f.). Появление новых систем ирригации явилось, видимо, результатом самостоятельного внутреннего развития земледельческих обществ Йемена, о чем может свидетельствовать тот факт, что эти новые системы оказались хорошо адаптированы к местным условиям. Итак, в бронзовом веке обитатели Южной Аравии стали более интенсивно и умело использовать природные ресурсы, что не могло не привести в конце концов к изменению природного ландшафта: постепенно из естественного он стал превращаться в антропогенный.

Автохтонные системы ирригационного земледелия сохранились и тогда, когда в конце второго тысячелетия до н.э. сложилась т.н. «классическая» южноаравийская цивилизация («культура Сайхад»), в создании которой, по-видимому, большую роль сыграли племена, переселившиеся на юго-запад откуда-то с северной части Аравийского полуострова. Пришельцы оказались достаточно умными для того, чтобы осознать, сколь устойчивой и проверенной временем является система ирригации, сложившаяся в Южной Аравии. Они лишь улучшили ее, дополнив, как, например, сабейцы, прямоугольной распределительной ирригационной сетью с унифицированными стоками. Сложившаяся система древней ирригации является одной из основных отличительных особенностей южноаравийской цивилизации. Мало того, как показывают исследования в различных районах Йемена, создание террасных полей на горных склонах и использование для земледелия ирригационных наносов, накапливающихся в сухих долинах — *вади* в результате сезонных водотоков — *селей*, могут рассматриваться как наиболее распространенный признак культуры различных царств Южной Аравии (рис. 1, 2).

Первым, кто обратил внимание на антропогенный характер ирригационных наносов в сухих долинах — *вади*, был Боуэн, автор знаменитой статьи «Ирригация в древнем Катабане (Бейхан)» (Bowen 1958). Американский ученый провел обширные исследования в вади Байхан, изучая остатки древних сооружений, которые он интерпретировал как оросительные каналы. Анализ текстуры поверхности отдельных участков ирригационных наносов позволил ему правильно определить их как остатки древних полей, использовавшихся под земледелие. Им впервые было показано, что лёссовидные отложения в вади накапливались вследствие ирригации. Таким образом, была отвергнута интерпретация Кэтон-Томпсон и Гарднер (Caton Thompson, Gardner 1939:25), считавших подобные отложения, из-за их сходства с лёссом, «эоловыми наносами». Отсутствие в отложениях горизонтальной стратификации, по мнению британских исследовательниц, доказывает их эоловое происхождение, в то время как в действительности это отсутствие является результатом древней пахоты.

Итак, большая часть антропогенного ландшафта Южной Аравии несет в себе отпечаток гидравлической цивилизации Южной Аравии. Ниже я предлагаю свою собственную характеристику этой цивилизации, основанную на авторских исследованиях в Йемене на протяжении последних двадцати пяти лет[1]. Методы исследова-

[1] Я хотел бы поблагодарить организации, поддерживавшие и субсидировавшие мою работу: Германский археологический институт, Географический факультет Цюрихского университета, Музей этнографии Мюнхена и Генеральную Организацию древностей, рукописей и музеев Республики Йемен.

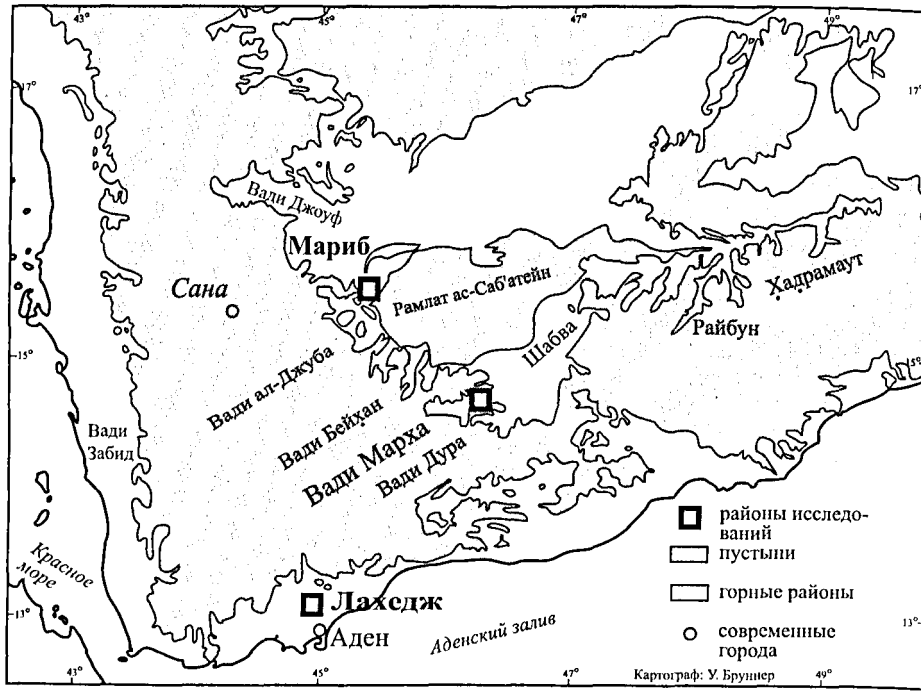


Рис. 3. Карта-схема Южной Аравии

ния и его основные результаты представлены на примере трех различных регионов Южной Аравии (рис. 3).

Сабейский ирригационный оазис

С самого начала мои исследования в Южной Аравии были сосредоточены на изучении водных ресурсов, использовавшихся ее древними обитателями для ирригации. И вполне естественно, что в первую очередь я начал изучение знаменитой Марибской плотины, одного из самых известных древних памятников Йемена, связанных с ирригацией. Ее разрушение и последовавший затем исход населения из района Мариба упоминается даже в 34-й суре Корана, т.е. она известна во всем мусульманском мире. Первым европейским исследователем, описавшим этот грандиозный памятник, был Э. Глезер (Glaser 1913:63), однако потребовалось довольно длительное время, вплоть до пятидесятых годов двадцатого века, прежде чем Боуэн (Bowen 1958:70–76) смог предложить достаточно стройное научное описание системы древней ирригации Марибского оазиса и место в этой системе грандиозной Марибской плотины. Создавая это описание, он использовал свои знания, полученные при изучении древней ирригации в вади Байхан. Его идеи были заимствованы автором в качестве фундамента для географических исследований древнего Марибского оазиса.

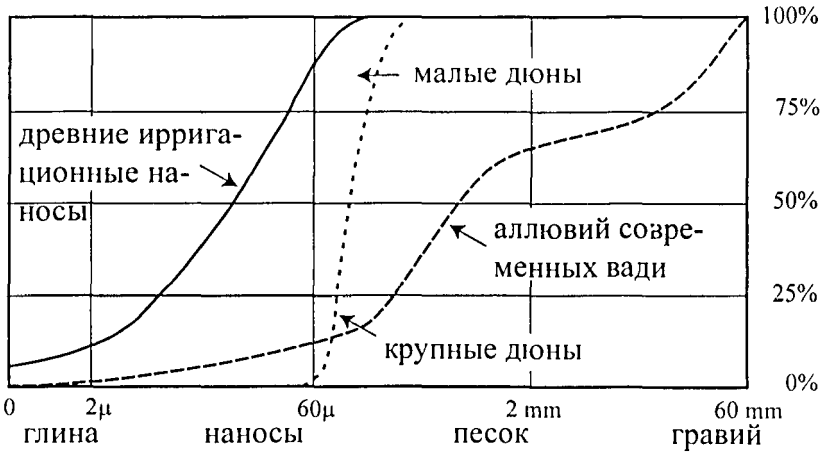


Рис. 4. Размеры гранул ирригационных наносов из Марибского оазиса

Марибский оазис следует рассматривать как организм, функционировавший и в пространстве, и во времени. Это означает, что видимая в настоящий момент система древней ирригации оазиса не является отражением какой-то единовременной стадии ее функционирования. Вполне возможно, что отдельные части ее ирригационных сооружений принадлежат различным временны́м периодам и оказались на современной поверхности только потому, что степень эрозии в оазисе с того момента, как он был покинут, могла оказаться неодинаковой. Подобные вопросы являются весьма важными в работе геоморфологов, и именно поэтому мое исследование началось с изучения ирригационных наносов. Полевые и лабораторные исследования их структуры позволили выделить четыре различных типа отложений (рис. 4). Наиболее существенным результатом оказалось то, что все эти типы лёссовидных отложений могли быть с уверенностью идентифицированы как ирригационные наносы, т.е. их накопление в оазисе произошло вследствие искусственного орошения земель и они могут рассматриваться как своеобразный памятник материальной культуры сабейцев. На этом этапе исследование сместилось в область геоархеологии. Картографирование области распространения этих искусственных ирригационных наносов в оазисе позволило определить общую площадь орошавшейся территории (рис. 5). Интерпретация данных аэрофотосъемки и анализ образцов, полученных в ходе полевых исследований, привели к ошеломляющим результатам: общая площадь орошавшихся земель оазиса составляла 9600 га, причем на северную часть оазиса приходилось 4300 га, а на южную — 5300 га (Brunner 1983:90).

В отдельных местах оазиса оказалось трудно выявить различия между современными и древними ирригационными наносами. Безусловно, это означает, что современная система орошения функционирует на тех же принципах, что и древняя. Современная ирригация базируется на использовании паводковых, или селевых, вод. *Сель* — это эпизодические водные потоки, появляющиеся в обычно сухом русле долины — *вади* после обильных дождей, приносимых муссонами дважды в год и выпадающих в расположенных к западу горных массивах Йемена. При помощи земляной

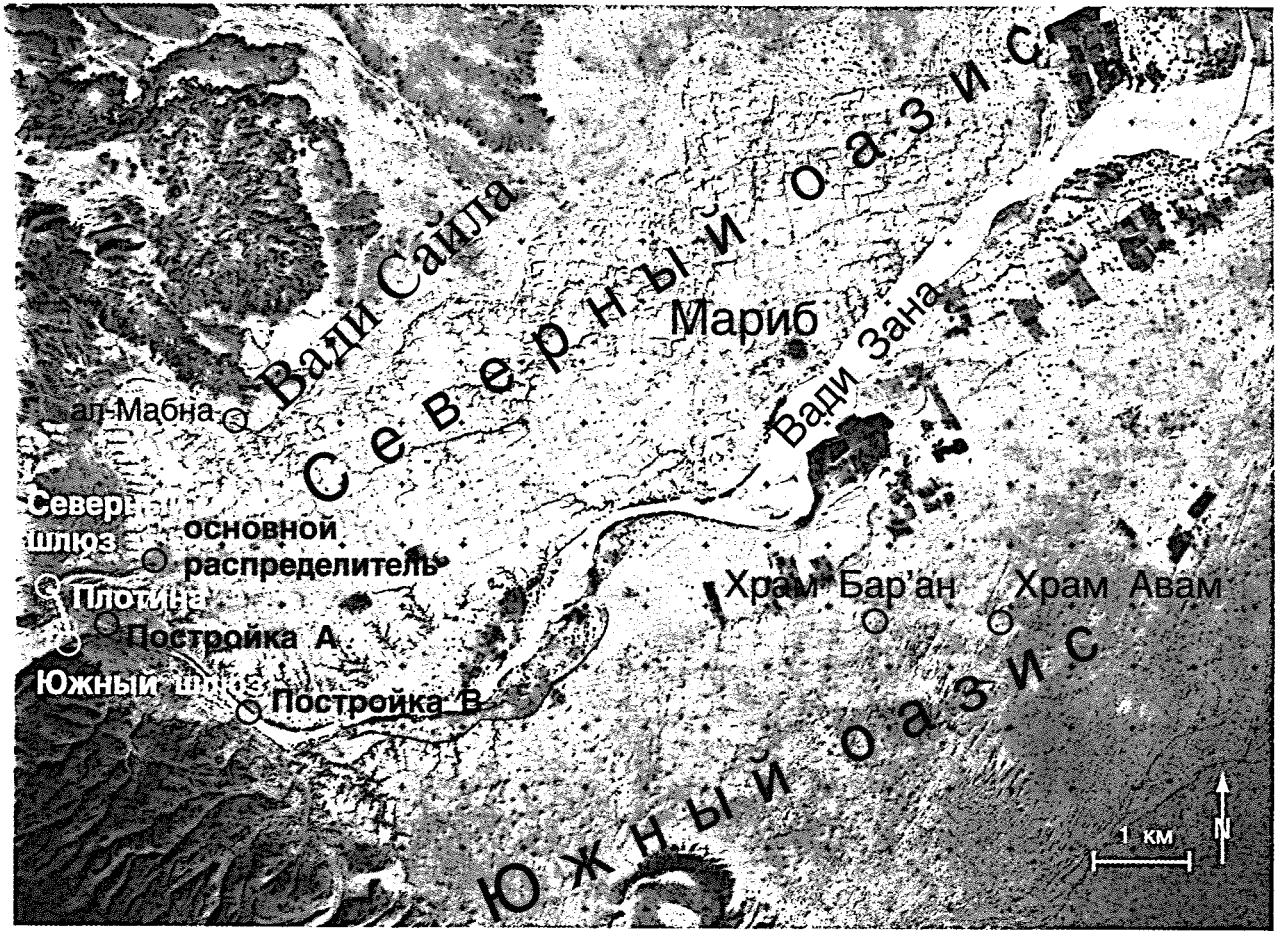


Рис. 5. Аэрофотосъемка Марибского оазиса

насыпной дамбы часть паводковых вод отводится в магистральный канал, откуда через систему отводных каналов поступает на огороженные насыпями поля. Поля орошаются только один раз, перед севом, но зато обильно (Brunner, Kohler 1997:175). По сведениям информаторов, вода должна покрывать почву примерно до колена человека, что соответствует приблизительно 60 см. После орошения почвы и испарения воды на поле и в русле земляных каналов остаются т.н. ирригационные наносы, т.е. частицы лёссовидного суглинка, принесенные паводковыми водами, селем, с гор. Если вы получаете такие же наносы в процессе современной селевой ирригации, что и те, которые вы обнаруживаете в древнем оазисе, то это означает, что в древности сабейцы использовали ту же технологию, что и сейчас: они применяли селевую ирригацию. Данный вывод является весьма существенным для определения способа функционирования древней Марибской плотины: как и в современных ирригационных системах, ее задачей, вне всякого сомнения, было не накопление воды в некоем гипотетическом древнем водохранилище, а подъем паводковых вод из русла *вади* на уровень полей, где вода незамедлительно распределялась.

Простейшие арифметические расчеты подтверждают это предположение. Для орошения 9600 га возделывавшихся земель требовалось около 50 млн. куб. м воды. Объем воды, протекающей за год в вади Зана, составляет около 100 млн. куб. м. Пропускная способность двух основных шлюзов Марибской плотины, через которые паводковые воды попадали в магистральные каналы и далее через систему распределительных каналов подавались на поля, составляет около 120 куб. м в секунду. Следовательно, обе части оазиса могли быть полностью орошены в течение менее двух недель. Обычно в рассматриваемом регионе дождливых сезонов два: один в апреле, второй в июле–августе. Таким образом, оросительных периодов тоже как минимум два. Предположительное содержание осадков в воде, используемой при селевом орошении, составляет около 1%, что должно приводить к накоплению наносов на полях в объеме чуть больше 1 см в год. Радиоуглеродное датирование различных слоев ирригационных наносов показывает, что они накапливались со скоростью около 1,1 см в год (Brunner 1983:65).

Нельзя не отметить большое разнообразие остатков сооружений и иных структур, обследованных на поверхности ирригационных наносов, т.е. на древних полях. Их формы варьируют от маленьких окаменелых отпечатков дождевых капель до километровых остатков ответвлений древних каналов. Удалось установить происхождение земляных конструкций в форме плоских концентрических кругов и регулярно расположенных небольших холмиков: это остатки когда-то произраставших здесь финиковых пальм. Как мы знаем, финики являлись основными съестными припасами во время долгих караванных передвижений. В южноаравийских надписях встречаются сообщения о пальмовых плантациях, существоваших в древности, и теперь мы имеем материальные свидетельства их существования в Марибском оазисе (Brunner 1983:29). Как могло случиться, что остатки этих растений сохранились до наших дней? Финиковым пальмам необходим полив в течение всего года, поэтому селевое или сезонное орошение было недостаточным. Постоянный полив можно было организовать, используя колодезную воду, которая заливалась в небольшие круговые углубления вокруг пальмы. По этой причине почва вокруг дерева становилась тверже почвы на остальном поле. После того как оазис покидали, его территория подвергалась эрозии, и корни пальм и земля вокруг них, «сцементированные» постоянным

поливом, сохранились в виде небольших глиняных холмов или концентрических кругов на плоской поверхности поля. Более темный по цвету центральный круг образовался из-за более высокого содержания в почве органических материалов благодаря наличию здесь растительных волокон от корней пальмы (рис. 6).

Основываясь на знаниях о принципе функционирования ирригационной системы, о методах обработки полей и их полива, о площади распространения ирригационных наносов, можно в общих чертах попытаться восстановить историю ирригации Мариба. Более чем 30-метровые по мощности ирригационные наносы в северной части оазиса указывают на то, что селевое орошение продолжалось здесь по крайней мере в течение трех тысяч лет. Поскольку, как мы знаем из Корана, разрушение плотины и гибель земледельческого оазиса относится к началу VII в. н.э., возникновение здесь системы искусственной ирригации может быть отнесено к III тыс. до н.э. Около двадцати лет назад, когда мной впервые были опубликованы эти данные, появление древнейменской цивилизации в исторической и археологической литературе датировали не ранее VIII в. до н.э. Почти ничего не было известно ни о бронзовом веке Йемена, ни о неолитических культурах, существовавших на его территории (de Maigret 1996:127). Можно констатировать, что именно исследования древней ирригации Марибского оазиса впервые показали возможность существования в Йемене высокоорганизованного земледельческого общества уже в III тыс. до н.э. Обнаруженные впоследствии в русле вади Зана массивные каменные конструкции можно интерпретировать как остатки ирригационных сооружений, существовавших до постройки знаменитой Марибской плотины. Их искусная кладка впечатляет так же, как и их возраст: если сравнивать уровень каналов, выводившихся из этих сооружений, с предполагаемым уровнем древних полей оазиса, на которые вода из этих каналов должна была подаваться, то, учитывая мощность имеющихся здесь поверх предполагаемого уровня ирригационных наносов, время постройки этих «ранних» сооружений может быть датировано концом II тыс. до н.э. Данное открытие является первым и достаточно весомым доказательством существования высокоразвитого земледельческого общества на родине легендарной царицы Савской, жившей в X в. до н.э.

Дошедшие до нас остатки южного шлюза Марибской плотины на основе эпиграфических данных датируются временем около 530 г. до н.э. (von Wissmann 1982:241). Его уровень точно соответствует условно рассчитанному уровню земель оазиса того времени. По-видимому, серьезные проблемы с плотиной и орошением сельскохозяйственных угодий оазиса начались у сабейцев в первых веках н.э. Продолжавшееся на протяжении столетий поднятие уровня полей вследствие накапливавшихся ирригационных наносов постоянно требовало сооружения более высокой плотины. Более того, для того чтобы поднимать воду для орошения на этот новый, более высокий уровень, отсекаемая для орошения часть паводка должна была подниматься почти до верхнего обреза дамбы. Иными словами, объем воды, забираемый из паводка для орошения, постоянно возрастал. Безопасность плотины больше не могла быть гарантирована при том уровне строительной техники, которая существовала в сабейском обществе. Скорее всего, произошло несколько катастрофических прорывов плотины. Вероятно, сельскохозяйственная община (или общины) Мариба находилась в состоянии определенного упадка и для поддержания ее жизнедеятельности возникла необходимость в поиске более простого и экономически приемлемого решения, каким образом продолжать бесперебойное орошение земель оазиса. В конце VI в. н.э. такое

Рис. 6. Остатки корневой системы древней пальмы в виде концентрических кругов, Марибский оазис

Рис. 7. Аэрофотосъемка поселения Хаджар ат-Талиб в вади Марха

решение было найдено. Для этого уровень северного шлюза плотины был понижен таким образом, что весь избыточный паводок из вади Зана мог быть перенаправлен в соседнее вади ас-Сайла. В этом вади, примерно в пяти километрах вниз по течению, была сооружена новая плотина, известная под названием ал-Мабна. В этой части уровень земель северного оазиса был значительно ниже, и следовательно, было значительно проще подавать воду для орошения полей вокруг его главного города. Как показывают детальные исследования, окончательное разрушение Марибской плотины произошло в начале VII в. н.э. (Brunner 1983:119).

Неизвестное вади Марха

Работы в Марибе явились своеобразным «полигоном», где была отработана методика изучения памятников ирригации Йемена путем сопоставления данных аэрофотосъемки и полевых археологических исследований на территории древнего оазиса. По мере развития исследований становилась все более очевидной недостаточность наших знаний в этой области, основанных вплоть до 1980-х годов на анализе сохранившихся эпиграфических источников и результатах работ немногочисленных в то время археологических экспедиций. Данное обстоятельство и стало одной из причин расширения сферы нашей деятельности на другие регионы Йемена, для чего были выбраны древние земледельческие оазисы, расположенные на границе пустыни Рамлат ас-Саб'атайн. Базой наших исследований послужил анализ аэрокосмических изображений с высоким разрешением поверхности определенных районов Йемена, полученных с высоты 296 км с помощью модульного оптоэлектронного мультиспектрального сканера (MOMS), размещенного на борту американского космического челнока Space Shuttle.

Уже после первого знакомства с материалом стало ясно, что изображения, полученные при помощи MOMS, являются необычайно полезными для наших исследований. Для изучения была выбрана обширная область вдоль южной границы пустыни Рамлат ас-Саб'атайн, расположенная между плодородными долинами Джоуфа и Хадрамаута. Следы древней ирригации здесь могут быть выявлены по крайней мере в десяти сухих долинах — *вади*, располагающихся на территории общей площадью в 44 500 га (Brunner, Haefner 1990:151). Таким образом, известная по всему Йемену легенда, согласно которой в древности всадник мог скакать семь дней, не покидая плодородных садов, стала приобретать реальные очертания.

Среди всех долин, исследованных при помощи дистанционного сканирования, наиболее многообещающим оказалось вади Марха. Именно здесь находился один из крупнейших древних оазисов Йемена, общей площадью около 12 000 га. Кроме того, на полученных изображениях удалось идентифицировать еще три крупных древних поселения, до сих пор неизвестные, расположенные в верховьях долины. Причиной, из-за которой эти вновь открытые поселения не были зафиксированы в ходе наземных полевых исследований, являлась ее слабая изученность в археологическом отношении. До начала 90-х годов прошлого века верховья вади Марха находились на территории Северного Йемена, где при относительной слабости центральной власти был весьма развит племенной сепаратизм, особенно в периферийных областях страны. Местные племена были весьма враждебно настроены к пришельцам, особенно к иностранцам, и проникнуть в верхнюю часть долины было практически невозможно. Ситуация кардинально изменилась после объединения двух частей страны и образо-

вания в 1990 г. единой Республики Йемен. В сотрудничестве с мюнхенским Музеем этнографии (Staatliches Museum für Völkerkunde) был начат археологический проект по исследованиям в вади Марха, и в мае 1991 г. первая миссия, как, впрочем, и первые европейские ученые вообще, посетила долину. Высокие ожидания оправдались сполна: вади Марха оказалось поистине археологической сокровищницей.

На начальном этапе исследований было решено ограничиться «дистанционным» изучением памятников. Помимо имеющихся изображений территории долины, сделанных с высоты около 300 км при помощи MOMS, предстояло организовать аэрофотосъемку с высоты около 3 км, а затем на месте провести полевые исследования памятников с высоты не более чем 30 см при помощи геомагнитной аппаратуры (Kohler *et al.* 2000:238f.). Причиной столь необычных для археологических миссий действий служила политическая нестабильность в Йемене в тот период и все еще достаточно враждебное отношение племен, обитавших в вади Марха, к любым исследованиям, проводимым европейцами при поддержке центральной власти. Мы не без оснований опасались, что в случае начала раскопок археологические памятники оказались бы в большей опасности из-за невозможности организовать их охрану и защиту от неконтролируемого разграбления после отъезда экспедиции. Было известно, что многие местные племена занимаются нелегальными раскопками и поиском древностей для дальнейшей их продажи на черном рынке.

Организация аэрофотосъемки оказалась трудной задачей. В 1993 г. единство Республики Йемен было под угрозой: элита южной части страны, составлявшей когда-то Народно-Демократическую Республику Йемен, стремилась восстановить свою независимость. К началу 1994 г. армии противоборствующих сторон были готовы к началу боевых действий, в том числе и в вади Марха. Поэтому мы были сильно удивлены, когда получили официальное разрешение совершить полет в феврале 1994 г. Мы не знаем, был ли пилот частной компании, выполнявшей работу, осведомлен об опасности, несколько раз облетая позиции готовых к сражению армий, но этот риск был оправдан, и результат стоил того: мы получили 210 превосходных фотографий местности в масштабе 1:30 000 (рис. 7). Полет и аэрофотосъемка были профинансированы мюнхенским Музеем этнографии.

Полевые исследования начались менее года спустя, в январе 1995 г., уже после окончания гражданской войны. Двое студентов географического факультета Цюрихского университета обследовали вади Марха на всей его протяженности, нанося на карту и описывая как остатки древних поселений и ирригационных сооружений, так и современные поля и населенные пункты (Bosshard 1996; Fechtig 1996)[2]. Два эксперта из баварского Бюро консервации археологических памятников провели геомагнитное изучение поверхности крупнейшего телля Хаджар Йахир, расположенного в нижней части вади Марха. Цель исследования состояла в картографировании руин древних построек на этом поселении, площадью около 17 га, бóльшая часть которых погребена под эоловыми песками (Becker 1999). Автор, возглавлявший эту экспедицию, вел бесконечные переговоры с представителями различных местных племен, пытаясь обезопасить работу и одновременно наметить контуры истории ирригации долины, исследуя

[2] Со всеми упоминаемыми здесь диссертационными исследованиями можно ознакомиться в библиотеках Санского отделения Германского археологического института и географического факультета Цюрихского университета. Они имеются также и у автора этой статьи.

древние поселения, каналы и ирригационные отложения (Brunner 1997a). В ноябре–декабре 1995 г. был проведен второй полевой сезон. К сожалению, попытки продолжить исследования в вади в последующие годы потерпели неудачу в связи с опасностью вооруженного нападения враждебно настроенного местного населения.

Тем не менее в ходе двух полевых сезонов были получены удивительные результаты. Так, удалось обнаружить и документировать двадцать новых теллей, или крупных поселений, определить их названия (Brunner 1997b:193). Хаджар Йахир оказался крупнейшим поселением долины. Несомненно, это был крупный древний город, занимавший площадь около 17 га. Площади еще пяти поселений составляли примерно 3–6 га, а остальных из обнаруженных — менее 3 га. Анализ данных аэрофотосъемки позволил дать характеристику современных поселений долины, определить признаки, отличающие их от поселений, существовавших в древности. Были зафиксированы различные типы жилых строений, а также современных ирригационных устройств, методы орошения современных полей (Fechtig 1996). Локализация и изучение древних плотин и водораспределительных устройств, направления и протяженности древних каналов, распространения ирригационных отложений, расположения полей, выявление остатков древних пальмовых плантаций позволили реконструировать систему древней ирригации долины, определить максимальную площадь орошавшихся в древности земель (Bosshard 1996:34f.).

Полученные радиоуглеродные даты позволили приблизительно установить время начала орошаемого земледелия в вади Марха, выявить основные этапы создания в долине единой системы ирригации. По-видимому, начало поливного земледелия в небольших боковых вади, впадающих в главное вади Марха, следует относить к началу III тысячелетия до н.э. Однако уже в середине или в конце III тысячелетия до н.э. основные орошаемые площади занимают низовья основного вади, где впоследствии располагалась столица древнего царства Аусан, локализуемая на месте поселения Хаджар Йахир (рис. 8). Во II тысячелетии до н.э. происходит, вероятно, сокращение водных ресурсов, необходимых для орошения возделывавшихся 6600 га земель, и для их восполнения сооружается водоотводный канал длиной около 20 км из соседнего вади Хаммам, позволивший «забирать» часть селевого паводка, проходившего по этой долине. Как мы знаем из письменных источников, в начале VII в. до н.э. царство Аусан, ядром которого являлись низовья вади Марха, было полностью разрушено сабейцами. Видимо, после этого разгрома система древней ирригации вокруг столицы Аусана оказалась разрушенной, а сам город покинутым. Жизнь в долине перемещается теперь в оазисы, расположенные в ее верховьях, где нам удалось зафиксировать остатки прямоугольных в плане полей, характерных для сабейцев и сабейского периода в истории Южной Аравии. Последние прекращают свое существование в середине I тысячелетия н.э. В исламское время в долине орошались лишь небольшие участки земель, расположенные вдоль ее главного русла (Brunner 1997a:79).

В целом исследования в вади Марха высветили совершенно иной по сравнению с Марибом древний культурный ландшафт, который благодаря остаткам древней ирригации и связанных с ними древних поселений сохранился до наших дней. Система древней ирригации, исследованная в нижней части долины, оказалась гораздо старше, нежели изученная нами в Марибском оазисе.

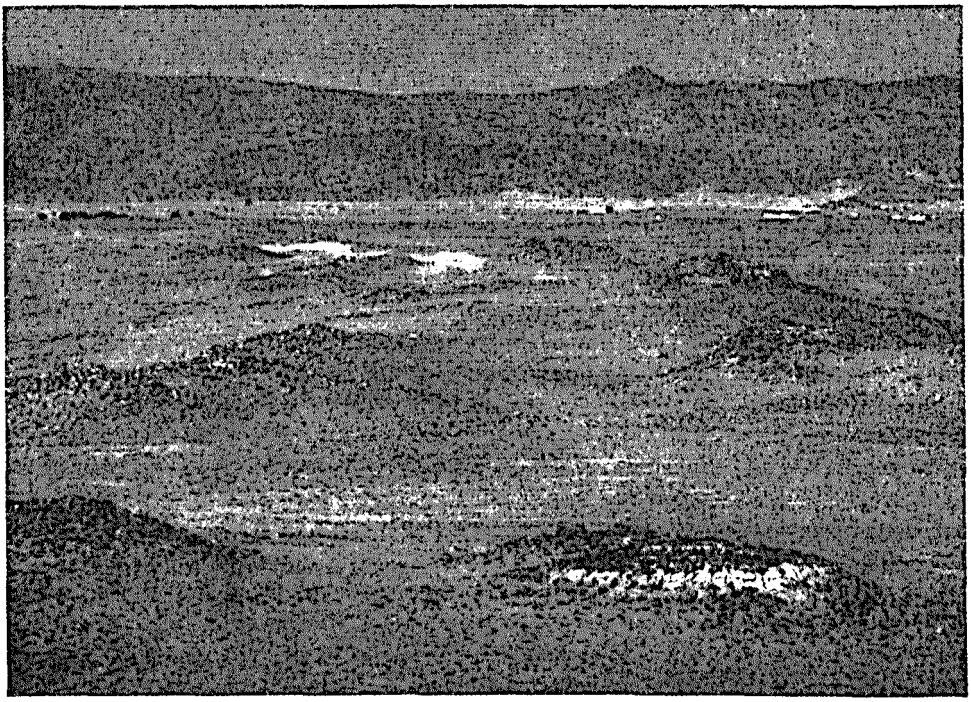


Рис. 8. Русло крупного древнего канала около городища Хаджар Йахир в вади Марха

Рис. 9. Остатки древнего оросительного канала на поселении Ма'лейба

Прибрежный оазис Лахедж

Наши исследования памятников древней ирригации были продолжены еще в одном регионе Йемена — в оазисе Лахедж к северу от Адена. В 1994 г. Германский археологический институт и Российская академия наук совместно с Генеральной Организацией древностей, рукописей и музеев Республики Йемен начали раскопки крупного поселения в то время совершенно неизвестной культуры бронзового века, получившей впоследствии название «культура Сабир». По всей видимости, эта культура характеризовалась наличием высоко дифференцированного общества, что нашло свое отражение в существовании крупного поселения городского типа (городище Сабир) с интенсивной застройкой центра домами больших размеров, а окраин — хижинами из легких материалов (камыш? тростник?), а также открытием квартала ремесленников, производивших громадное количество керамической посуды. Совершенно очевидно, что торговля играла существенную роль в экономике древнего общества. Предполагалось даже, что открытие культуры Сабир может быть увязано с данными египетских источников о существовании где-то на южном побережье Красного моря знаменитой страны Пунт (Vogt, Sedov 1999:61–65).

Вопрос, на который должны были дать ответ наши исследования, может быть сформулирован следующим образом: что составляло основу хозяйства культуры Сабир? Городище Сабир находится приблизительно в 30 км к северу от современного побережья Аденского залива, на высоте около 50 м над уровнем моря, на южной границе плодородного оазиса Лахедж, орошаемого паводковыми водами — *селями*, текущими в сезон дождей по вади Тубан. Бассейн вади Тубан охватывает южные склоны Йеменских гор, область с годовым количеством осадков, доходящим в некоторых районах до 1000 мм. Таким образом, вади Тубан являлось в древности, как является и теперь, надежным источником воды: в верхней его части постоянный водоток, подпитываемый грунтовыми водами, не прерывается круглый год (такой непересыхающий поток, текущий по руслу вади, по-арабски называется *гейль*).

Помимо климатических различий существует еще один признак, отличающий Лахедж от районов Мариба и вади Марха: древний оазис не был покинут в т.н. позднеклассический период южноаравийской цивилизации. Здесь хорошо видны следы непрерывного искусственного орошения, охватывавшего в последние годы территорию порядка 20 000 га. В течение всего исламского периода эта область представляла собой плодородные орошаемые земли, примыкавшие к важному морскому порту Аден. Вследствие этого остатки древней ирригации не могли быть обнаружены на современной поверхности, и следовательно, их вряд ли возможно обнаружить на изображениях со спутника или по данным аэрофотосъемки. Таким образом, остатки древней ирригации следовало искать в естественных разрезах вдоль русла вади либо в колодцах (искусственные разрезы).

Подготовка к полевым работам была начата автором в ноябре 1995 г. Старые, но точные фотографии, сделанные с воздуха в 1947 г. пилотами Британских Королевских ВВС, оказалось возможным приобрести на месте будущих исследований, в Йемене. Изображения, полученные французским спутником Spot, помогли при воссоздании общей географической картины оазиса с его комплексным ландшафтом и разнообразной растительностью. Методика наших исследований состояла как бы из двух взаимодополняющих уровней: документирование современных методов ве-

дения сельского хозяйства, в первую очередь изучение современной системы ирригации, и поиски следов древней ирригации. В марте–апреле 1997 г. двое студентов Цюрихского университета и автор провели полевые рекогносцировочные исследования в оазисе Лахедж. Уже первые поездки показали существенные отличия от тех условий, в которых мы находились во время работы в вади Марха: против нас не было предпринято никаких враждебных действий, более того, местное население всячески помогало иностранцам преуспеть в осуществлении их планов.

Исследования основ ведения современного сельского хозяйства и современной ирригации производились Гролимундом и вскоре были опубликованы в качестве его магистерской диссертации (Grolimund 1998). Важные результаты принесло геоморфологическое исследование истории формирования оазиса (Loher 1999). Оказалось, что вади Тубан в низовьях разделяется на два основных русла, причем меньшее по размерам, носящее название вади Сагир, является довольно «молодым». Русло главного, или «старого», водотока, вади Кабир, постоянно смещается к западу, и «молодое» вади Сагир глубоко врезается в земли древнего оазиса, подмывая и «съедая» их. По обеим сторонам его русла имеются превосходные естественные разрезы, на стенках которых прекрасно видны чередования слоев древних почв и ирригационных наносов. Анализ образцов этих отложений подтвердил факт их образования в процессе искусственной ирригации земель долины. Отметим, что гранулы илистых отложений в вади Тубан несколько крупнее по размерам, нежели в образцах из Мариба или вади Марха. Объяснение этому, возможно, следует искать в несколько более крутом наклоне русла долины вади Тубан по сравнению с двумя другими исследованными долинами Внутреннего Йемена. В разрезах вдоль русла вади Сагир были обнаружены следы двух древних каналов. Ширина первого составляет менее одного метра, второго — от 4 до 15 м. Столь большая разница в размерах каналов, возможно, объясняется тем фактом, что в древности, как и в настоящее время, имело место одновременное существование двух типов орошения: сезонными паводковыми водами через широкий канал (селевая ирригация) и постоянными водотоками через узкий канал (гейлевая ирригация).

Измерения толщины ирригационных наносов, проводившиеся в руслах вади и в колодцах, позволили составить карту, отмечающую как мощность ирригационных наносов и, следовательно, предполагаемое время их накопления, так и площадь их распространения в оазисе (Loher 1999: annex, map 2). Максимальная зафиксированная толщина наносов составляет около 18 м, причем во многих местах оазиса она составляет лишь половину этого. Площадь распространения ирригационных наносов, особенно в восточной части оазиса, гораздо обширнее, нежели современные возделываемые поля. Два этих факта являются, как представляется, подтверждением того, что со временем обрабатываемые орошаемые поля смещались к западной границе оазиса. Несколько радиоуглеродных датировок образцов из различных слоев ирригационных наносов и раскопок на древнем поселении Ма'лейба у южной границы оазиса Лахедж позволяют сделать общие заключения об истории его ирригации (рис. 9). В районе поселения Ма'лейба она практиковалась, безусловно, уже в III тысячелетии до н.э., а возможно и в конце IV (Vogt, Buffa, Brunner 2002). Выше по течению, в средней части вади Сагир, начало ирригации следует относить к середине II тысячелетия до н.э. Таким образом, прослеживается тенденция, характерная и для вади Марха: постепенное освоение под искусственное орошение полей от низовьев к верховьям долин.

Степень уклона русла вади Тубан в оазисе Лахедж от истока к устью значительно больше, чем в долинах внутренних районов Йемена. Следовательно, здешние ирригационные сооружения и орошаемые с их помощью поля должны были больше страдать от мощных паводков, иногда случавшихся в излишне обильные дождем сезоны. На то, что подобные наводнения периодически случались, указывают слои песка и гравия, зафиксированные в разрезах в общей толще однородных ирригационных наносов. Отложения в руслах каналов также содержат более грубый материал. С этой точки зрения использовать воду для орошения, приносящую с собой подобные наносы, было непросто. Однако, с другой стороны, именно изобилие воды на протяжении довольно длительного времени в течение года должно было облегчать задачу древних ирригаторов. Наиболее благоприятная ситуация для поливного земледелия должна была существовать в верховьях оазиса, где имеется постоянный водоток, подпитываемый грунтовыми водами. Именно этот *гейль* мог быть легко распределен для орошения полей. Таким образом, древние земледельцы оазиса Лахедж не зависели только от сезонного паводка — *селя*, а могли использовать для орошения воду *гейля* в течение всего года. Суммарный водный ресурс Лахеджа оказывается даже больше, чем водные ресурсы крупных внутренних вади, таких, как, например, вади Зана в Марибском оазисе или вади Марха. Площадь, на которой зафиксированы в Лахедже ирригационные наносы, охватывает 16 000 га, хотя, вероятно, никогда в его истории такое количество земли не орошалось и не обрабатывалось единовременно (Loher 1999:75). Оазис находится на открытой равнине, и русло вади, принимающее сезонный паводок, легко и постоянно перемещается. Вероятно, так же легко и постоянно перемещались и орошавшиеся участки земель. Согласно Хамдани (цитируемому в Mukheiriz 1989:88), йеменскому историку X в., основное русло вади Тубан находилось неподалеку от столицы оазиса города Ра'ара', располагавшейся в его центре, тогда как сегодня Лахеджский оазис окружен двумя руслами, вади Кабир и вади Сагир. Многие факторы указывают на то, что восточное русло, вади Сагир, является довольно «молодым», т.е. сформировалось относительно поздно, вероятно в средневековье.

При исследовании профиля колодца в деревне Сабир, расположенной на месте части древнего городища, были получены интересные результаты об истории ирригации в этом районе. В верхних слоях профиля на глубине около 4 м были зафиксированы следы русла широкого древнего канала. Керамика, обнаруженная in situ в этих слоях, относится к началу I тысячелетия до н.э. Ниже, на глубину около 16 м, прослежены однородные ирригационные наносы, образовавшиеся при искусственном орошении и четыре раза прерывающиеся слоями речного песка. Это означает, что четыре раза древние поля затапливались и разрушались, но каждый раз люди возобновляли обработку имевшихся земельных участков, и вновь с использованием ирригации. В целом мощность ирригационных наносов в профиле колодца составляет около 12 м. Если считать, что ирригационные наносы накапливались в среднем со скоростью около 1 см в год (величина, установленная на основании наших исследований в Марибском оазисе), то начало искусственного орошения в данной местности следует относить к периоду за 1200 лет до появления здесь керамики культуры Сабир, датирующейся началом I тысячелетия до н.э. В эти расчеты не включены периоды перерывов в ирригации, длительность которых не известна. Итак, начало искусственного орошения в районе поселения Сабир с большой степенью вероятности может быть отнесено по крайней мере к концу III тысячелетия до н.э. Эта дата очень хорошо соотносится

с результатами исследования напластований в стратиграфическом шурфе на расположенном неподалеку поселении Ма'лейба. Здесь также выявлены однородные ирригационные наносы, перемежающиеся слоями грубого наносного материала (песок и гравий), что указывает на перерывы в орошении. Характерно, что слои с ирригационными наносами начали формироваться непосредственно поверх темной палеопочвы, образовавшейся в IV тысячелетии до н.э во время последней влажной фазы климата Южной Аравии. Радиоуглеродные датировки образцов из соответствующих слоев шурфа указывают, самое позднее, на начало III тысячелетия до н.э. как на дату начала искусственной ирригации в районе поселения Ма'лейба (Vogt, Buffa, Brunner 2002:22).

Суммируя результаты исследований в оазисе Лахедж, стоит отметить, что здесь впервые удалось обнаружить древнюю ирригацию в прибрежном районе Южной Аравии. Ее начало относится к периоду раннего бронзового века. Существенно, что в противоположность внутренним районам Йемена, граничащим с пустыней Рамлат ас-Саб'атайн, производство продуктов питания в культуре Сабир базировалось на двух различных способах орошаемого земледелия: селевой и гейлевой ирригации.

Значение исследований древней ирригации

Сочетание геоморфологических и археологических методов полевых исследований с методами изучения данных космической и аэрофотосъемки доказало эффективность такого подхода при исследовании древней ирригации в засушливой части Южной Аравии. Для картографирования территории древних оазисов особенно важным источником оказались фотографии аэросъемки. Помимо этого, аэрофотографии сами по себе являются культурной ценностью. Причина заключается в процессах, происходящих в современном Йемене. Сегодня Йемен является страной с самым быстро растущим в мире населением, увеличивающимся на 3,7% в год. Сельскохозяйственный потенциал земель на плодородных горных плато уже практически исчерпан. Благодаря развивающейся системе дорог и импорту дизельных насосов в последние два десятилетия появилась возможность возобновления земледелия в заброшенных древних оазисах. Таким образом, оказавшиеся однажды бесплодными поля по краям русел сухих вади вновь зазеленели. Это означает, что большинство памятников, идентифицируемых на аэрофотографиях, теперь с большим трудом могут быть обнаружены при полевых наземных исследованиях. Бульдозеры сравнивают с землей целые древние поселения, поэтому фотографии с воздуха в наши дни во многих случаях являются единственным источником информации. Удивительным примером того, какое большое количество археологических памятников может быть обнаружено, является карта древнего оазиса Мариб, составленная на основе данных аэрофотосъемки (Gerig, Schoch 1982). К сожалению, большая часть древних развалин, отмеченных на этой карте, бесследно исчезла.

Отрадно, что ученые других стран проводят сходные исследования памятников ирригации в различных районах Йемена. Так, система древней ирригации оазиса вокруг столицы Хадрамаута Шабвы была исследована П. Жантеллем (Gentelle 1991). Во внутренних районах Хадрамаута А. Седов (Sedov 1997) изучил ирригацию древнего Райбуна. Геоархеологическая разведка и картографирование древних памятников в системе долин Джоуфа были осуществлены Кр. Робеном и П. Жантеллем (Robin, Gentelle 1990). В том же Джоуфе Б. Марколонго (Marcolongo 1997) сосредоточил свои исследования на ирригационных системах вокруг Баракиша. В ходе крупного проекта американского

Фонда по изучению человека (American Foundation for the Study of Man 1984) системы ирригации изучались в вади ал-Джуба, а французские коллеги Б. Кок-Делюиль и П. Жантелль (Coque-Delhuille, Gentelle 1997) исследовали их в вади Дура. Все вышеперечисленные исследования проводились во внутренних долинах и оазисах Йемена, основных очагах «классической» южноаравийской цивилизации. Периферия, к которой относятся прибрежные вади, все еще остается малоисследованной. Помимо Лахеджского оазиса только в вади Забид И. Хехмейер и Э. Килом (Hehmeyer, Keal 1993) была предпринята попытка изучения древней и средневековой ирригации.

Исследования ирригации древних оазисов ясно показали, что везде применялся один и тот же метод. Я называю его «йеменская паводковая ирригация» (Brunner 2000:53). Подобная система, безусловно имевшая местные корни, была прекрасно приспособлена к суровым условиям этого засушливого региона. Земледельцы не боролись с разрушительным селем, а лишь использовали его, забирая только часть воды и направляя ее по магистральному каналу с очень пологим уклоном. С помощью различных гидротехнических сооружений им удавалось уменьшить энергию потока. Быстрое и однократное затопление полей способствовало накоплению плодородных ирригационных наносов и смывало соль, образовывавшуюся в процессе предыдущего полива. Система йеменской паводковой ирригации представляла собой очень простой метод, соответствовавший уровню племенного сообщества и приносивший большую отдачу за вложенный труд. Таким образом, его можно назвать устойчивым в любом плане — в социальном, экономическом и экологическом (Brunner 2000:58).

Благодаря подобной системе ирригации экономика древней Южной Аравии основывалась на стабильном земледелии, способном производить достаточно продуктов питания даже во время засушливых периодов, длившихся по нескольку лет. Она являлась также источником той экономической мощи, которая позволяла древним государствам Южной Аравии на равных вести торговлю с государствами Средиземноморья*.

Список цитированной литературы

American Foundation for the Study of Man 1984 — *American Foundation for the Study of Man Publications. Wadi al-Jubah Archaeological Project.* 4 vol. Washington D.C.

Becker 1999 — Becker H. "Test zur magnetischen Prospektion in Hajar Yahirr (Hajar Abu Zayd), Wadi Markha". In: Staatliches Museum für Völkerkunde München (ed.): *Im Land der Königin von Saba.* Munich, S. 262–267.

Bosshard 1996 — Bosshard O. *Die antike Kulturlandschaft im Wādī Marḥa, Republik Jemen.* Master thesis, Dept. of Geography, University of Zurich.

Bowen 1958 — Bowen, Le Baron R. "Irrigation in Ancient Qatabân (Beiḥân)". In: Bowen, Richard Le Baron, Albright, Frank P. (eds): *Archaeological Discoveries in South Arabia.* Baltimore, p. 43–131.

Brunner 1983 — Brunner U. "Die Erforschung der antiken Oase von Mârib mit Hilfe geomorphologischer Untersuchungsmethoden". *ABADY.* Band 2. Mainz.

Brunner 1997a — Brunner U. "The History of Irrigation in the Wādī Marḥah". *PSAS*, vol. 27, p. 75–85.

Brunner 1997b — Brunner U. "Geography and Human Settlements in Ancient Southern Arabia". *AAE*, vol. 8, p. 190–202.

Brunner 1999 — Brunner U. *Jemen — Vom Weinrauch zum Erdöl.* Wien.

* Перевод А.В. Седова.

Brunner 2000 — Brunner U. "The Sustainability of the Ancient Great Dam of Ma'rib in Yemen". *ICID Journal*. Vol. 49, no. 4, p. 49–61.

Brunner, Haefner 1990 — Brunner U., Haefner H. "Altsüdarabische Bewässerungsoasen". *Die Erde*, vol. 121, S. 135–153.

Brunner, Kohler 1996 — Brunner U., Kohler S. "Bewässerung im Jemen". In: *Mare Erythraeum*. Vol. 1. München, S. 171–195.

Caton Thompson, Gardner 1939 — Caton Thompson G., Gardner E.W. "Climate, Irrigation and Early Man in Hadhramaut". *Geographical Journal*, t. XCIII, p. 25–35.

Coque-Delhuille, Gentelle 1997 — Coque-Delhuille B., Gentelle P. "Ancient Irrigation (Sayl) and South-Arabian Anthrosols in the Wadi Dura' Valley (Yemen)". *Paléorient*, vol. 23, p. 5–29.

Fechtig 1996 — Fechtig M. *Die Kulturlandschaft des Wādī Marḥas im ariden Zentrum des Jemens*. Master thesis, Dept. of Geography, University of Zurich.

Gentelle 1991 — Gentelle P. "Les irrigations antiques à Shabwa". *Syria*, vol. LXVIII, p. 5–52.

Gerig, Schoch 1982 — Gerig M., Schoch R. Ma'rib und Umgebung: Luftbild-Mosaik & Karte der Ruinen und Felderwirtschaft des Altertums und Mittelalters. Both maps ca. 1:30'000. In: *Archäologische Berichte aus dem Yemen*. Band 1. Mainz.

Glaser 1913 — Glaser E. *Eduard Glasers Reise nach Mârib*. Edited by Müller, David Heinrich & Rhodokanakis, Nikolas. Wien.

Grolimund 1998 — Grolimund S. *Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft von Laḥağ, Republik Jemen*. Master thesis, Dept. of Geography, University of Zurich.

Hehmeyer, Keall 1993 — Hehmeyer I., Keall E. "Water and Land Management in the Zabid Hinterland". *Al-'Usur al-Wusta. Bulletin of Middle East Medievalists*, vol. 5,2, p. 25–27.

Inizan 1998 — Inizan M.-L. "Spuren früher Besiedlung in Südwestarabien". In: Kunsthistorisches Museum Wien (ed.): *Jemen — Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'*. Wien, S. 103–105.

Kohler *et al.* 2000 — Kohler S., Haefner Y., Gharaei M., Bosshard O., Brunner U. "Annäherung an antike Hochkulturen aus dem Luft- und Weltraum". In: Staatliches Museum für Völkerkunde München (ed.): *Im Land der Königin von Saba*. Munich, S. 238–246.

Loher 1999 — Loher D. *Die antike und islamische Bewässerung in der Oase Laḥağ, Republik Jemen*. Master thesis, Dept. of Geography, University of Zurich.

de Maigret 1996 — de Maigret A. *Arabia Felix — Un viaggio nell' archeologia dello Yemen*. Milano.

Marcolongo 1997 — Marcolongo B. "Les systèmes irrigués de Barâqish". In: Institut du Monde Arabe (ed.): *Yémen, au pays de la reine de Saba*. Paris, p. 78.

Mukheiriz 1989 — Mukheiriz A.A. *Al-Aqaba*. Aden (in Arabic).

Robin, Brunner 1997 — Robin Chr., Brunner U. *Map of Ancient Yemen / Carte du Yémen antique*. 1:1'000'000. Staatliches Museum für Völkerkunde, München.

Robin, Gentelle 1990 — Robin Chr., Gentelle P. *Géo-archéologie de la vallée du Jawf (carte)*. Mission Archéologique Française en République Arabe du Yémen.

Sedov 1997 — Sedov A. "Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im unteren Wādī Dauᶜan (Ḥaḍramawt)". In: *Mare Erythraeum*. Vol. 1. München, S. 31–106.

Vogt, Buffa, Brunner 2002 — Vogt B., Buffa V., Brunner U. "Ma'layba and the Bronze Age Irrigation in Coastal Yemen". *ABADY*. Band 9. Mainz, S. 15–26.

Vogt, Sedov 1999 — Vogt B., Sedov A. "Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr.". In: Staatliches Museum für Völkerkunde München (ed.): *Im Land der Königin von Saba*. Munich, S. 61–65.

von Wissmann 1982 — Wissmann H. von. *Die Geschichte von Saba'. II. Das Grossreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühen 4. Jh. v. Chr.* Wien (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 402. Band).

Wilkinson 1997 — Wilkinson T.A. "Holocene Environments of the High Plateau, Yemen. Recent Geoarchaeological Investigations". *Geoarchaeology*. Vol. 12/8, p. 833–864.

VITTORIA BUFFA
(*Rome*)

Five female figurines from Southwest Arabia and the Horn of Africa

The geographical proximity of the cultures of the Horn of Africa and those of Southwest Arabia, and the well-known later Northeast African contacts with the kingdoms of Saba' and Main seemed in the past to justify the assumption of cultural interactions also in more ancient times. The cultural developments of Ethiopia and Eritrea before the Axumites have often been compared to the better known ancient cultures of 1st millennium South Arabia. During the last two decades, a different picture started to emerge with the intensification of prehistoric research—mainly, although not exclusively, in eastern Sudan. The same is true for Yemen, which witnessed an increasing scholarly interest in the predecessors, roots and genesis of the South Arabian kingdoms.

The subject of this contribution is related to the issue of relations between the coastal Yemen and the Horn of Africa during the Bronze Age.

The Sabir Culture

Our knowledge of cultural developments in coastal Yemen during the Bronze Age has increased to a great extent through the field researches of the Joint German-Russian Expedition, established since 1994 in the Gulf of Aden (Vogt and Sedov, 1997; Vogt and Sedov, 1998). It has been possible to identify a Bronze Age culture—the Sabir culture—defined by a specific pottery assemblage. Extensive excavations at the key-site of Sabir (Province of Lahj) have drawn a picture of a complex society, which had its economic basis in irrigated agriculture and animal husbandry. A stratigraphic sounding at the nearby site of Ma'layba has clarified the immediate predecessors to the Sabir people: here an agricultural community seems to have made the first experiments with irrigation already during the first centuries of the 2nd millennium BC (Buffa, 2000; Buffa, 2002a; Vogt et al., 2002a). Excavations at a shell-midden site in Little Aden and at a cluster of shell-middens in Khor Umayrah (Gulf of Aden coast) has revealed the second subsistence pattern of the Sabir culture: here coastal communities lived on shell and fish gathering; during the Bronze Age they used the same pottery assemblage as the inland sites (Amirkhanov and Vogt, 2002).

A cultural sequence spanning from the last centuries of the 3rd to the first century of the 1st millennium BC has been established through stratigraphic sequences dated with overall 33 radiocarbon determinations (Vogt et al., 2002b; Görsdorf and Vogt, in press). The

© Vittoria Buffa, 2004

pottery assemblage developed through time, while belonging to the same tradition. Two major phases can be detected: phase 1, mainly documented in Ma'layba, from the end of the 3rd millennium to the 14th century BC; phase 2, mainly documented in Sabir, from the 13th to the 9th centuries BC, most probably with a re-occupation of the site prior to the 6th century BC.

Several Bronze Age sites have been surveyed and excavated during the last two decades in the Saudi and Yemeni Tihamah (Keall, 1997; Keall, 1998; Keall, 2000; Tosi, 1985; Tosi, 1986; Zarins et al., 1981; Zarins and Badr, 1986; Zarins and Zahrani, 1985). We can now say, mainly through parallels in the respective pottery assemblages, that they belong to the Sabir culture, that is: from the end of the 3rd to the beginning of the 1st millennium BC one culture stretched from the South Saudi Tihama to the Abyan oasis in the Gulf of Aden. Coastal Yemen belonged to one "cultural province", which, judging from our present knowledge, had little in common with the contemporary developments in the Highlands and Hadramawt.

With a firm chronological sequence associated with a well-established pottery typology, at least for the phase 1, we can now be more specific about possible interactions of Ancient Yemen with the Horn of Africa.

Coastal Yemen and the Horn of Africa

The issue of an African connection of Bronze Age coastal Yemen was put forward already by Zarins with the excavation of the Sihi shell-midden in the Saudi Tihama in the 1980s (Zarins et al., 1981; Zarins and Badr, 1986; Zarins and Zahrani, 1985). In 1997 Fattovich stated the existence of an Afro-Arabian Complex in the mid-2nd millennium BC. According to Fattovich, the Tihama Cultural Complex, with an African cultural background, included coastal Yemen and sites in Eritrea, like Adulis and Matara (Fattovich, 1997).

From an "Arabian" point of view we cannot support the hypothesis of a cultural *koinē* unifying the Horn and Southwest Arabia during the Bronze Age. This model should reflect itself in the archaeological record at least with a vast diffusion of pottery types that we do not find in the areas concerned. Nevertheless the picture that emerges as we compare material cultures is a complex one that involved undoubtedly some kind of interaction.

The Sihi shell-midden in the southern Saudi Tihama yielded a red ware perfectly comparable with Sabir (phase 2) assemblage, and a black ware bearing punctate and incised decorations which resemble motifs of the Jebel Mokram Group, a Pan-Grave related culture in Eastern Sudan. Very few Jebel Mokram-like elements have been found in Sabir; they were been considered imports. Other few "exotic" shards from Sabir resemble only distantly the incised pottery from the archaic layers of Adulis (Paribeni, 1907). Sabir and Sihi red ware assemblages share with the Pre-Axumite and the Onà cultures of Ethiopia and Eritrea some specific pottery types; in spite of the paucity of evidence, cultural interactions involving exchange of commodities are very likely in this case. On the other hand, Sabir, Sihi and the Pre-Axumite pottery share very few impresso decorations, which nevertheless do not appear on the same types of vessels. The taste for incised and punctate decorations is certainly an African one, but the ways and directions in which ideas and different tastes for decorating vessels circulated and changed, first of all in the Horn, remain unclear.

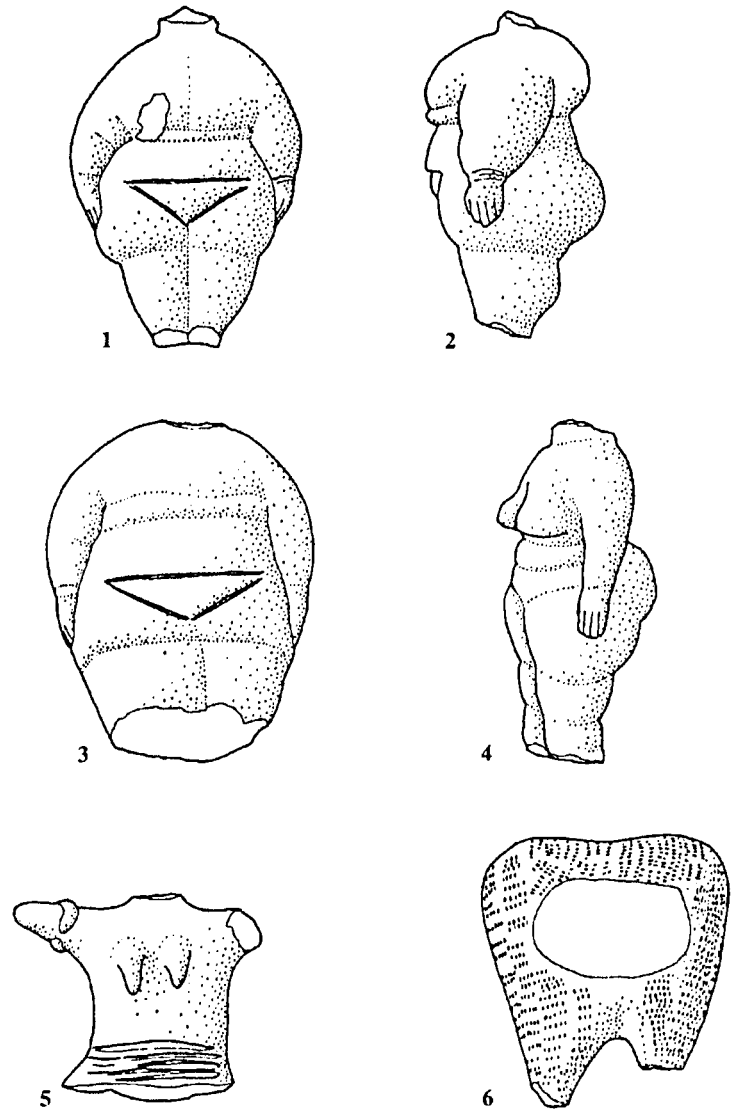


Fig. 1. *1, 2* — Adulis. Limestone. Obese, naked woman in a standing position; the arms are extended along the body; a band supports the breast; the sex is marked by an incised triangle; buttocks are protruding. Head and feet are missing. Height 7 cm. (after Paribeni, 1907); *3* — Matara. Sandstone. Obese, naked woman in a standing position; the arms are extended along the body; a band supports the breast; the sex is marked by an incised triangle. Head and part of legs are missing. Height 7 cm. (after Anfray, 1974); *4* — Matara. Terracotta. Obese, naked woman in a standing position; the arms are extended along the body; the breast is supported by a band; folds of fat on the belly; protruding buttocks. Head and feet are missing. Height 12 cm. (after Anfray, 1974); *5* — Sabir. Terracotta. Bust of an obese, naked woman in a standing(?) position; three folds of fat on the belly marked with incisions; bracelet in relief on the forearm. Head and part of one arm are missing. Height 8 cm. (after Buffa and Vogt, 2001); *6* — Sabir. Terracotta. Lower part of an obese, naked woman in a seated position; protruding buttocks decorated with bands of incised dots. Height 6 cm. (after Buffa and Vogt, 2001).

Within the Sabir culture different geographical locations led to privileged interactions with different areas: exchanges are more clear between the Tihama and Eastern Sudan, while Sabir seems to have interacted more with Ethiopia and Eritrea.

The five female figurines

To this puzzling, and so far limited, picture of the cultural interactions that must have occurred between coastal Yemen and the Horn of Africa we can add another small evidence.

Among the terracotta items from Sabir? are hundreds of figurines, mostly representing animals. Less frequent anthropomorphic figurines show naked obese women usually with three folds of fat on the belly, always associated with protruding buttocks and incisions decorating the lower part (Buffa and Vogt, 2001, fig. 3, 8–10). In South Arabia these figurines were until now known only in the Sabir culture.

Similar figurines have been found in excavations at the ancient port of Adulis and in Matara (Paribeni, 1907, p. 486, 499, 563; fig. 27; Anfray, 1974, p. 752; fig. 1, 2).[1]

Paribeni describes two figurines from Adulis, one is a limestone representation of an obese, naked woman in a standing position (fig. 1, *1*, *2*); the second one, not documented, is described as a terracotta figurine representing a naked, obese woman, similar to the limestone one, with arms extended along the body, breast supported by a band, sex marked by a triangle. Similar finds include two legs of a terracotta figurine, a phallus also in terracotta and a bird. According to Paribeni, the two figurines were found in a mixed context that is not possible to date.

Conti Rossini in his *Storia dell'Etiopia* also published the limestone figurine from Adulis (Conti Rossini, 1928, fig. 45).

Anfray published two figurines from Matara. One is a sandstone representation of an obese standing woman (fig. 1, *3*), the other one is in terracotta (fig. 1, *4*). Anfray did not mention the context which the figurines came from.

With the well-established sequence of the Sabir culture we can say something about Adulis and Matara chronology. Precise parallels for some pottery types have been established between Sabir phase 2, Adulis archaic layers and Matara levels I and II (Anfray, 1996).[2]

In Sabir all figurines are dated to phase 2, and were found mainly on the surface, so to allow a hypothetical dating close to the first half of the 1st millennium BC.

The above-mentioned parallels between Sabir, Adulis and Matara pottery types are the sign of a direct contact between peoples. A different evidence is coming from the existence of a general taste for incised and impresso decorations in the Horn of Africa; this taste has also reached, in different forms, the Tihama and, to a smaller extent, the Gulf of Aden. It can be ascribed to circulation of people and ideas. The same can be said of the female figurines, although due to the lack of an independent chronology of the Pre-Axumite culture, it is difficult, in terms of transmission of culture, to access the precise meaning of this presence.

[1] The author wishes to thank Rodolfo Fattovich for discussing this subject.

[2] On this subject and for bibliography on pottery parallels, see: Buffa and Vogt, 2001; Buffa, 2002b.

Bibliography

Amirkhanov H. and Vogt B., 2002. "Al-Nabwa 2—the Site of the Ancient Fishermen and Mollusk-gatherers on the Aden Gulf Coast (Republic of Yemen)". *Rossijskaja arkheologija*, No. 2, p. 30–43.

Anfray F., 1966. "La poterie de Matarà. Esquisse typologique". *Rassegna di Studi Etiopici*, vol. 22, p. 5–80.

Anfray F., 1974. "Deux villes Axoumites: Adulis et Matara". *Atti IV Convegno Internazionale di Studi Etiopici* (1972). Roma, p. 745–770.

Buffa V., 2000. "Ma'layba: una comunità di agricoltori dell'età del Bronzo nell'entroterra di Aden". *Yemen. Nel paese della Regina di Saba. Exhibition catalogue*. Rome, p. 71–73.

Buffa V., 2002a. "The Stratigraphic Sounding at Ma'layba, Lahj Province, Republic of Yemen". *Archäologische Berichte aus dem Yemen*. Band 9. Mainz am Rhein, p. 1–13.

Buffa V., 2002b. "The Sabir Cultural Sequence in the Frame of the Archaeology of Coastal Yemen and Northeast Africa Bronze Age: A Provisional View". *Vestnik drevnej istorii*, No. 3, p. 175–184.

Buffa V. and Vogt B., 2001. "Sabir—Cultural Identity between Saba and Africa". In: Eichmann R. and Parzinger H. (Hrsg.). *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November1999*. Bonn, p. 437–450.

Conti Rossini C., 1928. *Storia d'Etiopia*, I. Milano.

Fattovich R., 1990. "Remarks on the Pre-Axumite Period in Northern Ethiopia". *Journal of Ethiopian Studies*, vol. 23, p. 1–33.

Fattovich R., 1997. "The Contacts between Southern Arabia and the Horn of Africa in Late Prehistory and Early Historical Times: A View from Africa". A. Avanzini (ed.). *Profumi d'Arabia*. Roma, p. 273–286.

Görsdorf J. and Vogt B., in press. "Radiocarbon Datings from Excavations at Ma'layba and Sabir, Republic of Yemen".

Keall E., 1997. "Do You Want to See the Stones?". *Rotunda*, No. 30 (2), p. 12–19.

Keall E., 1998. "Encountering Megaliths on the Tihamah Coastal Plain of Yemen". *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, vol. 28. London, p. 139–147.

Keall E., 2000. "Changing Settlement along the Red Sea Coast of Yemen in the Bronze Age". *Proceedings of the First International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Rome, p. 719–731.

Paribeni P., 1907. "Ricerche nel luogo dell'antica Adulis". *Monumenti Antichi*, vol. 18, p. 437–571.

Tosi M., 1985. "Tihamah Coastal Archaeological Survey". *East & West*, vol. 35, No. 4, p. 363–369.

Tosi M., 1986. "Survey and Excavations on the Coastal Plain (Tihamah): Preliminary Report for the Italian Archaeological Mission in the Y.A.R." *East & West*, vol. 36, No. 4, p. 400–414.

Vogt B. and Sedov A., 1997. "La culture de Sabr, sur la côte yéménite". In: *Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe*. Paris, p. 42–48.

Vogt B. and Sedov A., 1998. "The Sabir Culture and Coastal Yemen during the Second Millennium BC—Present State of Discussion". *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, vol. 28. London, p. 261–270.

Vogt B., Buffa V. and Brunner U., 2002a. "Ma'layba and the Bronze Age Irrigation in Coastal Yemen". *Archäologische Berichte aus dem Yemen*. Band 9. Mainz am Rhein, p. 15–26.

Vogt B., Sedov A. and Buffa V., 2002b. "Zur Datierung der Sabir-Kultur, Jemen". *Archäologische Berichte aus dem Yemen*. Band. 9. Mainz am Rhein, p. 27–39.

Zarins J., Murad A. and Al-Yaish K., 1981. "The Second Preliminary Report on the Southwestern Province". *Atlal*, vol. 5, p. 9–42.

Zarins J. and Al-Badr H., 1986. "Archaeological Investigations in the Southern Tihamah Plain, II". *Atlal*, vol. 10, p. 36–57.

Zarins J. and Zahrani A., 1985. "Recent Archaeological Investigations in the Southern Tihamah Plain". *Atlal*, vol. 9, p. 65–107.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
(*Санкт-Петербург*)

Керамические находки из раскопок храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте

Советско-Йеменская комплексная экспедиция на протяжении нескольких лет проводила изучение древнего земледельческого оазиса Райбун в Западном Хадрамауте, время существования которого приходится на конец II тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э. (Седов 1996; Sedov 1997:31ff.). В 1988 и 1991 гг. были предприняты раскопки отдельно стоящего комплекса зданий Райбун V (Виноградов 1994; Седов 1996:24–25; Sedov 1997:36–38; 2000:21–23; Sedov, Batayi' 1994:184ff., 193). Этот комплекс еще до раскопок был определен как остатки храма богини Зат Химйам, проведенные исследования подтвердили и конкретизировали такую интерпретацию (Frantsouzoff 1995:15).

Комплекс состоит из трех частей, или, правильнее сказать, трех зданий на каменных цоколях: центрального (западного) здания с алтарем (Здание 2); северного здания, состоящего из серии служебных помещений (Здание 1); небольшого юго-восточного (Здание 3). Очевидно, что главным в комплексе является Здание 2, Здание 1 можно считать храмовой трапезной, а Здание 3, оставшееся неисследованным, — жилой постройкой для храмовых служителей.

Основную массу находок из двух раскопанных построек, как обычно на подобного рода памятниках, составляют керамические материалы. В общем, эти материалы ничем особенным из круга райбунской керамики не выделяются. Почти все сосуды были изготовлены с использованием гончарного круга. В керамическом тесте в большом количестве встречаются примеси рубленой соломы и иной органики, в результате выгорания которой при обжиге структура черепка становилась рыхлой, пористой, а поверхность сосудов приобретала довольно грубый вид, что в особенности характерно для толстостенных сосудов, предназначенных для хранения различных продуктов (т.н. зиры). Почти вся керамика имела лощеную наружную и внутреннюю поверхность, но лощение при этом чаще всего отличается очень плохим качеством исполнения.

Надо признать, что в изучении райбунской керамики к настоящему времени достигнуты неплохие результаты, выработана методика ее типологического и функционального анализа (см.: Виноградов, Ба-Махрама 1995; Виноградов 1996; Sedov 1996:69ff.). В этом плане представляется принципиально важным кроме обязательного функционального дробления керамического комплекса (столовая, кухонная посуда, сосуды для хранения и пр.) обращать внимание на толщину стенок сосудов (тонкостенная — до 0,5 см, средняя — 0,5–1 см, толстостенная — более 1 см). Чрезвычайно важным методическим принципом изучения такого массового археологического материала, каким является керамика, необходимо признать также статистическую оценку

© Ю.А. Виноградов, 2004

всего имеющегося массива находок по составляющим его категориям. Сравнение статистических характеристик различных памятников и даже отдельных зданий, слоев и т.д. позволит лучше понять их своеобразие. В отношении Райбуна V представляется оправданным провести раздельный анализ керамических находок из обоих названных выше исследованных зданий. Сопоставление полученных результатов, вне всякого сомнения, принципиально важно для определения специфики каждого из зданий, той функции, которую они выполняли в рамках всего храмового комплекса.

Здание 2 (святилище)

В общей сложности при исследовании этой постройки было обнаружено 1514 керамических фрагментов и целых сосудов. Весь комплекс керамики при статистической оценке распределяется следующим образом.

Таблица I

№ п/п	Наименование категорий керамики	Количество	Процент (%)
1	Столовая посуда:		
	тонкостенная	215	14,2
	средняя	529	34,9
2	Кухонная	28	1,9
3	Зиры (толстостенная керамика):		
	горшковидные	115	7,6
	других типов	627	41,4
ИТОГО		1514	100

В плане соотношения различных категорий сосудов в керамическом комплексе Здания 2 необходимо обратить внимание на ряд его особенностей. Прежде всего, очень незначительный процент кухонной посуды (всего 1,9%), а во-вторых, чрезвычайно большое количество толстостенной керамики (в общей сложности 49%). В жилых постройках Райбуна такой картины не зафиксировано нигде. Кухонная посуда в них составляет от 14 до 17%, количество ее ничтожно лишь в складских помещениях — всего 0,8% (см.: Виноградов 1996:74, табл. I). Что касается толстостенной керамики (зиров), предназначенной для хранения различных продуктов, то необходимо подчеркнуть, что даже в комплексах, которые можно считать складскими, ее количество в среднем не превышает 35% (Виноградов 1996:74, табл. I, 75).

В типологическом аспекте о таком своеобразии керамического комплекса говорить не приходится, его вполне можно признать «классическим райбунским». Тонкостенная столовая посуда в основном представлена фрагментами чаш с вертикальными или несколько отогнутыми наружу или, наоборот, несколько загнутыми внутрь стенками (рис. 1, *1–5*). Иногда такие чаши имели изящный поддон (рис. 1, *3*), но чаще были плоскодонными с характерным выступом внутрь в центральной части (рис. 1, *1–2*). Орнаментация этих сосудов очень бедна, чаще всего она сводится к узкой углубленной полосе под венцом. Исключением из правила является чаша, обнаруженная перед алтарем; этот экземпляр украшен фризом из прочерченных треугольников с наколами, а также налепом с одной (лицевой) стороны (рис. 1, *1*).

Более толстостенные чаши, или, правильнее сказать, чаши со средней толщиной стенок, характеризуются теми же признаками (рис. 1, *6–15*), но в их совокупности отчетливо выступает группа сосудов с косо срезанным краем (рис. 1, *11–13, 15*). Такое оформление края характерно для позднего развития райбунской керамики, что хорошо засвидетельствовано на других объектах древнего оазиса, которые подвергались археологическому изучению (Виноградов 1996:74, табл. LVII, 2, 4, 6–8, 12). Обращает на себя внимание наличие на некоторых находках букв, прочерченных по сырой глине на стенках с лицевой стороны (рис. 1, *6*), что нельзя признать обычным для керамики такого типа на других раскопанных участках Райбуна.

Широко представлены чаши с сильно загнутыми внутрь стенками (рис. 1, *16–24*); целый такой сосуд, отличающийся неплохим лощением красного цвета, был обнаружен около алтаря (рис. 1, *16*). На лицевой стороне чаш порой встречаются прочерченные по сырой глине буквы (рис. 1, *24*), в одном случае они отштампованы (рис. 1, 20); найден один фрагмент с граффити (рис. 1, *17*). В наборе чаш с сильно загнутыми внутрь стенками преобладают сосуды, край которых лишен профилировки; вместе с тем здесь достаточно обычны и образцы с краем, чуть оттянутым вверх, и горизонтальным желобком под ним (рис. 1, *17–19*). Такая профилировка края является еще одним из поздних признаков местной керамики (Виноградов 1996:74, табл. LVII, 22–26).

Для кухонной посуды Райбуна характерны широко открытые круглодонные кастрюли, которые изготавливались из своеобразной, очень плотной керамической массы, которая явно имитирует структуру стеатитовых сосудов; А.В. Седов их именует stoneware (см.: Sedov 1995:107–109, fig. 5, 1, 2; 1996a:270–271, fig. 20, 4–6). На вертикальных стенках таких сосудов всегда имеются налепы-ушки, при этом поздние кастрюли отличает расположение ушек непосредственно под краем, на верхней уплощенной поверхности которых к тому же часто прочерчивались буквы. Более ранние образцы имели иное расположение ушек, и буквы здесь прочерчивались на стенках с внутренней стороны (см.: Виноградов 1996:74, табл. LVII, 34–36, 39–40; 80, табл. LXII, 1–5; 83, табл. LXIV, 20–22). Среди очень немногочисленных находок кухонной посуды, происходящих из святилища Райбуна V, имеются фрагменты обоих типов (рис. 1, *25, 26*). В высшей степени любопытно, что все они лишены характернейших признаков обычных кастрюль — налета сажи с лицевой стороны. Иными словами, есть веские основания полагать, что кухонная керамика здесь не использовалась по своему прямому назначению.

Фрагменты толстостенных зиров, найденные при исследовании Здания 2, относятся к различным типам и в принципе демонстрируют основные этапы эволюции крупного сосуда на поддоне, предназначенного для хранения воды, сельскохозяйственной продукции и т.п. (ср.: Виноградов 1996:75 сл.; 80 сл., 83). Первый — сосуд с вертикальными прямыми стенками, невыделенным краем, на тулове обычно имеется горизонтальный валик, украшенный насечкой (рис. 1, *32*). Второй, более поздний тип — сосуд, стенки которого у края заметно расширяются и край оттягивается внутрь, намечается его «клювовидность» (рис. 1, *31, 33*). Эти сосуды имеют надписи, прочерченные по сырой глине на стенках с внутренней стороны. Наконец, на самых поздних зирах «клювовидность» края приобретает, так сказать, законченные очертания, а надписи прочерчиваются или штампуются по венцу сверху (рис. 1, *37–39*).

Синхронно с последними из названных типов зиров появляются крупные горшковидные сосуды с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом, для которых

характерна зеленовато-серая мелкопористая керамическая масса (Виноградов 1996:76, табл. LVIII, 12–15). Среди находок из святилища фрагменты зиров этого типа достаточно многочисленны, они составляют почти 8% всех керамических материалов (рис. 1, *27–29*). Один из таких сосудов, вероятно, стоял наверху алтаря (рис. 2). На его поверхности имеются граффити, которые исполнены в двух различных манерах (более глубоко и тщательно прочерченные буквы и небрежно нанесенные знаки) и составляющие, скорее всего, две разновременные надписи. Следует отметить также, что на некоторых фрагментах стенок горшковидных зиров встречаются штампованные буквы, что нетипично для подобных сосудов; на одном фрагменте отштампована даже целая монограмма (рис. 1, *27*).

В заключение данного раздела необходимо подчеркнуть, что общий набор керамических форм святилища является достаточно обычным по отношению к другим памятникам района, однако здесь имеются и определенные особенности, о некоторых из которых уже говорилось выше. Очень показательны в этом отношении чаши, обнаруженные перед алтарем (рис. 1, *1, 16*), и фрагмент керамического таза с налепом под краем в виде головы быка (рис. 1, *30*). Имеющиеся находки позволяют утверждать также, что, несмотря на обычность состава форм посуды, в керамическом комплексе святилища имеется немало специфического, что заметно в способах орнаментации сосудов и в особенности в количественном соотношении составляющих его групп. Конечно, все эти черты своеобразия следует связывать в первую очередь с культовой функцией здания.

Здание 1

При исследовании Здания 1, которое по площади почти не отличается от Здания 2, но состоит из двух половин (церемониальный зал с прилегающими помещениями и трапезная), было найдено 1733 обломка различных керамических сосудов. При статистической оценке керамический комплекс распределяется следующим образом.

Таблица II

№ п/п	Наименование категорий керамики	Количество	Процент (%)
1	Столовая посуда:		
	тонкостенная	386	22,9
	средняя	783	43,6
2	Кухонная:		
	типичная	34	2,1
	нетипичная	191	11,3
3	Толстостенная (зиры)	339	20,1
	ИТОГО	1733	100

Следует сразу подчеркнуть, что соотношение различных категорий керамики Здания 1 заметно отличается от соотношения, которое приведено выше для Здания 2. В принципе эта статистическая картина (13,4% кухонной керамики и 20,1% зиров) гораздо ближе к керамическим комплексам жилых построек Райбуна (ср.: Виноградов 1996:74, табл. I, ранние комплексы и сырцовые постройки; 79, 82).

В плане типологическом, однако, такого различия практически не наблюдается — керамический набор Здания 1, за некоторыми исключениями, повторяет типы, которые характерны для Здания 2. Тонкостенная столовая посуда в основном представлена фрагментами чаш с вертикальными или несколько загнутыми внутрь стенками. Иногда такие чаши украшались узким желобком под краем (рис. 3, *3*), который порой дополнялся округлыми налепами (рис. 3, *1*). Вообще же орнаментация керамики Райбуна V, как уже не раз отмечалось, чрезвычайно бедна.

Самым распространенным типом более толстостенной (со средней толщиной стенок) столовой посуды опять же является чаша с вертикальными или чуть загнутыми внутрь стенками (рис. 3, *2, 4, 5–13*). Очень характерны среди них сосуды, стенки которых плавно закругляются к дну, имеющему своеобразное вдавление или выступ внутрь (рис. 3, *18*).

Среди чаш выделяется группа сосудов с краем, оформленным в виде вертикального бортика и округлым дном (рис. 3, *2, 4*). Более крупные их образцы, по всей видимости, снабжались поддоном. Многие экземпляры имеют край с характерным косым срезом (рис. 3, *4, 10, 11*), что, напомним, очень типично для позднего этапа развития райбунской керамики.

Всего на одном обломке чаши сохранилась часть своеобразной дугообразной ручки, укрепленной непосредственно на крае (рис. 3, *17*).

Орнаментация всех этих сосудов редка и крайне скудна, по существу она сводится к обычным углубленным линиям под краем. Очень редки даже простые фризы из прочерченных вертикальных и наклонных линий (рис. 3, *13*). Исключением из правила является чаша на поддоне (рис. 3, *27*), край которой оформлен в виде невысоких выступов или зубцов; под краем помещен дугообразный налеп с насечкой на его поверхности (месяц?), внутри пространства, ограниченного дугой, расположен округлый налеп (звезда?). Аналогии подобной орнаментации можно найти не столько в райбунской керамике (см.: Седов 1996: табл. XXIV, 5), сколько в орнаментации некоторых каменных курильниц; одна такая курильница найдена при раскопках Здания 1 (Виноградов 1994:92, рис. 4, 9; ср.: Radt 1973: Taf. 24, 66; 25, 67).

Фрагменты сосудов, по форме подобных чашам, но имеющих утолщенный край, можно отнести к типу мисок (рис. 3, *14–16*). Размеры мисок и особенности профилировки венца могут сильно варьировать.

К чашам по форме близок еще один тип сосудов с округлым туловом и стенками, сужающимися к непрофилированному венцу (рис. 3, *19–22*). Некоторые их образцы имеют небольшой, почти незаметный отгиб венца вверх, что создает своего рода желобок под краем с наружной стороны (рис. 3, *19–20*). Возможно, дно этих сосудов было закругленным с характерным прогибом внутрь (рис. 3, *23*).

Единственным фрагментом представлен чрезвычайно показательный в хронологическом отношении тип горшковидного сосуда, орнаментированного на переходе к плечикам волнистой линией, прочерченной по сырой глине (рис. 3, *24*). Такие сосуды очень характерны для позднего этапа культуры Райбунского оазиса (Виноградов 1996:74, табл. LVII, 27–29). Весьма интересен также обломок стенки сосуда с ручкой-ушком, имеющим вертикальный прокол (рис. 3, *25*).

Набор кухонной керамики Здания 1 в высшей степени любопытен и очень показателен. Сразу следует отметить, что обычная для жилых комплексов Райбуна кухонная посуда (кастрюли с округлым дном, т.н. stoneware) здесь очень немногочисленна

(всего 2,1%), к тому же некоторые из этих сосудов не использовались по прямому назначению и имели абсолютно чистые, незакопченные стенки. Тем не менее фрагменты сосудов с округлым дном, вертикальными стенками и ушками под непрофилированным краем при исследовании Здания 1 были найдены (рис. 4, *1–5*). Признаком, характерным для позднего этапа развития этих сосудов, как уже отмечалось выше, являются буквы, прочерченные на ушках сверху (рис. 4, *4–5*).

Еще один тип кухонной посуды — так называемые жаровни, имеющие вид плоских тарелок с очень неглубоким вместилищем (рис. 4, *6*). Следует обратить внимание, что жаровни представлены только в находках из Здания 1, в Здании 2 они отсутствуют.

Вся керамика этой функциональной группы имеет плотную структуру темно-серого или черного цвета с примесью дробленого камня и большим количеством блесток. Как уже говорилось выше, весьма вероятно, что в данном случае керамисты копировали каменные сосуды, которые изготавливались из стеатита.

Однако пища в «трапезной» храма готовилась не в обычных кастрюлях, а совсем в другой посуде — крупных столовых сосудах (рис. 4, *7–8*), керамических тазах (рис. 4, *12*) и даже небольших зирах (рис. 4, *9–11*). Стенки этих сосудов имеют характерный налет копоти с наружной стороны. Единственное разумное объяснение подобной ситуации, как представляется, можно найти в том, что для приготовления пищи в необходимых количествах здесь были нужны сосуды значительно более крупные, чем обыкновенные кастрюли. Все это, безусловно, позволяет предполагать существование обычая совместных ритуальных трапез, которые проводились в этой части храмового комплекса и в которых, надо думать, участвовало большее количество людей.

Среди толстостенной керамики (зиры) широко представлены сосуды с оттянутым внутрь клювовидным венцом (рис. 5, *1–4, 6–9, 11, 14–18*). Некоторые из них украшены лишь волнистой линией, проведенной по сырой глине под краем (рис. 5, *1, 11*). Орнаментация других несколько сложней, они имеют горизонтальный валик и проведенную над ним волнистую линию (рис. 5, *14–16*). Как правило, на венцах таких сосудов отштампованы буквы, составляющие целые надписи. Как уже было сказано выше, «клювовидная» профилировка венца, а также расположение и способ нанесения букв — поздние признаки для рейбунской керамики.

Именно к последней разновидности зиров относятся сосуды, обнаруженные в одном из помещений около церемониального зала; особенности их залегания позволяют уверенно считать, что сюда зиры рухнули сверху. Типологически они очень близки друг другу. Различие заключается лишь в том, что на одном надпись нанесена на венце (рис. 6), а на другом прочерчена на стенке с внутренней стороны (рис. 7). Последнее, что уже отмечалось, характерно для более ранней керамики (Виноградов 1996:80, 83, табл. LXII, 12; LXIV, 29). Как видим, находки, сделанные при исследовании Здания 1, позволяют предполагать, что в истории производства райбунских зиров был период, по всей видимости не очень продолжительный, когда на одном сосуде могли сочетаться поздняя профилировка венца и раннее расположение надписи.

Еще один тип зиров — сосуды с чуть утолщающимися к краю стенками. Как правило, стенки имеют наклон внутрь (рис. 5, *5, 12*), реже — наружу (рис. 5, *13*). Характер орнаментации аналогичен описанному выше: горизонтальный валик, иногда имеющий насечку, и волнистая линия над ним. Надписи на сосудах этого типа наносились в соответствии с более ранней традицией, т.е. на стенках с внутренней стороны (рис. 5, *13*).

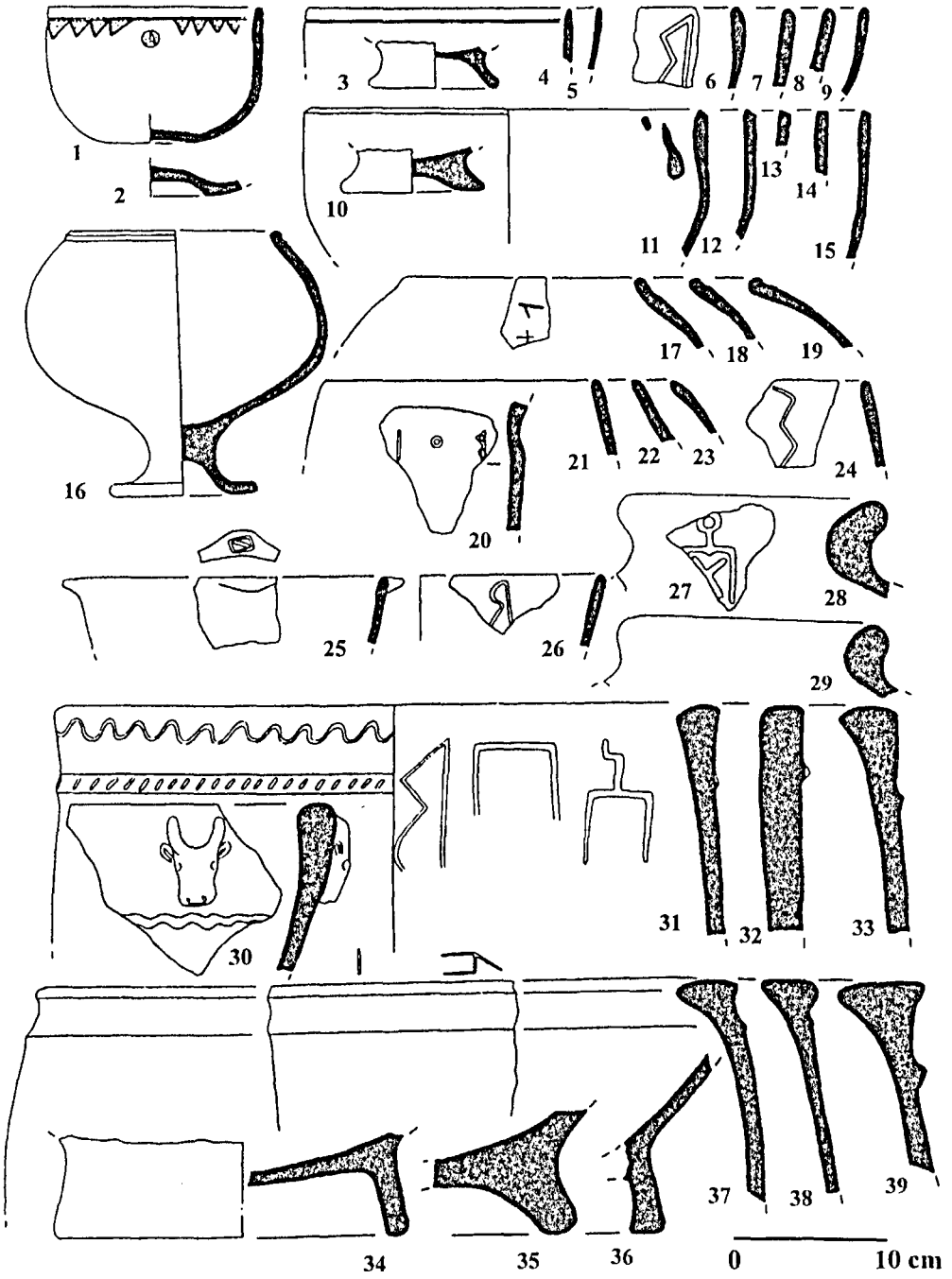
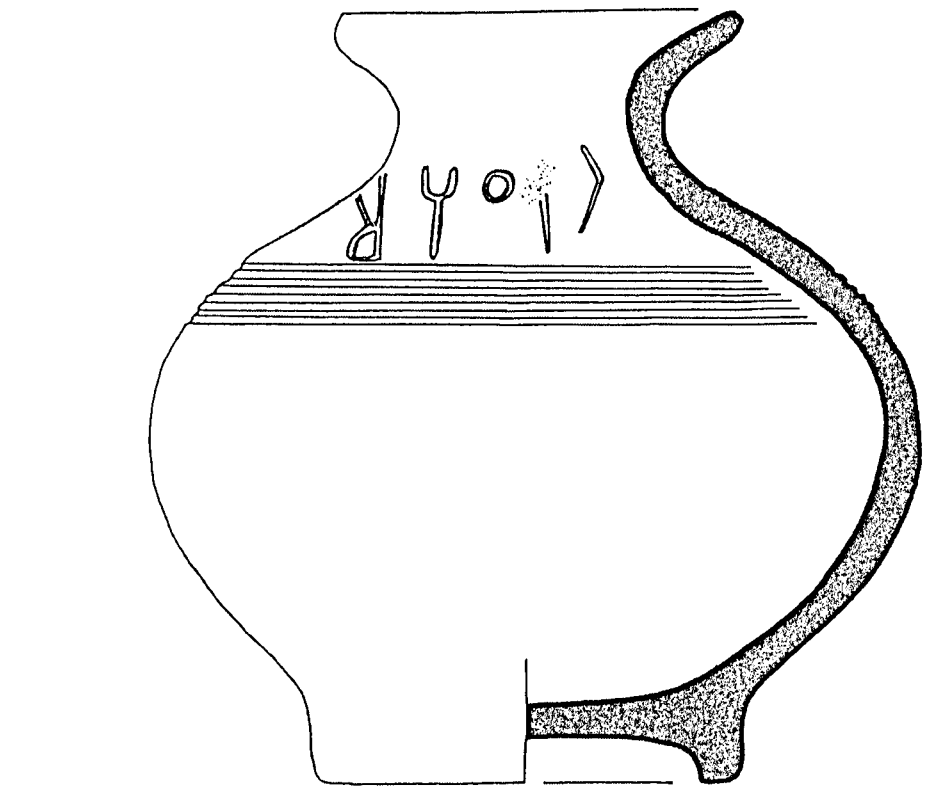
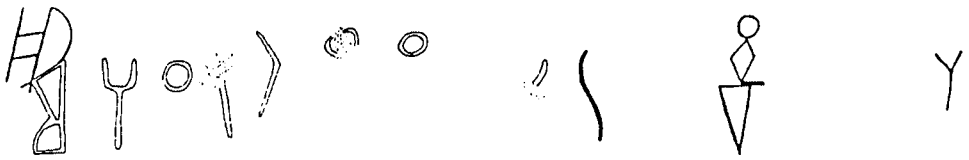


Рис. 1. Керамические находки из Здания 2



1

0 5 см



2

0 5 см

Рис. 2. «Горшковидный» *зир* с граффито из Здания 2.
1 — сосуд; *2* — граффито

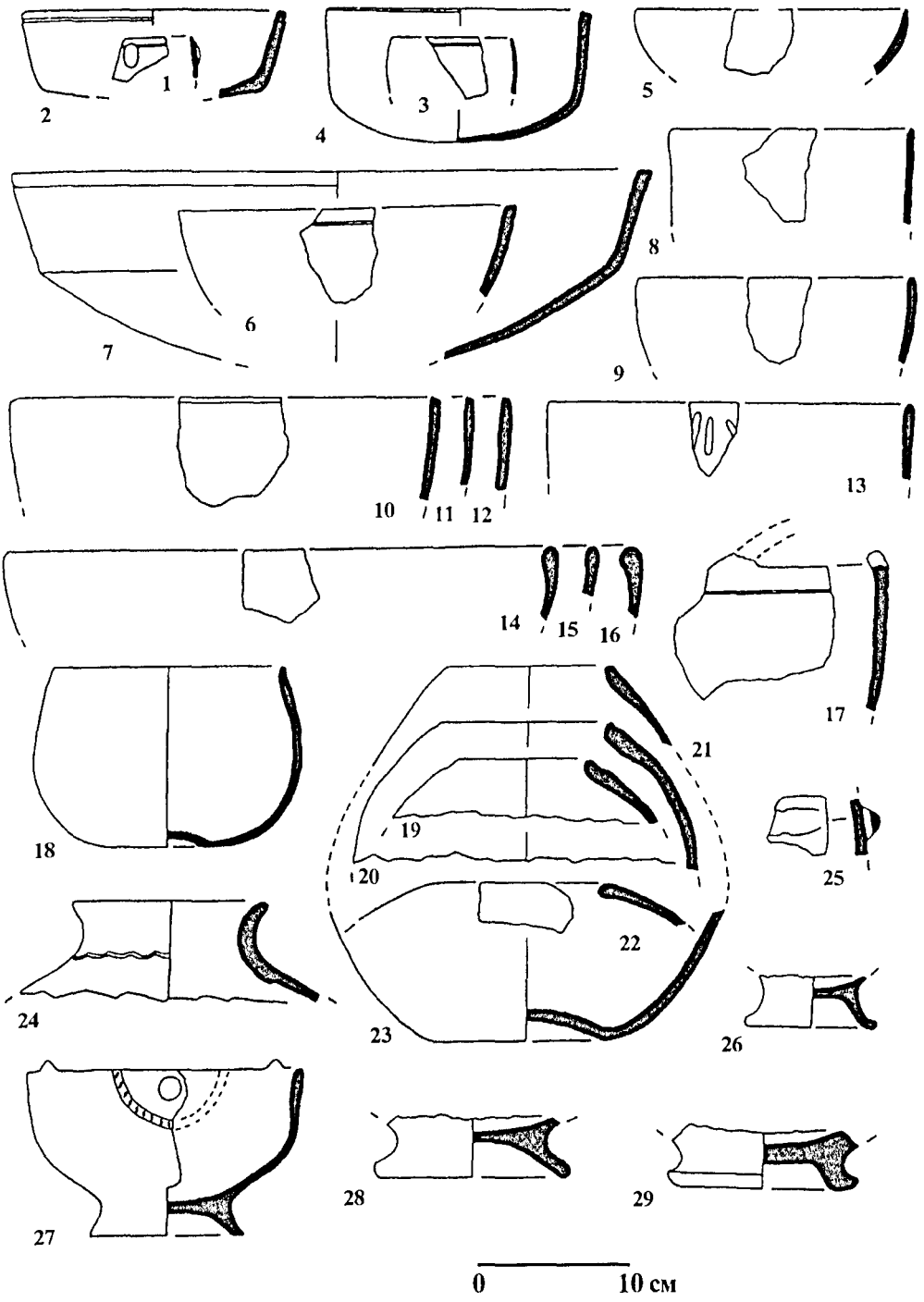


Рис. 3. Столовая керамика из Здания 1

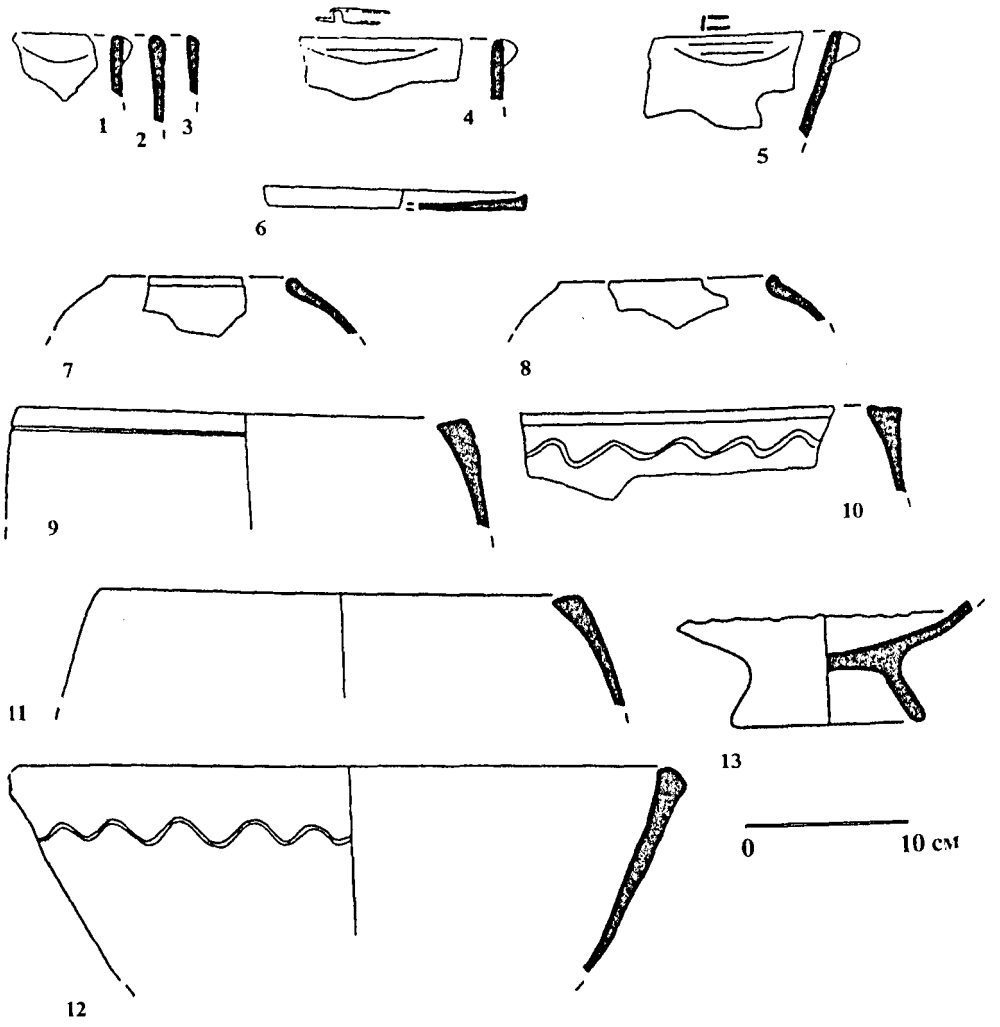


Рис. 4. Кухонная керамика из Здания 1

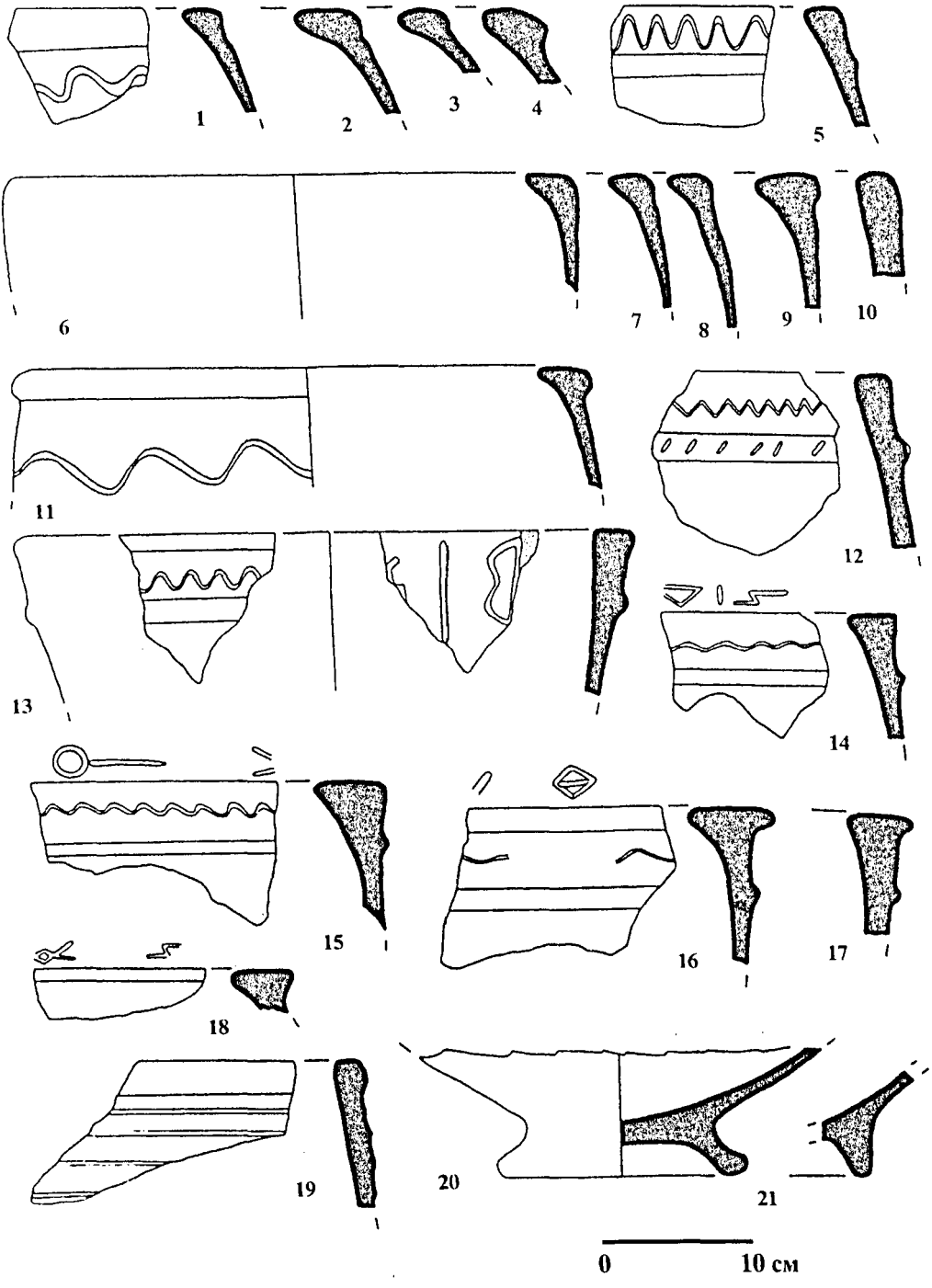


Рис. 5. Толстостенная керамика из Здания 1

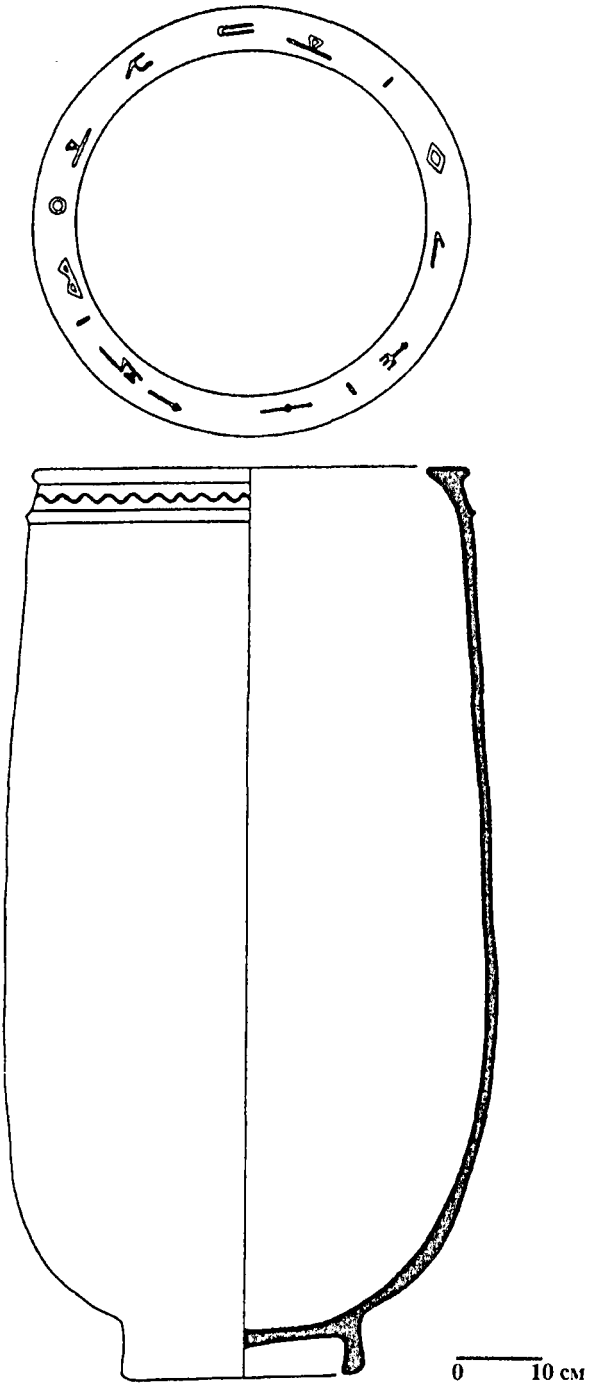


Рис. 6. *Зир* с надписью по венчику

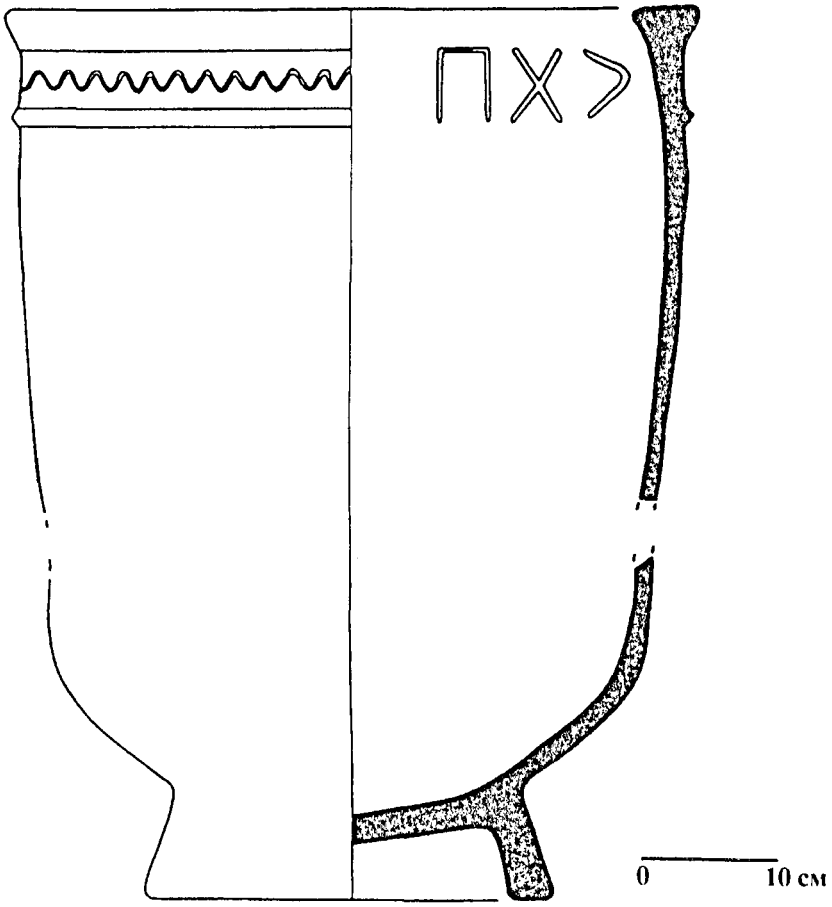


Рис. 7. *Зир* с надписью на внутренней стороне стенок

Единственный обломок относится к зиру с чуть наклонными внутрь стенками, наружная поверхность которых покрыта желобчатым орнаментом (рис. 5, *19*). В известных нам материалах райбунской керамики близких ему аналогий нет.

Любопытно также, что при раскопках трапезной и церемониального зала не было обнаружено ни единого фрагмента так называемых горшковидных зиров, хотя при исследовании святилища они встречались (см. выше).

Изучение керамических находок, как видим, действительно позволяет лучше обрисовать своеобразие каждого из зданий, входивших в храмовый комплекс, поддержать ту или иную их функциональную интерпретацию. По моему глубокому убеждению, мы не используем всех информативных особенностей этой самой массовой категории археологического материала, а значит, специальное исследование райбунской керамики должно быть продолжено.

Список цитированной литературы

Виноградов 1994 — Виноградов Ю.А. «Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V)». *Археологические вести*, вып. 3, с. 88–95.

Виноградов 1996 — Виноградов Ю.А. «Археологические исследования на участке Здания 6». В: *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II.* Отв. ред. А.В. Седов и П.А. Грязневич. М., с. 68–84.

Виноградов, Ба-Махрама 1995 — Виноградов Ю.А., Ба-Махрама М.А. «Опыт сравнительного анализа керамических комплексов Здания 6 и Участка I на городище Райбун I». В: *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том I.* Отв. ред. П.А. Грязневич и А.В. Седов. М., с. 103–111.

Седов 1996 — Седов А.В. «Райбун I — комплекс археологических памятников в низовьях вади Дау'ан». В: *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II.* Отв. ред. А.В. Седов и П.А. Грязневич. М., с. 19–30.

Frantsouzoff 1995 — Frantsouzoff S.A. "The Inscriptions from the Temples Dhāt Ḥimyam at Raybūn". *PSAS*, vol. 25, p. 15–28.

Radt 1973 — Radt W. *Katalog der Staatlichen Antikensammlung von Sana und anderer Antiken in Jemen*. Berlin.

Sedov 1995 — Sedov A.V. "Bi'r Ḥamad: A pre-Islamic Settlement in the Western Wādī Ḥaḍramawt. Notes of the Archaeological Map of the Ḥaḍramawt, 2". *AAE*, vol. 6, p. 103–115.

Sedov 1996 — Sedov A.V. "On the Origin of the Agricultural Settlements in Ḥaḍramawt». In: Chr.J. Robin and I. Gajda (eds). *Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991*. Roma (Serie Orientale Roma LXX, 1), p. 67–86.

Sedov 1996a — Sedov A.V. "Monuments of the Wādī al-'Ayn. Notes on an Archaeological Map of the Ḥaḍramawt, 3". *AAE*, vol. 7, p. 253–278.

Sedov 1997 — Sedov A.W. "Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im Wādī Dau'an". *Mare Erythraeum*. Bd. 1. München, S. 31–106.

Sedov 2000 — Sedov A.V. "Temples of Raybun Oasis in Wadi Hadramawt, Yemen". *Adumatu*, vol. 2, p. 15–26.

Sedov, Batayi' 1994 — Sedov A.V., Batayi' A. "Temples of Ancient Hadramawt". *PSAS*, vol. 24, p. 183–196.

PAOLO M. COSTA
(*Rome*)

Patterns of urban settlement and building features in South Arabia in the light of the available written sources and the results of recent field work

During the two centuries, which have elapsed from the cultural expedition which accompanied Napoleon's invasion of Egypt, archaeological research has covered an immense ground and widened its scope and the complexity of its investigation methodology.

The discovery of Pharaonic Egypt and the popular appreciation that followed were among the reasons for scholars to move their interest away from the ancient "classic" world: besides Greece and Rome, archaeologists became aware of other civilisations. Through Palestine, Syria, Jordan and Mesopotamia, fieldwork gradually moved towards the Gulf. The Indian Ocean, previously seen only as an empty expanse of water at the southern fringe of the world, appeared soon to be at the centre of an immense territory, rich in all sorts of commodities, a waterway used by fishermen, traders and seafarers from all the countries along the African, Arab, Indian, Indonesian and Chinese coasts. At the centre of this world the Arabian Peninsula extends like a huge jetty: a geographical location that reflects Arabia's vocation as a link between Asia, Africa and the Mediterranean. Its geo-economic role is well represented by an early map of the East India Company (dated 1670) with an unusual north-south view of the region (fig. 1).

The interest of modern scholarship for ancient Arabia remained for a relatively long time confined to a handful of specialists, and did not include students of the art history of the Islamic period. This explains the somehow strange and perplexing attitude of some leading scholars, like Creswell, who could write: "Arabia, at the rise of Islam does not appear to have possessed anything worthy of the name of architecture". We can really say that the research of the last 7 or 8 decades has uncovered evidence of settled Arabia, against the common image of a desert land populated only by nomads.

Through the reports of enlightened early visitors, like Doughty, Philby, Wellsted, Burkhardt, Huber, Niebuhr, von Wissmann and van der Meulen, to mention but a few, the awareness of the existence of rich urban centres, not only along the coasts, but also in many areas of the interior, reached an ever growing public, besides the few specialists. Perhaps the most striking revelation were the first views of the old Yemeni towns. Particularly impressive were the towns of Wadi Hadramawt: with the compact layout of its multi-storey houses the town of Shibam, in particular, amazed all travellers with the refinement and size

© Paolo M. Costa, 2004

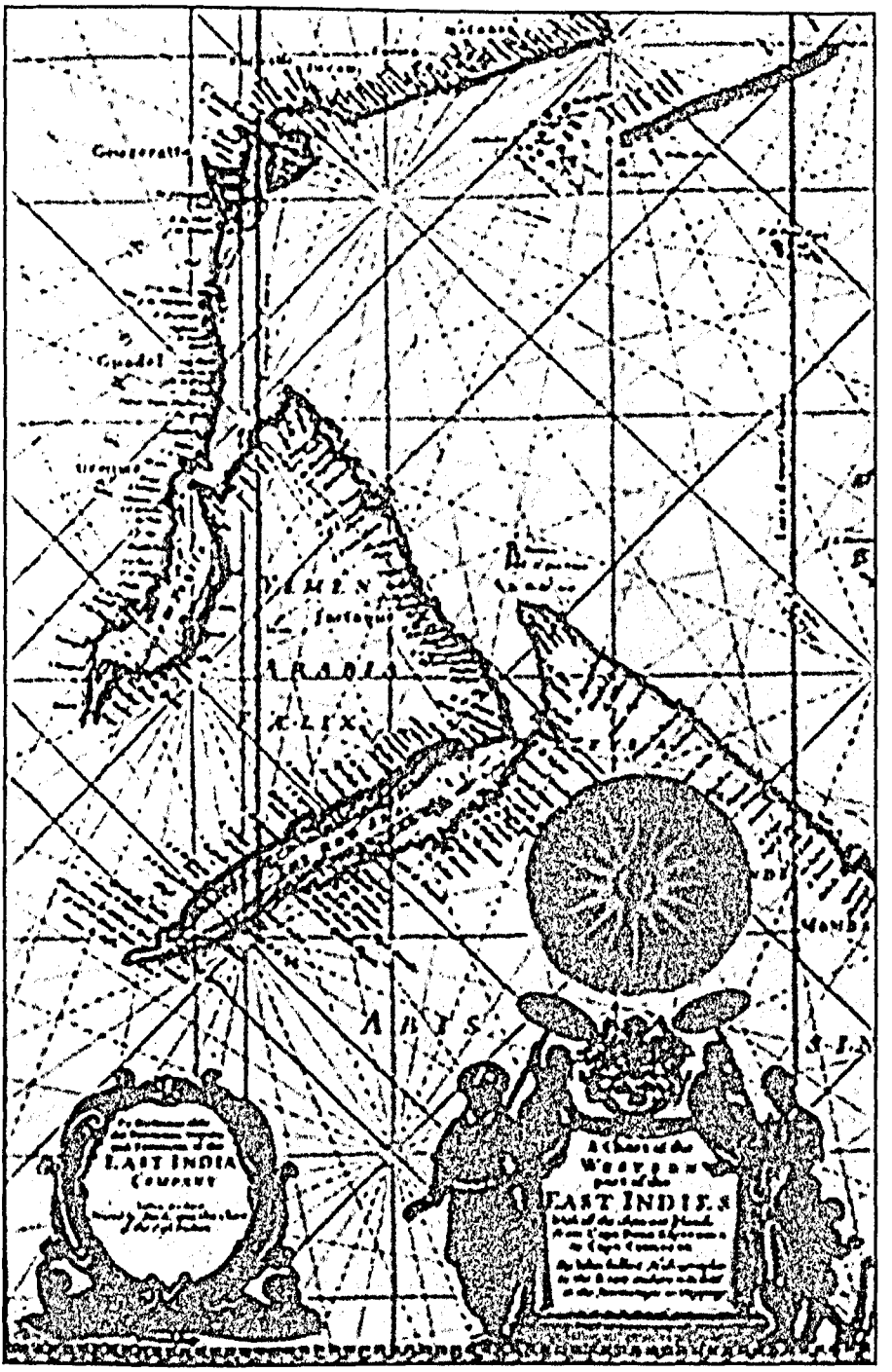


Fig. 1. Chart of Western Part of the East Indies

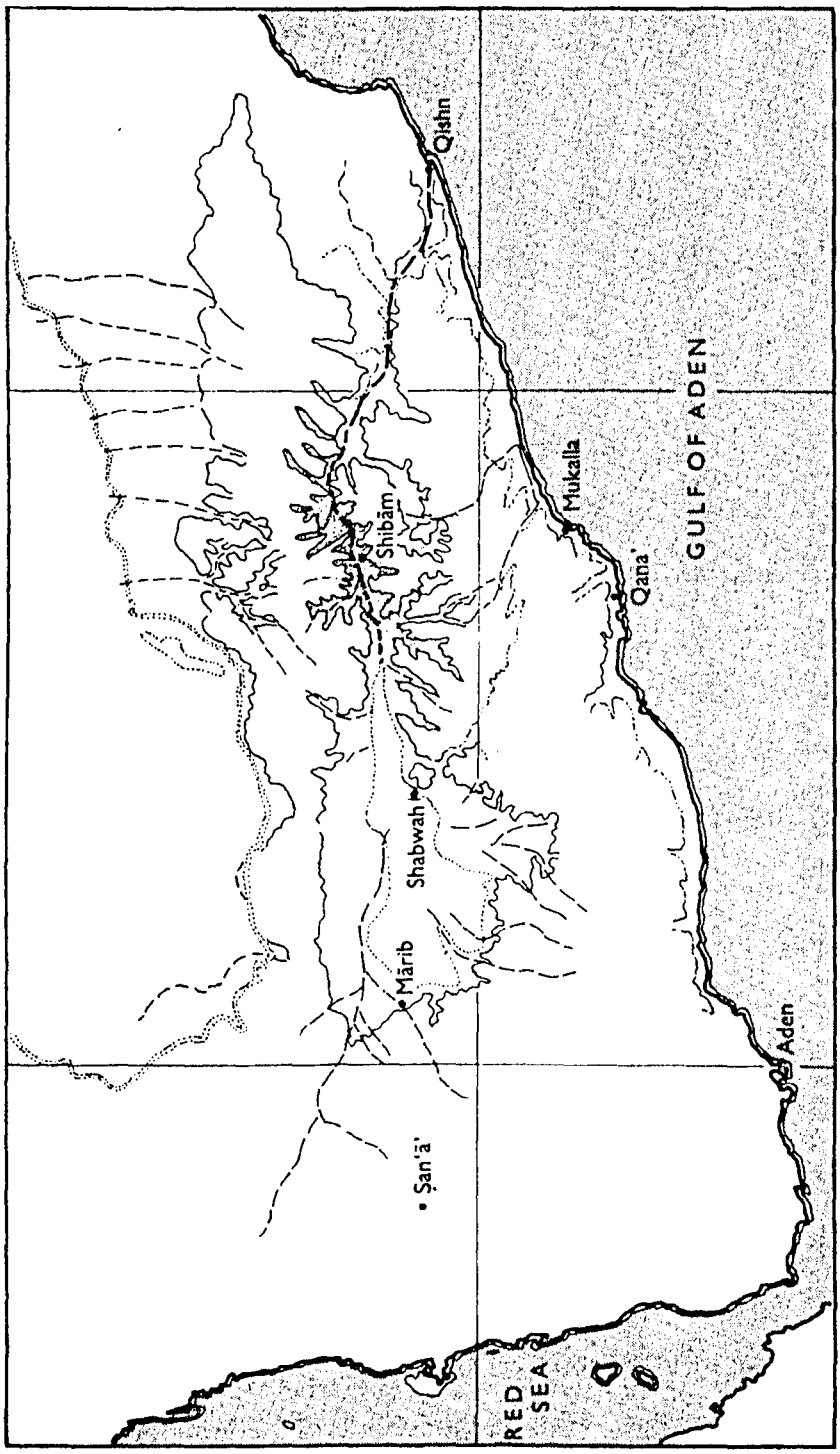


Fig. 2. The Wadi Hadramawt shown in relation to the coast of South Arabia (from Lewcock 1986)

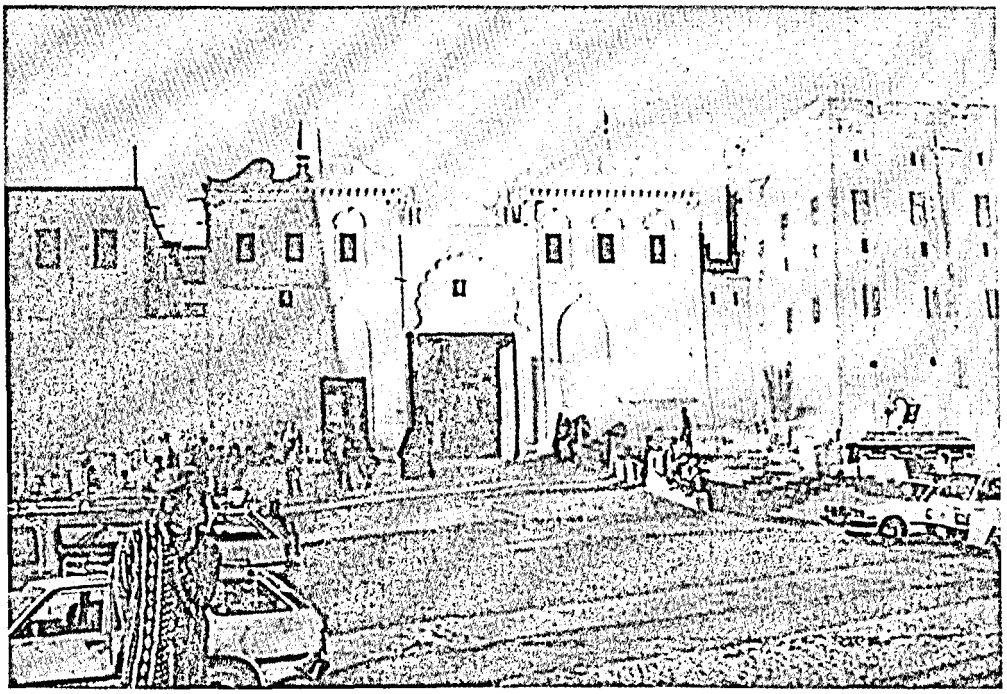


Fig. 3. Gate of Shibam (Siddah) from the wadi

of its high rising mud brick architecture, to become nicknamed the "Manhattan of the desert."

Naturally, we know well that the reality of that beautiful, impressive city is far from being the one which is conveyed by the cited expression, but it is a fact that the appearance of Shibam makes it outstandingly unique among the largest urban settlements of South Arabia.

Shibam is located in the middle Wadi Hadramawt, at a point where the valley narrows and many routes converge (fig. 2). The setting is undoubtedly very special: the main quarter of the town, called al-Bilad, appears as a cluster of tall, densely packed houses, rising on the northern bank of the wadi from a mound which is about seven metres higher than the wadi floor (perhaps formed by the debris of an earlier settlement).

The mass of houses (about 500 are counted within the walls) forms an almost regular rectangular shape, surrounded on all sides by a fortified wall, which can be entered from the wadi through a monumental gate, popularly known as the "Siddah", near the south-eastern corner of the town. The gate, rebuilt in 1880 with typical 19th century eclectic style, has two passages: a larger way in the centre, used for the general traffic, and a smaller door on the left reserved to pedestrians (fig. 3). Inside the Siddah a wide square overlooked on the eastern side by two large buildings opens, once the Sultans' residence (fig. 4).

Across the wadi lies the large suburban quarter called al-Sahil, where houses of various sizes are scattered amidst former gardens, along the foot of Jabal al-Khibba, a long mountain range projecting from the *jol* plateau. In recent years this garden suburb has

absorbed most of the impact of an ever-growing urban expansion, obviously unfeasible within the walled town and the vast cultivated area to the north of it.

On account of the location along the banks of a large wadi and the type of technique employed in the construction, it is reasonable to believe that most buildings of Shibam have been rebuilt or heavily restored in the course of the long life of the town: we know from historical sources that, at least two times (in the years 698/1298 and 939/1532), disastrous floods had caused severe damages to the town (Lewcock 1986: 93). The oldest surviving house of Shibam is reputed to be Bayt Jarhum, which, in the opinion of several informants, should be at least 500 year old. The building, surveyed and measured by R. Lewcock on behalf of UNESCO (Lewcock 1986), has a very fine and distinctive stucco decoration, which matches the particularly rich latticed wooden windows and ornamented niches and fanlights. Window screens and niches are very similar to those of the Dhofari tower houses (Costa, Kite 1985: passim). The oldest date available is carved on the door frame of the house of Ali ibn Hayasa: 1130/1717. A complete and detailed description of the average house falls beyond the scope of the present paper: the reader can find detailed information in a number of specific monographs and articles. Some distinctive architectural features, however, must be mentioned here, since they are particularly relevant to our theme.

Like all tower houses in southern Arabia, the tall dwellings of Shibam have common planning features, which can be found with little variations in humble houses as well as in large palaces: the ground floor is invariably formed by windowless storerooms and stables for large animals: goats and sheep are usually kept in rooms on the second or third floors, where the kitchen and other service rooms are located.

Each house has one entrance only: relatively narrow, but tall, the door extends generally to the total height of the ground floor (i.e. 4 to 6 m). The strong, windowless basement (*khann*) continues to the first floor, which still lacks openings, except for a few narrow ventilation slits. One window may be open above the gateway to illuminate the staircase. The tallest houses, with seven or eight floors, may reach a total height of over 30 m above ground. From the third floor upwards, rooms are first reserved to male members of the family for business, reception of visitors and social life, then, the top floors are generally used by women and children, who take advantage of large terraced areas. In this type of building the top terraces correspond in function to the ground courtyard (*haush)* of the courtyard houses, common in most Arab countries.

I believe that even the brief description of the average Hadrami tower house given above and a basic definition of the traditional use of the internal spaces can explain why the sheer bulk of the lower parts of the buildings has the visual impact of a severe, impenetrable fortress. Above this heavy basement, the sudden opening of several ranges of windows and fanlights, graciously closed by grilles and latticed shutters and the frequently whitewashed top of the walls and terrace parapets, transforms the visual effect of the building from that of a gloomy fortification into a pleasant and comfortable dwelling. I believe that this dual contrasting character is one of the main aspects of the traditional buildings of Hadramawt. It is, I think, very important to bear in mind this basic character of the local architecture also in order to interpret correctly any ruined building, normally preserved only in its lower levels.

The name Shibam (possibly from a noun of pre-Islamic origin) occurs also at two other sites in the Yemen: Shibam Aqyan, below the mountain of Kawkaban, and Shibam al-Gheras (also called al-Qassah or Sukhaym) under the high peak of Dhu Marmar, north

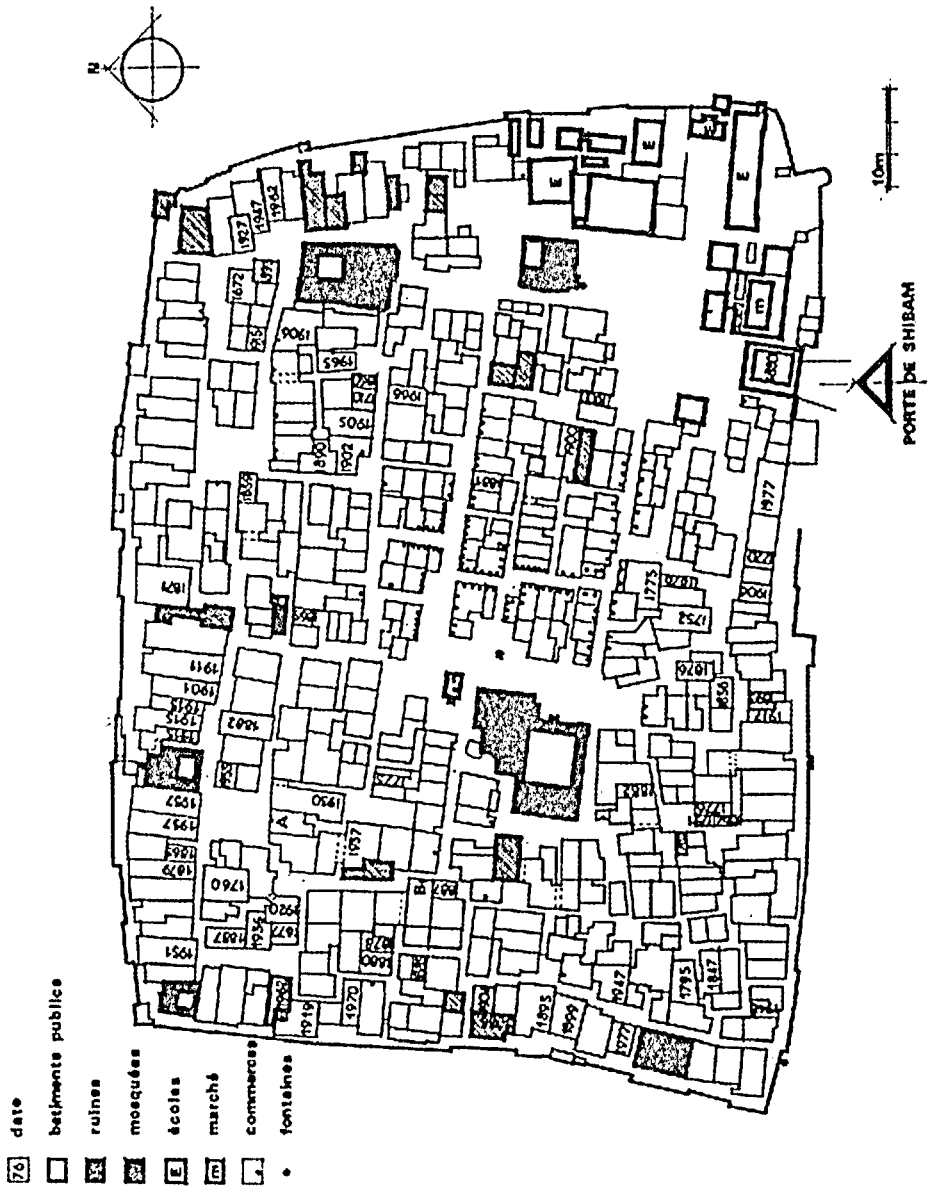


Fig. 4. Shibam, map of walled quater with identified and dated buildings (from Breton, Darles 1980)

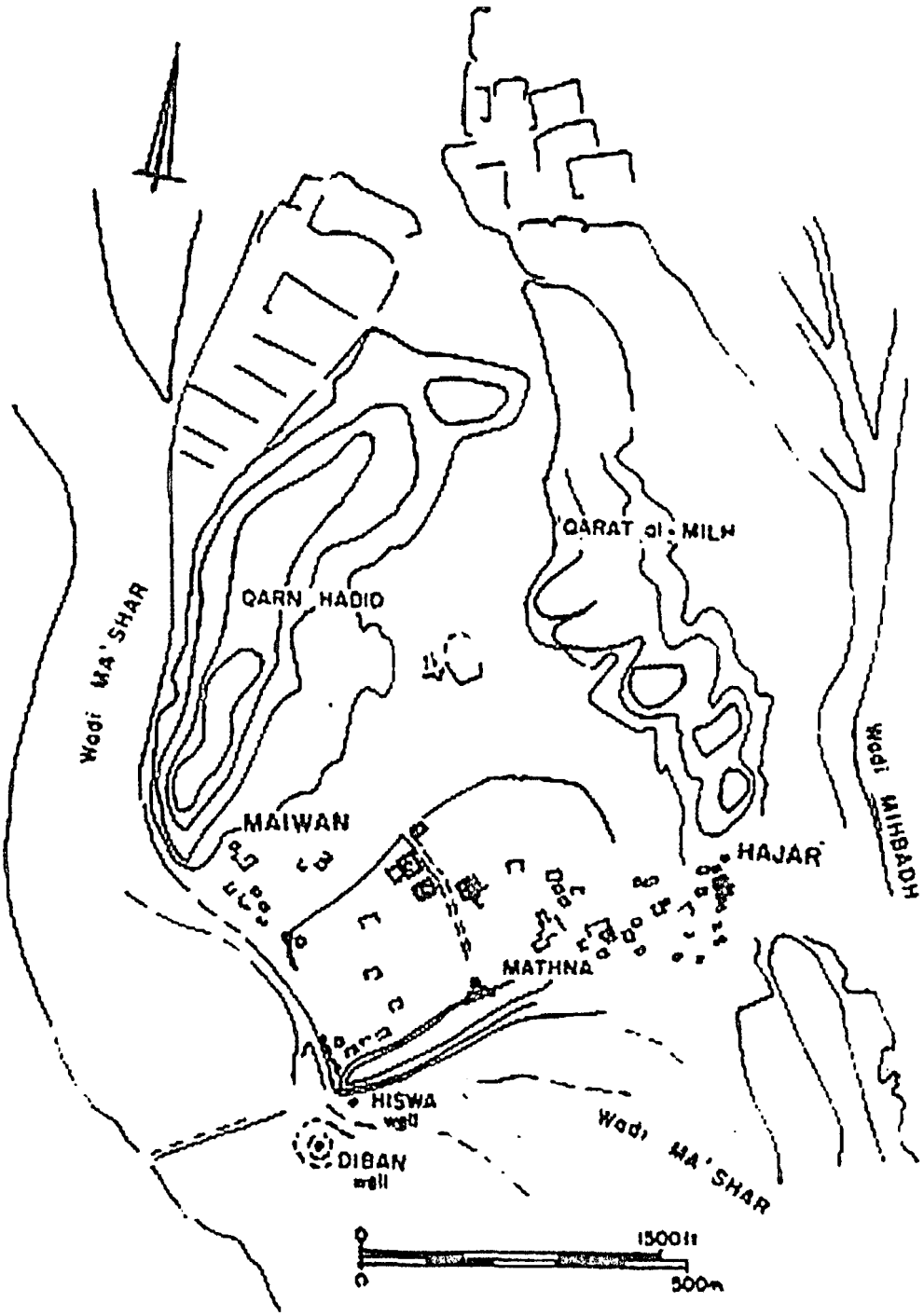


Fig. 5. Shabwa, general plan of the site (from Doe 1983)

of San'a. In two cases the nearby mountains bear traces of ancient settlement, while on top of Kawkaban lies a still inhabited town. All the three sites are of pre-Islamic origin.

The earliest known reference to Shibam of Hadramawt occurs in an inscription dated to the 3rd century A.D. quoted by Grohman (Grohman 1963: passim) this matches the popular tradition reported by the historian al-Hamdani that after the capture and pillage of the ancient Hadramawt capital Shabwa by the Himyarites in 220–230 A.D. most of its inhabitants fled southwards to Yeshbum and eastwards to the heart of the main wadi, where they re-settled, founding the town of Shibam.

The ruins of ancient Shabwa lie at the eastern fringe of the Ramlat as-Sabatayn, the desert known in antiquity as Sayhad, around which flourished the ancient South Arabian states.

The site is situated on the eastern bank of Wadi Ma'shar, at the western end of Wadi Hadramawt, set on a group of hills which, on two sides, to the north and to the east, rise around it. In the NE the ground contains large deposits of rock salt which have been mined under the hill called Qarat al-Milh from antiquity to these days for local consumption but was also traded to distant markets (Doe, Serjeant 1975: 277–278). The town, abandoned after the capture and destruction by the Himyarites, was occupied again in the early Islamic period by settlers who lived in three villages: Ma'wan in the NW, Mathna in the eastern section of Jabal Aqab and al-Hajar on the eastern hills (fig. 5). The village of Ma'wan has an interesting mosque, Masjid bin Yusef, with a well-preserved dome of distinct shape with pointed section: a typical Hadrami dome which is seen at Ma'wan in the first instance, when one approaches from the west (fig. 6).

The most linear side of the walled city proceeded along the straight SW–NE ridge called al-Aqab for a total length of about 500 m. On the opposite side, the bastioned wall runs straight from a right-angle corner for about 120 m, then turns abruptly northwards to encompass the large projecting mass of the royal palace and the main gate into the city. From this point the wall follows the irregular topography of the site, making use of all the natural features of the terrain in order to gain elevation. At this point, possibly intentionally concealed by the irregular ground, is a small postern, open towards the Northern area, where the main salt area is located (fig. 7).

The eastern town wall runs along a straight line for about 350 m until it joins the south side at a right angle; almost in its middle the wall is opened by a second small postern.

As we have seen above, besides the central, walled area, ancient Shabwa consisted of at least three separated outer quarters and one large fortified structure on al-Hajar hill, rising to the east of the city (Breton 1994: 130). The remains of these quarters were used later by new settlers who took advantage of the abundant debris of the old town, which provided easily available building material, used mostly for the foundations.

Shabwa was first visited and studied by R.A.B. Hamilton in 1938, who excavated a building, (Hamilton 1942: 107–123) and by S.J. Philby, who discovered and photographed the ruins on the hill al-Hajar (Philby 1939: 84).

Systematic field work has been undertaken from 1977 by a French team, which not only carried on excavations, but promoted the creation of a local museum, encouraging the inhabitants of the region to submit all archaeological items which might have been in their possession: an excellent and clever measure to prevent the loss of local finds and to foster among the people the awareness and understanding of local history and culture (Pirenne 1978: 125–142; pl. 1–17).

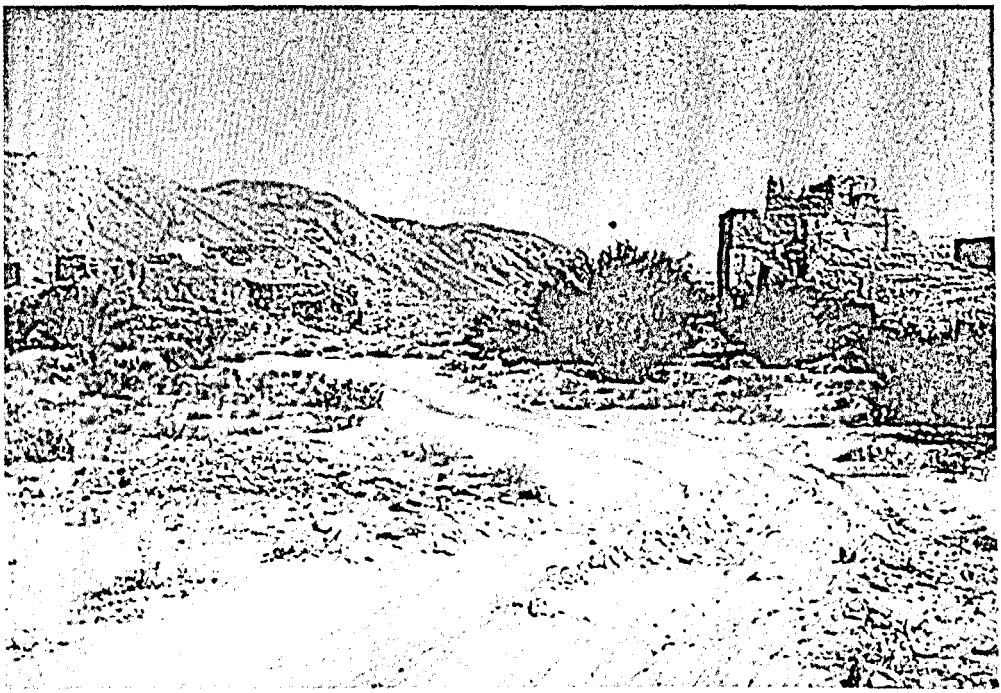


Fig. 6. Shabwa, the Maiwan village with Bin Yusef mosque

Pirenne's article was followed by a brief, yet informative analysis by J.-F. Breton in *Urbanisme et architecture à Shabwa*. More than a decade later the same author resumed his architectural research on Shabwa, concentrating on the defensive structures of the city (Breton 1994). This aspect of the ancient Hadrami capital is therefore not specifically considered in the present paper which principally aims at a discussion of the spatial organization of the town and its buildings. After many seasons of field work the research of the French team has produced a detailed map of the ruins: in the vast hill site, bordered by large wadis, the walled area looks like a citadel—a dense concentration of buildings surrounded on three sides by a number of outer buildings, walls and perhaps large quarters of more flimsy dwellings, later obscured by the secondary settlement or simply by decay. Breton identifies two defensive systems and one gets the impression that the inner wall could be a formal boundary of symbolic value, rather than a structure built for a real defensive purpose. This may explain why the large gateway, open in the middle of the NW wall is a straight entrance leading directly to a large thoroughfare in the middle of the city. This is apparently the only formal street existing within the walled area: with an average width of 10 m, it can be considered a processional way directly connecting the city gate to one of the temples of the town, perhaps the most important, judging from its central location, elevated position and very formal access via a monumental staircase.[1] As it has been rightly

[1] It seems superfluous here to point out the fact that the staircase is the most typical element of the religious architecture of the Hadramawt to be found even where steps are deliberately made necessary by an artificial elevation of the building (Sedov, Batayi' 1994: 183–190 passim).

Fig. 7. Shabwa, topographic and archaeological map of the main site (from Breton 1994)

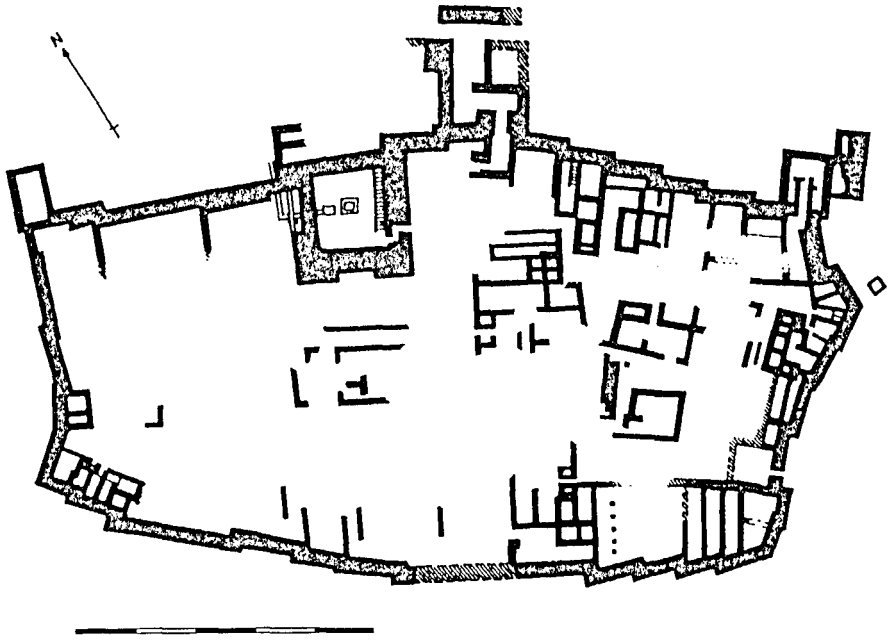


Fig. 8. Sumhuram, Khor Rori, Oman, plan (based on Albright 1982)

underlined by Breton (1978: 144), the straight street is flanked on both sides by a number of large monumental buildings: about 80 have been recorded by the French team during the 1978 season. Whether most of these buildings could be identified with the "60 temples" of Shabwa mentioned by Pliny remains for the moment only a working hypothesis: it is a fact that while the walled area of Shabwa has undoubtedly the character of a formal, official—possibly sacred—quarter, the two rows of large buildings which line both sides of the central way through the town, make it a very special and most important street.

Quite interestingly, we have an epigraphic source which also makes reference to Shabwa as the mother town of a new urban settlement: three of the several inscriptions carved on the stone walls of the gate of Samharum, the walled town overlooking the Khor Rori, an inlet once connected to the sea, to the east of Salalah. One of the texts (KR2, Avanzini 2002a: 128) makes not only specific reference to the town of Shabwa as the place of origin of a person sent to Sa'kalan (the Dhofar region) to carry out the foundation of the new city by order of the king of Hadramawt, but mentions him by name as the official in charge of the construction works. The date is not certain, but could be around the 2nd century A.D. (Beeston 1976: 39).

Therefore, since Shabwa is the mother town of both Samharum and Shibam, it would not be inappropriate to compare the basic layout of the three cities.

The site of Samharum was first studied and excavated by a team of the American Foundation for the Study of Man (Phillips 1955: 305ff; Cleveland 1960; Albright 1982). Since 1997 the whole area of the Khawr Rori was included in a research project directed by

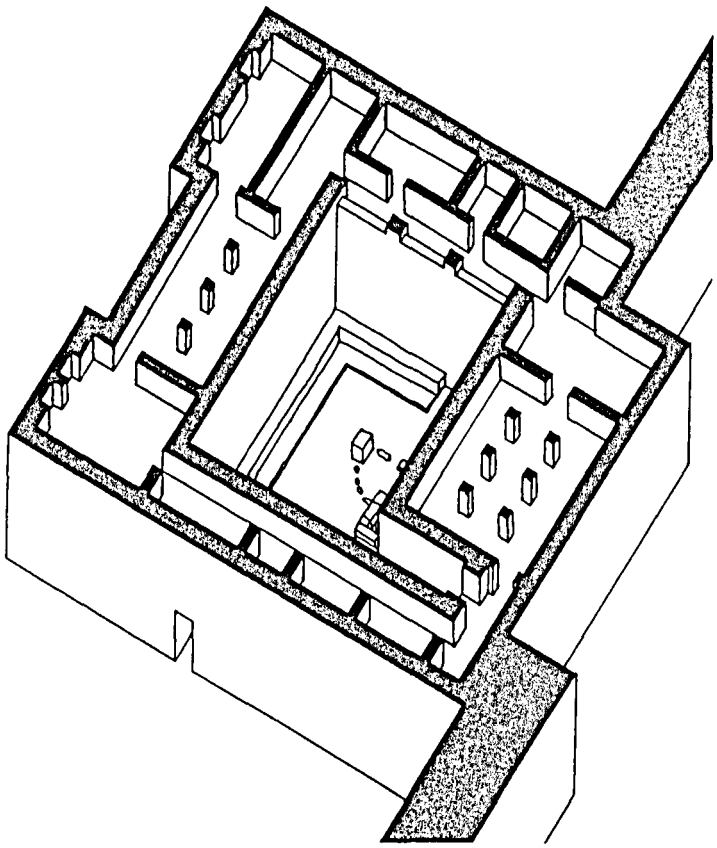


Fig. 9. Sumhuram, Khor Rori, Oman, tentative axonometric reconstruction of the palace building

Alessandra Avanzini of the Dipartimento di Scienze Storiche del Mondo Antico, Università di Pisa.

Samharum has been defined as "a walled fortress" (Doe 1983: 147ff): it is surrounded by a continuous stone wall about 2.5 m thick built in a succession of short straight sections followed by angled set-backs on a roughly rectangular plan measuring about 130×70 m. A postern is open on the E side, near the S corner. Relevant for the theme of the present paper is the fact that the city layout shows a strict relationship between three basic elements of the fabric of the town: gate, inner square and palace. The same axial layout which we have seen in Shabwa appears to have been transferred to Samharum and was employed also at Shibam. Of course there are certain variations, such as the strong fortified character of the Samharum gate, which includes a succession of three bent entrances, and appears due to real defence purposes, but also to the desire to confer formal dignity to the official access to the walled city; the threshold into what was certainly a protected and reserved area (fig. 8).

In the above analysis of the urban organisation of the town it is assumed that the large building overlooking the square inside the gate was a palace and not a temple, as it was identified by the first excavators.

Let us see how Albright explains his conclusions: "the building had a natural location for either a palace or a temple.... A palace was quickly ruled out when we noticed the thickness of the windowless walls and the lack on interior walls to divide the space into rooms. We then assumed this to be a temple" (Albright 1982: 19). The quoted reasoning has never convinced the present writer for two reasons: a) as we have discussed earlier in this paper, the thick windowless walls are typical of the ground and even the first floor of any large building in the Hadramawt; an examination of smaller traditional buildings can also be useful for a more correct interpretation of lower floors; b) the presence of partition walls would be expected only at much higher levels in a tall building, such as we can assume was the palace.

It should be also noted that in the case of a royal palace one can assume the possible absence at ground floor of stables and storerooms which could be located elsewhere, allowing the basement to be a wide solid platform to support and raise up the building. As a working hypothesis I have elaborated an ideal reconstruction of the lower part of the building, based on the layout of the extant structures (Costa 1997: 431–445, fig. 4). To avoid possible misinterpretations of my tentative reconstruction I would like to emphasize here that its purpose was only to show that the area of the solid ground floor was large enough to support a complex building, with partition walls, rooms, corridors, stairs, etc. The layout of the upper floor is therefore imaginary and is not based on any archaeological evidence (fig. 9).

The courtyard of the building, entered through a narrow zig-zag passageway (about 0.50 m wide) is a relatively small area of 10 square m, with the apparent function to allow attendants to get water from the well.

According to the first excavator, this was a "sacred" well, flanked by an "altar" (Albright 1982: 21). The present writer believes instead that it was simply a utility well, with a small stout bench built as a raised shelf to put the bucket on and fill jars and other containers. The "domestic" instead of cultic use better explains the awkward zig-zag entrance to the courtyard. Even if it is not to be considered "sacred", the well is undoubtedly a work of refined craftsmanship: the nearly square shaft, built with large dressed blocks of limestone, measures 1.10 m on the E and W sides and 1.25 on the others. Every three courses the ashlar blocks are laid with a 4 cm recess, designed to allow easy movement up and down the shaft (which is more than 25 m deep) either by means of wooden planks resting on the resulting ledges, or simply to step on them with bare feet (fig. 10).

The photograph was taken in 1977, when, beside many other details, the top stones of the well still showed deep rope marks. A few years later the mouth of the well was altered by the addition of heavy iron bars as a measure to prevent people or animals from falling into the well.

In conclusion, we have seen how the ancient capital of Hadramawt generated two towns: Samharum, a planned city, built by order of the king as an outpost on the incense trade network, possibly in the 2nd–3rd century A.D., and Shibam, a new town recreated by the displaced inhabitants of Shabwa almost as in a process of conservation of their original settlement. The local economy, based on agriculture, crafts and small-scale trade along the wadi, provided modest but never failing resources and the town has remained relatively prosperous for a long period of time. Despite having gone through cultural and religious changes, tribal strife and political unrest, destructions and reconstructions the settlement

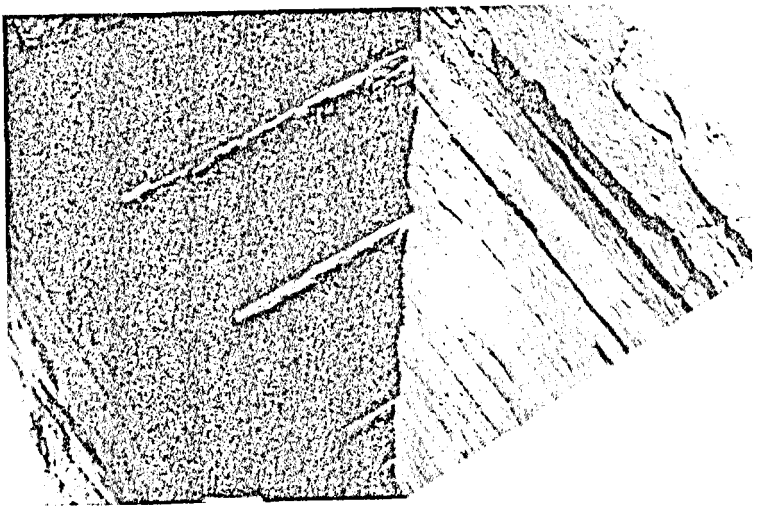


Fig. 10. Sumhuram, palace well, detail of shaft

remained basically unchanged, preserving its original layout and spatial organization. No doubt in its fabric we can see evidence of various changes of style and patterns of decoration. Perhaps the most exemplary case for this is the Siddah: rebuilt, as we have seen, in a relatively recent epoch (1880) and bearing the marks of a new design, with the use of conventional, academic baroque decoration, yet the gate has not lost its position and role in the urban organization, remaining a boundary between the outer space and the inner protected society: not surprisingly until recently the Siddah was duly closed at sunset.

Bibliography

Albright 1982 — Albright F. *The American Archaeological Expedition to Dhofar, Oman 1952–55.* Washington.

Avanzini 2002 — Avanzini A. "The History of the Khor Rori Area: New Perspectives". In: *Khor Rori Report 1.* Pisa, p. 13–27.

Avanzini 2002a — Avanzini A. "The Construction Inscriptions of the Gate Complex". In: *Khor Rori Report 1.* Pisa, p. 125–140.

Beeston 1976 — Beeston A.F.L. "The Settlement at Khor Rori". *Journal of Oman Studies.* Vol. 2, p. 39–42.

Breton 1978 — Breton J.-F. "Urbanisme et architecture à Shabwa". *Raydān.* Vol. 1, p. 125–142.

Breton 1994 — Breton J.-F. *Les fortifications d'Arabie méridionale du 7e au 1er siècle avant notre ère.* Mainz (ABADY. Bd. 8).

Breton, Darles 1980 — Breton J.-F., Darles C. "Shibam". *Storia della città* 14, p. 63–86.

Burkhardt 1929 — Burkhardt J.L. *Travels in Arabia.* London.

Cleveland 1960 — Cleveland R.L. "The 1960 American Archaeological Expedition to Dhofar". *BASOR,* no. 159, p. 14–26.

Costa 1997 — Costa P.M. "Il ruolo dell'Arabia nel commercio delle spezie e dell'incenso: da Elio Gallo a Vasco da Gama". In: *Profumi d'Arabia.* Roma, p. 431–445.

Costa, Kite 1985 — Costa P.M., Kite S. "The Architecture of Salalah and the Dhofar Littoral". *Journal of Oman Studies.* Vol. 7, p. 131–153.

Doe 1983 — Doe B. *Monuments of South Arabia.* Naples/Cambridge.
Doe, Serjeant 1975 — Doe B., Serjeant R.B. "A Fortified Tower House in Wadi Jirdan". *BSOAS*, vol. 38, p. 1–23, 276–295.
Doughty 1923 — Doughty C.M. *Travels in Arabia Deserta.* New York/London.
Grohman 1933 — Grohman A. "Shibam". In: *Encyclopedia of Islam.* Leiden.
Grohman 1963 — Grohman A. *Arabien.* Munich.
Hamilton 1942 — Hamilton R.A.B. "Six Weeks in Shabwa". *Geographical Journal*, vol. 100, p. 107–124.
Hubert 1891 — Hubert C. *Journal d'un voyage en Arabie.* Paris.
Jamme 1967 — Jamme A. "Two New Hadrami Inscriptions from Zafar". *Bibliotheca Orientalis* 24, p. 145–148.
Lewcock 1986 — Lewcock R. *Wadi Hadramaut and the Walled City of Shibam.* Paris.
Niebuhr 1773–1776 — Niebuhr C. *Voyage en Arabie et en d'autres pays circonvoisins.* Cobenhagen.
Orazi 2002 — Orazi R. "Sumhuram: the Gate Complex". In: *Khor Rori Report 1.* Pisa, p. 77–110.
Philby 1939 — Philby H.St.J.B. *Sheba's Daughters.* London.
Phillips 1955 — Phillips W. *Qataban and Sheba.* London.
Pirenne 1978 — Pirenne J. "Ce que trois saisons de fouilles nous ont déjà appris sur Shabwa". *Raydān*, vol. 1, p. 125–142.
Samar Damluji 1992 — Samar Damluji S. *The Valley of Mud Brick Architecture.* Reading.
Sedov 2001 — Sedov A.V. "Pottery from the Gate Complex". In: *Khor Rori Report 1.* Pisa, p. 141–147.
Sedov, Batayi' 1994 — Sedov A.V., Batayi' A. "Temples of Ancient Hadramawt". *PSAS*, vol. 24, p. 183–196.
von Wissman, Meulen 1931 — von Wissman H., Van der Meulen D. *Hadramaut, Some of Its Mysteries Unveiled.* Leyden.
Wellsted 1838 — Wellsted J.R. *Travels in Arabia.* London.

WERNER DAUM
(*Kuweit*)

On both sides of the Red Sea: an approach to ancient Yemeni Religion

Some preliminary reflections and a word about methodology

It is interesting to note how powerful the wish to elucidate the past has become in popular culture and in scholarly research alike. Humanities are much concerned, today, with research about "origins": material origins of civilisation, spiritual origins. Sometimes, there is written evidence. Often, we have to depend on archaeology. There is a third way, somewhat neglected today, to find out how the ancients *thought*. This is the study of ancient legends, as it has been done so convincingly by Mikhail Borisovich Piotrovskij, and then held against the archaeological and historical record.

This article explores some Yemeni traditions that could still be observed in our time by ethnographers such as R.B. Serjeant, W. Dostal and myself, and where there is agreement that they reach back into pre-Islamic times. One of them is connected with a text that has all the characteristics of a folk-tale, and at the same time of an etiological myth. These Yemeni traditions will then be compared with some of the Yemeni folk-tales which I have collected and which also portray structures and beliefs that must be of pre-Islamic origin. Very similar myths have been recorded from northern Ethiopia/Eritrea, particularly from the region of Axum—to such an extent that a common origin of both, the Yemeni and the Ethiopian material, must be assumed. Also, legendary material about ancient South Arabia, in particular the Queen of Saba', transmitted by early Islamic writers, has to play a role in this demarche. It is thus possible to reconstruct some of the main features of the ancient religion of Saba', Himyar and Axum, and to connect it with the religions of other Semitic-speaking peoples, including the Old Testament.

A pre-Islamic rite in Ḥaḍramawt

Strange customs have been preserved in parts of Yemen. When R.B. Serjeant studied the pilgrimage to the grave of the prophet Hud in Ḥaḍramawt—a structure which clearly goes back to pre-Islamic times and which even from an architectural point of view resembles the temples of Raybūn—he noted one of the pilgrims' holy litanies in which a bride is offered to the prophet. Serjeant refrained from explaining the verse with its "pagan element which probably points to ceremonies discontinued, the memory of which is

© Werner Daum, 2004

enshrined in this strange verse". Another one of these traditional songs somehow connects the pilgrimage with rain and the filling of the wadi. It should be mentioned here that Qabr Hud is not an ordinary place: it lies where the ground-water of Wādī Masila (= Wādī Ḥaḍramawt) comes to the surface and forms a short permanent watercourse. Also, the "official" pilgrimage text is called *Kitab wasila al-sabb* (*Book of the filling of the watercourse*), which is very strange indeed!

There is more about Qabr Hud to be studied in this context: the time schedule of the pilgrimage and its offerings go in parallel with the traditional Yemeni marriage ceremony. In the context of the pilgrimage, small clay figurines of ibexes with an old man's face are made—the only figurative objects to be found anywhere in *yesterday's* Yemen. Needless to say that there are no ibexes with a human face out there in nature, not even in fairy-tale Yemen. The reader will of course make the connection with the *ritual hunt* in Ḥaḍramawt, in pre-Islamic times and still today, and rightly so.

A pre-Islamic rite in the Tihama

Twenty years ago, I published my book on ancient South Arabian religion. In it, I had reconstructed a religion extinct for almost two thousand years, which had been superceded by a religion as encompassing as Islam. The reconstruction was made through a variety of linguistic, ethnographic and historical arguments, cal this long-distant past. A few years later, I stumbled upon the living reality of this reconstructed religion, *alive* in a small village in the Tihama. This was indeed an extraordinary discovery, which gave, I think, much credit to my previous reconstruction: a *rite*, connected with a very clear and detailed *myth* that explained the rite in so many words. On the basis of the evidence, both, the rite and the myth, reached back into pre-Islamic times. In this myth, a yearly festival is held in rememberance of an event that happened *in illo tempore*. The festival re-enacted the event, and at the same time secured water and fertility for the year to come. It also had the characteristics of a New Year Festival.

In illo tempore, so went the myth, people had to offer, once a year, a maiden to a water-demon. In return, he "opened" the wadi. One day, a young hero with one (only one, in the middle of his forehead) mighty resplendent eye (the hero was appropriately called "sun", and of course, he *was* the sun) came from afar, killed the nightly demon-god, thus delivering the maiden, and securing water and fertility. He married the maiden, and established his reign. The yearly festival, still celebrated in our time, re-enacted the story, through mock-poles representing the couple. The story told in connection with the festival is a perfect example of a fairy-tale, but it *is not* a fairy tale. We can not qualify it other than a myth. Like most other ancient Yemeni traditions, is has now been discontinued: a few decades of the *modern times* have brought to an end what 1500 years had not been able to destroy.

Folk-tales from Yemen

The only living pre-Islamic ritual from Yemen that is also connected with a *detailed* story is the one just mentioned (I have, however, heard of another one which I hope to be able to investigate one day). But there are texts, which allow to fill this gap: the folk-tales from Yemen.

Arabian folk-tales are so naturally and self-evidently part of our cultural upbringing that we do not normally ask ourselves what they have to do with "Arabia". On a closer look, however, the many thousands of published texts do not come from Arabia proper, they have all been collected in Egypt or Syria, Palestine, Nubia, Morocco, and other places in the Arab world and beyond. Many of them also come from the background of courtly literary traditions. Folk-tales from Arabia, the true Arabia, i. e. the Arabian Peninsula, are extremely rare, almost non-existent. It is, however, here that one would wish to look for the origin of the folk-tales of the Arabs. The very few collections all come from Southern Arabia: from Yemen and the southern tip of Oman. I feel proud that I had the chance to collect what is, I think, the most comprehensive series, and thus to preserve an important part of Yemen's heritage for future generations. Today, this could not be done any more: a few decades have definitely brought to an end what had been handed down over so many generations. "My" folk-tales are mostly and very recognizably identical with the texts collected by the Imperial Austrian expedition to South Arabia, in 1898/1899. In a number of cases, the "Austrian" texts are more comprehensive than mine.

Märchenforschung, research on folk-tales, was established by those great scholars, masters, revolutionaries, Jakob and Wilhelm Grimm. They already identified remains of ancient beliefs, enshrined in these tales: "preserved by poor hands collecting the ears not harvested on the field...", *Märchenforschung* has long been a domain of German, Russian and Scandinavian scholars. As it is well known, the basis of folk-tale research is their classification according to motives. This has been done in a very detailed and very specific way, and it has, of course, great value. It also has disadvantages, as it sometimes obscures the genetic identity of similar but slightly different motives. In my opinion, the greatest 20th century researcher in the field of folk-tales is probably Vladimir Propp, the Russian scholar, who overcame the methods of the "dissectionists": his *structural* approach brings the broader *structure* of a tale into focus, and thus reduces the categories (or "motives") enormously, to the extent that archetypes can be reconstructed. The Propp method is therefore more apt to allow for genetic research, and less apt for exploring the development of a particular motive within a given cultural area.

In applying the Propp method even more radically to the Yemeni folk-tales (the *Zaubermärchen*-type), it can be demonstrated that they always portray, in the most varying settings, the very same story: a maiden is being offered to a demon. There is a connection with water and fertility. A young hero comes from afar, kills the demon, thus securing water and fertility. He marries the maiden (in a matrilocal way) and becomes the ruler of the community. In some of the folk-tales, the connection of the main characters with the sun is made clear. In others, the yearly sequence is expressly part of the text. In yet another, the water-demon is called "The Pisser", a strange reminder of the meaning of "Quzah", the hill and pre-Islamic god in the plain of 'Arafa (*Haj* ceremony). In one of the folk-tales, the young hero has to circumambulate a palace seven times. There are of course many more of such parallels about which I have written in detail. I feel it is difficult *not* to see the mythological context of the Yemeni folk-tales. If reduced to their most basic structure, in the way explored by Vladimir Propp, they correspond exactly to the ethnological practices that are generally accepted as being survivals of pre-Islamic rites*: the Yemeni folk-tales are the script of these rites.*

'Umra and *Haj*

It is not my purpose here to elaborate fully on the parallels with *'Umra* and *Haj*, as I have done this elsewhere. Still, it may be said that we do know quite in detail how *'umra* and *haj* were performed before Muhammad united them into one festival, centered on Mekka. Previously, the *'umra* was the festival of Mekka (including the circumambulation, seven times, of the Ka'ba). According to the *Lisān al-'ārab*, the word *'umra* originally means a matrilocal marriage. Gaudefroy-Demombynes has shown that the *'umra*, in pre-islamic times, was a water ceremony. The Ka'ba is situated in the *baṭn Makka*, in the heart of the dry wadi bed that used to be there: the story of the Ka'ba is a story of inundations—not the place to build a sanctuary, unless this is intended.

The *haj*, in pre-Islamic times, used to be the festival of the valley of 'Arafa, east of Mekka. Its various ceremonies correspond *exactly* to the description of the course of events in one of the Yemeni folk-tales: the *haj* of 'Arafa *was* the celebration of the common South Arabian water festival, and as such identical in content and purpose with the *'umra* in the nearby Mekka. I would like to add that the parallel between the pre-Islamic *haj* and the biblical feast of tabernacles (*hag*) has long been recognised by scholars. But this is not so among the broader public. Several other stories of the Old Testament (the conquest of Jericho through seven circumambulations, the crossing of the Red Sea, the entering of the Holy Land through the ford of the Jordan, circumcision, and many more) can all be understood as renderings of the "South Arabian myth" (whose origin may well be not in Southern Arabia, but in the Levant).

Kings and *Mukarribs* of Saba'

In the earliest period of the Sabaean kingdom, the ruler was called *mukarrib*, and not *m-l-k*, king. The word *mukarrib* has been much discussed by scholars, and is now generally understood as *the one who binds together, who unites the Sabaean tribes*. This is very fitting for a ruler, and I think it is correct. The basic meaning of *k-r-b* is, however (as has been shown by A.F.L. Beeston), *to marry a woman in a matrilocal way* ("binding", "uniting" through marriage). A scholar as prudent as Walter W. Müller tells us that the *hieros gamos* existed in Saba', and the Yemeni folk-tales tell us that it was *the* central element that led to the establishment (and yearly renewal) of political and religious rule. The *mukarrib* is therefore, first and foremost, *the one who performs the sacred marriage* (on the holy mountain, the Jabal al-Laudh, in the Eastern desert). Through this *hieros gamos*, he guarantees rain and water, peace, prosperity and fertility for the State, and "binds his people together".

The name of Mekka, on Ptolemaios' map, *Makoraba*, is of course connected with this root.

Another excursion into linguistics: the name of the major Sabaean deity, Almaqah, could, if ever, only be explained as a combination of *Il* and *maqah*. There is a Yemeni dialect word *qhw*, with the general meaning *to drink* (our word for coffee is derived from it). The second stem would have the meaning (in Arabic as well as in Sabaean) "to give much to drink", "to water intensively". This fits very well with the mythological persona of Almaqah whom we should henceforth transliterate as *Il Muqqah*. Also, this etymology does away with a major stumbling block that has plagued previous attempts to explain the

meaning of Almaqah, namely the two forms the name occurs in the inscriptions: *'lmqh* and *'lmqhw*, which can now be easily understood as scriptio plena and scriptio defectiva.

The Queen of Saba'

It is impossible to talk about Yemen without mentioning the country's most famous and most beautiful daughter! How can one dare to pretend that she did not exist, simply because no inscriptional or archaeological clues have been found?! A figure that has inspired the holy books of Judaism, Christianity, Islam and Ethiopia, that has fired the imagination of the greatest painters and sculptors, such a person has its own reality. We will not wish to deprive her of this reality simply because she has not existed. But we will find out soon that the Queen of Saba' is herself our already well-known maiden of the pre-Islamic religion of South Arabia, and that she walks straight out of the Yemeni folk-tales.

To all this, there is only one clue in the Qur'an itself (sura 27, verse 44). This startling passage is explained by the early Islamic historiographers (e.g. al-Tabari) with a deformation of the Queen's foot: it had the hairy appearance of a demon's foot. This is correct, but the story can be elucidated more fully on the background of South Arabian traditions and legends that have been written down by Islamic authors, particularly Wahb bin Munabbih, al-Tha'labi, and, with much detail, by al-Kisa'i, in his "Tales of the Prophets", *Qisas al-anbiya'*.

Here, Bilqis, the Queen of Saba', delivers the country from a cruel and tyrannical ruler: with artful cunning she tricks him into her room, seduces him with her beauty and quantities of wine, and when he falls asleep, she cuts his head. The nobles of Yemen, at last delivered from his gruesome rule, proclaim Bilqis the queen of the land. In this version of the "South Arabian Myth", it is not the male hero from afar who kills the demon, but the maiden herself, and it is she who becomes the ruler of the land, inaugurating a reign of bounty. Such inversion of the role of the sexes is also reflected in some of the folk-tales.

The Queen of Saba' belongs of course to both sides of the Red Sea. In Ethiopia, she is the founding mythos not only of all (or most) historic dynasties, but indeed of the country and its identity.

The Queen of Saba'in the legend of Axum

I do not wish to tell here the well-known story of the Queen of Saba' (Sheba in Hebrew) in the Kebra Nagast. Rather, I want to introduce the *popular* legend which is quite different and far more original.

Its discovery is connected with one of the 20th century's most productive orientalists, Enno Littmann. Enno Littmann is perhaps best remembered as the head of the *Deutsche Axum Expedition* 1906 which brought home such an incredible wealth of archeological, linguistic and ethnographic knowledge. In the *Festschrift* that will be published soon, on the occasion of the 100th anniversary of the *Expedition*, I am writing about the antecedents of the *Expedition*: how Friedrich Rosen, the German Orientalist and Diplomat, established diplomatic relations between Germany and "Abyssinia" (France, Italy, Britain, Russia and the USA were already there). His instructions were to establish the relations and to conclude a commercial treaty. That he did. But his heart was with his idea to initiate an archaeological mission to Axum. In this he also succeeded, through a very clever intrigue

with his superiors in Berlin, including the Kaiser himself whose great interest in archaeology was a key factor in the plan. Rosen choose Littmann who had already worked in Ethiopia, as a member of the *Princeton Expedition to Abyssinia.* In 1904, Littmann published a text sent to him by a Swedish Missionary, "The Legend of the Queen of Sheba in the Tradition of Axum".

This is a very strange tale: a dragon rules the land. The people must bring him their first-born daughters. So it goes every year. But one year, seven saints rest under the tree to which a maiden (her name is Etiye Azeb, Queen of the South) is bound. They hear the story, they kill the monster, and the maiden is elected queen. Littmann discusses the parallels to this story (other versions were published by Conti Rossini, the motive appears already in Hiob Ludolf's *Historia Aethiopica* of 1681) in the Ethiopian *popular* traditions and comes to the conclusion that a parallel must be drawn with the South Arabian Bilqis.

Recently, the Tigray legend has been studied in detail by Tubach. He analyzed the various versions and set them into parallel with the Yemeni folk-tales and the reconstructed pre-islamic religion of South Arabia. Clearly, the Ethiopian *popular* tradition is much older than its literary counterpart, the *Kebra Nagast*, and must go as far back as the ancient Yemeni tradition.

Summary and conclusion

One of the ways to explore and understand the spiritual world of epochs long gone by is the careful use of legends and popular traditions. Mikhail Borisovich Piotrovskij has made use of such traditions that have been transmitted as literary works. But Yemen has preserved much more than that: certain popular traditions have remained alive until our day, and observed and written down by ethnographers. There is consensus that some of these *rites* are survivals of pre-Islamic cult-practices. In at least one such case, the myth explaining the rite has also been preserved in the popular lore. It has all the characteristics of a folk-tale. These rites speak of a maiden being offered to a demon, once a year, so that the demon grants the people water and fertility. One day, a young supernatural hero (called "Sun") comes from afar, kills the demon and delivers the maiden. They marry and thus secure water and fertility.

The Yemeni folk-tales portray this very myth in ever-changing details. Reducing the folk-tales to their basic structure, they appear to be almost a script (including the hours and dates of the ceremonies) to the Yemeni rites, as well as to the *haj* and the *'umra* in Mekka, in the way the *haj* and the *'umra* used to be performed in the pre-Islamic period.

The Queen of Saba' myth is another extrapolation of this basic mythologomenon. In its popular form, the legend of the Queen of Saba', on the Ethiopian side of the Red Sea, is very similar to the Yemeni stories. The legend of the Queen of Saba' in the tradition of Axum must therefore go back as far as the re-constructed religion of Southern Arabia, i.e. at least to the 1st millennium B.C.

This reconstructed religion not only enlightens us about the spiritual world of the ancient South Arabians, but it also helps to explain some of their politico-religious institutions (such as the *mukarrib*), and some of their works of art. In this connection I would like to attract the reader's attention to the golden pendant from Yemen dated on stylistic grounds *c.* 8th–7th centuries B.C. (fig. 1).

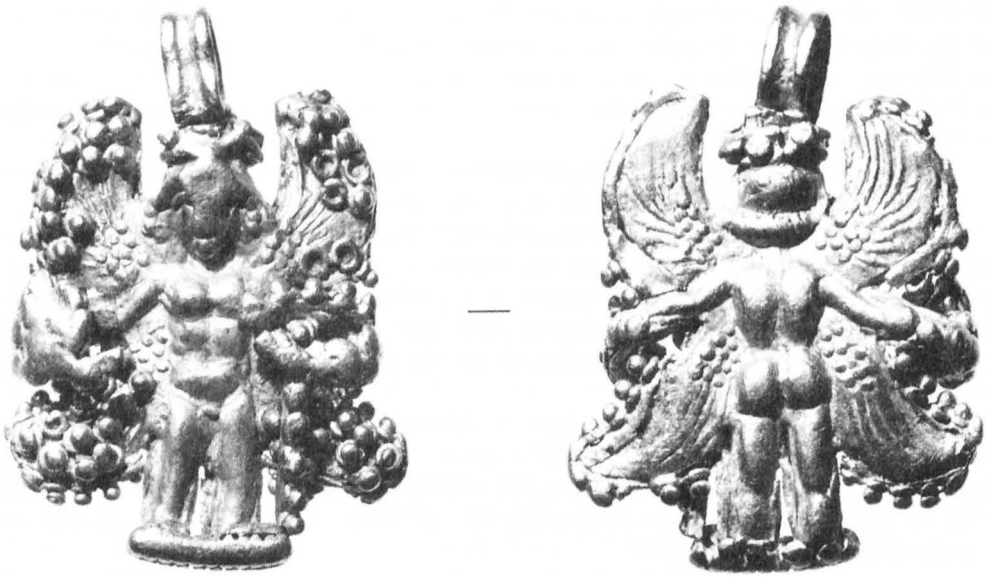


Fig. 1. Golden pendant from Yemen, c. 8th — 7th centuries B.C.

There is practically no such thing as a religious iconography in ancient South Arabia. The various identifications that have been proposed have rightly been dismissed by *communis opinio* of scholars. Of course, there is the well known abstract symbol of sun and quarter moon, the sun embedded as a dot or disc in the flat lying sickle, as the quarter moon appears in Yemen. The sun and moon symbol has been borrowed or rather transferred from Mesopotamia. Of figural representations, I know of only two which can not be interpreted as images from the real world, and which must therefore be supernatural beings: the Marib relief with a winged dragon being killed by a youth, a maiden sitting beneath vine leaves (reproduced on the dust cover of my *Ursemitische Religion*, on Yemeni postage stamps and in other publications), and the small gold figurine here reproduced. The substantive discussion of ancient South Arabian religion has shown that the maiden-goddess can be equated with the sun (the four wings would seem to be related to the "Flügelsonne" and its Neo-Assyrian four-winged development), while the nakedness provides for the distinctive sexual and fertility connotation. It may be noted that *shams* is feminine, in Arabic as well as in Sabaean.

Authors mentioned in the text

Daum W. "A Pre-Islamic Rite in South Arabia". In: *JRAS*, 1987, p. 5–14.

Daum W. "Die geflügelte nackte Göttin: Märchen, Ethnologie und antike Religion und der Ursprung des Laubhüttenfests". In: *Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen.* Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München in Zusammenarbeit mit W.Daum, Walter W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. Ausstellungskatalog. München, 1999.

Daum W. "Die Götter von Saba". In: Werner Daum (ed.). *Die Königin von Saba.* Stuttgart/Zürich, 1988, p. 169–176.

Daum W. *Ursemitische Religion.* Stuttgart, 1985.

Dostal W. "Stier und Ritual im Jemen: Fortleben antiker Traditionen in heutigen Volksbräuchen". In: *Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen.* Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München in Zusammenarbeit mit W. Daum, Walter W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. Ausstellungskatalog. München, 1999, p. 131–136.

Frantsouzoff S.A. "Die Frau im antiken Südarabien". In: *Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen.* Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde München in Zusammenarbeit mit W. Daum, Walter W. Müller, N. Nebes und W. Raunig. Ausstellungskatalog. München, 1999, p. 151–169.

Littmann E. *The Legend of the Queen of Sheba in the Tradition of Axum.* Leyden and Princeton, N.J., 1904.

Müller W.W. «"Heilige Hochzeit" im antiken Südarabien». In: *Studies in Oriental Culture and History. Festschrift für Walter Dostal.* Hrsg. von A. Gingrich. Frankfurt am Main, 1993, p. 15–28.

Serjeant R.B. "Hud and Other Pre-Islamic Prophets". *Le Muséon*, t. LXVII, 1954, p. 121–179.

Tubach J. "Die aksumitische Lokallegende". In: *Horizonte der Christenheit. Festschrift für F. Heyer.* Erlangen, 1994, p. 78–90 (Oikonomia 34).

WALTER DOSTAL
(*Wien*)

Al-Sa'īdah: Bemerkungen über eine Heilige aus dem Süden des Jemen

Vorbemerkung

Im Rahmen der Forschungsthematik "Vorislamische Survival im Islam" widmete ich meine sozialanthropologischen Datenerhebungen in den Jahren 1995 und 1999 dem Heiligenkult im Jemen, wobei mein besonderes Interesse jenen Kultstätten galt, die der Verehrung solcher Heiligen dienten, deren mythologischer Ursprung in vorislamische Zeit reichte, wie etwa Nabī Shu'ayb, Qudam b. Qādim, Hūd. Meine Aufmerksamkeit auf al-Sa'īdah wurde durch die Veröffentlichungen von C. Landberg (1898) und von R.B. Serjeant (1989) gelenkt, in denen besonders beim letzteren Autor die vorislamische Vergangenheit dieser Heiligen akzentuiert wurde.

Zunächst stellt sich die Frage nach der wissenschaftlichen Notwendigkeit den Möglichkeitscharakter, der mit dem Survival-Konzept eng verknüpft ist, unter terminologischer Perspektive zu sondieren. Der Begriff "Survival", von B.E.B. Tylor in seinem Werk "Primitive Culture" (1871) herausgestellt, bildete zweifellos die methodische Grundlage für die Entfaltung des sozio-evolutionistischen Modells von L.H. Morgan, das er in seinem Buch "Ancient Society" (1877) veröffentlicht hat. Es bedarf wohl keiner weiteren Erklärung dafür, dass der Begriff "Survival" in der seit Tylor allgemein akzeptierten Inhaltsbestimmung bezüglich der Funktionslosigkeit eines Phänomens gegenüber seiner früheren, ursprünglichen kulturellen Einbettung nicht mehr als Erklärungsansatz für die Lösung unserer gegenwärtigen Problematik genügen kann, wenn man sich die Arbeiten von B. Malinowski oder M. Hodgen vergegenwärtigt. Ich habe es vorgezogen, für die Analyse des erklärungsbedürftigen Phänomens "Survival" zwei Begriffe den Natuwissenschaften zu entlehnen: den Begriff der "Analogie" und den der "Homologie". Der erste Begriff bezieht sich auf gleichförmige, übereinstimmende Phänomene ohne einer nachweisbaren historischen Kontinuität, hingegen beinhaltet der zweite Begriff die mittels historischer Beweise erbrachte Kontinuität der gleichförmigen bzw. identen Phänomene.

Aus unserer bisherigen Erörterung sollte klar geworden sein, dass die Anwendung des Begriffspaares "Analogie" und "Homologie" ausschließlich durch die Beweislast der historischen versus der fehlenden historischen Gegebenheiten bestimmt wird. Zu wissen wovon man spricht, ist immer förderlich, wenn es um den Problemkomplex "Survival" geht, dann sollte man es genau wissen. Diesen eher rhetorischen Satz gebrauche ich, um zu der folgenden Darlegung meines Datenmaterials über al-Sa'īdah, einer Exponentin des südarabischen Heiligkultes überzuleiten.

© Walter Dostal, 2004

Zur Topographie und Beschreibung der Kultstätte

Das Wādī Mar'ah beginnt ca. 144 km auf der Straße östlich von 'Aden nach al-Mukallā und erstreckt sich nordwärts bis zu den Ausläufer der Abyān-Bergzüge; dieses Tal ist dem östlichen Teil des ehemaligen Faḍlī-Sultanats zugehörig. Die Siedlung al-Sa'īdah, benannt nach der Kultstätte, liegt in dem erweiterten Talende. Im Zentrum liegt al-Sa'īdah's Grab, relativ isoliert von den übrigen Gräbern, in denen die Faḍlī-Sultane sowie ihre Familienangehörigen bestattet sind, ferner die Māshayikh, die das Mansab-Amt innehatten und auf einem besonders vorgesehenen Platz fanden die Angehörigen der Marāqishah (Ahl al-Djibal und Ahl Ba Layl) ihre letzte Ruhestätte.[1] Gegenwärtig werden jedoch die Angehörigen aller Abyān-Stämme hier begraben, falls sie diesen Wunsch zu Lebenszeit geäußert haben.

Die Grabstätte Sa'īdahs wurde auf einer ca. 5 cm hohen Plattform errichtet, die von kleinen Steinen begrenzt wird (Abb. 1). Die Grabstätte hat einen rechteckigen Grundriss, ist in der Mitte mit einer Kuppel überdacht und mit Gips übermalt. Die Innenwände sind ebenso weiß getüncht, jedoch mit einem Dekorfries versehen. Das Ornamentmotiv ist reliefartig modelliert, ebenso auch eingeritzt. Die Struktur des Ornamentmotivs weist folgende Gliederung auf: In der Wand sind in einer Reihe verlaufend spitzförmige Bögen herausgearbeitet; im Dekorfeld über der Spitze ist ein abstraktes Pflanzenmotiv entweder eingeritzt oder halbreliefartig modelliert deutlich sichtbar (Abb. 2). Neben dem Katafalk der Heiligen befindet sich ein einfaches kleineres Grab, in welchem nach Auskunft der Khadimīn ein Sohn des Faḍlī-Sultans Aḥmad al-Mukassir begraben sein soll. Ursprünglich dürfte dieses Grab von einer hölzernen Umzäumung umgeben worden sein, die aber heute völlig mit Gips bedeckt ist (Abb. 3). Der Katafalk Sa'īdahs, eine rechteckige Holzkiste, weist auf der einen Seite eine ausgesägte halbbogenförmige Öffnung auf, in die von den Khadimīn gemahlene Erde hineingestreut wird, welche durch den Kontakt mit der baraka-Potenz des Grabes der Heiligen als besonders wirkungsvoll für die Krankenheilung gilt und von den jeweils Bedürftigen entnommen, gegessen oder auf die betroffenen Körperstellen gestreut wird (Abb. 4). Auf der anderen Seite des Katafalks ist eine Widmungsinschrift von Sultan Nāsir b. 'Abdallāh b. Muḥamad al-Faḍlī, datiert im Jahre 1358H./1939, in Ritztechnik angebracht.

Die Pfosten des Katafalks an beiden Gräbern sind von den Pilgern mit Sesamöl (*salīṭ al-djildjilān*) eingerieben worden. Zum Zeitpunkt meines Besuches lag über der Holzkonstruktion ein rosa Seitentuch entfaltet. Über dem Katafalk des Grabes der Sa'īdah hing gleich einem Baldachin ausgebreitet eine grüne Fahne. In der Grabstätte selbst wird die Fahne (*bariq*) eingerollt verwahrt, der im Ritual der Konfliktlösung eine wichtige Funktion als Symbol der Macht der Heiligen zukommt. Außerdem befinden sich in der Grabstätte selbst mehrere Fahnenstangen, ein kleiner Löffel (*mil'aqah*) zum Entnehmen der geweihten Erde, ferner sind die im Kult gebräuchlichen Weihrauchbrenner vorhanden, ebenso hängt eine an einer eisernen Kette befestigte Öllampe aus Steatit an einer eisernen Kette.

Auf der oberen hölzernen Türleiste beim Eingang findet sich eine *basmala*-Formel geritzt.

[1] Vgl. Luqmān 1985:228, ferner 229, 231, 233.

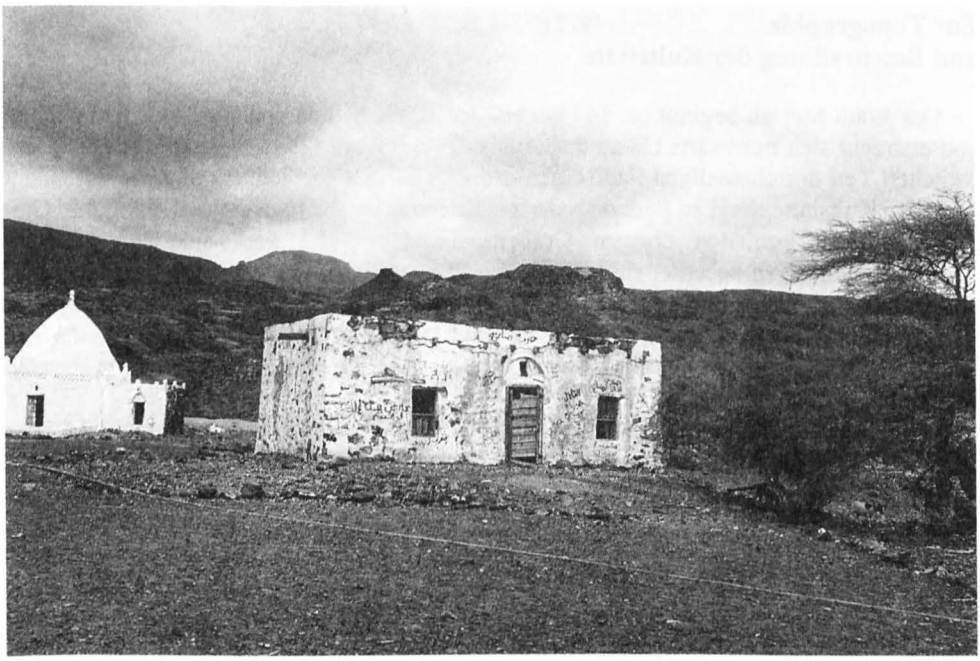


Abb.1. Die Grabstätte der Sa'īdah (links); rechts Hütte mit dem Grab von Sinān al-Tayyār

Abb. 2. Dekormuster im Inneren der Grabstätte von al-Sa'īdah

Abseits von Sa'īdah's Heiligtum findet sich eine einfache Lehmhütte, die das Grabanlage von Sinān al-Ṭayyār, dem Stammvater der Faḍlī-Sultane, beherbergt. In diesem Abschnitt sind die Gräber der übrigen Familienmitglieder der Faḍlī-Sultane gelegen. Die Faḍlī-Sultane dürften in einem engen religiös-politischen Nahverhältnis zu der Heiligen gestanden haben.

Im südöstlichen Teil des Areals sind die Hütten der Khadimīn (Ahl Filays) gruppiert (derselbe 1909:239–241). Diese entstammen sozial den Mashāyikh (B. 'Amr) und sind in zwei Gruppen gegliedert: den Al Haydar und Ahl Sumur.[2] Im Ritual der Konfliktlösung stellt die erstere Gruppe den Fahnenträger, während ein Mitglied der Ahl Sumur als Trommler fungiert.

Zur religiösen und sozialen Bedeutung Sa'īdah's:

Die jährliche Wallfahrt (*ziyārah*) zur Grabstätte findet jeweils in der Zeit vom 13. – 15. Radjab statt. Die Stämme nehmen getrennt an der Wallfahrt teil, wobei generell folgende Gliederung beachtet wird: An der Spitze der Prozession (*mawkab*) werden die für Sa'īdah bestimmten Opfertiere (Schafe) geführt, die meist von Kindern betreut werden, daran anschließend folgen voneinander getrennt die Gruppen der Männern und Frauen. Während der Wallfahrt rühmen die Pilger in verschiedenen Liedern und Rezitaten die Allmacht Allāhs (*yusabiḥūn*, Verherrlichen Gottes; *yuḥamidūn*, Lobpreisen Gottes; rezitieren der Glaubensformel: *lā ilah illā llāh* (es gibt keine Gottheit außer Allah); *yukabbirūn*, Rühmen Gottes: *Allāhū akbar*, Gott ist der Mächtigste). Erst nach dem Eintreffen der Wallfahrer im Areal der Grabstätte werden Lobpreisungen an Sa'īdah gesungen. In der *talbiyah* für Sa'īdah akzentuieren folgendes: "Wir kommen zu Dir um keine Gunst zu erwirken, noch um ökonomischen Vorteilen wegen, sondern nur um Dich zu verehren."[3]

Zu beachten ist die Tatsache, dass früher die Teilnahme an der Wallfahrt für alle Angehörigen der Abyān-Stämme verpflichtend war, seit 1966 delegieren jedoch die Stämme lediglich die Dorfvorsteher. Ein Wandel, der durch die damals kommunistische Regierung veranlasst wurde und gegenwärtig durch den Einfluss der aus dem nördlichen Jemen infiltrierten Iṣlāḥ-Partei, einer wahhabitischen Bewegung, die gegen den Heiligenkult propagiert, nicht verändert ist.[4]

Anlässlich der Wallfahrt werden die mitgeführten Opfertiere dargebracht, ebenso aber auch die als Erstlingstiere der Sa'īdah geweihten Schafe, die bis zu diesem Zeitpunkt in der Obhut der Khadimin waren. Bei den Letzteren handelt es sich um die Tiere des ersten Wurfs; diese Lämmer, die als Weihgaben für Sa'īdah (*naḏr li 'l-Sa'īdah*) werden markiert, womit sie der Güterzirkulation entzogen sind. In der Regel übernehmen die Khadimin ihre Betreuung. Ähnlich verhält es sich mit der Übergabe des ersten Getreidemaßes nach dem Worfeln (*awwal mikyal li 'l-Sa'īdah*).[5]

Interessant ist die verpflichtende Abgabe des Zehnten (*'ushūr*) an Sa'īdah, deshalb, weil man sich an die gleiche Verpflichtung für die altsüdarabischen Gottheiten wie z.B. Almaqah und Ta'lab erinnert (Müller 1997:102f; Sima 1998). Ich betone in unserem Zusammenhang das Verb "erinnern", d.h., dass ich in Bezug auf al-Sa'īdah keine folgenreichen Schlüsse ziehen möchte, denn es mangelt an der dafür notwendigen

[2] Vgl. dasselbe: Serjeant 1989:144.

[3] Eigene freie Übersetzung nach Kister 1991:52, no 23.

[4] Knysh 1997:203ff. Schildert ausführlich die inner-islamischen Tendenzen gegen den Heiligenkult in Südarabien.

[5] Bei Serjeant 1989:146 findet sich zusätzlich folgende Bezeichnung: *yikun tabbaruk li Sa'īdah*.

Abb. 3. Grab des Sohne von Sultan Ahmad al-Mukassir

Abb. 4. Katafalk der Sa'īdah mit der Öffnung für das Einstreuen und Entnehmen der geweihten Erde

Indizienkette. Die 'Ushūr-Menge richtet sich nach dem Prinzip der "zehn Furchen"; diese Menge wird gedrittelt; an den Manṣab und die übrigen Mashāyikh, ferner auch an die Khadimīn der Sa'īdah verteilt.[6]

Die individuellen Beziehungen zu al-Sa'īdah kommen im Besuch der Elternpaare zum Ausdruck, die ihre neugeborenen Kinder nach ihrem Lebensalter von 40 Tagen der Heiligen vorstellen und um ihren Segen und Schutz für jungen Erdenbürger zu erflehen. Hierbei übergeben sie dem Manṣab einen kleinen Geldbetrag und ein Kleintier. Unfruchtbare Frauen suchen häufig die Grabstätte auf und erflehen von Sa'īdah Hilfe für eine Schwangerschaft. Meist bestreichen diese Frauen die Grabpfosten des Katafalks mit Sesamöl.

Die gesellschaftliche Bedeutsamkeit liegt in der Tatsache begründet, dass die Grabanlage der Sa'īdah als eine Ḥawṭah gewohnheitsrechtlich gilt, d.h. als ein etabliertes Asylareal, über das die Abyān-Stämme ihren Schutz zu gesichert haben. Hier werden intertribale Konfliktfälle unter der Aufsicht des Manṣabs geregelt. In einem solchen Fall stehen sich die streitenden Parteien, je in einer Reihe aufgestellt, gegenüber. An den beiden Enden der Reihen warten die jeweiligen Shaykhs auf die Ankunft des Manṣab. Dieser wird von einem Fahnenträger und einem Trommler begleitet. Der Trommler verkündet das Eintreffen des Manṣab, der zweite Khadim trägt die aufgerollte Fahne der al-Sa'īdah, welche die Macht der Heiligen symbolisiert und damit tätliche Auseinandersetzungen unterbindet, zugleich auch die Gültigkeit des Rechtsspruches bestätigt. Die Fahne ist von grüner Farbe mit bedruckten pflanzlichen Ornamenten; darauf ein roter Stoff appliziert (Abb. 5). Auf diesem roten Stoffstück sind die islamische Glaubensformel in einer Reihe gestickt: Es gibt keine Gottheit außer Allah; darunter folgen rechts die Namen: Allāh – 'Alī – Ḥassan, auf der linken Seite sind erwähnt: Muḥammad – Fāflima – Ḥusayn. Als Dekor sind ein Halbmond mit einem fünfzackigen Stern im Mittelfeld angebracht, ebenso an jeder Ecke das gleiche Motiv. Nach Verhandlungen mit den Streitpartnern fällt der Manṣab den Friedensspruch (*ṣulḥ Sa'īdah*), der eine einvernehmliche Lösung intendiert. Ein kollektives Gastmahl, für das die streitenden Parteien vorsorglich Tiere mitgebracht haben, wird die Zusammenkunft für die Erreichung der gewünschten Konfliktregelung beendet.

Zum weiteren gewohnheitsrechtlichen Brauchtum zählen einerseits das Leisten des kollektives Eides (*qasāma*) und früher auch die Durchführung der Ordale.[7] Beide wurden

[6] Vgl. auch die zur Verteilung des "Zehnten" Landberg 1898:457.

[7] Zur qasāma s. Serjeant 1989:147ff. In der Anmerkung 72 setzt er sich kritisch mit der Auffassung von P. Crone: "Jahili and Jewish Law: The *qasāma*" (Jerusalem Studies in Arabic and Islam, Vol. IV, 1984:153–201 auseinander. Zum Ordal findet sich folgende Tagebuchaufzeichnung von Ed. Glaser: "Wird der in einem Beduinenprozess geleistete Eid angezweifelt und angefochten (*yeksar el-mashad*), dann kann man den Meineidigen oder falschen Zeugen (*esh-shahid el-fadjir*) ohne weiteres der *bisha* oder *terbi'* überweisen, d.h. ihn dem *mubeshi'* oder *murabbi* vorzuführen. Das ist eine gar merkwürdige Persönlichkeit, der *mubeshi'*. Gewöhnlich ist es ein Sayyid, selten ein anderer vornehmer Mann, der diese Rolle spielt. *Lahu ism*, 'er hat einen Namen, ein Zauberwort' heißt es, und mit der Hilfe dieses Zauberspruches unterscheidet er den Schuldigen vom Schuldlos, ... Es dürfte augenblicklich in ganz Südarabien kaum ein Dutzend *mubeshi'in* geben. Einer der bekanntesten ist Es-Selfi auf dem Djebel Raymah; ein anderer lebt in Nihm, ein dritter in El-Djayif im Balad Hamdan, ein vierter im Fadlilande, einer auch im Gebiete der Al Dhahm usw. Am liebsten wenden diese gottbegnadeten Geheimwisser bei Eruierung von Schuld und Unschuld die Feuerprobe an, indem sie den Verdächtigen ein heißes Eisen dreimal über die bloße Zunge ziehen. Bleibt keine Brandwunde und kleine Röte zuck; dann ist der Mann unschuldig." (Dostal 1990:211f.). C. Landberg (1898:171f.) führt folgende Mubeshi'an:

1. 'Abd Allah Moh. El-Bakri dans le pays d' al Ganab;
2. Munassar 'Abd Rabbah dans le pays d' al Basir;
3. Nasir es-Seyyid dans le Radman des 'Awad;

Abb. 5. Flagge der Sa'īdah verwendet bei Konfliktregelungen

vor dem Grabstelle der Sa'īdah durchgeführt; für Ordale waren Spezialisten vom Stamme der Muraqisha zuständig. Gewöhnliche Eide wurden innerhalb der Grabstätte durch Berühren des Katafalks mit der rechten Hand geleistet.

Bezüglich der politischen Dimension ist die frühere enge Beziehung der Faḍlī-Sultane zu der Kultstätte von al-Sa'īdah festzuhalten.[8] Obwohl die Faḍlī-Sultane historisch zu einem relativ späten Zeitpunkt, ca. 1811/12 (1257 H.), das Gouverneurs-Amt über die Shuqrah-Provinz von Imām al-Mahdī 'Abbās zu erkannt wurde, haben sie sich an die vorgefundenen Gegebenheit der tribalen Situation optimal angepasst und die Verehrung der Sa'īdah übernommen, die von alle Faḍlī-Stämmen praktiziert wurde. So musste jeder neu gewählte Faḍlī-Sultan die jährlich Wallfahrt zum Heiligtum der Sa'īdah anführen, um die Legitimität ihrer Herrschaft sicherzustellen Aus dieser Bindung ist zu verstehen, dass diese Sultane und ihre Familienmitglieder das Areal um das Heiligtum der Sa'īdah als Grabstätte bevorzugten. Auch die heute noch sichtbaren Widmungen der Faḍlī-Sultane zur Instandhaltung ihrer Grabanlage bezeugen dieses politisch notwendige Verhältnis. In

4. Le sultan des Yafi' dans el-Qarah;
5. L..et-Teyyri dans le pays des Qumush;
6. Un *gabili* de la famille des Ba Had à el-Khabr;
7. un *gabili* au village de Hada, le grand
8. marché des Qumush;
9. Le sheykh 'Abd el-Latif b. 'Abd el-Mani' au village d' es-Sa'id dans le W. Gerdan;
10. Le sheykh bin 'Abd el-Mani' au village Ghawl esh-Sheykh.

[8] Vgl. die Darstellung von Serjeant 1989:143ff.

diesem Zusammenhang sollte man sich die Tatsache vergegenwärtigen, dass der Kult der Sa'īdah im Mittelpunkt aller Faḍlī-Stämme stand. Aus diesem Grunde ließ auch die kommunistische Regierung des Südjemen trotz aller ihrer antireligiösen Bestrebungen das Heiligtum der Sa'īdah unangetastet. Die gegenwärtigen Schwierigkeiten für die Fortdauer dieses Heiligenkultes entstehen durch inner-islamische Tendenzen, die vor allem von der wahhabitisch-orientierten Iṣlāḥ-Partei forciert wird.

Zum grundlegenden Problem

Als Ausgangspunkt für die folgende Betrachtung stellt sich die Frage, ob al-Sa'īdah und ihr Kult als ein Survival der vorislamischen Vergangenheit im südarabischen Islam betrachten werden kann. Zu dieser Frage ist die Literatur mit Spekulationen versehen, die von C. Landberg und besonders von R.B. Serjeant vertreten werden. C. Landberg berichtet zunächst über der genealogischen Verbindung von Sa'īdah, nämlich Sa'īdah bint 'Umar b. Sa'īd, wodurch sie in ein Abstammungsnetz mit einem bekannten Manṣab-Familie verbunden zu sein scheint; ferner räumt er die Möglichkeit der Existenz eines sabäo-himjarischen Substrates ein.[9] Diese Feststellung gründet sich auf den himjaritischen Ursprung der Stämme dieser Region. R.B. Serjant's Auffassung beruht dagegen auf folgenden Überlegungen: Aus der Tatsache, dass Sa'īdah in ihm zugänglichen Dokumenten unbekannt ist sei, zieht er den Schluß: "the existence of a preislamic deity Sa'īdah cannot be ignored." (Serjeant 1989: 143). Meine Erhebungen stimmen darin überein, dass im unmittelbaren Umkreis der Grabstätte die genealogische Verknüpfung von Sa'īdah völlig unbekannt war, ebenso entbehrten viele Informanten aus der Provinz ein Wissen über Sa'īdah. Ferner verweist R.B. Serjeant auf die vorislamische Göttin Sa'īdah, für die er eine anlässlich bei Wallfahrten üblichen Anrufung (talbiyah) vorlegt (ibid.). Seine Quelle ist Muḥammad b. Ḥabīb's (+145H./762) "al-Muḥabbar", in der die weite Verbreitung der Sa'īdah erwähnt wird, wobei auch unter südarabischen Stämmen (Quḍā'ah), die aber auch im Norden Arabiens verbreitet waren, genannt sind. Allerdings fehlen in einer anderen zeitgenössischen Quelle, nämlich in Muqātil b. Sulaymān's (+150H./767) "Tafsīr" Angaben über Stammesnamen in der Anrufungsformel für Sa'īdah (Kister 1991:39, 52, no. 23). Wir können wohl für eine vorislamische Göttin gleichen Namens den Beleg für ihr Verehrung vorbringen, doch ist ihr Kult nur für Nord – und Zentralarabien nachzuweisen (Höfner 1970:365). M. Höfner ist zu dem der Auffassung, dass Sa'īdah ein Beinamen der al-'Uzzā sei. Man kann also bei dieser Beweisnotlage nicht mit Bestimmtheit sagen, ob in diesem gegenständlichen Fall die Annahme einer Analogie zutrifft d.h., dass wir aus den Mangel an vorliegenden Indizien, diese Frage unbeantwortet lassen müssen, ob Sa'īdah ursprünglich ihre Wurzeln in der vorislamischen Vergangenheit hat. So entrückt al-Sa'īdah weiterhin in den Bereich der Anonymität.

Literatur

Dostal 1990 — Dostal W. *Eduard Glaser – Forschungen im Yemen. Eine quellenkritische Untersuchung in ethnologischer Sicht.* Wien (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist.Kl. Sitzungsberichte, 545. Band. Veröffentlichungen der Arabischen Kommission Nr. 4).

[9] Vgl. Landberg 1898:454f., 457.

Hodgen 1936 — Hodgen M. *The Doctrine of Survivals*. London.
Höfner 1970 — Höfner M. "Die vorislamischen Religionen Arabien". In: *Religionen Altsyriens, Altarabiens und Mandäer*. Stuttgart (Religionen der Menschheit. Band 10, 2).
Kister 1990 — Kister M.J. "Labbayaka, Allāhuma, Labbayaka. On Monotheistic Aspects of a Jāhiliyya Practice". *Der Islam*. Band 68, H. 1, S. 33–57.
Knysh 1997 — Knysh A. "The Cult of Saints and Religion Reformism in Hadhramaut". In: Freitag U., Clarence-Smith W.G. (eds.). *Hadrami Traders, Scholars and Statesmen in the Indian Ocean, 1750s–1060s*. Leiden–New York–Köln, p. 199–216.
Landberg 1898 — Landberg Comte de. *Arabica*. No. V. Leiden.
derselbe 1909 — derselbe. *Études sur les dialectes de L'Arabie Méridionale*. II. Vol. Dathinah, 2.P. Leiden.
Luqmān 1985 — Luqmān, Ḥamzah 'Alī. *Tarīkh al-qabā'īl al-Yaman*. Ṣan'ā'.
Malinowski 1944 — Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.
Morgan 1877 — Morgan L.H. *Ancient Society*. New York.
Müller 1997 — Müller W.W. "Das Statut des Gottes Ta'lab von Riyam für seinen Stamm Sum'ay". In: Stiegner R.G. (Hrsg.). *Aktualisierte Beiträge zum I. Internationalen Symposium Südarabien interdisziplinär an der Universität Graz. In Memoriam Maria Höfner*. Graz, S. 89–110.
Serjeant 1989 — Serjeant R.B. "Dawlah, Tribal Shaykhs, the Mansab of the Waliyyah-Sa'idah, *qasama*, in the Faḍlī-Sultane, South Arabian Federation". In: Moawiyah M. Ibrahim, (ed.). *Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul. Symposium at Yarmouk University, December 8–11, 1984*. Wiesbaden.
Sima 1997 — Sima A. "Notes on *'sr* in Sabaean Insciptions". *PSAS*, vol. 29, p. 159–166.
Tylor 1871 — Tylor E.B. *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art and Custom*. London.

IWONA GAJDA
(*Paris*)

Une nouvelle inscription juive de Ẓafār

Une nouvelle inscription vient d'enrichir le corpus d'inscriptions sudarabiques juives. Elle présente un intérêt particulier pour la connaissance du judaïsme en Arabie du Sud. C'est la première preuve explicite de la conversion des habitants de l'Arabie du Sud au judaïsme. Nous savons que des communautés de Juifs de souche existaient en Arabie du Sud au plus tard à partir du IVe siècle de l'ère chrétienne et probablement bien avant. Plusieurs indices montrent que des Sudarabiques se convertissaient au judaïsme, sans que nous sachions précisément de quel type de conversion il s'agissait, si les convertis se considéraient comme Juifs à part entière ni s'ils étaient considérés comme tels par la communauté des Juifs de souche.

Pour la première fois, les auteurs de l'inscription, portant des prénoms sudarabiques, des personnages de haut rang, dominant plusieurs lignages sudarabiques, se disent clairement faire partie du «peuple d'Israël», en invoquant le Dieu unique (Dieu invoqué dans de nombreuses inscriptions de l'époque tardive dite «monothéiste», mais qui ne sont pas dans leur majorité explicitement juives).

L'inscription a été photographiée à Ẓafār par Monsieur Ibrāhīm al-Hudayd qui a eu l'amabilité de m'en transmettre la photographie (fig. 1). Qu'il trouve ici l'expression de ma gratitude.

L'inscription, inscrite en relief sur un bloc de calcaire, porte trois monogrammes à la hauteur des lignes 5–7. Elle est légèrement endommagée dans ses angles supérieurs droit et gauche et dans son angle inférieur gauche.

Transcription:

	?		?		
1	...]*n 'bs²mr w-hs²(k)t-hw 'b'ly w-'lwd-hm(y) Y*[..				
			?		
2	..] *(M)rṯd'ln bnw Ḥryn w-Ḏrḥ w-Khnl w-Ḏ'ln w-*				
	?				
3	*Nhs¹n w-Hywtm br'w w-hwṯrn w-hs²qrn byt-hmw*				
4	*Yrs³ l-ḥyw w-ṣlḥ 'fs¹-hmw w-'lwd-hmw*				
5	mono-	*w-s¹hm-hmw w-*	mono-	*n'm-hmw w-b*	mono-
6		*rd' w-ḫyl m*		*r'-hmw 'ln*	
7	gramme	*b'l s¹myn w-*	gramme	*'rḍn w-b-rd'*	gramme
8	*(s²)'b-hmw Ys³r'l w-b-rd' mr'-hmw S²rḥb*				
9	*'l mlk S¹b' w-ḏ-Rydn w-Ḥḍrmwt w-l-(ḥ)*				

© Iwona Gajda, 2004

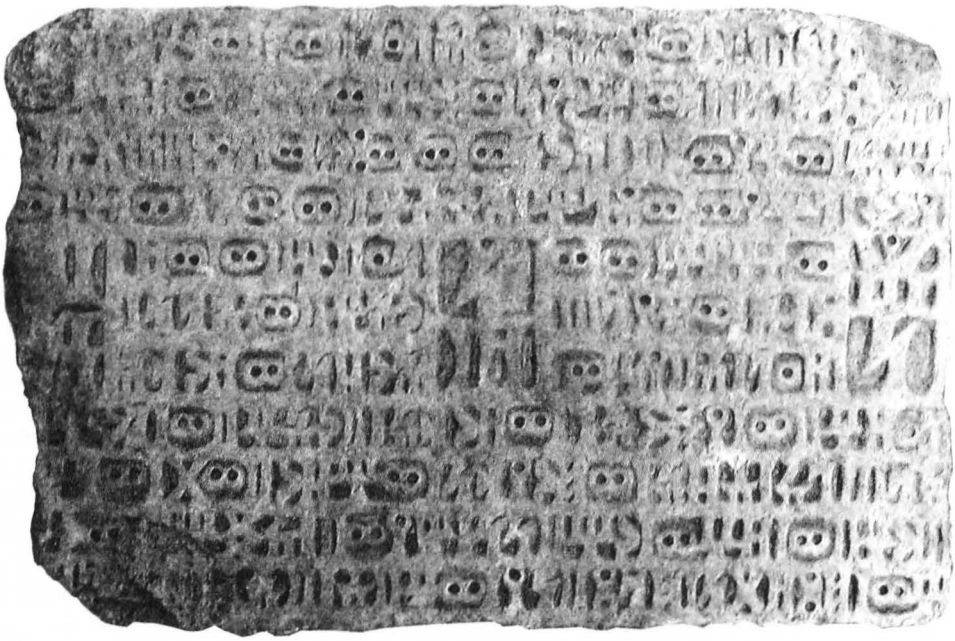


Fig. 1. Inscription Ibrahim al-Hudayd 1

10 *mr-hmw b-hw Rḫmnn ḥywm ks*^{3}*ḥ*[*m*] *wr*[*ḫ*]
?
11 *hw ḏ-ṯbtn ḏ-l-ṯmny w-ḫms*^{1} *m'*[*tm*](')*m*[*n*]

Monogrammes:

Le monogramme de droite se lit *Ḥryn*. Celui du milieu est composé des lettres *y* ou *'*, *n*, *b*, *m*; il pourrait correspondre à un anthroponyme ou à un anthroponyme épithète qui a disparu du début de la ligne 1. Le monogramme de gauche, endommagé, est composé des lettres *ḥ*, *n*, *s*^{1} et doit être lu probablement *Nḥs*^{1}*n*.

Traduction:

1 ...] ? Abīshammar, son épouse Abī'alī et leurs enfants [...
2 ..] Marthad'īlān, ceux <des lignages> de Ḥarīn, de Dhāriḥ, de Kahnal, de Dha'lān,
3 de Naḥsān et de Haywatum ont construit, posé les fondations et achevé leur maison
4 Yariś pour la vie et la prospérité d'eux-mêmes, de leurs enfants,
5 de leurs proches (?) et de leurs serviteurs (?). Avec
6 l'assistance et la puissance de leur seigneur Ilān,
7 seigneur du ciel et de la terre, avec l'assistance
8 de leur peuple Israël et avec l'assistance de leur seigneur Sharaḥbi'īl,
9 roi de Saba', dhū-Raydān et du Ḥaḍramawt. Que
10 Raḥmanān leur donne dedans <dans cette maison> une vie honorable (?). Au mois
11 de dhū-thabtān de <l'an> cinq cents quatre-vingts. Am[en.]

Commentaire philologique:

l. 1. ...]*n*: le nom qui précède *'bs²mr* correspond probablement au monogramme du milieu. Ce nom pourrait être composé des lettres *y* ou *', n, b, m*. Il est difficile de dire s'il s'agit d'un anthroponyme ou d'un anthroponyme épithète qui précéderait d'une manière inhabituelle le nom *'bs²mr*.

'bs²mr: anthroponyme bien attesté en sabéen (voir les inscriptions Gr 41/1; Fa 3; Wellcome A/9; ZI 27; Ir 23/1; Ir 27/1; Av. Aqmar 2/1). *'bs²mr* doit-il être considéré ici comme anthroponyme ou anthroponyme épithète? Il semble plutôt s'agir de l'anthroponyme.

'b'ly: nom propre de femme en sabéen (voir Sholan 1999:43), également attesté pour les hommes en sabéen (Tairan 1992:54–55) et en qatabānite (Hayajneh 1998:60).

?

l. 1–2. *w-'lwd-hm(y) Y*[.. (2) ..] *(M)rṯd'ln*: après *w-'lwd-hm(y)*, il serait naturel de voir une énumération des enfants. Or, l'espace à la fin de la ligne 1 ne permet pas de restituer plus de trois lettres, alors qu'au début de la ligne 2 il y a la place pour deux lettres au plus. Le nom *(M)rṯd'ln* n'est pas précédé par la conjonction *w-* laquelle apparaît dans des énumérations; il est précédé d'un trait de séparation; devant ce trait apparaît une lettre dont seule subsiste la partie inférieure en forme de deux traits verticaux. Le mot disparu serait-il une épithète de Marthad'īlān qui le précéderait de manière inhabituelle, comme peut-être dans le cas de son père Abīshammar?

l. 2. *Ḥryn*: première attestation de ce nom de lignage. Un nom de lignage *'l-Ḥryn*, avec l'article arabe *al-*, est attesté dans un des graffitis arabes islamiques en caractères sudarabiques, Robin—Umm Layla 2.

Ḏrḥ: est attesté une fois comme nom de lignage qatabānite dans l'inscription Ry 462. On ne sait si le lignage *Ḏrḥ* de notre inscription ḥimyarite pourrait être apparenté à ce lignage qatabānite. La forme *Ḏrḥ* est aussi connue comme un anthroponyme épithète et un anthroponyme en sabéen et en qatabānite, il en est de même pour *Ḏrḥn* (voir, par exemple, Arbach 2002:203–204). *Ḏrḥn* est un nom de lignage qatabānite (voir notamment les inscriptions RES 3566/28; RES 311/1; RES 3902, n° 127; Ja 138–167). *Ḏrḥm* est attesté comme nom de lignage dans CIH 717/3.

Khnl: attesté une fois comme nom de lignage (*bny Khnl*) dans l'inscription Ist. 7630/6 de Baynūn. Il est assez probable qu'il s'agisse du même lignage. *Khnl* apparaît une fois comme nom de lieu (nom de construction) dans l'inscription DJE 12/4 du Musée de Ta'izz (provenant probablement de Mārib?).

Ḏ'ln: nom de lignage dont c'est la première attestation. *Ḏ'ln* apparaît comme nom de lieu dans l'inscription Ja 1093/2 où il désigne un vignoble (*wyn*) et dans l'inscription Na NAG 64/4 où il désigne une palmeraie (*nḫl*). Nous pourrions lire également *ḏ-'ln*. *'ln* est un nom de citadelle à Ẓafār, évoquée dans l'inscription Ja 631/24–25 relative à la guerre du roi sabéen Sha'r Awtar contre le roi éthiopien Gadarat. Il est difficile de déterminer si ce nom de lignage provient de la forteresse *'ln*.

l. 3. *Nḫs¹n*: ce nom de lignage est attesté dans les inscriptions CIH 78/2, 10 (une dédicace à *'lmqh ḏ-Hrn*, provenant de 'Amrān); Ja 2927 m/2 de Jabal 'Amūd al-Aryaf «à une heure de route de Bāb al-Falaj, sud-ouest de Mārib» (la graphie de l'inscription est archaïque); RES 4423 de la région de Mārib.

Hywtm: nom de lignage dont c'est la première attestation. Une autre lecture possible, *Hywzm*, ne donne pas plus de résultat.

l. 4. *Yrs³*: attesté comme nom de maison également dans les inscriptions CIH 6/3 (datée de l'an 573 ḥim. soit 463 de l'ère chrétienne); CIH 259/3 de Bayt Ġufr; CIH 644/1 (du

règne de Sharaḥbi'īl Yakkuf); MAFRAY-Ḥaṣī 9/3 et dans MAFRAY-Ḥaṣī 7 où il désigne un palais des Haṣbaḥides. *Yrs*^{3} est aussi attesté comme nom de bâtiment dans Ja 121/2. Un nom de maison *Yrs*^{1} (avec un *s*^{1} prononcé à l'époque tardive de la même façon que le *s*^{3}) apparaît dans l'inscription Fa 74/2 datée de l'an 614 ḥim. soit 504 de l'ère chrétienne.

l. 5. *s*^{1}*hm*: première attestation de la racine S^{1}HM en sabéen. Un substantif *s*^{1}*hm* apparaît en qatabānite, dans les inscriptions CIAS 47.82/j1/4 (*w-kl s*^{1}*hmm w-qnym*); Doe 2/5 (*w-s*^{1}*hmm w-qnym*); MuB 206/4 et MuB 545/1. L'interprétation de *s*^{1}*hm* dans l'inscription CIAS 47.82/j1/4 comme «butin (de prisonniers)», proposée par J. Pirenne, n'a pas paru convaincante à A.F.L. Beeston. Il propose de rapprocher *s*^{1}*hm* de l'arabe *suhma* expliquée par *qarāba* «parenté, parents» (Beeston 1981: 12). Le passage *w-kl s*^{1}*hmm w-qnym* dans l'inscription CIAS 47.82/j1/4 a été traduit par «tous les domestiques et esclaves» dans le *Lexicon of Inscriptional Qatabanian* de S.D. Ricks. Dans sa publication de l'inscription qatabānite, MuB 545, M.A. Bāfaqīh traduit le nom *s*^{1}*hm* par l'arabe *jāriya* (?): «fille, servante (esclave ou non)» en se fondant, d'une part, sur le contexte de l'inscription qatabānite CIAS 47.82/j1/4 et, d'autre part, sur les attestations du mot *s*^{1}*hm* en sabéen, dans les inscriptions inédites d'al-Mi'sāl (surtout 5 et 6) où il s'agit également d'un butin partagé entre les combattants (Bāfaqīh 1994:21–22). Grâce à la générosité de Ch. Robin et de F. Bron qui préparent la publication des inscriptions d'al-Mi'sāl, nous avons pu consulter le passage de l'inscription MAFRAY-al-Mi'sāl 5/7 auquel semble faire référence M.A. Bāfaqīh: *w-'wlw w-s*^{1}*by kl s*^{1}*hm w-'s*^{1}*d w-s*^{2}*r' w-qny hnt mṣn'n*, ce que nous pourrions traduire: «ils ont ramené et capturé tous les *s*^{1}*hm*, guerriers, *s*^{2}*r'* (?) et esclaves (?) de cette forteresse». Le nom *s*^{1}*hm* désigne dans ce passage clairement une catégorie de personnes, mais le sens de «prisonniers» ne s'impose pas, comme il ne s'impose pas dans l'inscription qatabānite CIAS 47.82/j1/4, ni dans les autres inscriptions qatabānites. Sans pouvoir trancher, nous penchons pour la suggestion de A.F.L. Beeston et proposons de traduire le nom *s*^{1}*hm* dans cette inscription par «proches, parents».

n'm: la racine N'M est bien attestée en sudarabique. En général, elle a le sens de «prospérité, succès, faveur». Le nom au pluriel, *'n'm*, attesté une fois en sabéen (MAFY-Ḥamida 2/4: *w-b-s*^{2}*'b-hmw b-Ḥmdw w-b-'n'm-hmw*), désigne sans doute une catégorie de personnes ou un groupe humain. Ch. Robin suggère d'interpréter *'n'm* comme «bienfaiteurs» ou «notables (de la tribu)» (Robin 1977, II:318 et 320). Le *Dictionnaire sabéen* propose le sens de «marchandises, biens», mais ce sens ne nous paraît pas approprié dans ce contexte, où il s'agit vraisemblablement de personnes. De plus, si nous comparons le passage de notre inscription: *w-s*^{1}*hm-hmw w-n'm-hmw* avec le passage des deux inscriptions qatabānites CIAS 47.82/j1/4 (*w-kl s*^{1}*hmm w-qnym*) et Doe 2/5 (*w-s*^{1}*hmm w-qnym*) — le nom *n'm* pourrait correspondre au nom *qny*, interprété comme «esclaves». Nous suggérons d'interpréter le mot *n'm* dans notre inscription comme «serviteurs».

l. 8. *Ys*^{3}*r'l*: le nom d'Israël est mentionné également dans les inscriptions Gar Bayt al-Ashwal 1/3 (*s*^{2}*'b-hw Ys*^{3}*r'l*); CIH 543/1([*b*]*rk w-tbrk s*^{1}*m Rḥmnn ḏ-b-s*^{1}*myn w-Ys*^{3}*r'l w-* (2) *'lh-hmw rbyhd*) et dans une inscription fragmentaire, Gar FES II, 7/2.

l. 10. *b-hw*: probablement la préposition *b-* suivie d'un pronom personnel suffixé de la 3e personne au singulier.

ks^{3}*ḫ*[..]: nous suggérons de restituer *ks*^{3}*ḫ*[*m*]; il n'y a que la place pour une lettre et un trait de séparation avant le mot suivant. Le nom *ks*^{3}*ḫ*[est attesté dans l'inscription Gar NIS 4/8, dans un contexte fragmentaire. C'est également une inscription tardive, de l'époque «monothéiste». Cette inscription est de nature semblable à celle présentée ici. Les

auteurs de l'inscription Gar NIS 4, un homme, son épouse et leurs enfants, commémorent la construction de leur maison en invoquant le Dieu unique *Rḥmnn* et en l'implorant pour qu'il «leur donne <une vie> honorable dans l'avenir proche et lointain (?)» (*l-ḫmr-*$^{(8)}$*ḥmw qdmm w-ʿḏ*[*rm*] *ks*^{3}*ḥ*[*m*, l. 7–8). A.F.L. Beeston penchait pour l'interprétation de J. Ryckmans: «a first born and succeeding generations», tout en évoquant aussi sa première idée: «a pure life (*ks*^{3}*ḥ*) in both the near and remote future» (voir: Beeston 1980:21 et 23, note 11). L'interprétation «pour qu'il leur donne le premier-né et la descendance honorable» ne nous paraît pas entièrement satisfaisante dans cette inscription dont les auteurs ont déjà des enfants. Aussi, nous suggérons de retenir la seconde suggestion d'A.F.L. Beeston «<une vie> honorable dans l'avenir proche et lointain (?)» qu'il faudrait comprendre peut-être comme «une vie honorable ici-bas et au-delà». Nous proposons de retenir le sens «honorable» pour le mot *ks*^{3}*ḥ*[..] dans notre inscription.

Commentaire historique:

L'inscription est datée du mois de dhū-thabtān de l'année 580 de l'ère ḥimyarite ce qui correspond à avril 470 de l'ère chrétienne. Le roi Sharaḥbi'īl invoqué par les auteurs peut être identifié selon toute vraisemblance avec Sharaḥbi'īl Yakkuf, roi de Saba', dhū-Raydān, Ḥaḍramawt, Yamanat et de leurs nomades du Ṭawdum et de la Tihāmat. En effet, la dernière inscription datée de son prédécesseur Sharaḥbi'īl Ya'fur, Gar ŠY, porte la date du mois de dhū-īlān 572 ḥim. (soit décembre 462). La première inscription datée du règne de Sharaḥbi'īl Yakkuf, CIH 537 + RES 4919, porte la date du mois de dhū-kharīfān 582 ḥim. (soit août 472). Elle a été rédigée pendant la corégence de Sharaḥbi'īl Yakkuf avec ses fils, Nawfum, Laḥay'at Yanūf et Ma'dīkarib Yun'im. Le règne de Sharaḥbi'īl Yakkuf pourrait pourtant avoir commencé plus tôt d'après une inscription fragmentaire, CIH 644, dont la date ne comporte qu'un nom de mois et le chiffre des unités, dhū-ḥillatān de l'an [..]5 ḥim. L'inscription évoque le roi Sharaḥbi'īl Yakkuf seul, sans ses fils, elle pourrait donc être antérieure à l'inscription CIH 537 + RES 4919 datant de la corégence de Sharaḥbi'īl Yakkuf avec ses fils (sans certitude, car certaines inscriptions rédigées par des tiers ne mentionnent pas tous les corégents). L'inscription CIH 644 pourrait donc dater du mois de dhū-ḥillatān de l'an [57]5 ḥim. soit de février [46]6. Le règne de Sharaḥbi'īl Yakkuf aurait commencé avant cette date.

Datée du mois de dhū-thabtān de l'an 580 ḥim. (avril 470 de l'ère chrétienne), notre inscription daterait du règne de Sharaḥbi'īl Yakkuf.

Le titre royal de Sharaḥbi'īl Yakkuf a de quoi surprendre. A partir de la fin du règne d'Abīkarib As'ad avec ses fils (voir l'inscription Ry 509), les rois ḥimyarites portaient le titre dit «très long»: «roi de Saba', dhū-Raydān, Ḥaḍramawt, Yamanat et de leurs nomades du Ṭawdum et de la Tihāmat». Sharaḥbi'īl est pourtant évoqué dans notre inscription comme le «roi de Saba', dhū-Raydān et du Ḥaḍramawt». En fait, ce titre correspond à la réalité politique de l'époque, car sont mentionnées les principales composantes du royaume ḥimyarite. Ce titre abrégé ne semble pourtant refléter aucun changement politique. Il semble que les auteurs des inscriptions n'éprouvaient pas toujours le besoin de mentionner le titre complet d'un roi évoqué, quand le titre était long. Ainsi, l'inscription Schm/Mārib 28 où les rois Dhamar'alī Yuhabirr et son fils Tha'rān Yuhan'im sont évoqués avec le titre abrégé «roi de Saba', dhū-Raydān et du Ḥaḍramawt», au lieu de «roi de Saba', dhū-Raydān, Ḥaḍramawt et Yamanat». D'autre part, l'inscription Maṣna'at Māriya évoque le même roi

Tha'rān Yuhan'im sous le titre de «roi de Saba' et dhū-Raydān», fils de Dhamar'alī Yuhabirr, «roi de Saba' et dhū-Raydān».

Les auteurs de l'inscription invoquent le dieu unique Ilān, «seigneur du ciel et de la terre», nommé aussi, dans la même inscription, Raḥmanān. Ils mentionnent «leur peuple Israël» ((s^2)*'b-hmw Ys^{3}r'l*). Ils se considèrent visiblement comme Juifs. Pourtant, dominant plusieurs lignages sudarabiques, ils sont sans aucun doute originaires de l'Arabie du Sud, prosélytes, peut-être convertis au judaïsme depuis quelques générations. De même, dans l'inscription Gar Bayt al-Ashwal 1/3, dans le passage *b-rd' w-b-zkt mr'-hw ḏ-br' nfs^1-hw mr' ḥyn w-mwtn mr' s$^{1(3)}$ myn w-'rḍn ḏ-br' klm w-b-ṣlt s^2'b-hw Ys^{3}r'l*: «avec l'aide et la grâce de son Seigneur qui a créé sa personne, seigneur de la vie et de la mort, seigneur du ciel [3] et de la terre qui a créé tout et avec les prières de son peuple Israël», il faut comprendre *s^2'b-hw Ys^{3}r'l*, «son peuple Israël», comme le peuple de l'auteur et non le peuple de Dieu.

Dans d'autres inscriptions qui font mention du «peuple d'Israël» ou qui pourraient avoir pour auteurs des prosélytes, la formulation ou le contexte sont plus ambigus. L'auteur de l'inscription Gar Bayt al-Ashwal 1, Yehūda Yakkuf pourrait aussi bien être Juif de souche que prosélyte. Les auteurs de l'inscription CIH 543 commencent leur texte par une formule étrange: *[b]rk w-tbrk s^{1}m Rḥmnn ḏ-b-s^{1}myn w-Ys^{3}r'l w-'lh-hmw rbyhd*: «Que bénisse et soit béni le nom de Raḥmanān qui est au ciel et Israël et leur dieu, Seigneur des Juifs». Israël y est mentionné, mais il n'est pas certain que les auteurs se considèrent comme en faisant partie, ni qu'ils considèrent «leur dieu, Seigneur des Juifs» comme leur propre dieu. Ils pourraient en effet être extérieurs au judaïsme ou n'y adhérer que jusqu'à un certain point (comme «sympathisants» ou «craignant Dieu», par exemple). L'auteur de l'inscription MAFRAY-al-Ḥaṣī 1, un noble de haut rang, de la famille aristocratique des Haṣbaḥides, décrète l'instauration d'un cimetière juif et y consacre des parcelles de terrain. Il est probablement Juif lui-même, mais nous ne pouvons pas en être absolument sûrs.

L'inscription présentée ici apporte pour la première fois la preuve incontestable de la conversion d'habitants de l'Arabie du Sud au judaïsme.

Bibliographie

Arbach 2002 — Arbach M. *Les noms propres du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV Inscriptiones ḥimyariticas et sabaeas continens.* Paris–Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques, 7).

Bāfaqīh 1994 — Bāfaqīh M.A. «Nuqūš wa-dilālāt». *Raydān*, vol. 6, p. 6–31.

Beeston 1980 — Beeston A.F.L. «Studies in Sabaic Lexicography II». *Raydān*, vol. 3, p. 17–29.

Beeston 1981 — Beeston A.F.L. «Miscellaneous Epigraphic Notes». *Raydān*, vol. 4, p. 9–28.

Hayajneh 1998 — Hayajneh H. *Die Personennamen in den qatābanischen Inschriften.* Hildesheim–Zürich–New York (Texte und Studien zur Orientalistik, 10).

Ricks 1989 — Ricks S.D. *Lexicon of Inscriptional Qatabanian.* Roma (Studia Pohl, Dissertationes Scientificae de Rebus Orientis Antiqui, 14).

Robin 1977 — Robin Chr.J. *Le pays de Hamdān et Ḥawlān Quḍā'a (Nord-Yémen) avant l'islam.* 2 vols. Paris (thèse de doctorat de troisième cycle).

Sholan 1999 — Sholan A. *Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften.* Hildesheim–Zürich–New York (Texte und Studien zur Orientalistik, 11).

Tairan 1999 — Tairan S.A. *Die Personennamen in den altsabäischen Inschriften.* Hildesheim–Zürich–New York (Texte und Studien zur Orientalistik, 8).

GIOVANNI GARBINI
(*Rome*)

The origins of South Arabians

One of the most significant results of archaeological research in Yemen in the last decades of the 20th century was the confirmation of a clear typological caesura dividing Yemenite cultures of Bronze Age from what we define South Arabian civilisation. Such a caesura appears less definable from a chronological point of view because of the uncertain chronology both of the first ones, usually considered very ancient by the archaeologists without valid proofs, and of the initial phase of the latter, which appears however already formed in its essential characters at the beginning of the 1st millennium BC. It is however likely that the example of Sabir culture, dated between 14th and 9th century BC, should not be considered as an isolated case: in full Iron Age it testifies the persistence of a cultural horizon substantially identical to the one of the Bronze Age. Since during the Bronze Age in Yemen, unlike Mesopotamia and Syria-Palestine, urban culture and complex social structures were still missing, we could affirm that, in marginal areas such as Tihama and Ḥaḍramawt, sub-Neolithic cultural forms survived side by side with South Arabian civilisation. If we consider South Arabian civilisation in the historical and cultural milieu where it appeared, and its lack of models in all ancient Near East, today more clearly than in the past it appears as the product of people coming from outside, who created and developed this original form of culture after having settled in Yemenite highlands. It would be very important to know which kind of relationship existed between newcomers and pre-existent populations, especially in the initial phase of South Arabian presence. But inscriptions do not tell anything about this and very few elements may be deduced from archaeological data, still too scanty and uncertain to be fruitfully used. The impression we get from the present documentary situation is that the two communities were substantially separated from each other: where South Arabians are attested the ancient inhabitants of Yemen seem to be absent and where archaeological rests relating to local population are found there is no trace of a contemporary South Arabian presence. It is to hope that future researches will contribute to solve this problem.

At this point of the research, the question about the origin of South Arabian populations becomes historically important, even if maybe not essential for the comprehension of South Arabian civilisation itself. In the general framework of the ancient Near East in the 2nd millennium BC the movement of large human groups which was to start a new kind of civilisation cannot be considered as identical to the migrations which took place in prehistoric times. South Arabians were travelling in a setting, which had already become, more than one millennium before, "historical". Today we cannot state anything more

© Giovanni Garbini, 2004

precise neither about the most ancient South Arabian historical events preceding the settlement in Yemen, nor about the first centuries of the history of this settlement. Nevertheless the historical picture of surrounding areas will help us to fix some points and, starting from them and with the help of new discoveries, the reconstruction of South Arabian proto-history in its essential lines will become possible.

The first question we have to ask concerns the time when South Arabians arrived in Yemen. In a preliminary way we must immediately say that probably this arrival did not happen in a single moment of time. There were a certain number of different arrivals, more or less remarkable, in different moments. My personal opinion, which I have already expressed several times, is that Sabaeans were the last South Arabians who settled in Yemen and that this happened towards 700 BC, when South Arabian civilisation was already formed in its essential structures (Garbini 1984a and 1998). The essential point is to try to determinate the moment when the first important human nucleus arrived to Yemen, creating a turning point in the history of the region. Scholars usually agree that this probably happened in the second half of the 2nd millennium BC, even if some archaeologists show a preference for the upper limit of this period of time. It is though more likely, for a number of reasons, that we will have to move towards the lower limit.

The most evident reason comes from archaeological documentation: the many excavations of buildings undertaken so far have shown that all the monumental architecture is not prior to 800 BC; and also if its beginnings were to be dated to the end of 9th century, the centuries (six or seven according to some archaeologists) of preparation supposed for a civilisation which bursts, almost suddenly, between the 9th and the 8th century BC are still too many. A period of time between 12th and 10th century appears far more reasonable, inferring a large arrival of South Arabians concentrated in a brief period, without excluding that little sporadic groups may have arrived before it. This date fits in conveniently also with two characterising aspects of South Arabian civilisation: the use of camel and writing. As for the first one, it is true that the most ancient direct documentation dates back to 9th century BC (Retsö 1991), but also in this case we must admit that this documentation implies that a certain period of time, not too short, had passed from the initial moment of a large diffusion of the camel. And this is also true for writing, as we will better see further on. In conclusion, a number of facts indicates that the first South Arabians arrived to Yemen before 1000 BC, but not too far from this date. We could even wonder if the end of Sabir culture is somehow related to the passage of Northern peoples, later settled in Eastern Africa.

It is more difficult to determinate the place of origin of South Arabian tribes. They arrived to Yemen certainly from the north of Arabian Peninsula, but we do not know if they came from Mesopotamia, from some other area close to Persian Gulf, or from Syria-Palestine. And we also ignore through which ways they moved south. Some general consideration may help to start answering these questions.

The settlement of large tribal groups coming from the north in Yemenite highlands implies the use of the camel as beast of burden and mean of transport. Since the most ancient attestation of taming of camels in the Near East, dating back to the half of 3rd millennium BC, comes from North-Eastern Arabia, close to Persian Gulf, we may imagine that South Arabians came from a place in this area and that they were the first Semites who adopted this animal, tamed some millenniums before in Central Asia. This general statement would be only a logic abstraction if it did not find a confirm in linguistics.

The whole of ancient and modern South Arabian dialects forms a homogenous group within Semitic languages, clearly distinct from all other languages previously attested, from 3rd to 1st millennium BC (Ethiopic is an autonomous development of a South Arabian dialect: Garbini 2003). In comparison with these languages, South Arabian shows some archaic forms (themes of personal pronouns, double prefix conjugation) which imply a closer relationship with Mesopotamian Semitic (Akkadian) than with that of Syria and Palestine (North Western Semitic). It should be also noticed that Babylonian and Assyrian texts of the 2nd and 1st millennium BC show some phenomena, as the existence of lateral consonants and verbal suffixes with *-k*, which are typical of South Arabian (Garbini 1984b). Moreover, there are several important lexical borrowings, such as the word *'fkl* indicating a category of priests (see Akkadian *apkallu*, of Sumerian origin) and the verb *sṭr* "to write" (Akkadian *šaṭāru*). From these elements we can reasonably suppose that South Arabians, before settling in Yemen, have lived for some time in a region close to Mesopotamia, along the North Eastern coast of the Arabian Peninsula.

The second characterising element of South Arabian culture, in the perspective of this research, is its peculiar system of writing. South Arabian writing forms, together with Ethiopian and so-called North Arabian writing, the southern branch of Semitic alphabetic writings (the syllabic writing used in Ethiopia is a secondary development of the alphabetic one). Until not so long ago, the common opinion, after an important essay of W.F. Albright (Albright 1952), was that North Arabian and South Arabian writings both derived from a writing, defined "proto- Arabian", attested in a series of documents discovered in Mesopotamia, dating back to 9th and 8th century BC. The discovery of ancient South Arabian inscriptions in Hajar Bin Humeid (Jamme 1969), more correctly evaluated only after the finding of those from ad-Durayb (Garbini 1992 and 1996), showed the existence of a South Arabian writing with not yet "classic" forms already in 9th century BC, if not before. This means that all the inscriptions which were considered "proto-Arabian" are contemporary of the South Arabian ones. Therefore the origins of South Arabian writing is not to be placed in Mesopotamia.

The study of the origin of Southern Semitic writing knew an important turning-point when A.G. Lundin (Loundine 1987) noticed that the cuneiform signs on a tablet from Beth Shemesh, dated to 13th century, formed an alphabetic sequence whose signs followed the order of Southern alphabet, still substantially preserved in Ethiopian. Shortly afterwards another alphabet with the same writing and the same order was discovered in the town of Ugarit, Syria (Bordreuil-Pardee 1995). In the light of these new data, some evident affinities between proto-Sinaitic writing (that is usually placed in 15th century BC, but in my opinion dates back to 14th or 13th century BC) and the Southern Semitic writing find an explanation in a historical and cultural situation, not conceivable until a few years ago: in all Syro-Palestinian area lived, next to local populations, a group of people that we can already define "Arabian", but not yet "Southern". The vase-graffiti from Kamid el-Loz, with some sporadic signs which are identical to those that will be adopted in South Arabian writing, attest such a presence in Lebanon already in the 14th century BC. In conclusion, it is no more possible to doubt that Southern Semitic writing, with its peculiar form and order of signs, was invented in Syro-Palestinian area towards the 14th–13th century BC, in imitation and contraposition to Phoenician writing.

Obviously we cannot know how and in which forms this "Arabian" writing originated and developed: presumably different tribes progressively adopted it. Apart from some

epigraphic evidence of very uncertain interpretation, such as an inscription from Har Karkom, in the Sinai (Garbini 1996: 286), the most ancient document of this writing is of indirect nature: in a Luvian text from the 8th century BC Yariris, king of Karkemish, says that he knew 12 languages and 4 writings. One of those is called writing "of Taiman" (Hawkins 1975: 150–151). The name Taiman recalls the oasis of Teima, but we should remember that in the 8th century BC the population that will give name to the North Arabian town was living in a much northern area. In the 10th century the Assyrian king Adadnirari II (911–891 BC) had fought Temanites near the town of Nisibi (nowadays in Turkey) (Luckenbill 1926: n° 363–370), while in the 8th century the prophet Amos (1, 12) tells us that Teman was the region whose capital was Bostra (today in Jordan). The text of Yariris attests that in the 8th century BC Temanites was the best known users of North Arabian writing, at least in Syrian area.

As for the subject of the present research, the new perspective in which we place the origin of Southern Semitic writing forces us to admit an apparently disconcerting fact: the South Arabians who had left with their camels the area of Persian Gulf did not go directly to Yemen, but went west. There, after having probably transmitted to the Arabs the use of camel, joined together with them and started together the caravan activity. Thus we find Temanites and Sabaeans together in the caravan that was plundered in Khindanu (today Abu Kemal) by the king of Sukhu (Cavigneaux-Ismail 1990); it was probably a caravan which did not come from Yemen, as it was too quickly stated, because judging from some of the products it carried (among others, iron and wool of purple) it was more likely coming from Mediterranean coast. Shortly after this episode, the Assyrian king Tiglatpileser III (744–727 BC) talks in his annals of Arabian peoples, among which he explicitly mentions Temanites and Sabaeans, "who stay at the border of the land of the West" (Luckenbill 1926: n° 718 and 819), i.e. in the inland of Palestine and Phoenicia.

The widespread presence of Sabaeans in the North West of the Arabian Peninsula during the 8th century BC shows that this South Arabian group, or at least a relevant part of it, still had not moved to Yemen (Eph'al 1982: 87–90; Garbini 1998). This is a clear evidence of the fact that South Arabians arrived to Yemen passing from Syro-Palestinian area and that they stayed there for a more or less short time, as their use of a Southern Semitic writing implies. Their moving towards the south-west of the Peninsula took place in different moments and the Sabaeans were the last ones to leave the north.

Another confirmation of this comes from the results of the Russian excavations in Raybūn, in the Ḥaḍramawt. This site has two clearly distinct levels of occupation, both attributable to South Arabians. The more recent one starts, according to the archaeologist, towards 700 BC and it is the superposition of a typically Sabaean *facies* on a very different culture (Sedov 1996). This datum substantially fits my thesis, according to which Sabaeans moved to Yemen towards the year 700 BC. Even more interesting are the data coming from the more ancient level. Its pottery shows evident analogies with the Palestinian one of Late Bronze Age and Iron Age I–II, which cover a period from 1340 and 1000 BC approximately (Sedov 1996); particularly important are some brief inscriptions that sometimes are associated with vase-paintings and sometimes are independent from them. The signs have a monumental aspect, but their form is closer to North Arabian writing than to classical South Arabian one (see in particular the sign for *alif*). This palaeographic element, which cannot be separated from the ductus and onomastic typically North Arabian of the rock-inscriptions found in Jebel Burayq near Barira, in the region of Shabwa

(Pirenne 1990: 36), should make us reflect on the possibility that also North Arabian groups, together with South Arabian and then assimilated to them, arrived in Yemen from the north. But it is better to leave aside this problem, for the moment.

In conclusion, our enquiry on the origin of South Arabian peoples has brought us to locate in the area between Southern Mesopotamia and north-western shore of Persian Gulf the place from where they originally moved, using the camel as mean of transport; this happened probably within the last two centuries of the 2nd millennium BC. From this area South Arabians moved at first west, reaching the eastern borders of Syria-Palestine, where they met the semi-nomadic populations who lived at the margins of sedentary areas. There was a period of cohabitation between the two groups, who exchanged their own cultural conquests: the South Arabians taught the Arabs to use camel and the Arabs transmitted to them the use of writing, which they have elaborated between the end of Bronze Age and the beginning of Iron Age. The period of politic and economic adjustment which followed the tragic events of the first years of 12th century probably encouraged the cultural exchange and maybe a certain ethnic mixing between the two Semitic groups. After some time, South Arabians started to leave Southern Palestine to reach Yemen and Hadramawt. Probably they did not leave all together, but in-groups starting one after the other: it was the beginning of the colonisation and development of southern countries. This process appears today quite slow, but the uncertainty of the archaeological data, often misinterpreted by archaeologists too fond of high dates, does not allow us to follow its development. What we know for certain is that only towards the beginning of 8th century BC South Arabian civilisation expresses its monumental architecture and starts the exportation of its precious product to the Mediterranean coast; only a century later, with the arrive of the Sabaeans, the properly historical period begins—even if some anticipations were already present in Minean towns.

There is one last point left to consider. We have so far talked about movements of South Arabian peoples, first from Persian Gulf area and then from Palestine: but these migrations interested the whole ethnic group, or only some tribes? Considering this problem, common sense suggests that it is quite unlikely that these movements could involve a whole ethnic group: the protagonists of the migrations were probably more or less considerable groups of tribes, but there were several other tribes who remained where they were. This statement can be confirmed by the exam of a series of evidences.

Not all South Arabians left Mesopotamia and the area of Persian Gulf to go first west and then to Yemen. The so-called "proto-Arabian" inscriptions found in Mesopotamia (the main documents are a stamped brick and a vase from Ur, two inscribed tablets from Uruk and Nippur and ten cylindric seals) attests the use of a South Semitic writing (the linguistic situation is less clear), very close to South Arabian and North Arabian one, by people who lived in Mesopotamia and were perfectly integrated in that culture, as their names, mostly Babylonian and Aramaic, show (Bron 1995). This population, who expresses with its writing a culture different from Assyro-Babylonian and Aramaic one, in historical terms cannot be called else than "Chaldaean", but these Chaldaeans are in fact descendants of the tribes who stayed in Mesopotamia after the future "South Arabians" had left. We find a confirmation of that by confronting the toponyms of Chaldaean tribes mentioned in the Assyrian annals of Sennacherib (704–681 BC) with those attested in South Arabian inscriptions and collected in Harding 1971: in a dissertation discussed in 2002 in the University of Rome "La Sapienza" Mrs. Germana Iaccarino could point out that almost all

Chaldaean toponyms, which are in fact mostly anthroponyms, find a correspondence in North Arabian or in South Arabian onomastics, or in both of them and that 11 Chaldaeans toponyms correspond to the same number of South Arabian toponyms.

This unexpected affinity between Chaldaeans and Sabaeans is reprocessed in a literary text where we would have never looked for it: in the Biblical book of *Job*, where the main character is presented as an Arab king (Garbini 1995), we read that several of his possessions were destroyed in two sanguinary raids conducted respectively by Sabaeans and Chaldaeans (*Job* 1, 13–17). It is not possible to offer a precise date for the setting of this narrative, certainly anterior to the composition of the book. Maybe it should be placed towards the 6th–5th century BC. It is anyway noteworthy the presence of those two peoples, whom we would have expected to find respectively in Babylonia and Yemen, in a region that the author presumably intended to be the Hejaz. Clearly in Judaic milieu of the Hellenistic age, where the book of Job was written, the memory of Chaldaean and Sabaean marauders in North Western Arabia was still vivid. It should also be noticed the presence of "Chaldaeans" among the group of people who had left Mesopotamia and stopped in the Hejaz.

Again in the Old Testament we find the mention of another South Arabian people, the Mineans, which is attested as settled in Palestine rather than in Yemen. According to the narrative in *2 Chronicles* 20, 1 Jehoshaphat king of Judah (873–849 BC according to the traditional biblical chronology) defeated a coalition of Moabites and Ammonites supported by "Meunites" (this is the Hebrew form rendered in Greek with *Minàioi*, with a more correct vocalisation). Those Mineans evidently lived in Southern part of Transjordanic Palestine and had nothing to do with the caravan-traders of the following centuries. Mineans are mentioned also in *1 Chronicles* 4, 41, where we read that at the time of king Ezekiah (715–686 BC) the members of the tribe of Simeon attacked and destroyed the camps of nomads descendants of Cam and of Mineans in the region of Gerar (according to Greek text), a locality to the south of Gaza. These biblical passages, of whose substantial historicity there is no reason to doubt, depict the Mineans as living in Palestine as a resident population, even if sometimes they had a nomadic way of life. It is in this background that we have to place some seal stamps with typical Palestinian iconographies (which exclude their provenance from Hejaz) and Minean inscriptions (Bron 1995).

A third mention of Mineans can be found in the Bible: among the returnees from Babylonian exile we find some "sons of the Meunites" (*Ezra* 2, 50). Was this a group coming from Babylonia, as the text states, or possibly a local group aspiring to be considered returnee from the exile? It is clear however that those Mineans were not coming from Yemen.

Epigraphic and literary evidences we have recalled here form a consistent picture, whose simplest interpretation is the documentation of the successive movements of South Arabian tribes through the mention of groups of the same ethnic origin who did not take part in the migration or who only partially joined it. We have thus seen Chaldaeans who have stayed in Mesopotamia and others who have arrived to Hejaz, Mineans who have stayed in Mesopotamia (according to *Ezra* 2, 50) and others who have settled in southern Palestine, Sabaeans who have lived for a long time close to Palestine and maybe others who have never moved to Yemen. Historical reality is always more complex than the theories formulated to explain it, and this is true also for this study, that I am glad to dedicate to my dear friend Mikhail.

Bibliography

Albright 1952 — Albright W.F. "The Chaldaean Inscriptions in Proto-Arabic Script". *BASOR*, vol. 128, p. 39–45.

Bordreuil-Pardee 1995 — Bordreuil P., Pardee D. "Un abécédaire du type sud-sémitique découvert en 1988 dans les fouilles archéologiques françaises de Ras Shamra-Ougarit". *CRAIBL*, p. 855–860.

Bron 1995 — Bron F. "Vestiges de l'écriture sud-sémitique dans le Croissant fertile". In: H. Lozachmeur (éd.). *Présence arabe dans le Croissant fertile avant l'Hégire. Actes de la Table ronde internationale (Paris, 13 novembre 1993)*. Paris, p. 81–91.

Cavigneaux-Ismail 1990 — Cavigneaux A., Ismail B.K. "Die Statthalter von Suḫu und Mari im 8. Jh. v. Chr." *BaM*, vol. 21, p. 343–357.

Eph'al 1982 — Eph'al I. *The Ancient Arabs*. Jerusalem.

Garbini 1984a — Garbini G. "I Sabei del nord come problema storico". In: *Studi in onore di F. Gabrieli nel suo 80° compleanno, I*. Roma, p. 373–380.

Garbini 1984b — Garbini G. "Qualche riflessione sul sudarabico". In: *Le lingue semitiche 2*. Napoli, p. 145–153.

Garbini 1992 — Garbini G. "Le iscrizioni su ceramica da ad-Durayb –Yala". In: *Yemen 1*, p. 79–91.

Garbini 1995 — Garbini G. "Le ricchezze di Giobbe". In: M. Görg (Hrsg.). *Meilenstein. Festgabe für H. Donner*. Wiesbaden, p. 27–32.

Garbini 1996 — Garbini G. "Sulla più antica scrittura sudarabica". *RSO* 69 (1995), p. 275–294.

Garbini 1998 — Garbini G. "La più antica storia sabea e il sincronismo assiro". *RANL*, ser. IX, 9, p. 387–394.

Garbini 2003 — Garbini G. "Origini etiopiche". In: J. Lentin, A. Lonnet (éds.), *Mélanges D. Cohen*. Paris, p. 265–273.

Harding 1971 — Harding G.L. *An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions*. Toronto.

Hawkins 1975 — Hawkins J.D. "The Negatives in Hieroglyphic Luwian". *AnSt* 25, p. 150–151.

Jamme 1969 — Jamme A. "Inscriptions from Hajar Bin Humeid". In: G.W. Van Beek. *Hajar Bin Humeid*. Baltimore, p. 331–353.

Loundine 1987 — Loundine A.G. "L'abécédaire de Beth Shemesh". *Le Muséon*, t. 100, p. 245–250.

Luckenbill 1926 — Luckenbill D.D. *Ancient Records of Assyria and Babylonia, I*. Chicago.

Pirenne 1990 — Pirenne J. *Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire*. Paris.

Retsö 1991 — Retsö J. "The Domestication of the Camel and the Establishment of the Frankincense Road from South Arabia". *OrSuec* 40, p. 187–219.

Sedov 1996 — Sedov A.V. "On the Origin of the Agricultural Settlements in Hadramawt". In: Ch.J. Robin (ed.). *Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First Conference....Rome 28th–30th May 1991*. Roma, p. 67–86.

IRIS GERLACH, HOLGER HITGEN
(*Ṣan'ā'/Berlin*)

The Sabaean town of Sirwâh: an introduction into the latest research project of the DAI, Orient-Department

Contrary to the long research history of Marib, the oasis of Sirwâh with its equally impressive ruins, situated only 40 km to the south-west of the capital (fig. 1), has drawn relatively little attention (see for example de Maigret 2002:71ff).[1] After the German Institute of Archaeology (DAI) had begun, at the beginning of the 1990s, in two campaigns to examine the main monument (Schmidt 1982:125ff; Schmidt 1997/98:10ff), the temple dedicated to the God Almaqah with its famous stone inscription by Karib'il Watar (Nebes 1998:165ff; Nebes 1999:66ff) (fig. 2), the work was now taken up again just three years ago.[2] The aim of the new project is a possible complete reconstruction of the settlement and the environment of Sirwâh (Gerlach, Heckes 2003:163ff). Questions as to the function of this Sabaean centre, which has gone down in literature—without evidence however—as the oldest capital of Saba', are just as topical as the integration of Sirwâh in the trading network and the economy of the Sabaean kingdom.

In cooperation with the German Mining Museum in Bochum (DBM) and the Department of Architecture of the DAI, innovative documentation techniques are being used in this research project which, apart from traditional methods such as measuring by hand and analogue photo documentation, emphasise the main use of evaluation of digital photo material and photogrammetric measurement pictures (Gerlach, Heckes 2003:168ff). The use of a hot-air zeppelin also enabled us, apart from layout photos, to take photos for the drafting of a topographic plan.

In the following pages, a short summary of the intentions and goals of this archaeological and historical project shall be given as well as first results of the archaeological fieldwork. Of course, all of the following points need to be investigated in greater detail but this will be done in later publications. Other aspects like the engagement

[1] Before the activities of the DAI, Sirwâh was first visited by the French scholars Thomas Arnaud in 1843 and Joseph Halévy in 1870. During the 20th Century A. Fahry, F. Geukens and Ch. Robin were able also to take first photographs of the site witch are very important today to reconstruct recently destroyed architectural structures; see Gerlach, Heckes 2003:166ff.

[2] We are very much indebted to the General Organization of Antiquities and Museums (GOAM), Sanaa, and Prof. Dr. Yussuf Abdullah as well as the local director of GOAM Marib Mr. C.S. Othman and Mr. M. al-Qubati for supporting our field work.

© Iris Gerlach, Holger Hitgen, 2004

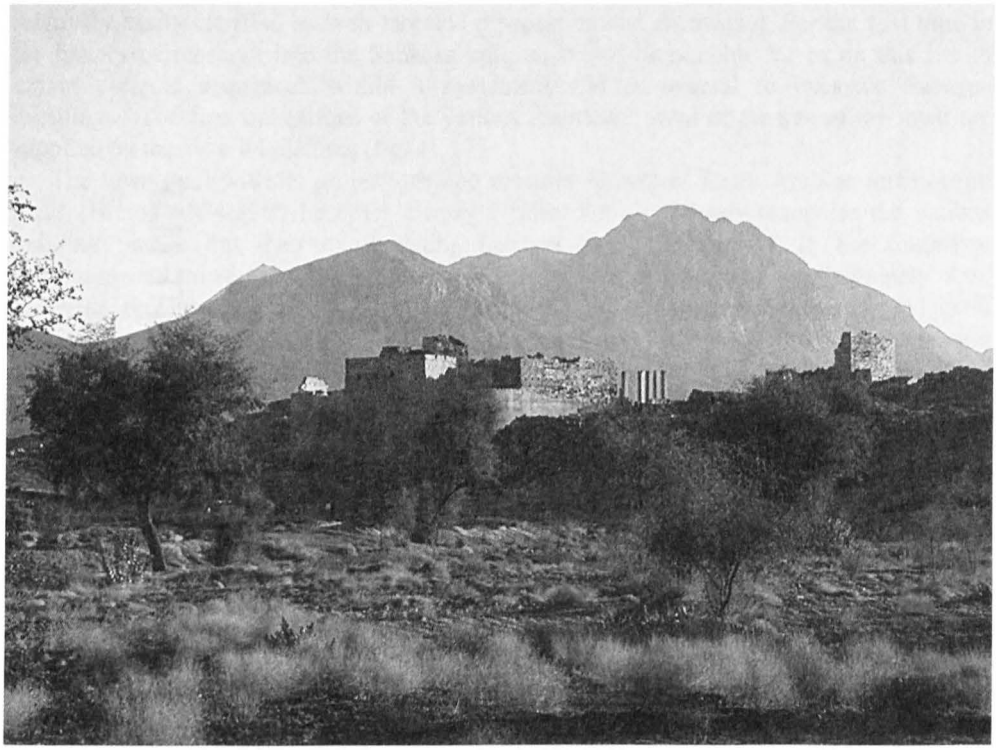


Fig. 1. Town of Sirwâh, view from the north. In the center the outer wall of the Almaqah temple is seen. (Photo by DAI I. Gerlach)

of the DAI and the DBM in joint avtivities with the German GTZ (German Development Service) also will not be discussed in this framework but shall be named (see Gerlach, Heckes 2003:175ff).

Sirwâh is situated on the south-eastern edge of the Yemenite highlands. It is already clear that the highlands have a greater influence on the climate than the Rub al-Khali desert. However, the people are still dependent on artificial irrigation, whether from wells or water irrigation systems. For this reason the antique city of Sirwâh, like Marib, was founded at the outflow of a wadi, from which the water was led during the rainy season through various dams and channels onto the fields. Surrounded by limestone "table-top" mountains as well as by volcanic tuff and basalt mountains, the oasis is served not only by the great wadi but also by further smaller seasonal water channels from the south-eastern hills of the Hawlan Mountains.

The Sabaean town of Sirwâh rises on a natural plateau, spreading over an area of about 230×260 metres. As the most extended elevation in the oasis this settlement site also offers the advantages of fortification in addition to the protection from the gushing water masses.

A thorough research into Sirwâh (fig. 3) is possible for several reasons. With an extent *intra muros* of approximately three hectares and only scattered Islamic constructions built on top of them, the various functional areas of the town area and its infrastructure can be

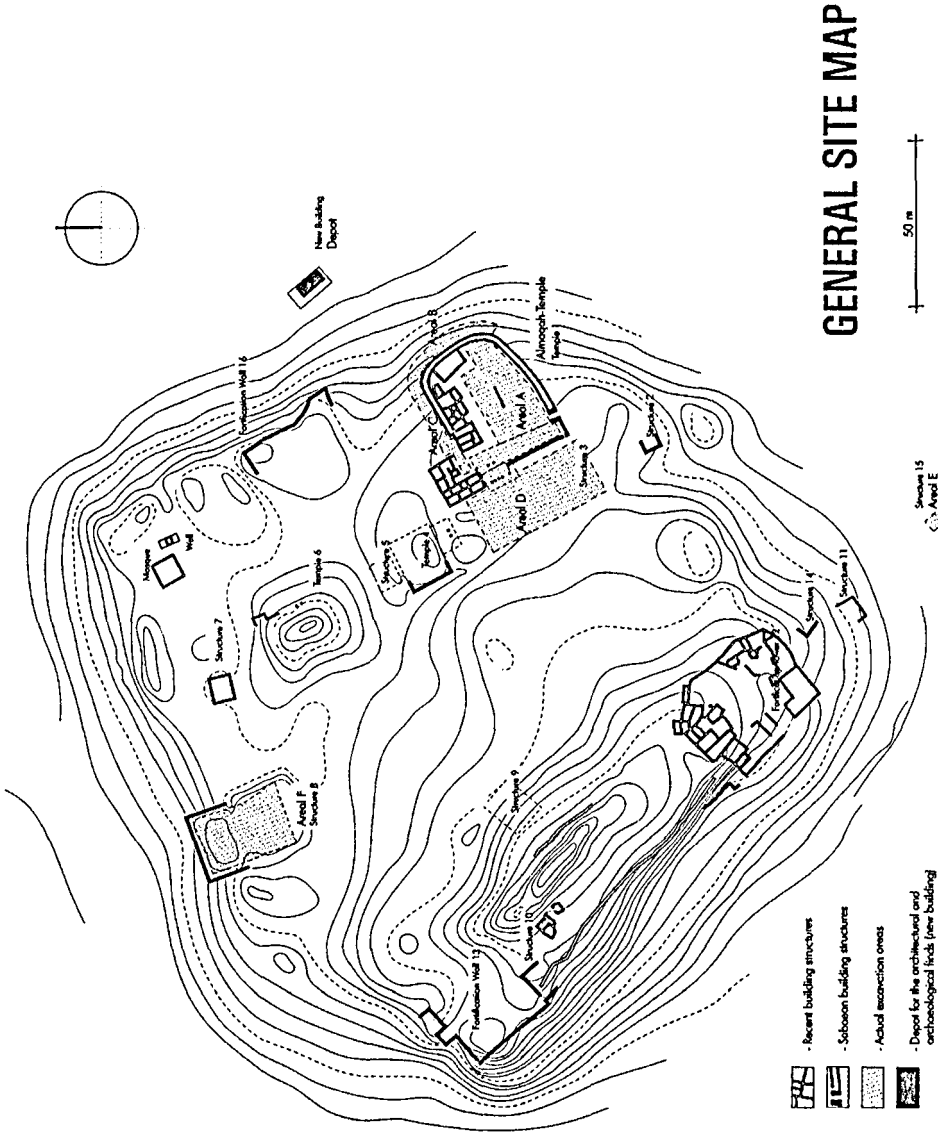


Fig. 2. General site map of Sirwâh with structures visible on the surface. (Drawn by DAI/DBM J. Heckes)

relatively easily clarified by well-targeted prospecting and excavating. For the first time in the history of research into the Sabaean culture, it will be possible for us on this site to obtain ceramic sequences within a settlement and in general to excavate Sabaean dwellings.[3] The first indications of the various functional areas of the site of the town are supplied by these aerial pictures (fig. 4).

The town wall with its projections and recesses typical of South Arabian fortification walls (Breton 1994:89ff) becomes clearly visible. We can already recognise the various building phases but their exact dating has yet to be determined. In the southwest a monumental tower has been preserved which, with a height of approximately 8 m, has been protected by recent Islamic installations.[4] The Almaqah Temple (fig. 5) itself was probably integrated in the fortification, but we are still to undertake an excavation at the connection points. In the town area itself for the moment several building structures can be recognised, of which at first sight five can be identified as temples: for example, the so-called Five Pillar Temple, which for epigraphic reasons is dated to the 8th century BC and therefore belongs to the oldest Sabaean temple sites in Sirwâh. Between these structures there are open spaces, which one can imagine were plots for houses. Also, beyond the town walls, visible building structures can be made out which can be interpreted either as a dwelling settlement—a settlement dating from the mid-Sabaean period has been discovered far beyond the Wadi—and workshops, or as a site of a cemetery. A small sounding in the south beyond the town wall (Section E) confirmed the supposition that the Sabaean burial grounds lay outside of the town, just like in Marib and also were designed as stone mausoleums with several chambers (Gerlach, Heckes 2003:170ff).

The best preserved ruin that is still 8 m high in parts in the area of the oval surrounding wall is the sanctuary of the God of the Kingdom, Almaqah, with a main building phase dating from the mid-7th century BC.

Besides the surrounding wall, two propyla with two different reconstruction phases as well as facilities for ritual guest banquets and cult acts have been preserved to this very day. In the inner court of the Temple stands an inscription block of Karib'il Watar. This inscription from the beginning of the 7th century BC is older than the temple built by Yadal'il Dharih in the middle of the 7th century and still visible today. It was framed by his successor architecturally, so to speak, and integrated in the cult of the temple. The *Res Gestae* of his predecessor must still have had particular significance as it found its corresponding place outside of the cult. How exactly we should visualise these acts of cult, still remains unclear. An important component was, to be sure, the cult objects of which there is also evidence in the other temple buildings such as in Baraqish and the Jawf and in text sources.

Excavations outside of the temple have revealed an older wall running parallel to the temple wall. This perhaps included a much more simply styled former building. Numerous later alterations, including a drainage system and fragments of inscriptions from

[3] It is true that the Italian excavations at the Sabaean site of Yalâ about 20 years ago provided a good stratigraphy and also pottery sequences but only for the early Sabaean period (de Maigret 1988). Sites like Marib and Sirwâh were occupied nearly during the whole period of Sabaean culture and will provide for this reason material from all Sabaean times.

[4] A dissertation about the fortifications of Sirwâh and Marib is in preparation by the architect M. Schnelle. Another dissertation about the architecture of the great Almaqah temple is under progress by N. Röring.

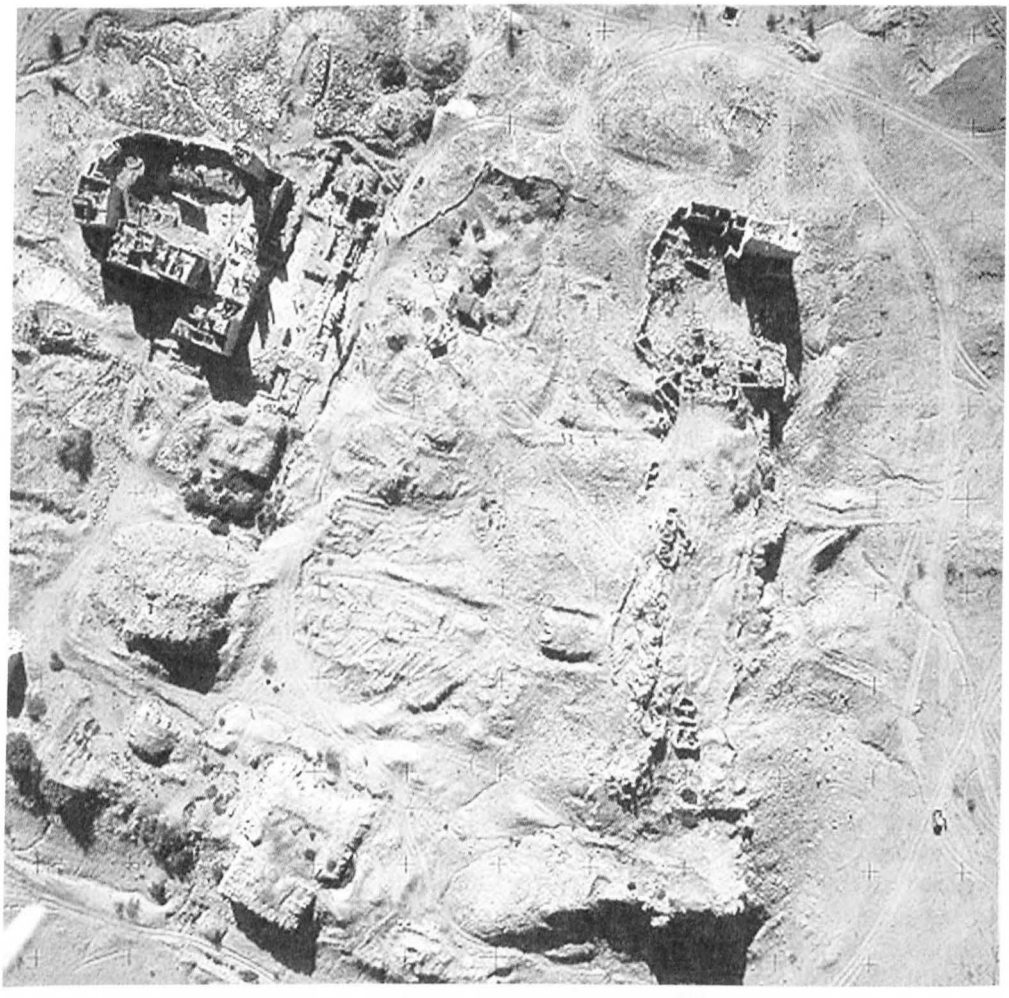


Fig. 3. Aerial photo of the ancient town of Sirwâh.
(Photo by DAI/DBM, J. Heckes / A. Fengler)

the various time phases, are evidence of a long-term use of a sanctuary at least up to the 2nd/3rd century AD. Furthermore, the entrance vestibule dating from the 7th century BC has been completely excavated as well as the courtyard adjoining on the south which has been partly revealed.

In the southern section of the interior of the temple, the excavation surface has been lowered to the Sabaean slab level of the courtyard. Apart from several ibex friezes lying in the rubble of the oval surrounding wall of the temple and fragments of inscriptions, carefully placed animal bones of sheep, goats and cattle were found. The bones lay on a layer of sand deposited by the wind, covering the stone slab floor of the courtyard to a depth of about 30–50 cm. They had been deposited at a time during which the temple was no longer in use in its original function.

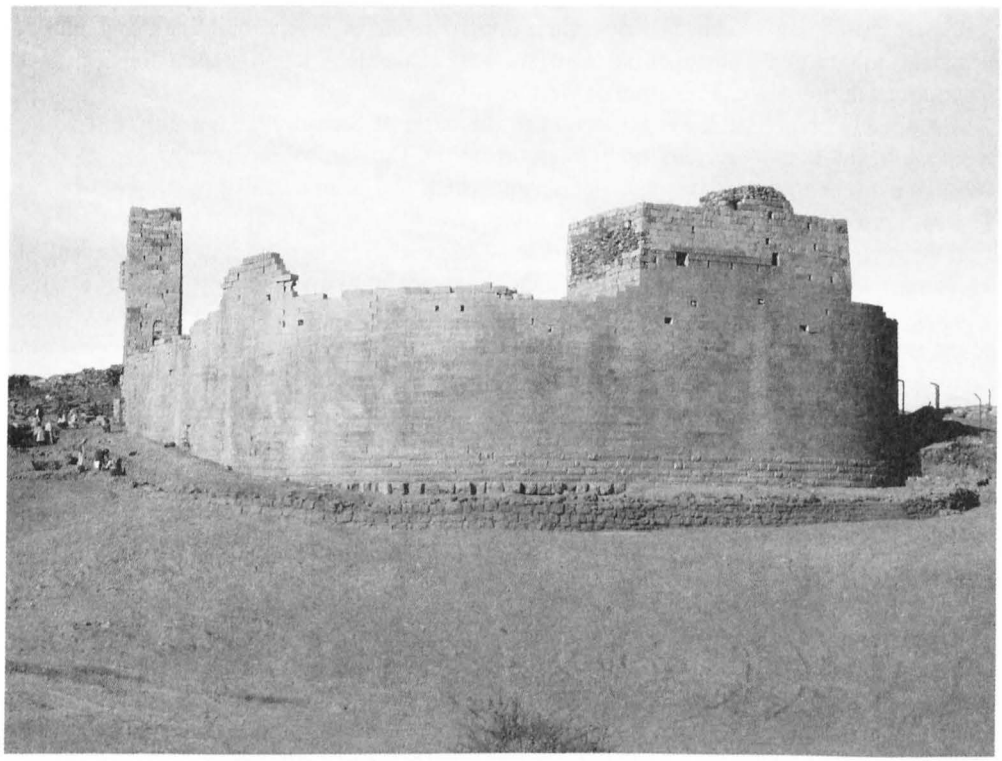


Fig. 4. The Almaqah temple as seen from northwest.
(Photo by DAI I. Gerlach)

Apart from the continuation of the archaeological, architectural-historical and monument preservation work on the Almaqah Temple, excavations in a building regarded to be an administrative seat (ca. 1st century AD) have been carried out in the northern section of the town site. This structure was already drawn to the attention of Fakhry in 1947, so that we have a photo showing a considerably better state of preservation than we found it to be in at present. The building itself comprises a platform and a forecourt surrounded by a wall or a gallery (fig. 6). The superstructure of the building as well as the outline of the platform with its closely lying chambers reminds us of the architecture in Shabwa (Breton 1991: 111, 209) and Tamna' (Breton *et alii* 1997:33ff) which was also interpreted as an administrative or palatial building (see also Hitgen 2003). A more recent building phase on the platform from around the 4th or 5th century AD consists of a columned hall, originally with three wooden columns positioned next to each other on stone bases (fig. 7) and a clay brick superstructure.

In order to be able to undertake extensive reconstruction of the environment of the ancient Sirwâh, surveys were carried out in the oasis and the vicinity in addition to the work already mentioned before. As a result, we were able to identify and measure various structures connected with water systems, such as the building of channels, dams and sluices. The great channels hewn in the rocks appear to have served as the main channels for carrying water from a further wadi in the north-east.

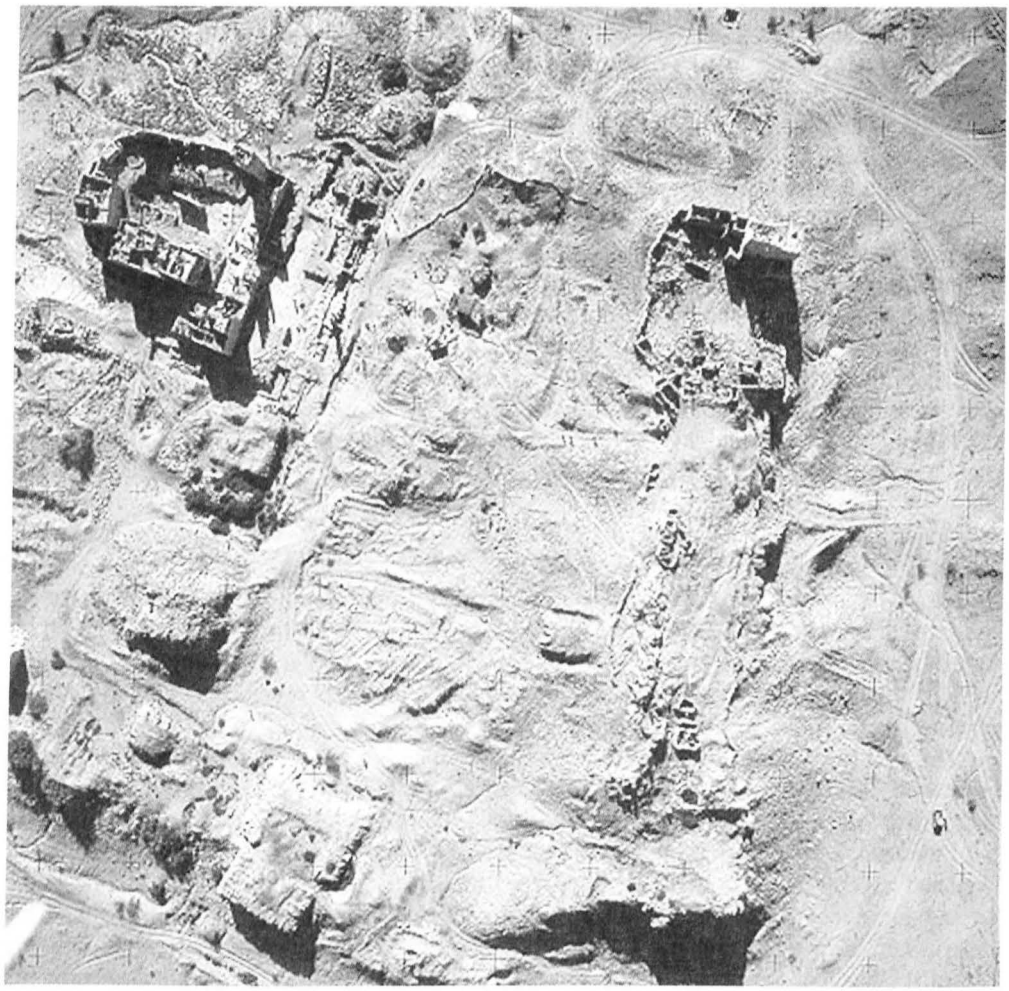


Fig. 3. Aerial photo of the ancient town of Sirwâh.
(Photo by DAI/DBM, J. Heckes / A. Fengler)

the various time phases, are evidence of a long-term use of a sanctuary at least up to the 2nd/3rd century AD. Furthermore, the entrance vestibule dating from the 7th century BC has been completely excavated as well as the courtyard adjoining on the south which has been partly revealed.

In the southern section of the interior of the temple, the excavation surface has been lowered to the Sabaean slab level of the courtyard. Apart from several ibex friezes lying in the rubble of the oval surrounding wall of the temple and fragments of inscriptions, carefully placed animal bones of sheep, goats and cattle were found. The bones lay on a layer of sand deposited by the wind, covering the stone slab floor of the courtyard to a depth of about 30–50 cm. They had been deposited at a time during which the temple was no longer in use in its original function.

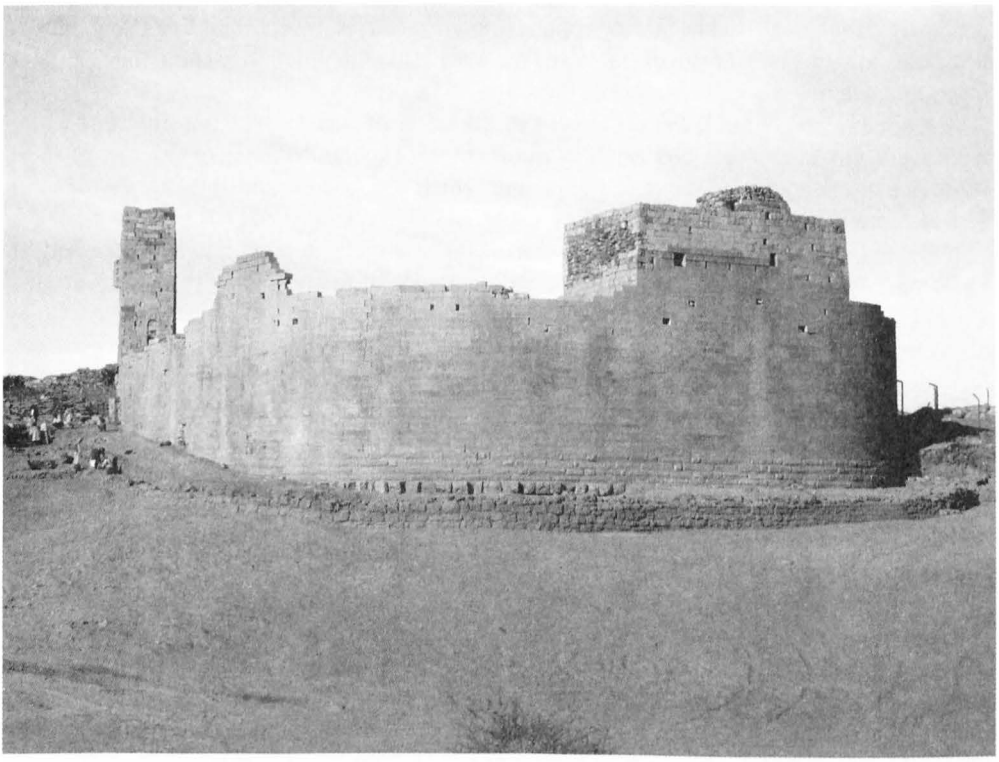


Fig. 4. The Almaqah temple as seen from northwest.
(Photo by DAI I. Gerlach)

Apart from the continuation of the archaeological, architectural-historical and monument preservation work on the Almaqah Temple, excavations in a building regarded to be an administrative seat (ca. 1st century AD) have been carried out in the northern section of the town site. This structure was already drawn to the attention of Fakhry in 1947, so that we have a photo showing a considerably better state of preservation than we found it to be in at present. The building itself comprises a platform and a forecourt surrounded by a wall or a gallery (fig. 6). The superstructure of the building as well as the outline of the platform with its closely lying chambers reminds us of the architecture in Shabwa (Breton 1991: 111, 209) and Tamna' (Breton *et alii* 1997:33ff) which was also interpreted as an administrative or palatial building (see also Hitgen 2003). A more recent building phase on the platform from around the 4th or 5th century AD consists of a columned hall, originally with three wooden columns positioned next to each other on stone bases (fig. 7) and a clay brick superstructure.

In order to be able to undertake extensive reconstruction of the environment of the ancient Sirwâh, surveys were carried out in the oasis and the vicinity in addition to the work already mentioned before. As a result, we were able to identify and measure various structures connected with water systems, such as the building of channels, dams and sluices. The great channels hewn in the rocks appear to have served as the main channels for carrying water from a further wadi in the north-east.

Apart from many Sabaean inscriptions incorporated in recent buildings that mostly originate from the ancient site of the town, we were also able to identify some Sabaean rock inscriptions during our examination of the site.

As already pointed out, the settlement in the oasis of Sirwâh was not only due to the main wadi, but also to various small wadis from the Hawlan Mountains. At one of these wadis we discovered a pre-Islamic settlement, which had been established above the wadi bed, also protected from the great water masses.

One of the most interesting pieces of landscape architecture is, however, formed by walls surrounding a chain of mountains over a distance of many kilometres.[5] They are just under 2 m high and 80 cm in width. The walls begin in the plain and lead through a valley to the mountain top. In the upper section there are further divisions which perhaps indicate feeding places for animals. The explanation of these structures which is really the most feasible is that of animal enclosures, of huge traps into which wild animals such as gazelles, antilopes or possibly the famous ibexes were driven from their pastures in order to keep them here and then to hunt them down within these enclosures. However, arrowheads and stone implements have not been found during our first soundings of the area. A dating of the site remains unsure to date, but seems to fall in the period of the advanced South Arabian cultures.

A further point of research in the environment of the oasis of Sirwâh, very important for understanding the function of the town, is the first inspection of an alabaster quarry which lies only 15 km to the north-northwest of Sirwâh in Madhdara. This quarry was run not only in an open-cast mining system but also the individual veins of the alabaster were mined underground with the aid of tunnels. Painted Sabaean letters perhaps marked different sections or working units in the interior of the mine. Unfortunately the tunnels are filled metre-high and flooded so that it would only be possible to examine them with great difficulty. Adjacent to the quarry is a large pre-Islamic mining settlement, which has also not been examined so far and probably will have to be treated as part of a separate project altogether.

On the way from Sirwâh to Mahdara one crosses an ancient caravan route in several places. The road was paved in certain steep, difficult parts so that the camels, or rather dromedaries, could manage to pass. It seems evident that this route, which led from Marib to Sirwâh and formed a direct connection to the "main route" beyond the mountains along by the desert, enabled the transport not only of incense but also of alabaster.

To summarise the introduction of the nely established archaeological project at Sirwâh, let us finally focus on the question: which function can be allocated to the town of Sirwâh?[6] Was it, as claimed in literature, the first, older seat of the government of the Sabaean rulers or, because of the many temples *intra muros*, could it have been a cult centre or, basing on its connection to the caravan route and alabaster trade, a trading post?

Apart from the individual special queries such as the first construction of stratified Sabaean ceramic sequences etc., all the works in Sirwâh already begun and planned have been aimed at research into the exquisite form, design and function of a South Arabian—in this case Sabaean—settlement area. In particular the geographic straightforwardness of

[5] Comparable structures are to be found in the whole area of Marib: Schmidt 1987:166ff; Brunner 1999:31ff.

[6] The following ideas about the function of the settlement of Sirwâh are discussed also in the German contribution by I. Gerlach and J. Heckes to the Festschrift of Gerd Weißgerber: Gerlach, Heckes 2003:174ff.

Fig. 5. The so-called Administrative building as seen from the south.
(Photo by DAI I. Gerlach)

the Wadi Sirwâh enables us to give priority to these general questions that would have required much more work to answer in the case of the ancient South Arabian metropoles. The undeniable importance of the ancient town of Sirwâh will then certainly enable us to later apply the knowledge gained to much larger settlements and living areas such as the oasis of Marib.

But where does the historic significance of Sirwâh lie, how should the site of the findings be interpreted when applying the archaeological, architectural and of course epigraphic knowledge gained so far? Even at a very early stage the town of Sirwâh was described as being the ancient capital of the Sabaean kingdom and this theory has prevailed unqueried throughout the relevant literature (for example Doe 1983:124ff). The reason for this sweeping statement can lie in several points: the site of the town is the second largest known Sabaean site after Marib itself, and it also features excellently preserved architectural objects, particularly the huge Almaqah Temple which in its quality and size can be probably counted as the most impressive in South Arabia. Furthermore, in the Almaqah Temple the narration of the Karib'il Watar was found. This not only represents by far the longest South Arabian inscription but at the same time the most important historical document of the ancient South Arabian period. Although this is actually an inscription by

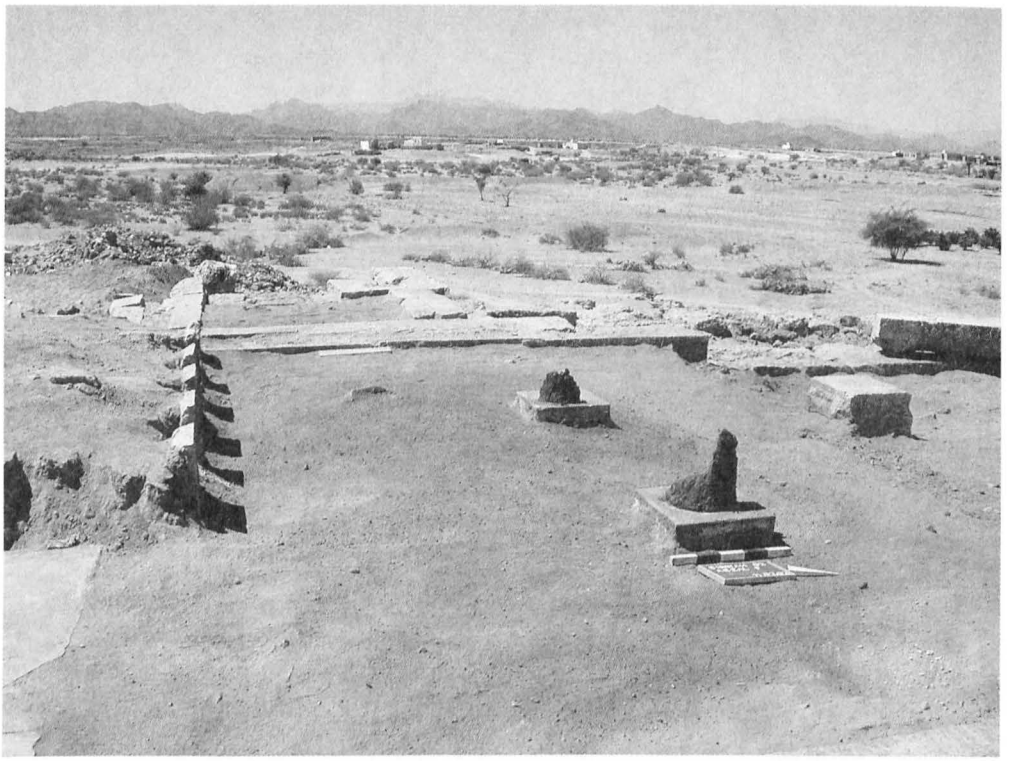


Fig. 6. The so-called Administrative building with remains of wooden columns in the center of the podium. Seen from the east.
(Photo by DAI I. Gerlach)

the most powerful *mukarrib*, a Sabaean ruler, one cannot of course conclude from its finding place that it describcal a capital. Even less so, when in this particular inscription reference is made to considerable building and repair activity on the water system in the oasis of Marib.

The unreflected association of monumental architecture and historically important ruler inscription has led to the supposition that in the case of Sirwâh we are talking about a ruler's seat, a capital town or city. The designation as the oldest, first capital of the Sabaean kingdom is on the other hand connected with other reasons: these also include a problem presented by the history of research. Inscriptions from Sirwâh were known at an early stage. These are dated far earlier than most of those known in Marib so that the conclusion was quickly reached that Sirwâh was the predecessor to Marib. The situation has meanwhile changed considerably. From Marib not only numerous inscriptions have become known over the past few centuries which also date from the early phase of the ancient South Arabian period, the 8th century BC, but also the German field research in Marib town in which holy shrines situated *extra muros* as well as constructions connected with the water system have proven that already in the early proto-Sabaean period, from around the 12th century onwards, an economic cultural centre had been developing. The other way

round, in Sirwâh one now has clear evidence of the late Sabaean period as well as of the early Himyarite period. During the first centuries AD also active building took place in Sirwâh which is demonstrated by the so-called administration building and the numerous architectural elements of correspondingly datable representation buildings.

A basic problem in the classification of a settlement such as that of Sirwâh lies in the terminology. Without going deeply into the urban issues, into the definition of a town, I would like to point out that, up to now, there have been no investigations on this topic in South Arabia—and really cannot be at all as almost no town site has been studied sufficiently to date.

It will be especially difficult to differentiate between town and capital city or town. If one turns to the South Arabian inscriptions, it is true that the terminological differences can be identified between various groups of settlements, but there is mainly a differentiation between settlements surrounded by a wall and non-fortified settlements, castles as well as market places and agricultural settlements. Legal differences could not be determined so far. Furthermore, in the case of both towns, Marib and Sirwâh, a designation is used which is one of the most common terms used for settlements in South Arabia, namely Hagar. If one searched in the inscriptions of both sites for indications of residences, one will only find Marib. Only in connection with this town are palaces mentioned in several inscriptions, one named Salhin. In Sirwâh we find no indications of this kind.

But if it was not a capital, what function did Sirwâh in fact have then? Was it a Sabaean cult centre, a trading post along the caravan route or simply the site of a "normal" Sabaean settlement?

From both the inscriptions and the inspection of the oasis we can already say that in the settlement area of Sirwâh everything can be found that belongs to an independent settlement in one of the Wadis on the perimeter of the Ramlat al Sabatein desert: there are highly developed irrigation systems that facilitate the agricultural use of larger areas, there are residential buildings within and outside of the walled sections and also numerous holy shrines and burial places. In a concluding assessment of Sirwâh it is particularly noticeable that *intra muros* there are extraordinarily many inscriptions of identified holy shrines which can be architecturally proven as being temples so that it seems that these take up almost half of the inner settlement area. Also the building of the Almaqah Temple by a *mukarrib*, the monumental architecture, the numerous *Bundesschließungsformeln* as well as the report of the Karib'il Watar verify that this was a significant all-Sabaean and not purely local site. But how this can be explained in detail will finally be enlightened by newly discovered inscriptions as well as the research into the oasis of Sirwâh planned for the future.

Bibliography

Breton 1991 — Breton J.-F. "Le château royal de Shabwa. Architecture, techniques de construction et restitutions". *Syria*, tome LXVIII (Fouilles de Shabwa II) p. 111–164.

Breton 1994 — Breton J.-F. *Les fortifications d'Arabie méridionale du 7e au 1er siècle avant notre ère*. Mainz (ABADY. Band 8).

Breton *et alii* 1997 — Breton J.-F., Darles Chr., Robin Chr., Swauger J.L. "Le grand monument de Tamna' (Yémen): Architecture et identification". *Syria*, tome LXXIV, p. 33–72.

Brunner 1997 — Brunner U. *Jemen. Vom Weihrauch zum Erdöl*. Vienna/Cologne/Weimar.

de Maigret 1988 — de Maigret A. *The Sabaean Archaeological Complex in the Wâdî Yalâ (Eastern Hawlan at-Tiyâl—Yemen Arab Republic)*. Rome.

de Maigret 1999 — de Maigret A. *Arabia Felix. An Exploration of the Archaeological History of Yemen.* London.

Doe 1983 — Doe B. *Monuments of South Arabia.* Cambridge/Naples.

Gerlach, Heckes 2003 — Gerlach I., Heckes J. "Die Stadtanlage von Sirwâh: Regierungs Kultzentrum oder Handelsstation". In: Stöllner Th. *et alii* (ed.). *Man and Mining—Mensch .d Bergbau.* Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday. Der Ansch..tt (Beiheft 16).

Hitgen 2003 — Hitgen H. "The Age of the Fighting Kingdoms". *ABADY.* Band 10 (in press).

Nebes 1998 — Nebes N. "Der Tatenbericht des Karib'îl Watar in Sierra". In: *Seipel* 1998, S. 165–167.

Nebes 1999 — Nebes N. "Der große Tatenbericht des Karib'îl Watar in Sirwâh". In: Staatliches Museum für Völkerkunde München (ed.). *Im Land der Königin von Saba.* Münich, S. 66–69.

Schmidt 1982 — Schmidt J. "Bericht über die Jemen-Expedition 1977 des Deutschen Archäologischen Instituts". *ABADY.* Band 1, S. 123–128.

Schmidt 1987 — Schmidt J. "Hypäthrale Bauanlagen und andere Steinstrukturen". *ABADY.* Band 4, S. 143–178.

Schmidt 1997/98 — Schmidt J. "Tempel und Heiligtümer in Südarabien. Zu den materiellen und formalen Strukturen der Sakralbaukunst". *Nürnberger Blätter zur Archäologie.* Band 14, S. 10–40.

Seipel 1998 — Seipel W. (ed.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'.* Vienna.

УИЛЬЯМ ГЛАНЦМАН
(*Калгари*)

Керамический комплекс периода возникновения южноаравийских царств

С 1983 г. профессор Михаил Борисович Пиотровский участвует в работах Российской (бывшей Советско-Йеменской) комплексной экспедиции в Республике Йемен (СОЙКЭ), а в 1989–1991 гг. он также и возглавлял эту экспедицию. Полевые исследования СОЙКЭ были сосредоточены на территории вади Хадрамаут и его западных притоках. В ходе этих исследований были сделаны многочисленные важные открытия, во многом изменившие наш взгляд на развитие культуры древней Южной Аравии. Одно из наиболее значительных открытий связано с созданием т.н. «керамической колонки», построенной на материалах стратиграфических раскопок на городище Райбун. Ее независимая абсолютная датировка является существенной поддержкой т.н. «длинной» хронологии древней цивилизации Южной Аравии (Piotrovskij and Sedov 1994:205–208). Особенно интересным является самый ранний керамический комплекс, ассоциирующийся с древнейшими земледельческими поселениями внутренних районов вади Хадрамаут.

В 1991 г. в Риме проходил Первый Международный конгресс по сохранению и изучению культурного наследия стран Аравийского полуострова, где М.Б. Пиотровский являлся одним из организаторов и сопредседателем секции «Происхождение государств Южной Аравии». Доклады, представленные на секции, были опубликованы пятью годами позже (Robin and Gajda 1996). Большинство статей, вошедших в этот сборник, посвящено эпиграфическим исследованиям в Южной Аравии, однако в нескольких работах представлены и итоги археологических исследований в Йемене. В одной из таких статей, написанной проф. А.В. Седовым (1996b), изложены результаты исследований древнего керамического комплекса, полученного на памятниках в вади Хадрамаут в результате исследований СОЙКЭ. А.В. Седовым проанализированы основные характеристики выделенных групп керамики, приведены многочисленные аналогии имеющемуся материалу из других районов Аравийского полуострова. Выделение т.н. «первой группы» керамики, соответствующей древнейшему периоду древнехадрамаутской археологической культуры (Piotrovskij and Sedov 1994: 206), и подсказало тему данной статьи[1].

[1] Я весьма благодарен проф. А.В. Седову за любезное разрешение ознакомиться с керамическими коллекциями СОЙКЭ, хранящимися в музеях Сайуна и Атака, во время моей поездки в Йемен в 1996 г. в рамках исследовательской программы, финансировавшейся Американским институтом йеменских исследований.

© Уильям Гланцман, 2004

«Первая группа» древнехадрамаутской керамики

Основные материалы для характеристики данной группы керамики были получены в ходе раскопок остатков жилых построек, возведенных непосредственно на материке в юго-западной части городища Райбун I. Именно в этом месте располагалась, вероятно, древнейшая часть первоначального поселения (Sedov 1996b: 69). «Первая группа» керамики включает в себя четыре основные формы: к ***форме A*** отнесены крупные сосуды с биконическим или грушевидным туловом на низком кольцевом поддоне; к ***форме B*** — крупные чаши с прямыми или слегка вогнутыми стенками резервуара на низком кольцевом поддоне; к ***форме C*** — глубокие полусферические чаши с несколькими горизонтальными ручками-ушками; к ***форме D*** — миниатюрные сосуды для питья с носиком и плоской горизонтальной ручкой. Общая особенность сосудов «первой группы» — наличие высококачественного лощения поверх ангобированной поверхности и/или расписной орнамент снаружи в верхней части тулова сосуда. Помимо четырех основных в «первой группе» керамики могут быть выделены и несколько вариантов форм A и B (Sedov 1996b: 69–70; 1997: 44). Известны три основных типа орнаментации сосудов «первой группы»: ***тип a***, представляющий собой резной орнамент в виде линий, прочерченных под венцом сосуда; ***тип b*** в виде небольших конических налепов или горизонтальных валиков также под венцом сосуда; ***тип c*** — темная роспись по светлому фону (Sedov 1997:44). В таблицах 1 и 2 суммированы данные о формах сосудов «первой группы» с присущими той или иной форме типами орнаментации. Отметим, что для сосудов формы A характерны все три типа декора, тогда как ни один из этих орнаментов не встречается на сосудах форм B–D. Таким образом, можно предположить, что орнаментированные сосуды формы A имели какое-то особое значение для жителей древнего Хадрамаута.

Орнаментация, отнесенная нами к ***типу c***, представлена красной, коричневой или черной росписью, нанесенной поверх светлого фона в верхней части сосуда. В репертуаре росписи на сосудах имеются процессии животных (горный козел, антилопа) и птиц (страусы), растительные и геометрические мотивы (Sedov 1997:44). На некоторых сосудах встречаются также буквы южноаравийского монументального алфавита, нанесенные краской (дипинти). По заключению российских исследователей, расписные сосуды не встречаются в Южной Аравии нигде за пределами вади Хадрамаут (Sedov 1996b: 71–78, figs. 2–4; Piotrovskij and Sedov 1994: 205–206, fig. 1). Два фрагмента расписных сосудов, обнаруженных при раскопках в центральной части городища Райбун I, представляют, как кажется, особый интерес (Akopyan 1996: 216, Pl. LXX: 1, 2). Один из них принадлежит сосуду с острым ребром-перегибом в нижней части тулова. В его верхней части в регистре на светлом фоне помещена расписная композиция в виде процессии рогатых животных (горных козлов). Второй фрагмент, относящийся к прямостенному, т.е. без выраженного ребра-перегиба в нижней части тулова, варианту сосудов формы A, украшен резным (горизонтальные линии снаружи под венцом сосуда), налепным (ряд конусообразных выпуклостей под венцом сосуда) и расписным (процессия горных козлов в сочетании с геометрическим узором — концентрические круги) орнаментами. Эти находки показывают, что расписной орнамент был характерен по крайней мере для двух вариантов сосудов формы A (см. табл. 2).

Райбунские расписные сосуды с буквами южноаравийского алфавита имеют особое значение. М.Б. Пиотровский и А.В. Седов (1994: 217) отметили, что на двух фрагментах они составляют слова *ḥdṯ* — «новый» (возможно, «новое вино»?) и *'ln* — «божество» (часть посвящения?) (см. также: Sedov 1996b: fig. 6: слева сверху; 1997: 44, Abb. 38d, 39d, 40a, b)[2]. Наличие надписей на сосудах является весьма знаменательным фактом. Возможно, что эти предметы использовались в качестве тары для подношений божествам хадрамаутского пантеона (например, для подношения вина). В одной из своих статей А.В. Седов отметил, что оба фрагмента керамики с южноаравийскими надписями происходят из не совсем четких стратиграфических условий: один из них был обнаружен на поверхности поселения Райбун I, второй же — в верхних слоях на Участке II–III, где представлен как ранний, так и стратиграфически более поздний, нежели керамика «первой группы», смешанный материал. Данное обстоятельство, да и само наличие надписей, выполненных южноаравийским монументальным письмом, позволило ему прийти к осторожному заключению, что оба фрагмента, возможно, относятся к заключительной фазе существования керамики «первой группы», общие хронологические рамки которой укладываются в промежуток между XIII–XII и концом VIII — началом VII в. до н.э. (1996b: 79–80). Правда, в другой статье А.В. Седов, со ссылкой на исследование проф. А.Г. Лундина (1997), считает, что достаточно архаичная палеография некоторых букв надписей на керамике позволяет отнести их к ранней стадии развития южносемитского письма, датирующейся второй половиной II тысячелетия до н.э. (Sedov 1997: 46). В любом случае стоит отметить, что материалы, полученные СОЙКЭ, являются к настоящему моменту наиболее ранними датированными свидетельствами использования монументального письма в Южной Аравии.

Находки керамики «первой группы», выделенной по материалам городища Райбун I, на других памятниках Внутреннего Хадрамаута, таких, как городище Бир Хамад в устье вади Рахйя и вади Духр, поселения Ша'аб ал-Вада и ас-Сафил 2 в вади ал-'Айн, указывают на однородность древнехадрамаутской археологической культуры. В обоснование данного утверждения обратим внимание на четыре фрагмента лощеной красноангобированной керамики, найденные на поверхности городища Бир Хамад (Sedov 1995a: 106, fig. 5:13, 14, 17, 18). Типологически эти сосуды относятся к форме А, выделенной А.В. Седовым по материалам с городища Райбун I. Два фрагмента из Бир Хамада декорированы снаружи горизонтальным рядом конусообразных налепов, расположенных под венчиками сосудов, а один из указанных фрагментов имеет и темно-красную роспись по светлому фону (Sedov 1995a: 106, fig. 5:13, 14; см. также табл. 2). Среди керамических находок с поселений Ша'аб ал-Вада и ас-Сафил 2 (Sedov 1996a: 256, 262–263, 268) имеются крупный лощеный красноангобированный кувшин, венчик которого снаружи обрамлен рядом небольших конусообразных налепов (Sedov 1996a: fig. 9:7, 9), а также несколько фрагментов тулова сосудов, покрытых различными росписями (Sedov 1996a: fig. 9:8, 10, 17). Среди сюжетов росписей имеются процессии птиц (страусов?) и различные геометрические мотивы (см. табл. 2). Так же как и райбунские сосуды, керамика с поселений в вади ал-'Айн покрывалась красным ангобом и лощилась.

[2] Фрагмент сосуда с надписью *'ln* обломан непосредственно около последней буквы, так что чтение «божество» является весьма гипотетическим; возможно, это всего лишь сохранившаяся часть более длинного слова.

Некоторые детали характеристики сосудов «первой группы» древнехадрамаутской керамики

При корреляции форм сосудов «первой группы» керамики с методом оформления их наружной поверхности могут быть выявлены определенные закономерности (см. табл. 2). Так, сосуды ***формы А***, представляющие собой высокий, с вертикальными или вогнутыми стенками кувшин с перегибом, часто четко выраженным, в нижней части тулова (Sedov 1996b: fig. 2:8; 4:3, 4), наиболее часто украшены орнаментом, выделенным нами в ***тип b***. Обычно это ряд небольших конусообразных налепов под венчиком сосуда, которые могут сочетаться с выпуклым валиком или глубоким желобком, расположенными выше (Sedov 1996a: figs. 10: внизу слева; 21:5; 1996b: figs. 2:9; 3:6, 17; 5:3; 6: вверху справа) или ниже налепов (1996a: figs. 9:7, 9; 10: внизу справа; 1996b: fig. 2:13; 1997: Abb. 36:f). На сосудах этой формы встречаются также и налепы в виде полумесяца и звезды (или планеты Венера) над ним (Sedov 1996a: fig. 10: в центре слева; 1997: Abb. 36:j) — широко известный религиозный символ в доисламской Южной Аравии (Beeston 1984: 263–264; Ryckmans 1951: 29, 39–40). По крайней мере в одном случае зафиксировано сочетание орнаментов ***типа a*** и ***типа b***: резная волнистая линия, пущенная между конусовидными налепами, расположенными через большие промежутки (Sedov 1997: 44, Abb. 35:p). В подавляющем большинстве случаев внешняя ангобированная поверхность сосудов целиком либо частично в верхней части тулова покрывалась сплошным, вертикальным полосчатым или арочным полосчатым лощением (Sedov 1996b: fig. 5:1).

Характерна для сосудов ***формы А*** и орнаментация, выделенная нами в ***тип с***, — темная роспись по светлому фону в горизонтальном регистре в верхней части сосуда, часто прямо под венчиком. Как уже отмечалось, в сюжетах росписей встречаются процессии млекопитающих и птиц, геометрические орнаменты либо сочетание того и другого (Sedov 1996b: figs. 5:1, 3; 6: вверху слева и справа). Именно в этом типе орнаментации сосудов встречены южноаравийские надписи монументальным шрифтом (Sedov 1997: Abb. 38:d; 39:d; 40:a, b). Отметим, что в тех случаях, когда светлофоновый регистр располагался не сразу под венчиком, а ниже, примерно в средней части сосуда над перегибом тулова, сюжетная роспись отсутствовала (Sedov 1997: 44, Abb. 39:a).

Как и почти все сосуды ***формы А***, сосуды с росписью были покрыты красным ангобом и полосчатым лощением поверх него (Sedov 1996a: figs. 9:8, 10; 10: вверху в центре, посередине в центре; 1997: Abb. 46:o–x). Горизонтальным либо вертикальным полосчатым лощением покрывались нерасписные участки поверхности сосудов, как сверху (Sedov 1996b: fig. 4:1, 2; 5:2; 6: слева и в центре), так и снизу (Sedov 1996b: fig. 5:2; 4, 5; 6: внизу справа) регистра с росписью.

С поверхности городища Бир Хамад был подобран фрагмент сосуда, являющийся уникальным среди керамики «первой группы». Это довольно высокий кувшин с ярко выраженным S-образным профилем стенок верхней части тулова (Sedov 1996b: fig. 2:7). Ряд конусообразных налепов располагался снаружи под венчиком сосуда, а в средней части тулова имелся светлофоновый регистр с двумя полосами зигзагообразного расписного орнамента. Красноангобированная внешняя поверхность сосуда была покрыта вертикальным полосчатым лощением поверх регистра и короткими горизонтальными штрихами лощения снизу от него.

Параллели, контекст и хронология «первой группы» древнехадрамаутской керамики

На городище Райбун I «первая группа» древнехадрамаутской керамики происходит из слоев, из которых имеется серия радиоуглеродных дат: образцы LE4311–LE4316 и IG2150 (Sedov 1996b: 79, сноски 21, 22). К сожалению, все даты некалиброванные. Самый ранний из датированных образцов относится к 1420±70 г. до н.э. Он происходит из нижней части слоя, подстилающего каменный цоколь Здания 3 в юго-западной части городища. Данная постройка, по-видимому, является древнейшей частью храма Рахбан, посвященного хадрамаутской богине Зат Химйам, и перекрывает, насколько можно судить, руины каких-то более ранних строений. Еще четыре радиоуглеродные даты получены от образцов, происходящих из стратиграфического раскопа 1991 г. на Участке IV в юго-западной части городища, на месте предполагаемого первоначального поселения. В раскопе была открыта свита последовательных слоев, каждый из которых содержал остатки жилых построек из сырцового кирпича. Руины самых нижних зданий были возведены непосредственно на материке. Четыре радиоуглеродные даты были получены от образцов, происходящих из слоя, перекрывавшего остатки самых ранних зданий: 1030±140 г. до н.э.; 825±100 г. до н.э.; 760±50 г. до н.э. и 730±50 г. до н.э. Еще два образца для радиоуглеродного анализа были получены в процессе раскопок на Участке II–III также в руинах жилых построек, возведенных на материке. Они дали даты 700±160 г. до н.э. и 520±140 г. до н.э. Правда, красноангобированная лощеная керамика «первой группы» встречается здесь в составе смешанного комплекса, включавшего и бесспорно «поздние» типы сосудов. По-видимому, эти две последние даты относятся к заключительной фазе формирования комплекса «Ранний Райбун» (Sedov 1996b: 79; 1997: 40). Поскольку ни один из имеющихся образцов не происходит из древнейших антропогенных слоев городища, они не могут быть использованы для определения абсолютной даты первоначальных построек, открытых на городище Райбун I. Более вероятно, что две наиболее ранние даты представляют собой *terminus ad quo* для начальной стадии обживания поселения: приблизительно с 1490–1350 по 1170–890 гг. до н.э. в некалиброванных радиоуглеродных датах[3].

По замечанию А.В. Седова, указанные радиоуглеродные даты для нижнего слоя городища Райбун I (и соответственно даты начала формирования «первой группы» древнехадрамаутской керамики) в сиро-палестинском регионе соответствуют эпохе поздней бронзы (ок. 1400 — 1200 г. до н.э.), в керамике которой он видит аналогии райбунскому комплексу. Отмечается им и общее сходство райбунской расписной керамики с расписной керамикой из Курайя в Северной Аравии. Не противоречит, по мнению исследователя, предложенной им абсолютной хронологии для древнехадрамаутского керамического комплекса и факт наличия южноаравийских дипинти на фрагментах сосудов из Райбуна: по существующим в настоящее время представле-

[3] В одной из своих более поздних статей А.В. Седов (1997: 46) использует три из указанных выше дат наряду с четвертой, не упомянутой в его предшествующей работе (1996b), для абсолютной датировки «первой группы» древнехадрамаутской керамики. Отметим, что калибровка указанных дат безусловно предоставит дополнительную информацию для хронологического определения ранних построек на городище Райбун I.

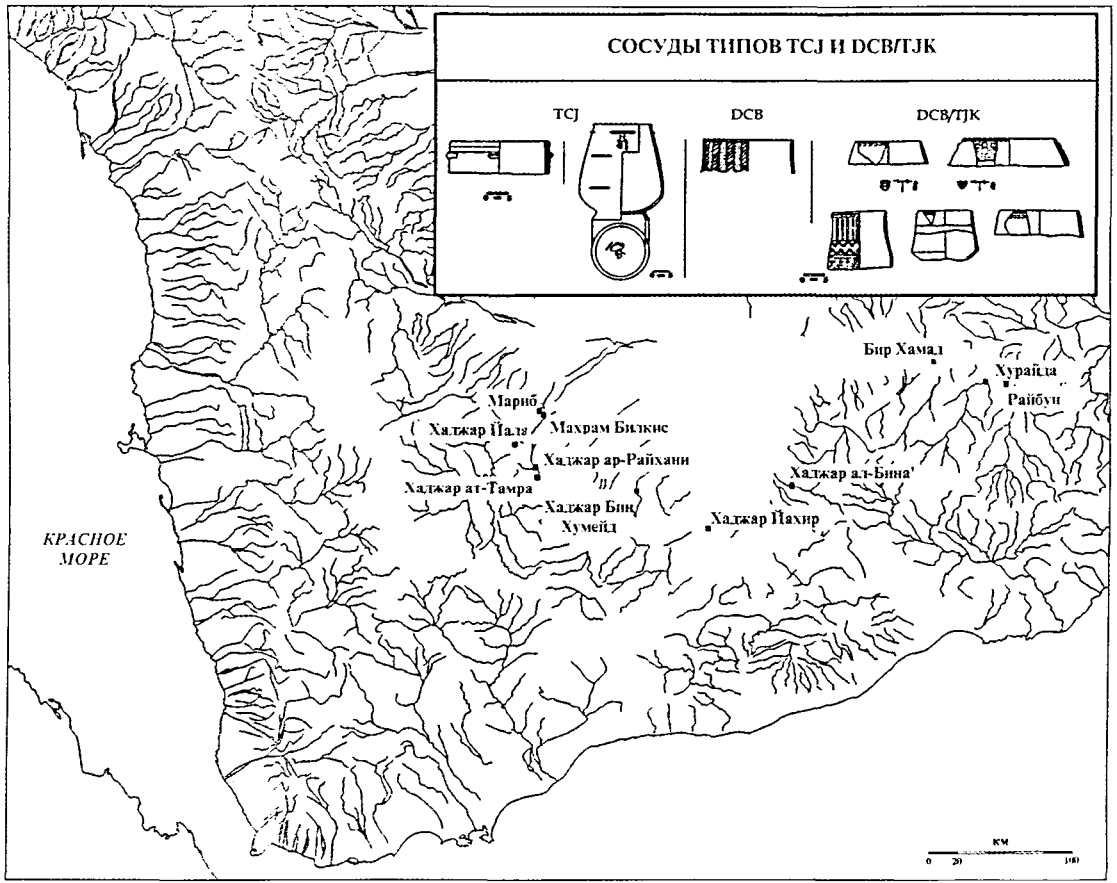


Рис. 1. Памятники Южной Аравии, на которых зафиксированы находки сосудов типа TCJ и DCB.
Карта базируется на издании Robin and Brunner 1997, рисунки сосудов — на изданиях Van Beek 1969: fig. 52: H 3098; 107: H 3019; Sedov 1996b: fig. 2: 7, 8, 13; 3: 6, 17, 19; Glanzman 1994: fig. 3.2: 23, 24.
Рисунок выполнен М. Хендриксоном (Археологическая служба Калгари) и Р. Пуатра (Университет Калгари)

ниям, именно в последней четверти II тыс. до н.э. происходит проникновение в Юго-Западную Аравию южносемитского алфавитного письма (Sedov 1997: 45–46).

Выделенная на материалах Райбуна «первая группа» древнехадрамаутской керамики не является локальным феноменом. Присутствие аналогичного материала на довольно обширной территории от городища Бир Хамад, поселений Ша'аб ал-Вада и ас-Сафил 2 на западе до поселения Хидбат Крошан и городищ Суна и Машга на востоке (Sedov 1995b: 169–170; 1996a: 256, 268, 274) заставляет считать ее одним из самых характерных признаков «древней культуры Хадрамаута», время формирования которой приходится на последнюю четверть II тыс. до н.э. (Sedov 1995a: 106, 110). В Райбуне время появления «первой группы» керамики совпадает с начальной стадией возведения построек на материковой почве на территории поселения и началом освоения земель оазиса под земледелие (Sedov 1996b: 69). Вероятно, аналогичным образом обстояло дело и на других «ранних» поселениях, расположенных как в главном вади Хадрамаут (Бир Хамад), так и в его боковых притоках — вади ал-'Айн (Ша'аб ал-Вада, ас-Сафил 2) и вади Идим (Хидбат Крошан, Суна, Машга). Все это позволяет рассматривать последнюю четверть II тыс. до н.э. «как время вероятного появления здесь [в вади Хадрамаут] первого земледельческого населения» (Sedov 1996b: 80).

Аналогии «первой группы» древнехадрамаутской керамики из других районов Йемена

К моменту появления первых публикаций результатов исследований СОЙКЭ на городище Райбун I южноаравийский материал для сопоставлений был крайне ограничен. Фактически имелись лишь издания стратиграфических раскопок на городищах Хаджар Бин Хумейд в вади Байхан и Хаджар ат-Тамра в вади ал-Джуба, проводившихся экспедициями Американского фонда по изучению человека соответственно в начале 50-х и в 80-х годах прошлого века. Исследования итальянских археологов на древнем городище Йала в Хаулане оставались, да, собственно, остаются и теперь, практически неопубликованными (за исключением небольшой коллекции керамики, собранной с поверхности городища). Именно в силу этих обстоятельств проведенные А.В. Седовым сопоставления вряд ли могут считаться исчерпывающими, хотя в целом и верны (Sedov 1997: 45). Так, им было совершенно справедливо отмечено сходство между сосудами формы А райбунского комплекса и сосудами в керамическом комплексе Хаджар Бин Хумейда, выделенными Г. Ван Биком как типы 2020, 3100, 1110 Bowl 4, 1620 Jar 1 и несколько форм типа 2020 и 3100; аналогии в орнаментации сосудов в виде конусообразных налепов под венчиком, имеющейся в Хаджар Бин Хумейде на сосудах типа 1110 Bowls 4 и 7, 1220 Jar 3, 1620 Jar 2 и 3100 Jar 1. В целом все указанные аналогии отмечены на сосудах, происходящих из слоев S–Q в стратиграфическом раскопе на городище Хаджар Бин Хумейд. Г. Ван Бик датирует эти слои XI–VIII вв. до н.э. (Van Beek 1969: fig. 133), что, в свою очередь, рассматривается А.В. Седовым как подтверждение райбунских дат (Sedov 1997: 46).

Практически одновременно с исследованиями СОЙКЭ в вади Хадрамаут автором статьи в 1987 г. в нижних слоях городища Хаджар ар-Райхани (HR3) был выделен представительный керамический комплекс, один из самых ранних на территории Йемена (Glanzman 1994). Именно он, а также ряд других материалов, появившихся

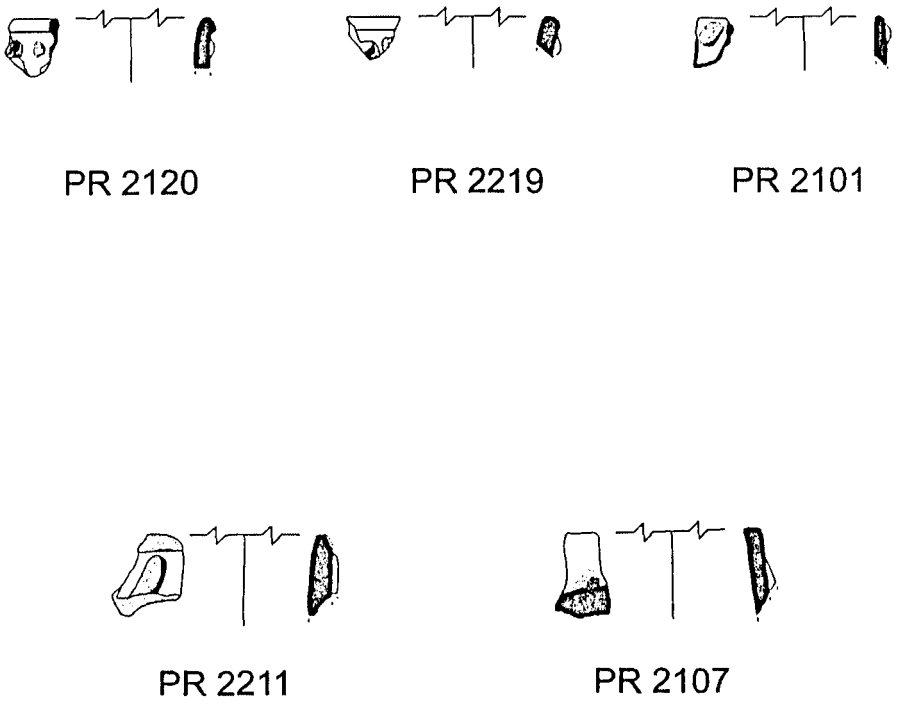


Рис. 2. Керамика типа TJK с городища Хаджар ар-Райхани в вади ал-Джуба (рисунки автора и Д. Коссу)

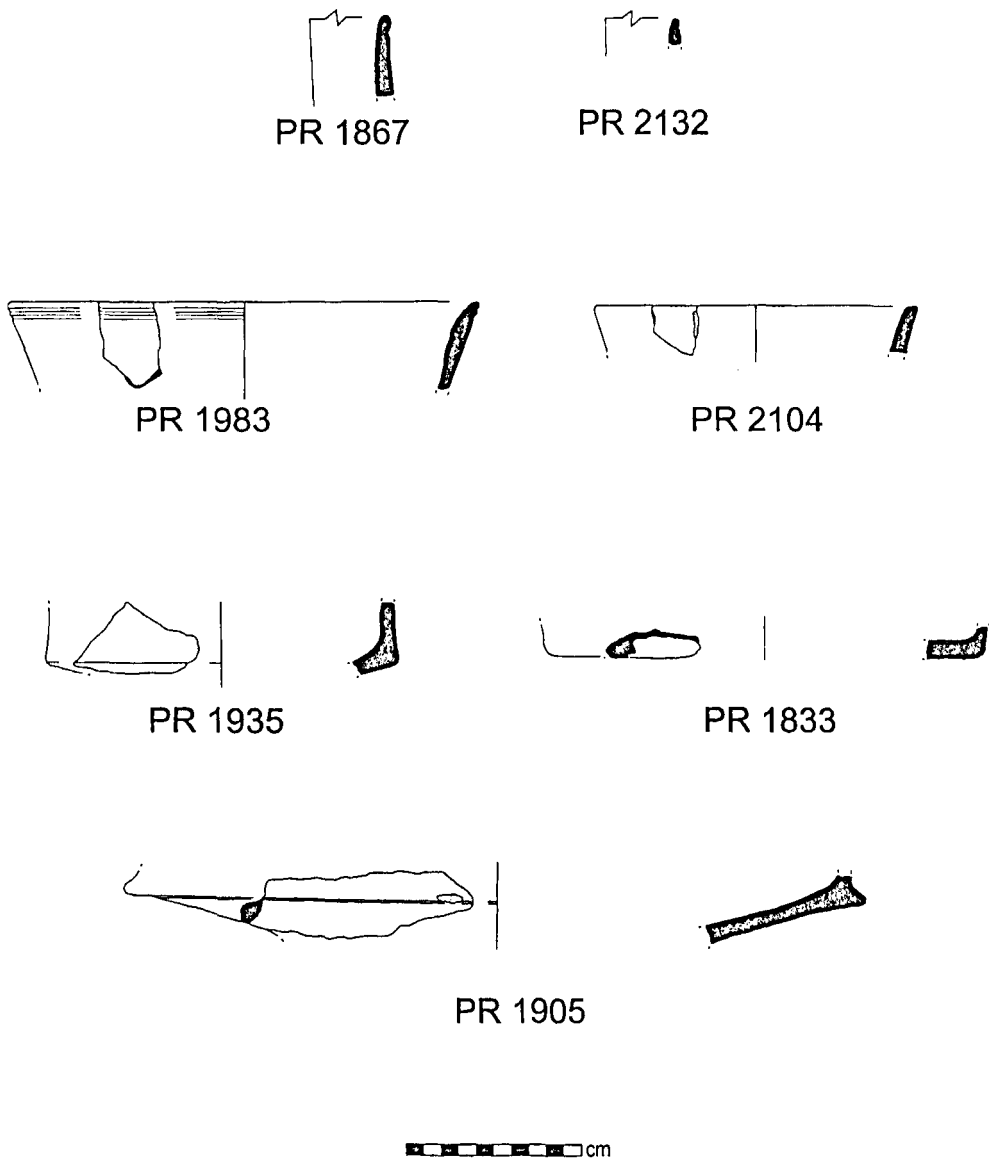


Рис. 3. Керамика типа DCB с городища Хаджар ар-Райхани в вади ал-Джуба (рисунки автора и Д. Коссу)

в последнее время, могут быть сопоставлены с «первой группой» древнехадрамаутской керамики (см. табл. 2)[4].

В ряде случаев можно отметить удивительное сходство между сосудами формы А из вади Хадрамаут и одним из типов сосудов из HR3, а именно т.н. высокими кувшинами с налепным орнаментом часто в виде конусообразных выпуклостей (TJK) (рис. 2) (Glanzman 1994: 325–329, tabl. 3.33, figs. 3.2:23, 24, 3:21, 6:14, 15). Основными особенностями этой, правда количественно небольшой, группы сосудов являются толстые, почти вертикальные стенки тулова с различными формами венчиков, вертикальное полосчатое лощение красноангобированной внешней поверхности, налепной орнамент снаружи под венчиком сосудов. На одном из фрагментов (образец PR 2211) сохранилась часть налепа в виде изогнутого валика, определенно изображавшего полумесяц. Отметим, что по крайней мере два фрагмента керамики из Хаджар Бин Хумейда, относимые Г. Ван Биком к типу 1110 Bowl 4 и происходящие из слоя R (Van Beek 1969: 134, fig. 57), могут быть сопоставлены с фрагментом из HR3. Один из них (образец H 2793) имеет налепной декор в виде полумесяца с расположенным над ним кругом, олицетворявшим, по всей видимости, планету Венера. На обоих фрагментах снаружи сохранилось вертикальное полосчатое лощение поверх красноангобированной поверхности (Glanzman 1994: fig. 3.3:21). Параллели с фрагментами из Райбуна поразительны (см. выше). Датировка слоя на городище HR3, из которого происходит упомянутый выше фрагмент, определяется промежутком времени между XI и VII вв. до н.э. и является terminus ad quo для данной формы керамики и данного типа орнаментации (Glanzman 1994: 328–329)[5].

Из того же слоя на городище HR3, откуда происходят сосуды типа TJK, происходят и фрагменты глубоких чаш с перегибом тулова (DCB) (Glanzman 1994: 149–162, tabl. 3.3; 3.4) (рис. 3). Отличительными особенностями этой формы являются глубокий резервуар с четко выраженным перегибом в нижней трети тулова, орнаментация в виде одного или нескольких резных горизонтальных желобков в верхней части под венчиком, вертикальное полосчатое лощение внешней поверхности сосудов. Один из вариантов сосудов DCB, вариант 1, имеет прямые параллели в материале из Райбуна (ср.: Sedov 1996b: fig. 4:3,4; 1997: Abb. 39:a, b; 40:a, b). Сходные сосуды имеются в керамическом корпусе городищ Хаджар Бин Хумейд, Хаджар ат-Тамра, возможно городища около Хурайды в вади Амд (Хадрамаут), а также археологических памятников в Марибском оазисе (Glanzman 1994: 155–159). Недавно фрагменты сосудов этого типа были найдены в заполнении стены храма Махрам Билкис в Марибе (Glanzman 2003: 192–193).

Довольно близкой аналогией упомянутому выше фрагменту расписного и лощеного кувшина из Бир Хамада (Sedov 1996b: fig. 2:7) является уникальный образец

[4] Я весьма благодарен А.В. Седову за плодотворное обсуждение с ним в перерыве между заседаниями Семинара по аравийским исследованиям в Оксфорде в 1997 г. возможных параллелей между одним из вариантов формы А «первой группы» древнехадрамаутской керамики и двумя типами сосудов, известными по раскопкам в HR3, т.н. высоких кувшинов с налепным орнаментом (TJK) и глубоких чаш с перегибом (DCB).

[5] Параллели описанным выше фрагментам керамики можно найти и в других комплексах керамики из южноаравийских памятников, правда происходящих из неясного археологического контекста и поэтому лишенных четкой датировки. Это поселения Хаджар Йахир и Хаджар ас-Сафра, Хаджар ад-Димна, Хаджар Иала и, возможно, Хаджар Сурбан ал-'Асфал в вади Марха и вади Байхан (см.: Arramond 1998: 199, pl. 4: YHR-5; 10:WAL-12; Breton 1998b).

H 3098 из слоя S городища Хаджар Бин Хумейд. Г. Ван Биком он отнесен к сосудам типа 1100 Form 2, для орнаментации которых характерно сочетание резного и расписного декора (Van Beek 1969: 131, fig. 52). Вряд ли из приведенного выше сравнения можно сделать какие-либо существенные выводы. Отметим, однако, что определенные аналогии указанным выше фрагментам можно найти в коллекции керамики, собранной в Хаджар ас-Саввана, расположенном на восточной стороне южной оконечности Джабал Балак ал-Аусат, вдоль северного склона Баб ал-Фаладж в Марибском оазисе (см.: Müller and Rhodokanakis 1913: 79, Blatt 4). Керамика происходит с поверхности некрополя, находящегося к северу от святилища[6].

Ангобирование поверхности керамических сосудов было повсеместно распространено в Южной Аравии на протяжении всего I тыс. до н.э., однако происхождение подобной техники изготовления сосудов остается неясным. Весьма рано появляется и лощение ангобированной поверхности, хотя неясно, появилось ли оно одновременно с ангобированием (Glanzman 1994: 268; de Maigret 2002: 150). Материалы раскопок на городище Хаджар ар-Райхани позволяют как будто бы сделать некоторые хронологические заключения о времени бытования различных типов лощения. Так, вертикальное полосчатое лощение является отличительной особенностью сосудов, обнаруженных в слоях «первой фазы обживания» городища. В ряде случаев такая керамика встречается и в ранних слоях «второй фазы обживания». В более поздних слоях она имеется лишь в комплексах, для которых с большой степенью вероятности можно предполагать смешанный характер (переотложенность более раннего материала в более поздних комплексах) (Glanzman 1994: 151, 442). В ранних комплексах городища Райбун I полосы лощения на сосудах также преимущественно вертикальные, тогда как горизонтальное лощение преобладает в т.н. «классическом» репертуаре, датирующемся второй половиной I тыс. до н.э. Помимо Хаджар ар-Райхани и Райбуна эту же тенденцию можно проследить в керамических комплексах Хаджар Бин Хумейд в вади Байхан, Махрам Билкис в вади Зана (Мариб) и некоторых поселений в вади Хадрамаут (Glanzman 1994: 149–162, 325–329; 1994: 104–110, 444–448). Отметим, что Г. Ван Бик, достаточно всесторонне исследовавший технику ангобирования и лощения в южноаравийской керамике (Van Beek 1969: 95–96), не уловил эту тенденцию, имевшую, вероятно, особое культурное значение.

Некоторые дополнительные замечания о хронологии

Для древнейших антропогенных слоев, вскрытых на городище Хаджар ар-Райхани в вади ал-Джуба и располагавшихся поверх стерильной палеопочвы, абсолютные даты отсутствуют. Они соответствуют «первой фазе обживания», выделенной на городище (Glanzman 1994: 86–87). Поверх нее фиксируется некий период запустения, вероятно непродолжительный. Его, скорее всего, можно отнести к концу

[6] Впервые некрополь был зафиксирован мной во время поездки в Мариб в 1986 г., когда я ассистировал о. Альберту Жамму в его эпиграфических исследованиях в вади ал-Джуба. Тогда же я рассказал о своей находке сотрудникам археологической экспедиции Санского отделения Германского археологического института, работавшей в Марибе под руководством проф. Ю. Шмидта. На следующий день специалист по керамике экспедиции Р. Краутвюрст собрала коллекцию керамики с поверхности вокруг некрополя и неподалеку от комплекса святилища. К сожалению, до сих пор эта коллекция не опубликована.

II тыс. до н.э. Далее следует «вторая фаза обживания» городища, из ранних слоев которой происходят многие из керамических фрагментов, упомянутые выше в качестве аналогий «первой группы» древнехадрамаутской керамики. Радиоуглеродные даты, полученные из этих ранних слоев, укладываются в промежутке между XVI и VII вв. до н.э., причем большинство из них концентрируются во временно́м диапазоне между XVI и IX вв. до н.э. (все даты калиброванные) (Glanzman 1994: 88–89, tabl. 1.1; 2.3; 2.15). Базируясь на этих радиоуглеродных датах, а также принимая во внимание сходные датировки, полученные для ранних слоев соседнего городища Хаджар ат-Тамра, мы можем прийти к заключению, что заселение вади ал-Джуба происходило во временном промежутке между XIX и XIV вв. до н.э. (Glanzman 1994: tabl. 2.5). Отметим, что две наиболее ранние калиброванные даты образцов из Хаджар Бин Хумейда, происходящих из слоя Q, укладываются во временной диапазон между XII и V вв. до н.э., что, несмотря на их большой разброс, можно рассматривать в целом как соответствующие абсолютной дате ранних слоев поселений в вади ал-Джуба (Glanzman 1994: tabl. 2.7).

Таким образом, датировки сосудов типа TJK и DCB с поселений, расположенных в вади ал-Джуба и вади Байхан, подтверждают в целом ранние даты, предложенные СОЙКЭ для начальной стадии заселения вади Хадрамаут и его притоков. Принимая во внимание аналогии сосудам типов TJK и DCB с памятников, расположенных в бассейне вади аз-Зана, мы можем прийти к заключению, что древние племена, населявшие территории будущих царств Саба', Катабан и Хадрамаут в конце II тыс. до н.э., использовали одни и те же типы сосудов. Более того, сходны не только типы сосудов, но и характер их орнаментации. Вероятно, не будет преувеличением сделать вывод о существовании в это время на юго-западе Аравии единой традиции в изготовлении керамической посуды. Обратим также внимание на то, что время появления этой единой керамической традиции совпадает в целом со временем появления в регионе древнейших земледельческих поселений (рис. 1)[7].

Назначение сосудов

Контекст находки рассматриваемых сосудов является ключом к пониманию их назначения и использования. Широкое распространение сосудов типа TJK и DCB в ранних слоях городищ Хаджар ар-Райхани, Хаджар ат-Тамра и Хаджар Бин Хумейд, а также в вади Хадрамаут свидетельствует о существовании тесных связей между культурами разных регионов Южной Аравии. К сожалению, фрагментарность материала не позволяет определить характер этих связей. Находки в Махрам Билкис в Марибе (храм Аввам) указывают на то, что какая-то часть этих сосудов могла использоваться в храмовом ритуале, что, вероятно, имело место и в Райбуне. Можно предположить также, что сосуды с росписью производились специально для элиты. Более того, наличие на некоторых из них надписей монументальным южноаравийским шрифтом, наносившихся до обжига сосудов, т.е. в процессе их изготовления,

[7] Отметим, что помимо вышеупомянутых имеются еще и иные общие типы керамических сосудов, встречающиеся на памятниках в различных регионах Южной Аравии (см.: Arramond 1998: pl. 5: SAF-4 ,5, 7; pl. 6: WAR-1-3, 6, 7; pl. 7: DIM-3, 7, 8, 10; pl. 10: WAL-3; pl. 19: HSY-9). Исследование данного феномена требует более детального исследования и введения понятия «керамическая провинция» (о нем см.: Glanzman 1994: 489–494).

позволяет высказать предположение об их целевом использовании. На мой взгляд, есть все основания считать, что подобные сосуды предназначались для подношений божествам. Что касается сосудов, в орнаментации которых сочетался резной и расписной орнамент, то присутствие их среди коллекции керамики, собранной с поверхности некрополя Хаджар ас-Саввана, свидетельствует об их использовании в погребальном ритуале. Могли использоваться они и в качестве приношений божеству в святилищах, располагавшихся непосредственно на территории некрополей.

Вопрос об этническом определении племен, оставивших надписи-дипинти на сосудах из Райбуна и/или налепные буквы и монограммы на сосудах из Хаджар Бин Хумейда (Van Beek 1969: 370), далек от своего разрешения. Известный эпиграфист о. А. Жамм в своих исследованиях о распространении южноаравийского письма в регионе считал, что его древнейшими обитателями были сабейцы, а древнейшим языком, зафиксированным этими письменными памятниками, являлся сабейский язык (Jamme 1955). Однако, как справедливо отмечает британский исследователь М. Макдональд, изучая надписи, следует весьма осторожно решать вопрос их этнической принадлежности (Macdonald 1998; 2000: 38)[8]. В настоящее время у нас практически отсутствуют данные, на основании которых мы могли бы уверенно соотнести ту или иную археологическую культуру Южной Аравии, особенно на ее ранней стадии, с тем или иным этносом или этнической группой, известными по более поздним письменным источникам. Что, однако, следует отметить, так это значительное сходство материальной культуры памятников, расположенных практически во всех изученных регионах Йемена: в вади Хадрамаут, вади Марха, вади Байхан, вади ал-Джуба и вади аз-Зана.

В период между концом бронзового века, приходящимся на вторую половину II тыс. до н.э., и началом I тыс. до н.э., знаменующим собой формирование первых государственных образований, в Южной Аравии происходят, видимо, значительные социально-культурные изменения. Как кажется, типологически они были сходны с теми процессами, которые происходили в Месопотамии в IV тыс. до н.э. и характер которых реконструируется по археологическим и письменным источникам. Так, например, письменность в Южной Аравии могла распространяться вдоль сухопутных торговых путей, существовавших в регионе, как это происходило, по мнению ряда исследователей, с распространением письменности из Месопотамии в Египет в конце IV тыс. до н.э. (Ray 1986). С другой стороны, ее появление было безусловно связано с возрастающими потребностями административного контроля нарождающихся государств, а дальнейшее развитие зависело от внутренних потребностей развивающегося общества (Postgate, Wang and Wilkinson 1995)[9].

---

[8] Я признателен М. Макдональду за указания на его последние публикации, посвященные этому вопросу.

[9] Мы не затрагиваем здесь вопроса о роли доместикации верблюда в процессе формирования южноаравийских царств. В настоящее время отсутствуют четкие анатомические критерии, позволявшие бы палеозоологам с уверенностью различать кости доместицированных и диких особей. Вместо этого в качестве аргументов о ранней доместикации животных привлекаются в основном исторические данные и этнографические исследования (Hesse 1996: 114). Представляется, что до тех пор, пока не будут решены все спорные вопросы, наличие в материалах с поселений костей верблюдов следует рассматривать как свидетельство использования животных, в том числе и в пищу, а не свидетельство их доместикации.

Выводы

Урбанизация общества Южной Аравии в I тыс. до н.э. все еще рассматривается в научной литературе как труднообъяснимый факт, нечто сродни мистерии. Более двух десятилетий назад Дж. Орчард попыталась объяснить отсутствие в Йемене крупных городских поселений или протогородов предшествующей эпохи процессом интенсивного накопления ирригационных наносов в районах непрерывного земледелия, перекрывших, по ее мнению, эти ранние памятники (Orchard 1982). Действительно, до настоящего времени в Южной Аравии только на трех городищах — Хаджар Бин Хумейд, Райбун и Хаджар ар-Райхани — исследованы ранние слои, покоящиеся на материке. Материала явно маловато для широких обобщений. Тем не менее данные, полученные в процессе этих раскопок, не следует недооценивать.

Как продемонстрировали исследования СОЙКЭ в вади Хадрамаут, возникновение в Южной Аравии государственных образований связано в первую очередь с появлением в регионе земледельческого населения, хозяйство которого базировалось на ирригационном земледелии. Точное время появления этого типа хозяйственной деятельности и его быстрого распространения в плодородных долинах Йемена все еще нуждается в уточнении, однако несомненно, что именно такое развитие экономики привело к возникновению крупных административных и религиозных центров. Археологические источники в силу своей специфики позволяют лишь в общих чертах реконструировать данный процесс. В настоящее время он может быть прослежен лишь на отдельных категориях материальной культуры, а именно при анализе керамического материала.

Можно предположить, что на начальном этапе племена, создавшие впоследствии городскую культуру Южной Аравии, имели единую традицию изготовления керамической посуды. Об этом свидетельствуют сходный для разных регионов Йемена набор форм, одинаковые приемы оформления поверхностей сосудов, такие, как ангобирование и вертикальное полосчатое лощение, налепной орнамент, роспись сосудов с определенным набором сходных сюжетов и, изредка, надписями южноаравийским шрифтом. Все эти признаки, как показывает изучение керамических комплексов различных памятников, являлись характерными чертами материальной культуры всех без исключения регионов древнего Йемена, где впоследствии образовались различные государства. Появление в керамическом репертуаре крупных тарных сосудов было вызвано, безусловно, нуждами оседлого населения, использовавшего их для хранения продуктов земледелия.

Богато орнаментированные и расписные сосуды были найдены на различных по назначению памятниках: как минимум в одном случае это некрополь, в двух случаях — комплексы святилищ, в остальных — крупные городские центры оазисов. По всей видимости, функциональное назначение таких сосудов было различным — от утилитарного использования до использования в качестве погребального инвентаря и подношений в храмы. Можно предположить также, что подобные сосуды изготавливались для элитных слоев древнего общества.

В заключение не могу не отметить, что важные историко-культурные выводы о ранних земледельческих поселениях в вади Хадрамаут, сделанные археологами СОЙКЭ на материалах памятников оазиса Райбун, имеют значительно более широкое значение, чем представлялось в период их первой публикации. Как показывают

исследования последних лет, сходные процессы протекали и в других частях Йемена, в долинах-вади, где впоследствии мы находим крупные городские центры древних южноаравийских царств*.

Список цитированной литературы

Акопян 1996 — Акопян А.М. «Раскопки на Центральном участке I городища Райбун I». В: *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II.* Отв. ред. А.В. Седов и П.А. Грязневич. М., с. 103–116.

Algaze 2001 — Algaze G. "Initial Social Complexity in Southwestern Asia: The Mesopotamian Advantage". *Current Anthropology.* Vol. 42, no. 2, p. 199–233.

Arramond 1998 — Arramond J.-Ch. "La céramique". In: J.-F. Breton, J.-Ch. Arramond, B. Coque-Delhuille and P. Gentelle. *Une vallée aride du Yémen antique. Le wâdî Bayhân.* Paris, p. 195–227.

Beeston 1984 — Beeston A.F.L. "The Religions of pre-Islamic Yemen". In: J. Chelhod et alii. *L'Arabie du Sud. Histoire et civilisation. Tome I. Le peuple et ses racines.* Paris, p. 259–269.

Breton 1998a — Breton J.-F. *L'Arabie heureuse au temps de la reine de Saba'. VIIIe–Ier siècles avant J.-C.* Paris.

Breton 1998b — Breton J.-F. "Essai de classement chronologique". In: J.-F. Breton, J.-Ch. Arramond, B. Coque-Delhuille and P. Gentelle. *Une vallée aride du Yémen antique. Le wâdî Bayhân.* Paris, p. 202–206.

de Maigret 2002 — de Maigret A. *Arabia Felix: An Exploration of the Archaeological History of Yemen.* London.

Glanzman 1994 — Glanzman W.D. *Towards a Classification and Chronology of Pottery from HR3 (Hajar ar-Rayhani), Wadi al-Jubah, Republic of Yemen.* Ph. D. dissertation, University of Pennsylvania. Ann Arbor (UMI Dissertation AAT 9521036).

Glanzman 2003 — Glanzman W.D. "An Examination of the Building Campaign of Yada''il Dharih bin Sumhu'alay, *mukarrib* of Saba', in Light of Recent Archaeology". PSAS-33, p. 183–198.

Hesse 1996 — Hesse B. "The Hajar ar-Rayhani Fauna: A First Look at Yemen's Iron Age Pastoral Economy". In: *Retrieving the Past: Essays on Archaeological Research and Methodology in Honor of Gus W. Van Beek.* Ed. by J.D. Seger. Winona Lake, Indiana, p. 103–122.

Jamme 1955 — Jamme A. "An Archaic South-Arabian Inscription in Vertical Columns". *BASOR*-137, p. 32–38.

Lundin 1997 — Lundin A.G. "Der Ursprung des südarabischen Alphabets". *Mare Erythraeum.* Vol. I. München, S. 9–18.

Macdonald 1998 — Macdonald M. "Some Reflections on Epigraphy and Ethnicity in the Roman Near East". *Mediterranean Archaeology.* Vol. 11, p. 177–190.

Macdonald 2000 — Macdonald M. "Reflections on the Linguistic Map of pre-Islamic Arabia". *AAE.* Vol. 11, p. 28–79.

Müller and Rhodokanakis 1913 — Müller D.H. and Rhodokanakis N. (eds). *Sammlung Eduard Glaser I. Eduard Glaser's Reise nach Mârib.* Wien.

Orchard 1982 — Orchard J. "Finding the Ancient Sites in Southern Yemen". *JNES.* Vol. 41, no. 1, p. 1–21.

Piotrovskij and Sedov 1994 — Piotrovskij M.B. and Sedov A.V. "Field-studies in Southern Arabia". In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology.* Vol. 1, no. 2 (September), p. 202–219.

Pollock 1999 — Pollock S. *Ancient Mesopotamia: The Eden that Never Was.* Ed. by R.P. Wright. Cambridge.

Postgate, Wang, Wilkinson 1995 — Postgate N., Wang T. and Wilkinson T. "The Evidence for Early Writing: Utilitarian or Ceremonial?". *Antiquity.* Vol. 69, no. 264 (September), p. 459–480.

* Перевод А.В. Седова.

Ray 1986 — Ray J. "The Emergence of Writing in Egypt". *World Archaeology*. Vol. 17, no. 3, p. 307–316.

Retsö 1991 — Retsö J. "The Domestication of the Camel and the Establishment of the Frankincense Road from South Arabia". *Orientalia Suecana*. Vol. XL, p. 187–219.

Robin 1991 — Robin Chr. et alii. *L'Arabie antique de Karab'īl à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée 61, no. 3).

Robin and Gajda 1996 — Robin Chr. J. and Gajda I., eds. *Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991*. Roma (Serie Orientale Roma LXX, 1).

Robin and Brunner 1997 — Robin Chr. and Brunner U. *Map of Ancient Yemen/Carte du Yémen antique*. 1:1000 000. Munich.

Ryckmans 1951 — Ryckmans J. *Les religions arabes préislamiques*. Louvain (Bibliothèque du Muséon, vol. 26).

Sedov 1995a — Sedov A.V. "Bi'r Hamad: A Pre-Islamic Settlement in the Western Wādī Ḥaḍramawt. Notes on an Archaeological Map of the Ḥaḍramawt, 1". *AAE*. Vol. 6, p. 103–115.

Sedov 1995b — Седов А.В. «Вади аль-'Айн: археологические памятники». В: *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том I.* Отв. ред. П.А. Грязневич и А.В. Седов. М., 1995, с. 162–175.

Sedov 1996a — Sedov A.V. "Monuments of the Wādī al-'Ayn. Notes on an Archaeological Map of the Ḥaḍramawt, 3". *AAE*. Vol. 7, p. 253–278.

Sedov 1996b — Sedov A.V. "On the Origin of the Agricultural Settlements in Ḥaḍramawt". In: Chr.J. Robin and I. Gajda (eds). *Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First International Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by IsMEO on 28th–30th May 1991*. Roma (Serie Orientale Roma LXX, 1), p. 67–86.

Sedov 1997 — Sedov A.V. "Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im unteren Wādī Dau'an". *Mare Erythraeum*. Vol. I. München, S. 31–106.

Thuesen 2000 — Thuesen I. "The City-State in Ancient Western Asia". In: *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre*. Ed. by Mogens Herman Hansen. Copenhagen (Historisk-filosofiske Skrifter 21), p. 55–66.

Van Beek 1969 — Van Beek G.W. *Hajar Bin Humeid: Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia*. Baltimore (Publications of the American Foundation for the Study of Man, Volume V).

Таблица 1

Указатель опубликованных сосудов формы A «первой группы» древнехадрамаутской керамики из оазиса Райбун

Формы сосудов и археологические памятники		**Публикация**			
Форма	**Археологический контекст**	**Akopyan 1996**	**Piotrovskij & Sedov 1994**	**Sedov 1996b**	**Sedov 1997**
Форма A	Райбун I, Участок IV, слой 5, южная часть				Abb. 37:g
Форма A	Райбун I, Участок IV, слой 5, северная часть				Abb. 37:j
Форма A	Райбун XIV, храм Майфа'ан, с поверхности			Fig. 4:3	Abb. 39:b
Форма A, декор типа a	Райбун I, Участок IV, слой 4				Abb. 37:a
Форма A, декор типа a	Райбун I, Участок IV, слой 4				Abb. 36:k
Форма A, декор типа a	Райбун I, Участок IV, слой 3				Abb. 35:s
Форма A, декор типа a и c; *дипинти*	Райбун I			Fig. 5:1	Abb. 39:d = 40:a
Форма A, декор типа a и c; *дипинти*	Райбун I		Fig. 1: слева с краю	Fig. 6: вверху слева	Abb. 38:d = 40:b
Форма A, декор типа b	Райбун I, Участок IV, слой 4				Abb. 37:b
Форма A, декор типа b (налепной полумесяц)	Райбун I, Участок IV, слой 4				Abb. 36:j
Форма A, декор типа b и c; *дипинти*	Райбун I, центральный холм, с поверхности	Taf. LXX:2		Fig. 5:3	Abb. 38:a
Форма A, декор типа b и c; *дипинти*	Райбун XIV, храм Майфа'ан, с поверхности		Fig. 1: вверху в центре		Abb. 38:b
Форма A, декор типа c	Райбун I			Fig. 4:4	Abb. 39:a

Таблица 2

Указатель опубликованных сосудов формы A и других близких типов «первой группы» древнехадрамаутской керамики из вади Хадрамаут

Формы сосудов и археологические памятники		**Публикация**						
Форма	**Археологический контекст**	**Akopyan 1996**	**Piotrovskij & Sedov 1994**	**Sedov 1995a**	**Sedov 1995b**	**Sedov 1996a**	**Sedov 1996b**	**Sedov 1997**
Чаша, декор типа b	Райбун I, Участок IV, слой 3							Abb. 36:f
Чаша с вогнутым венчиком, декор типа b и c	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 47:d
Сосуд с вогнутым венчиком, декор типа a и c	Райбун I, Участок IV, слой 3							Abb. 35:p
Расписной сосуд с налепами и лощением	Бир Хамад			Fig. 5:14			Fig. 2:7	
Сходен с формой A, декор типа a	Ша'аб ал-Вада					Fig. 9:6		
Сходен с формой A, декор типа a и c	Райбун XIV, храм Майфа'ан, с поверхности						Fig. 3:17	Abb. 38:b = 45:f
Сходен с формой A, декор типа b	Райбун XIV, храм Майфа'ан						Fig. 2:8	Abb. 45:g
Сходен с формой A, декор типа b	Райбун XXXIII= ас-Сафа 1							Abb. 46:k
Сходен с формой A, декор типа b	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 45:l
Сходен с формой A, декор типа b	Ас-Сафил II					Fig. 21:5	Fig. 2:9	
Сходен с формой A, декор типа b	Вади Идим, Хидбат Крошан						Fig. 3:6	

Сходен с формой A, декор типа b	Ша'аб ал-Вада					Figs. 9:9, 10: справа внизу		
Сходен с формой A, декор типа b	Ша'аб ал-Вада					Figs. 9:7, 10: слева внизу		
Сходен с формой A, декор типа b	Бир Хамад			Fig. 5:13			Fig. 2:13	
Форма неясна, декор типа b (полумесяц и звезда)	Ша'аб ал-Вада					Fig. 10: слева в центре		
Сходен с формой A, декора нет	Вади Идим, Хидбат Крошан						Fig. 3:18	
Сходен с формой A, декора нет	Райбун XXXIII= ас-Сафа 1							Abb. 46:q
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун I, с поверхности	Taf. LXX:1						
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун XIV, храм Майфа'ан, с поверхности		Fig. 1: крайний справа				Fig. 3:9	Abb. 39:c = 45:b
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Вади Идим, Хидбат Крошан						Fig. 3:10	
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун I						Fig. 5:2	Abb. 38:e
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун I						Fig. 5:4,5	
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун XXXIII= ас-Сафа 1							Abb. 46:o, p, r
Сходен с формой A, декор типа c (звери)	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 46:u
Сходен с формой A, декор типа c (птицы)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2				Fig. 7:7		Figs. 2:11, 6: слева внизу	
Сходен с формой A, декор типа c (птицы)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2						Fig. 6: внизу в центре	

Окончание табл. 2

Формы сосудов и археологические памятники		Публикация						
Форма	Археологический контекст	Akopyan 1996	Piotrovskij & Sedov 1994	Sedov 1995a	Sedov 1995b	Sedov 1996a	Sedov 1996b	Sedov 1997
Сходен с формой A, декор типа c (птицы)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2						Fig. 6: внизу справа	
Сходен с формой A, декор типа c (птицы)	Райбун I						Fig. 4:1	
Сходен с формой A, декор типа c (птицы)	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 46:t
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Райбун XIV, храм Майфа'ан, с поверхности		Fig. 1: внизу в центре					Abb. 38:c
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 45:j
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Райбун I						Fig. 4:2	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Райбун XXXII= ас-Сафа 2				Fig. 7:10		Fig. 3:11	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади Идим, Хидбат Крошан						Fig. 3:12	

Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2				Fig. 7:11	Fig. 21:9	Fig. 3:13	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2					Fig. 21:12	Fig. 3:14	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2					Fig. 21:7	Fig. 3:15	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2					Fig. 21:14	Fig. 3:16	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Вади ал-'Айн, ас-Сафил 2				Fig. 7:8	Fig. 21:15	Fig. 2:12	
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Райбун XXXII= ас-Сафа 2							Abb. 46:w, x
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Ша'аб ал-Вада					Figs. 9:8, 10: в центре		
Сходен с формой A, декор типа c (геометрический рисунок)	Ша'аб ал-Вада					Figs. 9:10, 10: вверху в центре		
Тип неясен	*Райбун XXXIII= ас-Сафа 1*							Abb. 46:s

ALESSANDRO DE MAIGRET
(*Naples/Ṣan'ā'*)

New stratigraphical data for the ancient chronology of Tamna'

The excavations carried on until now in Tamna' (today's Hajar Kuḥlān, Wādī Bayḥān, Yemen) by the Italian-French Archaeological Mission (four campaigns, from 1999 to 2002), have brought to light a great temple, devoted to the goddess Athirat, on the north-western limit of the site (Sector A) as well as ten houses in the so-called "Market Place", situated approximately in the centre of the city (Sector B).[1] The architectural technique used in all these constructions, as well as the pottery typology and the 14C sample analyses allowed us to date all buildings to a period that goes from the end of the 4th century BC to the 2nd century AD. For their archaeological characters, the private houses near the South Gate and "Timna Temple 1", dug by the American Foundation for the Study of Man in 1950–1952,[2] should also be included to the same chronological panorama.

Some brief archaeological soundings performed in the second campaign (2000) in the Sectors A and B, have allowed us for the first time to penetrate below this main and more known constructive level (Stratum A) and to collect some interesting information about the cultural phase that preceded it (Stratum B).

The archaeological sounding in Sector A

The first sounding (A.00/S2) was performed (25/9–11/10/2000) in the open court of the temple of Athirat, against the wall M60, which delimits the sanctuary's northern row of rooms from the inside (fig. 1). The area of excavation, of 3×3 m, has been confined to an area free from structures, and the depth, which started at the absolute level of 10.7 m, went up to 5.1 m (fig. 3a). The total depth of the sampled area was therefore 5.6 m. Given the particular character of the temple's basement, which consists of a rectangular platform (1.8 m high) contained by a strong stone wall filled up with depurated, pressed earth, the

[1] A. DE MAIGRET, *Tamna', Ancient Capital of the Yemeni Desert. Information about the First Two Excavation Campaigns (1999, 2000)*, Proceedings of the Conference "Arid Lands in Roman Times", Rome 9–10 July 2001 (in press); ID., *Gli scavi di Tamna', antico crocevia commerciale nel deserto Yemenita*, Proceedings of the Conference "Early Navigation and Trade in the Indian Ocean", Ravenna 4–6 July 2002 (in press).

[2] G.W. VAN BEEK, *Recovering the Ancient Civilisation of Arabia*, Biblical Archaeologist, 15 (1952), p. 2–18; W. PHILLIPS, *Qataban and Sheba. Exploring the Ancient Kingdoms on the Biblical Spices Routes of Arabia*, New York 1955.

© Alessandro de Maigret, 2004

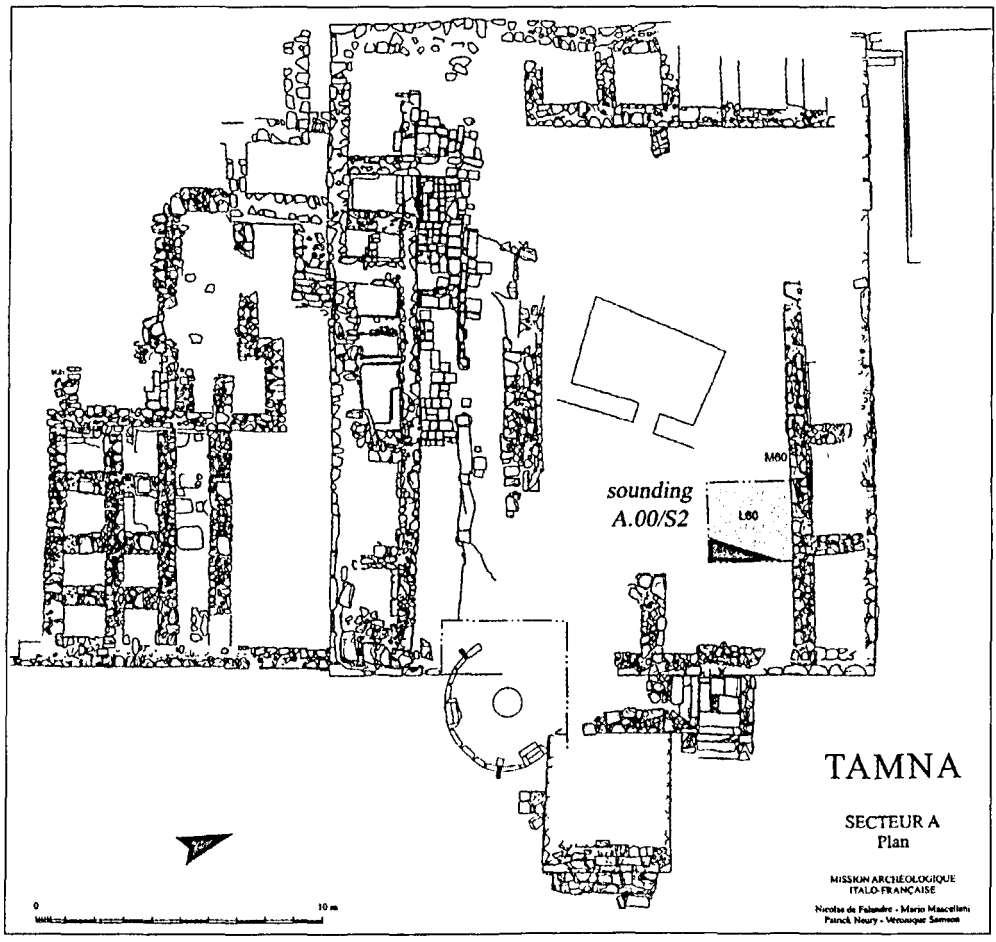


Fig. 1. Localisation of sounding A. 00/S2 in the temple of Athirat

sounding revealed in its superior part and for a thickness of 1.80 m such a kind of earth (*level 1*), whose artificial origin was proven by alternated, multicoloured and levelled thin layers. Wall M60 hardly notched such level and its base stones stopped at a level of 10.5 m. *Level 1* turned out to be rather poor in pottery and it stopped at a level of 8.9 m, in a well-defined horizontal way. A charcoal sample, collected at the base of this *level 1*, gave us a calibrated dating sometime between 400 and 110 BC (Beta Analytic 157166).

At this point a layer of compact light brown earth full of mud-bricks of the same colour and pottery fragments (*level 2*) started. The bricks were related to a strong wall (M70) that, at 8.5 m, started to appear in the eastern section of the excavation. The only visible limit of this wall, facing west, departed from the northwest corner of the sounding and disappeared into its south section (to 1.1 m from the southeast corner), showing a southwest-northeast orientation for the structure. Going down into the area at the northwest of M70 (in the space

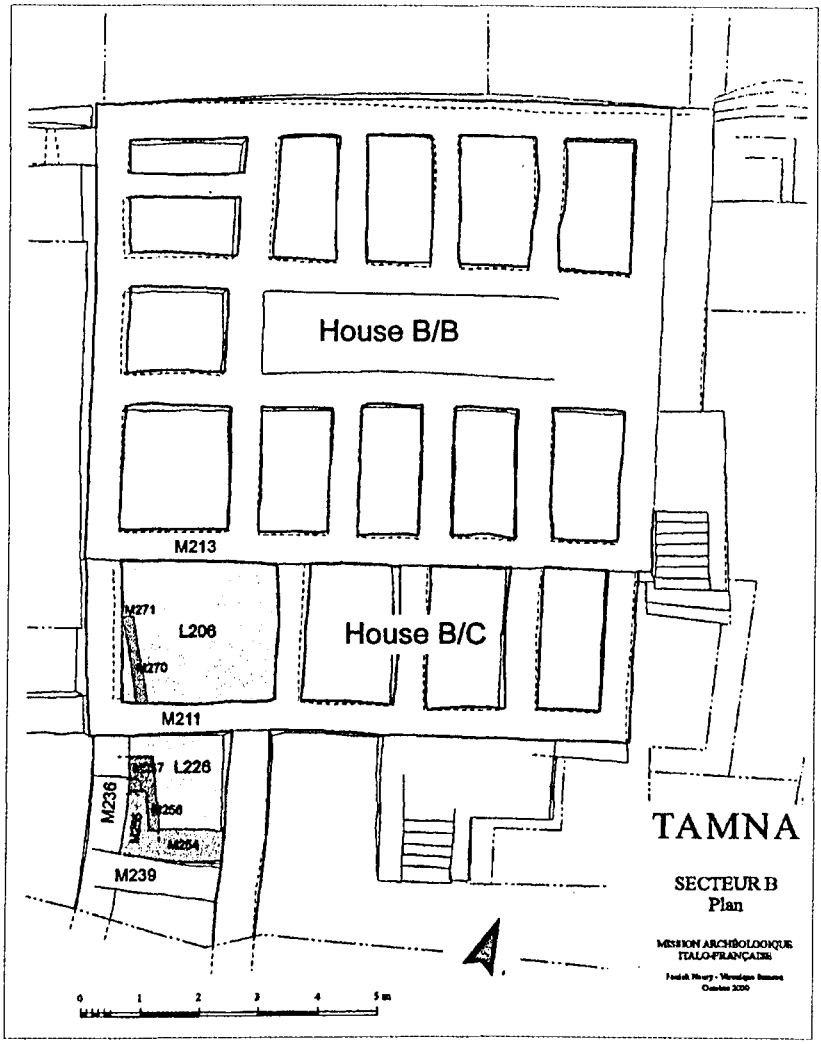


Fig. 2. Localisation of sounding B. 00/S1 (L206) and B.00/S2 (L226) in House B/C

that was called L60), the type of ground didn't change very much, and numerous animal bones were added to the abundant pot shards.

To level 7.4 m the brick wall M70 revealed an enlargement of its base in L60 (of around 20–30 cm). This foundation stopped rather irregularly after about 30 cm, leaving the place to a loose, light greyish-brown ground (*level 3*). We were here at level 7.1 m, and we decided to go down only in the west half of the sampled area with the purpose of verifying the presence of other deeper structures and to pick up further pottery samples. The excavation continued in this soft greyish earth, where abundant ceramics, numerous bones and small charcoal fragments were found. Once level 5.1 m was reached, and having identified neither structures nor changes in the ground, we decided to arrest the work, not

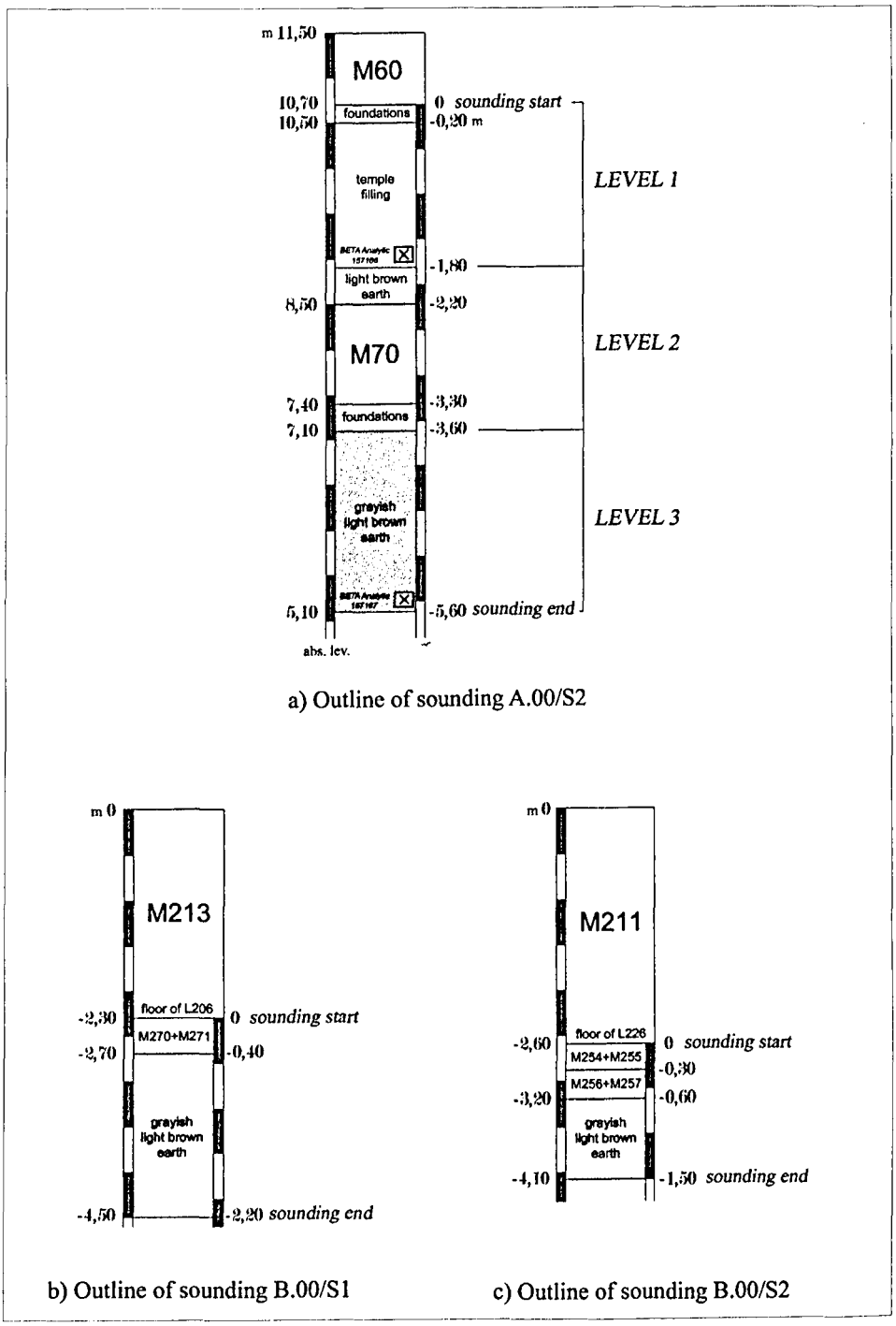


Fig. 3. Outlines of Tamna' stratigraphical soundings

to mention the danger of a possible collapse of the walls of the sounding. A charcoal sample, collected at the bottom of the sampled area, gave us a calibrated dating between 930 and 770 BC (Beta Analytic 157167). According to the lower absolute level reached in the excavation (5.1 m), and considering that level 0.0 m corresponds to that of the country ground outside the tell, it could be supposed that a further deepening of the probe is bound to uncover (if there were not, of course, natural relieves) other more ancient archaeological levels for a depth of about 5 m, before we could have reached the virgin soil.

The pottery

The pottery recovered in *level 1*, related to the artificial filling of the rectangular basement of the temple of Athirat, was not abundant (6 *zambils* [T.00.A/26, 29, 33, 35, 39, 70], of which some were half full), also probably because of the depurated character of this type of earth. Judging from the forms of the vases (fig. 4) that re-enter among the common types in the levels F, E and D of Hajar Bin Ḥumayd,[3] it would appear that the earth used for packing the base platform of the temple had been taken from a near layer of demolition (abundant in the orange earth from crumbled bricks, common in many of the structures we dug in Tamna') which should be datable between 350 and 250 BC. Among the characteristic forms we quote the cups with superiorly flat rim (fig. 4: *A26:1*),[4] the bowls with flaring edge (fig. 4: *A29:13; A33:1*),[5] the jars with straight natural edge decorated with incised "rope" and "chevron" designs (fig. 4: *A29:1; A35:2*)[6] or combed wavy lines (fig. 4: *A29:2,3*),[7] the ring-bases with a single grooved straight line (fig. 4: *A29:15*).[8]

The pottery from the *level 2*—contextual to wall M70—appears to us different (figs. 5–8), showing at first sight the specimens typical of what we could call "carinated pottery", well underlined, for instance, from the repertoires of Yalā (layer A)[9] and of Hajar Bin Ḥumayd (levels preceding to the layer K). As we said, pot shards recovered in this level were particularly numerous (12 full *zambils* [T.00.A/43, 47, 49, 50, 52, 58, 59, 60, 64, 65, 66, 69]); this abundance and the fact that they were found together with a lot of capri-ovine bones, would lead to think at a dump which grew in L60, against the western face of wall M70. Carinations are common either in bowls with ring-base (fig. 5) or in jars of different shapes (fig. 6). Many forms bear a more definite comparison with the "carinated" repertoire of Yalā and Hajar Bin Ḥumayd, showing narrow relationships with vases and/or vascular attributes from former's layer A (*c.* 800–550 BC) and latter's levels K–O (*c.* 750–550 BC). I refer particularly to the craters with vertical walls and multiple engraved decorations (fig. 6: *A49:20*),[10] to those ones with external fillet under the rim (fig. 7: *A49:15; A50:1*),[11]

[3] G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid. Investigation at a Pre-Islamic Site in South Arabia*, Baltimore 1969.

[4] See, for instance, G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 174, fig. 31: H755, H744, H730; p. 241, fig. 98: H1007, H953, H611.

[5] *Ibid.*, p. 241, fig. 98: H705; p. 236, fig. 93: H502.

[6] *Ibid.*, p. 254, fig. 111: H184; p. 187, fig. 44: H813.

[7] *Ibid.*, p. 194, fig. 51: H815; p. 206, fig. 63: H485; p. 214, fig. 71: H609.

[8] *Ibid.*, p. 225, fig. 82: H173.

[9] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea. Specificità e sviluppi da uno studio delle forme*, Arabia, 1 (2003), in press.

[10] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, fig. 3: 4–7; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 214, fig. 71: H1866.

[11] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, fig. 7: 6, 7; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 186, fig. 43: H1914; p. 211, fig. 68: H2304.

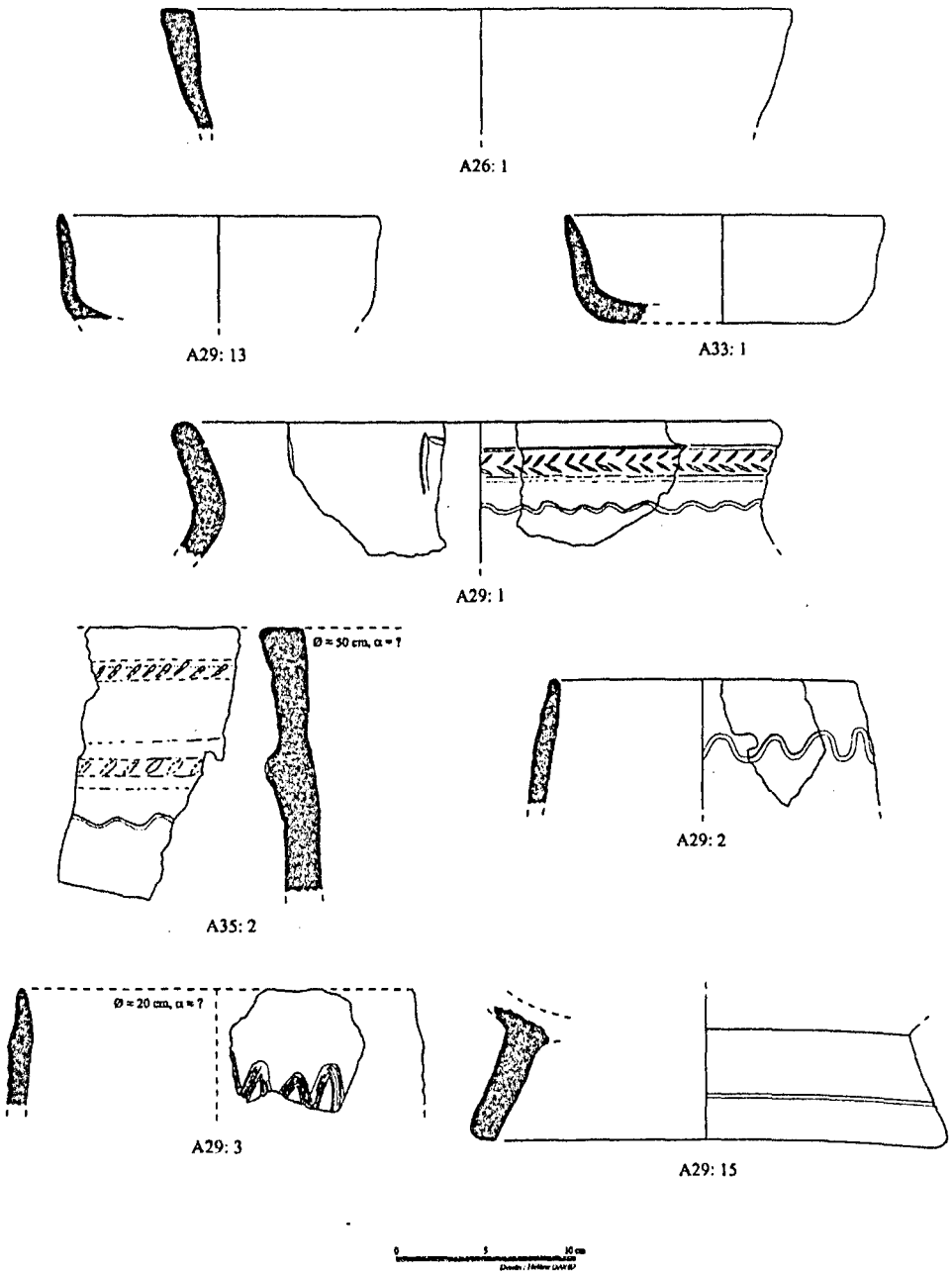


Fig. 4. Tamna'. Pottery from sounding A.00/S2, *level 1*

to the big jars with parallel horizontal fillets (fig. 7: *A50:10*),[12] to the piriform jars (or "torpedo jars") with narrow flaring neck (fig. 7: *A49:18,19; A58:8; A69:3*),[13] to the lids with painted or incised decoration (fig. 7: *A69:6*),[14] to the digitate handles of lids (fig. 7: *A47:19,20*),[15] to the loop handles (fig. 7: *A64:11*).[16] The comparisons with the materials from the layer A of Yalā seem particularly fitting: I would say that, in a general comparison, the two repertoires—that of *level 2* from Tamna' sounding A.00/S2 and that from Yalā "House A"—seem almost the same (as further approaches to the Yalā repertoire, note the perforated lids [fig. 8: *A64:10; A69:2*],[17] the large deep bowls with double rim [fig. 6: *A64:2*],[18] the round buttons applied as a decoration under the rim [fig. 8: *A64:5*][19] and even the palaeography of the inscriptions [fig. 8: *A64:12*]).[20]

The pottery of *level 3*—which was found under the base of the mud-brick wall M70—was also abundant, (10 full *zambils*: [T.00.A/71, 74, 77, 79, 83, 84, 87, 92, 94, 95]. Due to the absence of structures in the narrow dug space, it is difficult to make hypothesis on its origin, but the big quantity of bones that accompanied it should still reveal a dumping function of the zone. The typology of the vases seems similar to that seen for *level 2* but, to a more careful examination, we note at least two main variants: 1) the comparisons with the repertoire from the layer A of Yalā clearly decrease; 2) there is a gradual increasing in the number of the comparisons with pieces that, even if present in levels K–O of Hajar Bin Ḥumayd, seem to demonstrate a more common frequency in the most ancient layers (P–S) of that site. These observations, even if generic, seem to confirm a greater ancientness of the collection, as pointed out from the stratigraphical datum and the above mentioned C14 results. For the comparisons with the lowest layers of Hajar Bin Ḥumayd, we note particularly the carinated bowls with a single groove under the rim (fig. 8: *A77:4; A84:1*),[21] an increasing number of ledge handles (fig. 8: *A84:4; A94:1*; fig. 9: *A94:7,8*),[22] the incised and/or painted decoration on the vertical walls (fig. 9: *A79:4*),[23] the jars with narrow flaring neck (fig. 9: *A84:5,10*),[24] sometimes with an inside support for the lid (fig. 9:

[12] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, fig. 19: 1, 2; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 177, fig. 34: H2180; p. 202, fig. 59: H2796.

[13] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, figg. 21, 22 (I call these jars "giare oneraric" ("cargo jars") for an hypothetical function suggested by their shape and their international diffusion [cf. p. 6]); G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 256, fig. 113: H2026, H1884 (G. Van Beek calls these jars "Type 4100 (sand-temper) ware"; he remarks their wide spread [p. 369]).

[14] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, figg. 23–24; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 191, fig. 48; p. 192, fig. 49. The decorated motives on lids end at Hajar Bin Ḥumayd with level M: as a consequence they represent a terminus ante quem around 600–650 BC.

[15] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, figg. 23, 24; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 191, fig. 48: H2068.

[16] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, fig. 26: 1–6; G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 193, fig. 50: H2067; p. 190, fig. 47: H2069.

[17] A. DE MAIGRET, *La ceramica sabea, cit.*, fig. 25: 1–4.

[18] *Ibid.*, fig. 4: 1, 3; fig. 5: 2, 3.

[19] *Ibid.*, fig. 19: 1; fig. 20: 6.

[20] *Ibid.*, fig. 2: 5–8; fig. 9: 7, 8; fig. 21: 2; fig. 22: 4–6.

[21] G.W. VAN BEEK, *Hajar Bin Ḥumeid, cit.*, p. 176, fig. 33: H2835; p. 227, fig. 84: H2955, H2632X; p. 228, fig. 85: H2834; p. 238, fig. 95: H2644.

[22] *Ibid.*, p. 247, fig. 104: H2523, H2592; p. 250, fig. 107: H3019, H3020; p. 242, fig. 99: H2744; p. 246, fig. 103: H2789.

[23] *Ibid.*, p. 195, fig. 52: H3098.

[24] *Ibid.*, (e.g.) p. 179, fig. 36: H2928, H2934.

A94:9),[25] the wide mouth jars with expanded rim (fig. 9: *A84:8*).[26] The palaeography of the inscription on a cup (fig. 9: *A84:9*) should be compared with that on two pot-shards from the layer B of Yalā.[27]

The archaeological soundings in the Sector B

Two other brief sample excavations were performed in the rooms of a private house dug in the second campaign (September-October 2000) on the southern limit of the "Market Place" (fig. 2). The first one (B.00/S1) was carried on in the floor of *locus* L206 and the second (B.00/S2) in that of *locus* L226.

L206 is the larger (2.6 m×2.4 m) of a row of rooms (house B/C) which were annexed, from south, to a great and beautiful house (house B/B, or "*bayt* Ya'ūd", as from the inscription found in its northern side). What is preserved of both these buildings, is their high and massive stone basement, perfectly levelled on the upper part in order to accommodate the mud-bricks of the upper floors (today disappeared). In L206, we dug down to its earthen floor which, as in the other rooms of both the houses, corresponded to an inside offset of the stone walls (fig. 3b). Here the comparative level was of –2.30 m from the upper face of the room northern wall (M213). Going down below this floor, two small mud-bricks walls were found (M270 and M271), showing the same orientation of L206. These structures delimited a *locus* (L260), which entered under the south-western corner of L206. Here the pottery clearly changed in comparison to that found inside the houses, and we decided to continue to dig, carefully isolating the materials. The walls M270 and M271 terminated after a while and the sounding continued, without recovering further structures, in a light brown-greyish earth with inclusions of bricks fragments down to a level of –4.50 m from the upper face of the northern wall of L206 (M213).

The second sounding was carried out breaking down the earthen floor of L226, an adjoining room to L206 (fig. 2). Used as sheepfold, it had to be annexed against the southern side of house B/C in a second time. Under the floor, at a level of –2.60 m from the surface of the northern wall (M211) of the room (fig. 3c), two rough stone structures were recovered (M254 and M255). They were partially hidden by the foundations, respectively, of the southern (M239) and western (M236) walls of L226. At this level, the pottery turned out to be of the classical carinated type. Around 30 cm deeper, other two stone structures appeared, M256 and M257, which, starting from under M255, turned to West, disappearing under M236, in correspondence of the door that allowed the access to the sheepfold L226. The digging that continued to the East of these structures, revealed their scarce depth: the bases of the rows didn't go under the level of –3.20 m. The ground here was light brown-greyish with frequent inclusions of pot-shards and animal bones. The excavation was arrested to a level of –4.10 m.

The pottery

The pot-shards we collected in B.00/S1—under the floor of L206—were relatively abundant: 9 half-full *zambils* (in order of deepness: T.00.B/282, 285, 286, 293, 295, 299,

[25] *Ibid.*, p. 179, fig. 36: H3012; p. 196, fig. 53: H3182; p. 248, fig. 105: H3072, H3046.
[26] *Ibid.*, p. 202, fig. 59: H2839, H2567; p. 250, fig. 107: H3019, H3020; p. 252. fig. 109: H2470.
[27] G. GARBINI, Yemen.

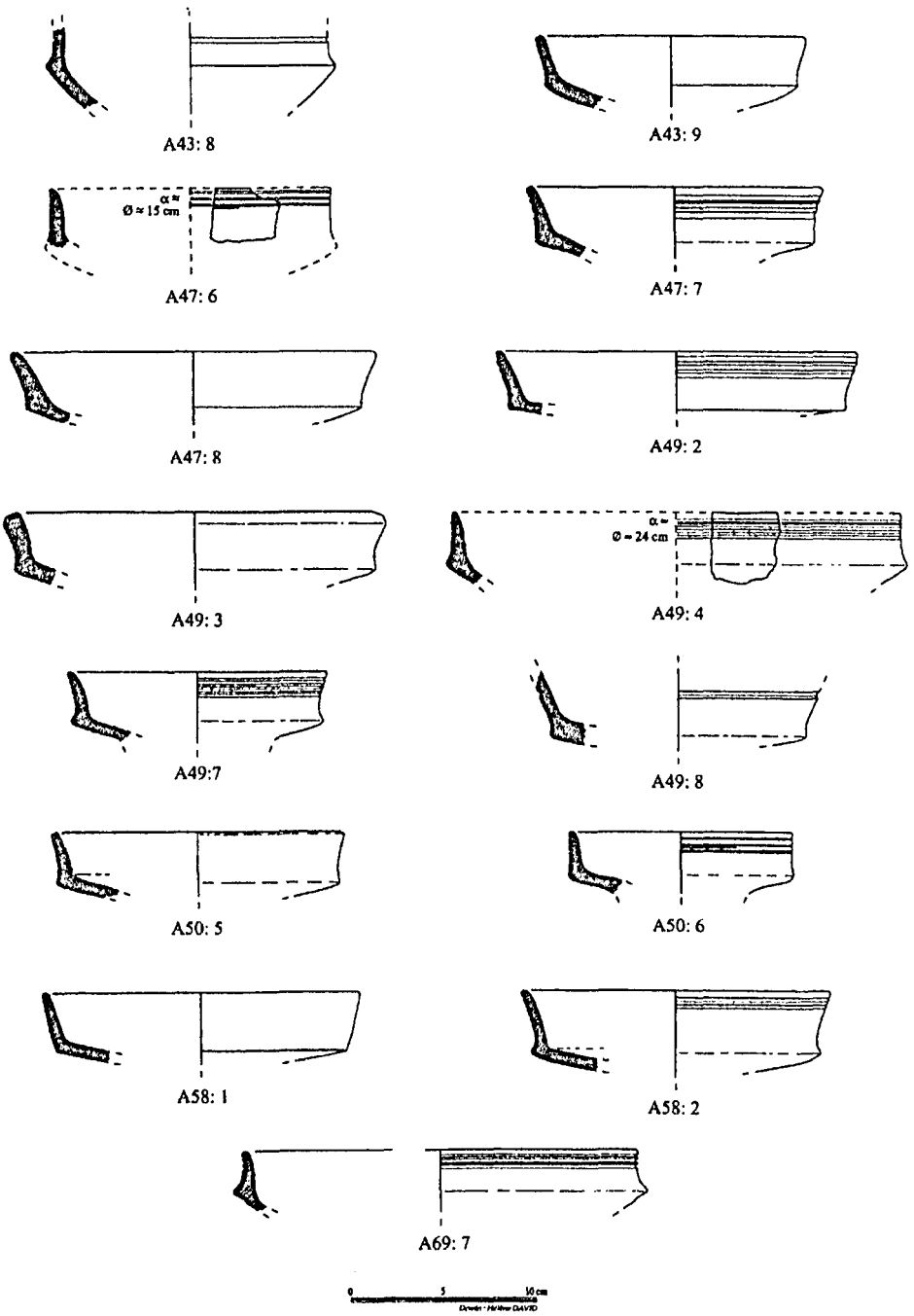


Fig. 5. Tamna'. Carinated bowls from sounding A.00/S2, *level 2*

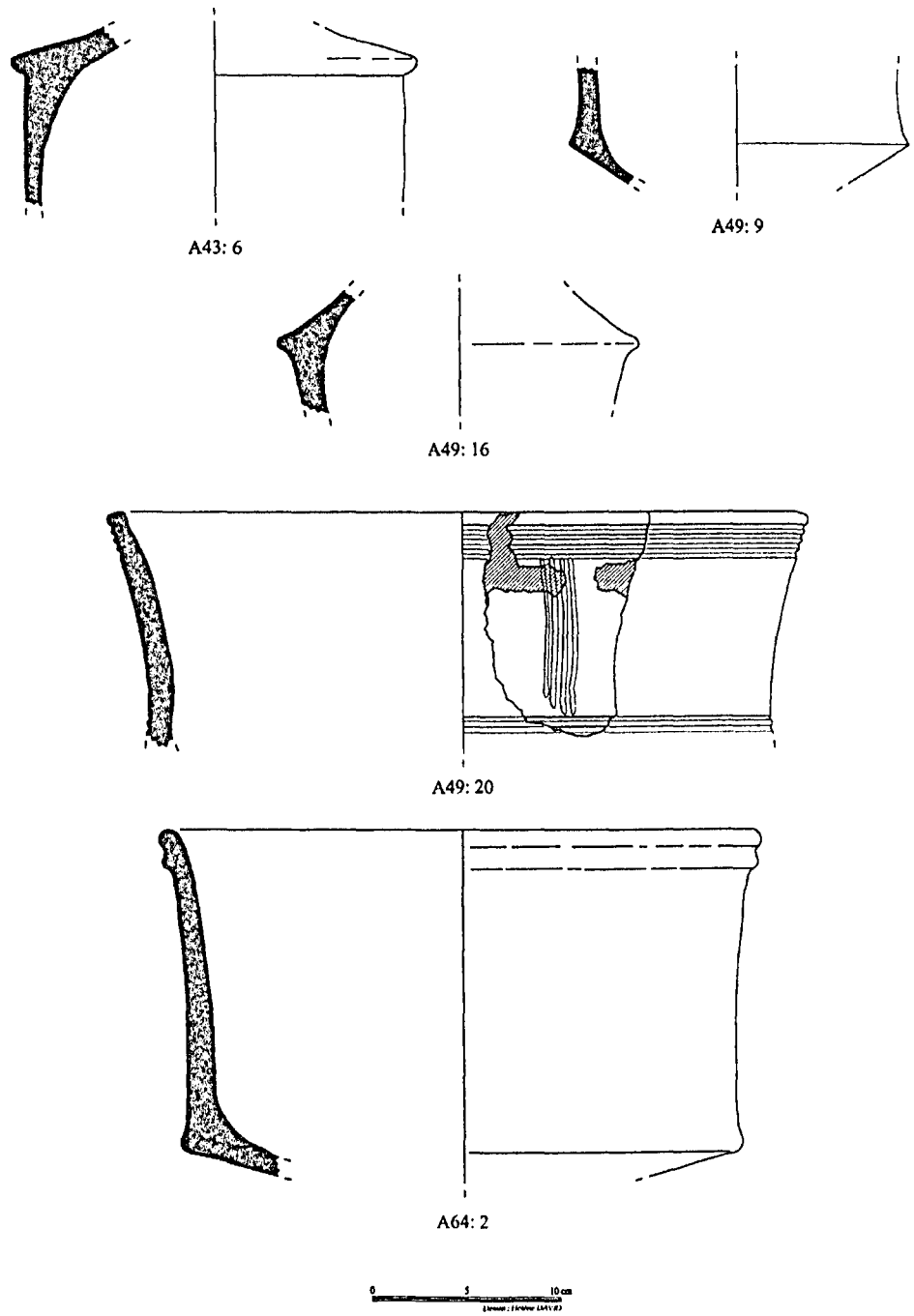


Fig. 6. Tamna'. Carinated jars from sounding A.00/S2, *level 2*

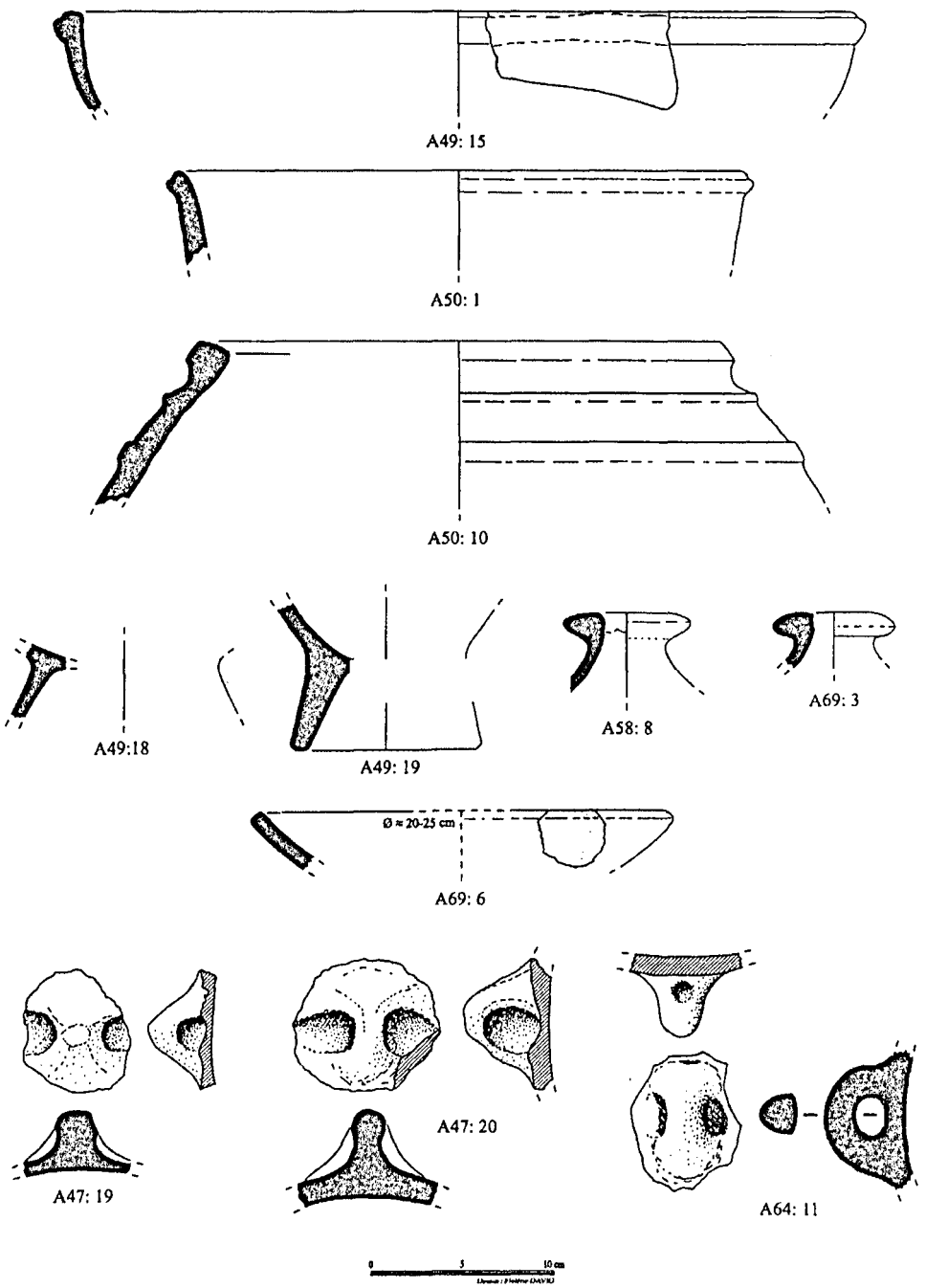


Fig. 7. Tamna'. Pottery from sounding A.00/S2, *level 2*

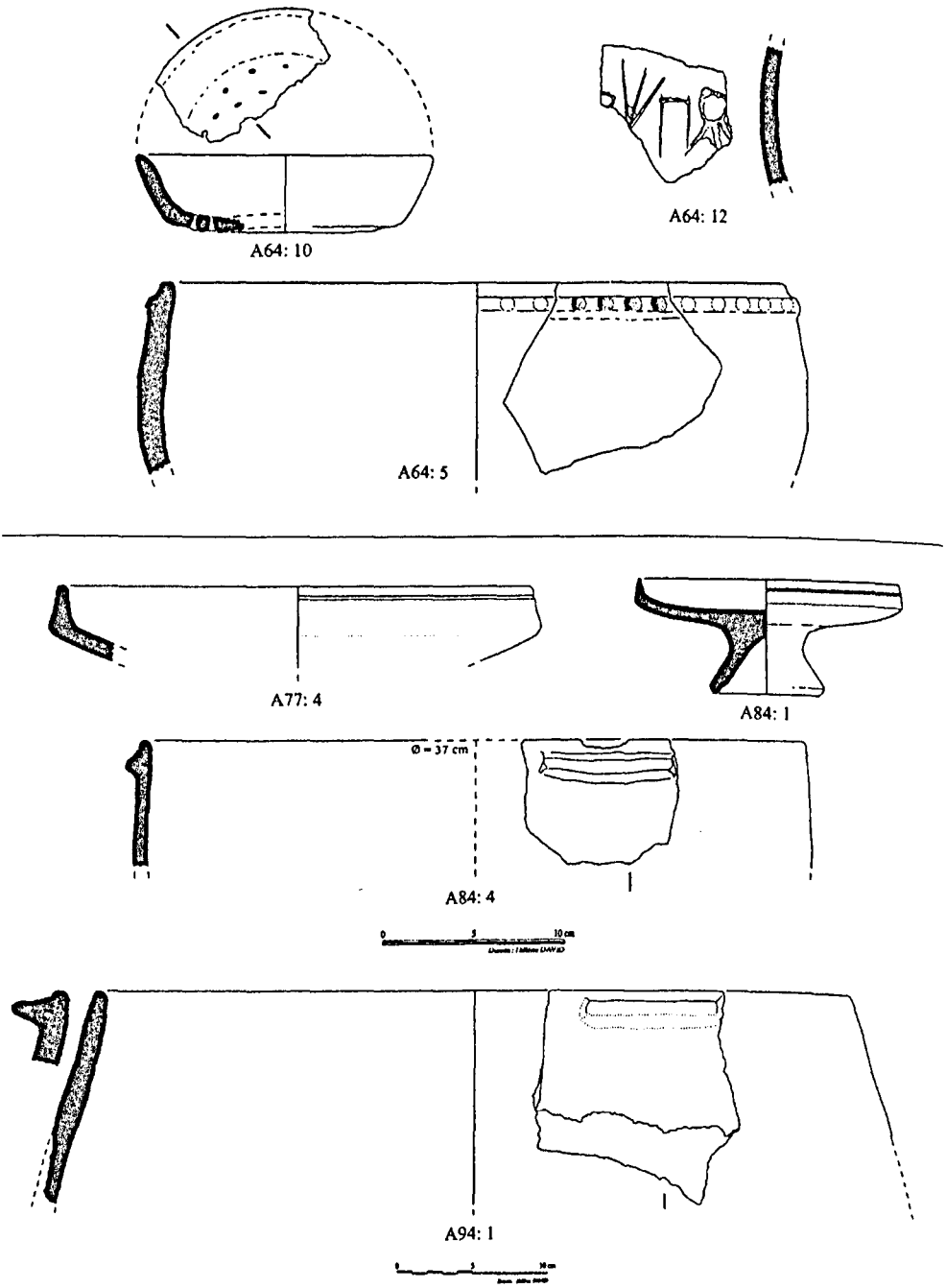


Fig. 8. Tamna'. Pottery from sounding A.00/S2, *level 2* (up) and *level 3* (down)

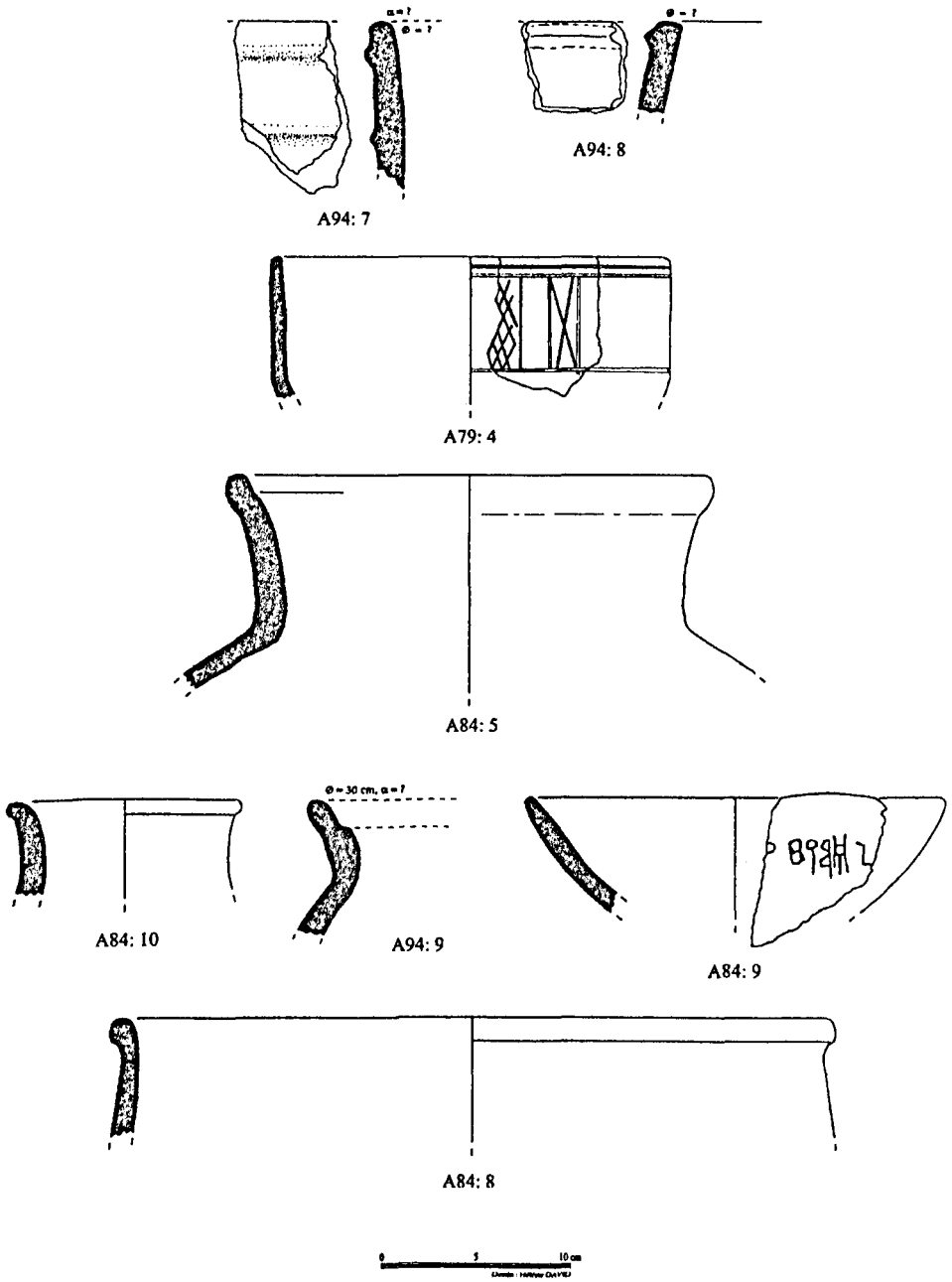


Fig. 9. Tamna'. Pottery from sounding A.00/S2, *level 3*

300, 301, 302). Those found in B.00/S2—under the floor of L226—were enough scarce instead: 4 three-quarters full zambils (in order of deepness: T.00.B/244, 245, 262, 266).

If we exclude the more superficial *levées* (T.00.B/282, 285; T.00.B/244–245), where, in the context of the walls foundations the repertoires appear minced and mixed, the vases that we found in the level of grayish-light brown earth seem entirely similar to those described for the *level 2* of the sounding of the temple of Athirat. We immediately notice, together with numerous carinated vase-walls (both related to cups and to cylindrical jars), double-rim cups, "torpedo jars", lids, trumpet ring-bases, etc. On the outside, the clay of the beige-pinkish vases is often covered with the characteristic and delicate red-purplish wash. Black pottery with dense micaneous inclusions is also abundant, reminding us, for instance, the typical kitchen ware of Yalā.

Conclusions

The pottery recovered in the soundings of Tamna' appears distinctive and homogeneous. Distinctive, because it belongs to the repertoire of the so-called "carinated pottery" that it is found in the more ancient South Arabian sites (not only at Yalā and Hajar Bin Ḥumayd, but also at Hajar at-Tamrah [layers IIC–V] and Shabwah [levels IV–III]): this kind of pottery clearly distinguishes itself from the later one which is contextual to the temple of Athirat and the houses of the "Market Place". Homogeneous, because both the pottery coming from the sounding in the temple of Athirat (T.00.A/S2) and that found in the two soundings in the rooms of the house B/C (T.00.B/S1 and T.00.B/S2) appear to belong to a same typological-cultural horizon. In particular, the repertoires recovered in *level 2* of sounding T.00.A/S2 and those coming from the two sounding T.00.B/S1 and T.00.B/S2 appear to be the most similar, while that found in the *level 3* of sounding T.00.A/S2 appears somewhat different (because more ancient).

As we have seen, the *level 2* of sounding T.00.A/S2, that that is related to the brick wall M70, can be dated, on the base of the pottery types, between 800 and 550 BC (if Yalā's layer A is considered) or between 750 and 550 BC (if we refer to Hajar Bin Ḥumayd's levels O–K). A similar dating should be attributed as well to the pottery found in rooms L206 and L226 of house B/C.

The chronology for *level 3* of sounding T.00.A/S2 should be earlier, having to date back from the beginning period of level 2 (800 or 750 BC) to a period that we don't know exactly, but that the chronological range offered by the 14C results (Beta Analytic 157167) seems somehow to point out (930–770 BC). In addition, we should point out that the anthropic levels could continue down for at least other 5–6 meters below the lower level we reached in sounding T.00.A/S2, and that the beginning of Tamna' should therefore go up much more in the time (perhaps until in the last centuries of the 2nd millennium BC).

To sum up the data that we until now have for the level (Stratum B) that at Tamna' preceded the well known final one (Stratum A), tell us that it finished around the 550 BC. The analogies between the pottery from the sounding in the temple of Athirat (*level 2*) and that from the soundings under the house in the "Market Place" (two clearly separated zones in the great ruin of Tamna') allow us, at least for the moment, to generalize the hypothesis. This surprises us because in this way an occupational gap would exist, of at least two centuries, before the foundations of the Athirat temple and of the "Market Place" houses (Stratum A) were implanted over this level (Stratum B). After four excavation

campaigns, we are convinced that the construction of the great buildings of Stratum A doesn't have to go up again over the 350 BC[28] (such dating, after all, falls within the 14C values [400 and 110 BC] of the sample Beta Analytic 157166 from the filling earth of the Athirat temple). Such a gap seems to concern also other sites until now dug in the region: Hajar Bin Ḥumayd, where we assist to a clear change in the technique and orientation of the wall structures between layer K (*c.* 550 BC) and the following layer J; Hajar at-Tamrah, in which it seems to finish, with layer I, the occupation; Hajar ar-Rayḥānī, where we see a gap between layer VC and VB; Shabwah in which an ample interval results between layer VI and VIA; Yalā, where at the end of layer A we have the definitive abandon of the city. To such stratigraphical gaps and mutations always corresponds a clear-cut typological change between carinated and non-carinated pottery.

In conclusion, the gap we found in the occupational sequence of Tamna'—between around 550 and the 350 BC—would seem to concern also other South Arabian centres of the Ramlat as-Sab'atayn. If such generalization was confirmed by future excavations in other sites, I think that such new phenomenon (of which we cannot understand now the causes) will force us to reconsider many of our archaeological, philological and historical conclusions on ancient Southern Arabia.

[28] Cf. A. DE MAIGRET, *Gli scavi di Tamna', antico crocevia commerciale nel deserto Yemenita*, Proceedings of the Conference "Early Navigation and Trade in the Indian Ocean", Ravenna 4–6 July 2002 (in press).

В.В. НАУМКИН,
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ
(*Москва*)

Системы и термины родства на Сокотре и в Махре

Сокотрийский и махрийский языки вместе с джиббали (шхаури), харсуси и другими составляют отдельную группу семитских языков. Системы и термины родства в этих языках обнаруживают значительное сходство, хотя существуют и некоторые различия. В основу настоящей статьи положены материалы, собранные В.В. Наумкиным на Сокотре и в Махре в 1974–1990 гг.

Для обозначения родственников первой степени в сокотрийском употребляются следующие термины:

bēbe, дв.ч. bebēhi, мн.ч. babáyhon, 'отец'. В сочетании с именами употребляется с генитивной частицей di: bēbe di muḥammad 'отец Мухаммада'. В сочетании с личными местоимениями принадлежность выражается с помощью конструкции [di + местоимение] в препозиции: dího bēbe 'мой отец', dí'e bēbe 'твой отец' и т.д.;

bíyyo, дв.ч. biyyōti[1], 'мать'. Это слово, по Биттнеру[2], образовано как ж.р. от bi-(bey)-(a)bī 'отец'. Принадлежность выражается так же, как и для bēbe: dího bíyyo 'моя мать', dí'e bíyyo 'твоя мать' и т.д.

В текстах, записанных от горцев, встречаются bérhe 'отец' и bēre 'мать'. Жители прибрежных районов этих слов даже не понимают. У горцев они малоупотребительны. Они восходят к общесемитскому корню, от которого в сокотрийском образованы: bēre 'родить', а также термины родства míbrhe, bar, 'íbrihi, 'imbóriye (см. далее). Так что точнее переводить bérhe как 'родитель', bēre как 'родительница'. Что касается корня этих слов, то это, по всей вероятности, b-r-' со значением 'творить, создавать из ничего' (например, арабский bara'a)[3]. Отсюда значение 'родить, произвести на свет'.

---

[1] У Леслау приводятся несколько отличающиеся формы: ед.ч. bíoh, дв.ч. bióti (см.: *Leslau*. Lexique soqotri. P., 1936, с. 81). В наших материалах форма множественного числа отсутствует. Леслау приводит форму mamhéten, очевидно связанную с корнем 'em (см. ниже), т.е. также не дает формы множественного числа для этого корня.

[2] *Bittner*. Vorstudien zur Grammatik und Wörterbuche der Soqotri-Sprache. 1. Wien, 1913, с. 24, примеч. 3 (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 173, Abh. 4, см. далее: SBAW Wien).

[3] Об этом корне см.: *C. Landberg*. Glossaire datinois. Vol. 1, 2. Leiden, 1920, 1923, vol. 1, с. 142 и сл.

© В.В. Наумкин, В.Я. Порхомовский, 2004

В текстах Мюллера[4] встречается еще одна пара терминов для обозначения родителей. Это 'íif 'отец' и 'em 'мать'[5]. Они образованы от общесемитского корня (ср. араб. 'ab и 'umm, махри ḥeyb и hâm, шхаури ey и em, евр. 'ab и 'em(m) и т.д.). Эти слова неизвестны жителям прибрежных районов и, видимо, неупотребительны или малоупотребительны в горных районах. Однако широко распространенным является слово 'é'fo (или 'é'fu) 'родители, семья, старшие родственники, люди', где -o придает 'íif значение собирательности[6] (аналогично этому в шхаури образовано íyo 'родители' от ey 'отец'). Это основное слово, употребляющееся в сокотрийском в значении 'люди' (можно предполагать, что оно является вторичным). На архаичность 'íif и 'em указывает не только тот факт, что они вышли из употребления со времен экспедиции Мюллера, но и то, что эти слова, в отличие от bēbe и bíyyo, для обозначения принадлежности могут присоединять к себе местоименные суффиксы. Конструкция имя + местоименный суффикс имеет архаичный характер и в современном сокотрийском почти не встречается, будучи вытеснена конструкцией di + личное местоимение + имя. Исключение составляют как раз некоторые термины родства (см. также далее). Для обращения детей к родителям не существует специальных слов, а употребляются bēbe и bíyyo со звательной частицей 'e ('a): 'e bēbe! 'Отец!'; 'e bíyyo! 'Мама!'[7].

В названиях братьев и сестер различаются обозначения братьев и сестер, старших по отношению к говорящему, младших или одинаковых по возрасту. Для обозначения самого старшего брата или самой старшей сестры не существует особых слов, все старшие называются одинаково. Для обозначения младшего брата или сестры говорящего или одного с ним возраста употребляется одно слово qāqa (без различия в роде), дв.ч. qāqi, мн.ч. qaqáyhon. Принадлежность выражается с помощью конструкции di + личное местоимение. В то же время для обозначения старшего брата и старшей сестры употребляются разные слова одного корня: nínhi, дв.ch. niníhi 'старший брат'; 'énna 'старшая сестра'. Принадлежность выражается с помощью di.

Употребляются также слова, восходящие к общесемитскому корню '-ḫ: 'a'ha (или 'a'ḥa), дв.ч. 'é'hi ('e'ḥi), мн.ч. 'o'ho ('o'ḥo) или o'hó'oy (в некоторых бедуинских говорах) 'брат' (вообще, т.е. и старший и младший) и 'é'het (или 'é'ḥet) 'сестра'[8] (ср.: махри ġa и ġayt, шхаури (e)ġa и ġit, харсуси ġa, араб. 'aḫ, и 'uḫt[9]). Эти слова принадлежат к числу немногих сокотрийских терминов родства, образующих принадлежность с помощью присоединения местоименного суффикса. Например:

---

[4] В начале XX в. в Вене были изданы материалы южноаравийской экспедиции Австрийской академии наук под руководством проф. Д.Г. Мюллера, которые в течение длительного времени служили основным и практически единственным источником по современным языкам Южной Аравии. По этим материалам был написан и словарь В. Леслау. Сокотрийскому и махрийскому языкам посвящены три из 12 томов серии трудов экспедиции (4, 6 и 7). См.: Müller D.H. (editor). Die Mehri- und Soqotri-Sprache. Alfred Hölder, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Wien, 1905–1907.

[5] См.: *Leslau.* Lexique soqotri, c. 68–69, 62–63. Леслау рассматривает f в 'iif как спирантизацию b. Два гласных Леслау объясняет как отражение древнего долгого гласного.

[6] См.: *N. Rhodokanakis.* Der Zweigipflige Akzent im Minäo-Sabäjschen // Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen. H. 1. Wien, 1915 (SBAW Wien. Bd 178, Abh. 4).

[7] Точно так же образуются формы обращения ко всем другим родственникам, так что далее мы к этому возвращаться не будем (варианты 'e и 'a в зависимости от окружения, например 'a qāqa 'мой брат').

[8] По нашим наблюдениям, h произносят жители прибрежных районов, ḥ — горцы (точнее, часть).

[9] См.: *Leslau.* Lexique soqotri, c. 56; *Johnstone.* The Harsusi-English Lexicon. London, 1977, c. 7.

'é'hi ('é'ḥi) 'мой брат'
'é'haš ('e'ḥaš) 'его брат'
'éhóyhi ('eḥóyhi) 'мои братья' и т.д.

В «Легенде о Йитхамитин» встречается форма 'ohóki в значении 'твои братья' (мн.ч.)[10].

В сочетании слова 'é'het с местоименными суффиксами были выявлены некоторые фонетические различия между говорами:

'e'héti (Хадибо) 'моя сестра'
'e'ídti (Калансия) 'моя сестра'
'e'ídti (Хагьер) 'моя сестра'
'e'ġídti (западный бедуинский говор) 'моя сестра'
'e'hédk (западный бедуинский говор) 'твоя сестра'
'e'hétš (западный бедуинский говор) 'его сестра' и т.д.

Несколько терминов употребляются в сокотрийском для обозначения детей. Основными являются:

múgšim (произносится múkšim; вариант múgšam), дв.ч. mugšīmi, мн.ч. megāši[11], 'мальчик, сын'[12]. Это слово чрезвычайно широко употребляется в сокотрийском как в значении 'мальчик, подросток, юноша', так и в значении 'сын'. Принадлежность выражается с помощью частицы di: dího múgšim 'мой сын', múgšim di hamed 'сын Ахмеда'.

fíŕhim[13], дв.ч. fírīmi, мн.ч. féŕham (горск. fóỳrhem), 'девочка, девушка, дочь' столь же широко употребительно в двух значениях, как и múgšim. Корень этого слова — f-r-m. Биттнер сопоставляет fíŕhim с махри fírhîn 'кобыла' (в арабском в этом значении употребляется faras-)[14]. Леслау указывает, что исходное значение этого семитского корня, отраженное в арабском, еврейском, арамейском, — 'разрывать, резать, раскалывать, рассекать', отсюда 'создавать' (ср. корень b-r-' 'резать, создавать', о котором говорилось выше, и другие корни); таким образом, fíŕhim означает 'творение, существо'[15]. Можно, однако, предложить иное объяснение. Возможно, сокотрийское слово «девочка» от этого корня связано непосредственно со значением 'резать'. Дело в том, что fíŕhim относится к девочке, достигшей возраста половой зрелости, когда ей должно было делаться обрезание. Отсюда и значение fíŕhim как 'той, что достигла возраста обрезания'. По данным информантов, девочка, не достигшая этого возраста, называется на Сокотре другим словом ('awgēno — см. ниже), что подтверждает наше предположение. Принадлежность для слова fíŕhim также выражается с помощью частицы di: dyhé fíŕhim 'его дочь'.

---

[10] В связи с употреблением аналогичной формы ('e'ḥóke) в текстах Мюллера Леслау пишет, что, «хотя это слово выглядит как множественное число, речь идет о двух братьях» (там же, с. 56), но нам кажется, что информант вполне мог употребить мн.ч. вместо дв.ч.

[11] Корень этого слова: g-š-m. По Мюллеру (см.: *Bittner*. Vorstudien. 1, с. 20, примеч. 2), этот корень соответствует арабскому gism — тело.

[12] Леслау приводит также форму диминутива mgešhem, дв.ч. mgešémi, мн.ч. mgišímihon (Lexique soqotri, с. 117), которая нами не зафиксирована.

[13] Леслау дает форму fírehim (Lexique soqotri, с. 341).

[14] *Bittner*. Vorstudien. 1, с. 13, примеч. 1; 2, с. 9.

[15] *Leslau*. Lexique soqotri, с. 341.

Слово fíŕhim в сокотрийском часто употребляется вместе с заимствованным из арабского bint с тем же значением, образуя единую лексическую единицу. По некоторым наблюдениям, сочетание fíŕhim bint употребляется в основном как раз тогда, когда необходимо указать на девушку, достигшую возраста, делающего возможным ее вступление в брак (см. текст о сватовстве и женитьбе).

Для обозначения детей употребляются также термины:

'awyéghen (диминутив от 'agg 'мужчина, человек, муж' — см. ниже) 'мальчик', дв.ч. 'oygēni, мн.ч. 'oygígihon;

'awgēno (диминутив от 'āže 'женщина, жена' — см. ниже) 'девочка', дв.ч. 'awgenōti, мн.ч. 'awgehenītin.

Эти слова обозначают, как правило, детей младшего возраста[16]. Принадлежность также выражается с помощью частицы di.

В сокотрийском есть еще слово míbŕhe, дв.ч. mébroy, мн.ч. embóriye (или 'imburíyo), 'ребенок' (м. и ж.р.). Употребляется в единственном и двойственном числе для обозначения маленьких детей, например 'egdóho míbŕhe 'она родила ребенка'. Однако во множественном числе это слово может обозначать не только детей, но и всех членов семьи, включая жену, т.е. имеет значение 'семья'. В этом значении его употребляют жители прибрежных районов. Горцы чаще используют другое слово — māŝin, которое помимо значения 'семья' имеет еще значение 'жена' (см. текст о сватовстве и женитьбе).

Принадлежность для слова míbŕhe образуется с помощью частицы di.

От того же корня образовано слово, имеющееся во многих семитских языках, — bar 'ребенок' (м. и ж.р.) (ср. махри ḥabŕe, шхаури ber, арам. bar и т.д.). В отличие от míbŕhe это слово не указывает на младенческий возраст, а имеет скорее общее значение 'сын, дочь'[17]. Кроме того, bar употребляется в нескольких специфических значениях. Об одном из них см. ниже, с. 262. Леслау указывает еще на два значения: одно из них для указания возраста, другое — для обозначения молодого животного: ber-'esed 'молодой лев'.

Существует особое слово для обозначения близнецов: ŝékli, дв.ч. ŝāukali, мн.ч. ŝáklho.

Для обозначения родственников второго восходящего поколения и далее используются следующие термины:

mā'a, дв.ч. mā'i, мн.ч. má'hin 'дедушка'. Леслау приводит mó'o, дв.ч. mo'ohi, мн.ч. m'emáyhon 'предок'[18]. Мюллер возводит его к mího (mí'ḥo) 'внутренности, кишки', сравнивая с евр. mime'ęk̲å yåṣ'u 'вышедшие из твоих внутренностей (кишок)'[19].

Слово mā'a обозначает в сокотрийском и деда по отцу, и деда по матери. Для того чтобы различать их, используются описательные конструкции: bēbe dího d-bēbe 'отец моего отца' и bēbe dího d-bíyyo 'отец моей матери'. Принадлежность для mā'a выражается с помощью частицы di: díse mā'a 'ее дед'. Описательным способом образуют-

[16] Леслау дает еще одну форму диминутива от 'agg и 'āže: éyeg, дв.ч. eyége, мн.ч. eyógehen, 'мальчик'; éugoh, дв.ч. eugōti, мн.ч. eughéten, 'девочка' (Lexique soqotri, с. 307). Нами эти последние две формы не зафиксированы.

[17] *Leslau*. Lexique soqotri, с. 95.

[18] Ibid., p. 248.

[19] Ibid.

ся и названия предков старших поколений, например, mā'a di d-bēbe 'прадед', mā'a di d-mā'á 'прапрадед' и т.п. Существует еще выражение mā'a má'hin — букв. 'дед дедов', т.е. 'предок, прародитель'.

ḥábba, дв.ч. ḥabbéti, мн.ч. ḥóbub, 'бабушка'[20]. Принадлежность образуется с помощью частицы di. В отличие от mā'a, от ḥábba образуется специальный термин hebēbo со значением 'прабабушка', а для более далеких степеней уже используется описательный способ. Если необходимо уточнить линию бабушки или прабабушки, это делается так же, как в случае с mā'a: bíyyo dího d-bēbe 'мать моего отца', bíyyo dyhé d-mā'a 'мать его деда', bíyyo d-bēbe dího d-bíyyo 'мать отца моей матери'.

В сокотрийском нет специальных терминов для обозначения внуков и внучек, для этой цели используются описательные конструкции: múgšam dího de múgšam 'мой внук (сын моего сына)', 'emboríye dyhé de múgšam 'его внуки и внучки (дети его сына)', fíṙhim dí'e de fíṙhim 'твоя внучка (дочь твоей дочери)' и т.д. Обращаясь к деду или бабушке, внуки говорят: 'a mā'a! или 'e ḥábba! Дед и бабушка называют внуков и внучек по имени или же обращаются к ним как к детям ('сын' или 'дочь').

Специальные термины существуют для обозначения братьев и сестер родителей:

dēdo, дв.ч. didóy (мн.ч. от этого корня не образуется), 'дядя по отцу'. Это слово, имеющее окончание женского рода, относится к общесемитскому корню, и ему соответствуют в махри hadîd, в шхаури díd и edíd, в евр. dōḏ 'дядя', в магрибинском арабском dāda, в сир. dådå 'любимец, ребенок', в южноаравийском dd[21]. Для различения старших и младших братьев отца употребляется описательный способ: nínhi dího de bēbe 'старший брат моего отца', qāqa dího de bēbe 'младший брат моего отца'. Принадлежность выражается как с помощью местоименных суффиксов, так и с помощью конструкции di + местоимение.

ḥalēle, дв.ч. ḥalīli, мн.ч. ḥalélehon, 'дядя по матери'. Принадлежность здесь выражается исключительно с помощью частицы di. Вероятно, это слово вытеснило (во всяком случае, в прибрежных районах) более архаичное ḥel (мн.ч. mḥólehi), от которого оно образовано. Слово ḥel, встречающееся в текстах Мюллера, может присоединять к себе местоименные суффиксы: ḥélhi 'мой дядя', ḥélek 'твой дядя', ḥólke 'твои дяди'[22]. От семитского корня, лежащего в основе этого слова, образованы: в махри ḥel, в шхаури ḥil, в араб. ḥāl, в сир. ḥålå, в тигре ḥāl[23]. В записанных нами текстах слово ḥel не встречается, опрос информантов из прибрежных районов выявил, что им это слово неизвестно (в горных районах такой опрос не проводился).

Если дядя по отцу и дядя по матери называются в сокотрийском разными словами, то тетка по отцу и тетка по матери именуются одним словом:

ḥélo (в другом варианте — ḥāla), дв.ч. ḥelóti, мн.ч. ḥelót, 'тетка'. Принадлежность для этого слова может выражаться как с помощью местоименных суффиксов (например, ḥelōti 'моя тетка'), так и с помощью конструкций di + личное местоимение (disé ḥélo 'ее тетка'). Правда, Леслау приводил единичный случай употребления в текстах

[20] У Леслау приводится ḥábbeh 'хозяйка, бабушка' (Lexique soqotri, с. 159).

[21] *Leslau*. Lexique soqotri, с. 123.

[22] Леслау сообщает о встречающемся у Мюллера dodhi 'мои дяди' (так же переводит и Биттнер [Vorstudien. 1, с. 29]), указывая, что ранее это слово считалось формой ед.ч. (Lexique soqotri, с. 123).

[23] *Leslau*. Lexique soqotri, с. 166.

Мюллера dédoh в значении 'тетка по отцу'[24], но Биттнер замечал, что такого слова в сокотрийском не существует и что в этом значении употребляется ḥéloh[25].

Приведенным выше терминам соответствуют обозначения племянников и племянниц: 'íbri (или 'ibrihéy) 'племянник'. Это слово относится к тому же корню b-r-', что и béŕhe 'отец', bēre 'мать', míbŕhe 'ребенок'; оно не употребляется изолированно, а только с местоименными суффиксами. Удалось записать лишь одну фразу с изолированным употреблением этого слова: 'ó'o 'íbrihey min muḥámmad? 'Где племянник Мухаммада?'. Однако здесь обращает на себя внимание употребление предлога min ('от'), хотя следовало бы ожидать вместо него di или примыкания имен. Скорее всего, min отделяет конструкцию имя + местоименный суффикс от другого имени. Это подтверждается следующим примером с тем же значением: 'íbrihiš min muḥámmad 'племянник Мухаммада' (букв. 'племянник его, Мухаммада'). Это позволяет считать, что 'íbrihey представляет собой не изолированную форму слова (таковой, видимо, не существует), а его сочетание с местоименным суффиксом 3-го л. м.р. ед.ч. Чаще всего встречается 'íbrihi 'мой племянник'[26] (у Леслау 'ibrihi как сочетание bar с местоименным суффиксом, т.е. 'мой ребенок'[27]), 'íbrihiš 'его племянник' и т.д.

Существует и аналогичный термин женского рода: 'íbrit 'племянница'. Он тоже употребляется только с местоименными суффиксами: 'ibrīti (или 'ibrihídti) 'моя племянница', 'ibrihítš 'его племянница' и т.д.

Помимо этих слов используется описательный способ выражения данных понятий. Он нужен тогда, когда необходимо различать линию племянника:

múgšam dí'hi 'сын моего брата'
fíŕhim de'héti 'дочь моей сестры'[28].

Описательный способ употребляется в сокотрийском и для обозначения двоюродных братьев и сестер:

múgšam dího di dēdo 'двоюродный брат (сын моего дяди по отцу)'
fíŕhim dího di ḥalēle 'двоюродная сестра (дочь моего дяди по матери)' и т.д.

Помимо терминов múgšam и fíŕhim в этих конструкциях встречается слово bar:

bar dēdo 'сын дяди по отцу'.

Видимо, от bar dēdo образовано собирательное bar-díd (произносится как одно слово) 'двоюродные братья и/или сестры'. Для пояснения может употребляться с múgšam/fíŕhim. Например: ílha féŕham bar-díd 'Эти — двоюродные сестры'. Это один из немногих образцов архаичного status constructus в сокотрийском.

Слово bar часто встречается в притяжательных конструкциях: bar dího dēdo (или bar dího di dēdo) 'сын моего дяди по отцу'.

В текстах Мюллера эта конструкция имеет другой вид:

---

[24] Ibid., p. 123–124.

[25] *Bittner*. Vorstudien. 1, c. 28.

[26] При обращении со звательной частицей ya: ya 'ibrihi!

[27] *Leslau*. Lexique soqotri, c. 95. Этот перевод вряд ли адекватен.

[28] Леслау (Lexique soqotri, c. 95) почему-то приводит ber dido 'племянница'. Не исключено, что здесь имела место оговорка информанта.

diho ber dēdo ‘сын моего дяди по отцу’
di’e ber dēdo ‘дочь твоего дяди’[29].

Опрос информантов из прибрежных районов показал, что там этот порядок неупотребим. Обращаются к двоюродному брату/сестре как к родным, различая старших и младших. Старшего двоюродного брата/сестру (как по отцу, так и по матери) называют nínhi/’énna. К младшему обращаются по имени, лишь совсем маленьких можно называть qāqa при обращении.

Теми же словами, что и дядей/теток по отцу, называют отчима и мачеху наряду с описательным способом. Так, ‘āže di bēbe ‘жена отца’ называется hélo, ‘agg di bíyyo ‘муж матери’ называется dēdo. Сводные братья/сестры называются так же, как родные, но при необходимости различения добавляется название общего родителя с предлогом min:

dího qāqa min bēbe ‘мой брат/сестра по отцу’
qāqa min bíyyo ‘мой брат/сестра по матери’.

Если оба родителя умирают, детей обычно забирает отец матери, который в первую очередь обязан позаботиться о них, а в дальнейшем нести ответственность за их брак. Если он не может воспитывать их, детей должен взять старший брат матери или другой брат или сестра. Про такого приемного сына говорят, например: múgšam thar min ’e‘ídti ‘сын, который остался от моей сестры’.

Если сокотриец скажет, что у него умерла сестра, его спросят: ’iním éke min ’emboríyo? ‘А кто остался из детей?’

Для обозначения родственников по браку используются следующие термины:

‘agg (‘ag), дв.ч. ‘ággi, мн.ч. ‘iyúg (‘eyyúg) или ‘iyūg, ‘муж, человек, мужчина’. У Леслау приводится как ‘aig (‘ag), дв.ч. ‘aigi, мн.ч. ‘eyug (‘iyog, ‘eyog)[30]. Этому слову соответствует в махрийском ġayğ, в шхаури ġayg. Это слово, видимо, связано с глаголом ‘ayeg ‘родить’[31];

‘āže, дв.ч. ‘ažīti, мн.ч. ‘eghēten (‘ighētin), ‘жена, женщина’. Это слово одного корня с ‘agg.

Родители мужа/жены, по данным информантов из прибрежных районов, называются dēdo и hélo, но можно их назвать и описательно, например: bēbe dího di ‘āže ‘отец моей жены’. Теща может называть зятя не только по имени, но и ya ’íbrihi! ‘Племянник!’ (правда, зять действительно часто бывает племянником).

Существуют и специальные термины для обозначения родственников по мужу/жене, восходящие к общесемитскому:

ḥam (ḥem-), мн.ч. ḥom- ‘тесть, свекор, зять, шурин, свояк’ и т.п. Этому слову соответствует в махри ḥaym, в шхаури ḥiyeǝ̄ и ḥem, в евр. ḥåm, в араб. ḥam, в ге‘эз ḥam, аккадском emu, южноаравийском ḥm;

ḥámit- ‘теща, свекровь, невестка, свояченица’ и т.п.[32].

Эти слова для обозначения принадлежности присоединяют местоименные суффиксы:

[29] *Leslau*. Lexique soqotri, c. 123.
[30] Ibid., c. 307.
[31] См. этимологическое объяснение: *Leslau*. Lexique soqotri, c. 306–307.
[32] Приводится по: *Leslau*. Lexique soqotri, c. 178.

ḥemš ‘его зять’ и т.д.
ḥámke (hómke) ‘ваши зятья’ и т.д.
ḥamítš ‘его невестка’ и т.д.
ḥaméts ‘ее невестка’ и т.д.[33].

Эти слова связаны с глаголом ḥami ‘выдавать замуж’[34]. Отсюда каузатив-рефлексив šḥame’ ‘посвататься’. Например:

min ó’o šḥamá’k? ‘Где ты посватался?’
šḥamá’k ken muḥámmad ben sélim ‘Я посватался у Мухаммада бен Селима’.

Отсюда же происходит móḥmo ‘сваты’ (собират.), ‘люди рода жениха’.

В имеющихся у нас текстах встречаются ḥamíti ‘сестра моей жены’ и другие аналогичные формы. Опрос информантов из прибрежных районов показал, что они вместо ḥem- употребляют ṣahr (заимствовано из арабского — ṣihr- ‘зять, шурин, деверь, свояк’). В одном из текстов встречается ḥamíti в значении ‘муж сестры жены’, однако это могло быть и оговоркой.

Кроме того, нами зафиксировано еще одно слово, не встречающееся у Мюллера–Леслау. Это:

ḥametēno ‘жена брата мужа, жена брата жены’.

Обращаются ко всем деверям, шуринам и т.д. по имени.

Что касается брака у сокотрийцев, то часто встречаются как ортокузенные, так и кросскузенные браки. При этом наиболее предпочтительным является брак с детьми брата (или же сестры) отца. Молодая семья поселяется в доме родителей мужа (патрилокальное поселение). В случае развода ответственность за детей несет дед по матери, но иногда дети остаются с отцом.

Существуют специальные названия нового супруга для прежнего. Прежний муж называет нового мужа своей бывшей жены šorīk, прежняя жена новую жену — šorīka. Это слово заимствовано из арабского, в котором его основное значение — ‘соучастник, партнер’.

Есть специальный термин для обозначения женщины, принимающей роды, — šá‘bhor, а также человека, первым после рождения ребенка подавшего ему воды или молока, — м. ḥenákhen, ж. ḥánkhon (этимология этого слова связывает его с названием одного из молочных продуктов: когда пахту оставляют до утра, в ней выпадает осадок, более густая фракция, которая называется ḥanēki, поднявшаяся вверх более жидкая фракция, сыворотка называется rīho d-ḥēḷob ‘вода от пахты’).

Это, возможно, реминисценция крёстного/крёстной. Эти люди на всю жизнь сохраняют свойственные отношения с ребенком, которому помогли появиться на свет или «крестили». Сохраняют отношения и молочные братья и сестры: ’á‘ha min tódi и ’é‘het min tódi (букв. ‘брат/сестра по груди’). Они говорят о себе: edókki tahídhi («Мы вскармливались вместе»).

Несколько терминов относятся к бездетности:

[33] Ibid.
[34] См.: *Leslau.* Lexique soqotri, c. 180.

maktēṭa‘ — ‘бездетный’, makteṭí‘o — ‘бездетная’, мн.ч. makteṭe‘hēnen — в значении ‘вымершие’, о семье, племени, от которых или не осталось никого, или 1–2 человека;

ṣífher — ‘бездетный’, мн.ч. ṣáfyer, ṣifhēre — ‘бездетная’, мн.ч. ṣiferhēten.

Приведем еще несколько собранных В.В. Наумкиным специфических терминов:

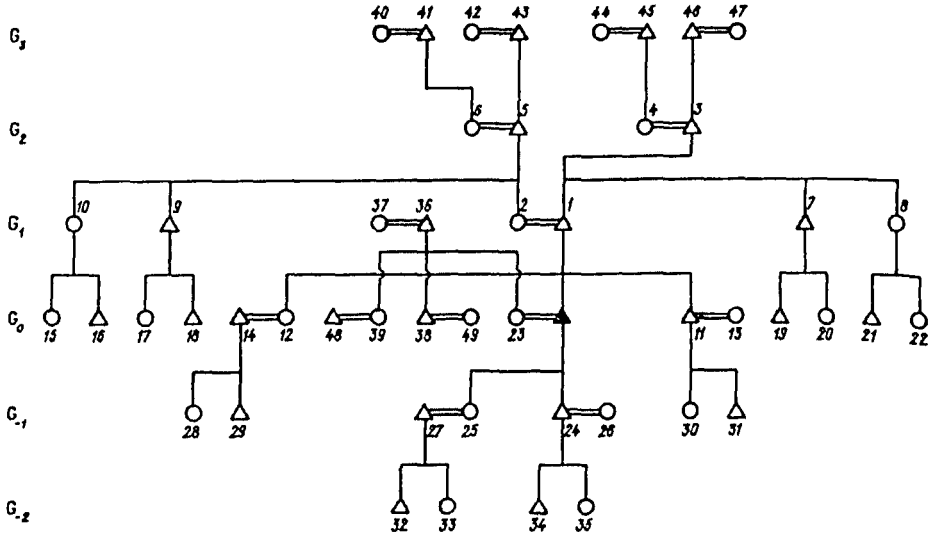
fáṙḥ или fówṙaḥ, дв.ч. fáṙḥi, мн.ч. fṙoḥ, ж. fawríḥo (fowríḥo bar gírbak — котенок), мн.ч. fawrihhēten — 1. ‘незаконнорожденный’, 2. (мн.ч.) ‘детеныш мелкого животного (мышонок, котенок)’.

Это слово употребляется как ругательство: ‘ублюдок’ (объяснение информанта — bíŝi ših bēbe ‘нет у него отца’), но: fereḥēho — ‘та, которой родители не дали имущества или средств’ — bíŝi ses mēl min tse é’efu — ‘нет у нее имущества от ее родителей’.

Еще одно ругательство: ē’hen ber šá‘riher ‘ты не мужчина’, букв. ‘ты — сын šahriher’. šáhriher — 1) ‘финик без мякоти, который выбрасывают, бесполезный’, 2) ‘глиняная трубка’.

Другое ругательство: ’ēhen al bérowek l-tis’a ‘недоношенный’, букв. ‘ты не родился через 9 месяцев’ (ср. ḥtéliyo‘āže ‘женщина выкинула’).

Сокотрийские термины родства[35]



[35] В примечаниях к схеме в круглых скобках приведены варианты соответствующего термина, связанные с возрастом денотата, различиями между горскими и прибрежными говорами и т.п.; в квадратных скобках приводятся уточняющие описательные термины; в случае если описательный термин является единственно возможным, он дается без скобок. Термины, обычно не употребляющиеся без местоименных суффиксов, даются с показателем 1-го л. ед.ч.

1	bēbe (bēŕhe, 'íif)	'éfo
2	bíyyo (bēre, 'em)	
3	mā a [bēbe dího di bēbe]	
4	ḥabba [bíyyo dího di bēbe]	
5	mā a [bēbe dího di bíyyo]	
6	ḥábba [bíyyo dího di bíyyo]	
7	dēdo	
8	ḥélo	
9	ḥalēle	
10	ḥélo	
11	nínhi↑, qāqa↓, 'á'ha	
12	'énna↑, qāqa↓, 'é'het	
13	ḥamitti	
14	sahri	
15	'enna↑, qāqa↓ [fíŕhim dího di ḥélo]	bar-did
16	nínhi↑, qāqa↓ [múgšam dího di ḥélo]	
17	'énna↑, qāqa↓ [fíŕhim dího di ḥalēle]	
18	nínhi↑, qāqa↓ [múgšam dího di ḥalēle	
19	nínhi↑, qāqa↓ [múgšam dího di dēdo]	
20	'énna↑, qāqa↓ [fíŕhim dího di dēdo]	
21	nínhi↑, qāqa↓ [múgšam dího di ḥélo]	
22	'énna↑, qāqa↓ [fíŕhim dího di ḥélo]	
23	'āže	
24	múgšam ('awyéghen)	bar
25	fíŕhim ('awgēno)	
26	ḥámit ('ibrīti)	
27	ḥam (ṣahr, 'íbrihi)	
28	'ibrīti [fíŕhim dího di 'e'hēti]	
29	'íbrihi [múgšam dího di 'e'hēti]	
30	'ibrīti [fíŕhim dího di 'é'hi]	
31	'íbrihi [múgšam dího di' é'hi]	
32	múgšam dího di fíŕhim	
33	fíŕhim dího di fíŕhim	
34	múgšam dího di múgšam	
35	fíŕhim dího di múgšam	
36	ḥam (dēdo) [bēbe dího di 'āže]	
37	ḥámit (hélo) [bíyyo dího di 'āže]	
38	ḥam (ṣahr)	
39	ḥámit	
40	ḥebēbo [bíyyo dího di ḥabba]	

41	bēbe diho di ḥábba	
42	ḥebēbo [bíyyo dího di mā'a]	
43	bēbe dího di mā'a	
44	ḥebēbo [bíyyo dího di ḥabba]	
45	bēbe dího di ḥábba	
46	ḥebēbo [bíyyo dího di mā'a]	
47	bēbe dího di mā'a	
48	ṣahr (ḥam)	
49	ḥametēno	

Сравним эти термины с записанными В.В. Наумкиным в ходе полевых сезонов 1985–1988 гг. в Махре махрийскими терминами родства:

человек,	ġag,
мужчина, муж	ġayg
уменьш.	ġeyєgên
мальчик	ġegên
женщина,	ġagit,
жена	tes
уменьш.	twesôt
девочка	ġegenôt
брат	ġâ
сестра	ġayt,
	ġawíya
отец	ḥayb
семья, люди, родные	ḥabú
мать	ḥâm
дед,	'ôm
предок	(кор. '-m)
бабушка	'āmêt
	(-m)
дядя (по отцу)	ḥedêd
дядя (по матери)	ḫayl
тетя (по отцу)	ḥādît
тетя (по матери)	ḫelôt
любой мужской родственник по браку — зять, шурин, деверь, свояк	ḥem (по Джонстону: ḥaum)
сноха,	ḥemît,
золовка, свояченица	ḥemáyt
шурин	mṣhour,
	ṣahr (м.б., синоним ḥem)
золовка	mshóurt (м.б., синоним ḥemit)

сын	ber (bar) ḥebrê мн. ḥubûn
дочь	ḥebrêt
дети, мальчики	emberáwten
boni-(a)ġay	мои племянники
bōni dīdi	мои двоюродные братья (дети брата отца)
bōni ḫēli	мои двоюродные братья (дети брата матери)
bōni dīti	мои двоюродные братья (дети сестры отца)
bōni ḫelōti	мои двоюродные братья (дети сестры матери)
ġawiya min ham	единоутробная сестра
ġawiya min heyb	единокровная сестра
К брату жены обращаются	ġay и ġā de tes
К сестре жены обращаются	ġáyti и ġayt de tes
К детям отчима (сводные братья и сестры) обращаются	ḥubûn ḥadīdi

В основу типологического анализа сокотрийской системы терминов родства мы положили известную схему, учитывающую прежде всего противопоставление двух независимых пар признаков: прямой и коллатеральной линий родства, а также отцовской и материнской линий. Пересечение этих двух групп параметров позволяет выделить четыре основных типа:

А. Бифуркативно-сливающий (австралийский, ирокезский, турано-ганованский) тип, различающий отцовскую и материнскую линии, но смешивающий прямую и коллатеральную линии родства. В рамках этого подхода системы родства омаха и кроу являются вариантами бифуркативно-сливающего типа.

Б. Генерационный (гавайский, малайский) тип. Здесь отсутствуют противопоставления как отцовской и материнской, так и прямой и коллатеральной линий родства.

В. Бифуркативно-коллатеральный (арабский) тип. Здесь имеются противопоставления как по отцовской/материнской, так и по прямой/коллатеральной линиям.

Г. Линейный (описательный, английский, арийский) тип. В данном случае представлена оппозиция прямой и коллатеральной линий, но отсутствует противопоставление отцовской и материнской линий родства.

В рамках данного типологического подхода особо важная роль принадлежит терминам, относящимся к первому восходящему поколению.

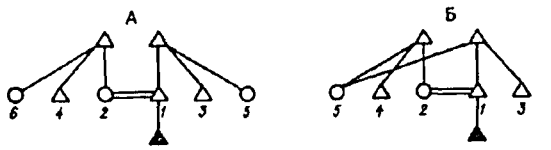
В сокотрийском языке в первом восходящем поколении для лиц мужского пола имеется три термина: отец (bēbe), дядя по отцу (dēdo), дядя по матери (ḥaléle). В то же время для лиц женского пола имеется лишь два термина: мать (bíyo) и тетка (ḥélo), т.е. здесь отцовская и материнская линии не различаются. Таким образом,

сокотрийская система терминов родства для первого восходящего поколения оказывается смешанного арабско-английского типа (III–IV), аналогично, например, современной польской системе.

Однако внутренняя реконструкция, а также упоминавшееся выше единичное употребление в текстах, записанных Д. Мюллером, слова dēdo в значении 'тетка по отцу' позволяют с уверенностью предположить следующую исходную систему обозначений сиблингов родителей[36]:

	м.р.	*ж.р.*
линия отца	ded-	dēdo
линия матери	ḥel-	ḥélo

Следовательно, сокотрийская система терминов родства для первого восходящего поколения развивается от III («арабского») к IV («английскому») типу:



А. Реконструированная система

1. bēbe 3. ded- 5. dēdo
2. bíyo 4. ḥel- 6. ḥélo

Б. Современная система

1. bēbe 3. dēdo 5. dēdo
2. bíyo 4. ḥalēle

При этом характерное отличие современной сокотрийской системы от сходной с ней польской состоит в том, что в польском языке с утратой общеславянского терминологического противопоставления между сестрой матери и сестрой отца были утрачены и соответствующие термины, замененные новым, нейтральным (сохранились их корреляты мужского рода для обозначения братьев отца и матери). В сокотрийском языке в аналогичном случае был обобщен термин, обозначавший сестру матери.

Изменения в сокотрийских терминах для обозначения сиблингов родителей мужского пола, видимо, объясняются тенденцией к удлинению односложных слов ded- и ḥel-, не употреблявшихся без притяжательных суффиксов. В первом случае для этой цели была использована форма женского рода dedo, оказавшаяся «свободной» после утраты противопоставления dedo–ḥelo и обобщения термина ḥelo в значении 'сестра отца/матери'. Форма ḥel, еще встречающаяся в текстах австрийской экспедиции, оказалась подверженной редупликации второго корневого согласного, что в результате дало форму ḥalele.

В связи с терминами родства для первого восходящего поколения отметим также, что собирательное обозначение для детей сиблингов родителей — bar-did — является

[36] См.: *В.В. Наумкин, В.Я. Порхомовский.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981, с. 89 и сл.

производным от термина, обозначающего дядю по *отцу*. Таким образом, если в утраченной оппозиции *сестра по матери — сестра по отцу* «победителем» оказался термин по материнской линии, то в сохранившейся оппозиции *брат по матери — брат по отцу* «более сильным», видимо, является термин по отцовской линии, что проявляется в обозначении детей сиблингов родителей, а также отца мужа/жены (см. об этом ниже). Для сравнения можно упомянуть латинскую систему, где в обоих случаях «победителем» оказался термин по материнской линии.

В первом нисходящем поколении различаются прямая и коллатеральная линии: bar (и другие термины) для обозначения прямых потомков, 'íbri- (ж.р. 'íbrit-) — для детей сиблингов. Производность слова, обозначающего племянников, от корня со значением «сын», может быть, указывает на первоначальное неразличение прямой и коллатеральной линий в этом поколении[37]. Как и в случае нулевого поколения, здесь имеются уточняющие описательные термины для различения детей брата и сестры.

Для типологической характеристки сокотрийской системы терминов родства существенным является и смешение отношений кровного родства и свойства (связи по браку): родители мужа/жены могут обозначаться как сиблинги родителей — dēdo 'тесть, свекор', ḥélo 'теща, свекровь'. Так же обозначаются и муж матери и жена отца, в том числе отчим и мачеха. (Попутно отметим, что в этих случаях употребляется слово dedo 'брат отца', но не ḥalēle 'брат матери'.) Смешение родственников по крови и по браку характерно для систем бифуркативно-сливающего типа, в то время как бифуркативно-коллатеральные системы строго их разграничивают. Для современной сокотрийской системы вопрос о том, имеет ли в ней место пережиток «ирокезской» системы или позднейшее развитие «арабской» системы (под влиянием распространенного на Сокотре кузенного брака), остается открытым. В пользу второго решения свидетельствует наличие в сокотрийском специальных терминов для родственников по браку: ḥam 'тесть, свекор, зять, шурин, деверь' и т.п., ж.р. ḥamit, которые восходят к общесемитскому. Возможно, эту черту сокотрийской системы терминов родства, так же как и смешение прямой и коллатеральной линий в нулевом и, может быть, в первом нисходящем поколениях, следует трактовать как некоторое вторичное развитие в сторону терминологии гавайского типа в условиях вынужденной эндогамии, естественной для изолированной островной популяции.

Также отметим, что во втором восходящем поколении сокотрийская система имеет неописательный (элементарный) термин лишь для женского пола — ḥebēbo, для лиц мужского пола этого поколения используется описательный термин. Это, возможно, указывает на некогда имевшее место главенствующее положение женщины в роде (если только не является отражением большей средней продолжительности жизни или более раннего возраста вступления в брак для женщин по сравнению с мужчинами).

Сравнение сокотрийской системы родства с данными других современных южноаравийских языков подтверждает нашу реконструкцию. Как видно из приведенной выше таблицы махрийских терминов родства, в этом языке имеется противопоставление отцовской и материнской линий для сиблингов родителей (т.е. в первом восхо-

[37] Ср. замечание М.В. Крюкова о том, что при превращении «ирокезской терминологии» в «арабскую» наиболее консервативными оказываются термины первого нисходящего поколения (*М.В. Крюков.* Система родства китайцев. М., 1972, с. 280).

дящем поколении). Аналогичная ситуация отмечается и в других южноаравийских языках (по данным Джонстона):

	харсуси	*ихаури*
отец	ḥaub	’iy
мать	ḥam	’ɛm (ɛ)
дядя	ḥedēd,	díd
по отцу	ḥedōd	
дядя	ḫayl	híz
по матери	мн. ḫawl	
тетя	ḥedet	‘ɛdít
по отцу	мн. hedōten	
тетя	ḫelōt	ḫolot
по матери	мн. ḫelōten	

Таким образом, можно сделать вывод, что современная сокотрийская система родства (в том, что касается первого восходящего поколения) занимает переходное положение от бифуркативно-коллатерального типа к линейному, в то время как в других южноаравийских языках сохраняется бифуркативно-коллатеральный тип. Предложенная нами реконструкция терминов родства в сокотрийском языке для первого восходящего поколения отражает этот процесс. Более архаичные ситуации в «континентальных» южноаравийских языках могут частично объясняться арабским влиянием. Арабская система терминов родства представляет классический вариант бифуркативно-коллатерального типа, который иногда даже называется «арабским».

Переход от бифуркативно-коллатерального типа к линейному отмечается во многих семито-хамитских (афразийских) языках. Причем промежуточным этапом оказывается ситуация, аналогичная сокотрийской, когда в терминах мужского рода сохраняется противопоставление отцовской и материнской линий родства, тогда как в женском роде эта оппозиция утрачивается.

На основании предварительного анализа базы данных по семито-хамитским терминам родства Д. Ибришимова и В.Я. Порхомовского можно высказать предположение, что подобная эволюция систем родства является типичной для семито-хамитских языков, что позволяет выделить три основных варианта системы родства в рамках настоящего анализа. Первый вариант включает языки, в которых оппозиция отцовской и материнской линий родства в первом восходящем поколении представлена как в мужском, так и в женском роде, например, в семитских языках: адари (харари), тигринья, неоарамейском (в данном случае на примере одного из восточных неоарамейских диалектов Северной Сирии), а также на противоположном краю семито-хамитского ареала в чадских языках: хауса, болева, нгизим, хиги, марги, килба и др.

Второй вариант включает языки, в которых представлена ситуация, аналогичная современной сокотрийской, а именно сохранение оппозиции терминов родства по отцовской и материнской линиям в первом восходящем поколении для мужского рода и ее утрата для женского рода, как, например, в чадских языках нгизим, каре-каре, нгамо гуди. Наконец, к третьему варианту относятся языки, в которых вообще отсут-

ствует противопоставление отцовской и материнской линий, как, например, в амхарском языке (эфиосемитская подгруппа семитских языков).

Эту эволюцию можно проследить даже в рамках одного языка. Так, в кушитском языке оромо представлены как первый вариант (например, в диалекте шоа), так и второй (во многих других диалектах). Необходимо отметить, что во всех этих случаях имеет место противопоставление прямой и коллатеральной линий родства.

Разумеется, типологическое исследование на основе данных только первого восходящего поколения и только по двум группам параметров является ограниченным и требует дальнейшей работы по всей системе терминов родства. Тем не менее даже подобный ограниченный анализ позволяет выделить некоторые типологические характеристики, не только характеризующие отдельные языки или группы близкородственных языков, но и дающие некоторое представление о ситуации в семитохамитском языковом ареале в целом[38].

[38] Полевые исследования на о. Сокотра, в том числе и в области системы родства, были продолжены В.В. Наумкиным и В.Я. Порхомовским в 2001 г. в рамках научной программы университета г. Майнца (SFB 295 "Kulturelle und sprachliche Kontakte: Prozesse des Wandels in historischen Spannungsfeldern Nordostafrikas/Westasiens". J. Gutenberg-Universität, Mainz). Авторы выражают искреннюю благодарность университету г. Майнца и руководителям программы М. Кроппу и В. Бизангу.

NORBERT NEBES*
(Friedrich-Schiller-Universität Jena)

Ein Feldzugsbericht des Šā'irum 'Awtar in einer neuen Widmungsinschrift aus dem Bar'ān-Tempel

Das zweite und dritte Jahrhundert n. Chr. ist ohne Zweifel der Zeitraum in der altsüdarabischen Geschichte, über den wir aus epigraphischen Zeugnissen am besten unterrichtet sind. Der überwiegende Teil der hierfür in Frage kommenden Quellentexte stammt aus dem 'Awām-Tempel in der Oase von Mārib und berichtet in erster Linie von den Kriegszügen sabäischer Könige und ihrer Untertanen, die uns in groben Umrissen Einblick in die politische Ereignisgeschichte des damaligen Jemen gewähren. Gerade was den seit dem zweiten Drittel des dritten Jahrhunderts bestimmenden Konflikt zwischen Saba' und Himyar betrifft, so sind wir hier in der glücklichen Lage, daß wir in den großen Felsinschriften vom Ǧabal al-Mi'sāl entsprechende Dokumente besitzen, die nicht nur die chronologischen Eckdaten für diesen Zeitraum liefern, sondern die uns auch die sabäischen Berichte kritisch und ergänzend gegenzulesen erlauben. Aber auch über die historischen Ereignisse des ausgehenden zweiten und ersten Drittels des dritten Jahrhunderts, also über die Zeit der beiden Sabäerkönige 'Alhān Nahfān und seines Sohnes Šā'irum 'Awtar, insbesondere über die militärischen Unternehmungen des letzteren, sind wir verhältnismäßig gut im Bilde. Hier sind es vor allem knapp zwei Dutzend sogenannter Untertaneninschriften, die nicht nur auf den einen oder anderen Feldzug des Šā'irum 'Awtar anspielen, sondern auch längere Feldzugsberichte enthalten, die über einzelne militärische Unternehmungen hinaus größere historische Zusammenhänge erkennen lassen.[1] Im Unterschied zu den beiden Guratiden 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und seinem Bruder Ya'zil Bayyin, die ihre Militäraktionen — zumindest zu einem großen Teil — in ihrem umfangreichen Tatenbericht J 576+577 zusammenfassend niedergelegt haben,[2] besitzen wir bislang keine von Šā'irum 'Awtar selbst gesetzte Widmung, in der dieser von seinen Feldzügen berichtet. Umso größere Beachtung verdient daher die im folgenden vorgestellte Dedikation des Šā'irum 'Awtar, in der eine Reihe, zum Teil bereits bekannter Unternehmungen dieses Königs genannt sind. Die Inschrift, von der lediglich die ersten 10 Zeilen erhalten sind, wurde im Jahre 2000 von den vom Deutschen Archäologischen Institut unter Leitung von

* Siglen der publizierten Inschriften nach Sab. Dict. XX–XXV und, soweit dort nicht verzeichnet, nach K.Kitchen (2000).

[1] Inschriften von Šā'irums "Truppenführern" und Gefolgsleuten, die von seinen Kriegszügen bzw. von ihren Aktionen in diesen ausführlicher berichten, sind E 13, J 635, J 631, E 12, Sh 19, C 334 und Ry 533.

[2] Die beiden Steinblöcke bilden einen zusammenhängenden Text, vgl. N. Nebes (2005).

© Norbert Nebes, 2004

Burkhard Vogt, Bonn, durchgeführten Restaurationsarbeiten am Bar'ān-Tempel in der Oase von Märib gefunden. Zusammen mit mehreren anderen Inschriftenfragmenten lag der Stein in einer Versturzschicht außerhalb der Lehmziegelmauer in der Nähe des Nordeingangs des Tempels.[3]

DAI Bar'ān 2000-1 (Abb. xxx)

Rechteckiger Kalksteinblock mit roten Farbspuren; oberer linker und oberer rechter sowie unterer Rand mit Randschlag bearbeitet; vom Totschlägersymbol in rechteckiger Einlassung sind lediglich Spuren des unteren Schaftes sichtbar; Abrieb über 1. bis 5. Zeile, wobei 4. Zeile vollständig zerstört; an der Oberseite zwei fußförmige Einlassungen für Statue des Königs; Steinmaße: Breite 29 cm, Höhe 32 cm, Tiefe 16 cm; Buchstabenhöhe 3 cm.

Transkription

1. {š}['rm /'wt]r / mlk /sb' {/} [md]
2. rydn / [bn / 'lh]{n} / nhfn / mlk {/} [s]
3. [b]' / hqny / 'lmqh / b'l / {m}skt / w{y}{t}[w] / {b}[r]
4. ['n / ṣlm]{n} / [ḏḏhbn /.....]
5. [.....]{n} {/} ḏḫr{š} {/} [b]{n} / {q}{r}{y}{t}m / ḏt / khlm / {y}
6. wm / ḍb' / ḫwln / w'š'rn / wyrf' / wḏ{ḫ}{r}n
7. wḏbn / 'ydw / swhrn / wkdt / wqrytm / wh
8. rg / bn / hmt / 'š'bn / mhrgm / wsbym / ḏ'
9. [s]m / wh'tw / rb't / bn / m'wyt / ḏ'l / ṯwr
10. [m / ml]k / kdt / wqḥṭn / 'dy / hgrn / ṣ{n}
11. ['w/.....]

Übersetzung

Z. 1–5:

"Šā['irum 'Awt]ar, der König von Saba' [und ḏū] Raydān, [der Sohn des 'Alh]ān Nahfān, des Königs von [Sa]ba', hat dem 'Almaqah, dem Herrn von Maskat wa-Yaṯ[wī] Ba[r'ān], die [Statue aus Bronz]e [und .... (Beute)] gewidmet, die er aus Qaryatum ḏāt Kāhilim mitgeführt hatte,"

Z. 5–7:

"als er gegen Ḫawlān, die 'Aš'arān, (gegen) Yarfa', Ḍaḥirān, (gegen) einige Stammesverbände (der Einwohner) von Sāhiratān, (gegen) die Kiddat und (gegen) Qaryatum (zu Felde) gezogen war."

Z. 7–9:

"Er tötete von den genannten Stämmen eine (große) Anzahl und (machte) viele Gefangene."

[3] Zur weiteren Orientierung sei auf die Skizze in B. Vogt, W. Herberg, N. Röring (2000) S. 5 der Abbildungen verwiesen. Burkhard Vogt sei an dieser Stelle für die freundliche Auskunft über den Fundort der Inschrift gedankt.

Z. 9–11:

"Er brachte den Rabī'at, den Sohn des Mu'āwiyat, aus der Sippe Ṯawr[um, den Köni]g der Kiddat und Qaḥṭān, in die Stadt Ṣan['aw ...]".

Philologischer Kommentar

Zeile 1–3:

Auch wenn lediglich die Spuren des ersten und letzten Buchstabens des Namens auf dem Stein zu erkennen sind, so ist doch aus dem Folgenden eindeutig, daß der Name nur in der vorgenommenen Form ergänzt werden kann. Die Regierungszeit des aus dem Geschlecht der Hamdān stammenden Sabäerkönigs Šā'irum 'Awtar[4] wird von C.J. Robin (1995) 227 um 210–230 angesetzt und beruft sich letztlich auf das absolute Datum 222/3. Dieses Datum gewinnen wir aus der ins Jahr 148 der radmānischen Ära datierten Felsinschrift MAFRAY Mi'sāl 4, die auf die Niederschlagung einer Revolte des Stammes Yuhab'ir durch den hadramitischen König 'Il'azz Yaliṭ anspielt, bei der Šā'irum 'Awtar diesem militärischen Beistand geleistet hat.[5] Nach NNAG 12, einer Widmung nicht-militärischen Inhalts aus dem 'Awām-Tempel, sowie der kurzen Kommemorativinschrift Arbach 3, in der die Wallfahrt Šā'irum 'Awtars zum Heiligtum Yaġruw des ḏū Samāwī niedergelegt ist, stellt der vorliegende Text das dritte, bisher bekannte Beispiel dar, in dem der König als Alleinregent eine Inschrift ausrichtet.[6]

Zeile 3f.:

In den Statuettenwidmungen der nachchristlichen Zeit aus dem Bar'ān-Tempel wird in der Regel nicht 'Almaqah, der Herrn von Bar'ān (*'lmqh / b'l / br'n*), sondern, wie in vorliegendem Fall, die Gottheit mit der Doppeltitulatur angerufen (*'lmqh / b'l / mskt / wyṯw / br'n*), wobei die beiden Bestandteile *mskt* und *yṯw* noch ungedeutet sind.[7]

Zeile 4f.:

Auch wenn Zeile 4 nahezu vollständig zerstört ist und sich die wenigen lesbaren Buchstabenspuren bis auf das *n* nach dem tief in die Oberfläche des Steins reichenden Randschlag auf der rechten Seite nicht sinnvoll ergänzen lassen, so kann doch gesagt werden, daß die Zeile voraussichtlich 30 Zeichen einschließlich der Trenner enthalten haben wird. Diese Zahl kann aus den Zeilen 6 bis 9 entnommen und auch für Zeile 4 und 5 veranschlagt werden. Damit ist die hier vorgeschlagene Buchstabendisposition der vom Formular geforderten Ergänzung zu Ende und Anfang von Zeile 3 bzw. 4 gesichert.[8] Dementsprechend verbleiben für die restliche Zeile 4 sowie für den Anfang von Zeile 5

[4] Vgl. beispielsweise *š'rm [/] 'wtr / bn / hmdn* in Sh 18 § 3.

[5] Vgl. C. Robin (1981) 326 und N. Nebes (2002) 134.

[6] Ebenso drei Inschriften besitzen wir, in denen Vater 'Alhān und Sohn Šā'irum als Stifter auftreten, kein Beispiel, in dem Šā'irum und sein Bruder Ḥayw'aṯtar Yaḍa' gemeinsam eine Inschrift ausrichten; vgl. N. Nebes (2002) 133.

[7] Vgl. N. Nebes (2004) sowie die dort im Anhang aufgeführten Katalognummern Nr. 34 = C 314+954, Nr. 35 = E 69, Nr. 37 = J 877, Nr. 44 = C 404 u.a.

[8] Unter Zugrundelegung der 30 Zeichen pro Zeile ist statt einer Ergänzung [*slm*]*n*[auch der Dual [*slm*]*n*[*hn*] denkbar. In diesem Fall hätten wir mit zwei Widmungen identischen Wortlauts auf zwei Steinblöcken und zwei Statuen des Königs zu rechnen, was keineswegs ungewöhnlich ist; vgl. etwa die Widmung des gegen Ende des ersten Jahrhunderts anzusetzenden Sabäerkönigs Naša'karib Yuha'min (z.B. J 855 = F 67), in der sechs Statuen dediziert werden und die in ebensovielen identischen Ausfertigungen vor den Pfeilern des Ersten Propylons in Ṣirwāḥ aufgestellt war.

noch 21 Zeichen einschließlich der Trenner. Sinnvoll zu erwarten wäre in dieser Lücke die Nennung eines oder höchstens zweier erbeuteter Objekte aus Qaryat als Fa'w, die der König zusammen mit seiner auf dem Kalksteinblock eingelassenen Statue dem im Bar'ān-Tempel verehrten 'Almaqah überläßt. Eine derartige Ergänzung wird einmal durch den folgenden Relativsatz *ḏḫrš / bn / qrytm / ḏt / khlm* nahegelegt, zum anderen besitzen wir in J 635, der Widmung des 'Abūkarib 'Aḥras aus der Sippe 'Ubālim, einen bedeutenden Paralleltext, der in unseren historischen Zusammenhang gehört und in dem ein weiteres Widmungsobjekt genannt wird. Der Stifter, der seinen König Šā'irum 'Awtar auf dessen Feldzug nach Qaryat al-Fa'w begleitet, widmet dem 'Almaqah "die Bronzestatue, die er aus Qaryatum erbeutet hat, sowie eine Tafel aus Gold".[9] Auch wenn dabei der Relativsatz nur das erste Glied der parataktischen Verbindung näher bestimmt, so ist doch offensichtlich, daß die "Tafel aus Gold" zu den Beutestücken aus Qaryat al-Fa'w gehört, welche zusammen mit der Statue dem 'Almaqah gewidmet wird.[10]

Zeile 5:

Das *n* als erster lesbarer Buchstabe der Zeile ist vermutlich das Determinationszeichen des Substantivs, welchen den aus Qaryat al-Fa'w erbeuteten, der Gottheit gewidmeten

[9] J 635/3–5: *ṣlmn / ḏḏhbn / ḏ* (4) *tmly / bn / qrytm / wtnfm / ṯyb* (5) *m*.

[10] A. Sima (2000) 339 wendet sich gegen eine Übersetzung von *ṯf* im Sinne von "Tafel, Inschriftenplatte" und stellt für *ṯf* in J 755/4 und C 529/5 resümierend fest, "daß die Übersetzung *ṯf* 'beschriftete (Metall-)Platte, Tafel' sich weder aus dem Kontext der beiden Belegstellen (sc. J 755/4 und C 529/5, N.N.) notwendig ergibt, noch die etymologische Verbindung mit akkad. *ṭuppu* überzeugt" (ibid. 340). Ungeachtet der etymologischen Verknüpfung mit dem Akkadischen ist der Kontext in den beiden genannten Beispielen verhältnismäßig eindeutig und läßt durchaus eine Auffassung der beiden Lexeme im Sinne von "Tafel, Inschriftenplatte" zu. So ist für *ṯfn / ḏsrfn* in J 755/4f. A. Sima durchaus zuzustimmen, wenn er sagt, daß der Text von J 755 "auf einem Sandsteinblock angebracht (ist)" und "da nun die Inschriftenplatte aus Sandstein selbst nicht der *ṯfn / ḏsrfn* sein kann, müßte man zu der unwahrscheinlichen Lösung Zuflucht nehmen, daß *ṯf* eine andere beschriftete (Metall-)Platte meint" (ibid. 339). Wie allerdings der Transkription und Bearbeitung des Textes von A. Jamme zu entnehmen ist, wo in Zeile 4f. *ṯfn / ḏsr* (5) *fn / wṣlmn / ḏḏhbn* als Widmungsobjekte genannt sind, ist die "silberne Platte" nicht Träger der Inschrift, sondern war in der mittig von den Zeilen 1 bis 4 reichenden Aussparung angebracht, und zwar, so nach Aussage von A. Jamme (1962) 226, "by four dowel pins, the lower ends of which are still in the stone". Ebenso ist mit *ṯfn* in der Bußinschrift aus Haram C 529/4 die aus Bronze bestehende Inschriftenplatte gemeint. A. Simas Einwand (ibid. 339), daß "doch *mśnd* als der gebräuchliche Terminus für Inschriften auf Stein und Metall zur Verfügung stand", kann im Falle von C 529 damit entkräftet werden, daß es dem Stifter weniger darauf ankam, die gegossene Inschrift als die gesamte Inschriftenplatte als Widmungsobjekt herauszustellen. Für *ṯnf* gibt es mittlerweile zwei Beispiele. Das erste ist der oben zitierte Fall, *ṯnfm / ṯybm* in J 635/4f., der als Beleg von A. Sima von vornherein nicht zugelassen wird, da die Inschrift ohne Fotografie und lediglich in Transkription von A. Jamme vorliege (ibid. 339 mit Fn. 127). Auch wenn J 635 bei A. Jamme fotografisch nicht dokumentiert ist, so liegt doch zunächst einmal kein Anlaß vor, die Lesung von *ṯnfm* generell in Frage zu stellen, zumal die Zeichen weder als ergänzt noch beschädigt ausgewiesen werden und das Wort auch nicht flüchtig verlesen sein kann, wenn es im Kommentar zur Stelle diskutiert wird. Auch hier liegt vom Kontext her eine Übersetzung als "Tafel" nahe, in die möglicherweise eine Inschrift oder ein Relief eingearbeitet ist und die der Stifter aus einem der geplünderten Tempel aus Qaryat al-Fa'w mitgebracht haben mag, aus welchem Ort wir mittlerweile eine ganze Reihe solcher Metallinschriften kennen. Der zweite Beleg für *ṯnf* findet sich in FB-Maḥram Bilqīs 1/3, einer spätaltsabäischen Widmung aus dem 'Awām-Tempel, in der dem 'Almaqah "die bronzene Inschriftentafel zusammen mit ihren (sc. der Stifter) Söhnen" (*ṯ{n}fn / ḏḏhbn / wbnyhmw*) dediziert wird. Die Bearbeiter, F. Bron und J. Ryckmans (2000) 163, lesen an der fraglichen Stelle *ṯfn / ḏḏhbn*, doch zeigt das ibid. abgebildete Foto der Bronzetafel einen ganz deutlichen Zwischenraum, in dem auch die Spuren des *n* sichtbar sind. Auch hier ist der Kontext eindeutig, *ṯnf* steht mitnichten für ein "nicht näher bestimmbares Dekorationsobjekt aus Edelmetall" (A. Sima (2000) 340), sondern mit diesem Wort ist ohne Zweifel die aus Metall gefertigte Bronzeplatte samt Inschrift gemeint.

Gegenstand bezeichnet. Das Verbum *ḫrš* ist erstmals in R 3945/6, 16, 19 und R 3943/3' im Zusammenhang mit der Zerstörung und Verwüstung von Palästen, Städten und Landstrichen genannt, in späterer Zeit wird es auch in den formelhaften Wendungen gebraucht, in denen Grabstelen und Gräber in den Schutz der Gottheit vor deren (potentiellen) Zerstörern (*ḏ-yḫršn-* z.B. C 445/2, R 4536/3) gestellt werden. Die Bedeutung "plündern" wird von Sab. Dict. s.r für die Ableitung *ḫtrš* veranschlagt. Die beiden hierfür angeführten Beispiele kommen aus E 13, der Inschrift des Fāri'um 'Aḥṣan, der im Auftrag seines Königs Šā'irum 'Awtar mit seiner Truppe den Palast Šaqīr stürmt. Während in Z. 25[11] im Kontext von *hb'ln* und *dhr* der Infinitiv *ḫtršn* nicht zwingend im Sinne von "plündern" aufgefaßt werden muß,[12] kann im Zusammenhang von Zeile 35f. diese Bedeutung als gesichert gelten[13] und damit auch für 0_1 an unserer Stelle angesetzt werden. — Qaryatum ḏāt Kāhilim, das heutige Qaryat al-Fa'w, 280 km nordöstlich von Naǧrān und ca. 70 km südlich des Wadi ad-Dawāsir auf der nach Ostarabien führenden Handelsstraße gelegen, ist in 20 Kampagnen zwischen 1972 und 1994 von saudischen Archäologen ausgegraben worden. Die Blütezeit der — nicht ummauerten — Oasenstadt, die sich nach Mitteilung von A.R.T. al-Ansary (2002) 13 auf einer Fläche von 5×0.75 km erstreckt und in der fünf Tempel archäologisch nachgewiesen wurden,[14] fällt in den Zeitraum um 300 v. Chr. bis 300 n.Chr., der, so A.R.T. al-Ansary (1997) 372, eine Unterteilung in eine minäische und eine kinditische Periode zuläßt. Aus letzterer, welche um die Mitte des ersten Jahrhunderts einsetzt, kennen wir eine geringe Zahl an publizierten Inschriften, die auf Qaḥṭānisch abgefaßt sind, in einem frühnordarabischen Dialekt, der enge Beziehungen zum späteren klassischen Arabischen unterhält.[15] In den sabäischen Inschriften ist Qaryat al-Fa'w bislang nur im Zusammenhang mit dem Feldzug des Šā'irum 'Awtar genannt,[16] und zwar erscheint die Stadt als *qrytm* (J 635/4, 36, J 641/5) und *ḥgrn / qrytm* (J 635/28) sowie, gefolgt von ihrem Gott Kāhilum, in der mit dem Genitivexponenten umschriebenen Form als *ḥgrn / qrytm / ḏt / khlm* (J 635/25f., J 634/4f.) bzw. ohne *ḥgrn,* wie an unserer Stelle, wobei es den Anschein hat, daß die Zusammensetzung

[11] Zeilenzählung nach M. Arbach (2001).

[12] E 13/25: *wh'nhmw / w'dw / whb'ln / wḫtršn / wdhr / ḥgr[n / šb] (26) [wt]* "und er (sc. Šā'irum 'Awtar) kam ihnen (sc. Fāri'um 'Aḥṣan und seiner Truppe) zu Hilfe, rückte in die Sta[dt Šabwat] ein, eroberte (sie), zerstörte/plünderte und verbrannte (sie)".

[13] Der Passus ist in der Neuedition der Inschrift von M. Arbach (2001) zu einem Teil als zerstört ausgewiesen und auch anhand der beigegebenen Fotos nicht überprüfbar, doch steht der Wortlaut aufgrund der früheren Transkription von M. 'A. al-'Iryānī außer Frage: *w{w}[z'w / ḫt] (36)ršn / {ḏ}{h}{b}m / wġnmm / bn / ḥgrn / šbwt / wqn'* "und sie nahmen darüber hinaus (Gegenstände aus) Bronze und Vieh als Beute aus der Stadt Šabwat und Qāni' mit".

[14] A.R.T. al-Ansary (1997) 372.

[15] W.W. Müller (1982) 33f. und N. Nebes (1995) 55 Fn. 117 und 58 Fn. 130 — Worauf mich W.W. Müller, Marburg, hinweist, liegt die Nisbe *qryn* in C 445/1 vor. Die Inschrift ist auf einer Grabstele angebracht, deren Stifter mit dem Namen *'glm / bn / s'dlt* auch durch diesen seine nördliche Herkunft verrät. Ausweislich einer Inschrift auf einer Bronzetafel aus dem Waddum-Tempel in Qaryat al-Fa'w, deren erste Hälfte auf einem Plakat der King Saud University vom Jahre 1407 H. abgebildet ist (vgl. auch N. Nebes (1995) 130), lautet der Name der Stadt in der minäischen Periode Qaryat, wie in Z. -2 zu lesen ist, wo Qaryat in Verbindung mit Qarnāwu genannt wird (*qryt / wqrnw*). Grammatisch unerwartet dagegen ist der Nisbenplural *'qrrn,* den A.R.T. al-Ansary (2002) 16 in einer von ihm vorgestellten Inschrift (Ziffer g, Zeile 3) aus Qaryat anführt.

[16] Mit Ausnahme unseres Textes sind dies die Widmungen J 635/4, 25, 28, 36, J 634/4f., J 641/5. — Dazu kommt als weiterer Beleg ein sabäisches Felsgraffito aus al-Qāra, nördlich von Bi'r Ḥimā, in Saudi Arabien, das G. Ryckmans (1957) 562 unten mitteilt.

mit Kāhilum nicht die indigene Selbstbezeichnung der zweiten, kinditischen Periode, sondern wohl eher sabäisches Interpretament darstellt.

Zeile 6:

Mit Ḫawlān ist hier der große nördliche Stammesverband gemeint, der, südwestlich von Naǧrān und unweit südlich von Sinḥān, in der Gegend um Ṣa'da ansässig war und auch mit den Attributen *gddm* (z.B. J 616/12), *gddn* (z.B. J 601/5), *gddtn* (J 788+671/5) und *'gddn* (J 658/10)[17] versehen wird.[18] Militärische Kampagnen gegen die nördlichen Ḫawlān gehören nach unserer bisherigen Kenntnis der epigraphischen Zeugnisse seit der Mitte des zweiten Jahrhunderts zu den politischen Agenda sabäischer Könige. Unser frühestes Zeugnis ist m. W. J 601 (und Duplikat J 602) aus der Zeit des Watarum Yuha'min, in welcher Inschrift von einer Strafaktion gegen die Ḫawlān die Rede ist, die von einem Angehörigen der Banū Suḫaymim im Auftrag des genannten Königs geleitet wird.[19] In E 12 § l, einer unter Šā'irum 'Awtar gesetzten Widmung, die in unseren Zeitraum gehört, sind die Ḫawlān gemeinsam mit den Einwohnern von Sāhiratān als Verbündete der Äthiopier genannt. In der großen Inschrift des 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und seines Bruders Ya'zil Bayyin J 576+577 scheinen die Ḫawlān bei den Auseinandersetzungen im Norden mit Naǧrān und der unweit davon entfernten Stadt Ẓarbān sowie den dort stationierten Abessiniern nur am Rande eine Rolle zu spielen.[20] Auch ist in J 2109, einer Widmung aus der Zeit des 'Ilšaraḥ Yaḥḍib, nicht explizit von einem Feldzug, sondern nur davon die Rede, daß der Stifter als Statthalter des sabäischen Königs Dienst in Ṣa'da und Ḫawlān geleistet hat. Die Militäraktionen gegen die Ḫawlān werden allerdings unter dem letzten Sabäerkönig Naša'karib Yu'min Yuharḥib wieder aufgenommen (J 616) und finden anscheinend erst unter Šammar Yuhar'iš ihr Ende.[21] Etliche Jahrzehnte später sind die Ḫawlān in das Staatswesen der Himyar eingebunden, wie aus der ersten einen Dammbruch erwähnenden Inschrift J 788+617 aus der Zeit des Ṯa'rān Yuhan'im und seines Sohnes Malkīkarib Yu'min hervorgeht, in der die Banū Suḫaymim als Qayle des Stammes Yursam und zugleich des nördlichen Ḫawlān bezeichnet werden.[22] Daß die nördlichen Ḫawlān bereits unter den Konigen von Saba' nicht nur das Ziel von deren militärischen Kampagnen gewesen sind, zeigt die Felsinschrift Rob Umm Laylā l, die einen Zusammenschluß ḫawlānitischer Stammesverbände gegen die ins Land vordringenden Abessinier und die

[17] Der Nisbenplural steht hier als Rectum innerhalb einer Status-constructus-Verbindung, also "das Ḫawlān der 'Agdūdān".

[18] Davon zu unterscheiden ist Ḫawlān *ḥḍlm* (z.B. E 23 § l, F 3/2), welches, identisch mit dem Ḫawlān der ḏū Ḥubāb (*ḥwln / ḏḥbb*) in 'Abadān 1/18, östlich von Ṣan'ā' und westlich von Ṣirwāḥ lokalziert wird, sowie das Ḫawlān unweit der heutigen südjemenitischen Ortschaft al-Bayḍā' (z.B. J 2861/2f. = MAFRAY Mi'sāl 9/2f.).

[19] C. Robin II (1982) 9 hat im Zusammenhang mit Rob Umm Laylā l/10f. (s.u.) vermutet, daß die Banū Suḫaymim, die in Z. 10f. der genannten Inschrift als *'mr'hmw*, d.h. als "ihre (sc. des Stammes Ḫawlān gudādān und deren Klientelverbände) Herren" angesprochen werden, auch für die Durchsetzung der königlichen Autorität im nördlichen Ḫawlān zuständig waren.

[20] So wird nach J 577/6f. ein sabäischer Offizier von den beiden Königen in den nördlichen Ḫawlān geschickt, um einer bestimmten Person habhaft zu werden.

[21] So werden in J 658 Feldzüge unter diesem König gegen das nördliche Ḫawlān sowie der Garnisonsdienst des Stifters in Ṣa'da berichtet. Lange Zeit Statthalter des Šammar Yuhar'iš in Ṣa'da war der Stifter von Sh 31.

[22] Die Stifter haben von den genannten Königen den Auftrag erhalten, das Kommando über die Beduinen, die möglicherweise aus dem Ḫawlān stammen, bei den Reparaturarbeiten am Damm zu übernehmen. — Im selben Sinne ist auch die in das Jahr 582 der himyarische Ära datierte Bauinschrift C 537+R 4919 aufzufassen, in der in Z. 3 neben Sinḥān [*ḥwln*] / *gddm* genannt wird.

Anerkennung sabäischer Oberhoheit dokumentiert.[23] — Der Kriegszug wendet sich mit den folgenden Stammes- und Gebietsnamen von Nord- nach Südwesten in die jemenitische Tihāma. Mit den *'š'rn* sind die späteren al-'Aš'ar gemeint, die an dieser Stelle und in J 635/22, wo vermutlich auf denselben Kriegszug angespielt wird,[24] zum ersten Mal in den altsüdarabischen Inschriften erwähnt werden. Ziemlich genau zwei Jahrhunderte später begegnen die 'Aš'ar im Zusammenhang mit den südarabisch-äthiopischen Auseinandersetzungen als eines der Ziele von Yūsufs Kampagnen gegen die mit den Abessiniern verbündeten Tihāmastämme. In Ry 508/3, 4 sind nach den 'Aš'ar die Küstenstadt al-Muḫā' (*mḫwn*) und die Festungen von Šamīr genannt, aus welchem Grund Christian Robin die Wohnsitze der 'Aš'ar in das nordöstliche Hinterland von Muḫā' verlegt,[25] wohingegen diese zu al-Hamdānīs Zeiten weiter nördlich zu suchen sind und Zabīd miteinschließen.[26] — Zu *yrf'* und *ḏḫrn* vgl. den unten gegebenen Lokalisierungsvorschlag.

Zeile 7:

Analog zu arabisch *'ayādin* stellt *'ydw* einen "gebrochenen" Plural zu der ihrerseits bereits "gebrochenen" Form *'yd* dar. Der Plural ist in dieser Bedeutung erstmals hier bezeugt und spielt vermutlich auf die tribalen Organisationsformen der Sāhiratān-Stämme an, gegen die Šā'irum 'Awtar zu Felde zieht. Der Vergleich mit *'šrt*, pl. *'šr*, welcher Terminus neben *š'b* für die beduinisch organisierten Stämme im Norden und in der Tihāma verwendet wird,[27] bietet sich an, wobei mit *'ydw* die einzelnen, nicht weiter spezifizierten Untergliederungen eines größeren Stammesverbandes gemeint sein können. In dieser Bedeutung läßt sich das Wort ohne Mühe an das (klassische) Nordarabische anschließen, wo *yadun* den Teil, die Unterabteilung eines (Stammes)verbandes[28] und *'ayādin* dessen (einzelne) Abteilungen[29] bezeichnet.[30] Unter dem Begriff *shrtn*[31] werden gemeinhin die Westflanken des jemenitischen Berglandes einschließlich des westlichen Küstenrandtieflandes verstanden, welchletzteres mit der heutigen jemenitischen Tihāma identisch ist.[32] Der geläufige Name für die Einwohner dieser Landschaft lautet *ḏshrtm*[33] oder, weitaus

[23] Eindeutig ist dies durch die Formulierung in Z. 9f. *wbmqm / 'mr* (10) *'hmw / 'mlk / sb'* "und mit der Macht ihrer Herren, der Könige von Saba'". Paläographisch gehört die Inschrift ins zweite, möglicherweise in den Anfang des dritten nachchristlichen Jahrhunderts. Eine Feindatierung erweist sich als schwierig, da sich verschiedene historische Szenarien seit der Zeit des Watarum Yuha'min konstruieren lassen, in die die Inschrift eingebettet werden kann.

[24] An der genannten Stelle heißt es, daß der Stifter seinen König Šā'irum 'Awtar "nach Sāhiratum gegen die 'Aš'arān und Baḥrum" (*'dy / s* (22) *hrtm / b'ly / 'š'rn / wbḫrm*) begleitet, wobei die Banū al-Baḥr (sic!) nach Auskunft bei Ḥaǧrī Maǧmū' 104 zu den 'Ašrāf der nördlichen Tihāma gehören.

[25] C.J. Robin (1995) 232 und C.J. Robin, U. Brunner (1997) D9.

[26] Vgl. auch die Diskussion im Lemma 'Š'RN bei A.A. al-Sekaf (1985) 73f.

[27] Vgl. z.B. J 635/34f. (*'š[r]t / yḫbr*), J 616/23 (*'šr / dw't*), J 616/14 (*kl / 'š'b / w'šr / ḫwln / gddm*), J 658/15 (*'šr / šnln*), J 649/30f. (*kl / 'š'b / w'šr / 'km / wḏshrtm*).

[28] Auswahlsweise sei auf den Lisān 15, 426b, 7 verwiesen, der *yadun* in Zusammenhang mit dem Ausdruck *'ayādī Saba'* in einem Vers des ḏū r-Rumma u.a. mit *firqa* erklärt: *al-yadu hunā kināyatun 'ani l-firqati* (freundlicher Hinweis Tilman Seidensticker, Jena).

[29] Das in folgender Fn. zitierte Beispiel hat distributive Konnotation, die in dieser Form des gebrochenen Plurals durchaus angelegt sein kann.

[30] So in Ṭab. Ta'rīḫ I$_3$ 2496, 11: *wa-r-rāyātu 'alā 'ayādī l-'Arabi,* was im Glossar DLXXI mit "vexilla autem secundum agmina Arabum distributa erant, i.e. singula agmina vexilla habebant" wiedergegeben ist.

[31] In der Regel mit Nunation, mit Mimation in J 635/21f.

[32] So C.J. Robin (1995) 222 und dementsprechend auch in der Karte von C. Robin, U. Brunner (1997) ausgezeichnet. Weiter nach Norden verlegt *shrtn* A.H. al-Sheiba (1987) 35 s.r., bei dem auch ältere Literatur aufgeführt wird.

[33] Z.B. J 574/3f., J 579/7, C 407/18f., Sh 31/4.

weniger gebräuchlich, im Nisbenplural *'shrn.*[34] Ebenso Plural ist die Form *swhrn* an unserer Stelle, die in der ungefähr zeitgleichen Widmung E 12 § 1 bezeugt ist und welcher aller Voraussicht nach der Singular Sāhiratān zugrunde liegt.[35] Chronologisch lassen sich die Beispiele für *shrtn, ḏshrtm* etc. recht präzise auf das dritte und vierte Jahrhundert eingrenzen. Die ersten Belege, zu denen auch unsere Stelle gehört, kommen aus der Zeit des Šā'irum 'Awtar (J 635/21f., E 12 § 5). In ihrer Mehrzahl stammen die Beispiele aus den epigraphischen Zeugnissen der Sabäerkönige 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und seines Bruders Ya'zil Bayyin bzw. deren Untertanen,[36] setzen sich unter dem letzten Sabäerkönig Naša'karib Yu'min Yuharḥib fort[37] und sind auch in den Inschriften aus der Zeit des Šammar Yuhar'iš vertreten.[38] Epigraphisch letztmals genannt wird Sāhiratān m.W. in der großen 'Abadān-Inschrift.[39] In den Inschriften der monotheistischen Periode ist der Name für diese Region bislang nicht bezeugt. Alle Beispiele, deren größter Teil Widmungen aus Mārib entstammt, stehen durchweg im Kontext von Feldzügen und Expeditionen, die von sabäischer oder himyarischer Seite gegen die Einwohner von Sāhiratān, gegen dort ansässige Stämme und die mit ihnen verbündeten Abessinier durchgeführt werden. — Mit den in ihrer sabäischen Form *kdt* aufgeführten Kinda befinden wir uns wieder weit nördlich in der Gegend von Qaryat al-Fa'w, welches sich in seiner Kurzform *qrytm* anschließt. Die Kinda sind an unserer Stelle erstmals in Verbindung mit ihrer Hauptstadt genannt, in Z. 10 und in dem Paralleltext J 635/27 ist der Stammesname in die Titulatur des Rabī'at bin Mu'āwiyat, des Königs der Kinda und Qaḥṭān (*mlk / kdt / wqḥṭn*), eingebunden. Während Qaryat al-Fa'w nach Eroberung und Plünderung durch Šā'irum 'Awtar in den sabäischen Inschriften nicht mehr erscheint, sind die Kinda in den epigraphischen Dokumenten der anschließenden Jahrhunderte durchaus vertreten. Mit ihnen setzen sich die Sabäerkönige 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und sein Bruder Ya'zil Bayyin auseinander (J 576/2, J 2110/9). In das himyarische Heerwesen integriert und dort unter den Beduinentruppen als Kontingent explicit ausgewiesen sind sie seit Yāsirum Yuhan'im (J 665/2) und Šammar Yuhar'iš (Sh 32/14) und nehmen unter ersterem (J 665/2) und seinen Nachfolgern (E 32/2 u.ö.) an der Eroberung des Hadramawt teil, in dessen westlicher Region, so die communis opinio,[40] sie sich auch niederlassen. In den äthiopisch-südarabischen Auseinandersetzungen des frühen sechsten Jahrhunderts ergreifen die hadramitischen Kinda Yūsufs Partei (J 1028/7, Ry 508/7), und unter 'Abraha schließlich sind es dieselben Kinda, die die von Hadramawt ausgehende Rebellion des Yazīd bin Kabšat gegen die äthiopische Fremdherrschaft unterstützen (C 541/10f., 22). Einige Jahre später beteiligen sich allerdings die Kinda an 'Abraha's Feldzügen nach Zentralarabien (Ry 506/4). Von den hadramitischen Kinda zu trennen ist das sogenannte Königreich der Kinda der arabischen Tradition, worüber C. Robin (1996) ausführlich gehandelt hat.[41]

[34] BR M. Bayḥān 1/16f. und E 20 § 1.

[35] Daß das *h* in *shrtn* eine Mater lectionis für ein langes /a/ sein könnte, wie C.J. Robin (1995) 233 Anm. 2 meint, ist aufgrund der gebrochenen Pluralformen *'shrn* und *swhrn* auszuschließen.

[36] Z.B. J 574/3f., 6, 8, J 576/3, 5, J 579/7, J 585/5, E 19/7 u.a.

[37] Ry 538/15, 30, E 20 § 1.

[38] J 649/9, 30, 31, J 650/21f., C 407/18, J 658/21, Sh 31/4.

[39] 'Abadān 1/5, 24f., 26. — Diese Angaben beziehen sich auf die bislang publizierten sabäischen Inschriften.

[40] C. Robin (1996) 666.

[41] Dieses Königreich wurde um die Mitte des fünften Jahrhunderts von den Himyar in Zentralarabien eingerichtet, als dessen König sie den legendären Ḥuǧr b. 'Amr eingesetzt haben, der als 'Ākil al-murār in die arabische Tradition eingegangen ist. Worauf C. Robin (1996) 666f. zuletzt hingewiesen hat, ist die Bezeichnung "Königreich der Kinda" insofern irreführend, als Ḥuǧr zwar die kinditische Linie 'Ākil al-murār begründet hat,

Zeile 9f.:

Rabī'at bin Mu'āwiyat aus der Familie Ṯawrum, der in J 635/26f. ohne Patronym genannt wird, ist in den bislang publizierten Inschriften aus Qaryat al-Fa'w nicht nachweisbar. Bei A.R. al-Ansary (1982) 144 Nr. 2 ist allerdings die Abzeichnung der Grabinschrift des Mu'āwiyat bin Rabī'at abgebildet, der den Titel eines Königs der Qaḥṭān und Maḏḥig trägt und im Idealfall der Sohn des an unserer Stelle genannten Kindakönigs gewesen sein könnte.[42] Aus der Zeit der Sabäerkönige 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und seines Bruders Ya'zil Bayyin sind zwei weitere Kindakönige namentlich bekannt. So wird in J 576/2 von diesen ein Mālikum, König der Kinda, zusammen mit anderen Vornehmen seines Stammes nach Mārib deportiert und dort solange festgehalten, bis dieser den Mar' al-Qays, den König von Ḥaṣāṣatān, ausliefert. In J 2110/9 ist ein Offizier der beiden Sabäerkönige in diplomatischer Mission u.a. zu Mālikum bin Budd, dem König der Kinda und Maḏḥig, unterwegs. — Am Ende der Zeile sind deutlich die oberen Spuren eines Nūn zu lesen, so daß die Ergänzung zu *ṣ{n} (11) ['w]* als gesichert gelten kann. Die Deportation des Rabī'at bin Mu'āwiyat nach Ṣan'ā' macht auch insofern Sinn, als sich im Hochland die eigentliche logistische Basis der sabäischen Könige aus dem Geschlecht der Hamdān[43] mit ihrem Schloß Ġumdān befand, welches in NNAG 12/22, einer von Šā'irum 'Awtar ausgerichteten Widmung, zum ersten Mal erwähnt wird.[44] Die Verbringung besiegter Könige und Stammesführer ist seit Šā'irum 'Awtar bezeugte Praxis sabäischer Könige und ihrer himyarischen Nachfolger. Nach der Eroberung von Šabwa deportiert Šā'irum 'Awtar den besiegten hadramitischen König 'Il'azz Yaliṭ nach Mārib (E 13/5f. und Sh 19 § 2). Wie oben schon gesagt, halten 'Ilšaraḥ und Bruder den Kindakönig Mālikum in Mārib fest, um diesen zur Herausgabe des Mar' al-Qays zu veranlassen. Offiziere des Naša'karib Yu'min Yuharḥib bringen von einem Feldzug in die Region der Ḫawlan gudādān deren "Freie" als Geiseln nach Ṣan'ā' (J 616/16), und Sa'dta'lab Yatlaf schließlich, der Kommandant der Beduinen(truppen) *(kbr / ''rb)* von Himyar, kehrt von seinem Feldzug aus dem Wadi Hadramawt mit einer ganzen Reihe von in Gefangenschaft geratenen, namentlich genannten Stammesführer nach Ẓafār zu seinem König Ḏamar'alī Yuhabirr (E 32/42–48) zurück.

Zur Lage von *yrf'* und *ḏlḫrn*

Yarfa' ist als Eigenname im Altsüdarabischen bislang in drei Fällen sicher nachweisbar. In einer Felsinschrift aus dem Wadi Širḡān bezeichnet *yrf'* eine Person,[45] in R 4328/4,

jedoch von den Himyar nicht zum König über die Kinda, sondern über die zentralarabischen Ma'add gemacht wurde.

[42] Unter dieser Vorgabe tragen dann Großvater und Enkel denselben Namen.

[43] Worauf mich Herr Muḥammad 'Alī as-Salāmī, Jena/Ṣan'ā', hinweist, gehört Ṣan'ā' zum antiken Stammesgebiet der Ġaymān, die ihrerseits wiederum mit den Ḥāšid und deren Zweig der Hamdān verbunden waren, vgl. z.B. J 716/2, 3, 6.

[44] Zum Schloß Ġumdān, seinen Bezeugungen in den sabäischen Inschriften sowie zu den Nachrichten, die wir al-Hamdānī über dieses Bauwerk verdanken, vgl. W.W. Müller (1986) 141–143.

[45] MQ al-Jifjif 1/1 bei C.J. Robin (1998) 140–143, wo ein Yarfa' 'Aṣḥaḥ mit anderen Mitgliedern der Banū Ya'guf als Erbauer einer Bewässerungsanlage genannt wird. — Möglicherweise ebenfalls ein Personen- oder Sippennamen *yrf'* liegt in Av. Aqmar 4/2 vor, den A.Avanzini (1985) 95 allerdings als *yrf'm* transkribiert. Doch kann dem abgebildeten Foto der Inschrift (tav. 18, 2) zufolge diese Lesung keineswegs als gesichert entnommen werden, vielmehr deuten die Zeichen zu Ende von Zeile 2 auf eine Abtrennung in *yrf' / {w}* [hin.

M 396/5 = Ma'īn 97/5 wie auch an unserer Stelle ist mit Yarfa' ein Gebiet gemeint, dessen Lage bislang noch nicht identifiziert werden konnte.[46] Weitaus öfter ist der Graph ḌḤR bezeugt. So finden wir in den einzelnen Dialekten *ḏḥr*, *ḏḥrt* und *ḏḥrm* für männliche und weibliche Personennamen,[47] *ḏḥrt* (Gl 1136/3) und *ḏḥrm* begegnen im Sabäischen als Sippennamen.[48] Doch helfen die genannten Eigennamen in unserem Zusammenhang nicht weiter. Den entscheidenden Hinweis geben vielmehr die mittelalterlichen jemenitischen Autoren. Hinter einem Schriftbild ḌḤR kann sich sowohl der Ǧabal Ḍuḥār als auch der Ǧabal Ḍaḥir verbergen.[49] Während Erstgenannter um Šibām Kawkabān zu suchen ist und daher für unseren Kontext von vornherein ausscheidet, ist der Ǧabal Ḍaḥir, gleichwohl er im Arabischen ohne bestimmten Artikel überliefert wird, ein ernsthafter Kandidat für das an unserer Stelle genannte *ḏḥrn*. Nach Auskunft von Ḥaǧrī Maǧmū' 340 ist Ḍaḥir[50] der mittelalterliche Name für den heutigen Ǧabal Ḥabašī, unweit südwestlich von Ta'izz und nordwestlich von as-Sawā gelegen.[51] Damit befinden wir uns im Nordwesten des antiken Ma'āfir, unweit südöstlich des Gebiets der unmittelbar zuvor genannten 'Aš'ar,[52] und es ist durchaus anzunehmen, daß sich der Kriegszug des Šā'irum 'Awtar auch gegen die Einwohner von Ḍaḥirān, des heutigen Ǧabal Ḥabašī und der ihn umgebenden Region in Ma'āfir, gerichtet haben wird. Yarfa' ist einmal in den sogenannten Hierodulenlisten als Herkunftsort einer Frau namens *tft* genannt,[53] zum anderen begegnet der Name als letzter Bestandteil der Titulatur des qatabanischen Mukarribs Yada''ab Ḍubyān bin Šahr, der zu Anfang des zweiten Jahrhunderts v. Chr. angesetzt wird.[54] Wenn wir den regionalen Kontext berücksichtigen, in dem Yarfa' an unserer Stelle erscheint, dann ist kaum davon auszugehen, daß es sich um einen Ort oder eine Landschaft auf bzw. an den nördlicheren Abschnitten der Weihrauchstraße handelt, sei es nun zwischen Naǧrān und Qaryat al-Fa'w oder aber — auf der nach Nordwesten führenden Route — zwischen Naǧrān und Ṯumāl.[55]

---

[46] Vgl. A.H. al-Sheiba (1987) s.r.

[47] Vgl. dazu A. Sholan (1999) 111 mit Verweis auf weitere Literatur.

[48] Der Letztgenannte des öfteren, so in J 620/2f., C 338/1, C 782/1.

[49] Beide Orte bei Ḥaǧrī Maǧmū' 340.

[50] So die Vokalisation nach 'abū Maḫrama Ta'rīḫ 105, 6.

[51] Hamdānī Ṣifa 67, 24 führt Ḍaḥir nach dem (Ǧabal) Ṣabir als zum Land der Ma'āfir gehörig auf. Der Berg selbst gehöre den ar-Rakb (ibid. 78, 7).

[52] Als weiterer Hinweis, daß das in unserem Text genannte *ḏḥrn* mit dem Ǧabal Ḥabašī und seiner Umgebung zu identifizieren ist, kann der Sippenname *ḏḥṣbḥ / ḏḥr* in DAI Ǧabal al-'Awd 2/2 gewertet werden, einer unveröffentlichten qatabanischen Widmungsinschrift für 'Amm ḏū Yasrim vom Ǧabal al-'Awd, deren Stifter sich als Klienten (*m'db*) eines Mitglieds der genannten Sippe bezeichnen. Die Haṣbaḥ gehören zu den führenden Sippen des Stammes Maḏḥay, dessen Kerngebiet die antike Stadt Ḥaṣī und das Wadi Širǧān bilden (C.J. Robin (1998) 133), und sind nicht nur in dieser, sondern auch in einer anderen Widmung vom Ǧabal al-'Awd vertreten. Wenn wir darüber hinaus die vorgenommene Identifizierung von Ḍaḥirān zugrunde legen, dann erstreckt sich das Gebiet der Haṣbaḥ im Westen bis nach Ma'āfir und schließt im Norden den Ǧabal al-'Awd mit ein.

[53] M 396/5 = Ma'īn 97/5: (2) *yḥm'l / bn / ḥywm / ḏ* (3) *'dn / ḏ'hl / nswr / s* (4) *krb / wḥṣr / tft / bn* (5) *yrf'* "Yaḥmī'il, Sohn des Ḥaywum, aus (der Sippe) 'Adan (?) von den 'Ahl Niswar hat sich verheiratet und den Brautpreis bezahlt für Tafiṭ aus Yarfa' ". — Unter Berücksichtigung des im Folgenden Gesagten ist man beinahe versucht, in *ḏ-'dn* den Namen der Stadt selbst zu sehen.

[54] R 4328/4: *yd''b / ḏbyn* (2) *bn / šhr / mkrb / qtbn / wkl / w* (3) *ld / 'm / w'wsn / wkḫd / wd* (4) *hsm / wtbnw / wyrf' / 'ymnn* (5) *w'š'mn* "Yada''ab Ḍubyān bin Šahr, Mukarrib von Qatabān und aller Walad 'Amm, (Mukarrib) von 'Awsān, Kaḥad, Dahasum, Tubanaw und Yarfa', (kurzum) der nördlichen wie südlichen Gebiete". Zu Inschriften und Datierung dieses qatabanischen Herrschers vgl. zuletzt F. Bron (1999), insbesondere 74.

[55] Von einer Expedition in diese Region, ins Land der 'Azd, die kurze Zeit nach dem Feldzug des Šā'irum nach Norden stattgefunden haben wird, berichtet die schon mehrfach erwähnte Inschrift des 'Abūkarib 'Aḥras, J 635/36f.

Vielmehr können wir mit einiger Berechtigung annehmen, daß aufgrund der Nennung von Yarfa' unmittelbar nach den 'Aš'ar und vor Ḍaḥirān jenes in deren unmittelbarer Nachbarschaft zu suchen ist. Wenn wir darüber hinaus die Titulatur des qatabanischen Mukarribs zu Rate ziehen, so liegt es auf der Hand, daß die genannten Gebiete jene Territorien darstellen, auf die Qatabān Anspruch erhebt. Die in R 4328 um Yarfa' erweiterte Titulatur[56] stellt dabei ohne Zweifel eine territoriale Gebietserweiterung unter Yada''ab Ḍubyān dar, allerdings nicht nach Norden, wie noch H. von Wissmann und M. Höfner (1953) 45 vermutet haben,[57] sondern nach Südwesten. Dies wird durch die Aufzählung der in der Titulatur genannten Landschaften offenkundig, in der nach dem qatabanischen Kernland zunächst 'Awsān im Südosten und danach von Nordosten nach Südwesten in geographischer Reihenfolge die Landschaften Kaḥad, Dahasum und Tubanaw aufgeführt werden. Wenn wir der Ratio dieser Aufzählung folgen, dann verbleibt für Yarfa' der vom Wadi Tuban sich anschließende bis an den Bāb al-Mandab reichende Landstrich. Dies steht wiederum mit der allseits bekannten Nachricht bei Strabo in Einklang, die auf den in der zweiten Hälfte des dritten Jahrhunderts in Alexandria lehrenden Philologen und Geographen Eratosthenes zurückgeht und damit in enge zeitliche Nähe zu R 4328 gerückt werden kann. Diese Nachricht besagt, daß sich das qatabanische Herrschaftsgebiet bis an die Meerenge des Bāb al-Mandab erstreckt.[58] Wenn wir Yarfa' in dem hier vorgeschlagenen Sinne identifizieren, dann erhalten wir aus R 4328, wenn ich richtig sehe, die — bislang erste und einzige — direkte Bestätigung der Mitteilung des Eratosthenes von epigraphisch-südarabischer Seite.[59]

Zur historischen Situation

Neben der hier verhandelten Inschrift sind es mit J 634, J 641 und J 635 drei hinlänglich bekannte Dedikationen aus dem 'Awām, die uns über Šā'irum 'Awtars Kriegszug nach Qaryat al-Fa'w in Kenntnis setzen. J 634/4f. und J 641/4f. enthalten allerdings nur die kurzen Mitteilungen, daß die dedizierte Statuette aus (dem Erlös) der Beute stammt, die die Stifter aus Qaryat al-Fa'w mitgebracht haben.[60] Weitaus ausführlichere Nachrichten finden wir in der in unserem Zusammenhang schon mehrfach genannten Widmung J 635 des 'Abūkarib 'Aḥras, der seinen König Šā'irum 'Awtar auf einer nicht weiter angegebenen Anzahl von Feldzügen begleitet hat. Die fraglichen Passagen lauten in Transkription und Übersetzung:

---

[56] Ohne Yarfa' ist Yada''ab in MAFYS Timna' 1/1f., R 3550/1ff., J 2362/1f., J 2363/1 genannt.

[57] Diese sehen ohne weitere Angabe von Gründen in Yarfa' den älteren Namen von Murād.

[58] Strabo Geographica 16, 4, 2: τρίτοι δὲ Κατταβανεῖς καθήκοντες πρὸς τὰ στενὰ καὶ τὴν διάβασιν τοῦ Ἀραβίου κόλπου.

[59] Die vorgeschlagene Identifizierung von Yarfa' mit der Landschaft westlich des Wadi Tuban bis zum Bāb al-Mandab läßt sich auch mit dem Befund aus den "Hierodulenlisten" vereinbaren. So sind zum einen die Herkunftsorte der Frauen, die in die minäischen Sippen eingeheiratet haben, mitnichten alle außerhalb Südarabiens zu suchen, sondern diese können, wie M 392B/2 = Ma'īn 93B/2, M 392C/9f. = Ma'īn 93C/9f., M 392A/61 = Ma'īn 93A/61, M 392B/27 = Ma'īn 93B/27 und M 392C/54 = Ma'īn 93C/54 zeigen, aus Qatabān, Hadramawt, Sum'ay und 'Awsān stammen. Zum anderen hat der Name *tft* der aus Yarfa' stammenden Frau durchaus eine gewisse Nähe zum qatabanischen Onomastikon, insofern als dieses eine relativ hohe Zahl an weiblichen Eigennamen aufweist, die von der 3. Pers.f. der Präfixkonjugation und darüber hinaus auch von schwachen Wurzeln gebildet werden, vgl. beispielsweise *td', tšḥ, t's, tfš* bei H. Hayajneh (1998) und A. Sholan (1999) unter den betreffenden Einträgen.

[60] In J 641 ist der Zusammenhang mit dem Feldzug des Königs explicite hergestellt, in J 634 ist dieser nicht ausdrücklich genannt.

Transkription

16. *wḥmdm / bḏt / ḥmr / whwš'n / 'lm*
17. *qh / 'bdhw / 'bkrb / 'ḥ rs / bn / 'bl*
18. *m / bt'wln / bwfym / wġnmm / w'ḥ*
19. *llm / wsbym / bn / kl / 'brṯ / wḏb*
20. *y' / w'nt / sb'w / wšw'n / mr'hmw / š'r*
21. *m / 'wtr / mlk / sb' / wḏrydn / 'dy / s*
22. *hrtm / b'ly / 'š'rn / wbḥrm / wḏkw*
23. *[n / k]wnhmw / w'dy / ḫlf / hgrn / ngrn*
24. *[b'l]y / ḏb't / 'ḥbšn / wḏkwn / kw*
25. *nhmw / w'dy / hgrn / qrytm / ḏt / khl*
26. *m / ṯty / ḏb'tn / b'ly / rb't / ḏ'l*
27. *ṯwrm / mlk / kdt / wqḥṭn / wb'ly*
28. *'b'l / hgrn / qrytm*

Übersetzung

Z. 16–21:
"Und als Dank dafür (hat der im folgenden genannte Stifter gewidmet), weil 'Almaqah seinem Diener 'Abūkarib 'Aḥras aus der Sippe 'Ubālim die unversehrte Rückkehr versehen mit Beute, Spolien und Gefangenen aus allen militärischen Aktionen[61] gewährt und zuteil werden hat lassen, die sie unternommen haben und (in denen) sie ihrem Herrn Šā'irum 'Awtar, dem König von Saba' und ḏū Raydān, Gefolgschaft geleistet haben, (und zwar)"

Z. 21–23:
"nach Sāhiratum gegen die 'Aš'arān und Baḥrum und deren Verbünd[ete]"

Z. 23–25:
"sowie in den Bezirk der Stadt Nagrān [geg]en die Verbände der Abessinier und deren Verbündete"

Z. 25–28:
"und (schließlich) zur Stadt Qaryatum ḏāt Kāhilim — (und zwar) zwei Feldzüge — gegen Rabī'at aus der Sippe Ṯawrum, den König der Kiddat und Qaḥṭān, und gegen die Einwohner der Stadt Qaryatum".

Schon ein erster Vergleich zeigt, daß in beiden Inschriften die Nachrichten nicht gänzlich identisch sind, sondern die betreffenden Passagen in aufschlußreichen Details inhaltlich voneinander abweichen. So geht die nordwestliche Stoßrichtung von Šā'irum 'Awtars Feldzug in der Bar'ān-Inschrift gegen die Ḫawlān, die unweit von deren Wohnsitzen liegenden abessinischen Verbände in der Umgebung von Naǧrān treten überhaupt nicht in Erscheinung.[62] Auf der anderen Seite wird in den obigen Zeilen die Verbringung des Kinda-Königs nach Ṣan'ā' nicht vermeldet, allerdings erfahren wir aus

[61] Zusammengefaßt sind mit dieser Wiedergabe die Pluralformen *'brṯ, ḏby'* und *'nt*.

[62] Nicht ausgeschlossen ist natürlich, daß von diesen im nicht erhaltenen Teil der Bar'ān-Inschrift noch die Rede ist. Geographisch würden wir sie allerdings nach der Nennung der Ḫawlān erwarten.

ihnen im Unterschied zur Bar'ān-Inschrift das nicht unwesentliche Detail, daß Šā'irum 'Awtar zwei Feldzüge nach Qaryat al-Fa'w unternommen hat. Überhaupt ist die zeitlich-historische Dimension der in J 635 mitgeteilten Ereignisse gegenüber jenen in der Bar'ān-Inschrift vom Autor weitaus deutlicher herausgearbeitet. Nicht nur ist expressis verbis von zwei Feldzügen nach Qaryat al-Fa'w die Rede, sondern obige Passagen sind inhaltlich auch detaillierter ausformuliert. Durch den parallelen Aufbau der mit *'dy* und *b'ly* eingeleiteten Präpositionalphrasen in den Zeilen 21 bis 28 erhält der gesamte Abschnitt auch insofern eine inhaltliche Struktur, als es den Anschein hat, daß Šā'irum 'Awtars Feldzüge gegen drei Gegner auf drei verschiedenen Schauplätzen gerichtet sind. Daß es sich dabei nicht um eine einzige zusammenhängende Militäraktion, sondern um mehrere gehandelt haben muß, geht auch aus den Statūs constructi in Z. 19f. hervor, in denen von drei verschiedenen Arten von Feldzügen die Rede ist. Im einfachsten denkbaren Fall hat obigen Zeilen zufolge Šā'irum 'Awtar mindestens vier Feldzüge durchgeführt, an denen der Stifter von J 635 beteiligt war, und zwar

(mindestens einen Feldzug) nach Sāhiratum gegen die 'Aš'arān, Baḥrum und Verbündete

(mindestens einen Feldzug) ins Umland von Nagrān gegen die Abessinier und Verbündete

zwei Feldzüge nach Qaryat al-Fa'w gegen Rabī'at und die Bewohner der Stadt.

Diese sprachlich-formale und damit auch inhaltlich-historische "Reliefgebung" ist in der Bar'ān-Inschrift nicht vorgenommen. Auch wenn auf dem nicht mehr erhaltenen Teil des Steins ein zweiter oder gar weitere, mit *ywm* eingeleitete Temporalsätze gestanden haben mögen, wodurch eine historische "Tiefe" der mitgeteilten Ereignisse hergestellt werden würde, so läßt sich ihr chronologischer und damit auch inhaltlicher Zusammenhang nur schwer abschätzen. So ist es durchaus vorstellbar, daß trotz der nicht unerheblichen geographischen Distanzen die im *ywm*-Satz aufgelisteten Ziele von Šā'irum 'Awtars Feldzug im Rahmen einer großen zusammenhängenden Militärkampagne angegegangen worden sind, an deren Ende die Eroberung und Plünderung von Qaryat al-Fa'w gestanden haben. Auf der anderen Seite kann mitnichten ausgeschlossen werden, daß es sich um deutlich voneinander abgesetzte, ganz verschiedene Unternehmungen handelt, die der König zu einem bestimmten Zeitpunkt seiner Regentschaft summarisch aufgelistet hat, wozu ihm die erfolgreiche Unternehmung nach Qaryat al-Fa'w den eigentlichen Anlaß geliefert haben mag. Wie dem auch sei. Mit dem in der Bar'ān-Inschrift mitgeteilten Zug nach Qaryat al-Fa'w nebst Deportation des Rabī'at ist ohne Zweifel einer der beiden in J 635/26 genannten Feldzüge gemeint. Welcher der beiden mit dem in der Inschrift aus dem Bar'ān erwähnten Feldzug nun identisch ist und wann beide anzusetzen seien, sind Fragen, die beim gegenwärtigen Forschungsstand nur vorläufig beantwortet werden können, da neben den bekannten Eckdaten die Quellenlage relativ spärlich ist und diese Spielraum für verschiedene historische Szenarien offenläßt.

Christian Robin hat ausgehend von der auf das Jahr 222/3 datierten Schlacht von Ṣaw'arān, in der Šā'irum 'Awtar dem hadramitischen König 'Il'azz Yaliṭ zu Hilfe kommt, die Regierungszeit des sabäischen Königs approximativ zwischen den Jahren 210 bis 230 angesetzt[63] und sich je nachdem, ob Šā'irum 'Awtar ohne oder mit seinem Bruder

[63] Siehe oben den Kommentar zu Z. 1–3.

Ḥayw'aṯtar Yaḍa' als Korregent genannt wird, für eine Periodisierung ausgesprochen, wonach auf die Alleinregentschaft des Königs die Schlacht von Ṣaw'arān und auf diese wiederum eine kurze Phase der Korregentschaft der beiden Brüder folgt.[64] Daran schließt sich die erneute Alleinregentschaft des Königs an, an deren Ende die Eroberung von Šabwa und die Plünderung von Qāni' gestanden haben.[65]

Daß die beiden Expeditionen nach Qaryat al-Fa'w zeitlich nicht unmittelbar nacheinander durchgeführt worden sind, sondern in zwei verschiedene Phasen der Regentschaft Šā'irum 'Awtars fallen, geht daraus hervor, daß in J 635/40f. und J 634/6ff. der König als Alleinregent und in J 641/12f. mit Bruder erscheint. Wenn wir uns Christian Robins Periodisierungsvorschlag zu eigen machen, dann wäre der Feldzug von J 641 nach 222/3 anzusetzen und fiele in die kurze Korregentschaft der beiden Brüder. Der andere Feldzug (J 635, J 634), in dessen Zusammenhang Šā'irum 'Awtar als Alleinregent angesprochen ist, müßte demnach vor 223/3 oder aber vor oder nach den bekannten Auseinandersetzungen mit Hadramawt stattgefunden haben. Wenn nun J 635, die Inschrift des 'Abūkarib 'Aḥras, zwei Feldzüge gegen den Kinda-König und Qaryat al-Fa'w erwähnt, so kann diese nur nach dem zweiten Feldzug abgefaßt sein. Der zweite Feldzug von J 635 kann demnach in keinem Fall vor 222/3 angesetzt werden, sondern muß wiederum in der Periode der Alleinregentschaft vor der großen Auseinandersetzung mit Hadramawt erfolgt sein.[66] Mit der Annahme, daß es sich bei dem in der Inschrift aus dem Bar'ān genannten Feldzug um die erste Kampagne gegen Qaryat al-Fa'w handelt, befinden wir uns in der kurzen Phase der Korregentschaft der beiden Brüder, aus der wir keine weiteren Feldzugsberichte besitzen.[67] In diesem Fall würde man allerdings erwarten, daß in Zeiten der Korregentschaft in der Kopfzeile unserer Inschrift beide Könige als Widmende genannt sind.[68]

Mit der bisherigen Quellenlage am ehesten vereinbar ist daher, wenn wir annehmen, daß mit dem in der Bar'ān-Inschrift genannten Feldzug die zweite Kampagne nach Qaryat al-Fa'w gemeint ist. Diese fiele damit in die zweite Periode von Šā'irum 'Awtars Alleinregentschaft unmittelbar in die Zeit, bevor er sich gegen seinen hadramitischen Gegenspieler 'Il'azz Yaliṭ wendet, diesen in ḏāt Ġaylim besiegt und Šabwa erobert. Über die Hintergründe des zweiten Zuges nach Qaryat al-Fa'w kann nur spekuliert werden, möglicherweise existiert ein Zusammenhang mit der bevorstehenden Unternehmung gegen Hadramawt insofern, als die Handelsroute zwischen Hadramawt und Qaryat al-Fa'w und damit die unmittelbare Verbindung, die Hadramawt nach Norden unterhält,[69] unterbrochen werden sollte.

---

[64] Grundlage für eine derartige Abfolge sind die nach dem Treffen von Ṣaw'arān ausgerichteten Dedikationen J 640 und YM 349. In Erstgenannter wird von den beiden Brüdern nur Šā'irum 'Awtar mit dem Titel eines Königs von Saba' und ḏū Raydān angesprochen, in letzterer ist von ihm und seinem Bruder Ḥayw'aṯtar Yaḍa' als den beiden Königen von Saba' und ḏū Raydān die Rede.

[65] C.J. Robin (1994) 232.

[66] Nicht völlig auszuschließen ist, daß der zweite Feldzug nach Qaryat al-Fa'w nach den Auseinandersetzungen mit Hadramawt stattgefunden hat. An diesen hätte dann 'Abūkarib 'Aḥras nicht teilgenommen, was eher unwahrscheinlich ist.

[67] E 12, welche Widmung einen längeren Feldzugsbericht enthält, nennt den König und Bruder, letzteren wiederum ohne Titulatur.

[68] In diesem Zusammenhang sei auf J 574 verwiesen, in der die beiden Korregenten 'Ilšaraḥ Yaḥḍib und Bruder Ya'zil Bayyin als Dedikanten auftreten, obwohl lediglich ersterer ins Feld zieht.

[69] M. Bukharin, Jena/Moskau, macht mich auf diese Verbindung aufmerksam: Darauf, daß eine Handelsroute von Qaryat al-Fa'w ins Wadi Hadramawt anzunehmen ist, deren Verlauf nur über al-'Abr geführt haben kann,

Mehr Gewißheit über die Ratio dieser Feldzüge, zumal des letzteren, werden wir letztlich nur über neue Inschriftenfunde erhalten.

Zitierte Literatur

A.R. al-Ansary, Qaryat al-Fau. A Portrait of Pre-Islamic Civilisation in Saudi Arabia, Riyadh 1982.

A.R.T. al-Ansary, Qaryat al-Fau, in: E.M. Meyers (ed.), The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East, Vol. 4, New York/Oxford 1997, 371–373.

A.R.T. al-Ansary, Al-Gerrha, the Port of 'Qaryat' al-Fau, in: J.F. Healey, V. Porter (eds.), Studies on Arabia in Honour of Professor G. Rex Smith, Oxford 2002, 7–17 (Journal of Semitic Studies Supplement 14).

M. Arbach, Une photographie inédite de l'inscription Ir 13, in: Raydān 7 (2001) 13–24.

A. Avanzini, Problemi storici della regione di al-Ḥadā' nei periodo preislamico e nuove iscrizione, in: P. Fronzaroli (ed.), Studi yemeniti, 1, Firenze 1985, 53–115, tav. 15–34 (Quaderni di Semitistica 14).

F. Bron, L'inscription qatabanite de la porte nord de Timna', in: Y. Avishur, R. Deutsch (eds), Michael. Historical, Epigraphical and Biblical Studies In Honor of Prof. Michael Heltzer, Tel Aviv, Jaffa 1999, 69–74.

F. Bron, J. Ryckmans, Une inscription sabéenne sur bronze provenant du temple du Maḥram Bilqīs à Mārib, in: Semitica 49 (1999) 161–169.

Ḥaǧrī Maǧmū': K. Maǧmū' buldān al-Yaman wa-qabā'ilihā li-M. b. 'A. al- Ḥaǧrī, ed. 'I. b. 'A. al-'Akwa', Bd. 1–4, Ṣan'ā' 1404/1984.

Hamdānī Ṣifa: K. Ṣifat Ǧazīrat al-'Arab li-'a. M. al-Hamdānī, ed. D.H. Müller, Bd. I. II, Leiden 1884–1891.

H. Hayajneh, Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik, Hildesheim 1998 (Texte und Studien zur Orientalistik, Bd. 10).

A. Jamme, Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqîs (Mārib), Baltimore 1962.

K. Kitchen, Documentation for Ancient Arabia. Part II. Bibliographical Catalogue of Texts, Liverpool University Press 2000.

Lisān: K. Lisān al-'Arab li-b. Manẓūr al-'Ifrīqī, Bd. 1–15, Beyrouth 1955–1956.

'abū Maḫrama Ta'rīḫ: K. Ta'rīḫ ṯaǧr 'Adan li-'a. M. 'A. aṭ-Ṭ. b. 'A. b. 'A. 'a. Maḫrama, ed. O. Löfgren, Uppsala 1950.

W.W. Müller, Das Altarabische der Inschriften aus vorislamischer Zeit, in: W. Fischer (Hg.), Grundriß der Arabischen Philologie, Band I: Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1982.

W.W. Müller, Ancient Castles Mentioned in the Eighth Volume of al-Hamdānī's Iklīl and Evidence of Them in pre-Islamic Inscriptions, in: Y.M. Abdallah (ed.), Al-Hamdānī, a Great Yemeni Scholar. Studies on the Occasion of his Millennial Anniversary, Sanaa 1986, 139–157.

N. Nebes, Die Konstruktionen mit /FA-/ im Altsüdarabischen. Syntaktische und epigraphische Untersuchungen, Wiesbaden 1995 (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Bd. 40).

N. Nebes, Šā'irum 'Awtar und das widerspenstige Kamel. Eine neue Widmungsinschrift für ḏū Samāwī aus der Oase von Mārib, in: N. Nebes (Hg.), Neue Beiträge zur Semitistik. Erstes Arbeitstreffen der Arbeitsgemeinschaft Semitistik in der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft vom 11. bis 13. September 2000 an der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Wiesbaden 2002, 123–138 (JBVO 5).

weist eine Notiz bei Strabo hin (Geographica 16, 4, 4), der zufolge die Gerrhäer Hadramawt in 40 Tage erreichen. Dieser Zeitraum von 40 Tagen von Gerrha ins Wadi Hadramawt ist aber nur dann realistisch, wenn der Weg über Qaryat al-Fa'w eingeschlagen wird.

N. Nebes, Zur Chronologie der Inschriften aus dem Bar'ān-Tempel, in: Archäologische Berichte aus dem Yemen 10 (2004) (im Druck).

N. Nebes, Herrscherinschriften und andere Dokumente zur politischen Geschichte Südarabiens, in: B. Janowski, G. Wilhelm (Hg.), Staatsverträge, Herrscherinschriften und andere Dokumente zur politischen Geschichte, Gütersloh 2005 (im Druck).

C. Robin, Les inscriptions d'al-Mi'sāl et la Chronologie de l'Arabie méridionale au IIIe siècle de l'ère chrétienne, in: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus des séances de l'année 1981, avril-juin, 315–339.

C. Robin, Les hautes-terres du Nord-Yémen avant l'Islam, T. 1: Recherches sur la géographie tribale et religieuse de Ḥawlān Quḍā'a et du pays de Hamdān, T. 2: Nouvelles inscriptions, Istanbul-Leiden 1982 (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 50).

C.J. Robin, À propos d'une nouvelle inscription du règne de Sha'rum Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen à l'époque des rois de Saba' et dhū-Raydān, in: N. Nebes (Hg.), Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag, Wiesbaden 1994, 230–249.

C.J. Robin, La Tihāma yéménite avant l'Islam: notes d'histoire et de géographie historique, in: Arabian Archaeology and Epigraphy 6 (1995) 222–235.

C. Robin, Le royaume ḥujride, dit "royaume de Kinda", entre Ḥimyar et Byzance, in: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus des séances de l'année 1996, avril-juin, 665–714.

C.J. Robin, Décompte du temps et souveraineté politique en Arabie mériodionale, in: F. Briquel-Chatonnet, H. Lozachmeur (éd.), Proche-Orient ancien. Temps vécu, temps pensé, Paris 1998, 121–151 (Antiquités sémitiques. III).

C. Robin, U. Brunner, Map of Ancient Yemen. Staatliches Museum für Völkerkunde. München 1997.

G. Ryckmans, Graffites sabéens relevés en Arabie Sa'udite, in: Revista degli Studi Orientali 32 (1957) 557–563.

Sab. Dict.: A.F.L. Beeston, M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans, Sabaic Dictionary (English–French–Arabic), Louvain-la-Neuve/Beyrouth 1982 (Publication of the University of Sanaa, YAR).

A.A. al-Sekaf (= as-Saqqāf), La géographie tribale du Yémen antique, Diss. Paris 1985.

A.H. Al-Sheiba (= aš-Šayba), Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften. Mit dem Versuch ihrer Identifizierung und Lokalisierung, in: Archäologische Berichte aus dem Yemen 4 (1987) 1–62.

A. Sholan (= Šu'lān), Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften, Hildesheim 1999 (Studien und Texte zur Orientalistik, Bd. 11).

A. Sima, Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung, Wiesbaden 2000 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Bd. 46).

Ṭab. Ta'rīḫ: K. Ta'rīḫ ar-rusul wa-l-mulūk li-M. b. Ǧarīr aṭ-Ṭabarī, edd. M.J. de Goeje u.a. Ser. I–III, Lugd. Bat. 1879–1901.

B. Vogt, W. Herberg, N. Röring, "Arsh Bilqis". Der Tempel des Almaqah von Bar'an in Marib, Sanaa 2000.

H. v. Wissmann, M. Höfner, Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabien, Wiesbaden 1953 (Abhandlungen der geistes- und sozial-wissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Jg. 1952. 4).

DAI Bar'an 2000-1

N. Nebes, Zur Chronologie der Inschriften aus dem Bar'ān-Tempel, in: Archäologische Berichte aus dem Yemen 10 (2004) (im Druck).
N. Nebes, Herrscherinschriften und andere Dokumente zur politischen Geschichte Südarabiens, in: B. Janowski, G. Wilhelm (Hg.), Staatsverträge, Herrscherinschriften und andere Dokumente zur politischen Geschichte, Gütersloh 2005 (im Druck).
C. Robin, Les inscriptions d'al-Mi'sāl et la Chronologie de l'Arabie méridionale au IIIe siècle de l'ère chrétienne, in: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus des séances de l'année 1981, avril-juin, 315–339.
C. Robin, Les hautes-terres du Nord-Yémen avant l'Islam, T. 1: Recherches sur la géographie tribale et religieuse de Ḥawlān Quḍā'a et du pays de Hamdān, T. 2: Nouvelles inscriptions, Istanbul-Leiden 1982 (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 50).
C.J. Robin, À propos d'une nouvelle inscription du règne de Sha'rum Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen à l'époque des rois de Saba' et dhū-Raydān, in: N. Nebes (Hg.), Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag, Wiesbaden 1994, 230–249.
C.J. Robin, La Tihāma yéménite avant l'Islam: notes d'histoire et de géographie historique, in: Arabian Archaeology and Epigraphy 6 (1995) 222–235.
C. Robin, Le royaume ḥujride, dit "royaume de Kinda", entre Ḥimyar et Byzance, in: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus des séances de l'année 1996, avril-juin, 665–714.
C.J. Robin, Décompte du temps et souveraineté politique en Arabie mériodionale, in: F. Briquel-Chatonnet, H. Lozachmeur (éd.), Proche-Orient ancien. Temps vécu, temps pensé, Paris 1998, 121–151 (Antiquités sémitiques. III).
C. Robin, U. Brunner, Map of Ancient Yemen. Staatliches Museum für Völkerkunde. München 1997.
G. Ryckmans, Graffites sabéens relevés en Arabie Sa'udite, in: Revista degli Studi Orientali 32 (1957) 557–563.
Sab. Dict.: A.F.L. Beeston, M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans, Sabaic Dictionary (English–French–Arabic), Louvain-la-Neuve/Beyrouth 1982 (Publication of the University of Sanaa, YAR).
A.A. al-Sekaf (= as-Saqqāf), La géographie tribale du Yémen antique, Diss. Paris 1985.
A.H. Al-Sheiba (= aš-Šayba), Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften. Mit dem Versuch ihrer Identifizierung und Lokalisierung, in: Archäologische Berichte aus dem Yemen 4 (1987) 1–62.
A. Sholan (= Šu'lān), Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften, Hildesheim 1999 (Studien und Texte zur Orientalistik, Bd. 11).
A. Sima, Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung, Wiesbaden 2000 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Bd. 46).
Ṭab. Ta'rīḫ: K. Ta'rīḫ ar-rusul wa-l-mulūk li-M. b. Ǧarīr aṭ-Ṭabarī, edd. M.J. de Goeje u.a. Ser. I–III, Lugd. Bat. 1879–1901.
B. Vogt, W. Herberg, N. Röring, "Arsh Bilqis". Der Tempel des Almaqah von Bar'an in Marib, Sanaa 2000.
H. v. Wissmann, M. Höfner, Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabien, Wiesbaden 1953 (Abhandlungen der geistes- und sozial-wissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Jg. 1952. 4).

КРИСТИАН ЖЮЛЬЕН РОБЕН
(*Париж*)

Династия Абӣкариба Ас‘ада

С момента своего «исхода из Аравии», когда арабы ринулись на завоевание Византийской и Сасанидской империй, они осознали, что мир, в котором они родились и выросли, ушел в прошлое. Ностальгия побудила их собирать стихи, легенды и героические сказания, не пренебрегая реальными событиями и анекдотами, позволяющими лучше понять коранический текст и обстоятельства Откровения.

В этой совокупности преданий некоторые крупные фигуры вышли на первый план: могущественные цари (такие, как наṣрид ал-Мунӡир), несчастные поэты (ḥуджрид Имру’ ал-Ḳайс) или злокозненные враги (эфиоп Абраха). Если несколько властителей Южной Аравии, которым приписывают завоевания отдаленных земель вплоть до Китая и Магриба, входят в число героев, достойных подражания, то самым знаменитым, несомненно, является Абӯ Кариб Ас‘ад (ḥимйаритское имя которого, Абӣкариб, было истолковано как *куния*), как это прекрасно показал Михаил Борисович Пиотровский в «Предании о химйаритском царе Ас‘аде ал-Камиле»[1].

Задача настоящей статьи, написанной в честь юбиляра, состоит в том, чтобы вернуться к историческому Абӣкарибу Ас‘аду и вообще к его династии[2]. Надписи позволяют достаточно точно датировать царствования ее представителей и осветить некоторые важнейшие аспекты их политики, в особенности религиозной. Вопреки тому, что часто утверждается, они ни в коей мере не свидетельствуют о начале упадка, проявлявшегося в ослаблении царской власти и сокращении населения крупных городских центров[3]. Совсем наоборот, они заставляют сделать вывод о том, что историческая личность Абӣкариба Ас‘ада благодаря весьма существенным реформам и преобразованиям наложила отпечаток на свою эпоху и что эволюция предания, героем которого он является, отражает значимость этой личности.

В первую очередь я представлю обзор совокупности доступных данных о всей династии Абӣкариба, основанной его прадедом Ӡамар‘алӣ Йухабирром. Затем попытаюсь проанализировать важнейшие аспекты религиозной и политической ситуации той эпохи.

---

[1] См. также: Piotrovskij 1986.

[2] Последний раз анализ хронологии этой династии, который можно существенным образом улучшить, был представлен в: Kitchen 1994, p. 219–220.

[3] Пиотровский 1977, с. 142.

© Кристиан Жюльен Робен, 2004

¹/₂ 19 — 11028

1. Хронология династии

Абйкариб является главным представителем династии, которая занимала ḥимйаритский трон в течение приблизительно 150 лет, на протяжении пяти поколений.

Ẓамар'алӣ Йухабирр (ок. 320 — 324?)

Основатель династии, Ẓамар'алӣ Йухабирр, известен по шести надписям, две из которых крайне фрагментарны. Автором одной из этих надписей, фрагмента Garb SF V, является сам правитель. Более или менее целые четыре надписи высечены в память о посвящениях в языческие храмы: либо в Большой Ма'рибский храм (Ir 31 и 32; Schmidt-Ma'rib 28 + Ja 668), либо в святилище 'Aṣтара и Саḥра (CIH 457). Содержание двух чрезвычайно фрагментарных текстов (Garb SF V и Graf 5) не известно. С религиозной точки зрения эти памятники являются политеистическими (ма'рибские посвящения) или не сообщают ничего (фрагменты).

Ни один из этих памятников не датирован. Однако эпоха и продолжительность правления Ẓамар'алӣ Йухабирра могут быть приблизительно установлены благодаря датированным надписям предыдущих и последующих царствований и последовательности пребывания у власти правителей. Работы по обустройству территорий были осуществлены в 434 г. ḥимйаритской эры (далее — ḥим.э.), т.е. в 324/325 г. н.э., в правление его сына Ṣa'рāна Йухан'има (Маṣна'ат Мāрийа), а другие работы того же типа — в 42[0] г. ḥим.э., т.е. в 310–311 гг. н.э., в правление одного из его предшественников — Шаммара Йухар'иша (YM 1695).

Следует добавить, что Ẓамар'алӣ Йухабирр унаследовал власть у царя Йāсирʸᵐ'а Йухан'има II, как это явствует из сравнения военных кампаний, о которых сообщают Ja 665 и Ir 32[4]. Наконец, правление Кариб'йла Ватāра Йухан'има, вероятно, вклинивается между царствованиями Шаммара Йухар'иша и Йāсирʸᵐ'а Йухан'има II.

Таким образом, Ẓамар'алӣ Йухабирр, скорее всего, занимал трон ближе к концу периода 420–434 гг. ḥим.э. Гипотетически я предлагаю 430–434 гг. ḥим.э., т.е. 320–324 гг. н.э.

Его правление отмечено новым победоносным походом в вāдӣ Ḥадрамаут (*S*[1]*rr*[n]; вероятно, следует огласовывать Сарйрāн, по-арабски ас-Сарйр), который, насколько это известно, привел к окончательному присоединению данного региона к Ḥимйаритскому царству.

От Ẓамар'алӣ Йухабирра в арабо-мусульманской исторической традиции сохранилось лишь причудливым образом искаженное имя: Йухбир зӯ-л-Мар'алӣ б. Йанкаф б. 'Абд Шамс (Иклйл 2, с. 97/3–5; Муштабих, № 438 и № 462).

Ṣa'рāн Йухан'им, сын Ẓамар'алӣ Йухабирра (ок. 324 — 375)

Царствование сына Ẓамар'алӣ Йухабирра упоминается в шести надписях, авторами которых являются частные лица. Одна из них, 'Абадāн 1, высечена в память о воинских подвигах и свершениях трех поколений влиятельной семьи из Восточного Йемена. Две другие сообщают о строительных работах: о сооружении (?) культового

[4] См.: Robin (à paraître).

места, посвященного «Владыке Неба» (YM 1950), а также о значительных мероприятиях по обустройству территории крепости (Маṣна'ат Мāрийа). Тремя последними надписями (Ja 669, 670 и 671 + 788) отмечены посвящения в Большой Ма'рибский храм. Эти памятники явно являются языческими, кроме, разумеется, YM 1950.

Две датированные надписи, которые не содержат упоминаний о правителе, вероятно, восходят к царствованию Ṣа'рāна Йухан'има. Это — MQ-Ma'rib 1, фрагмент посвящения, происходящий из Большого Ма'рибского храма, датированный 461 г. ҳим.э. (351–352 гг. н.э.), и MAFRAY-Ḥaṣī 5, датированный месяцем *mḏr'n* [3]65 г.[5], т.е. июлем 332±12 г. н.э.

Царствование Ṣа'рāна Йухан'има отличается своей продолжительностью, порядка 50 лет. Этот царь правил один в 434 г. ҳим.э. (324–325 гг. н.э.) (Маṣна'ат Мāрийа) и еще, как кажется, в месяце *ḏ-mḏr'n* 470 г. (июле 360 г.) ('Абадāн 1). В конце своего правления Ṣа'рāн Йухан'им разделил власть со своим сыном Малкйкарибом Йуха'мином (Ja 669, 670 и 671 + 788). По-видимому, он умер в весьма преклонном возрасте, поскольку его сын и наследник, все тот же Малкйкариб Йуха'мин, царствовал лишь как соправитель с одним или двумя своими сыновьями, как если он не был более способен брать на себя проведение военных операций. Передача власти наследнику, скорее всего, состоялась ок. 485 г. ҳим.э. (375 г. н.э.).

Согласно надписям, правление Ṣа'рāна Йухан'има ознаменовано первыми походами в Западную, Центральную и Восточную Аравию ('Абадāн 1) и прорывом Ма'рибской плотины, впервые упоминаемым в эпиграфике (Ja 671 + 788).

В период, когда он еще находился у власти, обнаруживается первое свидетельство поворота в сторону единобожия. В уже упоминавшейся надписи YM 1950, датированной месяцем *ḏ-ḫrfn* [..]3 г. ҳим.э., властители одного племени, обитавшего рядом с Саной (Ṣан'а'), сообщают о неком действии (очевидно, о сооружении культового места) в честь «Владыки Неба», бога, который представляется идентичным «Господину Неба» или «Господину Неба и Земли» монотеистических надписей следующего царствования. Не полностью сохранившаяся дата может быть восстановлена как [47]3 г. ҳим.э. или как [48]3 г. ҳим.э. (август [36]3 г. или [37]3 г. н.э.), так как упоминание соправителя, без сомнения, предполагает более позднюю датировку, чем у надписи 'Абадāн 1 (*ḏ-mḏr'n* 470 г. ҳим.э., июль 360 г.).

Ṣа'рāн Йухан'им, скорее всего, является тем омиритским правителем, к которому византийский император Констанций II (337–361) в 340-х годах отправил посольство, чтобы обратить его в христианство. Возглавивший это посольство Феофил Индус сообщает, что омиритский правитель оказал ему хороший прием и согласился построить три церкви за счет собственных средств, но что могущественная еврейская группировка противится более тесному союзу[6].

Знаток йеменского исторического предания ал-Ҳасан ал-Хамдāнй (ум. после 360 г. хиджры/971 г. н.э.) знает трех Ṣа'рāнов Йухан'имов, причем у него их имя передано как Тāрāн Йун'им[7]. Один из них, должно быть, являлся сыном основателя ҳимйарит-

[5] Начало эры племени мадҳй еще точно не определено. Известно лишь, что оно приходится на интервал между 44 и 21 гг. до н.э. Таким образом, можно остановиться на 33±12 г. до н.э.

[6] Robin 2003, p. 103–104.

[7] См.: Иклūл 2, с. 52 («ар-Ра'иш сын Илй Шадада родил Абраху зӯ-л-Манāра, Йун'има Тāрāна Аклаба, (таковы его) имя, прозвище и эпитет [*исм ва-лаḳаб ва-на'т*], а как будто бы он сказал: „Тāрāна Аклаба ал-Мун'има" — а это — Йун'им Старший — и Шуриҳбйла»), 99 («Науф Йухашḳир сын Шарāҳйла Нуфайла

ской династии, знаменитого ар-Рā'иша (Иклūл 2, с. 52; Муштабих, № 181), а другой — потомком зӯ Ру'айна (Иклūл 2, с. 351). На самом же деле кажется весьма вероятным, что ал-Хамдāнӣ удвоил здесь одно и то же лицо: его Ру'айнид, отец некоего Малкӣкариба Йуха'мина, может быть отождествлен с нашим царем[8]. В списке легендарных правителей Ибн Ḥабӣб также упоминает Са'рāна Йухан'има в несколько искаженном написании (Бāрāн Йухан'им)[9].

Малкӣкариб Йуха'мин, сын Са'рāна Йухан'има (ок. 375 — 400)

Хотя этот правитель упоминается только в трех текстах, всякий раз он оказывается автором (или, вернее, одним из авторов), чем резко выделяется на фоне предшествующих царствований, очень бедных царскими надписями. В Ja 856 (из Ма'риба) Малкӣкариб Йуха'мин, правивший вместе с одним из своих сыновей, имя которого утрачено (вероятно, с Абӣкарибом Ас'адом), увековечил строительство некоего сооружения *mkrb*, причем здесь встречается самое раннее упоминание этого термина. Этот *mkrb*, вне всякого сомнения, новый тип святилища (значение, которое обнаруживается также в эфиопском), получает наименование Барӣк (*Bryk*), означающее по-арамейски «Благословенный». В двух других надписях (Garb-Bayt al-Ashwal 2 и RES 3383) Малкӣкариб Йуха'мин вместе со своими сыновьями и соправителями Абӣкарибом Ас'адом и Зара''амаром Айманом отметил сооружение двух дворцов в Ẓафāре.

Точная продолжительность правления Малкӣкариба Йуха'мина не ясна. Единственная имеющаяся в наличии дата — это *ḏ-d'w*^{n} 493 г. ḥим.э. (январь 384 г. н.э.) (Garb-Bayt al-Ashwal 2 и RES 3383). Для предшествующего царствования последней надежной датой является *ḏ-mḏr'*^{n} 470 г. ḥим.э. (июль 360 г.), а первой датой для следующего — *ḏ-ḫrf*^{n} 543 г. ḥим.э. (август 433 г. н.э.) (Ry 534 + MAFY-Rayda 1). Однако в связи с тем, что Малкӣкариб Йуха'мин засвидетельствован лишь как соправитель одного своего сына, имя которого утрачено, или двух сыновей (Абӣкариба Ас'ада и Зара''амара Аймана), можно предположить, что он взошел на трон в преклонном возрасте и что его царствование было не очень долгим. Итак, я предлагаю период 375–400 гг.

Ja 856 не содержит никакой финальной инвокации, что необычно. Зато в инвокациях Garb-Bayt al-Ashwal 2 и RES 3383 упоминается «их господин, Господин Неба» (*mr'-hmw Mr' S*^{l}*my*^{n}). Эти памятники указывают на важную религиозную реформу: отныне правитель просит помощи у единого Бога, а не у многочисленных божеств. Насколько можно судить, эта реформа была радикальной и необратимой. После января 384 г. известна лишь одна надпись политеистического характера, найденная в селении в окрестностях Саны[10]. Большой Ма'рибский храм, последние датированные надписи которого восходят к предыдущему царствованию, отныне был заброшен, что, вероятно, произошло со всеми языческими святилищами.

родил Тāрāна Йун'има и Шуриḥбӣла Йанкафа»), 351 («зӯ Рамāниḥ, т.е. Тāрāн Йун'им ал-Абāз... родил... Малкӣкариба Йуха'мина сына Тāрāна Йун'има») и 389 (упоминание в стихотворении, приписываемом Ас'аду Тубба' б. Малкӣкарибу); Муштабих, № 181 («Йун'им Тāрāн Аклаб б. ар-Ра'иш»).

[8] Упоминание Тāрāна Йун'има и его сына Малкӣкариба Йуха'мина в генеалогии зӯ Ру'айна подводит к вопросу о том, не происходила ли династия Абӣкариба Ас'ада из этого рода.

[9] ал-Муḥаббар, с. 366.

[10] MAFY-Banū Zubayr 2, датированная 512 г. ḥим.э. (402–403 гг. н.э.).

Царь Малкйкариб известен у всех знатоков исторической традиции, но они сохранили только его имя и тот факт, что он является отцом Тубāна Абў Кариба Ас'ада. Лишь довольно поздние авторы, такие, как ал-Мас'ўдй[11], приписывают ему фантастические завоевания отдаленных земель в Центральной Азии и Китае, но здесь речь явно идет о преувеличениях, вторичных по своей природе. Его эпитет, Йуха'мин, сохранился у ал-Хамдāнй, если верно отождествление Малкйкариба Йуха'мина, сына Тāрāна Йуп'има из рода зў Ру'айн, с этим царем (Иклйл 2, с. 351).

[*Зара''амар Айман, сын Малкāкариба Йуха'мина*]

В инвокации надписи, увековечившей строительство его дворца в Зафāре, еврей Йахўдā' Йаккуф упоминает «своего господина Зара''амара Аймана, царя Саба', зў Райдāна, Хадрамаута и Йамната» (Garb-Bayt al-Ashwal 1). На основании этого не представляется возможным сделать вывод о том, что Зара''амар Айман наследовал своему отцу и правил один, поскольку прежде он был упомянут как соправитель своего отца (на втором месте после своего брата Абйкариба Ас'ада), а затем как соправитель своего брата Абйкариба Ас'ада. Кажется более вероятным, что еврей Йахўдā' старается обратить внимание на особые отношения, которые связывают его с одним из членов правящей семьи. Датировка этой надписи остается неясной: невозможно утверждать, восходит она к совместному правлению Зара''амара с его отцом Малкйкарибом или же с его братом Абйкарибом.

Была выдвинута гипотеза, что Зара''амар Айман удостоился такой чести, так как он был еврей. В этом нет ничего невозможного, но напрашиваются также и другие объяснения: Йахўдā' мог состоять на службе у этого царя, иметь с ним родственные связи[12] и т.п.

Имя Зара''амара Аймана не встречается у знатоков исторической традиции.

Абйкариб Ас'ад, сын Малкāкариба Йуха'мина (ок. 400 — 440)

Царь Абйкариб Ас'ад является основным представителем династии. В его правление обширные территории в Центральной и (вероятно) Западной Аравии были включены в состав Химйаритского царства. Ранее химйаритские правители вторгались на эти земли, как показывает надпись 'Абадāн 1, но не обладали там настоящей, прочной властью. С Абйкарибом Ас'адом эти взаимоотношения коренным образом изменились. Доказательство этого приведено в надписи Ry 509 (авторами которой являются Абйкариб Ас'ад и его сын Хаśśāн Йуха'мин), где зафиксировано присоединение конфедерации племен ма'адд^{ум}. Прежде всего, следует обратить внимание на локализацию этого памятника, высеченного в Центральной Аравии, в Ма'сал ал-Джумх, в 240 км к западу-юго-западу от ар-Рийāда (столицы Королевства Саудовская Аравия). Другая интересная особенность заключается в отсутствии всякого упоминания о военных действиях, как будто бы речь шла об обычной реорганизации. Наконец, нужно отметить, что правители в связи с этим изменили свою титулатуру:

[11] Мурўдж аз-захаб, II, с. 76; Les Prairies d'or, II, p. 384 (§ 1005).

[12] Отметим, что Йахўдā' носит царский эпитет и он не упоминает свой род (что свойственно принцам, но также и людям низкого происхождения).

к «царям Саба', ẕū Райдāна, Ḥадрамаута и Йамната» они добавляют «и арабов Ṭауда и Тихāмы» (*w-''rb Ṭwd w-Thmt*). Своим местоположением и содержанием надпись Ry 509 призвана показать, что Ḥимйар отныне властвует в Центральной Аравии.

Смысл новой титулатуры не вполне ясен. Слово *ṭwd* означает «гора». Было выдвинуто предположение, что оно относилось к горам, окаймляющим Красное море на севере Йемена. Однако локализация надписи наводит, скорее, на мысль, что Ṭауд — это ḥимйаритское название Наджда. Что касается *Thmt*, то это — название областей, вытянувшихся вдоль Красного моря, очевидно в области Джудды, но, может быть, и южнее, между Джуддой и Йеменом: оно, вероятно, служило наименованием Западной Аравии.

Царствование Абйкариба было исключительно долгим, так как Абйкариб уже разделил со своим отцом трон в месяце *ḏ-d'wⁿ* 493 г. ḥим.э. (январе 384 г. н.э.) и еще правил в месяце *ḏ-ḥrfⁿ* 543 г. ḥим.э. (августе 433 г. н.э.) (Ry 534 + MAFY-Rayda 1), т.е. 50 лет спустя.

По-видимому, эта последняя дата довольно далеко отстоит от конца его правления. В Ry 534 + MAFY-Rayda 1 царь и его соправители носят еще относительно краткую титулатуру «царей Саба', ẕū Райдāна, Ḥадрамаута и Йамната»: таким образом, этот текст, скорее всего, составлен раньше, чем надпись Ry 509, которая формально закрепляет присоединение ма'адд^{ym}а в Центральной Аравии. Однако данный аргумент не является столь решающим, как хотелось бы: ведь бывает, что частные лица не воспроизводят точно официальную титулатуру правителей.

Последний хронологический рубеж представлен граффити Ph 124 g, обнаруженным в окрестностях Наджрāна. В нем упоминаются шесть человек, принимавших участие в боевой операции (?) вместе с царем Ма'дйка[риб]ом в 549 г. ḥим.э. (439–440 гг. н.э.). Этот Ма'дйкариб, вероятно, является Ма'дйкарибом Йухан'имом, разделившим трон со своим отцом Абйкарибом Ас'адом (см. ниже). Поскольку о Ма'дйкарибе ничего не сообщается во время последующих царствований, напрашивается вывод, что Абйкариб Ас'ад мог править еще в 439–440 гг., если только в граффити не идет речь о военных действиях, связанных с переходом власти к наследникам[13].

Первая дата, относящаяся к правлению следующего царя — Шуриḥби'йла Йа'фура, сына Абйкариба Ас'ада, — это *ḏ-d'wⁿ* 564 г. ḥим.э., январь 455 г. (CIH 540/51–54). Гипотетически можно допустить, что Абйкариб Ас'ад был соправителем своего отца приблизительно с 375 по 400 г. и его индивидуальное правление длилось с 400 по 440 г.

Нужно отметить, что нет надписей, упоминающих царствования одного Абйкариба Ас'ада, о нем всегда сообщается как о соправителе брата и сыновей:

1) об Абйкарибе Ас'аде с братом (Зара''амаром Айманом) и тремя сыновьями (Ḥаśśāном Йу'мином, Ма'дйкарибом Йун'имом и Ḥугром Айфа'): Garb Minkath 1; Ja 520 и Garb Framm. 7, тот и другой частично восстановлены;

[13] Этот Ма'дйкариб упоминается некоторыми знатоками исторической традиции в странной легенде, повествующей об испытаниях, которые должен был выдержать Ḥассāн, сын Абӯ Кариба, чтобы взойти на трон. Одно из этих испытаний состояло в том, чтобы убить первого встречного, войдя в Ṭаймāн (поселение в 20 км к юго-востоку от Саны). Так вот, первым, кто попался Ḥассāну на пути, был его брат Ма'дйкариб (Иклйл 8, с. 71; Мулӯк Ḥимйар, с. 137; Аḫбāр 'Убайд, с. 494).

2) об Абйкарибе Ас'аде, правившем совместно с четырьмя сыновьями (Ḫаśśā[н]ом [Йу]ха'мином, Ма'дйкарибом Йухан'имом, Марṣад'илāном Йаз'аном и Шуриḫби'йлем Йа'фуром): Ry 534 + MAFY-Rayda 1;

3) об Абйкарибе Ас'аде как о соправителе Ḫаśśāна Йуха'мина: Ry 509.

Это пребывание у власти соправителей может быть истолковано двояко. Возможно, они указывают на относительно позднее восшествие на трон, что мы уже предположили в случае с Малкйкарибом Йуха'мином. В равной мере они могут отражать новую организацию царской власти, связанную с созданием территориальных наместничеств («вице-королевств»), таких, например, как Саба', Ḫадрамаут, Центральная Аравия и Западная Аравия.

О религиозной политике этого царствования надписи сообщают несколько новых данных. Одна из этих надписей, царская, но, к сожалению, фрагментарная (Ja 520/5), впервые приводит одно из имен, которым называли Бога, — Раḫ[мāнāн], воспринятое затем всеми монотеистами Аравии, включая мусульман (в форме ар-Раḫмāн).

В надписи Ry 534 + MAFY-Rayda 1, составленной властителями племени, обитавшего рядом с Саной, увековечено строительство культового места, обозначенного снова (как и в Ja 856 из Ма'риба) термином *mkrb* и также носящего имя Барйк (стк. 1 и 5). Поскольку она заканчивается ритуальным еврейским восклицанием «шалом» (*s*[1]*lwm*), можно сделать вывод, что *mkrb* представляет собой ḫимйаритский термин для обозначения синагоги, даже если нельзя исключать употребления слова в других смыслах. Эта гипотеза подкрепляется тем, что существительное *mkrb* встречается также в надписи еврея по имени Йахӯдā' Йаккуф, правда в неясном контексте.

У арабо-мусульманских знатоков исторической традиции царь Абйкариб выступает как крупный деятель аравийской древности. М.Б. Пиотровский детально разобрал, каким образом предание о нем сложилось в умаййадскую эпоху, когда йеменитьі пытались влиять на направление политики Халифата, собрав вокруг себя обширную коалицию племен[14]. В этой статье достаточно отметить, что Абйкариб — один из редких ḫимйаритских царей, полное имя которого (имя и эпитет) и, более того, генеалогические связи с предшественником и преемником сохранены традицией. С религиозной точки зрения значимость Абӯ Кариба проявилась трижды: он верил в Муḫаммада до его пришествия, что побудило его пощадить Йаṣриб; он отказался разграбить мекканское святилище и, наоборот, исполнил там все обряды, став в довершение всего первым, кто покрыл Ка'бу прекрасной тканью; наконец, он насадил иудаизм в Йемене[15].

Ḫаśśāн Йуха'мин, сын Абйкариба Ас'ада (ок. 440 — 445)

Ḫаśśāн Йуха'мин, вероятно, унаследовал власть у своего отца и царствовал некоторое время, имея в качестве соправителя своего брата Шуриḫби'йла Йа'фура. Так, авторами фрагментарной надписи выступают «[X X] и его брат Шуриḫби'йл Йа'[фур, цари Саба]', зӯ Райдана и т.д.» (Garb Framm. 3). Наиболее вероятным восстановлением утраченного имени, если основываться на длине лакуны и очевидной иерархии

[14] Crone 1994.

[15] de Prémare 2000, p. 272f.

соправителей Абйкариба Ас'ада, будет *Ḥs*[3]*n Yh'mn*. Другой фрагмент, с еще большими лакунами, несомненно принадлежит тем же авторам: «[Хаśśān Йуха'мин] и его [брат] Шуриҳби'йл Йа'ф[ур, цари Саба', зӯ Райдана, Ҳадрамаута, Йамната и их арабов в] Ṭауд[ум]'е и Тихāме» (RES 4105).

В правление своего отца Абйкариба Ас'ада Хаśśān Йуха'мин действительно занимал видное место, которое превращало его в естественного наследника трона. В Ry 509 из Ма'сал ал-Джумҳ в Центральной Аравии лишь он один упомянут как соправитель, тогда как другие надписи, восходящие к этому царствованию, перечисляли всех сыновей царя (постоянно ставя Хаśśāна Йуха'мина на первое место). Можно добавить, что Хаśśān Йуха'мин был, вероятно, единственным из них, кто дошел до Центральной Аравии: Абйкариб Ас'ад находился тогда в слишком преклонном возрасте, порядка 70 лет или более, чтобы предпринять подобный поход. Отсюда следует, что Хаśśān Йуха'мин являлся тем принцем, который проводил в жизнь политику экспансии в Центральной Аравии.

Условно я определил продолжительность его царствования в пять лет, с 440 по 445 г.

Арабо-мусульманские знатоки исторической традиции отводят Хаśśāну Йуха'мину, называемому Ҳассāн, некоторую роль. Его имя связывается с войнами в Центральной Аравии, точнее в Йамāме, против племен ṭасм и джадйс[16]. Он упоминается как один из создателей Киндитского царства в Центральной Аравии наряду с Тубба' (часто употреблявшееся прозвище Абйкариба Ас'ада) или с Тубба' б. Карибом[17].

Шуриҳби'йл Йа'фур, сын Абйкариба Ас'ада (ок. 450 — 463)

Четыре надписи восходят к этому царствованию. Автором двух из них является сам царь. Первая (CIH 540), датированная месяцем *ḏ-d'w*^{m} 565 г. ҳим.э. (январем 456 г.), представляет собой подробный отчет о работах по восстановлению Ма'рибской плотины, которые продолжались более года. Вторая (Garb Sh. Y.), увековечившая возведение дворца Харг (*Hrg*^{m}) в Ẓафāре и вскользь упоминающая ремонт той же плотины (стк. 10–12), датирована месяцем *ḏ-'l*^{n} 572 г. ҳим.э. (декабрем 462 г.).

Два других текста сообщают о сооружении дворца частными лицами: Dostal 1, датированная месяцем *ḏ-mbkr*^{n} 566 г. ҳим.э. (маем 456 г.), и фрагмент CIH 45 + 44.

Преемник Шуриҳби'йла Йа'фура, именуемый Шуриҳби'йл Йаккуф, никогда не приводит своего отчества, что заставляет предположить, что он основал новую династию. Надписи, в которых он упоминается, датированы месяцами *ḏ-ḫlt*^{n} [57]5 г. ҳим.э., февралем 466 г. (CIH 644), *ḏ-ṯbt*^{n} 580 г. ҳим.э., апрелем 470 г. (Ẓафāр-Худайд 1), и *ḏ-ḥrf*^{n} 582 г. ҳим.э., августом 472 г. (RES 4919 + CIH 537)[18]. Таким образом, смена династии произошла до 575 г. ҳим.э.

По этому поводу стоит отметить, что две надписи, CIH 6 и Ry 520, которые датированы соответственно месяцами *ḏ-ḥrf*^{n} 573 г. ҳим.э. (августом 463 г.) и *ḏ-d'w*^{n} 574 г. ҳим.э. (январем 465 г.), не содержат упоминаний правителя, как если бы они

[16] Та'рйҳ ар-русул, I, с. 880–881, 914–915; History of al-Ṭabarī, V, p. 121–124, 183–184 etc.

[17] Olinder 1927, p. 38–39.

[18] В CIH 644 у царя нет соправителей: таким образом, этот текст является, по-видимому, более ранним, чем RES 4919 + CIH 537, что подтверждает восстановление [57]5 г.

были высечены в тот момент, когда царский престол оставался незанятым или оспаривался. Вообще говоря, кажется вероятным, что надписи появлялись в большем количестве на рубеже двух царствований, что подтверждается для датированных надписей. Это явление может объясняться стремлением знати закрепить свое положение и свою автономию, пока государство ослаблено. Однако в каждой конкретной надписи отсутствие упоминания правителя не всегда означает, что трон не был занят[19].

Надпись RES 5085 (*z-ṣrbⁿ* 560 г. ҳим.э., октябрь 450 г.) также представляет интерес с точки зрения формуляра: она упоминает ҳимйаритских царей (во мн.ч.), не называя их по именам. Не исключено, что она восходит к периоду, когда к власти стремилось несколько претендентов.

Эти различные сведения заставляют поместить царствование Шуриҳби'йла Йа'фура между 450 и 463 гг.

Данный правитель является единственным представителем династии, имя которого не сохранилось у арабо-мусульманских знатоков исторической традиции, если только его не следует отождествить с Йа'фуром некоторых фантастических сказаний. Аṭ-Ṭабарй[20], например, сообщает, что ҳуджридский правитель ал-Ҳāриṣ б. 'Амр, добившись от сасанидского владыки Қубāẓа (488–496 и 499–531 гг.) передачи под свой контроль правого берега Евфрата в его нижнем течении, написал Тубба', чтобы побудить его пойти войной на Персию. Тубба' отправил своего племянника Шаммара ẓў-л-Джанāҳа воевать с Қубāẓом, который потерпел поражение и был убит, в то время как его (т.е. Тубба'. — *Примеч. пер.*) сын Ҳассāн покорял Согдиану, а другой его племянник, Йа'фур, захватывал Константинополь прежде, чем быть разгромленным у Рима. Хронологические рамки этого сказания — начало VI в. (на что указывает упоминание ал-Ҳāриṣа и Қубāẓа), но отсылка к Тубба' и его сыну Ҳассāну возвращает нас к царю Абйкарибу. Таким образом, нельзя утверждать, является Йа'фур этой легенды Шуриҳби'йлом Йа'фуром или Ма'дйкарибом Йа'фуром (519–522).

С другой стороны, можно поставить вопрос, не следует ли отождествить Шуриҳби'йла Йа'фура со злодеем 'Амром арабо-мусульманских преданий. Ҳассāн, сын Абйкариба, как утверждают, ходил в дальние походы до тех пор, пока в Ираке ҳимйаритская армия не отказалась за ним следовать, подстрекая его брата 'Амра захватить власть. 'Амр ответил согласием и убил Ҳассāна, но в результате был поражен хронической бессонницей[21]. В сюжетной линии этого сказания, вероятно, сохранился исторически достоверный факт, а именно убийство Ҳассāна его братом и преемником. Для подтверждения этого предположения можно напомнить, что арабо-мусульманскую традицию отличает исключительно хорошая осведомленность о правлении Абйкариба и его династии в целом; кроме того, угасание династии после Шуриҳби'йла Йа'фура свидетельствует о политическом кризисе.

[19] См. пометки «без упоминания царя» в табл. I.

[20] Та'рйҳ ар-русул, I, с. 889–890; History of al-Ṭabarī, V, p. 140–143 etc.

[21] Та'рйҳ ар-русул, I, с. 914–917; History of al-Ṭabarī, V, p. 140–143, 183–188.

2. Ḥимйаритская империя под властью династии Абӣкариба Ас'ада

А. Религиозная реформа

Надписи указывают, что Ḥимйаритское царство полностью и окончательно отвергло политеизм в царствование Малкӣкариба Йуха'мина, правившего совместно с двумя своими сыновьями, Абӣкарибом Ас'адом и Зара''амаром Айманом.

Мусульманская историческая традиция сохранила имя одного Абӣкариба. В этом нет никакого противоречия, если допустить, что Малкӣкариб, будучи в преклонных летах, предоставил свободу действий своему старшему сыну. Как бы то ни было, но важная и радикальная религиозная реформа осуществляется в тот период, когда Абӣкариб уже находился на престоле.

Мы располагаем некоторыми сведениями о характере этой реформы. Прежде всего, она была успешно завершена, по-видимому, за очень короткое время, в пределах нескольких десятилетий около 380 г. Она привела к коренным изменениям: прежние божества были отвергнуты, языческие святилища заброшены и новые культовые места (обозначаемые ранее неизвестным термином *mkrb*) сооружены. Эти перемены оказались окончательными, поскольку отправлявшиеся ранее культы в дальнейшем не засвидетельствованы.

Влияние извне было совершенно очевидным. Некоторые культовые места (*mkrb*) и сам Бог носят имена, заимствованные из арамейского языка. Более того, значительная часть новой религиозной терминологии пришла из арамейского, а отдельные слова (*аминь* и *шалом*) — из древнееврейского[22].

Открытым остается вопрос о том, каким именно был характер религиозной реформы. Два объяснения представляются возможными. Новая религия могла оказаться итогом внутреннего развития культа местного божества, которое, вероятно, приобрело статус верховного бога, а затем — Единого Бога либо в результате вмешательства радикального реформатора, либо вследствие медленной эволюции, обеспечившей переход от язычества к генотеизму и, далее, к монотеизму. Согласно второму объяснению, следует признать, что произошло обращение в одну из основных религий Ближнего Востока: иудаизм, иудеохристианство, христианство или манихейство.

Гипотеза, в соответствии с которой религия, введенная Малкӣкарибом Йуха'мином и его соправителями, явилась результатом внутреннего развития, была поддержана А.Ф.Л. Бистоном. Прежде всего он оспорил точку зрения, основанную на арабской исторической традиции, согласно которой Ḥимйар обратился в иудаизм: анализируя предание об обращении Абӯ Кариба, приведенное аṭ-Ṭабарӣ, он счел возможным утверждать, что слово «иудаизм» появляется не в основном его тексте (который воспроизводит источник, использованный аṭ-Ṭабарӣ), а лишь в заключении, отражающем мнение самого аṭ-Ṭабарӣ. Новая религия, скорее всего, представляла собой самостоятельное монотеистическое течение, названное Бистоном «раḥманизм», существование которого следовало допустить, чтобы объяснить, откуда взялись *ḥанӣфы* в Аравии времен Муḥаммада, в VII в. Однако, если она и отличалась от иудаизма, Бистон допускал, что она была проникнута «еврейским настроем»[23].

[22] Robin 2000.

[23] Beeston 1984a; 1984b, p. 276f.; Rippin 1991.

Можно выдвинуть и другие аргументы. Мы располагаем пятьюдесятью надписями, позволяющими познакомиться с ҳимйаритской религией в период между отказом от политеизма и аксумской оккупацией. В восьми из них автором является правитель; другие составлены частными лицами. Среди надписей последней категории пять несомненно являются еврейскими[24], а в десяти проявляется склонность к иудаизму, на что указывают употребление ритуальных выражений, таких, как «аминь» (*'mn*)[25] или «шалом» (*s¹lwm*)[26], упоминание «Господа евреев» (*Rb-yhd*, *Rb-hd* и *Rb-hwd*)[27] и издание распоряжений в пользу евреев[28]. Другие надписи, составленные частными лицами (в количестве 26), используют лишь неопределенные выражения и лаконичные формулы.

Более всего удивляет то, что все надписи, составленные правителями, также являются нейтральными и неопределенными и не содержат ни одного термина или малейшего намека, которые позволили бы установить характер их монотеизма. Согласно гипотезе Бистона, два религиозных течения соперничали друг с другом: ҳимйаритский монотеизм, который отказывался подгонять себя под ранее существовавшую религию и пользовался официальным статусом, с одной стороны, и иудаизм, который исповедовало меньшинство населения, — с другой.

Можно также утверждать, что Ҳимйар обратился в иудаизм. Иноземные авторы в один голос называют Ҳимйар иудейским. К числу этих авторов относятся агиографы, писавшие о мученичестве Азкйра (на геэзе) или о христианах Наджрāна (на сирийском или греческом), византийские историки, интересовавшиеся событиями VI в. в Аравии, или мусульманские ученые, которые собрали предания, относящиеся к Аравии эпохи *джāхилийи*[29]. На основании единодушного свидетельства очень разных источников существование ҳимйаритского иудаизма представляется бесспорным в правление Йӯсуфа Ас'ара Йас̲'ара (522–525/530); лишь арабские источники утверждают это для предшествующего периода, между царствованиями Абӯ Кариба и Йӯсуфа.

Единственной религией, влияние которой можно обнаружить в надписях, является иудаизм. Впрочем, если ранее были известны лишь две явно еврейские надписи, то за последнее время открыты три новые надписи этого типа[30]. Самая показательная из них — это, конечно же, Ẓафāр-Худайд 1, авторы которой были по происхождению ҳимйаритами, на что указывает упоминание их многочисленных родовых имен: это первое эпиграфическое свидетельство того, что ҳимйариты обратились в иудаизм в Южной Аравии.

По-видимому, неопределенный и нейтральный характер религиозных формул, который обнаруживается в царских надписях и в большинстве надписей, составленных

---

[24] DJE 23, фрагмент — составленный еврейским письмом и на древнееврейском языке — списка 24 священнических чередов, который также содержится в I Хр. 24, 7–18; Garb Bayt al-Ashwal 1; Ẓафāр-Худайд 1; Наве-Ҫу'ар 24 (на арамейском); Наве-билингва (арамео-сабейская).

[25] См. Ry 513/5, Ir 71/6, Ry 403/6 и Müller-Tan'im.

[26] См. Ry 534 + Rayda 1/5, Robin-Najr 1/3, Ir 71 (вторая монограмма, считая справа).

[27] CIH 543, Ja 1028 и Ry 515.

[28] MAFRAY-Ḥaṣī 1.

[29] См.: Beaucamp et alii 1999 и Robin 2003.

[30] Ẓафāр-Худайд 1; Наве-Ҫу'ар 24 (на арамейском); Наве-билингва (арамео-сабейская).

частными лицами, не является столь решающим аргументом, как можно было прежде полагать.

На двуязычной (арамейский и сабейский) надгробной стеле, опубликованной в 2003 г. Йосефом Наве, вызывает удивление то, что иудаизм недвусмысленно представлен в арамейском тексте, дающем отсылку к Библии, но при этом не отражен в сабейском.

Религиозное словоупотребление надписей времен правления Йӯсуфа, высеченных царскими военачальниками в области Наджра̄на, остается весьма нейтральным при том, что иудаизм был официальной религией и царь проводил политику принудительного обращения в эту веру. Данные памятники не содержат ни одной библейской цитаты, ни одного упоминания об Израиле и не снабжены никаким еврейским символом. В них встречаются всего два упоминания «Господа евреев» и одно — слова *аминь*. Можно утверждать, что в правление Йӯсуфа и в течение всего предшествующего монотеистического периода словоупотребление оставалось практически тем же самым.

Отсюда следует вывод, что ḥимйариты в своих надписях почти никогда не выражали свои религиозные взгляды либо из-за того, что им не хватало слов, либо потому, что их убеждения относились к сфере частной жизни.

Можно было поставить вопрос, не следует ли попытаться отыскать нейтральность ḥимйаритского монотеизма в неортодоксальном иудаизме. В самом деле, довольно странно, что Талмуд и раввинистическая литература совсем ничего не знают о еврейских общинах Аравии. Это подозрение в инакомыслии не кажется обоснованным: тексты, сообщающие о наджра̄нских гонениях, неоднократно упоминают евреев и раввинов из Тивериады, что подразумевает поддержание отношений с официальным иудаизмом.

Кроме того, обе надписи, недавно опубликованные Йосефом Наве (Наве-Ṣу‘ар 24 и Наве-билингва), в подтверждение того, что уже было отмечено на некрополе Бет Ше‘арӣм, показывают, что ḥимйаритские иудеи желали быть похороненными в Земле Израилевой, и тем самым свидетельствуют о том, что ḥимйаритский иудаизм вовсе не был изолирован.

В то же время нельзя исключать, что предусматривались различные степени обращения в иудаизм. Две дарственные надписи, высеченные на двух гранях столба из Афродисиады в Малой Азии (которые, вероятно, восходят к IV и V вв.)[31], выделяют в общине помимо евреев нескольких прозелитов (προσήλυτος) и многочисленных «богобоязненных» (θεοσεβής). Прозелиты — это, разумеется, обращенные в иудаизм, которые признают все ограничения, налагаемые Законом Моисеевым, тогда как «богобоязненные», скорее всего, являются сочувствующими, приверженцами идеалов иудаизма. Пересаженное на йеменскую почву, это различие, по-видимому, объясняет, почему надписи столь бесцветны в религиозном отношении: представители аристократии, которым мы обязаны большинством текстов, принадлежали скорее к категории «богобоязненных», нежели прозелитов.

Гипотеза о двух ступенях обращения в иудаизм, возможно, нашла отклик в мусульманских преданиях. Термин *тахаввада*, «стать иудеем», гораздо чаще употреб-

[31] Reynolds–Tannenbaum 1987; Chianotis 2002, новой интерпретации которого я следую (о необходимости признать наличие двух текстов и относительно датировки).

ляется по отношению к царю Йўсуфу, чем к Абў Карибу[32]. Последнему ставится в заслугу главным образом то, что он привел двух раввинов из дальнего похода, благодаря чему было положено начало иудаизму в Йемене. Впрочем, отметим, что Йўсуф носит еврейское имя в отличие от Абйкариба.

Однако встречающиеся в надписях антропонимы не являются надежным критерием для определения того, кто был евреем и кто им не был. В странах Средиземноморья большинство евреев носило иностранные имена, чаще всего греческие; лишь немногие среди них упоминают еврейское имя, которое у них тоже было. Поэтому неудивительно, что в Аравии имена оказываются ҳимйаритскими или арабскими. Это один из признаков, который заставляет предполагать, что для многочисленных общин диаспоры интеграция в местные социальные структуры была очень значительной; вероятно, эта интеграция проявлялась еще сильнее, когда существовало влиятельное движение прозелитизма.

Точка зрения, на которой мы в конечном счете останавливаемся, сводится к тому, что религиозная реформа, проведенная Малкйкарибом и его сыновьями, заключалась, по-видимому, в обращении Ҳимйара в иудаизм. Новые открытия текстов, раскрывающих степень влияния ҳимйаритского иудаизма, подкрепляют это мнение. Однако речь, возможно, шла об иудаизме, обладавшем значительным своеобразием по сравнению с тем, что предписывает Талмуд; в поздней античности религиозные категории еще не окостенели и иудаизм мог являть весьма различные лики. С другой стороны, вероятно, только часть знати обратилась в эту веру, большинство же ограничилось тем, что просто отнеслось к ней с симпатией, чем объясняется нейтральный тон многих текстов.

Б. Характер государства

Общепринятое мнение гласит, что царская власть была слабой и в империи отсутствовало подлинное единство. Оно основывается на убеждении в том, что основные племена ревниво относились к своей независимости и их властители (*қайли*) могли противостоять центральной власти, как это наблюдается в течение всей мусульманской истории до XX в. Увеличение числа соправителей начиная с царствования Абйкариба, казалось бы, подтверждает эту слабость власти.

Считалось также, что непрочность Ҳимйара была связана с давлением арабских кочевников на южноаравийское оседлое население и со все более массовым использованием арабских вспомогательных отрядов во внутренних и внешних конфликтах.

Но главный аргумент состоял в неспособности Ҳимйара дать отпор аксўмским вторжениям в VI в.

Нелегко занять определенную позицию в этом вопросе, учитывая бедность эпиграфических источников. Хорошим критерием мог бы послужить анализ того, как тот или иной деятель достигал положения қайла, *қийāлата*. Если царь назначал қайлей и смещал их по истечении ограниченного срока действия их полномочий, то можно быть уверенным, что центральная власть осуществляла жесткий контроль над всей территорией страны. Если же, наоборот, қийāлат являлся наследственным, есть основания полагать, что трон был слабым. Однако, хотя известно, что по крайней

[32] Robin 2003.

мере одни қайли назначались и отзывались царем во второй половине III в. (ал-Ми'сāл 5), а у других власть передавалась от отца к сыну в IV в. ('Абадāн 1), эти данные представляются слишком фрагментарными для того, чтобы сделать какой-либо вывод.

Если обратиться за ответом к мусульманским преданиям, или, точнее говоря, к ал-Хамдāнӣ, то выясняется, что правитель, по-видимому, не рассматривался просто как *primus inter pares*. Царская династия бесспорно обладала значительным авторитетом. Кроме того, прочность власти обеспечивалась правилами ее передачи, которые были предельно ясными: нормой являлось ее наследование; на тот случай, когда естественного наследника не было или ему было отказано в наследстве, существовало собрание қайлей (очевидно, в составе 80 членов, сабейцев и ҳимйаритов, а затем — одних лишь ҳимйаритов), которое могло выбрать из своей среды нового правителя[33].

Однако это впечатление стабильности не согласуется с трагическим концом многих царей, которые гибли от рук убийц. В интересующий нас период такая судьба постигла Ҳассāна, устраненного своим братом 'Амром, а также Абӯ Кариба. Я хотел бы внимательнее рассмотреть это последнее предание. Согласно 'Убайду б. Шарйе ал-Джурхумӣ[34], которому следуют ал-Хамдāнӣ и Нашвāн, Абӯ Кариб был убит своим собственным народом за то, что ввел иудаизм. В какой мере данное сообщение основывается на исторических фактах? Для подтверждения его историчности можно напомнить, что арабо-мусульманская традиция особенно хорошо осведомлена о династии Абӯ Кариба.

Однако нельзя исключать, что речь идет об эволюции посткоранического предания. Известно, что в Коране дважды упоминается «народ Тубба'» среди народов, которые отвергли пророков[35]. Ничто не указывает на то, что для Муҳаммада и его современников Тубба' служил прозвищем Абӯ Кариба или правителей Йемена. Лишь позднее, возможно в умаййадскую эпоху, это отождествление состоялось. Его преимущество заключалось в том, что оно позволило йеменитам связать свою отечественную историю со Священной историей и тем самым использовать эту историю для оформления политических притязаний. Отождествление Тубба' с Абӯ Карибом могло привести к выводу о том, что ҳимйариты отвергли Абӯ Кариба и убили его.

Те сведения, которые могут быть использованы, касаются исключительно религиозной политики и организации завоеваний в Центральной Аравии.

Прежде всего отметим, что Малкйкариб и его сыновья сумели навязать в течение очень короткого времени религиозную реформу всей знати и всем племенам, что указывает на обладание реальной властью и, несомненно, средствами принуждения. Проведение в жизнь подобной реформы предполагает наличие сильного и централизованного государства.

В вопрос об организации новых завоеваний в Центральной Аравии три надписи способны внести некоторую ясность. Прежде всего речь идет о двух царских надписях, высеченных в Ма'сал ал-Джумҳ в Центральной Аравии. Первая из них, Ry 509, авторами которой являются Абйкариб Ас'ад и его сын Хаććāн Йуха'мин, была

[33] Иклӣл 2, с. 114–115.
[34] Аҳбāр 'Убайд, с. 493–494; Иклӣл 8, с. 72 и 220–221; Мулӯк Ҳимйар, с. 138.
[35] XLIV, 36/37; L, 13/14.

рассмотрена выше: напомню, что в ней зафиксировано присоединение ма'адд^{ум}а, которое, вероятно, было осуществлено мирным путем после 433 г. н.э. Автором второй надписи, Ry 510, датированной месяцем *ḏ-qyẓ*^{n} 631 г. ҳим.э. (июнем 521 г.), является царь Ма'дйкариб (Йа'фур); она составлена в память о подавлении арабского восстания. Две эти надписи упоминают кинду (*Kdt*) среди вспомогательных отрядов, которые поддерживали царские племена (саба' и ҳадрамаут в Ry 509; саба', ҳимйар, ҳадрамаут и др. в Ry 510), но не отводят кинде особую роль; ведь в них не говорится ни о каком киндитском правителе, ҳуджридском или ином. Наконец, в них нет ни малейшего намека на официальный монотеизм Ҳимйара, как если бы религиозная реформа не распространялась на новые территории.

Третья надпись была открыта в окрестностях Наджрāна. Она гласит: «Ҳуджр, сын 'Амра, царь киддат» (*Ḥgr bn 'mr*^{m} *mlk Kdt*)[36]. Значение этого документа состоит в том, что он устанавливает историчность основателя ҳимйаритской династии и подтверждает, что тот отстаивал свое право на царский титул.

Противоречие читается между строк. Ҳимйаритский царь считает себя единственным носителем власти и низводит своих киндитских соперников до положения анонимных исполнителей; различие в социальном статусе между ҳимйаритскими и киндитскими правителями, конечно, было большим. С другой стороны, киндитские правители отстаивали свое право на титул «царя», что свидетельствует о стремлении к самостоятельности и желании занять более престижное положение, даже если этот титул и не всегда предусматривал обладание значительной властью в том случае, когда его носили простые вожди племен.

Арабские предания, вероятно киндитского происхождения, превосходно отражают противоречие между ҳимйаритской и киндитской точками зрения. Они сообщают, как некий Ҳуджр (по прозвищу Ākил ал-мурāр, «Поедатель *мурāра* [горького колоквинта]»), потомок киндитского правителя, которому пришлось бежать из Ҳадрамаута, был поставлен ҳимйаритским правителем (либо Тубба', либо Ҳассāном б. Тубба', либо Тубба' б. Карибом) во главе племени ма'адд и стал первым киндитским царем Центральной Аравии.

Наследником Ҳуджра был 'Амр ал-Маққўр, прозвище которого (означающее «Приневоленный») указывает на постигшую его неудачу. Он был наместником Ҳассāна б. Тубба', затем его брата 'Амра, который выдал за него свою племянницу. Предание сообщает, что он был убит в бою.

Самым ярким было царствование ал-Ҳāриṣа, сына 'Амра, которое длилось 40 или 60 лет. Некоторые версии предания повествуют о том, что ҳимйаритский правитель Тубба' б. Ҳассāн поручил ему урегулирование междоусобных распрей в племени бакр б. вā'ил и что он сумел восстановить там согласие. По другим версиям, ал-Ҳāриṣ был отправлен с большим войском Тубба' б. Ҳассāном в Страну ма'аддитов, а оттуда — на ал-Ҳйру. Еще одна группа версий указывает, что ал-Ҳāриṣ обязан своей властью ҳимйаритскому правителю Сухбāну б. зў Ҳарбу или сасанидскому властителю Ḳубāзу.

Даже если мусульманская историческая традиция отражает скорее киндитскую точку зрения, она тем не менее содержит детали, освещающие подлинные социальные отношения. Речь идет, например, о негодовании, которое охватило ҳимйаритов

[36] Gajda-Ḥujr.

из-за решения царя ʻАмра выдать свою племянницу замуж за простого киндитского вождя[37].

В целом кажется, что с нашим представлением о ḥимйаритской политике в Центральной Аравии связано недоразумение*. Но это недоразумение не отражает реальные отношения между Ḥимйаром и киндой. Сасанидские и византийские правители относились с таким же пренебрежением к своим арабским вассалам, наṣридским и джафнидским, тогда как эти последние претендовали на царское достоинство. По сути дела, констатация того, что Ḥимйар был в состоянии вести в Центральной Аравии ту же политику, что и Персия в правобережной части Нижнего Приевфратья, а позднее Византия на Ближнем Востоке, является скорее признаком амбициозного государства, проводящего завоевательную политику, чем царства, клонящегося к упадку.

В конечном счете аргументы, подтверждающие существование сильной ḥимйаритской власти, кажутся более убедительными, чем те, которые указывают на кризис, по крайней мере в период царствований Малкйкариба Йуха'мина и Абйкариба Ас'ада. Но не исключено, что движение по кривой, ведущей к упадку, началось сразу же после кончины Абйкариба. Надписи, которые становятся все более редкими, свидетельствуют о том, что царская власть часто переходила от одной ветви к другой. Иноземные источники сообщают, что Аксӯм распространил свое влияние на Аравию до такой степени, что поставил там у власти — очевидно, в 519 г. — правителя-христианина Ма'дйкариба (Йа'фура), в то время как у христианства появлялись новые приверженцы в периферийных районах. Арабские предания говорят об ослаблении ḥуджридского княжества, организованного ḥимйаритами в Центральной Аравии. Декорации для драм VI в. были расставлены.

* * *

Представляется, что царствование Абйкариба, вначале занимавшего трон как соправитель своего отца, а затем — как основной правитель, в конечном счете оказалось исключительно славным моментом в истории древнего Йемена. Его правление отличается, конечно же, своей продолжительностью, но также радикальной религиозной реформой и невиданной прежде территориальной экспансией. Бесспорно, царь был сильным и уважаемым: он сумел объединить знать и навязать свой закон племенам.

Тот факт, что Абйкариб стал образцовым персонажем мусульманского предания, находит теперь исчерпывающее объяснение: его дела — религиозная реформа и объединение племен — вне всякого сомнения, послужили примером для Муḥаммада. Посмертной славой Абйкариб во многом обязан йеменитам, которые использовали его как знамя в своих политических баталиях. Но представляется вероятным, что его знали все обитатели Аравии.

В исследованиях последнего времени заметна тенденция подчеркивать преимущественно апологетический характер всех эпизодов, где появляется Абӯ Кариб, чтобы

[37] Olinder 1927, p. 40–41; Ta'rīḫ ar-русул, I, c. 881; History of al-Ṭabarī, V, p. 122–124.

* Речь идет о том, что, согласно арабо-мусульманским источникам, киндитские цари играли выдающуюся роль в доисламской Аравии, тогда как, судя по южноаравийским надписям, киндиты ничем не выделялись среди других зависимых от Ḥимйара племен. — *Примеч. пер.*

предостеречь от возможного их использования в качестве исторического источника[38]. На самом же деле это предложение следует заменить на противоположное. Как раз не имеющий аналогов масштаб личности Абйкариба побудил апологетов воспользоваться его именем, чтобы подтвердить божественную сущность Откровения, переданного Мухаммадом. Даже если превратности судьбы, о которых повествует предание, ненадежны, Абйкариб Ас'ад определенно является крупным деятелем прошлого*.

Библиография

Ахбар 'Убайд — Китаб ат-Тйджан фй мулук Химйар 'ан Вахб б. Мунаббих, ривайат Абй Мухаммад 'Абд ал-Малик б. Хишам 'ан Асад б. Мусá 'ан Абй Идрис б. Синан джаддй-хи ли-ummи-хи Вахб б. Мунаббих. Ат-Таб'а ал-ўлá 1347 х. Таххйк ва-нашр Марказ ад-дирасат ва-л-абхас ал-йаманийа. Сан'а', б.г.; Ахбар 'Убайд б. Шарйа ал-Джурхумй фй ахбар ал-Йаман ва-ас̱ари-ха ва-ансаби-ха 'ала-л-вафа' ва-л-камал ва-л-хамд ли-ллах 'ала кулл хал // Там же, с. 323–501.

Ибн Хабиб (Абў Джа'фар Мухаммад) — Китаб ал-Мухаббар ли-л-'аллама ал-ахбарй ан-нассаба Абй Джа'фар Мухаммад б. Хабиб б. Умаййа б. Амр ал-Хашимй ал-Багдадй..., ривайат Абй Са'йд б. ал-Хусайн ас-Суккарй, ва-кад и'тана би-тасхйх хаз̱а-л-китаб Ilse Lichtenstädter (Заха'ир ат-турас̱ ал-'арабй. Байрут (Маншурат Дар ал-уфук ал-джадйда), б.г.

Иклйл 2 — Китаб ал-Иклйл, ал-джуз' ас̱-с̱анй, ли-Лисан ал-Йаман Абй Мухаммад ал-Хасан б. Ахмад б. Йа'кўб ал-Хамданй, хаккака-ху ва-'аллака хавашийа-ху Мухаммад б. 'Алй ал-Аква' ал-Хивалй (ал-Мактаба ал-йаманийа, 3). Ал-Кахира (ас-Сунна ал-мухаммадйа), 1386 х./1967.

Иклйл 8 — ал-Иклйл (ал-джуз' ас̱-с̱амин), by al-Ḥasan ibn Aḥmad al-Hamdānī, edited with linguistic, geographic and historic notes by Nabīh Amīn Fāris (Princeton Oriental Texts, vol. VII). Princeton, 1940.

Мулўк Химйар — Мулўк Химйар ва-акйал ал-Йаман, кас̱йдат Нашван б. Са'йд ал-Химйарй ва-шарху-ха-л-мусамма Хулас̱ат ас-сйра ал-джами'а ли-'аджа'иб ахбар ал-мулўк ат-табаби'а, хаккака-ха ва-'аллака 'алай-ха 'Алй б. Исма'йл ал-Му'аййад ва-Исма'йл б. Ахмад ал-Джарафй. Ал-Кахира (ал-Матба'а ас-Салафййа), 1378 х. (1958-59).

Мурўдж аз̱-з̱ахаб — Мурўдж аз̱-з̱ахаб ва-ма'адин ал-джаухар, тас̱нйф... Абй-л-Хасан 'Алй б. ал-Хусайн б. 'Алй ал-Мас'ўдй, таххйк Мухаммад Мухйй-д-дйн 'Абд ал-Хамйд, в 4-х т. Байрут (Дар ал-Ма'рифа), б.г.

ал-Мухаббар см. *Ибн Хабиб*

Муштабих — *O. Löfgren.* al-Hamdānī, Südarabisches Muštabih: Verzeichnis homonymer und homographer Eigennamen (Bibliotheca Ekmaniana Universitatis Regiae Upsaliensis, 57). Uppsala (Almqvist & Wiksell), 1953.

Пиотровский (Михаил Борисович) 1977 — Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. М. (Наука, ГРВЛ), 1977 (резюме на англ. яз.: с. 144–145).

Та'рйх ар-русул ва-л-мулўк, I — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*, cum aliis edidit M.J. De Goeje, Prima series, II, recensuerunt J. Barth et Th. Nöldeke. Leiden (Brill), 1964 (фотомеханическое воспроизведение).

Arbach (Mounir) 2002 — Les noms propres du *Corpus Inscriptionum Semiticarum, Pars IV, Inscriptiones ḥimyariticas et sabaeas continens* (Inventaire des inscriptions sudarabiques, 7). Paris (AIBL) — Rome (IsIAO), 2002.

[38] Prémare 2000.

* Перевод с франц. С.А. Французова.

Beaucamp (Joëlle), Briquel-Chatonnet (Françoise) et Robin (Christian) 1999 — La persécution des chrétiens de Nagrān et la chronologie ḥimyarite // Aram, 11–12, 1999–2000, p. 15–83 (вышла в сентябре 2001 г.).

Beeston (A.F.L.) 1984a — Himyarite Monotheism // Studies in the History of Arabia, II. Pre-Islamic Arabia, edd. A. Abdalla, S. Al-Sakkar and R. Mortel, supervision A. al-Ansary. Riyadh (King Saud University Press), 1404 h./1984, p. 149–154.

Beeston (A.F.L.) 1984b — Judaism and Christianity in Pre-Islamic Yemen // Joseph Chelhod (éd.), L'Arabie du Sud, histoire et civilisation, I. Le peuple yéménite et ses racines (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 21). P. (Maisonneuve et Larose), 1984, p. 271–278.

Chianotis (Angelos) 2002 — The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problem // Scripta Classica Israelica, XXI, 2002, p. 209–242.

Crone (Patricia) 1994 — Were the Qays and Yemen of the Umayyad Period Political Parties? // Der Islam, 71, 1994, p. 1–57.

Gajda (Iwona) 1996 — Ḥuǧr b. 'Amr roi de Kinda et l'établissement de la domination ḥimyarite en Arabie Centrale // PSAS, 26, 1996, p. 65–73, pl. I.

History of al-Ṭabarī, V — The History of al-Ṭabarī, vol. V. The Sāsānids, the Byzantines, the Lak(h)mids, and Yemen, translated by C.E. Bosworth (Bibliotheca persica). State University of New York Press, 1999.

Kitchen, K[enneth] A. 1994 — Chronological Framework and Historical Sources (Documentation for Ancient Arabia, Part I, Coll. "The World of Ancient Arabia Series"). Liverpool University Press, 1994.

Kitchen, K[enneth] A. 2000 — Bibliographical Catalogue of Texts (Documentation for Ancient Arabia, Part II, Coll. "The World of Ancient Arabia Series"). Liverpool (Liverpool University Press), 2000.

al-Mas'ūdī (Abū-l-Ḥasan 'Alī b. al-Ḥusayn) 1965 — Les prairies d'or, traduction française de Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, revue et corrigée par Charles Pellat (Société asiatique, Collection d'ouvrages orientaux), tome II. P., 1965.

Müller (Walter W.) 1973 — Ergebnisse der Deutschen Jemen-Expedition 1970 // Archiv für Orientforschung, 24, 1973, S. 150–161.

Olinder (Gunnar) 1927 — The Kings of Kinda of the Family of Ākil al-Murār (Lunds Universitets Årsskrift. N. F. Avd. 1, Bd. 23. Nr 6). Lund (Gleerup) – Leipzig (Harrassowitz), 1927.

Piotrovskij (Mihail B.) 1986 — Al-Hamdani and the Qahtanide Epos // Al-Hamdānī, a Great Yemeni Scholar, Studies on the Occasion of his Millenial Anniversary. Edited by Yusuf Mohammad Abdallah. Ṣan'ā' (Publications of Sanaa University), 1986, p. 17–25.

Prémare (Alfred Louis de) 2000 — «Il voulut détruire le temple». L'attaque de la Ka'ba par les rois yéménites avant l'Islam. *Aḫbār* et Histoire // Journal asiatique, 288, 2000, p. 261–367.

Reynolds (Joyce) and R. Tannenbaum 1987 — Jews and Godfearers at Aphrodisias (Cambridge Philological Society, Supplementary Volume 12). Cambridge (Cambridge Philological Society), 1987.

Rippin (Andrew) 1991 — *Rḥmnn* and the *ḥanīfs* // Islamic Studies Presented to Charles J. Adams, ed. by Wael B. Hallaq & Donald P. Little, Leiden (Brill), 1991, p. 153–168. Переизд. в *Andrew Rippin.* The Qur'an and its Interpretative Tradition (Variorum Collected Studies Series CS715). Aldershot (Ashgate), 2001, III.

Robin (Christian Julien) 2000 — A propos de la prière : emprunts lexicaux à l'hébreu et à l'araméen relevés dans les inscriptions préislamiques de l'Arabie méridionale et dans le Coran // Prières méditerranéennes hier et aujourd'hui, Études réunies par Gilles Dorival et Didier Pralon, Actes du colloque organisé par le Centre Paul-Albert Février (Université de Provence-C.N.R.S.) à Aix-en-Provence les 2 et 3 avril 1998 (Textes et documents de la Méditerranée antique et médiévale, n° 1). Publications de l'Université de Provence, 2000, p. 45–69.

Robin 2003 — Le judaïsme de Ḥimyar // Arabia, I, 2003, p. 97–172.

Robin (à paraître) — Ḥimyar au IVe siècle de l'ère chrétienne. Analyse des données chronologiques et essai de mise en ordre // Archäologische Berichte aus dem Yemen (à paraître).

Сиглы надписей

Расшифровку сиглов и библиографию южноаравийских надписей см. в Kitchen 2000 (и Arbach 2002 для CIH). Ниже приводятся лишь сиглы тех текстов, которые не вошли в вышеуказанную работу или библиография которых должна быть дополнена.

Ẓafār-Худайд 1: см. статью Ивоны Гайды (Iwona Gajda) в настоящем сборнике.
Maçna'at Mārийа: см. Kitchen 2000, под DJE 25.
Наве-билингва: יוסף נוה, כתובת קבר דו־לשונית משבא // לשוננו, כרך 65 חוברת 2, אדר ב׳ התשס״ג, עמ׳ 117–120 (резюме на англ. яз.: *Naveh J.* A Bilingual Burial Inscription from Saba // Lĕšōnēnū, LXV, No. 2, 5763/March 2003, p. II).
Наве-Çy'ap 24: יוסף נוה, שבע מצבות חדשות מצוער // תרביץ, סט, התש״, עמ׳ 624–626, 634, מס׳ (без нумерации) 2, (факсимиле) (резюме на англ. яз.: *Naveh J.* Seven New Epitaphs from Zoar // Tarbiz, LXIX, 1999–2000, p. VIII).
Av Būsān 4: см. Kitchen 2000, под Busan Av 4.
Gajda-Ḥujr: см. Gajda 1996, p. 65–73, pl. I.
Garb Bayt-al-Ashwal 1, 2: см. Kitchen 2000, под Bayt al-Ashwal 1 et 2.
Garb AY 9 d: см. Kitchen 2000, под Bayt al-Ashwal 4, d.
Garb Framm. 3: см. Kitchen 2000, под Minkath-Garbini 2.
Garb Framm. 6: см. Kitchen 2000, под Hadda Ghulays 1.
Garb Framm. 7: см. Kitchen 2000, под Minkath-Garbini 3.
Garb Minkath 1: см. Kitchen 2000, под Minkath-Garbini 1.
Garb NIS 3: см. Kitchen 2000, под Bayt al-Ashwal 5.
Garb NIS 4: см. Kitchen 2000, под Bayt al-Ashwal 6.
Garb Shuriḥbi'īl Ya'fur: см. Kitchen 2000, под Ẓafār-Garbini 1.
Garb SF V: см. *Garbini G.* Sabaean Fragments // Raydān, 1, 1978, p. 34, pl. 5.
L[ouvre]: *Calvet Y., Robin Ch.* Arabie heureuse, Arabie déserte. Les antiquités arabiques du Musée du Louvre (Notes et documents des Musées de France, 31). P. (Réunion des Musées nationaux), 1997.
MAFRAY-A. Thawr 4: см. Kitchen 2000, под Abū Thawr MAFRAY 4.
MAFRAY-Banū Sā' 2: неизданное граффити.
MAFRAY-Ḥaṣī: см. *Robin Ch.* Les inscriptions de Ḥaṣī (avec une contribution de *Serge Frantsouzoff*) // Raydān, 7, 2001 (вышла в ноябре 2002 г.), p. 179–223.
MAFRAY-Quṭubīn 37, 47: неизданные граффити.
MAFY-Banū Zubayr 2: см. Kitchen 2000, под Banū Zubayr (MAFY) 2.
M[ission] Q[atabān]-Ma'rib 1: неизданный текст, датированный *d-b-ḫrf*^{m} *d-l-'ḥd w-s*^{1}*ty w-'rb*($^{'}$)[*m't*^{m}].
Müller-Tan'im: Müller 1973, S. 154–155 & fig. 5, S. 153.
RES 3383: к библиографии, приведенной в Kitchen 2000, следует добавить фотографию, опубликованную в Robin 1996a, p. 676.
Ry 403: к библиографии, приведенной в Kitchen 2000, следует добавить Ryckmans 1964a, p. 438, n. 126.
Ry 534 + Rayda 1: к библиографии, приведенной в Kitchen 2000, следует добавить Robin 1996a, p. 703–706, fig. 4–5 (p. 684).
Sayyid PSAS 1988: см. Kitchen 2000, под Mureyghan 2.
Veerman 2: *Veerman J.* Байнӯн // ал-Ҳалқа, маджалла йаманӣйа фаçлӣйа сақāфӣйа фаннӣйа сийāҳӣйа, 2, 1998, с. 20–33 + фотография (с. 30).
YM: см. Kitchen 2000, под Sanaa Museum YM.
YM 1200: см. *Gajda I.* A New Inscription of an Unknown Ḥimyarite King, Marṯad'ilān Yun'im // PSAS, 28, 1998, p. 81–88.
YM 1950: Gajda (à paraître).
YMN: см. Kitchen 2000, под Abdallah, YMN.

Таблица

Ҳимйаритские цари после объединения Южной Аравии, согласно надписям

Царствование	Дата (по н.э.)	Дата (по местной эре)	Правитель/Правители и эпиграфические источники	<Событие>
[*265–287*]			**1. Йāсирʸᵐ Йухан'им I КТ**	
			Йāсирʸᵐ Йухан'им I КТ	
	272–273	198 радм.	ал-Ми'сāл 5	
[*275–287*]			Йāсирʸᵐ Йухан'им I (1А) + его сын Шаммар Йухар'иш (1Б) КТ	
	[*275*]			<*Аннексия Саба'*>
	ноябрь 275	*ḏ-mhlt"* 385 ҳим.	CIH 46=Gl 799	
	279/280	[3]89 ҳим.	Gl 1594	
	283±12	316 мадҳи	RES 4196	
	июнь 286	*ḏ-qyẓ"* 396 ҳим.	CIH 448+Hakir 1	<Строительство крепостной стены г. Хакирʸᵐ>
			Другие: CIH 353= L 81 (...]*r Yhr's² mlky S¹b' w-ḏ-Ryd"*); RES 4196, 4938; Gl 1537; Gl 1594; Ir 14 = Sharaf 29; Ja 646–648	
			Без упоминания царя	
			MQ-al-Ḥāṭ 1 (*qyẓ* 301 мадҳй, июнь 268 ± 12)	
[*287–312*]			**2. Шаммар Йухар'иш КТ/ДТ** (сын Йāсирʸᵐ'а Йухан'има)	
[*287–296*]			Шаммар Йухар'иш КТ	
			CIH 407, 430 = L 84 (титулатура утрачена), 628 (восстановлено); RES 3910, 4230 (= L 11), 4790 (титулатура утрачена); Gl 1593 (титулатура утрачена), 1596 (титулатура утрачена); Ir 15, 16, 17; Ja 649-655; Kitchen, PSAS 25; M. Bayḥān 5; Radā' 1 (Raydān 6) (*S²mr mlk S¹b' w-ḏ-Ryd"*); Sharaf 35	
	[*296*]			<*Взятие Шабвы*>
				<Принятие долгой титулатуры>
			Sharaf 32	<Сабейский поход в Сарйрāн>
[*296–312*]			Шаммар Йухар'иш ДТ	
	июль 297	[*ḏ-*]*mḏr'ᵐ* [40]7 ҳим.	Av Būsān 4	
			CIH 431+438 (= L 86) + 948, Ja 656	<Тот же сабейский поход в Сарйрāн>
			Ан-Намāра = L 205	<Поход Имру' ал-Ḳайса († 328) против Нагрāна>

			Sharaf 31	<Химйаритское посольство в Селевкию–Ктесифон>
	март 300 31[0]–31[1]	*d-m'n* 409 хим. 42[0] хим.	YMN 13 = ал- Ми'сāл18 YM 1695 Другие: Ir 30, 37 (или App. b, 3); Ja 656 (= Sharaf 33), 657–658, 660–662; Sharaf 34 Без упоминания царя Shirjān VL 29 a = Ja 2356 a (*mḏr'n* 345 мадхӣ, т.е. июль 312±12), Gl 1541 (4[0]3 хим., 293–294)	
[*312–316*]			**3. Кариб'йл (Ватāр) Йухан'им ДТ** Кариб'йл (Ватāр) Йухан'им ДТ Ir 28 Ja 666 Ja 667	 <Посольство в Эфиопию> <Эпидемия> <Восстание в Зафāре>
[*316–320*]			**4. Йāсирᵛᴹ Йухан'им II ДТ** Йāсирᵛᴹ Йухан'им II (4A) + его сын Зара''амар Айман I (4Б) ДТ Ir 29; Ja 665 Йāсирᵛᴹ Йухан'им II (4A) + Са'рāн Айфа' (4В; см. 5Б и 6Б) ДТ Ja 664 [Йāсирᵛᴹ Йу]хан'им II (4A) + его сын [Са'рāн А]йфа' (4В) ДТ Garb Framm. 6 ([*Ys¹r'ᵐ Y*]*hn'm w-bn*|[*y-hw T'r'' ʾyf' mlky* ...) Йāсирᵛᴹ Йу[хан'им II ... ...] (Д)Т, или Йāсирᵛᴹ Йухан'им II и его сын [... ...] ДТ Pirenne, Raydān, p. 328 & pl. VI c (Ṣayhadica, p. 122) (*Ys¹r'ᵐ Y*[...]; Capuzzi, AION 1969 (*Ys¹r'ᵐ Yhn'm w-bn*[...)	 <Рейд к входу в долину Сарйрāн>
[*320–324*]			**5. Замар'алй Йухабирр ДТ** Замар'алй Йухабирр ДТ Ir 31, 32 [Замар'алй Йухабирр] (5A) + его брат Са'рāн Айфа' (5Б; см. 4В и 6Б) Gl 1539 Замар'алй Йухабирр (5A) + его сын Са'рāн Йухан'им (5В) ДТ Schmidt-Ma'rib 28+Ja 668 Другие: Garb SF V (Raydān 1; Ṣayhadica, p. 122) (... *Y*]*hb*[*r*... | ... *T*]*'r'' Y*[...); Graf 5 (...]|*-hw T'r'' Yhn'm*[...)	 <Завоевание Сарйрāна> <То же самое завоевание Сарйрāна>

Продолжение табл.

Царствование	Дата (по н.э.)	Дата (по местной эре)	Правитель/Правители и эпиграфические источники	<Событие>
[324–375]			**6. Сa'рāн Йухан'им (КТ)/ДТ** (сын Замар'алī Йухабирра)	
			Сa'рāн Йухан'им КТ	
	324/325	434 ҳим.	Маṣна'ат Мāрийа	
	[ок. 340 — 345]			<Посольство Феофила Индуса>
			Сa'рāн Йун'им (без титулатуры)	
	июль 360	*d-mdr'"* 470 ҳим.	'Абадāн 1/5 и 16	
			Упоминание царя Сa'рāна Айфа' (6Б [см. 4В и 5Б], 'Абадāн 1/24)	
			Упоминание царя Замар'алī Айфа' (6В, 'Абадāн 1/26)	
			Сa'рāн + его сын Малкīрийам (6Г) ДТ	
			Veerman 2 (*T'r" w-bny-hw Mlkrym*)	
[365–375]			Сa'рāн Йухан'им (6А) + его сын Малкīкариб (Йуха'мин) (6Д) ДТ	
			Ja 669	
			Ja 670	<Эпидемия в Зафāре>
			Ja 671 + 788	<Прорыв и ремонт Марибской плотины>
	август [37]3	*d-ḫrf"* [48]3 ҳим.	YM 1950 (*T'r" Yhn'm w-bny-h*[*w Mlkkrb Yh'mn* ...])	<Первая монотеистическая надпись>
			[Сa]'рāн Йухан'им (6А) + [его сын Малкīкари]б Йуха'мин (6Д) и [.....] [Д]Т	
			MQ-Minkath 1 ([*T*](')*r" Yhn'm* [*w-bny-hw Mlkk*|*r*](*b*) *Yh'mn w-*[… …]	[*'mlk*]S^1b' (*w-d-*)[*Ryd"* ... etc.)	
			Без упоминания царя	
			MAFRAY-Ḥāṣī 5 (*mdr'"* [3]65 мадҳī, июль 332±12), MQ-Ma'rib 1 (461 ҳим., 351–352)	
[375–400]			**7. Малкīкариб Йуха'мин ДТ** (сын Сa'рāна Йухан'има)	
[375–380]			Малкīкариб Йуха'мин (7А) + его сын [Абīкариб Ас'ад] (7Б)	
			Ja 856=Fa 60	<Строительство *mkrb* в Марибе>
			Малкīкариб Йуха'мин (7А) + его сын [Абīкариб Ас'ад] (7Б) и Зара''амар Айман II (7В) ДТ	
	январь 384	*d-d'w"* 493 ҳим.	Garb Bayt al-Ashwal 2; RES 3383	<Первые царские монотеистические надписи>
			Упоминание одного Зара''амара Аймана II (7В) ДТ в инвокации Garb Bayt al-Ashwal 1	

[*400–440*]			**8. Абйкариб Ас'ад ДТ/СДТ1** (сын Малкйкариба Йуха'мина) Абйкариб Ас'ад (8А) + один из его братьев (Зара''амар Айман) (8Б) + три сына (Ха́с́а̄н Йу'мин [8В], Ма'дйкариб Йун'им [8Г] и Хӯгр Айфа' [8Д]) ДТ	
			Garb Minkath 1 [Абйкари]б Ас'ад (8А) [+ один из его братьев Зара''амар Айман + три сына: Ха́с́а̄н Йу'мин, Ма'дйкариб Йун'им и] Хӯгр Айфа' (8Д) ДТ	
			Ja 520 [Абйкариб Ас'ад + Зара''амар] Айман (8Б) + Ха́с́а̄н Йуха'[мин (8В) ...	
			Garb Framm. 7 Абйкариб Ас'ад (8А)+ Ха́с́а[н Йу]ха'мин (8В), Ма'дйкариб Йухан'им (8Г), Марс̣ад'ила̄н Йаз'ан (8Е) и Шурихӯби'йл Йа'фур (8Ж) ДТ	
	август 433	*d-ḥrf"* 543 хӯим.	Ry 534 + MAFY-Rayda 1 Абйкариб Ас'ад (8А)+ Ха́с́а̄н Йуха'мин (8В) СДТ1 (сыновья Ха́с́а̄на Малкйкариба Йуха'мина ДТ)	
			Ry 509 [Абйкариб А]с'ад (СДТ ?)	<Основание Худжридского царства>
			Ja 516 Упоминание царя Ма'дйкариба (8Г) (без титулатуры)	
	439/440	549 хӯим.	Ph 124 g Без упоминания царя	
			MAFY-Banū Zubayr 2 (512 хӯим., 402–403)	
[ок. *440 — 445*]			**9. [Ха́с́а̄н Йуха'мин] СДТ2** (сын Абйкариба Ас'ада)? [Ха́с́а̄н Йуха'мин] (9А) + его брат Шурихӯби'йл Йа'фур (9Б) СДТ2	
			Garb Framm. 3 ([*Ḥs³n Yh'mn w-*](')*ḫ-hw S²rḥb'l Y'*[*fr* ...) RES 4105 ([*Ḥs³n Yh'mn w-'ḫ-h*]*w S²rḥb'l Y'f* [*r* ...)	
			[Междуцарствие] Инвокация не названных по именам царей: RES 5085 (*z-ṣrb"* 560 хӯим., октябрь 450)	
[*450–463*]			**10. Шурихӯби'йл Йа'фур СДТ2** (сын Абйкариба Ас'ада)	
	январь 456	*d-d'w* 565 хӯим.	CIH 540	<Восстановление Марибской плотины>
	май 456	*d-mbkr"* 566 хӯим.	Dostal 1	
	декабрь 462	*d-'l"* 572 хӯим.	Garb Shurihbi'īl Ya'fur CIH 45+44 ([*S²rḥb'l Y'f*]*r*)	<Дворец в Зафа̄ре>

Продолжение табл.

Царствование	Дата (по н.э.)	Дата (по местной эре)	Правитель/Правители и эпиграфические источники	<Событие>
			[Междуцарствие] Без упоминания царя CIH 6 (*d-ḥrf* 573 ҳим., август 463), Ry 520 (*d-d'w"* 574 ҳим., январь 465)	
[465–485]			**11. Шуриҳби'йл Йаккуф СДТ2** Шуриҳби'йл Йаккуф	
	февраль [46]6	*d-'lt"* [57]5 ҳим.	CIH 644 (]*b'l Ykf mlk S¹b' w-d-*[) GI 1194 (]*rḥb'l Yk*[) RES 4298 (...]*kf mlk S¹b'* etc.)	
	апрель 470	*d-ṯbt"* 580 ҳим.	Зафар-Худайд 1 (*S²rḥb'l mlk S¹b' w-d-Ryd" w-Ḥdrmwt*) Шуриҳби['йл Йаккуф (11А) + его сын ...] Науф[ум] (11Б), Лаҳай'ат Йанӯф (11В) и Ма'дйкариб Йун'им (11Г)	
	август 472	*d-ḥrf"* 582 ҳим.	RES 4919 + CIH 537 = L 121 (*'mlk" S²rḥb* | [*'l Ykf w-bny-hw* ...] *Nwf[m] w-Lḥy't Ynwf w-M'dkrb Yn'm 'mlk S¹b'* etc.) Шуриҳби'йл Йаккуф (11А) [+ его сыновья Лаҳай'а]т Йанӯф (11В) и Ма'дйкариб Йун'им (11Г) RES 4969 = Ja 876 (*S²rḥb'l* | *Ykf* | [*w-bny-hw Lḥy't Ynf w-M'dkrb Yn*[*'m 'mlk S¹b' w-d-Ryd" w-Ḥdrmw*]*t w-Ymnt w-''rb-h*[*mw Ṯwd[m] w-Thmt*])	<Мученичество Азкйра>
[ок. 485 — vers 495]			**12. Марсад'илан Йун'им** (сын XXX) Марсад'илан Йун'им, царь Саба' и т.д., сын Лаҳай'ата Йанӯфа, царя Саба' и т.д., сына Шуриҳби'йла Йаккуфа, царя Саба' и т.д. CIH 620 (...]*n'm m*[*lk ...* | ...]*t Ynf ml*[*k ...* | ... *S²r*]*ḥb'l Ykf m*[...) YM 1200 (*Mrṯd'l" Yn'm m*[... ...]||*mw Ṯwd[m] w-Thm*[*t ... ... Ḥd*]|*rmwt w-Ymnt w-*[... ...]|*f mlk S¹b*[*'...*)	
[495–500]			**[Междуцарствие]** Без упоминания царей MAFRAY-Abū Thawr 4 (*d-qyẓ"* 596 ҳим., июнь 486), MAFRAY-Quṭubīn 37 и 47 (*d-ḥlt"* 596 ҳим., февраль 487), Robin-Najr 1 (*d-'l"* 597 ҳим., декабрь 487),	

			MAFYS-Ḍura' 3 = RES 4069 (*d-ḥrf"* 598 ҳим., август 488), MAFRAY-Banū Ṣā' 2 (*d-qyẓ"* 600 ҳим., июнь 490)	
[*500–515*]			**13. Марсад'илāн Йанӯф СДТ2**	
	июль 504	*d-mḏr '"* 614 ҳим.	Fa 74	
	март 510	*d-m'n* 619 ҳим.	Garb AY 9 d (*mlk" Mrṯd'l" Ymwf*)	<Дворец, построенный (аксумскими?) послами>
			CIH 596+597 + RES 4157+4158	
			Без упоминания царя	
			Garb NIS 4 (*d-mḏr '"* [6]1[7] или [6]1[9], июль 507 или 509)	
[*515–519*]			**[Междуцарствие]**	
			Без упоминания царей	
			Yanbuq 47 (*d-ṯbt"* 625, апрель 515); Viallard (*d-mbkr"* 629, май 519)	
[*519–522*]			**14. Ма'дйкариб Йа'фур**	
	июнь 521	*d-qyẓ"* 631 ҳим.	Ry 510	
	?	?	Ja 2484	
[*522–525/530*]			**15. Йӯсуф Ас'ар Йаҫ'ар, царь всех племен**	
	июнь 523	*d-qyẓ"* 633 ҳим.	Ry 508/2 (*mlk" Ys^{1}f 's^1'r*)	
	июль 523	*d-mḏr '"* 633 ҳим.	Ry 507/1 (... ...]*'s^2'b"*)	
	июль 523	*d-mḏr '"* 633 ҳим.	Ja 1028/1 (*mlk" Yws^{1}f 's^1'r Yṯ'r mlk kl 's^2'b"*)	<Преследование христиан, преимущественно в Награне>
			[Междуцарствие]	
			Без упоминания царей	
			CIH 621 (*d-ḥlt"* 640, февраль 531)	
[*531–535*]			**16. Сумуйафа' Ашва' [СД]Т[2]**	
			Ist 7608 bis + Wellcome A 103664	
			(...*n*]*fs^1 qds^1 S^{1}myf' 's^{2}w' mlk S^1*[*b*'...)	
[*535–565*]			**17. Абраха СДТ2**	
	март 549	*d-m'n* 658 ҳим.	CIH 541 (*'brh 'zl|y mlk" 'g'zy" Rmḥs^3 Zbymn* СДТ2)	
			CIH 541/82–83 : *'ks^{1}m d-M'h|r bn mlk"*	
	сентябрь 552	*d-'l"* 662 ҳим.	Ry 506 (*mlk" 'brh Zybmn* СДТ2)	
	[сентябрь 552	*d-'l"* 662 ҳим.	Sayyid *PSAS* 1988, p. 136 (*mlk | 'brh*)	

Окончание табл.

Царствование	Дата (по н.э.)	Дата (по местной эре)	Правитель/Правители и эпиграфические источники	<Событие>
	ноябрь 558	*d-mhlt*^{n} 668 х̣им.	Ja 544–547 (*mlk*^{n} *'brh mlk S*^{1}*b' w-|d̲-Rd*^{n} *w-Ḥḍrmt w-Ymnt w-''rb-hmw Ṭd*^{m} *| w-Thmt Rmḥs*^{3}) Без упоминания царя CIH 325 (669 х̣им., 559–560)	
[*ок. 565 — 568*]			**18. [Аксӯм]** Не засвидетельствован эпиграфически в качестве царя; упомянут как «сын царя» в 658 х̣им. (CIH 541/82–83: *'ks*^{1}*m d̲-M'h|r bn mlk*^{n}); известен в арабо-мусульманской традиции.	
[*ок. 568 — 570*]			**19. [Масрӯқ]** Известен только в арабо-мусульманской традиции.	

Подчеркнутые сиглы: официальные тексты, автором/авторами которых был(и) правитель/правители.
Прямым шрифтом даны достоверные данные, курсивом — гипотетические (в столбце «Событие»).

КТ: краткая титулатура (*mlk S*^{1}*b' w-d̲-Ryd*^{n})
ДТ: долгая титулатура (*mlk S*^{1}*b' w-d̲-Ryd*^{n} *w-Ḥḍrmwt w-Ymnt*)
СДТ1: сверхдолгая титулатура типа *mlk S*^{1}*b' w-d̲-Ryd*^{n} *w-Ḥḍrmwt w-Ymnt w-''rb Ṭwd w-Thmt*
СДТ2: сверхдолгая титулатура типа *mlk S*^{1}*b' w-d̲-Ryd*^{n} *w-Ḥḍrmwt w-Ymnt w-''rb-hmw Ṭwd w-Thmt*
СДТ(?): сверхдолгая титулатура, частично реконструированная таким образом, что не известно, принадлежит она к типу 1 или 2

Начало х̣имйаритской эры (или эры Мабх̣ӯда б. Абх̣ада): вероятно, апрель(?) 110 г. до н.э.
Начало эры радма̄на (или эры Абӣ'алӣ б. Рата'): вероятно, апрель(?) 74 г. н.э.
Начало эры мадх̣ӣ/мадх̣ӣйум'а (или эры Набат̣ум'а з̲ӯ Х̲арӣфа): 33±12 г. до н.э.

М.А. РОДИОНОВ
(*Санкт-Петербург*)

Спор красавиц: касыда из Тарима

По йеменскому обычаю, на день рождения коллеги и друга дарят касыду. В данном случае — перевод касыды. Ее арабский текст дан в книге Роберта Сарджента о прозе и поэзии Хадрамаута (Serjeant 1951: 93–96). Там же приводятся тексты еще двух поэм того же автора о местных сортах пальм и рыб и говорится, что он, ʻАбд ар-Рахман б. Мухаммад Бин Шихаб, был вакилем, т.е. распорядителем имущества, знаменитой мечети ал-Михдара в городе Тарим. В его семейном архиве хранятся важные документы по истории Хадрамаута, а данные поэтические образцы взяты из авторского дивана, датированного 1269 г. х.

К этому можно добавить, что Абу ʻУмар ʻАбд ар-Рахман б. Мухаммад б. ʻАли б. ʻАбдаллах б. ʻАйдарус Бин Шайх Шихаб ад-Дин, выходец из знаменитой сейййидской семьи Бин Шихабов, давших Хадрамауту немало известных ученых, судей, поэтов и певцов, был несомненным мастером строфической поэзии (мувашшах) и упоминается у ʻАбдаллаха Мухаммада ас-Саккафа в «Истории поэтов-хадрамийцев», хотя в сегодняшнем Тариме он почти забыт.

Его стихотворный диван, упомянутый Сарджентом, не удалось разыскать, а в таримской библиотеке рукописей «Мактаб ал-Ахкаф» имеется, судя по всему, лишь одно его сочинение (№ 2992, второе по счету из трех работ разных авторов, собранных под одним переплетом) — «Унс ал-махзун ва-л-макруб фи назар кисас наби Аллах Йусуф б. Йаʻкуб», или «Близкое знакомство с печальным и ужасным в обозрении рассказов о Пророке Божием Йусуфе б. Йаʻкубе». Это внушительное стихотворное сочинение на 63 страницах, пересказывающее сюжеты, связанные с пророком Йусуфом, закончено вчерне, как явствует из приписки к тексту, в месяце сафар 1267 г. х. и перебелено в месяце раджаб 1277 г. х. в Тариме. На протяжении всего сочинения выдерживаются рифмы на «ра» и «ин»; последняя также завершает каждое четверостишие нашей касыды.

Перевод касыды выполнен с сохранением ключевого созвучия (в русском варианте «ен»), очень распространенного в разговорном арабском (все двойственные и многие множественные числа), но встречающегося в русском реже, чем хотелось бы. Сделана попытка передать ритмический строй подлинника. Языковые и предметные реалии уточнялись в Хадрамауте. Комментарии приводятся после перевода.

Жанр стихотворных споров (между вином и катом, кофе и чаем, белой и черной красавицами и т.д.) весьма распространен в арабской поэзии. Из «Тысячи и одной ночи» достаточно вспомнить ночь 336-ю (Салье 1958: т. 4), где невольницы спорят

© М.А. Родионов, 2004

о превосходстве: белая — с черной, желтая — с коричневой. В Хадрамауте до сравнительно недавнего времени (известны образцы 60-х годов XX в.; см.: Родионов 1994: 174–177, 192–194) реальные судебные разбирательства могли проходить в стихах: народная память хранит немало подобных текстов, неизвестных исследователям.

Цвет кожи одной из красавиц, о которых речь ниже, — зеленый, что может вызвать недоумение, если не знать, что в Хадрамауте так называют смуглянок, чья кожа имеет оливковый оттенок. Некоторые толкователи вспоминали даже знамя (байрак) султанов ал-Ку'айти, где присутствуют зеленый, желтый и белый цвета. Расходясь насчет отдельных деталей, мои йеменские друзья были единодушны в одном: 'Абд ар-Рахман Бин Шихаб — мистик, как почти все Бин Шихабы того времени, поэтому сокровенный смысл стихов был ведом ему одному.

Итак.

Ас-саййид 'Абд ар-Рахман ибн Мухаммад Бин Шихаб,
да простит его Аллах,
сказал о споре Зеленых, Белых и Желтых женщин:

1. — Кто услады не знал — тому мечтанья, —
Абу Омар сказал. — Коль нет свиданья,
он покой потерял, одни страданья.
Слезы льются из глаз, и стан согбен.

2. С малых лет за красою влекся вдаль,
где звенит серебром браслет-хиджаль.
Не похож я на низких: нет, не жаль
все именье отдать за сладкий плен.

3. Ради правды и жертва справедлива,
ибо дед мой — славнейший из Рабиа,
мои взгляды широки на диво,
с низкой кривдою путь мой несравнен.

4. Расскажу, что случилось нынче днем,
может, не заслужу попрека в том:
Три газели в мой забежали дом,
час веселью — и плач ему взамен.

5. Говорю: — Что случилось, в самом деле?
Вам подобных не видел я доселе.
— Рассуди нас! — сказали мне газели. —
Примири, но не дай в неправду крен.

6. Полногруды мы, нас любить все рады,
ради близости к нам крушат преграды,
но зачем нам подарки и награды,
чистоган за любовь — дурной обмен.

7. Говорю: — Не плачу я вам, похоже;
мне бесплатных услад не нужно тоже,
в вожделении не сижу на ложе.
В чем причина, что нынче смех забвен?

8. Отвечают: — Продолжим разговор,
и да будет весомым приговор.
Разреши справедливо этот спор.
Трое нас, и счет этот несомнен.

9. Знай, у Белой с Зеленой вышла свара,
ну и Желтая им двоим не пара. —
Говорю: — Замолчите! Меньше жара.
Всякий мир красотою вдохновен.

10. Слово Белой: — Мы — страсти приток.
Белы черноглазые — знает знаток.
Мы — перлы познанья, бесценный зарок,
какому еще не назначено цен.

11. Мы — красота, что себя умножает,
мы — та сила, что перлы пронзает.
Лишь завистник хулить нас дерзает.
Пророк белолиц был, да будет блажен.

12. А Зелень презренна, не цвет, а позор,
с Зелеными вместе ночует разор,
родятся от них произвол и раздор,
ведь только верблюду сей корм вожделен.

13. А Желтая — будто бы глина с холма;
Алоэ, и мирра, и куркума
горчат. А тела их — как древность сама.
С подобными близость — отрава и тлен.

14. Зеленая вслед: — Не бросаюсь словами.
Мы — Ахмада стяг, главы над главами,
мы — райская сень для чистых делами.
Две трети красот нам дарованы в лен.

15. Влюбленный в Зеленых лишается сна.
Мы — противоядье, для скорбных весна,
влечет наша близость, целебна она.
Мы — хлеб для того, кто тоской уязвлен.

16. А Белые — раковины на брегах,
где сушат анчоус и весла в песках;
прогнивший кокос в накладных волосах.
Кто платит за близость с такими — растлен.

17. А Желтые — как вредоносный мышьяк,
скупы и корыстны, иначе никак;
никто их не любит, чурается всяк.
Уйди же, о сера! Изыди из стен!

18. Тут Желтая молвит: — Мы — таинств охрана,
мы — чистое злато, краски шафрана,

лимон и гранат из райского стана.
Белянки! Лишь *варсом* ваш стыд прикровен.

19. Поклонники бродят ночами, страдая;
мы — месяц и звезды, светим играя;
краса наша славна от края до края.
Мы — тот аромат, коим свет упоен.

20. О Белых довольно будет намека:
Они — это саван без цвета и срока,
их ракушки — платье дырявят глубоко.
Без варса и злата их облик презрен.

21. Пороки Зеленых считать нам зачем?
Пусть всякий сокроет их, пусть будет нем.
Они ради денег пожертвуют всем.
Их слово — порука раздоров, измен.

22. Я: — Замолчите! Вы столь красивы,
но почему ваши речи спесивы?
Нам Таха — заступник, не будьте гневливы.
Кто примет совет мой, тот будет степен.

23. Они: — Рассуди нас по воле созвучий.
Читай приговор, не очень нас мучай.
Перечить не станем, не тот это случай.
Готовы исполнить мы все без подмен. —

24. Сказал: — Мои наставленья такие:
Пути для сближенья со мною прямые.
Я вас не толкаю на тропки кривые.
Унынье на пенье — благая из мен. —

25. — Когда ж приговор твой? — Ответил: — Сейчас.
Сужу по закону без ложных прикрас.
Я знаю бродяг и влюбленных. Для вас
Для каждой — две строчки, чей смысл откровен.

26. О Белые, их не коснется порок,
и солнце бело, и Мухаммад-пророк.
Бессонный влюбленный не шлет им упрек,
ведь в них исцеленье, залог перемен.

27. Господь, у Зеленых достоинств не счесть.
Защита от сглаза в них верная есть.
Зеленые — рай, их Создателю — честь.
Влюбленный в них — тает, не встанет с колен.

28. Желтые — радость, сердцу отрада,
страсть к ним трудна, коль не ждет вас награда.
Желтые — сладки, гроздь винограда.
Я Желтых вкушал бы весь век без отмен.

29. Закончу: — Помилуй Ахмада, Боже!
Он — нам заступник, всего мне дороже,
орудье судьбы и прибежище тоже.
Кто славит его, тот будет призрен.

Комментарий
(в числителе — номер четверостишия,
в знаменателе — строка):

1/2: Абу Омар (Абу ʻУмар), автор касыды.

2/2: хиджаль (хиджāл), серебряный женский ножной браслет с «говорящими» бубенцами; неоднократно запрещался религиозными и светскими властями Хадрамаута, но бытует здесь до сих пор; эротический символ.

3/2: Рабӣʻа — предок «северных арабов», включая курайшитов; автор касыды гордится происхождением от пророка Мухаммада.

10/2: аḫваз — глаз с очень белым белком и очень черными радужкой и зрачком.

13/2: алоэ (ṣубар) — Aloe vaccillans Schw; мирра (мурр) — Cammiphora Sch; куркума, или куркумовый корень (хурд), Curcuma longa — широко применяется в местной косметике.

14/2: Аḫмад — пророк Муḫаммад.

16/2: анчоус (ʻайд); обычная картина для побережья Хадрамаута: рыбу вялят на песке, и ее чешуя блестит серебром под солнцем; анчоус идет на удобрение, на корм верблюдам и в пищу людям.

16/3: Кокосовые пальмы растут в Гайл Ба Вазире, недалеко от побережья.

18/2: шафран — Crocus sativus.

18/4: варс, или «желтое дерево», — Mamecylon tinctorum; женщины Хадрамаута раскрашивали им, а кое-где раскрашивают до сих пор кожу лица, рук и ног.

20/3: ракушки-каури, обычное украшение женских праздничных платьев.

22/3: Ṭаха — пророк Муḫаммад.

25/4: две строчки, т.е. два бейта (четыре полубейта) — четверостишие.

28/3: рāзиḳӣ — виноград с продолговатыми ягодами, сорт из Таифа.

29/1: см. 14/2.

Список цитированной литературы

Родионов 1994 — Родионов М.А. *Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре.* М.

ас-Саккаф 1353/1934-35 — ас-Саққāф ʻАбдаллāх Муḫаммад. *Таʼрӣḫ аш-шуʻарāʼ ал-ḥадрамӣйн.* Т. 1–3. Каир.

Салье 1958 — Салье М.А. *Книга тысячи и одной ночи.* Перевод с арабского. В 8 т. М.

Serjeant 1951 — Serjeant R.B. *Prose and Poetry from Ḥaḍramawt. South Arabian Poetry: I.* London.

С.А. ФРАНЦУЗОВ
(*Санкт-Петербург*)

Обожествление людей в древней Южной Аравии

كان ود وسواع ويغوث ويعوق ونسر قوما صالحين، ماتوا في شهر. فجزع عليهم ذوو أقاربهم. فقال رجل من بني قابيل: "يا قوم! هل لكم أن أعمل لكم خمسة أصنام على صورهم، غير أني لا أقدر أن أجعل فيها أرواحا؟" قالوا: نعم! فنحت لهم خمسة أصنام على صورهم ونصبها لهم.
(ابن الكلبي، كتاب الأصنام)

Вадд, Сува', Йагуc, Йа'ук и Наср были праведными людьми, и умерли они в один месяц. Родичи их скорбели по ним, и тогда один человек из потомков Кабйла (т.е. Канна. — *С.Ф.*) *сказал: «О люди, хотите ли вы, чтобы я сделал вам пять идолов по их подобию, но я не смогу вложить в них души?» — «Да», — сказали они, и он высек им пять идолов наподобие этих людей и установил их для них.*

(*Ибн ал-Калбй.* Книга об идолах)[1]

Таково начало одной из арабо-мусульманских легенд, повествующих о том, как и почему люди обратились к идолопоклонству. Речь в ней идет о временах допотопных, причем отход потомков Адама от единобожия рассматривается как главная причина Потопа. Во времена, гораздо более близкие к началу пророческой миссии Муḥаммада, родоначальник племени ḵузā'а, *кāхин* (прорицатель) 'Амр б. Луḥайй, с которым традиция связывает отступничество от веры Ибрāхйма (Авраама) и Исмā'йла, по наущению являвшегося ему «духа из джиннов» (رئي من الجن) по прозванию Абў Сумāма раскопал пять этих идолов под наносами на побережье у Джудды (совр. Джидда), принес их в Тихāму и приучил арабов поклоняться им[2].

Эта легенда привлекла внимание М.Б. Пиотровского, который, ссылаясь на нее, показывает, что «*совпадение идолов у современников Муḥаммада и современников Нўḥа-Ноя — пример того, как Муḥаммад и древние пророки оказывались в Коране „двойниками"*»[3]. Действительно, за исключением ал-Лāт, ал-'Уззы и Манāт, которые, согласно мусульманским комментаторам, считались «дочерьми Алла-

[1] Ibn el Kalbî (Zéki Pacha) 1924, p. 51_{10-14}; рус. пер. приведен по Иби ал-Калбй (Полосин) 1984, с. 34 (здесь и далее в арабских именах собственных, встречающихся в цитатах, восстанавливается полная диакритика).

[2] См.: Ibn el Kalbî (Zéki Pacha) 1924, p. 52_1–54_{15}; Иби ал-Калбй (Полосин) 1984, с. 34–36.

Другая версия предания об установлении 'Амром б. Луḥайййем языческих обрядов приводится в начале «*Китāб ал-Аснāм*»: Ibn el Kalbî (Zéki Pacha) 1924, p. 8_{1-17}; Иби ал-Калбй (Полосин) 1984, с. 15–16. Об этом полумифическом персонаже и приписываемых ему деяниях подробнее см. Fück 1960.

[3] Пиотровский 1991, с. 175: примеч. 3.

© С.А. Французов, 2004

ха»[4], Вадд, Сува‘, Йагӯс, Йа‘ӯк и Наср оказались единственными аравийскими божествами, упомянутыми в Священной книге ислама (LXXI, 23 /22–23/). Впрочем, легенда о зарождении аравийского язычества интересна и с другой точки зрения. Переход от якобы изначального единобожия к политеизму объясняется в ней обожествлением выдающихся людей. Подобная мировоззренческая установка типична для адептов монотеистических религий. В совершенно другую историческую эпоху, на рубеже XIX–XX вв., инспектор Вильненского еврейского учительского института О.К. Штейнберг, представлявший иную конфессию — иудаизм, в комментарии к своему переводу Торы пытался связать появление культа некоторых языческих богов (в частности, олимпийских) с включением в пантеон изобретателей ремесел и их сородичей, таких, как сын патриарха Ламеха (לֶמֶךְ)[5] Тувалкаин (תּוּבַל־קַיִן) и его сестра Ноема (נַעֲמָה), которых он сопоставлял с Вулканом и Венерой[6]. У мусульманских, иудейских и христианских авторов можно отыскать множество аналогичных толкований, к которым современная наука относится скептически: слишком уж слабо они согласуются с этнографическими и археологическими материалами, а также с данными письменных источников, непредвзятый анализ которых не оставляет места концепции «прамонотеизма»[7].

С другой стороны, хорошо известно, что в различных регионах планеты, у самых разных, не связанных друг с другом народов на протяжении их исторического развития были отмечены случаи обожествления людей: родоначальников кланов и племен («первопредков»), культурных героев, правителей. Впрочем, их причисляли, как правило, к уже существовавшим пантеонам языческих богов. В этой связи возникает вопрос: можно ли допустить, что в раннемусульманской легенде о допотопных идолах заключено хоть какое-то рациональное зерно, иначе говоря — не нашли ли в ней отражение смутные воспоминания о деятелях доисламского прошлого, которые по той или иной причине оказались обожествленными? Для решения этой проблемы стоит в первую очередь обратиться к развитой политеистической религии Южной Аравии, о которой известно гораздо больше, чем о языческих культах, отправлявшихся в других частях полуострова[8]. В отличие от целого ряда древних обществ отношение к вер-

---

[4] Впрочем, современная востоковедная наука относится весьма скептически к отождествлению «дочерей Аллаха», известных в древнеаравийской и пальмирской эпиграфике под именем «дочерей бога (или Ила)» (*bnty/'l, bnty-'l, bnht-'l, bnt-'l*), с этими тремя богинями (см. Robin 2000, p. 147–156). Коранический текст, во всяком случае, оснований для подобной идентификации не дает (см. LIII, 19–20). Само выражение بنات الله в Коране не встречается.

[5] Здесь и далее библейские имена приводятся в той форме, которая принята в синодальном переводе. В скобках указывается их написание в оригинальной графике.

[6] Пятикнижие (Штейнберг) 1979, с. 11: примеч. 1 (коммент. на Быт. IV, 19–23).

В качестве одного из доводов в пользу данной концепции он ссылался на собственную превратную интерпретацию заключительной части стиха Быт. IV, 26: «*...тогда начато было наречение именем Господа*» (אָז הוּחַל לִקְרֹא בְּשֵׁם יְהוָה).

[7] В качестве примера стоит отметить, что научная библеистика совершенно иначе понимает цитированный выше (в примеч. 6) фрагмент библейского стиха: «*...тогда он* (Енос /אֱנוֹשׁ/, сына Сифа /שֵׁת/. — *С.Ф.*) *начал призывать по имени Яхве*» (см.: Пятикнижие (Шифман) 1993, с. 61; ср. Jerusalem Bible 1968, p. 9: "*This man was the first to invoke the name of Yahweh*").

[8] Хотя за последнее время в изучении древнейеменского многобожия достигнут значительный прогресс (см.: Ryckmans J. 1984; 1987; 1992; Bron 1995; Robin 1996, col. 1156–1189), наши знания о нем остаются весьма неполными. Так, южноаравийская мифология, скорее всего передававшаяся изустно, оказалась практически полностью утраченной (см. Robin 1996, col. 1156), а ее реконструкции, основанные на фольклорном материале (см., например, Daum 1985), остаются крайне сомнительными, и в подавляющем большинстве случаев исследователям остается только догадываться о функциях тех или иных божеств местного пантеона и об их родственных отношениях.

ховным правителям (*мукаррибам* и *маликам*-царям)[9] как к «живым богам» или потомкам богов было совершенно не свойственно южноаравийской цивилизации, за единственным исключением.

Речь идет о царе Аусāна Йаҫдуḳ'иле Фари'^{ум}'е Шараḥ'ате (*Yṣdq'l/Fr'^{m}/S^{2}rḥ't*), который, согласно надписи CIAS 49.10/s4/F 58 n° 3 = RES 3888, был сыном другого царя этого же государства, Ма'дӣ'ила Салḥāна (*M'd'l/S^{1}lḥ^{n}*). Однако в восьми других текстах, где Йаҫдуḳ'ил упомянут, он именуется сыном Вадда (*Wd^{m}*)[10] — бога, почитание которого было широко распространено по всей Аравии. Хотя прямо этот аусāнский царь божеством не назван, в формуляре семи надписей, которые ему посвящены, он занимает то место, которое всегда отводится южноаравийским богам и богиням: непосредственно после глагола *s^{1}qny* «посвятил» (RES 461, 4232; CIAS 96.51/o1/R 71, 49.10/o1 n°s 1–4)[11]. В тех шести случаях, когда были указаны объекты посвящения, ими оказались бронзовые статуи[12], которые в древнейеменском ритуале использовались в роли вотивных предметов чаще всего. Культ Йаҫдуḳ'ила Фари'^{ум}'а Шараḥ'ата отправлялся в храме На'мāн, который служил святилищем его божественного отца Вадда[13]. Интересно, что обожествление касалось лично данного царя Аусāна и никак не отражалось на статусе даже его ближайших родственников. Так, сестра Йаҫдуḳ'ила обращалась к своему божественному брату как обычная посвятительница (CIAS 49.10/o1

---

[9] О характере этих магистратур, вторая из которых постепенно превратилась в институт монархии, см.: Французов 2002, с. 254–262.

[10] RES 461$_{[2]-3}$; RES 4232 = Ry 116$_{[2]}$; CIAS 96.51/o1/R 71 = Louvre (catalogue) 90 = RES 454$_{2-4}$; CIAS 49.10/o1 n° 1 = RES 4102$_{2-4}$; CIAS 49.10/o1 n° 2 = RES 3902 n° 137$_{2-3}$; CIAS 49.10/o1 n° 3$_{2-3}$; CIAS 49.10/o1 n° 4$_{3-4}$ (большая часть этого текста, без правого нижнего угла, издана под сиглом RES 3902 n° 159 bis); CIAS 49.10/p2 n° 1 = RES 3884 bis$_{1-3}$.

Еще в одной надписи, упоминающей Йаҫдуḳ'ила (RES 4277 = Louvre (catalogue) 43), приведены только полное имя и титул этого царя, без патронимии.

[11] В своем фундаментальном (хотя на сегодняшний день изрядно устаревшем) очерке, посвященном южноаравийскому пантеону, А. Жамм одним из первых отнес Йаҫдуḳ'ила к числу «personnages jouissant de prérogatives divines, et élevés ainsi au rang d'êtres divinisés» (Jamme 1947, p. 144), однако неправомерно отождествил этого царя с его тезками, имевшими иной набор «эпитетов», в частности с его дедом Йаҫдуḳ'илом Фари'^{ум}'ом (Jamme 1947, p. 144: n. 809–811; ср.: Французов 2002, с. 262: табл.).

[12] Разумеется, сами эти статуи не сохранились: до нас дошли, полностью или частично, лишь их постаменты, на которых и высечены данные тексты (RES 4232; CIAS 49.10/o1 n°s 1–4 и, вероятно, RES 461). Такая ситуация типична для памятников материальной культуры древнего Йемена.

[13] Об этом свидетельствуют формулы *'d/mḥrm-s^{1}/N'm^{n}* «в его храме На'мāн» (RES 461$_{[3]-4}$, 4232$_{4}$; CIAS 96.51/o1/R 71$_{4-5}$, 49.10/o1 n° 2$_{4}$, 49.10/o1 n° 3$_{3-4}$, 49.10/o1 n° 4$_{4-[5]}$) и *ḥg/wqh/'b-s^{1}/Wd^{m}/b-ms^{1}'l-s^{1}* «как повелел его отец Вадд^{ум} в своем оракуле» (RES 461$_{4-5}$, 4232$_{5}$; CIAS 49.10/o1 n° 2$_{5}$, 49.10/o1 n° 3$_{4-5}$, 49.10/o1 n° 4$_{5}$), обычно следующие друг за другом (в RES 4232$_{3-4}$ — в обратном порядке). Логично предположить, что оракул Вадда испрашивали и получали в храме этого бога.

Исходя из контекста, в формуле *'d/mḥrm-s^{1}/N'm^{n}* қатабāнский местоименный суффикс 3 л. ед.ч. *-s^{1}* мог относиться либо к Вадду, либо к Йаҫдуḳ'илу. Очевидно, на этом основании Кр. Робен пришел к заключению о невозможности установить, кому из них был посвящен этот храм (Robin 1996, col. 1164). Однако упоминание *'b'l/N'm^{n}* «владык (храма) На'мāн» в перечне божеств из царской гробничной надписи CIAS 49.12/f1 n° 1$_{2}$ позволяет решить эту проблему. Палеографически эта надпись несомненно является более ранней, чем тексты Йаҫдуḳ'ила Фари'^{ум}'а Шараḥ'ата, и упоминаемого в ней Ма'дӣ'ила следует отождествить с одним из его предков (с его отцом Ма'дӣ'илом Салḥāном или с его прадедом, если тот был царем; см.: Французов 2002, с. 261: табл.). Следовательно, На'мāн явно существовал до Йаҫдуḳ'ила. Ссылка на *'b'l/N'm^{n}* не противоречит выводу о том, что храм На'мāн являлся святилищем Вадда, поскольку в южноаравийской религиозной практике известны случаи почитания второстепенных божеств наряду с основным богом в одном и том же храме (см., например, выражение *'lhty/mḥrm-s^{1}/'lm* «богини его храма Алӣм» в RES 2693$_{5}$, где речь идет о главном столичном святилище ҳадрамаутского «национального» бога Сӣна/Сийāна).

n° 4)[14]. Схожая практика индивидуального обожествления правителей характерна для подавляющего большинства эллинистических государств и Римской империи. На возможность ее заимствования оттуда указывает статуя Йаçдуḳ'ила Фари'ум'а Шараḥ'ата (CIAS F 58/s4/49/10 n° 3), выполненная местным мастером под явным греко-римским влиянием[15]. Время правления этого аусāнского царя, на основании палеографических критериев приблизительно датируемое I в. н.э.[16], также хорошо согласуется с подобной гипотезой. Хотя представление о божественных монархах не прижилось ни в Аусāне, ни в других южноаравийских государствах[17], древнейеменской эпиграфической традиции известны по меньшей мере еще два обожествленных человека, не являвшихся носителями верховной власти.

Небольшая вотивная надпись Gl A 788, формуляр и особенности языка которой позволяют отнести ее к среднесабейскому периоду (I — начало IV в. н.э.)[18], была составлена Гаддна'ӣм, служительницей сабейского эпонимного рода Ḥазфар^{ум} (l. 1: *Gdn'm/mqtwy[t]/bn/Ḥzfr^{m}*)[19], ради благополучия ее мужа Аслама (ll. 3–4: *l-wfy/*

---

[14] От этой надписи сохранилась лишь середина, однако ее реконструкция, предложенная Жаклин Пиренн, представляется убедительной.

[15] Высказывавшееся ранее мнение о том, что эта статуя изображает не самого царя, а одного из его почитателей (см.: Французов 2002, с. 262: примеч. 1), следует признать необоснованным. Как видно из надписи на постаменте, данная скульптура была изготовлена до обожествления царя Йаçдуḳ'ила, который назван в ней *bn/M'd'l/S^{1}lḥ^{n}/mlk/'ws^{1n}*, а не *bn/Wd^{m}*.

[16] Об этом свидетельствует, в частности, появление змеевидного ⦚, «открытого» ⦚ в форме прямоугольника с тремя вогнутыми сторонами и), центральный угол которого превратился в дугу, при сохранении классических начертаний большинства других знаков.

О месте династии, к которой принадлежал Йаçдуḳ'ил Фари'ум Шараḥ'ат, в истории Аусāнского государства, локализуемого в районе вāдӣ Марḫа (Robin–Brunner 1997, H/I-7/8), см.: Французов 2002, с. 261–262. Тесная связь позднего Аусāна с Ḳатабāном, в состав которого аусāнские земли, вероятнее всего, входили в середине — 2-й половине I тыс. до н.э., подтверждается тем, что во всех случаях, когда удается определить язык надписей, в которых упоминаются цари Аусāна I в. до н.э. — I в. н.э., им оказывается ḳатабāнский (см.: CIAS 49.10/o1 n°s 1–4, 49.10/p2 n° 1, 49.12/f1 n° 1).

[17] Французов 2002, с. 262.

[18] Речь идет главным образом о выражении *b-kl/s^{1}b't/ys^{1}b'-n/b-ḍr^{m}/w-* | *s^{1}lm^{m}* «во всех свершениях, которые он осуществляет во время войны и мира» (ll. 4–5). Кроме того, употребление *-hw* в качестве местоименного суффикса 3 л. ед.ч. не только мужского, но и женского рода (ll. 2, 3, 5) характерно как раз для среднесабейской эпиграфики (Beeston 1984, p. 40: § 23:2).

К сожалению, фотография этой надписи или ее эстампажа не опубликована, что исключает палеографическую датировку.

[19] Женское имя *Gdn'm* встречается в сабейском и ḳатабāнском (Sholan 1999, S. 34, 59–60, 114; Avanzini 1985, p. 52–53).

Ее должность-титул *mqtwyt* указывает на то, что она исполняла административные обязанности, являясь своего рода «доверенным лицом», «личным помощником», «чиновником по особым поручениям» (см. значения этого термина в Beeston et al. 1982, p. 109). *Муḳтавийи* среднесабейского периода, служившие царям, конкретным членам знатных родов, а иногда и целым родам, составляли ядро формирующейся южноаравийской бюрократии. Их собственная родовая принадлежность зачастую не указывалась, чтобы подчеркнуть индивидуализированный характер их отношений с теми, у кого они находились на службе (подробнее о характере должности *муḳтавийа* см.: Коротаев 1997, с. 42–44, 48, 53, 130–131).

Род Ḥазфар^{ум} на протяжении всей сабейской истории занимал господствующее положение в общине (племени) ḫалӣл, игравшей важную (едва ли не ключевую) роль в государстве Саба' (Лундин 1971, с. 222). Ошибочное написание этого родового имени как ⦚)⦚⦚⦚ исправлено уже в переводе (см.: Botterweck 1950, S. 437–438).

Хотя место находки Gl A 788 остается неизвестным, наличие клиентов рода Ḥазфар^{ум} среди жителей Мариба, членов общины саба' (см. Ja 740 A_{12-14}: *'mr'-h=* | *mw/bnw/Ḥzfr^{m}/w-s^{2}'b-hmw/S^{1}=* | *b'*), а также вероятная локализация земельных владений Ḥазфаритов (Ja 821 A_4: *'rḍ/bn/Ḥzfr^{m}*) в этом районе позволяет предположить, что данный текст также происходит из сабейской столицы или ее окрестностей.

's[1]*-hw/'s*[1]*l*= | *m*), ее сына Са'дшамс[ум]'а (ll. 5–6: *w-l-wfy/bn-hw/S*[1]*'ds*[2]= | *ms*[1*m*]) и ради того, чтобы сберечь свое собственное тело (ll. 6–7: *w-l-wfy/grb/'mt-hw/G*= | *dn'm*). Известен аналог этого текста, палеографически датируемый тем же среднесабейским периодом — CIH 560, составленный Амаṣавāн[20], служанкой (или даже рабыней) рода Ḫазфар[ум] (ll. 1–3: *'mṯwn/'m*= | *t/bn/Ḥzfr*= | [*m*]), ради благополучия ее хозяев (ll. 5–6: *l-wfy-hm*= | *w*)[21]. Однако если CIH 560 посвящен сабейскому богу Ḳайнāну[22], то в Gl A 788 в роли божества выступает некий Хауф'ил[23]: он упомянут в вотивной формуле как адресат посвящения (l. 2: *hqnyt/mr'-hw/Hwf'l*), посвятительница именует себя «его рабыней» (l. 6: *'mt-hw*), наконец, в финальной инвокации стоит только его имя (l. 7: *b-Hwf'l*). Совокупность этих признаков[24] позволила издателю надписи высказать предположение о том, что Хауф'ил представлял собой «eine Art Heros, dem man wie einem Gott Weihgaben darbrachte»[25].

Данное мнение закрепилось в сабеистике[26], и подтверждением ему стала недавно опубликованная посвятительная надпись Kitchen-Pars Antiques 2, хранящаяся в одной из частных коллекций г. Бат (Великобритания). К сожалению, с интерпретацией этой надписи, предложенной издателем, трудно согласиться. И дело здесь не только в недостатке арабистической эрудиции у известного египтолога Кеннета Китчена, по мнению которого, "*the personal name Raba'at is known, but rare*"[27]. Такие огрехи легко устранимы: так, имя автора надписи, конечно звучавшее как Рабī'а (араб. ربيعة), в действительности является одним из наиболее распространенных антропонимов в генеалогиях арабских племен, восходящих к доисламскому времени[28]. Хуже другое — при формально правильном переводе подлинное содержание текста осталось не понятым, не говоря уже о его значении для реконструкции южноаравийской религиозной системы. Для того чтобы критика комментариев К. Китчена была более наглядной, стоит привести этот небольшой текст целиком с переводом.

[20] Это женское имя засвидетельствовано в южноаравийской эпиграфике единственный раз (Sholan 1999, S. 32, 50, 99).

[21] Гораздо более низкий социальный статус Амаṣавāн по сравнению с Гаддна'йм отразился и на содержании ее посвящения: в нем она печется не о себе и своих близких, а о хозяевах.

[22] См. о нем в: Jamme 1947, p. 133–134.

[23] Этот антропоним широко представлен в надписях, составленных на всех четырех эпиграфических языках древней Южной Аравии (см.: Harding 1971, p. 630; IDIS, 7, p. 230; Arbach 1993, II, p. 57; Hayajneh 1998, S. 262, 346; Frantsouzoff 2001b, p. 128–132, 141–142).

[24] Строго говоря, последние два из них, взятые по отдельности, не всегда позволяют однозначно идентифицировать божество. Например, в одной ḥадрамаутской надписи из храма Майфа'āн (городище Райбун XIV) единственное имя, стоящее в финальной инвокации *w-b-Q*= | *ṯm*, принадлежит богатому почитателю или жрецу бога Сйна/Сийāна (Рб XIV/89 № 246 а–г = СОЙКЭ 2161$_{6-7}$; см.: Frantsouzoff (в печати), n° 1).

[25] Botterweck 1950, S. 438.

[26] См.: Robin 1982, II, p. 8; Robin 1996, col. 1164.

[27] Kitchen 1998, p. 148.

[28] Ibn al-Kalbī (Caskel) 1966, II, S. 476–483.

Kitchen-Pars Antiques 2

Текст[29]	*Перевод*
1. *Rb't/d̲-Frzn^{n}/hqny/m=*	Рабй'а зӯ Фарзанăн посвятил гос-
2. *r'-hw/Hwf'l/bn/Grm=*	подину своему Хауф'илу сыну Гарм^{ум}'а
3. *^{m}/ṣlm-nhn/d̲-ṣrf^{n}/w-*	две статуи: из серебра и
4. *d̲-d̲hb^{n}/d̲-s^{2}ft-hw/l-d̲t*	из бронзы, — которые обещал ему за то,
5. *h'n/w-mt'-n/Hwf'l/bn*	что Хауф'ил помог и избавил от
6. *ḫlẓ/ḫlẓw/w-l-d̲t/*	болезни, которой они болели, и ради того,
7. *yz'-n/Hwf'l/h=*	чтобы продолжал Хауф'ил по-
8. *'n/w-mt'-n/grybt-h=*	могать и избавлять тела
9. *mw/bn/ḫlẓ^{m}/*	их от болезни.

Несмотря на то что в формуляре надписи Хауф'ил занимает место, предназначенное для бога, издатель упорно отказывается это признать, характеризуя его как "*Raba'at's fellow-human and superior*" и подчеркивая, что "*Hawi-il is himself not some deity in disguise, but merely human*"[30]. Странно, что К. Китчен проигнорировал надпись Gl A 788, не обратив внимания на то, что она посвящена лицу, носившему то же имя. Согласно его толкованию, Хауф'ил был врачом, излечившим себя и Рабй'у, о чем свидетельствует посвящение двух статуй, а также множественное число глагола *ḫlẓw* и местоименного суффикса в *grybt-hmw*[31]. Действительно, в сабейском языке среднего периода по отношению к двум лицам наряду с двойственным стало употребляться и множественное число[32], однако в южноаравийской эпиграфике нет ни одного случая, когда бы глагол или слитное местоимение одновременно относились и к посвятителю, и к адресату посвящения. В данном контексте множественное число несомненно относится к членам рода Фарзанăн, которые страдали от болезни[33]; посвящение же именно двух статуй символизирует, скорее всего, количество выздоровевших сородичей Рабй'ы.

Неожиданно близкая параллель формуляру Kitchen-Pars Antiques 2 была обнаружена в ҳадрамаутской эпиграфике. Речь идет о пока полностью не изданной надписи Рб XIV/87 № 113 из храма Майфа'ăн, где говорится, что бог Сйн/Сийăн «избавил Габн^{ум}'а от одной из болезней, которой он болел, и тот снискал благоволение Сйна, который окончательно избавил (букв.: избавлением избавил) Габн^{ум}'а от болезни, которой он болел...» (ll. 7–9: *mt'/Gbn^{m}/bn/bn/*[*m*]*rḍ/mrḍ/w-* | *w-t's^{1}m/'d̲n/S^{1}yn/*[*d̲-*]*mt't/ s^{1}mt'* | *Gbn^{m}/bn/mrḍ*[*/*]*mrḍ/* ...)[34]. Обращает на себя внимание использование того же самого глагола *mt'* (правда, не только в основной, но и в каузативной породе), который встречается в сабейском тексте, посвященном Хауф'илу[35]. Подобное сходство

[29] Текст надписи сверен не только с фотографией, опубликованной в Kitchen 1998, p. 146: fig. 4, но и с другим его снимком (лучшего качества), любезно предоставленным Кр. Робеном, причем выяснилось, что в издании К. Китчена пропущены словоразделители перед последним словом стк. 1 и в конце стк. 9.

[30] Kitchen 1998, p. 149.

[31] Ibid.

[32] Frantsouzoff 2003, p. 45–46.

[33] А.В. Коротаев, детально изучивший подобное явление, связывал его с растворением социального статуса индивида в социальном статусе рода (см.: Коротаев 1997, с. 40–63).

[34] Frantsouzoff 2001a, p. 60. «Удвоение» предлога *bn* в стк. 7 объясняется в: Ibid., p. 65–66: n. 8.

[35] Ср. также употребление глагола *h'n* в Kitchen-Pars Antiques 2 и его ҳадрамаутского аналога *s^{1}t'n* (а также *s^{1}t'n*) в надписи RF-Alīm 1 из Шабвы.

объясняется, конечно, не заимствованием, а единством южноаравийской культуры, общие корни которой оказались гораздо более глубокими, чем можно было себе недавно представить. Благодаря анализу райбўнских надписей, открытых в 1983–1991 гг. Советско-Йеменской комплексной экспедицией, удалось установить, что одной из функций бога Сйна было излечение от болезней[36]. Таким образом, есть основания рассматривать Хауф'ила сына Гарм^{ум}'а[37] как обожествленного целителя, своего рода «сабейского Асклепия». Стоит отметить, что в Gl A 788 посвятительница печется о своем теле (ll. 6–7: *w-l-wfy/grb/'mt-hw/G=* | *dn'm*), т.е., вероятнее всего, о сохранении его в добром здравии. Это — дополнительный аргумент, подтверждающий, что в обеих надписях речь идет об одном и том же Хауф'иле. К сожалению, место находки Kitchen-Pars Antiques 2 остается неизвестным. Лишь по аналогии с Gl A 788 можно осторожно предположить, что этот постамент, на верхней грани которого сохранились следы крепления двух статуй[38], происходит из Марибского оазиса. Родовое имя автора текста не может помочь в решении данной проблемы, поскольку в южноаравийской ономастике оно встречается впервые. Зато без нўнации оно засвидетельствовано в ṣафаитской эпиграфике[39], так что его сочетание с именем Рабй'а, значительно шире представленным в арабских родословиях, чем в древнейеменских текстах[40], наводит на мысль о том, что автором Kitchen-Pars Antiques 2, возможно, был сабеизированный араб. Палеографическая датировка этой надписи концом III — началом IV в. н.э.[41] неоправданно заужена: особенности ее шрифта свободно вписываются в хронологический интервал по меньшей мере со II по середину IV в.

О другом обожествленном человеке сообщается в надписи Robin-Umm Layla 1 = Ja 2877, которая была составлена от имени народного собрания общины ḫаулāн гадйдāн (ll. 1–2: *'tm/w-gm/s*^{2} *'b*^{n}*/Ḥwl*^{n}*/G=* | *dd*^{n}), т.е. «новый ḫаулāн»[42], обитавшей в северной части Йеменского нагорья (в районе г. Ṣа'да)[43], в связи с возведением укреплений против эфиопов, вторгнувшихся на их землю (ll. 5–6: *l-tṣn'-n/bn-Ḥbs*^{2n}*/l-* | *mẓ'w/ 'rḍ-hmw*)[44]. Среди божеств, к помощи которых обращались ее авторы, наряду с тремя местными «ипостасями» верховного бога южноаравийского пантеона 'Аṯтара (ll. 7–8: *'ṯtr/ḏ-Rḥb*^{m}*/w-'ṯtr/ḏ-Ḥ=* | *ḍr*^{n}*/w-'ṯtr/ḏ-Kbd*^{n}) упомянут «Лаḫай'аṣат, бог Ḫасўфāна» (ll. 8–9: *Lḥy=* | *'ṯt/'lh-Ḥṣf*^{n}). К сожалению, никаких больше данных об этом «обожествленном герое (*héros divinisé*)»[45] пока не обнаружено, а предположение Кр. Робена о том, что Лаḫай'аṣата причислили к богам за открытие или разработку двух золотых копей, на-

[36] Frantsouzoff 1997, p. 122; Frantsouzoff (в печати), Appendice.

[37] Хотя предложенную К. Китченом интерпретацию *bn/Grm*^{m} как родового имени (Kitchen 1998, p. 149) нельзя полностью исключать, гораздо логичнее рассматривать его в качестве патронимии, хотя бы с учетом того, что в имени автора на род указывает частица *ḏ-*, а не *bn*.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на распространенность корня *GRM* в древнеаравийской ономастике (Harding 1971, p. 159–160), данная форма с миммацией засвидетельствована впервые.

[38] Kitchen 1998, p. 149.

[39] Harding 1971, p. 465.

[40] Ср. Ibn al-Kalbī (Caskel) 1966, II, S. 476–483 и Harding 1971, p. 267.

[41] Kitchen 1998, p. 148.

[42] В арабо-мусульманской генеалогической и географической традиции ему соответствует этнотопоним Ḫаулāн Ḳудā'а (Robin 1982, I, p. 27).

[43] См.: Robin–Brunner 1997, D-2/3.

[44] Об интерпретации *l-* перед глаголом в перфекте 3 л. мн.ч. как неизменяемого относительного местоимения см.: Robin 1982, II, p. 8.

[45] Robin 1982, II, p. 8.

ходившихся, согласно ал-Ҳасану ал-Хамдāнӣ (X в. н.э.), близ города ал-Ҳасӯф[46], при всей его привлекательности является чисто умозрительным. Интересно, что в комментарии А. Жамма *Lḥy'ṯt* обозначен как "another deified man" и отнесен к той же категории «обожествленных существ», что и Йаҫдуқ'ил[47]. Кр. Робен сравнивает Лаҳай'аҫата не только с этим аусāнским царем, но и с Хауф'илом[48]. Добавим от себя, что *Lḥy'ṯt* принадлежит к числу распространеннейших южноаравийских антропонимов, но в отличие от имени *Hwf'l* не засвидетельствован пока в ҳадрамаутской ономастике[49].

Не исключено, что между всеми этими деятелями существует не только типологическое сходство. Надпись Robin-Umm Layla 1 = Ja 2877 датируется на основании упоминания в ней «эфиопов» (*Ḥbs*^{2n}) приблизительно 200–270 гг. н.э.[50]. Таким образом, имелось достаточно времени (около полутора столетий) для того, чтобы обычай обожествления выдающихся людей, претерпев серьезные изменения[51], проник из Аусāна через Марибский оазис на северную окраину Южной Аравии.

Вполне вероятно, что в пантеоне ҳаулāнитов земное происхождение имел не только Лаҳай'аҫат. Сохранившееся в арабской традиции предание об идоле 'Умйāнисе (عميانس)[52] или 'Амм Анасе (عم أنس)[53], которому поклонялся ҳаулāн, уверенно отождествляемый Кр. Робеном с ҳаулāном қудā'а[54], т.е. с «новым» ҳаулāном, относится, по всей вероятности, еще к одному обожествленному предку или герою, носившему типичное южноаравийское имя 'Аммӣ'анас (*'m'ns*[1]), представленное во всех эпиграфических языках древнего Йемена[55]. Впрочем, эта весьма заманчивая гипотеза пока не подтверждена эпиграфическим материалом[56].

---

[46] Ibid., p. 9, 118: n. 19, 20; см. al-Hamdânî (Toll) 1968, f. 23b (S. 138–139). Следует отметить, что отождествление нигде более не засвидетельствованного топонима или этнонима *Ḫf*^{c} с расположенным в 60 км к западу от Ҫа'ды современным селением ал-Ҳасӯф основано лишь на сходстве названий и остается гипотетическим (впрочем, см. Robin–Brunner 1997, C-3).

[47] Jamme 1979, p. 35, 36: n. 36.

[48] Robin 1982, II, p. 8. При этом он, разумеется, ссылался только на Gl A $788_{2,7}$.

[49] Harding 1971, p. 513; IDIS, 7, p. 266–268; Arbach 1993, II, p. 74; Hayajneh 1998, S. 337–338.

[50] Robin 1979, p. 147, 152. Ни другие хронологически существенные детали, извлекаемые из данного текста (например, ссылка на *bny/Shym*^{m} как на «господ» (*'mr'*) общины ҳаулāн гадйдāн; см. Robin 1982, I, p. 33–34; II, p. 9), ни его палеографические особенности не позволяют уточнить эту датировку.

[51] Для эллинистической (и римской) традиции совершенно не характерно обожествление любых людей, кроме глав государств. К сожалению, остается неизвестным, какое место в социально-политической иерархии занимали Хауф'ил и Лаҳай'аҫат. Нельзя исключать того, что они принадлежали к локальной элите и даже являлись своего рода властителями на местном уровне: предводителями родов, общин или племен. Однако даже в таком случае следует констатировать, что сфера действия обычая обожествления в Южной Аравии существенно расширилась по сравнению с греко-римским миром.

[52] Ibn el Kalbî (Zéki Pacha) 1924, p. 43_{9}–44_{4}; Ибн ал-Калбӣ (Полосин) 1984, с. 31.

[53] Ibn Ishâk/Ibn Hischâm (Wüstenfeld) 1858-60, 1/1, S. 53_{4-12}.

[54] Robin 2003, p. 135, n. 201. В одном из вариантов родословий ҳауланитов, почитавших этого идола, Ҳаулāн выступает как правнук Қудā'ы (Ibn Ishâk/Ibn Hischâm (Wüstenfeld) 1858-60, 1/1, S. 53_{10}).

[55] Harding 1971, p. 435; IDIS, 7, p. 164; Arbach 1993, II, p. 18; Hayajneh 1998, S. 329.

[56] Странное имя этого идола привлекло внимание израильского исследователя И. Гольдфельда, который, однако, не мог согласиться с тем, что типичный антропоним служил именем божества, и потому предложил исправить عميانس на *'mm'nby*, имея в виду двух верховных қатабāнских богов 'Амма и Анбайа (Goldfeld 1973, p. 116–117).

Впервые отголоски сведений об обожествлении 'Аммӣ'анаса увидел в этом предании Кр. Робен (Robin 1982, II, p. 9), причем возможным кандидатом на посмертное обретение статуса бога он считал ҳауланитского вождя начала III в. н.э. 'Аммӣ'анаса сына Ҫинҳāна, упомянутого в CIH 308_{18-19} (Robin 2003, p. 135, n. 201; ср. Goldfeld 1973, p. 116).

Остается еще одна группа богов, которых ряд исследователей склонен считать обожествленными людьми исключительно из-за того, что по своей структуре их имена похожи на антропонимы. Это — Йада'сумхӯ/Йада'исмух(у) (*Yd's^{1}mh(w)*) и 'Азйзлāт/'Азйзаллāт (*'zzlt*)[57]. Первый из них известен по финальным инвокациям нескольких ранних сабейских и мазāбских[58] надписей из Харама (VII–V вв. до н.э.)[59]. Переиздавший их Кр. Робен отнесся к гипотезе о человеческой природе Йада'исмух(у) с определенным скепсисом, поскольку антропоним *Yd's^{1}mh(w)* нигде не засвидетельствован[60]. До нас дошло только одно посвящение 'Азйзаллāту (CIH 557), палеографически датируемое первыми веками нашей эры. Теофорных имен, связанных с ал-Лāт, обнаружено немало[61], но *'zzlt* среди них отсутствует[62]. В качестве альтернативной гипотезы можно допустить, что здесь мы имеем дело с второстепенным божеством («духом» или «гением»), подчиненным этой богине. Данная категория сверхъестественных существ, таких, как *Wrfw/'mr-'m* или *rb't/Dt/Ḥmym*, занимала в древнейменском пантеоне заметное, хотя и не вполне ясное место[63].

Претендентом на роль обожествленного лица может считаться и ḥадрамаутский Ḥалай'ил, упомянутый в инвокации после бога Сйна/Сийāна и богини Ḥаул[64], но перед *маликом* — царем Ḥадрамаута (RES 3869$_{4}$: *b-Syn/w-Ḥwl/w-Ḥly'l/w-mlk/Ḥḍrmt*)[65]. Впрочем, этот антропоним в других надписях так и не найден[66].

Вопреки Кр. Робену нет оснований связывать с обожествлением имя собственное Сумӯйада'/сумӯйада' (*S^{1}myd'*), упомянутое трижды в поврежденных контекстах сабейских надписей середины II и конца III в. н.э. (RES 4775$_{4}$ и Ir 14$_{3-4,5}$), тем более что, по мнению Ж. Рикманса, на которое этот французский сабеист ссылается[67], речь здесь идет об этнониме, вероятно составлявшем пару с ḥалйлом и символизировавшем зӯ Райдāн, т.е. Ḥимйар[68].

Таким образом, все засвидетельствованные в южноаравийской эпиграфике бесспорные упоминания обожествленных людей: аусāнского царя Йаṣдуḳ'ила, марибского (?) целителя Хауф'ила и ḥаулāнитского рудознатца (?) Лаḥай'аṣата — хронологически хорошо согласуются с гипотезой об эллинистическо-римских корнях этого

[57] Jamme 1947, p. 144–145; Robin 1982, II, p. 9; 1996, col. 1164.

[58] Этим термином удобно обозначать раннюю разновидность ма'йнского языка, существовавшую до возникновения государства Ма'йн.

[59] Haram 5 = CIH 512$_{8-9}$; Haram 11 = RES 2742$_{8-9}$; Haram 12 = RES 2743$_{13-14}$; Haram 14 = RES 2745$_{5-6}$; Haram 20 = RES 2749$_{6}$; Haram 49 = CIH 518$_{5}$.

[60] IDIS, 1, p. 45. Следует подчеркнуть, что оба его составных элемента, *YD'* и *SMH*, часто встречаются в южноаравийских именах собственных.

[61] Harding 1971, p. 908–925; IDIS, 7, p. 445.

[62] Правда, в одной ṣафаитской надписи зафиксирован близкий ему антропоним 'Иззаллāт (*'zlt*; см. Harding 1971, p. 418).

[63] См., например: Frantsouzoff 1995, p. 19.

[64] См. о ней IDIS, 5, p. 242.

[65] Эта надпись датируется серединой V — первой четвертью IV в. до н.э. благодаря тому, что один из двух ḥадрамаутских *маликов*-царей, являющихся ее авторами, Илсами' Зубйан сын Малкйкариба, называл «своим братом», т.е. союзником, царя Ма'йна Абйада' Йаṣа' (Ma'in 8 = RES 2775$_{1-2}$), на годы правления которого приходится знаменитый «минейский (или ма'инский) синхронизм». Наиболее убедительная привязка этого синхронизма к абсолютной хронологической шкале дана в: Бауэр 1994, с. 167–177.

[66] Однако не исключено, что ма'йнское личное имя *Ḥl'l* (Arbach 1993, II, p. 65) представляет собой другой вариант его написания.

[67] Robin 1982, II, p. 8, 118: n. 18.

[68] Ryckmans J. 1974, p. 256–257.

обычая. Однако включение в число богов тех, кто явно не стоял во главе государств, указывает либо на серьезную его трансформацию[69], либо на существование в древнем Йемене собственной, туземной, традиции обожествления. Типологически близкую параллель для нее можно попытаться отыскать в Древнем Египте, где мы сталкиваемся с культом зодчих Имхотепа, советника царя Джосера, и Аменхотепа сына Хапу, современника Аменхотепа III, который в позднюю и птолемеевскую эпохи практически ничем не отличался от культа настоящих богов[70].

Возможно, и обожествление царя Аусāна Йаçдуḳ'ила следует рассматривать в русле местной южноаравийской, а не эллинистической традиции.

Какая бы из этих гипотез ни оказалась верна, можно с уверенностью утверждать, что обожествление людей не было в доисламском Йемене редким исключением, нарушавшим устоявшиеся религиозные нормы. Вряд ли случайно имена Хауф'ил, Лаḫай'аçат и 'Аммӣ'анас принадлежат к числу широко распространенных антропонимов. Не сталкиваемся ли мы здесь с народным пластом южноаравийского политеизма, который лишь в первые века нашей эры стал изредка находить отражение в монументальных надписях?

Во всяком случае, теперь у арабо-мусульманской легенды об обожествленных в допотопные времена праведниках нашлись древнейеменские корни.

Библиографические сокращения

Бауэр 1994 — *Бауэр Г.М.* Ма'ин на пути в Египет и Восточное Средиземноморье // Красноморские заметки, I / Под ред. Э.Е. Кормышевой и А.В. Седова. М.: [Институт востоковедения РАН], 1994 (Материалы по истории цивилизации древней Южной Аравии), с. 156–184.

Ибн ал-Калбӣ (Полосин) 1984 — *Хишāм ибн Муḫаммад ал-Калбӣ.* Книга об идолах (Китāб ал-Аçнāм) / Пер. с араб., предисл. и примеч. Вл.В. Полосина. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984 (Памятники письменности Востока, LXVIII).

ал-Ирйāнӣ 1973 — *Мутаххар 'Алӣ ал-Ирйāнӣ.* Фӣ та'рйḫ ал-Йаман. Шарḥ ва-та'лӣḳ 'алā нуḳӯш лам туншар. 34 наḳш[an] мин маджмӯ'ат ал-ḳāдӣ 'Алӣ 'Абдаллāх ал-Кахāлӣ. Ал-Ḳāхира: Дāр ал-Ханā ли-ṭ-ṭабā'а, [1973].

Коротаев 1997 — *Коротаев А.В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

Лундин 1971 — *Лундин А.Г.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971.

Пиотровский 1991 — *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991.

Пятикнижие (Шифман) 1993 — От Бытия до Откровения. Учение. Пятикнижие Моисеево / Пер., введ. и коммент. И.Ш. Шифмана. М.: «Республика», 1993.

Пятикнижие (Штейнберг) 1979 — Пятикнижие Моисеево с дословным русским переводом О.К. Штейнберга. Издание фототипное. М.: Религиозное общество Московской хоральной

[69] См. выше, примеч. 51.

[70] Wildung 1977, S. 298–302. Первый из них в античной традиции рассматривался скорее как божественный целитель (!) и отождествлялся с Асклепием (ibid., S. 88–109), а второй в греческом тексте на остраконе из Фив прямо именуется θεοῦ [μεγίστου] «[величайшим] богом» (ibid., S. 266). Известны также случаи обожествления элефантинских номархов.

За консультацию по этому вопросу автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Андрею Олеговичу Большакову (Государственный Эрмитаж).

синагоги, 1979 (воспр. по изд.: Вильна: Типография И.И. Пирожникова, 5662 г. от Сотв. мира).

Французов 2002 — *Французов С.А.* Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тыс. до н.э. — 1-й половине I тыс. н.э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // Петербургское востоковедение, вып. 10. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002, с. 246–270.

Arbach 1993 — *Arbach M.* Le maḏābien: Lexique — Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique. Thèse de doctorat — Nouveau régime / Sous la direction de Ch. Robin. Vol. I–III. Aix-en-Provence, 1993 (inédite).

Avanzini 1985 — *Avanzini A.* L'onomastica feminile qatabanica // Studi in onore di Edda Bresciani / Pubblicati a cura di S.F. Bondì, S. Pernigotti, F. Serra e A. Vivian, Pisa: Giardini Editori e Stampatori in Pisa, 1985, p. 40–57.

Beeston 1984 — *Beeston A.F.L.* Sabaic Grammar. [Manchester]: JSS, University of Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph No. 6).

Beeston et al. 1982 — *Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W. & Ryckmans J.* Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain-la-Neuve: Éditions Peeters — Beyrouth: Librairie du Liban, 1982 (Publication of the University of Sanaa, YAR).

Botterweck 1950 — *Botterweck G.Joh.* Altsüdarabische Glaser-Inschriften // Orientalia, 19, 1950, S. 435–444.

Bron 1995 — *Bron Fr.* Los dioses y el culto de los Árabes preislámicos // Mitología y religión del Oriente Antiguo, II/2: Semitas Occidentales (Emar, Ugarit, Hebreos, Fenicios, Arameos, Árabes) / Obra colectiva editada por G. del Olmo Lete. Barcelona: Editorial AUSA, 1995, p. 413–446.

Calvet–Robin 1997 — *Calvet Y., Robin Ch.J.* Arabie heureuse, Arabie déserte. Les antiquités arabiques du Musée du Louvre / Avec la collaboration de Fr. Briquel-Chatonnet et de M. Pic. P.: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1997 (Notes et documents des musées de France, 31).

Daum 1985 — *Daum W.* Ursemitische Religion. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1985.

EI^2 — Encyclopédie de l'islam. Nouvelle édition. T. 1–11. Leiden–Paris: E.J. Brill.

Frantsouzoff 1995 — *Frantsouzoff S.A.* The Inscriptions from the Temples of Dhāt Ḥimyam at Raybūn // PSAS, 25, 1995, p. 15–27, pl. I–II.

Frantsouzoff 1997 — *Frantsouzoff S.A.* Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybūn // PSAS, 27, 1997, p. 113–127.

Frantsouzoff 2001a — *Frantsouzoff S.A.* Epigraphic Evidence for the Cult of the God Sīn at Raybūn and Shabwa // PSAS, 31, 2001, p. 59–67.

Frantsouzoff 2001b — *Frantsouzoff S.A.* Le "tailleur de pierre" (*grby-n/-hn*) dans les inscriptions sudarabiques // Raydān, 7, 2001, p. 126–143, fig. 1–6.

Frantsouzoff 2003 — *Frantsouzoff S.A.* En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramautique épigraphique // Arabia, 1, 2003, p. 39–58, 211–213, pl. 6–8.

Frantsouzoff (в печати) — *Frantsouzoff S.A.* Epigraphic Documentation (Appendix) // *Sedov A.V.* The Temples of Ancient Ḥaḍramawt (forthcoming).

Fück 1960 — *Fück J.W.* 'Amr b. Luḥayy // EI^2, I, 1960, p. 466.

Goldfeld 1973 — *Goldfeld I.* 'Umyānis, the Idol of Khawlān // Israel Oriental Studies, III. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1973, p. 108–119.

al-Hamdânî (Toll) 1968 — Die beiden Edelmetalle Gold und Silber von al-Hamdânî / Einleitung, arabischer Text und Übersetzung von Chr. Toll. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1968 (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Semitica Upsaliensia, I).

Harding 1971 — *Harding G.L.* An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto–Buffalo: University of Toronto Press, 1971 (Near and Middle Eastern Series, 8).

Hayajneh 1998 — *Hayajneh H.* Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik. Hildesheim — Zürich — New York: Georg Olms Verlag, 1998 (Texte und Studien zur Orientalistik, Bd 10).

Ibn Ishâk/Ibn Hischâm (Wüstenfeld) 1858–1860 — Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishâk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hischâm / Hrsg. von F. Wüstenfeld. 1. Bd (1. Th., 2. Th.): Text. 2. Bd: Einleitung, Anmerkungen und Register. Göttingen: Dieterichsche Universitäts-Buchhandlung, 1858–1860.

Ibn al-Kalbī (Caskel) 1966 — *Caskel W.* Ǧamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. T. I–II. Leiden: E. J. Brill, 1966.

Ibn el Kalbî (Zéki Pacha) 1924 — *Ibn el Kalbî.* Le livre des idoles (*Kitâb el Asnâm*) / Texte arabe publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de la bibliothèque Zéki Pacha, accompagné d'une préface en français et enrichi de notes critiques par Ahmed Zéki Pacha. [2me Edition.] Le Caire: Imprimerie Bibliothèque Égyptienne, 1924.

IDIS, 1, 3, 5, 7 — Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié par les soins de Ch. Robin. T. 1: *Robin Ch.* Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Ḥarāshif, fasc. A: Les documents, fasc. B: Les planches; T. 3: *Bron Fr.* Ma'īn, fasc. A: Les documents, fasc. B: Les planches; T. 5: *Frantsouzoff S.A.* Raybūn. Ḥaḍrān, temple de la déesse 'Athtar^{um}/'Aštar^{um}, avec une contribution archéologique d'A. Sedov, fasc. A: Les documents, fasc. B: Les planches; T. 7: *Arbach M.* Les noms propres du *Corpus Inscriptionum Semiticarum, Pars quarta Inscriptiones ḥimyariticas et sabæas continens.* Paris: Diffusion de Boccard — Rome: Diffusion Herder, 1992, 1998, 2001, 2002.

Jamme 1947 — *Jamme A.* Le panthéon sud-arabe préislamique d'après les sources épigraphiques // Le Muséon, 60, 1947, p. 57–147.

Jamme 1962 — *Jamme A.* Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqîs (Mârib). Baltimore: The John Hopkins Press, 1962 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, vol. III).

Jamme 1979 — *Jamme A.* Miscellanées d'ancient (sic!) arabe, VIII. Washington: [personal publication], 1979.

Jerusalem Bible 1968 — The Jerusalem Bible. With Abridged Introductions and Notes / General Editor A. Jones. L.: Eyre & Spottiswoode, 1968.

Kitchen 1998 — *Kitchen K.A.* Three Sabaean Dedications: A Well and Three Statues // Arabia and its Neighbours. Essays on prehistorical and historical developments / Ed. by C.S. Phillips, D.T. Potts, S. Searight. Brepols, 1998 (Abiel II. New Research on the Arabian peninsula), p. 143–150.

PSAS — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Brepols.

Robin 1982 — *Robin Ch.* Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'islam. I: Recherches sur la géographie tribale et religieuse de Ḥawlān Quḍā'a et du pays de Hamdān. II: Nouvelles inscriptions. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch instituut te Istanbul, 1982 (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch instituut te Istanbul, L).

Robin 1989 — *Robin Ch.* La première intervention abyssine en Arabie méridionale (de 200 à 270 de l'ère chrétienne environ) // Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies, University of Addis Ababa, 1984 / Ed. by Taddese Beyene. Vol. 2. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, 1989, p. 147–162.

Robin 1996 — *Robin Ch.* Sheba (II. Dans les inscriptions d'Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible / Sous la direction de J. Briend et É. Cothenet. T. XII. P.: Letouzey & Ané, éditeurs, 1996, col. 1047–1254.

Robin 2000 — *Robin Ch.* Les "filles de Dieu" de Saba' à La Mecque: reflexions sur l'agencement des panthéons dans l'Arabie ancienne // Semitica, 50, 2000, p. 113–192.

Robin 2003 — *Robin Ch.* Le judaïsme de Ḥimyar // Arabia, 1, 2003, p. 97–172.

Robin–Brunner 1997 — *Robin Ch., Brunner U.* Map of Ancient Yemen / Carte du Yémen Antique. 1:1 000 000. Munich: Staatliches Museum für Völkerkunde, 1997.

Robin–Frantsouzoff 1999 — *Robin Ch., Frantsouzoff S.* Une inscription ḥaḍramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alīm à Shabwa (Yémen) // Semitica, 49, 1999, p. 155–160.

Ryckmans G. 1935 — *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes (troisième série) // Le Muséon, 48, 1935, p. 163–187.
Ryckmans J. 1974 — *Ryckmans J.* Himyaritica (3) // Le Muséon, 87, 1974, p. 237–263, pl. III.
Ryckmans J. 1984 — *Ryckmans J.* Arabie préislamique (Religions de l') // Dictionnaire des religions / Directeur de la publication P. Poupard. P.: Presses universitaires de France, 1984, p. 91–94.
Ryckmans J. 1987 — *Ryckmans J.* Die Altsüdarabische Religion // Jemen, 3000 Jahre Kunst und Kultur des glücklichen Arabien / Hrsg. von W. Daum. Innsbruck: Pinguin-Verlag — Frankfurt am Main: Umschau-Verlag, 1987, S. 111–115.
Ryckmans J. 1992 — *Ryckmans J.* South Arabia, Religion of // The Anchor Bible Dictionary, vol. 6 (Si–Z). New York–London–Toronto–Sydney–Auckland: Doubleday, 1992, p. 171–176.
Sharafaddin 1961 — *Sharafaddin A.H.* Yemen. "Arabia Felix". Taiz: Daily American, 1961.
Sholan 1999 — *Sholan A.* Frauennamen in den altsüdarabischen Inschriften. Hildesheim–Zürich–New York: Georg Olms Verlag, 1999 (Texte und Studien zur Orientalistik, Bd 11).
Wildung 1977 — *Wildung D.* Imhotep und Amenhotep. Gottwerdung im alten Ägypten. München–Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1977 (Münchner Ägyptologische Studien / Hrsg. von H.W. Müller, Heft 36).

Сиглы цитированных надписей и предметов искусства

CIAS — Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes. T. I (section 1: Inscriptions, section 2: Antiquités), t. II: Le Musée d'Aden (section 1: Inscriptions, section 2: Antiquités). Louvain: Éditions Peeters, 1977, 1986.
CIH — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta inscriptiones ḥimyariticas et sabæas continens. T. I–III (+ Tabulae). P.: E Reipublicæ typographeo, 1889–1931.
Gl A 788 — Botterweck 1950, S. 437–438.
Haram — IDIS, 1, A, p. 61–126; B, pl. 6b–21a.
Ir 14 — ал-Ирйāнй 1973, с. 88–92; Sharafaddin 1961, p. 36 (bottom): photograph.
Ja 740 A, 821 A — Jamme 1962, p. 216, 243.
Kitchen-Pars Antiques 2 — Kitchen 1998, p. 148–149, 146: fig. 2.
Louvre (catalogue) 43, 90 — Calvet–Robin 1997, p. 124, 172–173.
Ma'īn — IDIS, 3, A, p. 35–121; B, pl. 4–74.
RES — Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. T. I, V–VIII. P.: Imprimerie nationale, 1990, 1929–1968.
RF-Alīm 1 — Robin–Frantsouzoff 1999, p. 155–160, fig. 1.
Robin-Umm Laylà 1 = Ja 2877 — Robin 1982, II, p. 3–10, pl. 2; Jamme 1979, p. 33–35.
Ry 116 — Ryckmans G. 1935, p. 168–170, pl. I.

С.Б. ЧЕРНЕЦОВ
(*Санкт-Петербург*)

Литературные источники гнева императрицы Таиту, обрушившегося на Афеворка Гебре Иясуса в 1894 г., и его последствия

В 1894 г. эфиопский император Менелик II (1844–1913) поручил молодому талантливому человеку, Афеворку Гебре Иясусу (1868–1946), дальнему родственнику императрицы Таиту (1850–1918), который с 1887 г. учился живописи в Италии в Турине[1], расписывать стены собора св. Архангела Рагуила, покровителя шоанской династии, к которой принадлежал император[2]. Императрица Таиту, интересовавшаяся ходом работы, возмутилась, узнав, что Афеворк работает в церкви, не снимая башмаков, так как эфиопы обутыми в храм не входили. Молодой художник попытался сослаться на свое неведение, но этим лишь усугубил ярость императрицы. Таиту хорошо знала, что Афеворк родился и вырос на полуострове Зэге оз. Тана, известном центре эфиопской духовной культуры и богословской учености, и начинал учиться церковной живописи у своего деда Дэнке в монастыре «Завет милосердия»[3] в Ура, так что о неведении здесь говорить не приходилось. Не ему было не знать того, что известно даже ей, женщине, а именно что Богородица, покровительствующая эфиопам как раз по тому самому «завету милосердия», в честь которого был назван монастырь, считает такое поведение совершенно недопустимым для своих подопечных.

Таиту это знала хорошо, потому что об этом было написано в принадлежавшем ей сборнике «Чудеса Марии и чудеса Иисуса», который в настоящее время хранится в рукописном отделе университетской библиотеки Carolina rediviva в Упсале

[1] Он учился в Турине в Международном институте (Regio Istituto Internazionale), а также в Академии изящных искусств Альбертина (l'accademia Albertina di Belle Arti).

[2] Подробнее о роли архангела Рагуила в судьбе шоанской династии см.: *Caquot A.* L'Homélie en l'honneur de l'archange Raguel (Dersana Ragu'el) // Annales d'Éthiopie, t. II, Paris, 1957.

[3] «Завет милосердия» — эфиопский церковный праздник в честь торжественного обещания («завета»), данного Иисусом Христом Деве Марии миловать всякого грешника, почитающего ее. Подробнее об этом празднике см.: *Cerulli E.* La festa etiopica del Patto de Misericordia e le sue fonti nel greco 'Liber Transitu' e nel racconto latino dei Cinque Dolori di Maria // Silloge Byzantina in onore de Silvio G. Mercati, Roma, 1957, p. 53–71.

© С.Б. Чернецов, 2004

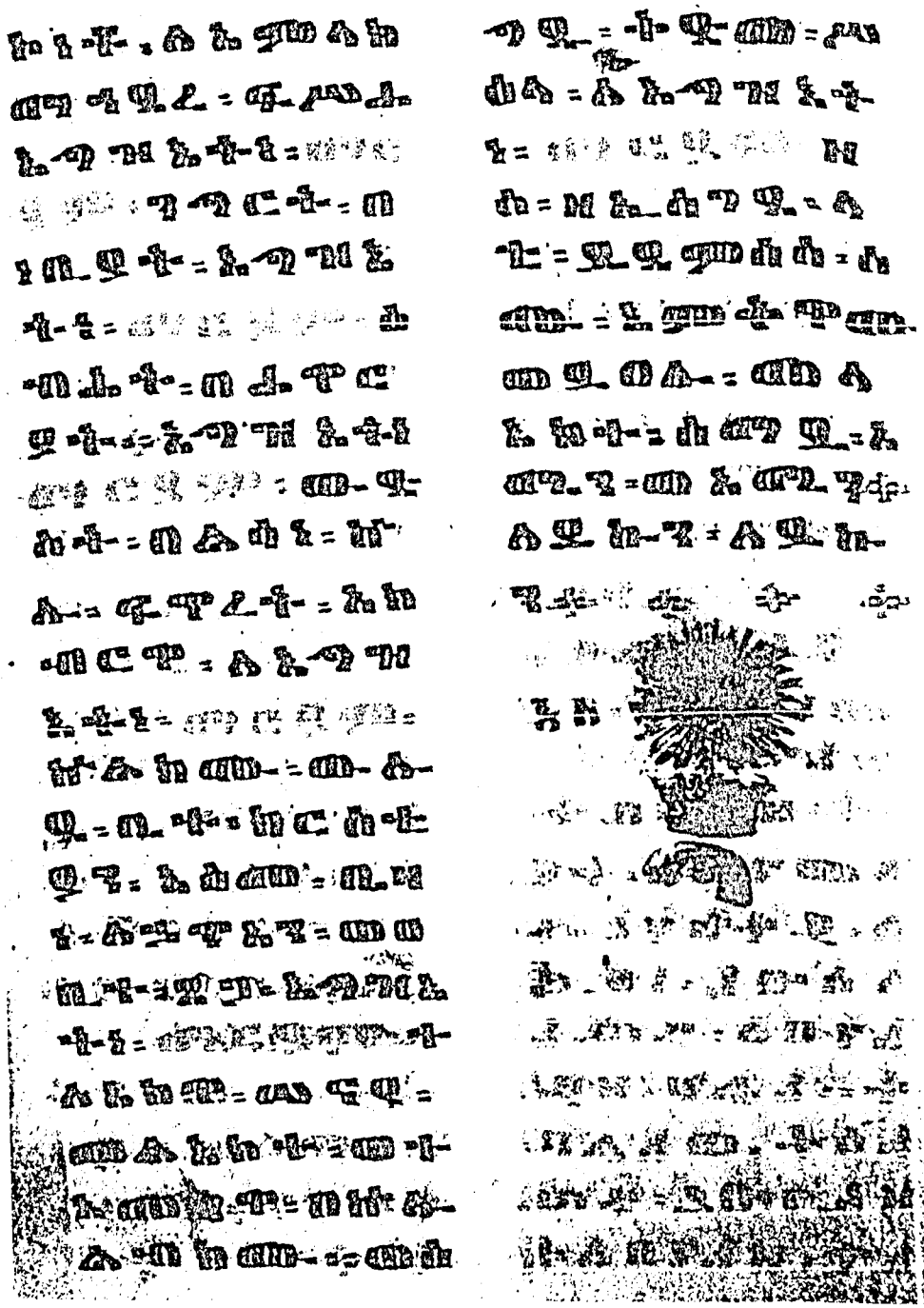


Рис. 1. Печать императрицы Таиту на л. 9v рукописи O Etiop. 15
из собрания библиотеки Carolina rediviva в Упсале (Швеция)

(Швеция) за номером O Etiop. 15 и в котором на f. 9v имеется оттиск печати Таиту[4], рядом с которым написан инициал имени хранителя ее печати: አስ, т.е. (አስጢፋኖስ) — Эстифанос[5]. Одно из этих «чудес», записанное на f. 52r–53r, имеет прямое отношение к нашему сюжету: ስምዑ : አኃውየ : ዘገብረት: እግዝእትነ : ማርያም : ኃይለ : ወመንክረ : በኢየሩሳለም : ቅድስት : ሀገሩ : ለንጉሥ : ዓቢይ :: ወሀሎ : ሥዕለ : ለእግዝእትነ : ማርያም : በውስተ : ምስጋዶሙ : ለሰብአ : ሮም : ወኩሎሙ : ሰብአ : ግብፅ : ወአፍርንጊ : ወእስክንድርያ : ወሶርያ : ወገላትያ : ይበውኡ : ኀበ : ይእቲ : ሥእል : እንዘ : ኢይፈትሑ : አሜዕነ : እምእገሪሆሙ :: ወእንዘ : ኢቀልዑ : ግልባቤ : እርእሶሙ : ወእሉንተ : ዝጉራን : ርእዮሙ : ሰብአ : ኢትዮጵያ : ጉብሩ : ልማዱ : እኩየ : ከመ : ሰብእ : ግብፅ : ወሮም : እንዘ : ይበውኡ : በአሜእን : ኀበ : ይእቲ : ሥእል : ወበእንተ : ዝኑቱ : ተግባር : ኃዘነ : ልባ : ለእግዝእትነ : ማርያም : ወተናገረቶሙ : ዝሃደ : እምውእቱ : ሥእላ : ለነጋድያነ : ኢትዮጵያ : በእፎ : ኣሥረዕክሙ : ምግባሩ : እኩየ : ወመሪረ : ትምሕርት : ከመ : ልማዶሙ : ለሰብአ : ግብፅ : ተሥኢክሙ : አሜእነ : ዘትበውዑ : ኀበ : ሥእልየ : እንዘ : አነ : እብለክሙ : አሥራተ : ኪዳንየ : ወመክፈልተ : ርስትየ : ዘሀበኒ : ኪያክሙ : ወልድየ : እንዘ : ይብል : ናሁ : ወሀብኩኪ : ሰብአ : ኢትዮጵያ : ይግበሩ : ተገኅረኪ : ወይኩኑ : ለኪ : ደቂቀ : ወእግብርተ :: ወዘንተ : ብሂላ : ገሠጸቶሙ : እምቃለ : ሥእላ : ለሰብአ : ኢትዮጵያ : ወእምይእቲ : ዕለት : ኃደጉ : ግዕዞሙ : ለሰብአ : ግብፅ :: ወኢይበውዑ : ኀበ : ሥእል : በአሜዕን : ዘበእግረ : ትዕቢት : ወሀለወት : ይእቲ : ሥዕል : በኢየሩሳለም : ውስተ : መካነ : ምስጋዶሙ : ለሰብአ : ሮም :: ወእልቦ : ዘይበውዕ : እምይእቲ : ዕለት : በአሜዕን : እምሰብአ : ግብፅ : ወሮም : ወእስክንድርያ : ኀበ : ሀሎ : ሥዕለ : እግዝእትነ : ማርያም : ወላዲተ : አምላክ ::[6] «Послушайте, братья мои, какое сотворила Владычица наша Мария диво и чудо в Иерусалиме, святом граде царя великого. Был образ Владычицы нашей Марии во храме людей Римских, и все люди Египта, и [страны] франков, и Александрии, и Сирии, и Галатии подходили к этому образу, не снимая обуви с ног своих и не снимая покрова с голов своих. И видя этих надменных, взяли люди Эфиопские дурной обычай подходить, подобно людям Египта и Рима, в обуви к этому образу. И потому опечалилось сердце Владычицы нашей Марии, и возвестила она явно от этого образа своего паломникам Эфиопским: «Как же восприняли вы дело дурное и пример горький, подобный обычаю людей Египта, подходить в обуви к образу моему, когда я называю вас десятиною завета моего и частью удела моего; вас дал мне Сын мой, сказав: „Вот дал я тебе людей Эфиопских, чтобы творили они память твою и были тебе чадами и слугами“». И говоря это, наставляла она словами от образа своего людей Эфиопии, и с того дня оставили они обычай людей Египетских и не подходили к этому образу в обуви на ногах превозношения. И пребывал этот образ в Иерусалиме во храме людей Римских, и никто не входил с того дня в обуви из людей

[4] Это довольно любопытная печать, которая появилась у Таиту после того, как она стала супругой Менелика II. На печати изображено солнце (имя «Таиту» буквально означает «солнце»), сияющее над облачком рассеивающегося тумана, а внизу изображена литера ጣ — инициал Таиту. Эта печать, по-видимому, была сделана вскоре после свадьбы, которая состоялась на пасху 1883 г. Перед этим Менелик развелся со своей первой женой Бафеной, и при дворе шутили, что «солнце рассеяло туман», обыгрывая значение имени Таиту («солнце») и сходство слов Бафена и «дафена» — «туман» (*Prouty C.* Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia 1883–1910. The Red Sea Press, 1986, p. 24). Видимо, Таиту понравилась эта шутка, и она велела сделать себе такую печать.

[5] Этот Эстифанос был тогда всего лишь церковным старостой, но близость к императрице весьма помогла его дальнейшему продвижению по службе: скоро он был сделан главой придворного духовенства, в 1907 г. стал заместителем министра юстиции, а в 1908 г. — министром юстиции и занимал этот пост до самой смерти императора Менелика II в 1913 г.

[6] Текст приводится с сохранением орфографии оригинала.

Египта, и Рима, и Александрии туда, где находился образ Владычицы нашей Марии-Богородицы»[7].

Это «чудо» не только было известно Таиту, но и явно привлекло к себе особое ее внимание, что видно из того обстоятельства, что в сборнике, принадлежавшем Таиту, оно содержится в отдельной, позднее вшитой тетради (ff. 51–56), взятой из другого богородичного сборника, переписанного другим писцом для другого заказчика — неким Вальда Марьямом для «наставника нашего» Вальда Габриэля[8]. Безусловно, императрица не без причины велела вплести тетрадь с этим «чудом» в свой сборник. Она не только близко к сердцу принимала проблемы эфиопского подворья в Иерусалиме (начиная с отстаивания эфиопских прав на Дейр ас-Султан от притязаний коптов и кончая разбирательством распрей среди самих эфиопских святогробцев), но и прямо ведала, по выражению американской исследовательницы Крис Праути, делами «Департамента иерусалимских дел»[9]. Поэтому происшествие с образом Богоматери в иерусалимском «храме людей Римских», излагаемое в этом «чуде», вполне соответствовало ее убеждению, что в Иерусалиме эфиопы сталкиваются с явным недоброжелательством со стороны «людей Римских, и людей Египта, и [страны] франков, и Александрии, и Сирии, и Галатии». Те покушения на эфиопскую территорию и независимость со стороны Египта и Италии, которым она сама была свидетелем во времена двух предшествовавших эфиопских императоров — Теодроса (1855–1867) и Йоханнеса IV (1867–1889), также наводили Таиту на мысль о том, что эти «враги Марии» (как эфиопский царь Зара Якоб (1434–1468) называл недостаточно, по его мнению, почитавших Богородицу) являются и врагами Эфиопии, а эфиопы, подражающие им, просто предают свою родину. Соответственной была и реакция Таиту на проступок Афеворка: она запретила ему доступ к своему двору, а когда он спросил ее о причинах этого, Таиту прокляла его, сказав: «Чтоб тебя повесили!»[10]. Императрица не шутила, и Афеворк понял, что ему нечего ждать для себя при дворе, пока жива Таиту.

Однако императрица отнюдь не ошиблась в своей оценке Афеворка, как показали дальнейшие события. Менелик II, желая как-то сгладить конфликт, отослал Афеворка на учебу в Швейцарию вместе с двумя другими эфиопскими юношами: своим двоюродным братом Гугсой Дарге (1876–1921) и Кетау Заамануэлем, сыном дворецкого императрицы. Юноши были помещены в интернат в Невшателе, но скоро оказались замешанными в весьма неприглядную историю. В декабре 1895 г. они бежали в Италию, и европейские газеты долго обсуждали это таинственное исчезновение. Все это выглядело гораздо серьезнее, нежели простое юношеское легкомыслие. В 1893 г. Эфиопия денонсировала договор с Италией, который последняя была склонна трактовать как признание Эфиопией итальянского протектората, и дело шло явно к войне. В принципе Гугса мог считаться потенциальным претендентом на эфиопский престол, поэтому в Италии всех троих тут же переправили в Неаполь, погрузили на итальян-

[7] Uppsala universitetsbibliotek. Handskrifts- och musikavdelningen, No. O Etiop. 15, ff. 52r–53r. С этим сборником я смог познакомиться благодаря поддержке Шведского института (Svenska Institutet), оказанной осенью 2002 г. в рамках проекта Visby Programme.

[8] *Löfgren O.* Katalog über die äthiopischen Handschriften in der Universitätsbibliothek Uppsala // Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis. Uppsala, 1974, p. 103–105.

[9] *Prouty C.* Op. cit., p. 250–251.

[10] *Prouty C.* Op. cit., p. 346, note.

ское судно «Босфоро» и доставили в Эритрею в лагерь генерала Оресто Баратьери (1841–1901), уже начавшего свое наступление на Эфиопию. На месте они сразу поняли, что малочисленный итальянский корпус сильно рискует, и потребовали немедленно вернуть их в Италию. Баратьери, которому было не до беглых студентов, не стал возражать, и перед самым сражением при Адуа, трагическим для итальянцев, они сели в Массауа на судно «Этна», куда скоро погрузили и первых итальянских раненых[11]. Всю войну 1895–1896 гг. молодые люди провели в Италии, а потом долгое время опасались возвращаться на родину, хотя в 1900 г. итальянцы предложили Гугсе Дарге и Кетау Заамануэлю репатриировать их за свой счет. В конце концов Кетау Заамануэль умер в 1902 г. и был похоронен в Риме, а Гугса впоследствии (уже в 1921 г.) все же решился вернуться, но дорогою умер на Красном море.

Судьба Афеворка сложилась счастливее. Он учился в Международном коллеже в Турине, а в 1902 г. получил место помощника у профессора Франческо Галлина (1861–1942) в Istituto Orientale в Неаполе. И в личной жизни Афеворк оказался тесно связанным с Италией, потому что он развелся со своей первой женой, эфиопской дочерью Альфреда Ильга (1854–1916), швейцарского инженера, бывшего в течение 30 лет (1879–1907) советником Менелика II, и обручился с итальянкой Евгенией Росси. Разрешение на этот брак было дано самим королем Виктором Эммануилом III (1869–1947) в 1904 г. Начались годы активной научной и литературной деятельности Афеворка в Италии. Он написал грамматику амхарского языка (по-итальянски)[12], путеводитель для иностранцев по Абиссинии (по-французски и по-амхарски)[13], историю Менелика II (по-амхарски)[14], грамматическое исследование амхарского глагола (по-итальянски)[15] и первый роман в истории амхарской литературы[16]. То, что Афеворк, написав свой роман «История, рожденная сердцем» (впоследствии названный по именам его главных героев — «Вахид и Тобья»), создал первое произведение амхарской беллетристики, — факт. Однако то, что создано оно было под воздействием прежде всего внешних обстоятельств, а не эфиопской литературной традиции, ибо ее еще не было, — тоже факт. Итальянские студенты, которых Афеворк учил амхарскому языку, нуждались в письменном пособии, и Афеворк создал необходимый текст с таким литературным вкусом и талантом, что ценители до сих пор восхищаются его амхарским языком, хотя порою и жалуются на его необычную сложность и изысканность[17]. Как Афеворку пришла в голову мысль создать в качестве пособия именно роман, т.е. произведение беллетристического жанра, отсутствовавшего в эфиопской литературе, доподлинно не известно. Можно только предположить, что, прибыв в Италию, он, гордый древностью своей родины, стал искать письменные подтверждения этому в итальянских библиотеках, где «Эфиопика» Гелиодора из Эмесы должна была привлечь его внимание уже одним своим названием. Велико должно было быть его разочарование, когда он обнаружил, что это отнюдь не историческое произведение (ታሪክ), а вымысел, однако вымысел литера-

[11] *Rouaud A.* Afä-Wärq. Un intellectuel éthiopien, témoin de son temps, 1868–1947. Paris, 1991, p. 99–116.
[12] *Afevork G.J.* Grammatica della lingua amarica. Roma, 1905.
[13] *Afevork G.J.* Guide du voyageur en Abyssinie. Rome, 1908.
[14] *Afevork (Afawarq) G.J.* Dagmawi Menilek (с предисловием F. Gallina). Roma, 1909.
[15] *Afavork G.J.* Il verbo amarico. Roma, 1911.
[16] *Afavork G.J.* Lebb wallad tarik. Roma, 1900–1908.
[17] *Wright S.* Amharic Literature // Something (1963), No. 1, n.d., p. 11–23.

турный, т.е. не недостойная ложь, а почтенное литературное произведение, для которого, однако, ни в амхарском языке, ни в геэзе, древнем эфиопском языке литургии и литературы, нет даже названия. Впрочем, в геэзской богословской фразеологии было одно выражение, обозначающее почтенную традицию, которая, однако, документально доказана быть не может. Это — «порождение сердца» (ልብ : ወለድ), и именно на нее ссылались 18 ноября 1684 г. сторонники христологической доктрины «помазания» на церковном соборе: «Мы веруем верою, установленной на соборах во времена государя Алам Сагада и государя Аэлаф Сагада, хорошая она или дурная, правая или неправая, порождение ли она сердца [человеческого] и основана на словах [человеческих] или изошла от корня Святого Писания. И не уклоняемся мы от нее ни вправо, ни влево, ибо установили нам ее прежние отцы наши»[18]. Видимо, увлекательный вымысел этого эллинистического романа захватил Афеворка и побудил написать нечто вроде подражания «Эфиопике», на что может указывать и имя главной героини — Тобья, являющееся простонародным вариантом имени «Эфиопия». Однако, не желая вводить в заблуждение своих эфиопских читателей, Афеворк уже самим названием своего романа решил сразу предупредить, что это вымысел, т.е. «История, рожденная сердцем». Впрочем, не следует вкладывать романтического смысла в это красивое название: в семитском фольклоре (в отличие от славяно-германского) сердце считается вместилищем отнюдь не чувства, а разума, и точным переводом заглавия романа Афеворка было бы «придуманная история» или «вымышленная история». Именно поэтому название это впоследствии превратилось в амхарском языке в обозначение самого беллетристического жанра, а произведение Афеворка стали называть по именам его главных героев: «Вахид и Тобья» или просто «Тобья». Так подражание «Эфиопике» Гелиодора получило почти такое же название и в самой Эфиопии.

Весьма интересен также и «Путеводитель» Афеворка, составленный в форме диалога между европейским путешественником и эфиопом, получившим образование за границей и мыслящим весьма прогрессивно. В результате вырисовывается мрачная картина отсталой феодальной страны, где таким прогрессистам приходится нелегко. Не забыл здесь Афеворк и свой конфликт с Таиту по поводу обуви. Его эфиопский рассказчик объясняет иностранцу, что эфиопы не носят обуви не по привычке, а из-за того, что в этих условиях это практически невозможно, ведь ее нельзя надевать, «когда идешь в церковь или ко двору, где строго запрещено носить обувь, и это считается грехом». Это дает повод иностранцу вволю поиздеваться над подобными обычаями и взглядами. Для самого же Афеворка получалось так, что в родной стране ему, желавшему скорых и решительных перемен, надеяться было не на кого. Поэтому вольно или невольно, но его взоры обращались к любимой им Италии, где он видел столько нового, разумного и привлекательного. Как писал Альбер Жерар, «трагедия Афеворка была одной из первых трагедий интеллектуальной аккультурации в Африке. Человек в высшей степени одаренный, как это понял еще Менелик, он основательно проникся западным образом жизни и ценностями за время своего долгого пребывания в Италии... Он понимал, что существуют два главных препятствия для того, чтобы Эфиопия развилась в современную страну, способную выстоять

[18] Эфиопские хроники XVII–XVIII веков. Введение и заключение, перевод с эфиопского и комментарии С.Б. Чернецова. М., 1991, с. 84.

в XX в. Одним из них была все еще существовавшая феодальная система, способствовавшая постоянным беспорядкам из-за феодальных усобиц и безжалостной эксплуатации простого народа. Другим была косность неграмотного народа, руководимого священством, которое было невежественным, продажным и суеверным и успешно противостояло всем попыткам технического и научного прогресса. Для него, как и для многих образованных африканцев его поколения, идеальным государством было то европейское государство, которое он знал лучше, в данном случае — Италия. В своей биографии Менелика он преуспел в том, что один итальянский критик назвал совершенным равновесием между его эфиопским патриотизмом и его любовью к Италии»[19].

Можно, конечно, называть это совершенным равновесием, но можно — и своеобразным «двойным подданством», подобным тому, какое наблюдалось и у эфиопских учеников европейских миссионеров. Только там любовь делилась между родной страной и чужой верой, а здесь — между Эфиопией и чужим государством. Афеворка тянуло на родину, и в 1912 г. он уехал из Европы, но не в Эфиопию, а в Эритрею, потому что Таиту была жива и в эфиопское государство путь ему был заказан. И в сущности, поделом. При явном стремлении Италии колонизировать Эфиопию любые проитальянские симпатии со стороны эфиопа в самой Эфиопии могли восприниматься только однозначно — как измена родине. Строго говоря, по отношению к Афеворку для этого были все основания. Он не переменился в своих пристрастиях к Италии и после итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. Когда впоследствии эфиопский придворный поэт Гебре Эгзиабхер Гилай (1860–1914)[20] написал страстную антиитальянскую поэму по случаю Триполитанской войны между Италией и Турцией, Афеворк уже из Эритреи ответил ему памфлетом в стихах, подписанным «гражданин Асмары», где восхвалял цивилизаторскую миссию Италии в Ливии[21]. Крис Праути отозвалась об этом периоде жизни Афеворка лаконично и бескомпромиссно: «Он написал, помимо всего прочего, биографию Менелика и Таиту, образчик хвалы и лести, надеясь, что это поможет ему вернуться. Не вышло. Со своей итальянской женой он приехал жить в Эритрею, где в 1914 г. писал поэмы, восхваляющие Лиджа Иясу, а когда Иясу был низложен, писал поэмы, ругающие его и восхваляющие Заудиту и Тэфэри Маконнена...»[22]. Любопытно, что именно как беспардонную лесть оценил историю Менелика, написанную Афеворком, современный эфиоп, Ахаду Сабурэ, в своем дневнике, который он писал в тюрьме, куда был брошен революционными властями[23]. Положение Афеворка было, в сущности, не только трагичным, но и жалким. В 1922 г. Хайле Селассие I (тогда еще не император, а только регент и наследник престола Тэфэри Маконнен) разрешил Афеворку вернуться в Аддис-Абебу и дал достаточно высокую должность начальника таможни на железнодорожной

[19] *Gerard A.* Four African Literatures. Berkeley, 1971, p. 281–282.

[20] Подробнее о нем см.: *Taddia I.* Un intellettuale tigrino nell'Etiopia di Menelik: Blatta Gäbrä Egzi'abbeher Gilay (1860–1914) // Universitá degli Studi di Cagiari. Pubblicazioni della Facoltá di scienze politiche. Milano, 1990.

[21] Ibid., p. 280.

[22] *Prouty C.* Op. cit., p. 346, footnote.

[23] *Kane T.L.* History of Menelik II of Afeworq Gebre-Yesus — An Ethiopian Evaluation // Orbis Aethiopicus. Studia in honorem Stanislaus Chojnacki natali septuagesimo quinto dicata, septuagesimo septimo oblata. Albstadt, 1992, p. 89–95.

станции в Дире-Дауа с титулом нэгадраса (ነጋድራስ), в 1925 г. назначил председателем специального суда, учрежденного для разбора тяжб, возникавших между эфиопами и иностранцами, с титулом афа-негуса (አፈ : ንጉሥ), что означает «уста царя». Афеворк с его европейским опытом действительно оказался настолько полезен, что в 1930 г. Хайле Селассие I, теперь уже император, назначил его послом в Италию. Впоследствии, однако, после итальянской агрессии 1936 г. и оккупации Эфиопии Афеворк запятнал себя сотрудничеством с оккупантами, от которых он получил специально придуманный ими для Афеворка титул афа-кесаря (አፈ : ቄሣር), т.е. «уста цезаря» (вероятно, взамен прежнего титула афа-негуса), и ему была поручена пропаганда итальянской «цивилизаторской миссии» в Эфиопии в оккупационном официозе «Вестник правительства цесаря» (የቄሣር : መንግሥት : መልክተኛ). После освобождения страны в 1941 г. Афеворка судили как коллаборациониста и приговорили к смертной казни, которую, однако, Хайле Селассие I заменил пожизненной ссылкой в Джимму, где он находился под домашним арестом, пока не ослеп и не умер 26 сентября 1946 г. Все это, однако, не должно заслонять того факта, что именно Афеворк не только создал, но и напечатал в 1908 г. (правда, за границей, в Риме) первый амхарский роман. Его история Менелика II тоже не прошла бесследно в свое время и вызвала ответный памфлет Гебре Хейвота Байкеданя «Государь Менелик и Эфиопия», напечатанный в 1912 г. в Асмаре в типографии шведской протестантской миссии[24]. Афеворк же дал стихотворный ответ на неопубликованную поэму Гебре Эгзиабхера Гилая. Другими словами, он стоял у истоков не только амхарской литературы, но и критики, и литературной полемики — заслуга, навсегда вписавшая его имя в историю эфиопской литературы и книжной культуры. Это было имя, данное ему при рождении, — Афеворк (አፈ : ወርቅ), т.е. Златоуст, заставляющее забывать, что в бурной жизни своей он бывал и «устами царя», и «устами цезаря». В своей «Истории Менелика II» Афеворк написал, что имена людям дают ангелы. Похоже, что в его собственном случае это небесспорное положение оправдалось вполне.

[24] Gebre Heywet Baykedagn. Atse Menelek-na Ityopya. Asmara, 1912.

Список сокращений

АНМ	— Аденский национальный музей
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГОДРМ	— Генеральная организация древностей, рукописей и музеев. Сана
ЛГ	— Литературная газета. М.
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
ПС	— Палестинский сборник. Л., М.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
СНМ	— Саиский национальный музей
СОЙКЭ	— Советско-Йеменская комплексная экспедиция
СЭ	— Советская этнография. М.
ЯАА	— Языки Азии и Африки. М.
AAE	— Arabian Archaeology and Epigraphy. Copenhagen
ABADY	— Archäologische Berichte aus dem Jemen. Mainz am Rein
AFSM	— The American Foundation for the Study of Man
AION	— Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Napoli
AJN	— American Journal of Numismatic. New York
AnSt	— Anatolian Studies. London
BASOR	— Bulletin of the American Society of Oriental Research. New York–Beyruth
Biella	— Biella J.C. *Dictionary of Old South Arabic. Sabaean Dialect.* Chico, CA, 1982
BK	— Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français.* T. 1–2. Paris, 1860
BM	— Bagdader Mitteilungen. Berlin
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
CIH	— южноаравийские надписи, опубликованные в Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta. Inscriptiones ḥimyariticas et sabaeas continens. Tomus 1, 2, 3. Paris
CRAIBL	— Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. Paris
EI^2	— The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden–London
INJ	— Israel Numismatic Journal. Jerusalem
IsIAO	— Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Roma
IsMEO	— Istituto Italiano per il Medio e Estemo Oriente. Roma
JNES	— Journal of Near Eastern Studies. London
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society. London
NC	— Numismatic Chronicle. London
OrSuec	— Orientalia Suecana. Roma
PSAS	— Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London
RANL	— Rendiconti dell'Academia Nazionale dei Lincei. Roma
RES	— южноаравийские надписи, опубликованные в Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Nos V, VI–VIII. Paris
RSO	— Rivista degli Studi Orientali. Roma
SD	— Beeston A.F.L., Ghul M., Müller W.W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary.* Beyrouth, 1982

Содержание

Предисловие (*Г.М. Бонгард-Левин, А.В. Седов*) 3

Стеблин-Каменский И.М. (*Санкт-Петербург*)
Михаил, сын Бориса 5

Библиография основных научных публикаций
члена-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского 16

Абдалла Ю.М. (*Санаа*), *Седов А.В.* (*Москва*)
Монетный чекан раннего Катабана: клад из ас-Сурайры 33

Французов С.А. (*Санкт-Петербург*)
Приложение. Ономастический комментарий 46
Каталог 48

Амирханов Х.А. (*Москва*)
Кана' — поселение древних рыболовов на побережье Аденского залива 84

Antonini S. (*Naples/Ṣan'ā'*)
New South Arabian amulets 96

Avanzini A. (*Pisa*)
The Qatabānic inscription in the museum of Seyūn 102

Белова А.Г. (*Москва*)
«Формула вечности» (к вопросу об интерпретации надписи из Карйат ал-Фау)..... 112

Bron F. (*Paris*)
Nouvelles inscriptions sudarabiques sur bronze 118

Бруннер У. (*Цюрих*)
Южноаравийская гидравлическая цивилизация 127

Buffa V. (*Rome*)
Five female figurines from Southwest Arabia and the Horn of Africa 146

Виноградов Ю.А. (*Санкт-Петербург*)
Керамические находки из раскопок храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте 151

Costa P.M. (*Rome*)
Patterns of urban settlement and building features in South Arabia
in the light of the available written sources and the results of recent field work 165

Daum W. (*Kuweit*)
On both sides of the Red Sea: an approach to ancient Yemeni religion 180

Dostal W. (*Wien*)
Al-Sa'īdah: Bemerkungen über eine Heilige aus dem Süden des Jemen 188

Gajda I. (*Paris*)
Une nouvelle inscription juive de Ẓafar 197

Garbini G. (*Rome*)
The origins of South Arabians 203

Gerlach I., Hitgen H. (*Ṣan'ā'/Berlin*)
The Sabaean town of Sirwâh: an introduction into the latest research project of the DAI, Orient-Department 210

Глацман У. (*Калгари*)
Керамический комплекс периода возникновения южноаравийских царств 221

de Maigret A. (*Naples/Ṣan'ā'*)
New stratigraphical data for the ancient chronology of Tamna' 242

Наумкин В.В., Порхомовский В.Я. (*Москва*)
Системы терминов родства на Сокотре и в Махре 257

Nebes N. (*Friedrich-Schiller-Universität Jena*)
Ein Feldzugsbericht des Šā'irum 'Awtar in einer neuen Widmungsinschrift aus dem Bar'ān-Tempel 273

Робен Кр.Ж. (*Париж*)
Династия Абйкариба Ас'ада 289

Родионов М.А. (*Санкт-Петербург*)
Спор красавиц: касыда из Тарима 315

Французов С.А. (*Санкт-Петербург*)
Обожествление людей в древней Южной Аравии 320

Чернецов С.Б. (*Санкт-Петербург*)
Литературные источники гнева императрицы Таиту, обрушившегося на Афеворка Гебре Иясуса в 1894 г., и его последствия 333

Список сокращений 341

Научное издание

Scripta Yemenica

Исследования по Южной Аравии

Сборник научных статей
в честь 60-летия М.Б. Пиотровского

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *В.В. Волгина*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Н.Н. Щигорева*
Компьютерная верстка *Е.В. Катышева*

Подписано к печати 29.10.04
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 28,0. Усл. кр.-отт. 29,2. Уч.-изд. л. 29,1
Тираж 800 экз. Изд. № 8153. Зак. № 11028

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6